

91220
M12

Р. М. МАГОМЕДОВ

ИЗ ФОНДА РЕДКОЙ И СТАРОЙ
КНИГ

**ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ
ДАГЕСТАНА
В XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ**

МАХАЧКАЛА . 1957

ИЗ ФОНДА РЕДКОЙ И СТАРОЙ
КНИГ
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ С. И. ТАЛИ

91220
M12

Р. М. МАГОМЕДОВ

**ОБЩЕСТВЕННО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ
ДАГЕСТАНА
В XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ**

X
~~3259~~
31769 16144 "a"

Дагестанский филиал
Академии наук
Научная библиотека

ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1957

Р. М. Магомедов.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ
ДАГЕСТАНА В XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ.

Редактор *Л. П. Зеленин.* Техн. редактор *А. Семендуев.*
Корректор *Н. Лазарева.*

Сдано в набор 27/IV-1957 г. Подписано к печати 31-VIII-1957 г.
Формат 60x92¹/₁₆. Объем. Печ. л. 25,5. Бум. лист. 12,75. Уч.-изд. л. 26,73.
Тираж 2000, СО2896. Цена 6 р. 15 к. Переплет 1 р.

Дагестанское книжное издательство Министерства культуры ДАССР
г. Махачкала, ул. Маркова, 55. Заказ № 3400.

*

Типография имени 11 августа 1918 года, Грозный, проспект имени Сталина, 30/3.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика многонациональна. До революции народы Дагестана жили в условиях жестокого национального гнета и политического бесправия. На протяжении многих веков они находились под гнетом иноземных захватчиков. В старом Дагестане процветала рознь и вражда между опутанными темнотой и суевериями, задавленными нуждой разноязычными народностями и этническими группами.

Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда освободила народы Дагестана от феодально-капиталистического гнета, политического и национального бесправия. Все народы Советского Союза, даже самые небольшие, получили возможность национального развития по пути социалистического строительства. В очень короткий исторический срок под руководством Коммунистической партии и при братской помощи русского народа они добились выдающихся успехов в экономическом, культурном и государственном строительстве.

Советский Дагестан является ярким примером блестящего претворения в жизнь национальной политики Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства.

XV съезд КПСС указал, что социализм не устраняет национальных различий и особенностей, а наоборот, обеспечивает всестороннее развитие и расцвет экономики и культуры всех национальностей и народностей. Этим великим процессом всестороннего развития охвачены и все народности Дагестана.

Возрожденные Великой Октябрьской социалистической революцией, народы Дагестана, вместе со всеми народами СССР, активно участвуя в строительстве коммунизма, живо интересуются своей историей. Они хотят знать, как в дореволюционном Дагестане жили люди и как боролись они со своими угнетателями и врагами, чтобы по достоинству оценить свою настоящую счастливую жизнь.

Советская власть раскрыла широкие перспективы и дала богатейшие возможности для глубокого и всестороннего научного изучения исторического прошлого всех без исключения ранее отсталых малых народностей нашей страны. Раскрыты эти перспективы и перед народами Дагестана.

Предлагаемая работа ставит своей целью помочь в реализации этой возможности. В работе разбирается общественно-экономический и политический строй пяти возрожденных Советской властью народов Дагестана: аваров, даргин, кумыков, лаков, кайтагов, как этот строй сложился в XVIII — начале XIX веков. В жизни Дагестана период XVIII и начало XIX веков был периодом больших социальных и политических изменений, периодом жестких междоусобиц, периодом, когда до предела были обострены классовые противоречия внутри дагестанских ханств.

К этому времени многочисленны так называемые вольные общества Дагестана фактически попадали под сильное влияние крупных феодальных владетелей и теряли свою самостоятельность.

В конце XVIII в. началось проникновение царизма на Кавказ, послужившее одной из причин возникновения Кавказской войны и началом борьбы горцев Северного Кавказа. После окончания Кавказской войны в Дагестане экономические и политические отношения претерпели существенные изменения. В отношениях, сложившихся в Дагестане в XIX веке под влиянием Кавказской войны и проникновения русского капитализма, не было уже многих черт, характерных для XVIII века. Поэтому очень важно выяснить, что из себя представлял Дагестан накануне Кавказской войны и как шло общественно-экономическое и политическое развитие дагестанских народов в этот период.

В изучаемый период мы сталкиваемся в Дагестане с конкретным историческим процессом в развитии горских народов. Территорию, населенную ими, по уровню исторического развития можно подразделить: а) на районы, где развитие феодальных отношений привело к образованию ханств; б) на районы, где феодальные отношения развивались, но не господствовали; в) и на районы, где наблюдался интенсивный процесс распада патриархально-общинных отношений.

Пестрота общественно-экономического развития Дагестана имеет большое значение для исследователей, желающих подробно проследить процесс разложения отдельных стадий дофеодального общества, возникновения и первоначального развития феодальной формации и различных форм порабощения.

Разработка вопроса об общественно-экономическом и политическом строе отдельно по народностям Дагестана является новым делом в советской историографии. Кумыки занимали вдоль Каспия равнинные земли, главная масса кайтагов располагалась в предгорье и частью на равнине, даргинцы занимали среднюю часть Дагестана, а аварцы и лакцы находились в центральном и высокогорном Дагестане. Социально-экономические и политические отношения у этих пяти народностей отличались друг от друга. Выбрав четыре типичных, на наш взгляд, части страны, мы, в противовес упрощенному представлению об однородности общественного строя Дагестана, наряду с общими моментами, показали своеобразие в историческом развитии каждой из указанных народностей.

При изучении общественно-экономических отношений мы уделили большое внимание вопросам надстройки и классовой борьбы в Дагестане. Вопрос о классовой борьбе в Дагестане еще недостаточно изучен. В дополнение к имеющемуся материалу нам удалось выявить еще около двадцати случаев выступлений крестьян против дагестанских феодалов.

В работе использованы новые источники, собранные преимущественно в экспедиционных поездках, впервые выдвинуто в порядке постановки большое количество вопросов по истории Дагестана и по некоторым из них сделаны выводы.

Мы далеки от того, чтобы считать свои выводы окончательными. В работе сделана лишь первая попытка, насколько это позволили разрозненные источники и литература, как можно полнее раскрыть важнейшие особенности общественно-экономического и политического строя Дагестана и исторические предпосылки присоединения Дагестана к России.

Р. М. Магомедов.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОЧНИКИ И НАУЧНАЯ РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ

Перед исследователем, занимающимся изучением мало освещенных разделов истории нашей Родины, в частности истории Дагестана, прежде всего, встает вопрос, где добыть те источники, которые должны помочь ему в разработке поставленных жизнью научных проблем. Автору этих строк при изучении общественно-экономической и политической истории народов Дагестана в XVIII и начале XIX веков также пришлось столкнуться с этим вопросом. Опыт показал, что для того, чтобы разобраться в особенностях исторического развития Дагестана необходимо привлечь не только материалы центральных архивов, но и местные источники.

Но откуда взять эти местные источники и материалы в стране, где до Великой Октябрьской социалистической революции не имелось родной письменности, а архивы дагестанских ханов, переписка в которых велась на арабском языке, не сохранились? При таком положении оставалось одно — терпеливо искать разрозненные, находящиеся у частных лиц документы старины, и записывать у стариков исторические рассказы, легенды и предания. Мысль эта была подана в письме Алексея Максимовича Горького народному поэту Дагестана Сулейману Стальскому.

В ответ на просьбу ашуга помочь Дагестану присылкой опытных русских писателей для составления книги о Стране гор, Горький писал: «Вероятно, в Дагестане сохранились в памяти старых людей, бывших бойцов, боевые песни, рассказы, легенды — вот что и должно быть основой истории вашего края. Наверное у вас есть хорошо грамотная молодежь, — сделайте так, чтобы она нашла документы по истории своей родины и рассказала о ней всем людям Союза Советских Социалистических Республик. Хорошее дело будет»¹.

¹ Сулейман Стальский. Сборник материалов и документов. Составил и комментировал В. Кашеев. Махачкала. 1939, стр. 59.

Письмо А. М. Горького явилось для всей интеллигенции Дагестана, в том числе и для автора этих строк, призывом к собиранию и накоплению исторического материала. Эта работа, начатая в 1936 году, была прервана в период Великой Отечественной войны, в связи с уходом автора в Советскую Армию, и возобновлена после окончания войны.

В Дагестане много языков и наречий. Много таких особенностей, которые вызывают необходимость изучать отдельно общественный строй, культуру, быт и язык аваров, отдельно общественно-экономические отношения, культуру и быт кумыков, даргин, лаков и других народов Дагестана. Часто отдельный аул имеет свои особенности, отличающие его от соседних, и приходится изучать экономику и культуру не всего района в целом, а каждого аула в отдельности. Ясно, что один научный работник, без помощи сельской интеллигенции, выполнить это не смог бы, или в лучшем случае, на проведение исследований по тем или иным вопросам потребовались бы долгие годы. Поэтому к своей работе мы привлекли также сельских учителей, научных работников и отдельных районных партийных и советских работников. Большую помощь в моей работе оказали М. С. Саидов, М. Гайдарбеков и З. Алиханов. По разработанному вопроснику и после соответствующего инструктажа люди на местах записывали рассказы о своем ауле и все, что можно было зафиксировать сегодня о прошлом времени.

Собранные материалы мы кропотливо сопоставляли с архивными и всякими другими источниками. Только такое медленное накопление фактического материала и комплексное изучение источников дало возможность, в конце концов, разобраться в какой-то мере в сложных вопросах социально-политической истории Дагестана.

Рассмотрим те конкретные виды исторических источников, на изучении которых построена эта работа.

В обычной практике к вещественным источникам историки прибегают при изучении древней и средневековой истории и значительно реже — при изучении новой и новейшей истории. Объясняется это тем, что историки имеют возможность пользоваться большим наследием письменных документов. В Дагестане научные работники этой возможности лишены и в лучшем случае могут воспользоваться отдельными случайными документами.

Учитывая это обстоятельство и полагая, что в какой-то мере памятниками материальной культуры можно восполнить показания письменных источников, мы вынуждены были заняться сбором материалов и осмотром остатков старинных сооружений, развалин аулов, крепостей, ханских дворцов, а также ознакомиться с предметами быта и нумизматическим материалом. В результате такой работы удалось собрать довольно ценный материал, часть которого использована при написании настоящей работы.

С первого взгляда может показаться, что современный даге-

станский аул может дать только факты, относящиеся к близкому нам периоду. Это далеко не так. Мы побывали в десятках горных аулов, были в Уркарахе, Кубачах, Харбуке, Согратле, Мегебе, Хунзахе, Генечутле, Ороте, Батлайчи, Тонуси, Сиухе, Кахибе и др. Вот мы заходим в саклю горца, и первое, что бросается в глаза, — стена, увешанная мисками из фарфора, фаянса, меди и глины. Тут же рядом полки с кованой и литой медной посудой. В некоторых саклях имеется очаг-камин с очажной цепью и котлом, а во дворе — помещение для коллективного хлебопечения. Конечно, сами по себе перечисленные предметы быта мало что говорят. Но если учесть, что фарфоровая посуда и закопченные от времени миски и кувшинчики передаются по наследству от отцов и дедов и являются изделиями не местного производства, а куплены или получены в обмен, то этот материал сразу приобретает известный исторический интерес. Для горца вся эта «антика» — ценная вещь. Ему от дедов известно, как она попала в его саклю. Когда слушаешь историю ее, видно, что прежде чем попасть в саклю горца, вещь эта порядочно попутешествовала по Востоку и Закавказью. Тысячи таких «историй вещей» проливают известный свет на прошлый экономический строй народностей Дагестана.

Приведем другой пример, связанный с экономической жизнью народа. Пожалуй, трудно найти такой аул в Дагестане, где нельзя было бы собрать целую коллекцию старинных серебряных монет. Тут встречаются и арабские дирхемы, и восточные, европейские и русские монеты самых различных времен. Этот нумизматический материал проиллюстрировал нам бывшие торговые связи Дагестана с окружающими его странами через Дербент, Северную Кумыкию и на юге через Грузию.

Иллюстрацией прошлой экономической жизни Дагестана являются и бронзовые котлы, встречающиеся в каждой сакле и в старину составлявшие для человека целое богатство. Еще в XVIII веке и даже в XIX веке эти котлы служили в Дагестане деньгами. При обмене по весу и количеству котлов определяли стоимость рогатого скота, шерстяных изделий, зерна и т. д. С другой стороны, наряду с котлами, горцы вели свой денежный счет на номинальные единицы крупного рогатого скота.

Вещи, предметы бытового обихода, помогающие осветить экономический строй в горах, дают материалы и для характеристики культуры Дагестана.

В сакле горца обращает на себя внимание посуда и другие медные изделия. Они с изумительным мастерством украшены разными рисунками и орнаментами. В них вложен труд ремесленника. На улицах дагестанских селений здания украшены искусством замечательных камнерезов. По изяществу и тонкости исполнения их работа не уступает лучшим златокузнецам. Исследователям Дагестана широко известна работа кубачинских мастеров. Но самобытная и древняя художественная культура свой-

ственна была не только кубачинцам, но и горцам Среднего, Западного и Нагорного Дагестана. Изучение предметов быта приводит нас к выводу, что в одинаковой степени, как и кубачинцы, лаки, авары, кумыки, лезгины занимались медночеканным и меднолитейным производством, занимались художественным ремеслом, гравировкой, насечкой и эмалевой работой.

В печатной литературе нет не только документа, дающего точный перечень ханско-бекоких земель, но даже сведений хотя бы с приблизительными данными об этих землях. Вещественные источники дают известный материал и для выяснения вопросов, связанных с земельной собственностью в Дагестане.

Приведем пример. На летнем пастбище колхоза имени Молотова сел. Тануси сохранились развалины старинных башен под названием «Мулик» и «Орах». Как передают, башни эти были построены аварским ханом, потому что тут находились ханские летние пастбища и пасся его скот.

Считая, что изучение сохранившихся в современности следов старины помогает пониманию народной жизни в прошлом, мы провели значительную работу по историко-этнографическому обследованию ряда народностей Дагестана. Этнографические источники кое-что дали для характеристики и дофеодалных отношений, и для периода феодализма в Дагестане.

Путем к изучению истории Дагестана мы считали не только выяснение способа добывания населением средств к жизни, но и семейного уклада, и формы народного быта.

Известно, что еще в наше время в горах бытуют такие термины, как «бо» (авар.), «хлуреби» (дар.), «канлы» (кум.), «кебин» (кум.), «тухум» (общедаг.), «тлибил» (авар.) «адат» (общедаг.), «маслагат» (общедаг.), «карт» (кум.), «бегулял» (авар.), «баруман» (дар.), «кевха» (лезг.) и другие. Все эти термины связаны еще с первобытно-общинным началом в жизни народов Дагестана. Изучение на основании устных рассказов остатков первобытной терминологии и других пережитков в сочетании с письменными источниками позволило более правильно определить основные черты и особенности общественного строя вольных обществ, показать социальную природу отношений в ханствах и борьбу между различными укладами.

В прямой связи с историей горского крестьянства, т. е. непосредственных производителей материальных благ, находилась история его мировоззрения, суеверий, обрядов и обычаев. Знакомство с земледельческими календарными и свадебными обрядами исследователю дает немаловажный конкретный материал. Когда нам удавалось установить, что, например, в Черкее, Генечутле, Балхаре, Галшимах при выдаче дочери замуж собирався сперва семейный совет, а затем совет тухума и на нем разбирались прежде всего вопросы о том, кем является жених — узденем или лагом, — мы видели в этом факте определенные мотивы социального порядка. В свадебных обрядах, различных почти в

каждом ауле, отразились пережитки доисламских верований, отразились исторические перемены в положении женщины в Дагестане.

Определенный интерес для исследователя истории Дагестана представляют старые обряды, связанные с трудовой деятельностью человека. Таков, например, известный во всем Дагестане весенний праздник выхода плуга (у аварцев он назывался «оцбай», у лаков «карас шаву», у даргинцев «кЮ бахруме»). В календарных земледельческих обрядах нашли своеобразное отражение все главные стороны в трудовой деятельности горца.

Много помогли этнографические материалы автору этой работы в выяснении земельных отношений внутри джамаата (сельской общины) и специализации аулов по производству отдельных видов изделий. Материалы эти вскрыли многочисленные факты совместного владения нескольких аулов одной пастбищной территорией; факты, говорящие о том, что одна сельская община получала дань с другой общины и т. д.

С помощью этнографического материала удалось также установить существование особой ветви буркиханских беков в составе казикумухского ханства и сиухского и гоцатлинского ханств на территории Аварии.

Историкам достаточно широко известно, что в прошлом в каждой котловине и каждом ущелье Дагестана жило особое племя. Каждое вольное общество имело свое наречие, а некоторые аулы говорили на своем, совершенно самостоятельном языке, непонятном соседям. Сложность этнических условий станет особенно наглядной, если напомнить, что в Дагестане насчитывается свыше тридцати языков коренного населения страны, и в языковом отношении население размещается в трех, отличных одна от другой, зонах.

Языки Дагестана находились на самых различных этапах своего развития. Существовали одновременно и племенные языки, и оформившиеся или оформлявшиеся языки народностей.

Нам думается, что местные языковеды напрасно ограничивают свою работу по изучению дагестанских языков исследованием главным образом их грамматического строя. Это, несомненно, нужно делать. Однако, не надо забывать, что язык — общественное явление. Следовательно, и при изучении дагестанских языков надо больше уделять внимания отношению языка к производству, экономическому базису и другим явлениям общественной жизни. Изучение дагестанских языков в таком направлении дало бы материал и для изучения истории Дагестана.

В исключительной ценности данных языкознания мы убедились на примере изучения общественного строя аварских и даргинских вольных обществ. Тут что ни вольное общество, то свой диалект. Ф. Энгельс говорил, что племя и диалект совпадают¹. Из этого,

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат. 1947, стр. 104.

однако, не следует делать вывод о племенном характере общественного строя в Дагестане в XVIII—XIX вв. Племен, в строгом смысле этого слова, в Дагестане ни в XVIII, ни тем более XIX вв., уже не было.

Среди лингвистических источников по истории Дагестана важное место принадлежит топонимике. В географических названиях многих местностей, урочищ, гор, долин, рек мы почерпнули немало сведений о тех землях, которые принадлежали в прошлом некоторым дагестанским феодалам и вольным обществам. Например, мы узнали, что горное пастбище под названием «Араш» около аула Ашали принадлежало андийскому барановоду Арашу; гора «Арак меэр» получила свое название от хана Арака.

Топонимика дает материал и о временах общинных народных собраний. Так, местность в Акушинском районе, известная под названием «Цахнабакладьрка» (место сбора), служила до XIX в. местом сбора представителей даргинских вольных обществ. Ободинский хан совещался с представителями узденских джамаатов и со своими беками.

А. М. Горький говорил: «Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества...»¹. Это указание А. М. Горького нам особенно пригодилось при изучении народов Дагестана. Она ярко, хотя и своеобразно, отразилась в народных песнях, легендах, сказаниях, пословицах и поговорках.

Большим подспорьем этот материал оказался, в частности, при изучении вопроса о классовой борьбе в Дагестане. Из-за отсутствия письменных источников этот вопрос в исторической литературе оставался совершенно не освещенным. Пользуясь материалами народного творчества, разбирая аварскую эпическую песню о Хочбаре², лезгинскую песню о Мурсал-хане³ и другими, нам удалось вскрыть целый ряд антифеодальных выступлений в аварском, казикумухском, кюринском и дербентском ханствах и кайтагском уцмийстве. Исторические песни о борьбе с Надир-шахом⁴, предания, записанные нами в Чохе, Мегебе, Согратле и Кумухе, дали дополнительный материал для освещения событий освободительной войны горцев Дагестана против иранских захватчиков в XVIII веке, о предводителях горцев и о системе организации народно-освободительных сил.

¹ М. Горький. Советская литература. Собр. соч., т. 27, стр. 311.

² См. ССКГ. Вып. I, Тифлис. 1868. Стр. 41—42.

³ Мурсал-хандиз. Лезгинский фольклор. Составил Аглар Гаджиев. Махачкала. 1941. Стр. 21.

⁴ Песня о Надир-шахе. Дагестанский сборник, ч. III, Махачкала. 1927, стр. 51; эпос о разгроме Надир-шаха. Перевод С. Липкина. Литературный Дагестан. Махачкала. 1947. Стр. 162; Стоянка шаха Надира. Отомщение шахским палачам. Песня-частушка о разгроме Надир-шаха. Лезгинский фольклор. Составил Аглар Гаджиев. Махачкала. 1941. Стр. 18—19.

В письменной литературе имеются самые ограниченные сведения о классе крупных земельных собственников в нагорной Аварии, в даргинских и лезгинских районах. Устные источники позволили получить более полное представление о классах и классовых группах в ханствах и вольных обществах. Так, например, жители аула Алихана, Цудахарского района, сохранили сведения о том, что в прошлом аул их был небольшим хутором и он принадлежал богатому цудахарцу Ника-Кади. Салтинцы сообщают о жестокостях, которые они терпели в прошлом от «Кудалинского хана». Ашага-сталыцы вспоминают, что их угнетали беки, которые жили в Орта-Стале. Колхозники сел. Варсита, Кайтагского района, называют Амир-Чупана «жестоким ханом», лишившим их земель в районе нынешнего поселка Михайловка и совхоза имени К. Маркса, Дербентского района. Жители табасаранских сел Джулжага и Гурхуна рассказывают, что им пришлось вести борьбу с «вечеринскими беками» и «кересинским ханом».

Интересным является устный рассказ о том, что в прошлом джамаату Гочоб платили дань жители аула Урух-Сота, и о том, что джамаат Досрух, Чародинского района, держал в зависимости шесть соседних аулов. Мы знали, что в Чародинском районе к моменту присоединения Дагестана к России сохранились вольные общества. Оказывается, и в рамках вольного общества существовали даннические отношения.

Использование устной словесности значительно расширило возможности изучения истории Дагестана.

Местные письменные источники. В дагестанских аулах и сейчас можно найти немало количество старинных арабских, фарсидских, турецких, азербайджанских рукописей, книг, писем и других документов. Местные работники относятся к старинным книгам на восточных языках, как к книгам сплошь религиозного содержания, не имеющим практического значения. Это неверно. Среди таких книг есть немало произведений ученых и поэтов Дагестана, живших в XVIII—XIX вв. и в более раннее время.

Очень часто на полях таких религиозных книг содержатся ценные заметки. Эти небольшие заметки помогают в изучении истории Дагестана, понять хозяйственные связи и общественные отношения горцев. Так, среди восточных рукописей гапшминской мечети нам удалось обнаружить две записи, относящиеся к положению лагов, т. е. рабов в Казикумухском ханстве.

Большой интерес представляет переписка аварских ханов. Она помогает осветить вопрос о феодальной собственности на пастбищные земли и о феодальной ренте с пастбищ. Часть переведенных писем феодалов опубликована в актах, собранных Кавказской археографической комиссией, а другие письма хранятся в рукописном фонде института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР.

Исключительное место среди материалов по теме исследования занимают сборники адатов селений: Мачада, Кахиб, Урада,

Ригитль, Хушада, Тидиб, Зивури, Тинда, Асаб, Ходата, Лах, Хинта, Лунуб. На трех сборниках (Мачада, Хушада, Урада) имеются даты записей адатов 1879 (1297) года. На сборнике адатов Асаба — дата: 1740 (1154) год. Все эти адаты, принадлежащие тринадцати джамаатам гидатлинского общества, вводятся нами в научный оборот впервые.

Адаты, как очень важный исторический источник, мы в данном исследовании использовали достаточно широко. При этом мы отказались от традиционной трактовки адатов, принятых в свое время в буржуазной историографии. Для нас адаты — это свод патриархально-феодальных законов. В них нашел отражение характер собственности на средства производства, по ним можно определить положение, место различных социальных групп в процессе производства и т. д. Не изучив этих источников, совершенно невозможно выяснить сущность патриархально-феодальных отношений и социальную природу многочисленных выступлений крестьян в Дагестане.

Неопубликованные источники по истории Дагестана XVIII—XIX веков разбросаны в различных архивах страны. Основные же источники и материалы находятся в хранилищах Государственного архива древних актов, Центрального государственного военно-исторического архива, Центрального государственного архива Грузинской ССР, Центрального государственного архива Дагестанской АССР и в фонде азиатского департамента МИД, находящегося в ЦАВП.

Особенно важны для изучаемой темы материалы, хранящиеся в Государственном архиве древних актов. В нем сосредоточены фонды Коллегии иностранных дел по «Сношениям России с Персией», «Кумыцкие дела» и «Дела Эндреевской деревни», имеющие прямое отношение к Дагестану. Многие дела, содержащие в себе посольские донесения и переписку с местными владельцами, и особенно документы, связанные с каспийским походом Петра I являются для изучения Дагестана до конца XVIII века незаменимыми источниками.

В ЦГВИА, в фондах военно-ученого архива, содержится обширный и содержательный материал по XIX в. Но в этом материале встречаются и важные документы, относящиеся к концу XVIII в. Большой интерес представляют описания майора Сереброва, подполковника Федора Лена и Федора Симоновича, произведенные ими в бытность их в Дагестане в конце XVIII в.¹

Материал, отражающий переписку центральных и местных русских властей с дагестанскими феодалами, сосредоточен в фонде Азиатского департамента Министерства иностранных дел Центрального архива внешней политики (ЦАВП).

¹ Описание южного Дагестана, владений Дербентского, Кубинского, Ахтинского, Рутульского, Хамутая и Табасарана, сделанные во время снятия земли на карту майором Федором Симоновичем, майором Аверьяном Серебровым. ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 18474, л. л. 1—45.

Тбилисский исторический архив после московского архива древних актов является вторым основным источником по изучаемой теме. Здесь хранятся фонды «Комиссии для окончания сословно-поземельных дел в частях Кавказского края военно-народного управления». Комиссия эта была организована в первой половине XIX века, имела свои филиалы в разных частях Дагестана и занималась изучением сословно-поземельных отношений. Собран был колоссальный материал, сделаны многочисленные выводы и предложения, но вопрос этот так и остался нерешенным вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Громадный фонд, собранный сословно-поземельной комиссией, пока что является наиболее полным фундаментальным источником не только для изучаемой темы, но и для всего последующего периода истории Дагестана до 1917 года. Однако, все сводки, справки, доклады и показания, составляющие фонд Комиссии, даются без их исторической оценки и содержат в себе ошибочные выводы по самым принципиальным вопросам, в частности, по истории крестьянства Дагестана. Достаточно указать, что Комиссия после долголетнего опыта своей деятельности пришла к заключению, что отношения, сложившиеся между дагестанскими феодалами-беками и крестьянами-горцами, носили не земельный характер, что вообще дагестанские феодалы не заинтересованы были иметь большое количество земли. Будучи в основе своей официальным, весь этот громадный архивный материал при трактовке ряда злободневных вопросов истории Дагестана получил, естественно, одностороннее освещение.

О печатных источниках по истории Дагестана. Печатные источники, помогающие разрешению поставленной задачи, разбросаны в самых различных изданиях и в трудах отдельных авторов. Компактней всего материал по истории Дагестана XVIII—XIX вв. сосредоточен в многотомных изданиях «Актów, собранных Кавказской археографической комиссией», в «Сборниках сведений о кавказских горцах», в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа», в «Кавказских сборниках» и в многотомном «Кавказском календаре».

Особое место среди публикаций по поставленной нами теме занимают адаты дагестанских горцев. Правда, все изданные адаты страдают одним и тем же недостатком: они, в угоду официальной политике, выхолены при редактировании, и в них оставлены для издания только уголовно-процессуальные пункты, которые необходимы были в практике аппарату «военно-народного управления» в частях Кавказского края. Несмотря на такую тенденциозность и обработку, печатные адаты не лишены все же

¹ См. Адаты горцев Дагестанской области. Темир-Хан-Шура; Адаты южно-дагестанских обществ, ССКГ, вып. VIII, 1875; Адаты жителей Кумыкской плоскости, ССКГ, вып. VI; Адаты даргинских обществ, ССКГ, вып. VII.

известной ценности и, являясь первичным материалом, дают ключ к воспроизведению многих социальных, экономических и правовых сторон, имевших место в Дагестане накануне его завоевания русским царизмом.

Другим же менее важным источником по истории Дагестана XVII—XVIII вв. является «Постановление кайтагского уцмья Рустам-хана»¹. Опубликованному тексту предпослано замечание о том, что «постановление» уцмья Рустама-хана написано в XII веке.

Постановление Рустам-хана со времени выхода в свет до последней четверти XVIII века мало подвергалось изменениям и во многих статьях оставалось в силе даже во второй половине XIX в. Частичные отступления, совершившиеся в нем к концу века под воздействием внутренних событий в Дагестане и русского влияния, не внесли в основные положения кодекса существенных изменений. Поэтому при характеристике общественных и политических отношений в Кайтаге в XVIII веке мы обращаемся к кодексу Рустам-хана, как к важнейшему письменному памятнику, на котором была основана регламентация общественной и частной жизни всех кайтагов.

Важным для изучения освободительной борьбы горцев против иранских захватчиков является «Хроника войн Джара в XVIII столетии»², по всей вероятности, написанная закатальским лажцем.

Из изданий советского периода необходимо указать на «Адаты кумыков»³, собранные Манай Алибековым, и «Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX в.)», подготовленные к печати Г. Е. Грюмберг и С. К. Бушуевым. В «Материалах по истории Дагестана и Чечни» содержатся весьма ценные сведения по экономической и политической истории народов Дагестана.

Проблемы истории Дагестана XVIII — начала XIX в. в дореволюционной историографии. С конца XVII и начала XVIII вв., когда интерес России к Дагестану возрос и когда Петр I ближе столкнулся с Прикаспийскими областями, на Кавказ прибыли ряд русских ученых. Появились описания самого разнообразного характера и сводная работа о крае. Изучение Дагестана русскими учеными диктовалось в то время чисто практическими целями. Во время восточного похода Петр I взял с собою на Кавказ князя Д. К. Кантемира⁴, считавшегося тогда знатоком языков и

¹ ССКГ, вып. I, стр. 80—88.

² Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку. 1931.

³ Манай Алибеков. Адаты кумыков. Махачкала. 1927.

⁴ Журнал князя Д. Кантемира о персидском походе. Журнал Министерства внутренних дел, СПб, 1839. Ч. XXXI, № I, стр. 16—23.

истории Востока. В Астрахани он составил на восточных языках манифест к населению Северо-Восточного Кавказа, Азербайджана и Ирана. Кантемир имел при себе небольшую типографию восточных шрифтов. Тогда же было положено начало собиранию надписей на арабском языке. В Дербенте Кантемир срисовал некоторые из таких надписей на камнях.

Участник петровского похода Ф. И. Соимонов¹ дал подробное описание Каспийского моря и карту.

А. П. Волынский², виднейший русский дипломат петровских времен и астраханский губернатор, составил многочисленные записки и материалы, относящиеся к Дагестану.

Дворянин Лопухин, не раз побывавший в Дагестане, в своих записках сообщает много подробностей о внутренней истории Дагестана.

Подполковник артиллерии русской армии Иван Густав Гербер, участник похода Петра, оставшийся на Кавказе до 1729 г., дал интересные описания³ Дагестана этого времени. Гербер с большой достоверностью и знанием материала описывает разные части страны и, что особенно важно, состояние хозяйства и политическое устройство. Подробности о горном Дагестане Гербер, очевидно, почерпнул в результате своего участия в определении русско-турецкой границы в южном Дагестане. Он составил карту прикаспийских областей и их описание. Карта Гербера была издана Академией наук в 1736 г.⁴

Два раза, в свите посла Волынского в 1715 году и в свите Петра I, побывал на Кавказе англичанин Джон Бель, изложивший свои материалы, относящиеся к Дагестану, в специальной книге⁵. В ней, кроме подробностей о походе Петра, дается описание Дербента и его древностей и приводятся сведения о народах Дагестана.

По заданию Петра по материалам, собранным в разное время Бековичем, Кожиним, Травиным, Бербеном и Соимоновым, была составлена карта Каспийского моря⁶.

¹ Ф. И. Соимонов. Описание Каспийского моря и чинимых на оном российских завоеваниях. «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах». СПб. 1763. I полугодие.

² Журнал послан. Волынского 1715—1716 гг. Зевакин Евг. «Азербайджан в начале XVIII в». Изд. об-ва obs. и изуч. Аз. Баку. 1929.

³ Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях, и о их состоянии в 1728 г., сочиненные полковником артиллерии Иваном Густавом Гербером.

⁴ М. А. Полиевктов. Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIII в. Россией Прикаспийских областей Кавказа. Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. IV. Тбилиси. 1937. Стр. 249.

⁵ Беловы путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно в Испанию, Пекин, Дербент и Константинополь. Перевел с французского Михайло Попов. Часть III. СПб. 1776.

⁶ Г. Мельгунов. Поход Петра Великого в Персию. «Русский вестник». Т. 110. Москва. 1874. Стр. 16.

Исследования Кавказа, начатые при Петре, были продолжены Российской Академией наук. На Кавказ в ученые экспедиции командировались такие знаменитые ученые, состоявшие в Российской Академии наук, как Самуил Готтлиб Гмелин, Антон Гюльденштедт и П. С. Паллас.

Академик Гмелин занялся исследованием побережья Каспийского моря. Во время первого своего путешествия в Иран в 1770 г. он побывал в Дербенте. В 1772 г. Гмелин предпринял второе путешествие в Иран. На обратном пути через Дербент он был задержан уцмием Кайтагским, взят в плен и, возвращаясь из плена, 27 апреля 1774 г. умер¹. Записки академика Гмелина были спасены и потом изданы. В трудах Гмелина кладется начало изучению природы всего Прикаспийского края и Дагестана. Кроме общих сведений о Дербенте, Гмелин дает подробное описание города, сообщает сведения об этническом составе и занятиях населения, о торговле и дербентских садах, об архитектуре и надгробных камнях и т. д.

В 1770—1773 гг. на Кавказе проводил свои исследования член Российской Академии наук А. Гюльденштедт². Он был в Костеке и Эндрее. Отсюда он собирал сведения о Дагестане и с этой же целью посылал в Тарки своего сотрудника Крашенникова. На основе своих исследований Гюльденштедт впервые определил группы народностей Дагестана. Материалы, собранные Гюльденштедтом по аварскому языку — по его анцухскому, джарскому и хунзахскому наречиям, по цезскому, лакскому, андийскому, кубачинскому, даргинскому и акушинскому языкам и наречиям, приводятся в первом сравнительном словаре языков мира, честь создания которого принадлежит русской науке³.

В 1768—1774 гг. и в 1793—1794 годах поездку по Северному Кавказу совершил академик Петр Симон Паллас. В его работах имеются заметки о языках и народностях Дагестана.

В начале XIX в. Петербургской Академией наук на Кавказ для исторических и географических исследований был послан известный лингвист-востоковед Г. Ю. Клапрот⁴. Кроме общих сведений о Дагестане, Клапрот значительно подробнее, чем все его предшественники, описал языки Дагестана.

Конец XVIII века характеризуется для Дагестана притоком новых исследователей. Это было связано с такими событиями на Кавказе, как нашествие иранского шаха и персидский поход гра-

¹ Самуил Готтлиб Гмелин. Путешествие по России. Ч. III. Половина первая. СПб. 1785.

² Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия академика Н. А. Гюльденштедта через Россию по Кавказским горам в 1770—1774 годах». СПб. 1809.

³ Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей всевысочайшей особы. Отд. первое. СПб. 1787.

⁴ Г. Ю. Клапрот. Историческая, этнографическая, политическая карта Кавказа и соседних провинций между Россией и Персией. Париж. 1827.

фа В. А. Зубова. Сведения и описания этого времени более обширны и разносторонни.

Академик Петр Григорьевич Бутков, служивший на Кавказе с 1791 по 1803 г. и бывший участником похода Зубова, оставил многочисленные рукописи. Его обширный рукописный материал по истории Кавказа опубликован в трех томах¹. Ни один из исследователей истории Дагестана не может обойтись без этого труда. Бутков собрал из разрозненных архивов и источников все доступные ему материалы по истории Дагестана и изложил их на фоне событий Кавказа и России.

Довольно интересные сведения о Дагестане дает в своих воспоминаниях участница персидского похода Варвара Ивановна Бакунина². Другой участник похода Зубова, служивший в Грузии в 1802—1804 гг., С. Броневский написал в своем пребывании на юге сочинение в двух томах³. Вторая часть работы Броневского посвящена Дагестану. В этой работе обобщен весь накопленный до того материал и внесено много новых дополнений.

Вследствие гибели местных архивов и отсутствия литературы на родных языках каждое сообщение посланника, описание, сделанное специалистом, каждую сообщенную русским путешественником новую деталь о Дагестане и народе, мы рассматриваем как факт первостепенной важности, обогащающий наше представление о прошлом этой страны.

Русскими учеными подобные исследования проводились и в других частях страны. Высокий уровень этнографии того времени проявился не только в трудах по Кавказу, но и в отношении Сибири (Крашенинников и др.).

Интерес, проявленный к Дагестану во времена Петра I, вероятно возрос в период Кавказской войны и не угас до конца XIX века. Исследователи и путешественники всех направлений, в особенности военные, от крупных специалистов до малозначащих, изучали Дагестан и издавали на разных языках, преимущественно на русском, огромное по тому времени количество литературы по самым разнообразным вопросам. Пожалуй, трудно найти другую такую страну, о которой бы так много было написано в это время, как о Дагестане.

Однако, во всей этой многочисленной литературе тщательно обходились особенности социального, хозяйственного и политического развития народностей и этнических групп Дагестана. Исследователи эпохи Кавказской войны, прежде всего, исходили из задач оправдания «цивилизаторской линии» царизма в Дагестане. Будучи проводниками политики царизма в странах Кав-

каза, они изображали горцев как «хищников», «разбойников» и «грабителей». На подобной характеристике основаны многочисленные издания известных кавказоведов великодержавно-монархического направления — Фадеева,¹ Дубровина,² Потто,³ Романовского⁴ и Маркова⁵.

Но среди обширной литературы о Дагестане имелась и другая, существенно отличавшаяся от первой тем, что в ней делаются попытки более или менее полно осветить фактическую сторону истории, этнографии и быта народностей Дагестана. Появление такой литературы было связано с периодом, когда Дагестан стал колонией царизма и ставилась задача закрепить господство, выявить условия и пути к этой цели. Наряду с такими известными исследователями, как М. М. Кавалевский,⁶ Ф. И. Леонтович⁷ в числе усердно занимавшихся историей, этнографией, обычным правом, языками Дагестана в этот период мы видим Комарова,⁸ Берже,⁹ Услара,¹⁰ Дирра¹¹, а в самом Дагестане — Козубского¹². Их усилиями был предпринят ряд периодических изданий, сборников и монографий.

¹ Р. А. Фадеев. Соч., т. I. СПб. 1890. стр. 12—13.

² Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе в 6 томах.

³ В. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, в 5 томах.

⁴ Д. А. Романовский. Кавказ и Кавказская война. СПб. 1860. Его же. Генерал-фельдмаршал князь А. И. Барятинский и Кавказская война 1845—1859. Русская старина. 1881, т. 30, № 2.

⁵ Е. Л. Марков. Очерки Кавказа. Картина кавказской жизни, природы и истории. СПб. 1887.

⁶ Максим Ковалевский. Закон и обычаи на Кавказе. Том II. 1890.

⁷ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа. Одесса. 2 ч. 1882.

⁸ См. А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. (Материалы для статистики Дагестанской области). ССКГ, вып. I, 1868; Казикумухские и кюринские ханы. ССКГ, вып. II, 1869. Список населенных мест Дагестанской области). Сборник статистических сведений о Кавказе. 1869. Древние могилы в Дагестане. Известия Кавк. геогр. общ. 1872. I. Народонаселение Дагестанской области. Записки Кавказск. отд. геогр. общ. 1873, VIII.

⁹ См. А. Берже. Прикаспийский край и прибавления. «Кавказский календарь» за 1857 г.; Краткий обзор горских племен на Кавказе в 1858 г.; Материалы для описания Нагорного Дагестана. В. за 1859 г.; Краткий очерк путешествия по Дагестану. Тифлис. 1862.

¹⁰ См. П. К. Услар. Этнография Кавказа; аварский язык; кюринский язык; лакский язык; хюрклинский язык; табасаранский язык; О распространении грамотности между горцами. ССКГ, вып. III; древнейшие сказания о Кавказе; характеристические особенности кавказских языков. ССКГ, вып. IX и др.

¹¹ См. А. М. Дирр. Агульский язык. СМОМПК, XXXVII; Арчинский язык, СМОМПК, XXXIX; Грамматический очерк табасаранского языка, СМОМПК, XXXV; Краткий грамматический очерк андийского языка, СМОМПК, XXXVI. Материалы для изучения языков и наречий андоидийской группы. СМОМПК.

¹² См. Козубский. История города Дербента. Темир-Хан-Шура. 1906. Памятная книжка Дагестанской области, Темир-Хан-Шура, 1895; Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура. 1906; К истории Дагестана. Темир-Хан-Шура. 1906.

¹ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. 3 тома. СПб. 1869.

² В. И. Бакунина. Персидский поход в 1797 г. Воспоминания. Русская старина. 1887, т. 53.

³ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. 2 ч. Москва. 1823.

Казалось бы, обилие литературных произведений дает возможность для широкого уяснения всех стадий процесса исторического развития Дагестана. Но здесь необходимо отметить, что как ни громадна и разнообразна литература, написанная этими исследователями, она также страдает общей тенденциозностью, свойственной буржуазно-помещичьей историографии. Исследователи, всячески подчеркивая архаические черты, изображали социально-экономический строй народностей Дагестана более примитивным, нежели он был в действительности. Отрицался процесс распада дагестанской общины, возникновение на ее базе новых производственных отношений и феодальный характер эксплуатации в тех частях Дагестана, где эти отношения сложились издавна.

Из дореволюционных работ, посвященных общественному строю Дагестана, мы особо выделяем труды Максима Максимовича Ковалевского. Он многого достиг в деле изучения Дагестана, собрал громадный фактический материал по истории, этнографии и обычному праву дагестанских горцев, изучил некоторые особенности, связанные с их древним общественным строем и, наконец, обобщил весь этот материал в капитальном труде, известном под названием «Закон и обычай на Кавказе» в двух томах. К Дагестану имеет отношение также отдельная работа под названием «Родовое устройство Дагестана»¹. Заслуги М. Ковалевского в дагестанской историографии велики.

М. М. Ковалевский — первый из европейских ученых, который попытался глубоко исследовать общественный быт кавказских горцев, первым четко разграничивший две формы общины — сельскую и семейную, причем блестяще доказавший универсальность этих форм в истории народов. Однако, те правовые отношения Дагестана, которые так глубоко старался исследовать М. Ковалевский, выводились им не из социально-экономических сторон горских народов, а из бытовых и юридических норм дагестанского тухума. Для Ковалевского тухум как «родовая организация» еще в XIX веке составлял «основу общественного быта дагестанских горцев...»². По словам Ковалевского, тухумом «выражают понятие рода» во всех горных аулах Дагестана. По Ковалевскому, общественный строй Дагестана сводился к совокупности родовых тухумов. В полном согласии с этим определением находятся взгляды Леонтовича, Комарова, а также авторов специальных работ П. В. Гидулянова³ и Ф. Щербиной⁴.

Другой автор исторического очерка о поземельном строе кав-

казских горцев В. Линден утверждал, что развитие общественно-го строя горцев Дагестана не пошло далее родового строя даже во времени 1917 года¹.

Так, положение, выраженное М. М. Ковалевским, о том, что родовая организация еще в XIX веке составляла основу общественного быта дагестанских горцев сделалось общепринятым.

По нашему мнению, Ковалевский, Леонтович, Комаров и др., во-первых, идеализировали дагестанский тухум, видели в адатах горцев и в их общественном строе только патриархальные черты и игнорировали черты феодального развития, во-вторых, они не считались с фактами неравномерного общественно-экономического развития отдельных частей Дагестана. Тухум кайтагов, рутул, хунзахов, дидойцев у этих авторов выступает не в связи с уровнем развития этих народов, а обезличенно. Он везде фигурирует как родовая организация для которой главным мерилом было наличие в тухуме родственных связей вплоть до десятого колена, наличие главы тухума, тухумная месть и т. д.

Все это верно, отрицать это мы не имеем никакого права, но у нас нет основания в свете этих фактов представлять себе тухум для XIX века (не говоря уже о XVIII веке) как чисто родовую организацию в настоящем ее смысле. Нам известны все дагестанские аулы, но нигде нам (по материалам) не удалось обнаружить такого, который бы состоял только из одного тухума. Обычно в ауле жило несколько тухумов (от пяти до десяти), и у них выработались общие обычаи и единые нормы поведения. Предположение о том, что в одном селении имеется по числу тухумов пять — десять родов, не согласуется с элементарными понятиями о роде. Видимо, тухум и род, как мы его понимаем, — понятия не идентичные. Видимо, в тухуме мы имеем действительно какие-то остатки родовых порядков в рамках аула и его территории, но, во всяком случае, не род.

Неверное освещение получил в произведениях дореволюционных историков и вопрос о феодальных отношениях в Дагестане. Не игнорируя наличия ханов, уцмия, майсума и султана, и их неотъемлемое право на наследственную власть и получение подати, официальные записки кавказского начальства и изданные по этому вопросу труды вместе с тем ставят под сомнение законность, происхождение власти ханов и характер получаемых доходов. За дагестанскими владельцами признавалась только политическая власть, они считались правителями, а беки вовсе исключались из числа феодалов. О них писали, что «у дагестанских беков не имеется ни одного из признаков права собственности на землю, состоящую у поселян: ни права владения, ни пользова-

¹ В. Линден. Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народов, населяющих мусульманские районы Кавказского края. КВ за 1917 г., стр. 281.

¹ Работа опубликована в «Юридическом вестнике», декабрь, т. XXIX, Москва, 1888.

² М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II, стр. 159.

³ См. П. В. Гидулянов. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане. «Этнографическое обозрение» № 1—3. Москва, 1901.

⁴ См. Ф. Щербина. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев. «Северный вестник», кн. 1, 1886.

ния, ни распоряжения...»¹. Выходит, что они были всего-навсего второстепенными управителями, что будто дагестанские феодалы не имели права собственности на земельную ренту и что вообще выходит, отсутствовала частная собственность на землю в Дагестане. На этой позиции стоял и М. Ковалевский².

Отсутствие частной собственности на землю, как специфическую особенность восточного общества, К. Маркс и Ф. Энгельс связывали, прежде всего, с широко развитой ирригационной системой земледелия. Ф. Энгельс подчеркивал, что ...«Первым условием земледелия здесь (т. е. на Востоке — Р. М.) являлось искусственное орошение, а это является делом или общин, или областного, или центрального правительства»³.

В Дагестане и речи не могло быть о развитой ирригационной системе земледелия. Здесь не было условий для этого в силу того, что основной Дагестан — это горный массив. Об организации искусственного орошения можно говорить лишь в плоскостной части Дагестана.

Не остался в дореволюционной историографии без внимания и вопрос о горском крестьянстве. Говоря о ханах и беках, надо было коснуться вопроса о взаимоотношениях между владельцами и непосредственным производителем — крестьянином. Связывающей темой здесь являлся вопрос о повинностях. По существу и здесь имело место извращение феодальной сущности этих повинностей. Оно сказалось, прежде всего, в отрицании земельного характера зависимых отношений крестьянина к феодалу, причем считалось, что «неземельный характер повинностей поселян Дагестана» являлся «естественным результатом исторических и бытовых обстоятельств, вызвавших к жизни этот Институт⁴. Основанием для такого вывода являлось то, что повинности «взимались «не от количества земли», на которой живут «зависимые поселяне, а по числу дворов»⁵.

Таким образом, повинности, в которых отчетливо выступает типичная феодальная рента, были признаны «доходами» с управления. Если исходить из подобных установок, то получится, что мы ни одно владение Дагестана вообще не можем представлять себе как носителя определенных форм феодальных производственных отношений.

В дореволюционной дагестанской историографии выделяются исторические работы Абас-Кули Бакиханова и Гасана Алкадари.

¹ О прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам и о главных основаниях поземельного устройства населения в Дагестанской области и Закатальском округе. РФДНИИЯЛ, д. 14698, стр. 49.

² М. М. Ковалевский. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа. «Русская мысль», 1883, кн. XII, стр. 139.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма Соцэкгиз, 1931, стр. 81.

⁴ О прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам и о главных основаниях поземельного устройства населения в Дагестанской области и Закатальском округе. РФДНИИЯЛ, л. 14698, стр. 49.

⁵ Там же, стр. 7.

«Гюлюстан-Ирам» Бакиханова¹ — крупнейшее произведение по истории Ширвана и Дагестана от древнейших времен до начала Кавказской войны. Составлен этот труд в первой половине XIX в. на основе малодоступных рукописей, извлеченных из восточных сочинений. Большое значение имеет тот факт, что Бакиханов лично побывал во многих местах Южного и Северного Дагестана и собрал материал для своего труда. По свидетельству Березина Бакиханов, кроме этой работы, составил по восточным источникам полную историю Дагестана — ...«книгу высокого интереса, которая, к сожалению, за смертью автора, осталась неизданною»² и пока что не обнаружена ни в Баку, ни в Дагестане.

Гасан Алкадари — знаток арабского, турецкого языков, много сделал по сбору исторических сведений о горцах и посвятил себя составлению истории Дагестана с древнейших времен. Эту работу он закончил в 1891 году. Труд Алкадари «Асари-Дагестан»³ содержит в себе много ценных сведений по XIX веку.

Как у Бакиханова, так и у Алкадари при освещении истории Дагестана очень много внимания отведено внутренним и внешним политическим событиям, династийской истории ханов, беков, и очень слабо, вскользь отражены темы социального и экономического порядка, в частности, того периода, который является объектом нашего исследования.

В работах же националистических и клерикальных историков наблюдались принижение и замалчивание подлинной роли народных масс и всяческое превозношение роли восточных завоевателей в историческом развитии Дагестана и пропаганда мифа о божественном происхождении власти дагестанских ханов непосредственно от арабских проповедников ислама в Дагестане.

Антифеодальные выступления крестьян в Дагестане изображались как явления, связанные или с адатом, или с религией.

В таком свете представлялся общественно-экономический и политический строй в дореволюционной в обшекавказской официальной и местной дагестанской историографии.

Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции стало возможным правдивое, глубокое и всестороннее изучение исторического прошлого народов Дагестана. По мере достижения все новых и новых успехов в социалистическом преобразовании Дагестанской АССР, в корне изменивших ее хозяйственный, политический и культурный облик, все шире стало развертываться и историческое изучение Дагестана. В области исторической науки за эти годы немалая работа проделана по изучению истории Дагестана XIX века, этнографии, истории

¹ Абас-Кули-Ага Бакиханов («Кудси») Гюлюстан-Ирам. Баку. 1926.

² И. Березин. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань. 1849. Стр. 65.

³ Гасан Алкадари, Асари-Дагестан. Махачкала, 1927.

борьбы трудящихся горцев за власть Советов и истории социалистического строительства, но, к сожалению, слабо изученными остаются попрежнему вопросы общественно-экономического развития Дагестана накануне присоединения его к России.

Занимаясь изучением общественно-политического строя Дагестана в период Кавказской войны, М. Н. Покровский высказал ряд ошибочных и неправильных положений о Дагестане. По его мнению, Дагестан в это время населялся «пастушескими племенами», лишь отчасти занимавшимися земледелием и «кустарными» промыслами. Идеализируя отдельные пережитки прошлого, Покровский характеризовал общественный строй дагестанских народностей накануне их присоединения к России как первобытно-общинный, «только на более ранней ступени развития», чем это наблюдалось в это же время у горных чеченцев. Покровский писал, что, если чеченцы «были германцами эпохи Тацита, то эти (т. е. дагестанцы) больше походили на германские племена, которые знал Цезарь»¹.

В выводах М. Н. Покровского об общественном строе народов Дагестана чувствуется незнание конкретной истории дагестанских горцев. Дагестанскую историю мы не представляем изолированной от истории народов Азербайджана, Грузии и Армении. В период раннего средневековья дагестанские народы выступали вместе с закавказскими народами против сасанидских захватчиков. Арабские писатели подробно рассказывают о политических организациях, сложившихся в Дагестане накануне его завоевания арабами. Они же свидетельствуют о распространении среди горцев южного Дагестана христианства. А христианство — это вид феодальной идеологии. Имеется еще много других фактов опровергающих концепцию Покровского об общественном строе народов Дагестана.

В 1935 году А. Тамай напечатал статью о феодальных отношениях в Дагестане². Хотя статья эта не имеет прямого отношения к периоду, изучаемому нами, небезинтересно отметить, что исторические события и социально-экономический процесс излагаются А. Тамаем без учета особенностей, свойственных для отдельных народностей и этнических групп Дагестана. Автор отрицает наличие этих особенностей и бездоказательно утверждает, что «при всей пестроте условий и особенностей отдельных районов Дагестана, всюду в нем устанавливается феодальный общественно-экономический строй»³. Считая Дагестан к концу XVI века «страной сформировавшихся феодальных отношений»⁴,

¹ М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Москва. 1924, стр. 201—202.

² А. Тамай. Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана. Журн. «Революционный Восток», № 5, 1935.

³ Там же, стр. 137.

⁴ Там же, стр. 116.

А. Тамай, как видим, по сравнению с дореволюционными историками, устремился в другую крайность, целиком отказавшись от той оценки общественного строя Дагестана, которая была дана Ковалевским и позднее Покровским.

В советской литературе, в сущности говоря, по теме нашего исследования имеется лишь одна статья, опубликованная в 1938 г. в Свердловске проф. С. В. Юшковым, некоторое время работавшим в Дагестане¹. В этой статье, носящей название «К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане», впервые была сделана попытка показать особую актуальность темы с марксистских позиций и охарактеризовать общественный строй Дагестана, как важный факт в деле изучения различных стадий дофеодальных и феодальных формаций.

Однако по самому своему небольшому объему статья С. В. Юшкова не могла, конечно, поднять всей совокупности подлежащих исследованию вопросов и правильно определить наиболее типичные для дагестанского феодализма институты. С. В. Юшков в своей статье вообще отрицает существование в Дагестане патроната, лена, бенефиций и феодалов². Мы же не считаем наличие их исключительной чертой только западно-европейского феодализма, — ведь система, например, покровительства дагестанских ханов над вольными обществами — это и есть свойственный для раннего феодализма институт патроната, возникший в Дагестане на почве материальной зависимости. Ошибочная линия проводится в статье и при определении политической формы дагестанских ханств.

К освещению ряда вопросов о феодализме в Дагестане, выдвинутых в статье С. В. Юшкова в свете новых исторических материалов и изысканий, следует подойти по-иному.

Значительный интерес представляют работы проф. И. И. Петрушевского о джаро-белооканских вольных обществах³. В этих работах на базе изучения производственных отношений вскрываются классовые группировки и движущие силы джарских обществ к началу XIX в. Общественный строй здесь определяется как аристократический, а форма правления как республиканская⁴.

Если С. В. Юшков первый сумел обратить внимание на важные стороны в процессе феодализации в Дагестане, то И. П. Пет-

¹ Проф. С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания). Ученые записки. Свердловский государственный педагогический институт, вып. I, исторический. Свердловск, 1938.

² Там же, стр. 21.

³ И. П. Петрушевский. Джаро-белооканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Внутренний строй и борьба с Российским колониальным наступлением. Тифлис, 1934 г.; Социальная структура джаро-белооканских вольных обществ накануне Российского завоевания. Исторический сборник 1934, кн. I.

⁴ И. П. Петрушевский. Джаро-белооканское вольное общество. стр. 2.

рушевский своими работами положил начало научному изучению дофеодальных отношений в одной из частей Дагестана. Однако, выводы в отношении характера общественного и политического строя джарских обществ, к которым пришел И. П. Петрушевский, нельзя распространить на остальные дагестанские вольные общества.

Вопросами социально-экономических отношений народов Дагестана в первой четверти XIX в. занимался П. А. Брюханов. Им опубликована статья об этом периоде, в которой общественный строй дагестанских вольных обществ охарактеризован демократическим, а у некоторых из них федеративным¹. Выводы автора статьи близко подходят к той оценке общественного строя Дагестана, которая была дана М. Ковалевским.

Интересной со всех точек зрения является монография Е. М. Шиллинга о кубачинцах и их культуре². Книга эта написана на новом этнографическом материале, лично собранном автором за время его многократных поездок в аул Кубачи (1925—1944 гг.). Труд Е. М. Шиллинга является ярким примером того, что может дать исследователю отдельно взятый аул, если он изучается глубоко и всесторонне. В книге Е. М. Шиллинга мы можем почерпнуть сведения о материальной культуре кубачино-даргинского нагорья, материалы об оригинальном металлопроизводстве и замечательном художественном мастерстве кубачинцев и, наконец, сведения из истории социального строя кубачинцев.

Большую работу по изучению истории общественных отношений и этнографии кавказских народов проводит проф. М. О. Косвен. Им написан ряд работ по этнографии Кавказа³, в которых большое внимание уделяется вопросу о месте дагестанского тухума. Указывая, что М. Ковалевский ошибался, отождествляя тухум с родом, сам М. О. Косвен определяет тухум как **патронимию**. Под патронимией понимается наименьшая единица, элементарная ячейка той же родовой организации, о которой говорил М. Ковалевский.

М. О. Косвен считает, что большая семья составляет основную ячейку родового строя, а патронимия есть нечто промежуточное между основной ячейкой родового строя и отдельной семьей.

¹ П. А. Брюханов. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX века. Сборник трудов Пятигорского госпед. института. Вып. I. Ставрополь, 1947, стр. 158.

² Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.—Л., 1949.

³ М. О. Косвен. Очерки по этнографии Кавказа. Советская этнография, 1946, № 2; Проблема общественного строя горских народов в ранней русской этнографии. Труды института этнографии АН СССР, т. XIV. М.—Л., 1951; Изучение социалистической культуры и быта народов Дагестана. Материалы научной сессии по истории народов Дагестана. На правах рукописи. 1954; Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. См. Кавказский этнографический сборник. 1955. М.—Л.

По нашему мнению, сказанное М. О. Косвеном расходится с тем, что наблюдалось в действительности в истории развития семьи.

Таким образом мы можем констатировать, что ряд советских исследователей подошли по-иному к освещению социально-экономической и политической истории Дагестана. Они, с одной стороны, отказались от того схематизма, которым страдали буржуазные исследователи, приписавшие всем народам и этническим группам Дагестана одинаковый уровень общественно-экономического развития, а с другой — привели ряд доказательств того, что некоторые дагестанские народы давно изжили патриархально-общинные отношения и еще в XIX в. перешли к феодализму.

Наше критическое отношение к трудам предшественников в области изучения истории общественных отношений народов Дагестана вовсе не означает игнорирование или недооценка нами накопленных ими научных наблюдений. Напротив, мы придаем всему тому, что сделано до нас, самое серьезное значение. Опираясь на марксистско-ленинское учение об исторической науке, советские историки осветили целый ряд важных разделов истории Дагестана. Но все же подробного исследования дофеодальных и феодальных отношений по народностям и этническим группам Дагестана не было, что не позволяло сделать правильные выводы об общественном развитии народов Дагестана. Например, нет еще ясной постановки вопроса о возникновении классовых отношений у народов советского Дагестана. В Аварии еще накануне присоединения ее к России имелось население вполне оседлое и население, ведущее полукочевое скотоводческое хозяйство. В ханстве аварском существовало также общинное владение землей. Можно ли сказать, что по причине того, что там было полукочевое население и общинное землепользование, не могли возникнуть классовые отношения. Население аварского, казикумухского ханств и султанства елисуйского на протяжении тысячи лет занималось и земледелием, и скотоводством. Это очень хорошо подтверждается вещественными и письменными источниками. В горах вообще нелегко было раздельное существование скотоводства и земледелия. Несмотря на все это, своего полного развития феодальные отношения ни у аварцев, ни у лаков, ни у других народностей Дагестана не достигли даже к моменту присоединения Дагестана к России.

Как видно, в нашей историографии по такой научной проблеме, как общественно-экономическое и политическое развитие Дагестана накануне его присоединения к России много еще нерешенных и спорных вопросов. Нет единодушия среди советских историков по таким вопросам, как «Что такое вольное общество» и «что такое джамаат?». Невыясненным остается такой большой вопрос как, например, были ли в Дагестане еще в первой половине XIX в. племена, или нет.

Нельзя себе представить общественный строй народов Даге-

стана вне связи с рассмотрением правовых институтов обычного права горцев. Вопросы, связанные с обычаем кровной мести и обычаями самоуправного захвата имущества должника (ишкиля), до сих пор остаются вне внимания исследователей. Изучение эволюции кровной мести и ишкиля и других обычаев показало бы, как патриархально-родовые пережитки в условиях Дагестана приспособлялись к обслуживанию интересов имущих классов.

Исследования своеобразных форм хозяйственного отношения и выявления специфических сторон процесса классового образования у народов Дагестана целиком должны опираться на теоретические положения марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях. В трудах классиков марксизма-ленинизма раскрываются важнейшие закономерности развития народов Востока и в том числе народов Кавказа.

При изучении общественного строя дагестанских вольных обществ ни один исследователь не может обходиться без труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Руководствуясь этой работой Ф. Энгельса, исследователь на конкретном материале может раскрыть существенные признаки, характеризующие общественный строй вольных обществ.

Крайне важны в разработке поставленной научной проблемы труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» и письмо «Товарищам-коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики».

В «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин дал исчерпывающую характеристику феодально-крепостническому хозяйству и определил важнейшие черты хозяйственно-политического развития народов Кавказа в пореформенную эпоху¹. В письме к «Товарищам-коммунистам кавказских республик»². В. И. Ленин обращает внимание на своеобразие и конкретные условия в развитии этих республик, только что вступивших на путь советской власти.

Исключительную ценность для понимания особенностей исторического развития Дагестана представляют доклад И. В. Сталина на X съезде РКП(б) и резолюция съезда «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». В резолюции съезда указывается на существование первобытных форм полупатриархального, полуфеодального быта в Азербайджане, Крыму, Туркестане, Дагестане, у горцев Кавказа, татар, башкиров и других народов³ даже в начале XX века.

Методологические указания, как подойти к изображению кон-

кретного исторического процесса развития Дагестана в изучаемый нами период, мы находим в «Замечаниях» по поводу конспекта учебника по истории СССР И. В. Сталина, А. А. Жданова, С. М. Кирова. В «Замечаниях» говорится о дофеодальном и феодальном периодах в истории средневековых обществ и об основном признаке, отличающем оба эти периода друг от друга. В дофеодальный период «крестьяне еще не были закрепощены»¹.

Эти указания И. В. Сталина, А. А. Жданова, С. М. Кирова являются ключом для решения вопроса о формировании феодального общества на территории Дагестана.

Положения, высказанные классиками марксизма-ленинизма, по вопросу экономической основы феодализма и внеэкономическом принуждении при феодализме, о базисе и надстройке, о законе обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, о роли и месте простого товарного производства имеют неограниченное значение для изучения истории народов Дагестана. Ни в одной работе еще не затрагивался вопрос о сложении дагестанских народностей. Нет в нашей литературе ясности в вопросе о том, кто из дагестанских народностей к началу XIX в. составлял народность и кто категорию этнографическую.

В период, изучаемый нами, в Аварии сложилось ханство, т. е. государственность, но процесс образования аварской народности тогда в Аварии окончательно не был завершен. Не завершился этот процесс и у целого ряда других народностей Дагестана.

В. И. Ленин² указал на необходимость изучения товарного производства, как составной части феодального способа производства.

На материалах по дагестанским вольным обществам и ханствам можно проследить этапы развития товарного производства в Дагестане. Например, начальный этап развития товарного производства прослеживается на материалах вольных обществ, а последующий за ним этап — на материалах ханств. Правда, вольное общество еще не ханство, не княжество, но в нем существует собственность на землю и скот. А товарное производство возникло вместе с частной собственностью. Больше того, в вольных обществах существует и общественное разделение труда. Классики марксизма-ленинизма указывают, что общественное разделение труда составляет общую основу всякого товарного производства. Решающее влияние его в системе хозяйственной жизни Дагестана бесспорно. В силу характера работы нам впервые пришлось заняться изучением некоторых категорий, связанных с развитием товарного производства в Дагестане.

¹ К изучению истории. Москва, 1946, стр. 21.

² В. И. Ленин. По поводу так называемого вопроса о рынках. Соч., т. 1, стр. 77.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 519—523.

² В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 295—297.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть 1. 1953, стр. 559.

К. Маркс говорит об иммунитете, как атрибуте феодального землевладения¹. Никто из исследователей, занимавшихся историей Дагестана не отрицает, что в каждом ханстве имелся свой феодальный класс, который эксплуатировал зависимое население, применял методы внеэкономического принуждения. Но как выглядел в Дагестане феодальный иммунитет, об этом в литературе ничего нет.

То, что в Дагестане господствовали отсталые патриархально-феодальные отношения в этом никто не сомневается. Но остается невыясненным вопрос о том, все ли народности Дагестана находились на этой стадии общественного развития или некоторые из них пошли дальше патриархально-феодальных отношений.

Мы привели некоторую часть неразработанных в советской историографии вопросов по истории Дагестана, которые могут быть решены на основе марксистско-ленинской методологии. Перед исследователями, работающими над разрешением проблем по истории Дагестана, открыта широкая перспектива для создания ценных трудов, могущих стать крупным вкладом в советскую историческую науку.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ АВАРСКИХ ВОЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ

I. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ АВАРСКИХ ВОЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ

§ 1. ВОПРОС О ХАРАКТЕРЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОЛЬНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Вопрос о характере производственных отношений в аварских вольных обществах в литературе ставился не раз¹. Несмотря на это остается все еще невыясненным, что же явилось основой производственных отношений в вольных обществах?

Чтобы выяснить этот вопрос, мы должны обратиться к источникам. Среди них по своей ценности первое место несомненно занимают адаты аварских вольных обществ. Адаты эти отразили в себе те общественные отношения, которые сложились в процессе взаимодействия людей в вольных обществах.

Когда говорится об адатах, имеются в виду не только материалы, опубликованные в свое время официальными органами царского правительства, но и те, что остались в рукописях и еще не стали доступными для широкого круга исследователей. Тщательное и глубокое изучение этих материалов раскрывает картину чрезвычайно сложных и обостренных общественно-эко-

¹Для Ад. Берже отношения, сложившиеся в аварских вольных обществах, являлись отношениями племенными. См. «Краткий обзор горских племен на Кавказе». Тифлис. 1858.

М. Кавалевский эти отношения рассматривал как родовые. См. «Закон и обычай на Кавказе», т. II, Москва, 1890.

И. И. Петрушевский показал, что у джаро-белоканцев сложились аристократические отношения. См. «Джаро-белоканские вольные общества». Тифлис. 1934.

По мнению П. А. Брюханова во всех дагестанских вольных обществах господствовали патриархально-общинные отношения. См. «Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX века». Сборн. трудов Пятигорского Госпединститута. Вып. I, Ставрополь. 1947.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 366.

номических отношений. Адаты, особенно в первичных их записях, дают богатый конкретный материал для истории аварского народа. По ним мы можем судить об уровне развития вольных обществ, определить степень разложения в них доклассовых отношений и возникновения отношений классовых.

Начнем с рассмотрения сведений, помогающих дать характеристику производственных отношений в аварских вольных обществах.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что, судя по адатам, еще к середине XIX в. ни один джамаат полностью не изжил у себя коллективных форм собственности на пахотные и пастбищные земли, на луга, лес и воды. В одних джамаатах эта форма собственности выступала под названием «пахотные места аула»¹ или «земля нашего селения»², в других аулах прямо называлась «собственностью джамаата»³. В некоторых джамаатах (напр. Ходоти, Хелетури) сохранилась и общая собственность на скот⁴, на леса и воду. В Тухитах, Инхо, Согратле, Зивури общественные земли носили название «харим». В джамаатах Лунуб, Асаб, Кахиб, Гиблиб имелись земле-заповедники. На этих землях нельзя было пасти скот, косить сено, рубить дрова, делать распашки. В некоторых джамаатах имелись общественные земли, отдававшиеся нуждающемуся члену джамаата в аренду, за плату⁵.

В ряде вольных обществ происходил периодический передел общих земель между жителями джамаата. В Тляреше общественные пастбищные земли распределялись между людьми, имеющими скот. При этом земля отводилась по количеству скота. Тем, кто не имел скота, пастбищная земля не выделялась. В джамаате Гочоб лесом на равных основаниях пользовались четыре тухума. Вырубленный лес распределяли поровну между всеми членами тухума по мужской линии, если в семье не было мужчин, пай леса не полагался⁶.

Следы этой формы землепользования лично наблюдал выдающийся этнограф и археолог Д. Н. Анучин в бытность его в 1882 г. в аварском ауле Кадар. Вот что он записал об этом в своем отчете о поездке в Дагестан: «Вся земля составляет общее владение и подвергается переделке через каждые два года»⁷.

¹ Адаты общества Урада. Перевод с арабского языка С. Абдулаева. Рукопись.

² Адаты общества Хинти. Перевод с арабского языка М. Саидова. Рукопись.

³ Адаты общества Ходота. Перевод с арабского языка М. Саидова. Рукопись.

⁴ Там же.

⁵ Сведения о Гиблибе, записанные М.-Д. Садыковым. Рукопись.

⁶ Краткая запись об образовании аула Гочоб и об исторических памятниках. Составил А. Сулейманов.

⁷ Д. А. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. ИИРГВ, т. XX, вып. IV, 1884. Стр. 386.

В Аварии мы сталкиваемся с необычайно интересным явлением, связанным с пользованием землей. Здесь одной пастбищной территорией совместно владели несколько джамаатов. Так, например, джамаат Читль имел пастбищную землю в совместном пользовании с джамаатом Арчи-Шали, Ниж. Инхо с джамаатом Мехельта, Рикуаны с джамаатом Ботлиха, Ансалта с джамаатом Муни, Тад-Магитль с джамаатом Гакуары, Конхо с джамаатом Тиндиль, Сантлада с джамаатом Асахо, Ратлу-Ахвах имел общие пастбищные горы с другими джамаатами и т. д.

Возникает вопрос: при каких обстоятельствах могло сложиться совместное владение нескольких сельских общин одной пастбищной территорией?

К сожалению, имеющиеся источники ничего не дают для выяснения этого очень важного для нас вопроса. Поэтому приходится прибегать к косвенным данным, собранным нами в разных аварских районах и строить на основе их свои предположения. По одному из таких предположений начало совместного пользования пастбищной территорией относится к периоду распада аварского патриархального рода. В связи с распадом союза кровных родственников, отдельные члены его отделялись друг от друга территориально, начинали жить в разных поселениях и пастбищные земли, некогда общие, оказывались во владении разных поселений.

Мог быть и другой путь складывания совместного владения одной пастбищной территорией. Сельские общины могли захватывать чужую территорию или заставлять уступать себе часть земли.

Совместное землепользование и землевладение устанавливалось только на пастбищные земли. Объясняется это тем, что основной отраслью хозяйства населения вольных обществ было скотоводство.

Наличие в аварских джамаатах общих земель являлось не только бесспорным фактом, но эти общественные земли строго оберегались от захвата их частными лицами. Для этого применялись коллективные меры. Так, например, в джамаате Ригитль¹ существовал обычай: если крестьянин вспахал из общей земли больше того, что общество ему выделило, то с этого крестьянина брался штраф и из его земельного участка лучшее место прирезывалось к общественной земле. В Хелетури для наблюдения за порядком пользования общественными пастбищами выбиралось особое лицо «Гел». В Кахибе было установлено: с того, кто впустит своих овец или лошадей в посевы или луга аула, взыскивать мерку зерна. С того, кто без разрешения старейшины вы-

¹ Адаты общества Ригитль. Перевод с арабского языка М. Гаджиева. Рукопись.

рубал лес из общественного леса, взыскивалась тоже одна мерка зерна¹.

Асабцы приняли специальное постановление в отношении общественных земель. В постановлении говорится, что «население аула согласилось не продавать и не покупать пахотные участки аула. Кто продал или купил их, а также кто дал согласие на это из главарей аула и полицейских, с них каждого взыскивается в виде штрафа бык стоимостью в пятнадцать голов овец. Население аула также согласилось на то, чтобы не продавать и не покупать отведенные для пастбища и неиспользуемые пастьбой земли до определенного времени. Штраф то же самое, что и за продажу и покупку пахотных участков земли»². В джамаате Тидиб взымали штраф — котел в четыре ратала с того, кто посылал свой скот пастись в заповедные дуга³. Мачадинцы запрещали постройки на земле, принадлежащей сельскому обществу. Если кто строил, того заставляли разрушить постройку и внести штраф — по котлу весом в три ратала⁴. В Ирибе, Рульде, Ритлябе, Мукрахе, Ценебе, Хурухе при потраве общественной земли, посылались два почетных человека для осмотра и оценки убытка. Если почетные лица подтвердят потраву, то убыток взыскивался с владельцев тех земель, которые расположены были ближе к потравленному пастбищу⁵.

Мы привели факты, в достаточной степени свидетельствующие о неугасших стремлениях населения вольных обществ к коллективизму. Из сказанного видно, что в джамаатах, входивших в вольные общества, в рассматриваемое время сохранилась общественная собственность на некоторые земли. Эта форма землевладения все еще играла существенную роль в экономической жизни аварцев.

Однако, не пережитки старого строя определяли сущность производственных отношений в вольных обществах. Наряду с джамаатами, сохранившими общественные земли, имелось немало джамаатов, в которых этих земель было мало или их не было вовсе.

В аварских джамаатах на базе разложения остатков общинной собственности на средства производства и возникновения индивидуальной собственности зарождались новые производственные отношения. Этим новым отношениям соответствовал способ ведения хозяйства. А хозяйство в джамаатах велось инди-

видуально при общности пастбищных и иных земельных территорий. Совместная обработка земли под видом «гвай» у аваров сохранилась только по названию. Гвай по-аварски — это трудовая помощь. Такая трудовая взаимопомощь родственников оказывалась друг другу и в XIX веке.

По адатным данным частная собственность в джамаатах фигурирует под названием: «чужая земля»,¹ «владелец пастбища»,² «чужой сад»,³ «чужое владение»,⁴ «хозяин скотины»,⁵ «чужой скот»,⁶ «чужое имущество», «чужая собственность»⁷. Тут слово «чужое» употреблено для того, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть отличие индивидуальной формы собственности от общеджамаатской собственности и, с другой стороны, чтобы отличить «свое» собственное от такого же собственного своего соседа по жизни в джамаате.

Адатное право аварцев полностью отстаивает частную собственность в джамаатах. Оно считает, что частная собственность неприкосновенна. В соответствии с этим аварские адаты предусматривают полное удовлетворение собственника во всех случаях ущемления его имущественных прав. Так, например, в Урада в случае, если скотина потравит посев, через сельскую администрацию устанавливался ущерб и делалось взыскание. В Кахибе имелись индивидуальные сады и с лица, зашедшего в чужой сад с целью кражи, взыскивалась корова. Здесь же в адатах считался преступлением поджог строения, пастбищ и всего, что связано с собственностью члена общины. В случае покушения на собственность собственнику предоставлялось право установить виновного присягой пятнадцати человек из числа своих родственников. Ригитлинцы эту меру возмещения ущерба применяли даже в том случае, если действие было совершено без преднамерения. У них же было принято, в случае кражи кем-нибудь чужого скота, взыскивать возмещение хозяину в двойном размере.

В Тидиб с большой строгостью применялись следующие статьи адатного права: а) кто скосит траву с чужой земли, — котел в четыре ратала; б) с того, кто погнал намеренно свой скот на чужую собственность, — котел в четыре ратала; в) с того, кто ограбил имущество или поломал чужую дверь, или засеял чужую землю насильно, или поселился в чужом доме незаконно — с него бык. В Мачадах человек, взявший чужую вещь, использовавший скотину без согласия хозяина, подвергался штрафу.

¹ Адаты общества Кахиба. Перевод с арабского языка А. Магомаева. Рукопись.

² Адаты общества Асаба. Перевод с арабского языка А. Магомаева. Рукопись.

³ Адаты общества Тидиба. Перевод с арабского языка С. Абдулаева. Рукопись.

⁴ Адаты общества Мачада. Перевод с арабского языка С. Абдулаева. Рукопись.

⁵ АДОЗО, стр. 418.

¹ Адаты общества Урада.

² Адаты общества Асаб.

³ Адаты общества Урада.

⁴ Адаты общества Ригитль.

⁵ Там же.

⁶ Адаты общества Тидиб.

⁷ Там же.

В джамаатах Тлях, Гидаб и Мошоб при потравах на землях частных лиц после заявления о потраве сельский суд командировал для осмотра двух почетных жителей. Если последние засвидетельствуют потраву, производилось взыскание убытка по оценке, указанной почетными лицами¹. Адаты Чоха, Согратля, Кудали, Гасутль, Кегера андалалского общества полностью отстаивают право частной собственности на движимое и недвижимое имущество².

Производственные отношения вольных обществ характеризовались тем, что одновременно существовали две формы земельной собственности: общественная и частная. Остатки общинной собственности составляли общественные земли, все еще не утратившие своего значения в экономике вольных обществ. Тут же рядом, одновременно с общественной, существовала и частная, индивидуальная собственность. Первая форма земельной собственности выражала собой патриархально-общинное начало. Вторая форма собственности представляла собой новые классовые отношения, основанные на частной собственности. Обе формы собственности сильно переплетались друг с другом.

Наличие в экономике вольных обществ различных форм производственных отношений объяснялось условиями материальной жизни аварского общества.

На самом деле, можно ли при изучении основных направлений экономического развития вольных обществ не брать во внимание географическую среду, в которой жили и трудились аварцы? Нет, нельзя. Еще Ф. Энгельс указывал, что земли, «лежащие в глубине материка и особенно неплодородные и труднопроходимые горные страны сохранили и варварство и феодальный строй»³. Дагестан еще более горная страна, чем соседние с ним страны, да и земли его никогда не отличались особым плодородием. По сравнению с соседней Грузией и Азербайджаном, Авария была расположена в неблагоприятных условиях. Суровый климат, изолированность и труднодоступность местности наложили отпечаток на хозяйственное и общественное строение Аварии. Из-за неблагоприятных природных условий⁴ районов расположения вольных обществ, с ограниченными возможностями внешних связей, в Аварии и в других районах Дагестана период распада патриархально-общинного строя затянулся до XIX века.

Географическая среда бесспорно замедлила развитие производства в Аварии, хотя в общем итоге не она, конечно, опреде-

ляла общественное развитие в Аварии. Главной силой развития аварского общества был способ производства материальных благ, необходимых для существования людей.

Частная основа хозяйства подрывала сельскую общину. Сообразно тем условиям, в которых находилось население вольных обществ, основой их хозяйственной жизни являлись земледелие и скотоводство.

Земледелием занималось почти все население вольных обществ. Господствовал отсталый малопродуктивный способ обработки земли. Обработка земли производилась примитивными орудиями земледелия (деревянная соха-пуруц, мотыга и др.) По свидетельству Магомед Тагира Карахского жители аула Мено еще в первой половине XIX в. не знали применения сохи и подготовку почвы к посеву «производили острием железного инструмента руками»¹.

Население вольных обществ сеяло пшеницу — «магар», просо, ячмень, кукурузу, «лен и коноплю, но не для тканей, а для зерна, какое, высушивая, размалывают в мельницах и, пережарив, мешают вроде сухарей, сберегая оные для походов, как питательную и легкую пищу»². Сеяли также «в большом количестве бобы и чечевицу»³. В Моно, Гимрах разводили виноград и продавали его в окрестных аулах. Население Багулала, Койнхиди, Койсубу, Хиндаха имело плодовые сады.

При всем разнообразии сельскохозяйственной культуры мы не можем не отметить, что хлебопашество находилось в самом жалком состоянии. Об этом свидетельствуют русские солдаты, бывшие в плену в Аварии. По словам солдат, «русский крестьянин вспахивает в течение одного дня пространство земли, которое может служить для прокормления в год целого аварского семейства»⁴. Земля, пригодная для хлебопашества, была не везде. В своей записке о поездке в Аварии в 1828 г. командир Моздокского полка подполковник Скалон пишет: «В Аварии грунт земли вообще каменистый, требуется много труда для обрабатывания земли к посеву хлеба, коего недостает на прокормление самих жителей, не только на продажу...»⁵. Земля, пригодная под зерновые культуры, была расположена небольшими клочками вдоль Аварской койсу, на выступах и расщелинах гор. Один из знатоков Кавказа Ад. Берже о Нагорном Дагестане писал в «Кавказском календаре» за 1859 г.: «Неред-

¹ Магомед Тагир. Три имама, стр. 159.

² Записка об исследовании аварского ханства экспедицией, посланной для приведения населения в подданство. Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX в.), под редакцией С. Бушуева и С. Магомедова. Махачкала. 1940, стр. 190.

³ Там же.

⁴ Ад. Берже. Материалы для описания Нагорного Дагестана. КК, 1859. Тифлис, 1858, стр. 251.

⁵ Материалы по истории Дагестана и Чечни, стр. 128.

¹ АДОЗО, стр. 421.

² Там же, стр. 278.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 250.

⁴ См. Д. В. Докучаева описание рельефа Аварии, данное им после поездки по Дагестану в 1878 и 1899 гг. Дагестанский сборник, 1902, стр. 21; Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, вып. 2; Ж. Н. Динник. Путешествие по Закатальскому округу и по Дагестану. Тифлис, 1911.

ко случается видеть, как горец при помощи крючьев и веревок с небольшим мешком пшеницы, прикрепленном к поясу, имея ружье на привязи и кинжал, поднимается на утесистую скалу, стараясь отыскать на ней клочок пахотной земли»¹. Таким образом, в ряде мест в вольных обществах обработка земли сохой с применением тягловой силы животных вообще была невозможной.

В хозяйственной жизни населения вольных обществ скотоводство занимало одно из ведущих мест. Население разводило овец, коз, коров, быков, мулов, ослов и лошадей. Из мелкого рогатого скота преимущественное значение в горах имело разведение овец. Андийцы предпочитали черных овец, из шерсти которых они выделывали бурки. У каратинцев ценились белые тонкорунные овцы, так как они делали белые шерстяные сукна.

Для развития овцеводства кроме летних пастбищ нужны были и зимние пастбища. Их в вольных обществах не имелось. Почти все зимние пастбища находились в собственности феодалов. В своем описании Аварии² за 1796 г. офицеры русской армии Ф. Симонович, Д. Тихонов и А. Серебров подчеркивают, что содержать в Аварии в зимнее время скот не было условий. По этой причине надо было отгонять скот или в кумыкские степи, в Чечню, или же на земли грузинских и азербайджанских князей. За зимние пастбища надо было платить натурой. За кочевку по кумыкской степи платили за сто овец от 4 до 5 овец³, а иногда и более. Приобрести зимние пастбища за плату тогда могли не все вольные общества. Поэтому перегоняли скот на зимние пастбища не везде и во многих районах скот оставляли на зиму в горах. В зимних условиях для пастбищ скота использовались солнечные склоны летних пастбищ, покрывавшиеся зимой зеленой травой. Одновременно скот подкармливался сеном и мякиной.

В ряде мест Аварии скотоводство продолжало носить полукочевой характер. Через восемь лет после присоединения всего Дагестана к России у дидойцев побывал русский путешественник Н. И. Воронов. Он сообщает в своих записках, что у дидойцев «на зиму значительная часть населения остается дома, другие перекочевывают на плоскость, в Кахетию вместе с барантою...»⁴.

Все предметы домашнего обихода в вольных обществах производились внутри сельских общин. Поэтому вольные общества при простом воспроизводстве материальных благ жили сравни-

тельно изолированно друг от друга, обмен был ограничен и население Аварии не жило общей экономической жизнью.

По мере усиления обмена и развития торговли происходило разложение патриархально-общинных устоев в вольных обществах. Появляются ремесленники, которые занимались производством не только для нужд населения джамаатов, но и для сбыта своей продукции в качестве товара в соседних вольных обществах или ханствах. Устанавливаются многосторонние экономические отношения в самом Дагестане и за его пределами. Так, например, каратинские сукна с большим успехом продавались не только в Дагестане, но и в Закавказье. В Андии не было ни одного населенного пункта, где бы не производили бурки и войлоки. Андийские бурки славились во всем Дагестане. В Ботлихе, Миарсу, Мено изготовляли из шерсти коз паласы. В Унцукуле производили деревянную утварь и другие изделия из дерева. Куядинские ремесленники выделывали ружья, сабли и кинжалы.

Население Конхида¹ и Инкиль каратинского общества добывали соль для собственного потребления, но ею они снабжали и население соседних вольных обществ. В Аварии разрабатывались серные месторождения и в ряде мест было организовано производство пороха².

Как видно из сказанного, налицо было расчленение производства в аварских вольных обществах на различные области труда (земледелие, скотоводство и ремесло). Возникновение общественного разделения труда в Аварии относится к глубокой древности, к моменту перехода к скотоводству и земледелию. Несмотря на это, ни земледелие, ни скотоводство в Аварии не были разделены друг от друга и труд одного и того же крестьянина применялся и в земледелии, и в скотоводстве. Без такого сочетания разнородных видов производственной деятельности горскому крестьянину жить было очень трудно.

Что касается ремесла, то оно тоже во многих местах не выделялось из земледелия. Крестьянин в джамаате продолжал вести и сельское хозяйство и скотоводство и заниматься домашней промышленностью. Изделия домашних промыслов потреблялись непосредственным производителем.

В. И. Ленин устанавливает три этапа в развитии мелкой промышленности: домашнюю промышленность, ремесло и мелкое товарное производство. В аварских вольных обществах существовали все эти три формы мелкой промышленности. Как указывает В. И. Ленин, домашние промыслы составляли «неотъемлемую часть натурального хозяйства...»³. В джамаате непосредственный производитель продолжал вести и сельское хо-

¹ Ад. Берже. Материалы для описания Нагорного Дагестана. КК за 1859 год, стр. 260.

² ЦГВИА, ф. ВУА, л. № 18502, л. 20.

³ Ад. Берже. Материалы для описания Нагорного Дагестана. КК за 1859 год. Тифлис, 1858, стр. 253, 260.

⁴ Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, вып. 1, стр. 14.

¹ Неверовский. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб 1847, стр. 44.

² ЦГВИА, ф. ВУА, л. № 18474, л. 21.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 285.

зайство и скотоводство и занимался домашним промыслом для собственного потребления. С другой стороны в вольных обществах было немало ремесленников, которые производили то или иное изделие по заказу потребителя. В этом случае непосредственный производитель только частично был оторван от своего земледельческо-скотоводческого хозяйства. На третьей стадии развития мелкой промышленности «ремесленник появляется на рынке»,¹ продает товары непосредственно или через скупщика. Мелкая промышленность в вольных обществах развивалась по линии: а) шерстяного ткачества; б) изготовления войлоков и бурок; в) обработка металла, дерева и камня. Подобная специализация труда, связанная с развитием мелкого товарного производства, усиливала рыночные связи внутри вольного общества и способствовала разложению патриархального хозяйства общинника.

Существенное влияние на экономическое развитие аварских вольных обществ оказывали торговые и иные связи их с Закавказьем. Напрасно полагают, что в прошлом Дагестан находился в постоянной вражде с Закавказьем и из него совершались на Грузию и Азербайджан одни только грабительские набеги. В противоположность этому ошибочному взгляду мы выдвигаем следующий тезис: **Дагестан постоянно поддерживал с Закавказьем тесные экономические отношения и нарушения их вызывали большие затруднения в положении всего населения пограничных с Грузией и Азербайджаном районов Дагестана.** Поэтому нарушать исторически сложившиеся экономические связи с Закавказьем не всегда было в интересах дагестанского крестьянского населения. По свидетельству правителя по гражданской части в Грузии С. С. Ковалевского Джары и Белаканы были союзниками Грузии².

В начале XIX века, после присоединения Грузии к России, создались некоторые затруднения в сообщении между Грузией и Нагорным Дагестаном. В связи с этим в 1812—1813 годах ряд дагестанских вольных обществ обратился к русскому командованию с просьбой разрешить въезд в Грузию и другие места Закавказья с торговыми целями. Ген. Ртищев 30 июня 1812 года писал Ансалтинскому обществу: «Просьбу вашу о дозволении вам беспрепятственно ездить в Грузию по торговым делам я получил... я охотно позволю вам отправлять в Грузию ваши купеческие караваны...»³. С просьбой «пропускать» аваров в Грузию «для исправления торговых надобностей»⁴, обратился к ген. Ртищеву султан Ахмед-хан».

Ввиду враждебных действий некоторых дагестанских феода-

лов по отношению к России в 1821 г. дидойцам было запрещено ездить по торговым делам в Грузию. Это наносило большой вред хозяйственному состоянию дидойцев. Об этом они писали царскому командованию на Кавказе следующее: «При том доносим вам о том, что мы в таком унынии, как голубь унывает при удалении детей, так как воспрещено караванам нашим ездить туда, без всякой со стороны нашей вины...»¹.

Население аварских районов постоянно нуждалось в обмене своих животноводческих продуктов на хлеб. Оно не могло жить замкнуто, без обмена и торговли. На это указывает и командир отдельного Кавказского корпуса гр. Паскевич в своем донесении от 13 сентября 1828 г. министру гр. Нессельроде: «Аварцы, будучи народом бедным, терпящим нужду в самых первых потребностях жизни, и будучи окружены, подобно им, бедными соседями, не могут доставать необходимые для себя вещи иначе, как в областях наших и между народами, нам подвластными, обменивая иные на некоторые собственные произведения; без такого обмена и без торговли в наших владениях аварцы существовать не могут»².

Все эти факты достаточно убедительно свидетельствуют об имевшихся с давних времен культурно-исторических связях с грузинским и другими народами Кавказа, и решительно опровергают мнение о постоянных немирных действиях аварских народов в Закавказье. Аварский фольклор дает примеры побратимства и усыновления представителей двух народов. Эти идеи нашли свое отражение в известной аварской сказке об аварце Хоже и грузине Ване.

Теперь остановлюсь коротко на вопросе о характере обмена и торговли в аварских вольных обществах. Среди вольных обществ Андийское общество отличалось своими торговыми делами. В Андии производился значительный торг лошадьми, оружием. Оживленная торговля шла людьми, пленными. На бурки андийцы вели свою меновую торговлю. Ежегодно съезжались сюда «торговцы, которые, закупая гуртом андийские бурки», отправляли «их за линию и в Тифлис, а андийцы взамен их» получали «железо, оружие, соль и кукурузу»³. Значительная торговля производилась казикумухцами и андаляльцами через Гидитлинский мост⁴.

В других вольных обществах торговля развивалась тоже в форме обмена. Дидойское население из липы тушинских лесов выделывало деревянную посуду и продавало в кахетинских селе-

¹ Письмо Дидойского общества к генералу С. от июля 1821 г. АКАК, т. 6, ч. II, стр. 16; Докладная записка ген. ад. Сипягина ген. Паскевичу от 30 сентября 1827 г. № 4271, АКАК, т. 7, стр. 206.

² АКАК, т. 7, стр. 509.

³ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, СПб 1871, стр. 500.

⁴ Кавказский сборник, т. 32, стр. 53.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 288.

² Записка С. С. Ковалевского о Грузии. АКАК, т. 1, стр. 122.

³ АКАК, т. 5, стр. 614.

⁴ Там же, стр. 610.

ниях¹. Денежное обращение было ограничено. К тому же собственных денежных знаков Дагестан не имел. Имели хождение иностранные золотые и серебряные монеты: русские, голландские², персидские, и турецкие. Торговые сделки совершались между горцами в глубинном Дагестане большей частью в виде обмена. Деньгами служили крупный рогатый скот и медные котлы. Ценность предмета определялась применительно к стоимости быка, коровы и овцы или весу медного котла. Ценность предмета определялась также применительно к шерстяной ткани, мерке зерна. Источники при обмене отводят первое место скоту. Это и понятно, если учесть, что скотоводство было главным источником питания населения вольных обществ.

В начале настоящего очерка мы поставили вопрос о том, что являлось основой производственных отношений в аварских вольных обществах. На основании приведенных выше данных об основных моментах экономического развития вольных обществ мы теперь можем ответить на этот вопрос вполне определенно. В вольных обществах основой производственных отношений не являлась общественная собственность на средства производства. Здесь мы видим с одной стороны выделение производства предметов хозяйства, усиление обмена и торговли и с другой стороны — привоение пахотных и пастбищных земель частными лицами в свое индивидуальное пользование. На базе этих явлений происходила дальнейшая дифференциация внутри вольных обществ. Классовая дифференциация внутри вольных обществ происходила по линии владения мюльком, т. е. землей и скотом.

Многое для понимания характера производственных отношений в вольных обществах дает аварский джамаат.

§ 2. ДЖАМААТ

Как и в других частях Дагестана в Аварии сельская община называлась джамаатом.

В рассматриваемое время аварские джамааты являлись носителями многих черт патриархально-общинного строя. Одним из характерных пережитков прошлого в джамаатах была общинная собственность на часть средств производства.

Многое для изучения характера общественного устройства аваров дают адаты сельских общин. Исследование их раскрывает сложные взаимоотношения людей и внутреннюю организацию джамаата. По этим адатам мы можем судить о трудовой деятельности земледельца, скотовода, садовода и ремесленника. По ним можно узнать, какие существовали порядки, установления, семейные и иные обряды внутри джамаата и вольного общества.

¹ Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, вып. I, стр. 14.

² Обозрение русских владений на Кавказе, ч. 4, 1836, стр. 136.

Любопытные сведения об организации трудовой деятельности общинника мы находим в адатах Кахибского джамаата. Вот, например, наступила сельскохозяйственная пора. Об этом кахибцы оповещались старейшинами. Согласно принятому обычаю никто не имел право снять урожай, ранее объявленного дня урожая и тот, кто нарушал этот порядок, должен был платить штраф и отвозил урожай обратно в поле. Как об этом говорится в кахибских адатах, в поле можно было возить навоз только в определенное время года. Например, после появления кукушки, навоз по дорогам, расположенным среди полей аула, возить не разрешалось. Для полей, находящихся в горах, подвозка навоза была определена после первого дня лета. Не разрешалось класть для мочки зерно, или обувь в бассейны, где пил воду скот. Запрещалось в день пятницы пасти отары овец над участком дороги, тянувшимся начиная с Кунди до мечети. В случае, если со строения одного человека на улицу падал камень или другой предмет и тем самым причинялся ущерб людям или животным, виновный должен был возместить убыток.

Если кто-либо предъявлял иск на общественную землю, утверждая, что она принадлежит ему, а старики аула свидетельствовали о принадлежности этой земли общине, то участок условно оставался за общиной.

Жители аула по объявленной судьями очередности должны были выступать в качестве охранников посевов. Если кто не исполнял этого, взимался штраф в размере одной мерки зерна. Если кто не являлся на общественную работу (ремонт бассейна, моста, дороги и т. д.), объявленную судьями, за каждый день неявки взыскивался штраф в размере одной мерки зерна.

В дополнение к сказанному, приведу еще некоторые общие установления, применявшиеся в мачадинском джамаате.

Здесь косыба производилась в установленный срок. Если же кто-либо раньше установленного срока покосит траву со своей земли, расположенной вокруг аула, то с того взыскивался штраф.

Пасти индивидуальных овец осенью и весной разрешалось в трех местностях: Тагадибе, Панад Арсобоме и Валуца Лазья. С того, кто пас овец в других местах, взималась мерка зерна. Были и другие запретные места у мачадинцев. Например, такими запретными местами считались Гарци, Сулуби, Шулуба. Нельзя было развлекаться в любое время и чем угодно. В Мачадах играть на зурне, употреблять бубен или барабан разрешалось на свадьбе, на строительстве, во время ремонта мечети. В остальное время развлекаться музыкой, танцевать в ауле и в поле строго запрещалось и с нарушителей взыскивался штраф — мерка зерна с каждого виновного.

Согласно мачадинским обычаям человек, посадивший фруктовое дерево, имел право и на фрукты.

Для принятия присяги в ауле Мачада устанавливался очар (место схода) под домом Абдурагима¹.

Приведенные данные по джамаатам дают ясно понять, что тут мы имеем дело с целой системой исторически сложившихся отношений. Этими отношениями в той или иной степени охватывалась общественная и частная деятельность непосредственных производителей материальных благ внутри джамаата. Государственных объединений территорий вольных обществ не было. Но общая связь внутри джамаата и между джамаатами существовала и держалась на строгой дисциплине и установившихся традициях, на авторитете старейшин и других почетных лиц.

Приведенные выше некоторые статьи адата дают нам понять, что труд крестьянина в джамаате был организован и что распорядок труда в сельских обществах был основан на силе привычки. Она вырабатывалась на протяжении тысячелетий и, несмотря на вторжение в жизнь людей новых экономических моментов, продолжала цепко держаться в джамаате.

Все эти явления могли иметь место в Аварии только при наличии в джамаатах остатков первобытно-общинных производственных отношений. С этим вполне связывалась и территориальная замкнутость джамаатов.

На основе собранных нами материалов и по письменным источникам устанавливается, что некоторые джамааты оставались долгое время, как особые замкнутые объединения. Доступ в такие джамааты членам другой общины был затруднен. В подтверждение сказанному мы можем привести целую систему мер, применявшихся в джамаатах для ограничения передвижения населения из одного джамаата в другой. В одном джамаате можно было брать себе невесту из другого джамаата, но при обязательном условии привода невесты в дом жениха. В Хинтах, если кто-либо женился в другом джамаате и оставлял свой дом, с тех родителей, чьим сыном он являлся, брали ежедневно по шали, пока сын не возвращался в свой дом. Джамаат мог исключить из своего состава провинившегося жителя. После исключения жителю села отказывали во всем, вплоть до огня и воды. Никто не имел права помогать исключенному². В этом же джамаате разрешали исключенного побить и даже убить. В этом случае убийца освобождался от выкупа и мести.

Внутри джамаата каждый из его членов мог кому угодно продать свой участок земли. Но продавать землю человеку из другого селения строго запрещалось. С продавшего взыскивался четырехгодовалый бык и кроме того штраф по усмотрению судьи до тех пор, пока продавший не возвратит свою землю³. Нельзя было даже арендовать землю человеку из другого селения для

¹ Адаты общества Мачада.

² Адаты общества Хинта.

³ Адаты общества Лануб, перевод с арабского языка С. Абдулаева.
Рукопись.

молотбы. С того, кто нарушал это правило, брался котел. В Хинтах запрещалось продавать, дарить, жертвовать или отказываться от права на свое недвижимое имущество кому-либо из представителей пяти окружающих джамаатов. С нарушителя сразу взымалось два быка и ежедневно по две шали, пока он обратно не получит проданное или подаренное.

В урадинских адатах сказано, что «в число жителей селения не должен быть включен тот, который не является нашим, на него не должно распространяться ни добро, ни зло, если даже чужой придет с быком или лошадей для жителей селения. С того, кто даст чужому человеку жить в своем доме или имении, — одна корова. Если придет кто-нибудь из нашего селения с чужим человеком в селение для житья, то за ним одна корова»¹.

В Тидибе не разрешалось жить в ауле и хуторе пришельцу. Кто отступал от этого правила, должен был платить штраф за каждый день — котел в четыре ратала.

В Ураде, Ланубе запрещалось допускать в управление делами джамаата лиц из другого джамаата. Нельзя было уполномочивать человека из чужого селения. Кто помогал человеку из чужого селения, подвергался штрафу.

Заметное место в быту у аваров занимала родовая месть. Нам известно, например, что в джамаатах Ходата и Хинта родовая месть поощрялась. В этих джамаатах с того, «кто не отмстил за кровь, ежедневно взыскивались две шали»². У аварцев, как и у других дагестанских народов, существовал обычай, если убийца прибежал в дом убитого, его не трогали до тех пор, пока он находился в данном доме.

Одним из пережитков патриархально-родового строя у аварцев было укрывательство всей общиной преступника от наказания. Так, например, если мачадинец убивал человека из-за дела всего джамаата, то каждый житель Мачады должен был доставить убийце по ослиному выюку дров. Кроме того убийца освобождался от очереди пасти скот и нести полицейскую службу. В том случае, если кто-либо из другого села совершит несправедливость по отношению к мачадинцу — отнимет что-нибудь насильно или ворвется в имение мачадинца или мачадинец подерется с ним и не будет кричать о помощи против чужого лица, то с мачадинца брался штраф одна шаль. Если же мачадинец будет кричать и никто не придет на помощь, хотя он услышал его крик, то с последнего бралась одна шаль. Если мачадинец кричал о помощи и подрался с чужим человеком и при этом он или другой мачадинец убьет или ранит чужого человека, то штраф и дият брали на себя все жители джамаата³.

То же самое мы находим у хинтинцев. Согласно хинтинскому

¹ Адаты общества Урады.

² Адаты общества Ходата.

³ Адаты общества Мачады.

адату, если аульчанин убил кого-либо из другого села, или побил, или фанил из-за своего односельчанина, штраф, возмещение и все расходы ухода за раненым джамаат брал на себя и джамаат помогал в пахотном, уборочном деле и в выполнении других работ. Урадинец мог в интересах джамаата пойти на любое рискованное дело. При исполнении этого дела его могли ранить, изувечить, даже убить или он мог потерпеть большой материальный ущерб. В этом случае все жители джамаата брали на себя всю тяжесть забот об этом человеке.

В адатах урадинцев записано: «жители Уради согласились... на то, что лицу, совершившему убийство из-за интереса селения, дается участок земли в размере десяти меток из мечетских земель: пять меток из верхней части земли и пять из нижней части с выдачей семян для засева этого участка. Ему дается также ослиный выюк дров и другой выюк овощей. Если кто из жителей откажется от внесения положенного этому лицу, с него взимается шаль»¹.

Общинные отношения в отдельных местах держались очень крепко. Это относится к таким джамаатам, в которых не только имелось много общих земель, но не видно было еще социального расслоения. В Тляроте, Шулане, Урибе, Тидибе, Тадмагатли население различало себя друг от друга только принадлежностью к тому или иному тлибилу.

Возрастающую роль индивидуального собственника в джамаате мы можем проследить на примере взимания долга. Для должника был установлен жесткий срок погашения долга. С того, кто не погашал задолженности в Ходотах и Хинтих, брался за каждый просроченный месяц по одному быку. Во всех случаях погашения долга должник ставился в невыгодное положение.

Одним из ярких фактов, свидетельствующих о глубине укоренившихся в сознании общинника частнособственнических отношений являлось превращение родовой мести в постоянный институт кровной мести. Мы выше обратили внимание, что у аварцев в некоторых местах применялась и родовая месть. Но в остальных частях Аварии она изживалась. Здесь убийство, ранение, увечье — все это рассматриваются уже с точки зрения материального ущерба, нанесенного потерпевшему или его родственникам. «С убийцы взыскивается стоимость тридцати коров, — сказано в адатах джамаата Хинта, — половина скотом, вторая половина — стоимостью. Кроме того, для села взыскивается в качестве штрафа стоимость 15 овец и вдобавок взимается бык для Фухума убитого»².

В одних джамаатах было принято на установленный срок изгонять убийцу из аула, а в других он должен был отсиживаться дома. «Если же убийца до истечения одного года выходил из

кровного дома, то с него взыскивалось за каждый день выхода по одному котлу»¹. В тех случаях, когда убийца оказывался не в силах откупиться, «уплатить дият»², родственники убитого имели право «назвать врагами двух самых близких родственников убийцы. Одним врагом мог быть убийца и другим врагом самый близкий из его родственников»³.

По адатам Ругуджа и Согратль, сознавшийся в убийстве признается виновным только в том случае, если он равного происхождения и имущественного положения с убитым⁴.

В свете сказанного становится ясным, каково было положение отдельного человека в аварском джамаате. Над ним довлела целая система общественно-политических организаций. Отдельный человек, живущий в сельской местности, был связан, во-первых, с семьей, во-вторых, с тлибилем и, в-третьих, с джамаатом. Организующим центром его была община. Поскольку сельская община была цела, сельское население в своей деятельности опиралось на ее организацию и поддерживало эту организацию. И как только в общине появилась сила, направленная на разрушение ее основ, положение отдельного человека в джамаате еще более осложнилось. Это было связано с ростом частной собственности внутри джамаата.

Ф. Энгельс указывает, что община «возможна, лишь пока имущественные различия между ее членами ничтожны. Как только эти различия усиливаются, как только некоторые ее члены становятся должниками-рабами других, более богатых членов, — так ее дальнейшее существование невозможно»⁵. Невозможным оказалось дальнейшее существование в первоначальном виде аварской сельской общины — джамаата. Имущественные различия между членами джамаата привели к распаду населения на различные социальные группы. Исходным моментом нового общественного развития в джамаатах становится частное землевладение. И отношения сельского населения строились сообразно с теми формами земельной собственности, которые все более прочно водворялись в джамаате. Тут в рассматриваемое время существовали четыре формы собственности: общественная, тлибилская, мечетская, частная.

При определении социальных сдвигов, происшедших в вольных обществах, мы не можем не учесть и то обстоятельство, что аварская сельская община с давних пор находилась под воздействием феодального Хунзаха и других феодальных центров. Влияние феодализованной Аварии и других феодальных княжеств на судьбу общины было значительно. Под их давлением много

¹ Адаты общества Урада.

² Дият — плата убийцы наследникам убитого.

³ Адаты общества Ригитль.

⁴ АДОЗО, стр. 273.

⁵ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 149.

¹ Адаты общества Урада.

² Адаты общества Хинта.

сельских общин теряли свою самостоятельность и становились данниками феодальных владельцев. Нередки случаи, когда данниками становилась не одна какая-либо община, а все вольное общество. Такими данниками хунзахского хана еще в первой четверти XIX в. были Анцухское и Ахвахское вольные общества. Даннические отношения обычно кончались полным порабощением всего населения вольного общества. Судьба таких вольных обществ, как Нака-Хиндалал и Хедалал, может служить иллюстрацией сказанному. Эти общества были включены в состав хунзахского ханства и население превращено в феодально зависимое. В зависимости от кумыкского князя Шамхала, находились вольные общества Хиндалал и Унцукуль. Стада овец постоянно зимовали во владении Шамхала¹. Рента с пастбищ здесь явилась начальной ступенью на пути ликвидации самостоятельности вольных обществ.

Наряду со сказанным необходимо отметить, что в различных частях Аварии историческое развитие вольных обществ протекало неравномерно. По уровню исторического развития вольные общества можно разделить в основном на две группы: на полупатриархальные и на полуфеодальные. Мы располагаем фактами, свидетельствующими о том, что ряд вольных обществ выступал в роли «коллективной сенерии», т. е. коллективного феодала в отношении некоторых джамаатов. Они держали в зависимости от себя джамааты соседних вольных обществ. Так, например, в зависимости от Анцухского общества находилось общество цезов. Цезы платили анцухцам дань в размере одной овцы с двух семейств². Во времена грузинского царя Ираклия IV приалазанские деревни: Сибун, Шилди, Амати и другие платили капучинцам ежегодно по четыре абаза (80 жоп. сер.), по курице, десять чурек, пять бутылок водки с каждого дома. Кахатинские деревни: Кварели, Гавиза, Чикани и Кочетани отбывали то же самое анцухцам³. Джамаату Гочоб (карахское общество) давали дань жители Урух-Сита. Дань платили потому, что они жили на земле, принадлежащей гочобцам⁴. Джарское общество владело 21 мугальским и ингилойским селением⁵.

Все это коренным образом меняло форму отношений между людьми в джамаатах и вольных обществах. Ханы, беки, шамхалы и общинная знать начинают распоряжаться трудом крестьянина вольного общества, начинают принуждать его к отбыванию установленной повинности. На практике эксплуатация крестьян

осуществлялась в рамках патриархальных обычаев, используя для этого в самой неприкрытой форме такие остатки старого строя, как, например, тухум, джамаат, вольное общество и адатные нормы.

В смысле общего уровня культурного развития население вольных обществ сильно отставало. Правда, нам известно, что в Андалалском вольном обществе жил известный алхимик, астроном, математик и филолог Дамадан Мугинский. Ему приписывают перевод с персидского языка на арабский язык толкования к сочинению Улуг-бека и медицинских книг. В Кудали в середине XVIII в. жил поэт и филолог Хасан, сын Гаджи-Магомеда — сына Али. Он писал на аварском и арабском языках. Мухад из Чоха составил руководство по пользованию астролябией, интересовался астрономией. Из народных преданий нам известно, что население цунтинских аулов знало одновременно два—три языка (свой родной, аварский, грузинский, азербайджанский или кумыкский). И все же население аварских джамаатов отличалось своей неразвитостью и политической отсталостью.

Живучесть в быту патриархально-родовых пережитков сопро-
воджалась в некоторых джамаатах господством ряда диких обычаев. Так, например, в Гочобе до сих пор сохранился каменный столб с круглым отверстием в середине. По рассказам местных жителей, в старину, виновного в краже чужого имущества заставляли просовывать в отверстие столба руку и по решению общинной администрации отсекали ее¹. В Солтах смертельно раненный имел право обвинить столько лиц, сколько окажется в нем ран². В Ротлу-Ахвахе, если смертельно раненный не успел никого обвинить в своем ранении, родственники убитого имели право оговорить, кого они хотели. Если на умершем окажется одна рана — только одного, две — двух, а если три и более ран — трех³. В джамаатах Рукдах, Хомох, Сомода, Мусрух, Хиндах, Ругельда и Урчух в случае нахождения мертвого тела без всяких признаков насилия, наследники его могли обвинительной присягой с 15-ю родственниками обвинить в убийстве кого угодно⁴. Согласно адатам джамаатов Гинта, Мачада, Тидиб, Тлях, Урода, Хотода, Гоор, Телетль и Зиури это признавалось за безусловное доказательство к обвинению оговоренного даже в том случае, если последний в момент убийства находился далеко от места совершения преступления⁵.

Тормозила развитие культуры среди населения джамаатов и мусульманская религия. Крестьяне были опутаны ложными

¹ АКАК, т. 4., стр. 609.

² Ад. Берже. Материалы для описания Нагорного Дагестана. КК. 1859. стр. 261.

³ Там же.

⁴ Краткая запись об образовании аула Гочоб и об исторических памятниках. Составил. А. Сулейманов.

⁵ См. И. П. Петрушевский. Джаро-Балканское вольное общество. Тифлис. 1934.

¹ Краткая запись об образовании аула Гочоб и об исторических памятниках. Составил А. Сулейманов.

² АДОЗО, стр. 272.

³ Там же, стр. 352.

⁴ Там же, стр. 338.

⁵ Там же, стр. 333.

истолкованиями явлений природы, социальной и общественной жизни и различными религиозно-обрядовыми отношениями.

§ 3. ТЛИБИЛ

Как было указано, в аварском джамаате продолжал существовать ряд пережитков патриархально-общинного строя. Важнейшим пережитком этого строя являлся тухум.

Наряду с общеджестанским названием «тухум» у аварцев имелось свое название «тлибил» («кьибил»), эквивалентное «тухуму». В Аварии в употреблении был и тот и другой термин. В Каратах тухум носил местное название «гекебе» («гьекебе»).

При историко-этнографическом обследовании Аварии мы имели возможность ознакомиться с прошлой историей многих аварских джамаатов. Одной из характерных сторон части джамаатов было наличие в джамаате нескольких тлибилей, ведущих свою родословную от разных предков. В другой группе джамаатов один предок являлся родоначальником всех тлибилей.

Так, например, в Тляроте вначале был один тлибил Ибрагима. В последующем тлибил Ибрагима распался и на его основе образовались новые тлибилы: Чабачал, Могокби, Дагникох, Качкал, Рудуте. В Кособе вначале был один тлибил. С течением времени сыновья основателя кособского тлибиля Омар и Абдула положили начало новым двум тлибилям. В джамаатах Шулани и Тляруш имелось по пять тлибилей. Тлибили Шуланы: КьехI, Кьацалал, Гьартухаби, Урус считают, что предком этого тлибиля был русский; Падира — происходил от разных предков. Тлибили Тляруша: Абдурахманилазул, Мамиясазул, Камазул, Тутулузул, Хурулал тоже вели свое происхождение от разных предков.

В Чиркее имелись тлибили, образованные от пришлых из разных мест людей. Тлибил Мамаалил состоял из пришельцев из Ашилты, тлибил Курахма — из пришельцев из Чиркаты, тлибил Саады — из пришельцев из Амуши, тлибил Манадилал — из пришельцев из Чингуша, тлибил Чаллабурирал — из пришельцев из Цебе-Ашу. Предание, записанное нами в 1940 году в Чиркее, гласит, что, когда в Чиркее стало много людей, их разбили на шесть больших тлибилей: Баракарирал, Борабизул, Джилалалилал, Фадаразул, Ашилитинал, Дабги-Гасанил Бирасулазул. Передают также, что после этого деления в Чиркее был установлен обычай включать пришлое население в эти тлибили, смотря по тому, у кого из них пришелец первоначально остановился. Очевидно то, что происходило в Чиркее, есть один из путей смещения людей разных тлибилей. Включая в свой состав пришельцев, увеличивая свою численность, тлибил усиливался. Но это усиление тлибиля вело к разрушению его внутренней самостоятельности, к нарушению его родственного состава.

Включение пришельцев в состав тлибилей имело место и в

джамаате Мачада. В постановлении мачадинского джамаата сказано: «1. Жители джамаата согласились включить Даршалал в состав Хандрилал со всеми вытекающими отсюда последствиями. 2. Жители джамаата согласились также включить Гитинова со своим тлибилем в тлибил Омариалал»¹.

Численный состав тлибилей в джамаатах был самый разнообразный. Вот перед нами джамаат Хварши. В нем насчитывалось около десяти тлибилей. А в Хелетури всего два тлибиля (Жижиласул и Гьяаулясул). В Джамаате Ругуджа и Гагатле насчитывалось по девять тлибилей, а в Цулда семь, в Голибе четыре (Терхалал, Сабалал, Кичилал, Мирзакал).

Чем же являлся у аварцев тлибил?

В исторической литературе все еще нет ясности в этом вопросе. По существующим в литературе представлениям, тлибил принято считать родом. Мы решительно отвергаем этот взгляд на тлибил. Если действительно тлибил род, то мы должны согласиться с тем, что тлибил был в рассматриваемое время носителем общественного порядка в Аварии. Мы считаем, что тлибил мог быть носителем многих черт родового строя, но он не был в Аварии родом и не мог им быть в рамках джамаата.

По всем печатным и непечатным источникам, известным нам, тлибил существует только внутри джамаата, как сельской общины. Мы не знаем ни одной аварской сельской общины, которая бы состояла только из одного тлибиля. Кроме того, одновременное существование рода и сельской общины нам кажется несоместимым.

Если все это так, то в чем же заключалась сущность аварского тлибиля?

Мы считаем, что тлибил у аварцев, равно как и тухум в своем первоначальном виде, был семейной общиной или большой патриархальной семьей. Тлибил, как семейная община, предполагал организованный хозяйственный и общественный коллектив с главой семьи во главе внутри сельской общины. Тлибил объединял несколько поколений потомков одного предка. Члены тухума — тлибиля жили под одной крышей, сообща трудились и сообща потребляли продукты труда. Так мы представляем аварский тлибил в первоначальном его виде.

Мы не располагаем сведениями о том, что в XVIII или XIX вв. в аварских районах тлибили сохранились в их первоначальном виде. Возможно, что в каких-то глухих районах Аварии уцелели такие архаические тлибили. Мы этого не отрицаем. Но одни, два и даже десять таких тлибилей не могли определять действительное положение вещей в аварских вольных обществах. Большинство тлибилей к этому времени пришли к упадку. Они потеряли свое первоначальное поземельное экономическое значение в джамаате. Нам неизвестно ни по одному источнику, ни по преданиям, чтобы тлибил со своим людским составом вел бы хозяйство

¹ Адаты общества Мачада.

сообща. Когда мы так говорим, необходимо иметь в виду, что речь здесь идет не о малом тлибиле, а о большом тлибиле.

В то же время мы не можем отрицать того факта, что тлибили являлись носителями некоторых черт прежнего хозяйственного и семейного единства. Выражением этого единства являлась трудовая, совместная помощь под названием «гдай», оказываемая членами тлибиля друг другу. Это единство подкреплялось наличием коллективной собственности всех членов тлибиля на пастбищные и сенокосные земли.

Однако, характерной чертой тлибиля являлось индивидуальное хозяйство его членов. В массе своей члены тлибиля вели хозяйство индивидуально. Не тлибил был социально-экономической ячейкой в джамаате, а малая индивидуальная семья являлась такой ячейкой. Правда, глава малой семьи, как индивидуальный собственник, был еще крепко связан с тлибилем.

Спрашивается, что же служило объединяющим для индивидуальных собственников вокруг тлибиля?

Вокруг тлибиля общинников объединяло: во-первых, нахождение в хозяйственном пользовании общих пастбищных и сенокосных земель, общих загонов для скота; во-вторых, их объединяло родственное с остальными членами тлибиля происхождение; в-третьих, — наличие общих культовых мест тлибиля и, в-четвертых, — возможность пользоваться тавром тлибиля (в то время право собственности на скот отмечалось тавром тлибиля).

В свою очередь тлибил по отношению к своим людям выполнял определенные функции. В частности в функции, тлибиля входили: а) защита имущества и личности членов тлибиля; б) несение ответственности перед джамаатом за поступки и дела своих членов; в) оказание помощи членам тлибиля при их хозяйственных и иных затруднениях; г) участие в кровомщении.

В джамаатах тлибили различались по своему имущественному состоянию. В каждом джамаате были тлибили богатые, состоятельные и тлибили малоимущие, несостоятельные. Состоятельность того или иного тлибиля определялась наличием в распоряжении его членов пахотных и пастбищных земель и скота.

Имущественное положение членов тлибиля было далеко не одинаковым. Среди членов одного и того же тлибиля были люди очень состоятельные и малоимущие. В состав тлибиля входили наряду со свободными людьми и несвободные лица. К числу несвободных лиц относились рабы, которыми владели отдельные члены тлибиля.

Тлибил пустил глубокие корни в жизнь аварского народа. Корни эти оказались настолько глубокими, что мы находим тлибил в виде пережитка даже в наше советское время.

Тлибили (тухумы), как носители патриархальных порядков

¹ Например, в джамаате Тидиб тлибили Хандилал и Хедарикал владели общими пастбищными землями Чухох и Чорчи.

Аварии, были в XVIII веке еще очень сильны. Можно сослаться на такой пример, когда знать двух джамаатов Караха и Кела, оказавшись бессильной что-либо предпринять против тухума аула Ригик, вынуждена была обратиться к Умма-хану хунзахскому за содействием. «Мы взяли в свои руки дело аула Ригик, — писала джамаатская аристократия хану, — согласно велению вашего отца и жители указанного аула вошли в наше общество, — *но один тухум не повиновался* (курсив наш. — Р. М.). Мы вас просим, не пускать их баранье стадо и не помогать им и по возможности повредить им. Мы и вы с давних времен живем спаянно и при радости и при недугах. А этот тухум имеет убежище у наших недругов и ходит к ним и клезуничает. Если они будут на стороне наших врагов — это нам стыд и срам»¹.

Некоторые тухумы были так сильны, что выступали даже против целой соседней общины. Перед нами письмо от тухума Чакиласу джамаату Хиндалал, в котором сказано: «Оставьте в прежнем состоянии землю, даренную нашими предками вашему Лабазану, иначе между нами возникнет спор, тем более, у нас имеется доказательство принадлежности участка нам»².

О том, что роль тлибиля в джамаате была значительной, говорят и другие источники. В тех же адатах, на которые мы часто ссылаемся в своей работе, находим сведения и об этом. Взять к примеру ходатинские адаты. Здесь сообщается, что в одном тлибиле совершена кража. В краже подозревается человек из другого тлибиля. Ходатинский адат указывает, что в таких случаях для решения спора надо привести к присяге по три человека с каждого тлибиля. Если одна из сторон не примет присягу, значит кража совершена человеком из того тлибиля, представители которого отказались от присяги³. Или вот другой случай. В тлибиле убит человек. Согласно ходатинскому и хинтинскому адатам с убийцы взыскивается «алум» стоимостью тридцать коров, кроме того для джамаата штраф — пятнадцать овец и вдобавок взимался бык для тлибиля убитого⁴.

В Хочодах собирается собрание джамаата. Согласно обычаю каждый тлибил должен был послать на собрание по три своих представителя⁵. Тут тлибил выступает в джамаате в виде второго лица. На деле получалось так, что в джамаатах ни один вопрос не мог быть решен без непосредственного участия тлибилей.

Такое положение наблюдалось не только в хачадинском джамаате. В Хинта, Асабе, если член джамаата совершил преступление и оно доказано, виновный обязан был уплатить штраф в общественный фонд. Если у обвиняемого не было ни овец, ни быка для уплаты штрафа, его проводили напоказ по аулу. Обычно

¹ Обращение старшин и знати Караха и Кол к Умма-хану хунзахскому.

² Письмо из тухума Чакиласу джамаату Хиндалал.

³ Адаты общества Ходата.

⁴ Там же.

⁵ Адаты общества Хочода.

дело до этого не доходило, потому что член данного джамаата обязательно принадлежал к какому-либо тлибилю, от этого тлибия приходили люди и, если человек был невиновен, давали присягу и обвинение снималось, а если необходимо было уплатить штраф, тлибий уплачивал его за своего члена.

Характерно, что в тлибиях не всегда придерживались брачных запретов. Наряду с общепринятыми нормами брака, в тлибиле брак совершался путем похищения и покупки невест¹. Но сложные обряды и церемонии при бракосочетании в тлибиях сохранились.

Имущественное неравенство в джамаатах породило сложные отношения между тлибиями. Экономически более мощные тлибили старались умалить достоинство членов другого тлибия, нарушали поземельные права их. На этой почве в джамаатах происходили частые столкновения между тлибиями. Отношения между тухумами были враждебные, рассказывается в истории аула Ниж. Гаквари. Здесь каждый тухум старался делать все наперекор другим тухумам. В тухуме, известном под именем Насибовского, мужчины при встрече приветствовали друг друга и обменивались рукопожатием. В других тухумах этого не было. В том же тухуме отмечалось стремление разнообразить пищу, даже в течение одного и того же дня, чего не было в других, экономически, видимо, более слабых тлибиях².

§ 4. КЛАСС ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ

Мы указывали, что аварский джамаат представлял собой разлагавшуюся сельскую общину. Процесс распада патриархально-общинных отношений у аваров сопровождался выделением знати. Процесс этот начался давно. Ко времени, изучаемому нами, представители знати в джамаатах уже сделались крупными собственниками земли и скота. На этой основе в аварских вольных обществах развивался феодальный уклад.

Формирование землевладельческой знати в аварских вольных обществах шло в первую очередь за счет глав тлибилей, Шухби, бегаулов, верхушки мусульманского духовенства. Эта часть состоятельных верхов вольного общества разными путями экспроприовала джамаатские земли и земли своих соседей общинников и ставила общинников в кабальную зависимость. Наглядным примером сказанному служит захват андийским крупным скотоводом Арашом пастбищной земли джамаата Ашали. В народном предании сообщаются некоторые подробности этого захвата.

¹ Н. Львов. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев. I. Аварское племя. ССКГ, вып. III, стр. 20, 30.

² История аула Нижние Гаквари. Рукопись. 1955.

Араш послал на ашалинскую землю свой скот и людей и объявил ашалинцам, что отныне земля принадлежит ему. Ашалинцы воспротивились захватническим действиям Араша. На этой почве было много убийств. Но, как ни сопротивлялись ашалинцы этому захвату, а вернуть обратно свою землю они не смогли; захваченные земли стали носить название «земли Араша»¹.

По нашему предположению выделение землевладельческой знати в аварских вольных обществах происходило в двух направлениях. В одних вольных обществах усиленный процесс выделения землевладельческой знати и скотоводов происходил еще в XVIII и первой половине XIX вв., а в других вольных обществах процесс превращения патриархально-феодальной знати в феодалов к этому времени был уже в основном закончен. Здесь выделялись особые феодальные династии.

Конкретно о складывании феодальных отношений и выделении феодальных династий мы можем говорить в отношении Гидатлинского, Андалалского, Андийского, Салатавского, Хваршинского вольных обществ.

В Гидатле знать титулировалась именем «шуха» (множ. число «шухбы»). В одном предании гидатлинцев рассказывается, как восставшие сбросили жестокого гидатлинского правителя, которого звали Олошаана. Гидатль знает беков и чанков. В адатах Ходата, Гидатлинского общества, сказано: «Если кто не повиновался распоряжению эмиров, например, когда они велели ему исполнить обязанности сторожа, и он отказался, — с него также две шали»².

В Хваршинском вольном обществе сложилась собственная феодальная династия под названием «нуцали». В Хварши нуцали относились к категории людей чистой крови, к людям, стоящим над массой сельского населения. Помимо нуцалов в ауле были люди богатые, носившие название «хитрозис».

В Куанальском вольном обществе, в частности в Гоготле, феодальная династия фигурировала под именем «шамхалов».

В 1941 г., будучи в Чиркее, я записал, что на чиркеевской земле в далеком прошлом было десять населенных пунктов. В числе этих населенных пунктов упоминался Нуцабазул-Росо, что буквально означает селение князей, и Амирхан-Росо, что означает аул, селение князя Амира.

В Салатавском обществе также упоминаются «нуцалы».

У телетлинцев был свой хан по имени Чупан. Род телетлинских ханов был истреблен мюридами путем сожжения их на костре³.

В Андалалском вольном обществе имелись нуцалы, беки и чанки.

¹ Из историко-этнографических сведений об аварях, собранных мною в разное время.

² Адаты общества Гидатль.

³ Магомед Тагир. Указ. соч., 71.

В Ругудже в 30-х годах XIX в. жил Султану¹, его называли ханом андалалов. Ему принадлежали земли «Бокнеб», «Мачи мечI», «Маганиб-рух» и др. Он имел дворец, а вокруг дворца крепостные башни. Род Султану назывался «Хиндилсил», т. е. ханский род. Отца Султану звали Андил-Али².

К категории класса привилегированных землевладельцев относилось мусульманское духовенство. Это подтверждается рядом источников. «Жители аула постановили, говорится в адатах Хинта, освободить аульского кадия от поочередного пастушества, от поочередного приема приезжающих и от остальных сельских повинностей»³.

Представители высшего мусульманского духовенства (шейхул-ислам, шейхи, кади и др.) составляли в Аварии особую феодальную группу. Они владели землями и скотом и являлись распорядителями мечетских вакуфных земель. Будучи феодалами, они жестоко эксплуатировали сельское население вольных обществ.

Согласно требованиям корана каждый мусульманин обязан вносить ежегодно в свою мечеть десятую часть своего годового урожая и сотую долю скотины со стада. Подать эта называлась закатом и делилась настоятелем мечети на три части: одну часть брал настоятель мечети, а остальные две части должны были раздаваться бедным, вдовам и сиротам⁴. Дележ заката часто нарушался и на долю нуждающихся приходилось меньше двух третей.

На основе заката и другими путями духовенство эксплуатировало верующую массу сельского населения. Формы и методы эксплуатации установлены были самые разнообразные. Например, в Мачадах кадий установил определенный порядок выделения заката, — его надо было вносить по окончании рамазана (уразы). По постановлению кадия, кто имел пропитание хоть на один день, должен был выделить из своего хлеба по саху (мерке) с каждого члена семьи и отдать духовенству. Если кто-либо не выделял заката, с того взыскивался штраф — четыре шали⁵.

Кроме этой подати, население отбывало духовенству и другие повинности, обязано было, в частности, обрабатывать и мечетские земли, и земли духовных лиц. В отношении обработки мечетских земель в адатах Караха сказано: «Кто не молотит вакуфное зерно, и кто не подал его по распоряжению судей в мечеть, — с него взыскивается мерка зерна. Кто не выполнил

¹ После ожесточенного сопротивления ругуджинцев Султан был взят Гамзат-беком в плен и убит в Гимрах. Об этом рассказывается у Магомед-Тагира. См. «Три имама», стр. 71.

² Из историко-этнографических сведений об аварах, собранных мною на местах.

³ Адаты общества Хинта.

⁴ Неверовский. Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб. 1847. Стр. 25.

⁵ Адаты общества Мачада.

распоряжение судей относительно вакуфного и мечетского дела, — как-то: чистка и молотба зерна, печение хлеба и изготовление толокна и подвозка в мечеть, — с него взыскивается мерка хлеба ежедневно»¹. В Мачадах крестьяне тоже по очереди обрабатывали вакуфные земли, свозили урожай, удобряли поле. Если кто не обрабатывал в свою очередь вакуфные земли, с того взыскивался штраф — котел весом в четыре ратала. В той же Мачаде по адату разбирались дела, относящиеся к прелюбодеянию, убийству, краже, дракам и наследственные дела, а все остальные дела решались по шариату кадием. Если кто-либо отказывался пойти на шариатский суд, с него ежедневно брали по овце до тех пор, пока он не явится на суд².

Душили народ и строгие обряды мусульманской религии. Если кто загрязнил воду мечети, с него взыскивали штраф — одну шаль. Кто пропустил намаз, или джума-намаз, будучи на таком расстоянии, куда доставал голос муаззина, — взыскивалась одна мерка зерна.

Итак, у аваров вольных обществ была налицо ранне-феодальная знать. Нуцалов, шамхалов, беков, чанков и представителей высшего мусульманского духовенства мы считаем крупными феодалами вольных обществ. Они имели зависимое население, своих рабов и жили в крепких домах с башнями³. К началу XIX в. патриархально-феодальная знать вольных обществ начала консолидироваться в один феодальный класс. Начальной формой зарождения классовых отношений у аваров вольных обществ, как и у других народностей Дагестана, являлись отношения рабства.

§ 5. СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВОЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ

1. Уздени.

При характеристике положения сельского населения в аварских вольных обществах мы исходим из тех изменений, которые произошли в жизни джамаата под воздействием развития частной собственности на землю и скот.

Анализ материалов по экономическому строю аварцев показал неравномерность в развитии вольных обществ. В Аварии, как мы указывали, были вольные общества, вышедшие из состояния дофеодального застоя, были и такие вольные общества, где отношения строились, в значительной степени опираясь на остатки патриархальных отношений.

Имущественные различия между тлибиями — с одной сторо-

¹ Адаты общества Караха.

² Адаты общества Мачада.

³ А. С. Башкиров. Петрография Аварии. РАНИОН. Москва, 1930, стр. 127.

ны, и с другой — рост частной собственности внутри джамаатов и другие моменты, связанные с деятельностью привилегированных лиц усилили социальное расслоение сельского населения вольных обществ.

Основная масса населения вольных обществ оставалась свободной. К свободному сельскому населению относились уздени. Уздени составляли огромную массу населения. Мы знаем такие джамааты, где вообще не знали сословного деления населения. В Тляроте, Шулани, Урибе, Тидибе, Тадмагатли жители сами себя называли или по имени своего тлибиля или же просто свободными людьми джамаата. Узденями они сами себя не называли. В то же время в этих же джамаатах имелись лаги.

Кого же все-таки мы называем узденем?

Узденем в вольном обществе — это крестьянин-общинник, имевший свое собственное хозяйство, собственную землю под названием мюльк. Права и жизнь узденей и их собственность охранялись адатами и общиной. Здесь, когда мы говорим об уздене, как о свободном общиннике, необходимо иметь в виду, что речь идет о крестьянине, собственность которого была основана на личном труде. Среди тех же узденей было очень много таких лиц, которые пользовались чужим трудом, имели большое стадо овец, пастбища.

2. Зависимое сельское население.

Наряду со свободным узденем, не знавшим феодального гнета, в вольных обществах были уздени и не уздени, находившиеся в той или иной степени зависимости от патриархально-феодальной знати. Эта зависимость могла существовать в каждом джамаате.

К числу зависимого сельского населения относились те же уздени, но лишенные земли, средств производства, или уздени, обладавшие и землей и средствами производства, но эксплуатируемые патриархально-феодальной знатью.

Сельское население подвергалось в вольных обществах угнетению не только со стороны нарождающегося класса феодалов, но и со стороны хунзахского, казикумухского ханов, грузинских и кумыкских феодалов. Известно, например, что жители Дусруха, Гилица, Карахского общества считались в зависимости от казикумухского хана. Каждый житель аула Дусрух был обложен податью в пользу хана в размере мерки зерна¹. Население Салатавского общества платило кумыкским бекам ясак, а население Калала вносило подать хунзахскому хану.

¹ Из истории возникновения и образования аула Дусрух Чародинского района Даг. АССР, записанной по рассказам Магомедова З. (80 лет) и Гасанова М. (60 лет). Рукопись.

3. Лаги.

Заметную роль в хозяйстве и общественных отношениях аварцев вольных обществ играло патриархальное рабство.

Рабы в Аварии назывались лагами. На основании материалов, которыми мы располагаем, можно утверждать, что рабство в аварских вольных обществах существовало с давних пор. Следы рабства остались и в рассматриваемое время.

В Аварии рабы имелись у общинной и землевладельческой знати, рабы имелись у тлибилей и рабы находились в общем пользовании всего джамаата.

До начала XIX в. основным источником рабства у аварцев являлся захват пленных во время междоусобных войн и набегов. Не исключена возможность, что еще в XVIII в. в плен брали своих сородичей. Но основную массу пленных составляли грузины и армяне.

Рабство порождалось самим фактом господства патриархально-феодальных отношений в Аварии. Часть рабов продавалась восточным купцам через скупщиков в Дербенте, Тарках, Аксае. По местным преданиям в джамаате Цулда покупкой и продажей пленных занимался местный богач Гайдар-Тин-Магомед¹.

Другая часть рабов оседала в джамаатах. Здесь эксплуатация их носила не везде одинаковый характер. В одних вольных обществах эта эксплуатация носила патриархальный характер, — рабы использовались в качестве дворовых слуг или для выполнения общественных работ. В джамаатах, которые были охвачены процессом становления феодальных отношений, рабы сажались на землю и использовались в хозяйстве в качестве пастухов.

Об изменениях, происшедших в положении раба, свидетельствует следующее постановление урадинского джамаата: «Раб приравнивается к узденю во всем том, что взыскивается с него за ранение, убийство и кражу или порчу чужой собственности»².

В джамаате Кособ, Анцухского общества не держали пленных. Кособцы продавали их жителям джамаата Тамуда. Тамудцы заставляли пленников принять мусульманство и жениться на аварке. После этого они становились равноправными членами джамаата, но их лагское, т. е. рабское происхождение не забывалось.

¹ История сел. Цулда Чародинского района Даг. АССР. Записал Захаров. Рукопись.

² Адаты общества Урада.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ АВАРСКИХ ВОЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ

§ 1. АВАРСКОЕ «БО» И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ВОЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ

Что мы знаем об аварском «бо»? Знаем, что в свое время это слово широко употреблялось в аварском языке. В обычном понятии по-аварски «бо» — это общество, народ, войско. Известно нам и то, что с термином «бо» связано и слово «болмац» — язык (общий язык аварцев).

О том, почему и как возникли оба эти термина и к какому периоду относятся их возникновение, существующие источники ничего нам не сообщают. Очень мало мы находим об этом и в современной исторической и лингвистической литературе.

Происходит так потому, что вопрос об аварском «бо» не стал еще в достаточной степени предметом внимания историков и языковедов. Усилия местных языковедов¹ внести в этот вопрос ясность нельзя признать достаточными.

Мы придаем большое значение истории вопроса о «бо» и «болмаце». Думаем, что не ошибемся, если скажем, что с терминами «бо» и «болмац» связана целая историческая веха в развитии аварского народа.

Разберемся сперва с термином «бо». О том, что понимается под термином «бо», мы сказали. У даргинцев наблюдалось то же самое. В даргинское слово «хГуреба» вкладывалось понятие: войско, ополчение. Мы убеждены в том, что «хГуреба» у даргинцев и «бо» у аварцев — понятия тождественные.

Возникновение даргинского «хГуреба» относится к периоду военной демократии. К этому же времени мы относим и возникновение аварского «бо».

В период военной демократии на территории Аварии сложилось множество межплеменных объединений, союзы племен. Племена и союзы племен вели частые войны. Когда война и организация войны стали регулярными функциями аварских племен, вооруженное население племен составляло войско.

В период военной демократии племена или союзы племен, организованные по-военному, у аваров назывались «бо». Мы записали старинные названия некоторых аварских племен. Вот как они назывались (по народным преданиям): «хундирия бо» (хунзахское войско), «гьидирил бо» (гидатлинское войско), «гГандилазул бо» (индийское войско), «къехГидерилал бо» (ка-

хиское войско), «цунГадирал бо» (цунтинское войско), «хьиндалазул бо» (хиндинское войско), «карилазул бо» (карахаское войско).

Военную организацию народа на определенном историческом этапе мы встречаем и у других народов Дагестана, и у недагестанских народов. Встречаем это мы и у восточных славян. В период разложения племенных отношений у восточного славянства появляется десятичная система. Войско делилось на тысячи, сотни и десятки.

Старинное название «бо» и организация военных сил сохранились и в позднейших наименованиях аварских вольных обществ. Территориальное деление вольных обществ, по существу, рассматривалось, как деление военное, а потом и как этнографическое. Это подтверждается не только устными преданиями, но и письменными источниками.

В записке об обследовании Аварского ханства экспедицией, посланной «для приведения населения в подданство», составленной в 1828 году, говорится: «Авария разделяется на 2 части. Первая — военные округа, в коей имеется 46 дер., а в оных 5895 домов, вторая — данники, в коей 164 дер., 14843 дома. Все сии под непосредственным управлением хана... сверх сих еще Авария имеет 4 военных округа: Гидит или Гид, в оном 19 дер. и имеет 3869 домов; кувал — 24 дер., 2381 домов; Киль — 8 деревень, 1358 домов и Каралал — 18 дер., 2659 домов, оные имеют правление народное, не есть подданные аварцев...»¹.

В Аварии, конечно, было не шесть военных округов, а гораздо больше. Важно то, что в приведенной выдержке говорится об организации населения по военным округам еще в 1828 году. В этой же записке говорится, что во главе этих округов стояли старшины и военачальники². Яков Костецкий тоже отмечает, что «в Аварии наряду с ханством много независимых обществ»³. Подполковник Скалон, лично побывавший в феврале 1829 г. в Хунзахе, в своей записке пишет: «Вольные соседственные общества, названные какими-то военными округами и союзниками аварского хана, ни в каком отношении от него не зависят; их даже и за деньги мудренѳ заставить служить»⁴.

До сих пор мы касались вопросов, относящихся к термину «бо». Теперь необходимо выяснить существо другого термина — «болмац».

В существующей литературе нет еще единого мнения о значении этого термина. Известный дореволюционный исследователь кавказских языков П. К. Услар объяснил болмац как об-

¹ Материалы по истории Дагестана и Чечни, стр. 190—191.

² Там же, стр. 191.

³ Яков Костецкий. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе в 1837 г. СПб, 1851, стр. 6.

⁴ Материалы по истории Дагестана и Чечни, стр. 127.

¹ М. С. Саидов. Глухой литературный л1 и глухой заднебный хь в аварском литературном языке. Сб. «Языки Северного Кавказа и Дагестана», Москва, 1948; его же, возникновение письменности у аварцев. Сб. «Языки Дагестана», вып. I, Махачкала, 1948; Ш. И. Миканлов. Пути образования аварского литературного языка. Сб. «Языки Дагестана», вып. II, Махачкала, 1954.

щий язык аварцев¹. Проф. Л. И. Жирков назвал болмац войсковым, ополченским языком². В недавно опубликованных работах специалистов аварского языка М. С. Саидова, Ш. И. Микаилова болмац в одном случае рассматривается как межплеменной язык³, в другом — как язык междиалектного общения⁴. В новом издании «БЭС» болмац назван войсковым языком⁵. Последнюю точку зрения разделяет и проф. А. С. Чикобава⁶.

По-разному трактуется и вопрос об образовании болмаца. По мнению П. К. Услара, болмац — это следствие политики аварских ханов и предводителей мюридизма. Война и военные столкновения, связанные с политикой ханов и движением мюридизма, привели к установлению единообразия в языке в виде болмаца. В основе болмаца лежал хунзахский язык⁷. Ш. И. Микаилов считает, что болмац образовался в результате слияния северных диалектов аварского языка с диалектами средней полосы Аварии⁸. По мнению М. С. Саидова, болмац образовался на основе речи единого войскового ополчения⁹.

Сказанное П. К. Усларом и нашими лингвистами о том, что такое болмац, и о путях его образования, мы не считаем окончательным мнением в этом вопросе. В связи с этим хотелось бы высказать некоторые соображения по этому вопросу.

Мы видели, что большинство лингвистов склонно видеть в болмаце язык межплеменного общения. На каком основании? Разве в истории аварского народа существовал особый язык под названием болмац, кроме известных нам языков, живые слова которых поныне сохранились?

М. С. Саидов говорит, что болмац вначале был устный, а затем приобрел литературную форму. Он же говорит, что болмац был основан на хунзахском диалекте¹⁰. М. С. Саидов и Ш. И. Микаилов считают, что уже в XVIII и XIX веках, наряду с диалектами и самостоятельными языками, существовал литературный язык в форме болмаца.

Мы не собираемся отрицать факта распространения в Аварии разговорной речи хунзахского диалекта. Утверждение этого диалекта объяснялось тем, что формирование народности из населения, жившего вокруг хунзахского плато, произошло раньше, чем имело место у андийцев, андалалцев, карахцев, каратин-

¹ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание, т. II. Аварский язык. Тифлис, 1899, стр. 5.

² См. «МСЭ», I изд. «Аварский язык».

³ М. С. Саидов. Глухой литературный лI и глухой задненёбный хъ в авар. лит. языке, стр. 103.

⁴ Ш. И. Микаилов. Пути образования аварского литературного языка, стр. 22.

⁵ Аварский язык. БЭС, т. I, стр. 62.

⁶ Проф. А. Чикобава. Введение в языкознание, ч. I. Москва, 1952, стр. 222.

⁷ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 5.

⁸ Ш. И. Микаилов. Указ. соч., стр. 18.

⁹ М. С. Саидов. Указ. соч., стр. 103.

¹⁰ Там же.

цев, дидойцев. Здесь классовые отношения сложились раньше, чем в других частях Аварии. Возможно, что язык, основанный на хунзахском диалекте, и в то время уже выделялся среди остальных аварских племенных языков. Только и всего, но не более. Языком хунзахцев пользовались отдельные кахибцы, отдельные каратинцы и т. п. Но это не значит, что хунзахский диалект стал болмацом, т. е. языком межплеменного общения. Нам хорошо известно, что кумыкский язык всегда был распространен среди даргинцев. Таким же распространенным среди лезгин являлся азербайджанский язык. Эти языки для даргинцев и лезгин были тем же, чем и язык хунзахского диалекта для остальных аварцев и неаварцев. Но никто на этом основании не утверждает, что кумыкский язык для даргинцев и азербайджанский язык для лезгин были болмацом, т. е. языком межплеменного общения.

Языков и диалектов в Дагестане было много. Территориально-народности и этнические группы располагались близко друг к другу. В силу исторических условий жизни они вынуждены были владеть несколькими языками. Вот почему мы считаем, что расшифровка болмаца, как языка межплеменного общения — это не историческая категория. Те же цунтинцы в то время лучше и шире знали пружинский язык, чем хунзахский диалект аварского языка. Да и хозяйственное тяготение их шло больше в направлении Закавказья, чем в сторону Аварии.

Спрашивается: если болмац в историческом своем становлении не язык межплеменного общения, то чем же тогда он был?

Выше мы указывали, что в период военной демократии племена и союзы племен, организованные по-военному, назывались у аварцев «бо». Каждое племя, союз племен имели свой язык или диалект. Таким языком или диалектом был болмац, что означало в переводе: «бо» общества, войска, а «мац» — язык. В позднейшее время носителями болмаца в известной степени являлись так называемые аварские вольные общества.

В литературе принято рассматривать вольное общество, как племя¹. Вольное общество это не племя и не союз племен. Оно представляло собой особую политическую организацию сельских общин-джамаатов. Стержнем объединения населения вокруг вольного общества являлось прежнее их племенное родство.

В рассматриваемое время в Аварии наблюдались яркие черты группировки населения по принципу отдельных вольных обществ, а иногда и по союзам вольных обществ, где сохранились очертания границ прежнего племенного деления, самостоятельность языков и диалектов. Всего в Аварии насчитывалось сорок одно² вольное общество. Каждое вольное общество состояло из определенного числа джамаатов. Так, например, вольное общество

¹ Ад. Берже в своей статье «Краткий обзор горских племен на Кавказе». Тифлис, 1858, рассматривает все аварские вольные общества, как племя.

² Ад. Берже насчитал всего 27 племен. См. Краткий обзор горских племен Кавказа. стр. 4—5.

Тлурутли состояло из 10 джамаатов, Хиндалала (Койсубу) — 30, Анди (Куани) — 7, Бакатли — 18, Дидо-Асахо — 8, Дидо-Шуратль — 14, Дидо-Шнитль — 13, Карата (Кирди) — 9, Ункратль — 10, Карах — 22, Багулал (Ганитлял) — 6, Технуцал — 12, Тинди (Идери) — 5, Хварши (Хуани) — 5, Чамалал (Чамаига) — 9, Анадалал — 12, Таш — 11, Капуча — 5, Кос — 4, Анцух — 4, Унцул-Тох — 2, Томс — 2, Анц-Росо — 2, Гунзал (не смог установить), Бочнада (не смог установить), Тлебель (тоже), Ухноди (тоже), Кель (тоже), Тлен — 2, Гид — 15, Куиал — 4, Тлепсерух — 8, Мукратль — 10, Ахвах — (тоже), Туш — (тоже), Джар — 7, Белаган — 4, Катехи — 2, Мухак — 3, Джинах — 7¹.

Некоторые вольные общества объединялись между собою и составляли союз вольных обществ. Анкратлинский союз² вольных обществ состоял из Анцуха, Ухнада, Багнада, Тум, Тлебель, Тлен. Союз вольных обществ Антль-Ратль состоял из семи земель.

Создание примитивного политического союза вольных обществ, вызванное внутренней и внешней необходимостью, было последней высшей ступенью в развитии племенного строя в Аварии, дальше которой оно не пошло не только в Аварии, но и во всем Дагестане. Следствием его разложения явилось создание в Аварии раннефеодальных учреждений.

Говоря о союзах вольных обществ, мы не можем не отметить, что в таком объединении вольные общества еще в XVIII и начале XIX в. выглядели довольно-таки внушительно и к их помощи не раз прибегали хунзахские ханы и грузинские цари. В одном послании к гидатлинскому обществу карталинский царь Ираклий писал: «Предлагаю мир и союз с условием, чтобы вы помешали хунзахским барановодам перекочевать со своими стадами на летние пастбища в Бежету и войскам хунзахским в Грузию»³.

Грозно и могущественно выглядело общество Хандалял. Здесь нашел приют и защиту грузинский царевич Александр. В Хиндалале проживал известный по поэме Марлинского Аматабек. Не раз хиндалалцы выступали против насилия и неистовства аварских ханов⁴.

Говоря об аварском «бо», мы ничего не сказали о том, что следует понимать под термином «Авария». Мы должны внести ясность и в это понятие, — то ли это этнографическое понятие, то ли политическое.

¹ Сведения о шести последних вольных обществах нами взяты из работы И. П. Петрушевского «Джаро-Белаганское вольное общество». Тифлис. 1934.

² Анкратль был расположен на севере от Джаро-Белаганского вольного общества в верховьях Аварского койсу.

³ Из историко-этнографических сведений об аvaraх, собранных мною в разное время.

⁴ А. Рунковский. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане. Военный сборник. Июль 1862, № 7, стр. 390.

До сих пор термин «Авария» мы употребляли, как имя собирательное. По нашему мнению это правильно. Это наше мнение основано на том, что в XVIII и в первой половине XIX в. сами авары под «Аварией» подразумевали собственно хунзахское ханство, т. е. территорию, в старину принадлежавшую вольному обществу Хунз и населенную маарулалами. Кроме того, маарулалы, т. е. аварцы хунзахского ханства различали себя от аварцев Хандаля, Гидатлинского, Андалалского и др. вольных обществ. Дидойцы, каратинцы и другие в свою очередь отличали себя от аварцев своих соседей.

Таким образом, еще в XVIII в. Авария состояла из различных территорий и различных народностей и этнографических групп, с множеством самостоятельных языков и диалектов. Она была разбита на целый ряд оторванных друг от друга вольных обществ. Единого объединяющего вольные общества центра в Аварии не существовало. Каждое вольное общество представляло собой в какой-то степени самостоятельную территориальную единицу. Имелись свои политические центры лишь в союзах вольных обществ.

Прошлое Аварии свидетельствует, что временами на ее территории разыгрывались бурные события. Мирное состояние в вольных обществах соблюдалось не всегда и спокойствие в Аварии во многих случаях зависело от капризов глав вольных обществ. Во время военных столкновений вольные общества при всей территориальной замкнутости не могли оставаться изолированными друг от друга.

Спрашивается, как же при отсутствии единого политического центра строились взаимоотношения между вольными обществами? Взаимоотношения эти строились на основе договоров и соглашений, и такими договорами и соглашениями были адаты, действовавшие в двух вольных обществах. До нас дошли некоторые такие адаты, заключенные именно между двумя обществами. Можно сослаться, например, на:

а) «Адаты, применяемые между нахиятами¹ Гидатля и Хунзаха при убийстве и краже»;

б) «Адаты, применяемые между нахиятами Гидатля и Тиндилья при убийстве и краже»;

в) «Адаты, применяемые между нахиятами Гидатля, Ансалти и Ахак Каратинского вилаята»²;

г) «Соглашение главарей нахиятов Гидатль и Асса»³.

Аналогичного содержания адаты заключались по вопросам присвоения и порчи чужого имущества, по совместному владению пастбищными землями, лесом и по ряду других вопросов хозяйственного и общественного характера.

¹ Нахият — употреблено в смысле территории сельской общины.

² Виляят — употреблено в смысле территории вольного общества.

³ Адаты помещены в приложении к «Адатам общества Уради».

В смысле территориального единства в первой половине XIX в. ни отдельное вольное общество и ни союз вольных обществ в Аварии не представляли собой устойчивой политической силы. К этому времени принцип формирования вольного общества по племенному признаку был нарушен. Объединение сельских общин складывалось уже по чисто территориальному признаку. В состав вольного общества входили джамааты, совершенно не связанные с родством. То же самое наблюдаем и в союзах вольных обществ. В вольных обществах и союзах обществ в рассматриваемое время происходило этническое смешение населения одного вольного общества с другим, часто даже с населением различным по языку.

Кроме того, ряд вольных обществ находился под политическим влиянием феодальных владетелей. Хиндалялы и унцукульцы находились под властью шамхала Тарковского¹. Андийское общество признало своим владельцем Сурхай-хана Хунзахского².

Все эти моменты территориального и политического устройства и зависимого положения нельзя не учитывать при анализе социальных и политических отношений в аварских вольных обществах.

§ 2. ОРГАНЫ ВЛАСТИ ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

В дореволюционной литературе по истории Дагестана принято было говорить, что представители власти в вольных обществах не обладали какими-либо преимуществами перед остальной массой сельского населения Дагестана. Местные историки всячески старались завуалировать привилегированное положение сельской знати. Изучение того строя отношений, который сложился в аварских вольных обществах в рассматриваемое время, решительно опровергает эти утверждения дореволюционных историков.

Как было выше указано, на территории западного, нагорного и юго-западного Дагестана имелось свыше тридцати вольных обществ. Мы указывали, что часть вольных обществ объединилась в союзы, а другие продолжали оставаться, как отдельные территориальные единицы. Мы также указывали на то, что вольное общество это не племя и не союз племен. В то же время мы не отрицаем, что вольное общество выросло из недр племенного строя. Поскольку это так, то вольное общество на своей территории являлось носителем древних черт в организации политической власти.

¹ АКАК, т. 4, стр. 609.

² Записка об Аварском ханстве. АКАК, т. 7, стр. 523.

Ф. Энгельс указывает: «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии»¹.

Аварское вольное общество в начальный период бесспорно унаследовало все эти организационные черты племенного строя периода военной демократии. Хотя период военной демократии для Аварии в начале XIX в.— отживший этап, но целый ряд черт этого периода все еще наблюдался в жизни населения вольных обществ. Так, например, Ф. Энгельс говорит о военачальнике периода военной демократии. Главы аварских вольных обществ напоминали именно такой тип военачальника. Обычно их в литературе называют предводителями вольного общества или старшинами вольного общества. Такими предводителями в военное время у каратинцев был Курбан, у унцукульцев Нур-Магомед, у дидойцев Жабо². Военачальника имело и Хиндалалское общество³.

Были такие вольные общества, где функции военачальника выполняли кадии. Таким кадием, например, в Анцухе был Халил⁴. Кадий в это время был военным, светским и духовным главой вольного общества.

Направление деятельности кадия, как главы вольного общества, определялось тем, что он:

- а) ведал всей территорией вольного общества;
- б) организовывал военное ополчение, предводительствовал в походе;
- в) являлся религиозной главой;
- г) являлся верховным судьей при решении дел на основе мусульманского права.

Однако, власть кадия на территории вольного общества ограничивалась деятельностью джамаатских организаций и сельской землевладельческой знати. Это ограничение мы видим в том, что кадий: а) не имел права распоряжаться джамаатскими землями; б) не имел права творить суд непосредственно внутри джамаата (кадий мог творить суд по спорным делам между двумя джамаатами или по спорным делам, касающимся другого вольного общества); в) не мог без согласия джамаатов по своей инициативе объявлять войну или мир.

Несмотря на эти ограничения, власть кадия вольного общества в Аварии крепла. За свою деятельность кадий получал подать (закат), судебные пошлины и определенную часть военной добычи. Мы считаем, что в Аварии происходил процесс превращения кадия в феодального владетеля. Если бы вольные общества не были включены в состав России, то этот процесс вне всякого со-

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 185.

² АКАК, т. 7, стр. 506.

³ А. Руновский. Указ. соч., стр. 379.

⁴ АКАК, т. 6, ч. II, стр. 832.

мнения был бы завершён образованием ряда особых кадиевых владений в Аварии, как это имело место в Табасаране и Акушах.

На пути такого же превращения стояли военачальники, старейшины вольных обществ. Каратинский Курбан, уццукульский Нур-Магомед, дидоевский Жабо за счёт грабительских набегов и войн усиливали свою власть и, пользуясь ею, сосредотачивали в своих руках богатства, пользовались чужим трудом. По словам Султан-Ахмед-хана Аварского в обществах «вольных» и «воинственных» находились независимые от хана «родоначальники, старшины, которые промышляли ради существования грабежом и воровством в Грузии и прочих местах»¹.

Мы не имеем источников, говорящих о том, кто составлял окружение старейшины, кадия вольного общества. Мы можем только предполагать, что они должны были иметь своих помощников, советчиков. Но если учесть, что в руках мусульманского духовенства были сосредоточены почти все главные духовные и светские должности в вольных обществах, то такими помощниками и советчиками в первую очередь могла быть верхушка духовенства. Очевидно старейшины, кадии джамаатов приезжали к кадию, старейшине вольного общества для совета по общим внутренним и внешне-политическим вопросам. Кто еще кроме кадия, старейшины входил в состав совета, — об этом источники ничего не сообщают. Одно для нас бесспорно, что в какой-то форме совет вольного общества существовал. Он время от времени созывался и решал важные вопросы. Но у нас нет оснований полагать, что совет при старейшине или кадии стал особым признанным учреждением на территории вольного общества.

Остается выяснить вопрос о народных собраниях вольных обществ. Было время, когда вольное общество нуждалось в созыве народных собраний для решения дел особой важности. Во время деятельности таких собраний власть старейшин и кадиев была весьма ограничена². Но в рассматриваемое время мы не знаем ни одного случая созыва собрания всех жителей вольного общества. Это и понятно, — время было другое, Авария жила иными отношениями, которые уже не требовали устройства сходок. Под воздействием материальной основы общественной жизни в Аварии, видимо, давно произошел переход от племенного собрания, к собранию представителей сельских общин.

Собрания представителей сельских общин обычно созывались в главном селении вольного общества. Возьмем для примера каратинское вольное общество. Центром этого общества считалась Карата. Когда возникала необходимость в решении и обсуждении неотложных вопросов, касающихся всего общества, в Карату стекалась сельская знать из джамаатов Хелетлура,

Коанхида, Инхель, Арчу, Алака, Местерух и т. д. Деятельность собрания представителей особенно оживалась при внешней опасности. Такие собрания в известной мере носили характер племенных собраний и созывались в исключительных случаях. В более отсталых частях Аварии подобные собрания созывались чаще. Если учесть, что историческое развитие вольных обществ протекало далеко не равномерно, то в этом нет ничего удивительного.

Решающее слово при решении внутренних и внешне-политических вопросов во время собраний принадлежало знати, духовенству и крупным землевладельцам вольного общества.

Некоторые исследователи склонны считать, что должностные лица вольных обществ являлись техническими исполнителями текущих дел общества и несли ответственность перед народным собранием. На этом основании говорится, что вольные общества Дагестана в первой четверти XIX в. представляли собой демократическую республику¹.

Вольное общество не было никакой демократической республикой. От былого демократизма вольного общества остались лишь жалкие его остатки. Правда, по своей форме органы власти вольного общества продолжали действовать под прежним племенным названием, но по своей социальной направленности они становились орудием классового господства. Органы власти вольного общества защищали интересы крупных землевладельцев, скотоводов, духовенства, т. е. формирующегося класса феодалов.

§ 3. ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ ДЖАМААТА

Органы управления аварских джамаатов состояли из старейшин, кадия, совета и народного собрания. Наличие этих органов можно установить при изучении джамаатских адатов и устных исторических преданий.

Обратимся к адатам и посмотрим какое место отводилось в них старейшинам и кадию в системе джамаата. Вот перед нами адата Хинга. В одной из статей постановления хинтинского джамаата говорится: «Не посылать чужаульного к кому-либо из нашего джамаата ни в качестве свата, ни в качестве посредника в деле развода, ни в качестве примирителя, кроме как **после согласия на это старшин аула и кадия**. Если до этого поступок совершился, то с виновного — бык стоимостью восемь овец»². В другой статье сказано: «Джамаат постановил: не допустить в управление делами аула чужеземцев и не оставлять их на должности в ауле, **кроме как с согласия старшин**»³.

¹ Письмо Султан Ахмед-хана к ген. Тормасову. АКАК, т. 4, стр. 608.

² *Неверовский*. Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях, стр. 49.

¹ См. *Л. А. Брюханов*. Указ. соч., стр. 158.

² Адаты общества Хинга.

³ Там же.

Приведенные факты из жизни хитинского джамаата являются доказательством того, что старейшины и кадии занимали в джамаате одинаковое общественное положение.

В подтверждение сказанному о старшинах и кадиях сошлюсь еще на адаты Тидиба и Кахиба. В тидибских адатах имеется запись, гласящая о том, что «если кто-либо приведет к себе корову, принадлежащую человеку не из нашего селения, для добывания масла, **не имея на то согласия от руасов (старшин)**, то за ним за каждый день нахождения чужой коровы — котел в четыре ратала»¹. В кахибских адатах зафиксированы некоторые обязанности, которые выполняли старшины: «**Кто без разрешения судей** будет везти дрова на село по дороге, кроме как дорога Гамер-Урах и дорога Хурута-кент, тот должен платить штраф в размере одной мерки. **Судьи должны охранять поля**, начиная с восхода посевов, до назначения сторожей, взыскиванием штрафов, которые пойдут в их пользу. **Кто без разрешения судей** вез урожай и разместил его где-то не в назначенном месте, тот обязан платить для штрафа мерку зерна. Кто снял урожай ранее объявления дня урожая, **без разрешения судей**, тот должен платить мерку зерна в виде штрафа и отвезти урожай обратно в поле»².

Как видно, в адатах Тидиба и Кахиба старейшинам (они же судьи) отведено решающее место, а о кадии ничего не сказано. Нам думается, что это не случайно. Оно свидетельствует о неодинаковой роли и неодинаковом положении в джамаате старейшины и кадия. На основании адатов мы можем заключить, что решающее слово в судебно-административной системе джамаата принадлежало старейшинам. В Тидибе и Кахибе кадий шел вслед за старейшиной. И. Г. Гербер участник Петровского похода в своем описании Аварии выдвигает старейшин на первый план и на второй план ставит кадия³. В других джамаатах кадий занял первенствующее положение. Например, в первой четверти XIX в. в джамаате Аракани, где кадием был Саид⁴.

Остановимся на вопросе о социальной сущности власти старейшин и кадия в джамаатах.

Власть старейшин в джамаатах вольного общества являлась в значительной степени патриархальной, основанной еще в известной мере на авторитете и господстве обычаев.

Что касается власти кадия, то мы не можем назвать ее таковой. На самом деле, кто такой кадий в джамаате? Кадий это лицо, которое отправляло все свои обязанности только опираясь на систему мусульманского права — шариат. Мы знаем, что мусульманское право — это право не бесклассового общества, а

¹ Адаты общества Тидиба.

² Адаты общества Кахиба.

³ И. Г. Гербер. Указ. соч., стр. 133.

⁴ АКАК, т. 7, стр. 571.

право сложившегося классового общества. Кадий был выразителем этой классовой идеологии, поэтому кадий не являлся представителем патриархальной власти в джамаате, а являлся выразителем нарождающегося класса феодалов. В круг джамаатного кадия входили также: будун, дибир.

Старейшины во многих джамаатах продолжали выполнять роль военачальника. Известно, например, что в начале XIX в. унцукульцы, араканцы, белаканы и др. под руководством своих старейшин продолжали совершать набеги до Ахалциха и оттуда на Грузию¹. Предводительствовали во время похода и старейшины андалалских² и хидалалских джамаатов³.

Старейшины у аваров назывались в разных местах по-разному. В одних местах их именовали «бегуалами», в других — «шухби». Установить численный состав старейшин в каждом джамаате не представляется возможным. Надо полагать, что в выборе старейшин джамааты были вполне самостоятельны⁴. В некоторых из них избиралось по одному старейшине, в других больше. В 1810 г. в Чохе можно было видеть «шесть почетных старейшин»⁵ и одного из них звали Магомед-кади. Главнокомандующий отдельным кавказским корпусом гр. И. Ф. Паскевич в своем отношении гр. А. И. Чернышеву в 1830 г. упоминает о наличии у жителей койсубулинских «главных старшин»⁶. В 1816 г. под именем «джарских старшин» выступали следующие лица: Ибрагим-Цотор-оглы, Тавад-оглы, Герей-Хаджи и Махмуд⁷. Подписка, данная дидойцами русскому командованию от 29 сентября 1821 г., начинается словами: «Мы, нижеподписавшиеся дидоевского общества старшины и почетные старики, обязуемся в следующем»⁸ (далее идет перечень обязательств, которые они берут на себя, чтобы сохранить мирную обстановку на границе Грузии). В салатавском вольном обществе «при решении дел важных» участвовал «весь народ», а в других случаях дела решали избираемые «ежегодно от каждой деревни представители, именуемые старшинами» и «именем народа» они управляли в течение одного года⁹.

¹ АКАК, т. 4, стр. 606.

² Там же, стр. 608.

³ Участник Петровского похода в Дагестан И. Г. Гербер установил, что в каждом джамаате имелись по старшине и кадию. Старшины выбирались самими жителями. См. Гербер, указ. соч., стр. 133.

⁴ АКАК, т. 4, стр. 628.

⁵ О действиях противу возмутителя Казы-муллы в Северном Дагестане и противу возмутителя Мир-Гассан-хана в Талишском ханстве. ЦГВИА. ВУА, № 6259, л. I и об.

⁶ АКАК, т. 4, ч. II, стр. 789.

⁷ Письмо старшин улемов и общества Джар к Главнокомандующему. АКАК, т. 6, ч. I, стр. 789.

⁸ Подписка, данная дидойцами, от 29 сентября 1821 года. АКАК, т. 6, ч. II, стр. 17.

⁹ Описание народов, принадлежащих правлению начальника войск левого фланга кавказской линии и соседственных покорных и непокорных. ЦГВИА, ВУА, № 18502, л. 15.

Старшины имели специальных помощников и шуратов. Шуратов адаты относят к блюстителям порядка, они выполняли полицейские функции. Адатное право выделяет шуратов от остальной массы сельского населения. В случае, если кто-либо подерется с шуратом, с него штраф взыскивался в двойном размере.

Другим показателем организации власти в джамаате на патриархальной основе является **совет старейшин**, куда входили кроме старейшин, **главы тлибилей** и **чухбы** под именем почетных стариков. Совет старейшин был наиболее оперативным органом джамаата.

Наконец, очень важным органом джамаата в течение долгого времени оставалось народное собрание. Собрания в джамаатах созывались часто. Участниками собрания являлись все лица мужского пола, достигшие совершеннолетия. Восемь лет спустя после присоединения Дагестана к России путешественник Н. И. Воронов присутствовал на одном из таких народных собраний у дидойцев. Вот как он его описывает: «Джамаат был нелюдный; представительных и говорливых людей (горских ораторов) не выказывалось; впереди стояли старики, сгорбившись и опираясь на палки... Оружием никто не был обвешен, и вообще сходбище не представляло из себя ничего воинственного. Редко кто имел при себе ружье, шашку, пистолет; только у каждого на поясе висел кинжал, в простых, без особых украшений, ножнах»¹.

В описании Н. И. Воронова мы не видим всей картины организации и действий джамаата. Путешественник не смог уловить причины отсутствия воинственности у членов джамаата, но заметил полную покорность у горцев. Дело в том, что дидойцы за полвека Кавказской войны много выстрадали. Достаточно указать, что за два года до разгрома движения Шамиля было до основания снесено двенадцать дидойских аулов и истреблено множество людей. Все это не могло не сказаться на дальнейшем поведении дидойцев, — они, видимо, к этому времени еще как следует не оправались. Но и из того, что сообщает Н. И. Воронов, не трудно заметить существенные стороны организации народных собраний в джамаатах дидойского вольного общества.

Там, где уцелели общинные организации, мы всюду у аваров видим действующие народные собрания. На них решались наиболее существенные вопросы внутренней жизни джамаата, принимались постановления, входившие в силу закона и обычая. Мы располагаем рядом таких документов — будь то в форме постановления джамаата или в форме адата по тому или иному вопросу. Нам известен и другой факт, когда главы двух джамаатов заключали между собою соглашения.

Примером сказанному служат соглашения главарей Гидатли и Асаба, по которому они обязались все споры и недоразумения между двумя джамаатами регулировать на основе одинаково

действующих мер к виновникам с обеих сторон. В каждом джамаате существовали две судебные инстанции: суд по адату и суд по шариату. Как был организован суд, об этом можно догадываться. Адаты на этот счет не дают никаких сведений. В них мы находим подробные сведения лишь процессуального характера. Старшины разбирали ссоры и тяжёбые дела¹. В Салаватии при решении дел жители полагались на «благомыслие» старшин². Недовольный решением старшин обращался к собранию джамаата³.

Касаясь судебного разбирательства и ответственности мы должны отметить, что джамаат только в некоторых случаях нес ответственность за поступки своих членов. Джамаат оставался верен в отношении своих членов тогда, когда дело касалось территориальной целостности и охраны общественного стада и посевов. В остальных случаях на суде ответственность за правонарушение целиком падала на лицо, совершившее преступление. При разбирательстве дела большое значение имела присяга и соприсяга, а также участие на суде отдельных членов тлибилей. Как правило, ответчик являлся на суд со своими родственниками по тлибилю. Присягу давали на коране или хатун-талах. В Гинтах, Мачада, Тидибе, Тляхе родственники по женской линии не допускались к присяге. В Хочода, Зиури, Гоор, Кахиб, Тяянун к присяге не допускались холостые. В Голотле присягатели назначались сперва из отцовской линии, а затем по линии матери, женщины к присяге для оправдания или обвинения кого-либо не допускались. В Чохе по адату лицо, не дающее «салам» (приветствие) присягателю, должно быть устранено от присяги⁴.

Приведу пример решения по адату при поземельном споре между двумя односельцами. В Тлейсерухских джамаатах при поземельном споре обе тяжущиеся стороны должны были доказать свидетельскими показаниями свое право пользования оспариваемой землей. Если обе стороны имеют свидетелей, оспариваемая земля делилась между ними поровну. В противном случае, спорная земля присуждалась тому, кто докажет свое право свидетелями⁵. В Мугурухе земля присуждалась тому, кто первый владел землей (раньше купил или получил по наследству), причем он должен определить границы спорного участка и, в подтверждение своего заявления принять присягу в том, что оспариваемая земля в указанных им границах принадлежит ему⁶.

По шариату решались дела, относящиеся к религии, семейным отношениям, завещанию и наследству и др.

¹ АКАК, т. 6, ч. II, стр. 12.

² Описание народов, принадлежащих правлению начальника войск левого фланга кавказской линии и соседственных покорных и непокорных. ЦГВИА, ВУА, № 18502, л. 16.

³ АКАК, т. 6, ч. II, стр. 12.

⁴ АДОЗО, стр. 268—269.

⁵ АДОЗО, стр. 423.

⁶ Там же, стр. 424.

¹ Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, вып. I, стр. 12.

§ 4. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ДЖАМААТАМИ И ХАНСТВАМИ

В Аварии не всегда поддерживалось мирное состояние между вольными обществами и джамаатами. Взаимоотношения между ними периодически ухудшались и главным поводом для этого всегда служили нарушения границ земель и захват пастбищ. Каждый джамаат оберегал свои территориальные границы, права своих граждан. Точно так же, как для одних джамаатов пастбища служили поводом для ссор и отчуждения, так для других они десятилетиями служили средством спайки, сближения. Это было в случаях совместного владения одной какой-либо пастбищной горой. Совместные походы и ратные дела также сближали эти джамааты.

Средством регулирования ссор между джамаатами и установления мира служила, как правило, система заложников. Чаще всего заложник брался у соседнего джамаата и держался до тех пор, пока возникшая тяжба не оказывалась урегулированной. В нашем распоряжении имеется любопытное послание джамаата Кумэ к джамаату Обух: «Постарайтесь,— пишется в этом послании,— закончить спор насчет пахотной земли, распотанной вашим скотом. Иначе дело у нас дойдет до заложников»¹. Выражение «дело дойдет до заложников» означает нарушение мира.

Часто случалось, что прямых связей между джамаатами не было и нежелательно было обострить отношения с тем или иным джамаатом. В таком случае по просьбе одного из джамаатов в качестве посредника выступал третий джамаат. Он старался уладить спорное дело мирным путем. Так было, когда голотлинцы зарезали корову одного телетлинца². На сцену выступил джамаат Кунда и вопрос был урегулирован мирно.

В ряде джамаатов выработалась иная система решения имущественных споров и тяжб внутри джамаата и между джамаатами. Это было там, где в жизни джамаата начинало занимать важное место право собственности. Джамааты Тбил и Гимры свое обращение «уважаемому джамаату Гирик» начинают словами приветия и благословения «всем ученым», старшинам, начальникам, молодым, даже детям, находящимся в люльках, в особенности, к тем, о справедливости и правосудии которых по Дагестану пошла молва». Дальше в обращении говорится: «Наша большая просьба к вашей всеобщей щедрости, чтобы вы заставили уплатить стоимость ружья, которая была Гамзат-Гаджи у гимринского Камча куплена в присутствии справедливых свидетелей». И заканчивается письмо словами: «Если вы не уплатите этот долг, то не упрекайте нас, когда мы возьмем

¹ Послание джамаата Кумэ джамаату Обух. Из историко-этнографических сведений об аварцах, собранных мною в разное время.

² Сообщение джамаата Голотль джамаату Кунда. Там же.

ишкиль. А ишкиль может довести нас с вами до столкновений. Остальные слова вы услышите от подателей сего салама. Лучшая речь та, которая коротка и понятная». В этом документе очень наглядно показан характер обращения одного джамаата к другому, но самым интересным здесь является вопрос о ишкиле.

Ишкиль — это особое право собственника, потерявшего надежду на миролюбивое удовлетворение со стороны ответчика, нападать на его родственника или односельца и силою отнимать у них какую-нибудь вещь. С ишкилем мы сталкиваемся и у даргинцев. Ишкиль, являясь категорией родового строя, был направлен на защиту общинной собственности, а в начале XIX в. он уже принял характер орудия охраны частной собственности. Характерно, что ишкиль не применялся по отношению к феодальным владельцам и сельской знати.

Между джамаатами различных обществ, но граничащих друг с другом, поддерживались хозяйственные и территориальные связи. В тогдашней Аварии любому джамаату было очень тяжело, когда на его границах было неспокойно. Поэтому джамааты старались по возможности иметь дружелюбные отношения со своими соседями. Отсюда возникла необходимость в создании адатов, применяемых между различными джамаатами.

В Карахском и Тлейсерухском обществах решение поземельных споров совершалось путем непосредственных переговоров между представителями спорящих джамаатов. Так, например, если между двумя джамаатами возникнет поземельный спор или спор о границах, и при этом одно из обществ заявит о своем желании принять присягу с таким количеством людей, сколько пожелает противная сторона, или же согласится дать присягу своему противнику в том, что оспариваемая земля принадлежит его джамаату, то другой джамаат не имеет права отказаться от такой присяги. Если же обе стороны примут присягу на одинаковых основаниях и с одинаковым количеством людей и обе стороны будут заявлять, что оспариваемая вещь принадлежит им,— в этом случае оспариваемое имущество делится пополам¹.

Каковы же были отношения между вольными обществами и ханствами?

Отношения между вольными обществами и соседними ханствами характеризовались наличием острых социальных противоречий и конфликтов. Особенно обострились отношения между двумя противоположными социальными силами к концу XVIII в. Хунзахские, казикумухские, кумыкские беки, грузинские князья систематически вели наступление на территориальную целостность вольных обществ, на права и вольность сельского населения. Во время своих набегов феодалы угоняли общественный скот, захватывали пленных и заставляли побежденных выпол-

¹ АДОЗО, стр. 422—423.

нять феодальную ренту. В устных народных сказаниях сохранились сведения, что из жазикумухского ханства совершались частые набеги на джамааты карахского общества: Чвадаб, Косруда, Могроб, Чилдоб, Чанаб.

Перед лицом наступления феодалов джамааты в вольных обществах сплачивались и давали отпор угнетателям. Так было, когда хунзахский хан совершил нападение на каратинцев с целью захвата их земли. Каратинцы призвали на помощь жителей Арчо, Хелетури и В. Инхело и дали отпор хану¹.

Еще до Великой Отечественной войны мне довелось много работать по собиранию документов именно по этой стороне истории Дагестана. Сохранились краткие записи, содержащая некоторых документов, переданных в рукописный фонд Дагестанского филиала Академии наук СССР. Приведу некоторые из таких записей о взаимоотношениях хунзахских ханов с вольными обществами. В 1713 г. одним из хунзахских ханов был Магомед-нуцал. К его периоду относятся следующие документы:

1) Магомед-нуцал обращается к каратинцам и аварам с письмом, в котором он уведомляет их о том, что тухитинцы не построили дорогу в положенный срок. «Поэтому, пишет Магомед-нуцал, я отозвал своих заложников из Тухита».

2) Между Магомед-нуцалом и галинцами заключено соглашение о взаимной передаче воров и наказания преступников.

3) Письмо об обмене заложниками между Магомед-нуцалом и Оротинским джамаатом.

4) Ответное письмо карахцев на письмо Магомед-нуцала о том, что они готовы идти в поход под его главенством.

Из сказанного следует, что взаимоотношения между вольными обществами и хунзахским ханством строились: во-первых, на взаимной даче заложников друг другу и, во-вторых, на заключении соглашений на взаимно приемлемых условиях и материальных выгодах.

Мирное состояние между вольными обществами и другими феодальными княжествами Грузии и Кумыкии поддерживалось также на основе системы заложников.

Однако в условиях патриархальной, феодальной раздробленности Дагестана система заложничества не всегда могла быть полной гарантией мира и спокойствия в Аварии.

§ 5. СТОЛКНОВЕНИЯ МЕЖДУ ВОЛЬНЫМИ ОБЩЕСТВАМИ. НАБЕГИ И ВОЙНЫ

В рассматриваемое время в Аварии происходили частые столкновения, войны и набеги, оказывавшие известное влияние на политическое развитие многочисленных этнических групп аварских вольных обществ.

¹ Заметки по истории села Карата по рассказам старожил. Рукопись. 1955 г.

Прежде всего остановлюсь на столкновениях. История Дагестана знает немало случаев столкновений одних вольных обществ с другими вольными обществами. Причины столкновений было много, но главной причиной всегда являлась одна и та же. Население вольных обществ стремилось всеми возможными путями к сохранению объективных условий жизни, к сохранению земли, которая доставляла им «и средства труда, и материал труда, и место для поселения, базис «коллектива»¹. На почве земельных отношений и нарушений территориальных границ джамаатов чаще всего и происходили столкновения. Если раньше причиной столкновения служила исключительно только защита племенной собственности или расширения племенной территории, то в рассматриваемое время это столкновение сочетало в себе и старое, и новое, т. е. и общественное, и частновладельческое.

Иногда столкновение приобретало характер войны. Так случилось между хиндалалами и маарулами (аварами) хунзахскими. Маарулары, опираясь на хана, хотели включить Харахи и Орота в пределы своих земель, а хиндалалы хотели иметь их своими. На этой почве между хиндалалами и аварами вплоть до начала XIX в. происходила война. Против захватнических стремлений хиндалалов и аваров выступил Али-бек Оротинский, объединивший вокруг себя джамааты Коло, Ганчих, Харахи и таса².

Не всегда дружелюбными были и отношения чохцев с ругуджинцами. Повод этого недружелюбия очень древний и связан с введением мусульманства среди андалальцев. По преданиям чохцы приняли ислам раньше ругуджинцев. Когда в Ругуджа явился араб-проповедник новой религии, ругуджинцы его убили и отказались от мусульманства. Тогда правитель арабов в Дагестане послал двух влиятельных чохинцев уговорить ругуджинцев принять мусульманство. Ругуджинцы убили и этих послов. Тогда чохинцы объявили тревогу и пошли на Ругуджа. Произошло столкновение, в результате которого ругуджинцы покорились и приняли магометанство. Далее рассказывается, что за все это арабский правитель дал чохинцам в награду знамя и меч. Он же, якобы, приказал чохинцам, чтобы они в день уразы-байрама выносили знамя, размахивали мечами в сторону Ругуджа и били гончарные миски. С этих пор чохинцы, поощряемые мусульманскими церковниками, в дни праздников уразы и курбан-байрама, после молитвы в большой мечети совершали эту процедуру. Знамя из мечети выносил старший из тухума Османилал или Шарапилал, аульский кадий выносил меч и люди всем джамаатом выходили из мечети. Став на западной стороне от мечети

¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ОГИЗ, 1940, стр. 5.

² См. Памятная книжка Дагестанской области, стр. 185.

с такбиром, кадий 5—6 раз махал мечом, смотря в сторону Ругуджа, а аульский глашатай бросал с крыши 7—8 мисок и все остальные жители бросали в сторону Ругуджа камни¹.

На почве земельных отношений ругуджинцы часто сталкивались с чародинцами и особенно с бацадинцами, тляратинцы с кахибцами, бежетинцами, урибцами, шуланинцы с согратинцами, гикваринцы с тиндинцами и гидирами.

Столкновения и ссоры никогда не прекращались и внутри джамаата. В джамаате Хамуши Коанхидинского вольного общества раздоры часто происходили из-за воды для полива и дело доходило до драк и убийства. В столкновениях салтинцев с кудалинцами непосредственное участие на стороне салтинцев принимали цудахарцы².

Перейдем теперь к вопросу о набегах. Пожалуй, трудно назвать такое вольное общество, которое не предпринимало бы набегов за пределы Аварии. Набеги совершались, как правило, весной и осенью. Для некоторой категории лиц в горах набеги сделались своего рода промыслом. Они сами ходили в набег и других вербовали. Особенно сильно страдала от этих набегов Грузия³.

Набеги горцев причиняли грузинскому народу большие бедствия. Во время набегов сжигались поселения, грабились имущество, забирали людей, скот, продовольствие. Одна часть пленных грузин оседала непосредственно в Аварии на равных основаниях со всем остальным населением. Другая часть пленных продавалась в рабство. Во время одного из набегов, взят был в плен и увезен в Аварии выдающийся поэт феодальной Грузии Давид Гурамишвили. В 1750 г. джаро-белоканцы в союзе с другими горцами совершили в Кахетию большой набег. Известно также, что из Дагестана, начиная с 1756 года, в течение пяти лет, непрерывно совершались грабительские набеги на Кахетию и Каргли⁴. Набеги совершались и в начале XIX в. Организаторами всех этих и других набегов выступали аварские ханы.

Во время феодальных междоусобных войн некоторые феодалы Грузии сами призывали горцев к набегам. Так было, например, в 1723 г., когда правитель Кахетии Константин, недовольный Вахтангом, за плату нанял горцев и с этими силами напал на Тбилиси и разорил его. В 1799 г. грузинский царевич Александр, брат царя Георгия XIII, вошел в сговор с Умма-ханом Аварским о нападении на Грузию⁵.

К набегам на Грузию горцы подстрекались турками и персами. Временами грузинские цари пытались предотвратить набеги.

¹ Эта запись сделана мною по рассказам стариков в Чохе в 1941 году.

² История аула Салты. Записал Абдулаев.

³ См. АКАК, т. 4, стр. 608.

⁴ См. АКАК, т. I, стр. 136; т. 3, стр. 370, 372.

⁵ Неверовский. Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб. 1848, стр. 30.

Об этом свидетельствует ряд посланий грузинских царей к вольным обществам и отдельным джамаатам. Вот что писал по этому поводу царь Ираклий джамаатам Караха: «Я хочу быть в союзе и в мире, чтобы вы не причиняли нашим барановодам на летних пастбищах препятствия и беспокойства. Взаимное ручательство — успех нашему делу»¹.

Приведу еще один документ, связанный с грузино-дагестанскими отношениями. Это ответное письмо джарцев Ираклию: «От джамаата Джара почетному хану Ираклию. Мы получили ваше письмо через Абубекер-Ага и Ахмед-Ага. Вы ищите дружбу, любовь и доброжелательство от нас. Сейчас мы отправляемся на летнее пастбище. Как только вернемся и обдумаем, тогда скажем свое слово»².

Полковник С. Д. Бурнашев, пробывший в Грузии с мая 1783 г. по октябрь 1787 г. при царях карталинском Ираклии и имеретинском Соломоне говорит, что из Дагестана на Грузию набеги совершались очень часто. В то же время он отмечает, что царь Ираклий имел союз с ханом аварским и другими предводителями горцев и «держал от них много заложников, иным под видом жалованья давал дань, многих призывал к себе на службу и с ними воевал против персиян»³.

Мы интересовались характером набегов и причинами, вызывающими эти набеги. Решительно неправы те товарищи,⁴ которые утверждают, что причину набегов надо видеть в самих дагестанцах и в их стремлении к хищничеству. Дагестан был страной отсталой и раздробленной. Набеги и войны являются естественными спутниками при господстве патриархально-феодального строя и раздробленности страны. Феодально-раздробленной страной был не только Дагестан, но и соседняя Грузия, а также Азербайджан. В тот период от набегов страдало не только закавказское население, но не в меньшей степени и дагестанское. Очень часто набеги совершались и из Кахетии и Тушетии в Дагестан. По свидетельству русского офицера Н. Волконского в Тушетии в 1857 году жил один из организаторов набегов в Дагестан по имени Шате. Последний «многие годы держал в страхе лезгинские аулы, и его именем горячки пугали детей»⁵. Систематически совершал набеги на южный Дагестан

¹ Из историко-этнографических сведений об аvaraх, собранных мною в разное время.

² Там же.

³ С. Д. Бурнашев. Картина Грузии или описание политического состояния царства карталинского и кахетинского. Тифлис. 1896, стр. 12.

⁴ Мы имеем в виду аваров «Истории Грузии», ч. I, под редакцией С. Джанашиа. Тбилиси. 1946.

⁵ Волконский. Лезгинская экспедиция (в дидоевское общество). КС, т. I, стр. 388.

и кубинский хан. В западном Дагестане и северной Кумыкии никогда не прекращались набеги из Чечни. Сохранилось много преданий о набегах на Гаквари со стороны Грузии и Чечни.

Войны и набеги, предпринимаемые из вольных обществ, выражали политику патриархально-феодальной знати. На набегах и столкновениях наживались дагестанские феодалы, главы вольных обществ и верхи мусульманского духовенства. В мачадинских адатах записано, что всякая добыча делилась между всеми участниками набега в присутствии кадия. Ему полагалась пятая доля добычи. Если кто-либо поделит захваченную добычу без предварительного выделения доли кадия, с того взымали штраф четыре шали¹.

§ 6. ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ВОЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ

Основные начала правовых отношений населения аварских вольных обществ изложены в адатах. В прошлом каждый джамаат имел свои адаты.

Адат — это обычай. Происхождение его надо отнести к первобытному обществу. Тогда адат не был законом.

При разборе общественно-экономических и политических отношений горских народов в XVIII—XIX вв., мы очень часто обращались к адатам, как к важнейшим источникам по истории Дагестана. Каково же должно быть вообще наше отношение к адатам и можно ли при характеристике этих отношений ограничиться прежним их пониманием — вот те вопросы, на которые следует ответить, если мы хотим правильно понять правовые отношения в вольных обществах.

Прежде всего мы считаем, что вопрос о правовых отношениях в вольных обществах нельзя отрывать от развития социально-экономических отношений в Дагестане. Правовые отношения должны соответствовать материальным отношениям жизни населения вольных обществ. Если исходить из этой точки зрения, то мы должны сказать, что в рассматриваемое время в аварских вольных обществах господствовали не первобытные производственные отношения. В них сохранились лишь вымирающие остатки патриархально-общинного хозяйства и вместо них со все возрастающей силой утверждались новые экономические отношения, основанные на частной собственности на землю и скот. Да и форма производства была не та, что раньше. Население разделилось на разные социальные группы. Внутри вольного общества давно появилась эксплуатация человека человеком. Иными стали отношения людей в процессе производства.

Что же стало с адатом в связи с возникновением новых производственных отношений? Разве прекратили пользоваться

¹ Адаты общества Мачада.

адатами в вольных обществах? Нет, не прекратили. Адатами здесь пользовались, как и раньше. Но адат перестал уже быть только обычаем первобытного общества. Дело в том, что адат, как и всякое, вообще, право развивался и изменялся вместе с изменениями формы производства. Без преувеличения можно сказать, что по дагестанским адатам можно безошибочно определить форму общественного устройства, которыми жили те или иные народности Дагестана.

В XVIII—XIX вв. адат у аварцев, как и у других народностей Дагестана, — и обычай, и закон. В этом сказались своеобразие в развитии общественных отношений горцев. В адатах мы видим, с одной стороны, — элементы патриархально-общинного обычая и, с другой стороны, — элементы феодального права.

Старые адаты не уничтожались. Они были живучи, и некоторые его нормы приспособлялись к новым отношениям. Но в старых адатах не всегда можно было найти статьи, пригодные для выражения новых общественно-экономических отношений в горах. В таких случаях в горах, параллельно со старыми, вырабатывались новые адаты, отражавшие эти изменения.

В XVIII—XIX вв. нельзя было говорить, что адат в Дагестане безличен. Нам известны факты, свидетельствующие о том, что новые адаты вырабатывались определенными лицами и утверждались соответствующим органом или лицом, наделенным властью. Для иллюстрации процесса выработки адата, становящегося законом, сошлемся на карахское вольное общество. Это общество имело свои веками выработанные адаты. Но вот появились новые моменты в жизни сельских общин. Старые адаты не учитывают эти новые стороны в деятельности общества. Под давлением жизненных обстоятельств главы вольного общества вынуждены выработать новые адаты и вводить их в действие. В Карахе установилось правило не признавать законную силу за тем адатом, который не получил одобрения всего общества. Для этого в Карахе созывались собрания представителей от всех джамаатов, на которых обсуждались и утверждались новые адаты. После этого на основе постановлений, принятых на собрании, вырабатывались адаты для каждого джамаата в отдельности. Однако ввести в действие новые адаты было делом нелепким. Надо прямо сказать, что в делах, касающихся адатов, дагестанский джамаат был весьма консервативен. Как совершенно правильно отметил русский путешественник Воронов, всякий адат был дорог джамаату и он готов был «стоять за него даже в таком случае, когда раскрывалась вся несостоятельность адата»¹.

Был и другой способ выработки адатов. Главы двух вольных обществ заключали между собой соглашение. Это соглашение принимало силу адата в отношениях между двумя обществами.

¹ Н. И. Воронов. Указ. соч. ССКГ, вып. III, стр. 20.

В то же время мы не можем не учитывать, что в правовых отношениях вольных обществ применялось много норм старого адата. Известно, например, что адаты аваров, записанные в XIX в., сохранили много норм обынаев, оставшихся еще от первобытно-общинного строя. Отражением их, прежде всего являлись:

а) кровная родовая месть (у аваров в случае убийства одного из членов тлибиля в мести участвовали все родственники тлибиля);

б) применяемые в судебном процессе такие виды доказательств, как испытание водой и раскаленным железом (в Гочобе принято было делать испытание жителя, подозреваемого в краже, раскаленным железом, разжигать огонь на груди подозреваемого¹, и в то же время испытание производилось и водой);

в) выставление соприсяжников и очистительная присяга ближайшими родственниками (так, например, в андалалских джамаатах женщина, убившая кого-либо из мужчин, когда тот хотел оскорбить или изнасиловать ее, по адату не наказывалась, но для подтверждения своего заявления она должна была принять присягу с 50 родственниками². В Зиури, если убитый не указал убийцы и убийство совершено не в селении, обвинялся тот, на кого укажут родственники убитого. В этом случае оговоренным давалась очистительная присяга с 15-ю родственниками³);

г) Умыкание, похищение невест (аварские адаты знают много примеров насильственного увода женщин посторонним мужчиной без ее на то согласия)⁴;

д) Общественное мнение, как способ принуждения. В системе наказаний наряду с дофеодальными обычаями сильно отразились элементы феодального права. Эти новые элементы права брали все более верх над старыми обычаями. Это видно из того, что адаты, как правило, ставят в привилегированное положение одних членов джамаата над другими. При определении наказания адаты учитывают занимаемое положение в обществе. Размер наказания мог быть изменен в зависимости от того, кто был пострадавший и кто был совершивший правонарушение. Если он был бек, к нему применялась одна мера наказания, к уздению — другая, а к рабу — третья.

Таким образом, адаты свидетельствуют о том, что вольные общества, джамааты разъедались внутренним антагонизмом и способ принуждения в них становится решающей стороной.

¹ Краткая запись об образовании аула Гочоба и об обрядах и обычаях. Рукопись.

² АДОЗО, стр. 280.

³ Там же, стр. 331.

⁴ Там же, стр. 287.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Население аварских вольных обществ было разноязычно. В Аварии насчитывалось свыше 15 мелких народностей и этнографических групп, представлявшие собой различные виды общности людей. Одни из них сложились в народность, другие переживали переходный период, а третья группа населения продолжала говорить на своем племенном языке.

2. Основой производственных отношений аварских вольных обществ являлась частная собственность на землю крестьянина-общинника.

3. По уровню социально-экономического развития и по политическому своему состоянию не все вольные общества находились на одинаковой ступени развития. Такие вольные общества, как, например, Гидатлинское, Андалалское, Андийское, Койсубулинское, Джаро-Белаканское вступили на путь феодального развития.

4. Ряд вольных обществ выступил в роли коллективного феодала («коллективной сеньории»). Они держали в зависимости от себя соседние джамааты и эксплуатировали сельское население.

5. Джамаат вольных обществ — это сельская община. Она находилась в состоянии полного своего разложения. В ней рядом с патриархальным укладом развивался феодальный уклад. Отсюда характерная двойственность социальных отношений и постоянный внутренний антагонизм между производительными силами и производственными отношениями.

Господство обычаев и территориальная замкнутость джамата являлись следствием неразвитости классовых отношений на территории вольных обществ.

6. Тлибил (тухум) у аварцев в рассматриваемое время сохранился в виде формы древних общественных отношений. Положение его было двойственное. Живучесть тлибиля и связанных с ним организационных ячеек поддерживалась наличием в аварских вольных обществах пережитков первобытно-общинного уклада. Тлибил, потеряв свое прежнее поземельное экономическое значение, при новых формах общественно-экономических отношений вступил на путь полного своего разложения.

7. В соответствии со сложившимися производственными отношениями в аварских вольных обществах, наряду с феодализирующей верхушкой собственников земли и скота, оформились три основных слоя сельского населения: 1) уздени-общинники, свободные от феодального угнетения и сохранившие свою свободу и самостоятельность; 2) уздени-общинники, находившиеся в той или иной степени зависимости от феодалов и феодализирующей общинной знати; и, наконец, 3) лаги (рабы), находившиеся в разной степени эксплуатации. Не отдельно взятая группа

населения являлась основой всего производства в вольных обществах, а все слои сельского населения, вместе взятые.

8. Вольное общество как политическая надстройка представляла собой переходную форму, сочетавшую в себе новые феодальные стороны со старыми патриархально-общинными институтами.

Органы власти вольного общества все более отрывались от своих корней в народе. В своем развитии органы власти вольного общества «из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»¹.

Аварские вольные общества были политически разобщены. В обстановке внешней опасности и войны они иногда объединялись, представляя собой внушительную силу. Разобщенность вольных обществ служила дагестанским феодалам и иноземным захватчикам удобным поводом для вмешательства во внутренние дела Дагестана.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ АВАРСКИХ ХАНСТВ

I. ОБЩИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

§ 1. ХАНСТВО АВАРСКОЕ

Аварское ханство относится к числу древнейших ханств Дагестана. Во время завоевания Дагестана арабами оно считалось одним из могущественных. Арабам долго пришлось воевать с владетелями Аварии и вести с жителями этой страны ожесточенную борьбу.

В период нашествия на Кавказ орд Чингис-хана Авария подверглась сильному опустошению¹.

С падением в Дагестане власти Золотой Орды аварские ханы снова усиливаются. Аварией в это время правил Андоник (жил в 1484 г.), сын Ибрагима. Он оставил своему племяннику Булач-нуцалу, «владельцу территории авар», интересное завещание, из которого мы узнаем границы Аварского ханства. «О, мой племянник, — обращается Андоник к Булачу, — возьми-ка ключи авар в свои руки: первые ключи — алигиличинцев, вторые — джунгутаевских владетелей, третьи — гумбетовских владетелей, четвертые — владетелей Анди, пятые каросинцев, шестые — боктуниинцев, седьмые — хундадинцев и семиземелья. Если ты возьмешь указанные ключи, то соль, мед, виноград, железо, рыба и остальное все, в чем человек нуждается, — у тебя и в твоём распоряжении. А иначе все от тебя и от твоего народа убежит»².

Завещание это, написанное в 1484 году, замечательно не только тем, что оно дает точные размеры всей территории аварского ханства и поучает владетелей отстаивать его целостность, но и тем, что оно даёт возможность сделать вывод, что это за владение и на какой общественной базе оно строилось. Из семи земель, как указывается в документе, три земли имели своих

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 185.

¹ Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, вып. XXII, стр. 45.

² Завещание Андоника, перевод с арабского М. Саидова.

владельцев. Это уже дает кое-какое представление об объединении, сосредоточенном под главенством Андоника и Булач-нуцала. До феодальных отношений дело здесь, как можно предполагать, еще не дошло. Косвенное свидетельство этому мы можем видеть на примере Андии, в которой еще в XVIII веке сохранился общинный строй.

Завещание Андоника интересно еще и тем, что по нему можно восстановить прежние границы владений Аварского хана. Андоник пишет Булач-нуцалу: «Затем обрати внимание на границы земель, которыми владели твои предки, и управляй так, как они управляли. Первая граница со стороны запада — это мяясугатан (буквально часовня Миясу)¹, вторая — со стороны востока, из середины аула Гоцатль, третья — со стороны юга, от Хочада до Голотлинского моста, четвертая — со стороны севера от Сала до Таргу». Завещание заканчивается словами: «мой племянник, постарайся преодолеть эти границы и не уступи чужому даже пяди твоей земли, если ты являешься владельцем, подобно твоим храбрым предкам». Тенденции, подчеркнутые в завещании, были характерны для действий всех последующих ханов Аварии. Призыв Андоника: «Постарайся преодолеть эти границы» — был, по сути дела, призывом к борьбе с вольными обществами за их присоединение к Аварскому ханству.

Начиная с XVI века Аварское ханство настолько укрепилось, что нередко были случаи обращения к нему кумыкских князей и других владельцев гор за помощью в час внешней опасности.

С конца XVI века аварский правитель Нуцал (1568 год) проявляет уже открытые тенденции к расширению своих земель за счет покорения вольных обществ и захвата пастбищ на плоскости. В начале XVII века при Умма-нуцале (в литературе известен как Умма-хан справедливый) Аварское ханство достигло уже довольно высокого уровня развития и самостоятельности. С именем Умма-хана связано создание в Аварии единого кодекса адатов и введение большого числа новых адатов².

Предварительное изучение кодекса Умма-Нуцала дает основание для утверждения, что на территории Аварского ханства процесс феодализации в XVII веке далеко еще не закончился и что в нем сильны еще были пережитки патриархальщины. Наличие с одной стороны хана и беков, с другой — рабов и свободных узденей — яркое этому свидетельству.

Тем не менее аварские феодалы при Догру-нуцале (1698 г.) продолжали развивать энергичное наступление на вольные общества, расположенные вокруг их владения. С этими тенденциями связана обостренная борьба свободных сельских общин против ханов за свою независимость. На первом плане здесь выступает долгая и упорная борьба гидатлинского общества,

¹ Примечание переводчика.

² Х. Хашаев. Кодекс Умма-хана. Москва, 1948.

возглавляемая легендарным Хочбаром. Письменными сведениями об этом герое гидатлинской бедноты мы не располагаем, но устно поэтическое народное творчество донесло до наших дней его образ в виде героической поэмы о пламенном борце с хунзахскими насильниками и угнетателями.

Поэма рассказывает, как аварскому хану коварством и обманом удалось захватить Хочбара и заманить его в Хунзах. Подвергнув гидатлинского героя унижениям и издевательствам, хан отправляет Хочбара на костер, но в последний момент ханский пленник успеваешь отомстить своему обидчику: он хватает двух малолетних детей хана и вместе с ними бросается в костер.

В литературе принято обычно трактовать образ Хочбара, как явление эпизодическое, а поступок его, как месть за обиду, причиняемую Гидатлю аварскими ханами. Но это, однако, только одна сторона в деятельности народного героя. Не надо забывать, что Хочбар — это, прежде всего, военный вождь свободного гидатлинского вольного общества. Он — представитель общинного строя. Он вел борьбу за независимость, за свободу сильного вольного общества.

В XVIII в. одновременно ханством правили Мухамед-нуцал (1713 г.), Анкалав (1730 г.), Умма-хан (1735 г.), Нуцал-хан (1774 г.), Умма-хан (1801 г.).

Процесс, связанный с расширением феодального хозяйства за счет захвата общинных и крестьянских земель, и рост эксплуатации зависимых крестьян вызвал обострение классовой борьбы в Аварии. Бедственно сказывались на положении народных масс непрекращающиеся феодальные войны и усобицы. При Нуцал-хане и Умма-хане частыми сделались феодально-разбойничьи набеги в Грузию и Азербайджан. Немирные отношения аварских феодалов с Грузией неблагоприятно отражались на социально-экономических отношениях в вольных обществах. Однако попытка аварских ханов усилить княжескую власть в Аварии в этот период встречала упорное сопротивление со стороны крупных землевладельцев-феодалов, сидевших в вольных обществах.

§ 2. ХАНСТВО МЕХТУЛИНСКОЕ

В существующей литературе¹ ханство Мехтулинское отнесено к числу позднейших феодальных образований на территории Дагестана. Основателем этого владения считается один из членов казикумухского ханства дома по имени Мехти, прозванный народом Кара-Сгернет (отсюда и Кара-Мехиди). Этот Мехти, будучи недовольным своим ханом, удалился примерно в конце XVII века из Кумуха и поселился среди чуждого ему племени. Но вскоре личные качества сделали его известным среди населения. Кара-

¹ Мехтулинские ханы. ССКГ, вып. II, Тифлис, 1869.

Мехти был приглашен сперва аймакинцами, а затем оглинцами стать во главе этих обществ и принять их под свое покровительство. Примеру двух селений последовали вскоре одиннадцать других, и к концу своей жизни Кара-Мехти сделался не только личным правителем и военачальником всего населения, но мог еще передавать свою власть по наследству старшему в роде.

Примерно так же объяснялось и происхождение власти шамхалов тарковских. В разделе этой работы, посвященном кумыкским феодальным образованиям, мы доказали уже несостоятельность подобных обоснований происхождения шамхалов. В данном случае история повторяется. Образование Мехтулинского ханства по существующим легендам также относится ко второй половине XVII века, т. е. к тому самому времени, когда шамхалы были изгнаны из Кумуха и обосновались в Тарках. Если Кара-Мехти действительно был изгнан из Кумуха вместе с шамхалами, то спрашивается, почему его родословная связывается не с шамхалами Тарковскими, а имеет большое тяготение к аварским ханам и вообще к аварцам. К тому же нам известно, что более или менее крупных событий в Казикумухском ханстве, кроме тех, что связаны с именем Чолак-Сурхая, в XVII веке не происходило.

Таким образом, связывать основателя Мехтулинского ханства с казикумухским домом нет никаких оснований.

Ханство Мехтулинское, граничащее с владениями каракайтагского уцмия и кумыкских феодалов, могло существовать издавна. Возможно, что оно выступило на сцену в то же самое время, в какое образовались и другие соседние владения, отделившиеся от шамхальства. Этому способствовали, видимо, события, развернувшиеся со времени падения власти Золотой Орды в Дагестане. Но Мехтулинское ханство само по себе могло существовать и гораздо раньше. Тот социальный строй, который мы в нем встречаем, не мог быть насажден сверху, а сложился в результате экономических изменений, происшедших внутри самого сельского общества. Что же касается Кара-Мехти, сохранившегося в памяти народа в качестве первого основателя Мехтулинского ханства и дальнейшего родства его преемников с домами шамхала и аварских ханов, то в этом отношении можно напомнить то известное явление, что те или иные владельцы по соображениям внешнего и внутреннего порядка входили в родственные связи с более крепкой политической силой. В ту пору такой силой были как раз кумыкские шамхалы и аварские ханы.

Касаясь родословной ханского мехтулинского дома в разбираемую эпоху, мы можем указать только три имени. Первое — это Кара-Мехти, о котором говорилось выше. Дата его жизни и смерти нигде не сохранилась, и указать ее невозможно даже приблизительно. Вслед за ним упоминается Умма, и фактически от него начинается родословная ханского дома. Но годы его

правления до сих пор не удалось установить. Лишь с Али-Султана можно начинать более или менее определенное летоисчисление. Али-Султан, правда, не как Мехтулинский хан, а как дженгутаевский владетель, упоминается в русских источниках¹ во второй половине XVII века.

Местопребывание свое мехтулинские ханы имели то в Нижнем Дженгутае, то в Дургели. К деревням, входившим в XVIII веке во владения Мехтулинского ханства, кроме этого, относились: Верх. Дженгутае. Параул, Кака-Шура, Урма, Кулецма, Аймахи, Чоглы, Оглы, Ахкент, Апши, Дуранги².

Указанные аулы почти все аварские и населены аварами. Территория, на которой образовалось Мехтулинское ханство, с древнейших времен входила в состав аварского ханства. Нельзя назвать случайным и родство мехтулинских ханов с аварским ханским домом. После смерти в 1801 г. аварского владетеля Умма-хана пересеклась мужская линия аварских ханов. Когда встал вопрос о том, кому наследовать ханство, ханом в Хунзах был приглашен сын мехтулинского хана Султан-Ахмед-хан.

§ 3. СИУХСКОЕ ХАНСТВО

О родословной сиухских ханов сохранилась запись последнего сиухского хана Гебека, в которой сказано: «Это пишет недостойный божий раб, представитель священной науки Гебек сын Фатали, тоже сын Султан Сурхай-хан, потом Султан Гебек-хан, тоже сын Султан Магомед-нуцал-хан, тоже сын Догру Нуцал-хана 24-го по счету Бани Саратана отца известного Сураката»³.

Если брать за основу сказанное Гебеком, то генеалогия ханов Сиуха представляется в следующем виде: Бани Саратан-Суракат 24 неизвестных колена — Догру-нуцал-Магомед-нуцал-Гебек-Сурхай-хан-Фатали-Гебек.

Других рукописных источников, подтверждающих вариант Гебека о генеалогии ханов Сиуха, нам не удалось обнаружить. Как ни странно, и в печатной литературе нет сведений о сиухских ханах. Материал, собранный нами во время поездки в Хунзахский район с целью историко-этнографического обследования, в известной мере восполняет этот пробел в литературе. Так, например, в Сиухе сохранились развалины ханского дворца. Там же мы записали сведения о ханских землях и о шестнадцати зависимых аулах и формах эксплуатации сельского населения. Нам известны некоторые подробности о связях и родстве сиухских ханов с хунзахским ханским домом. Все эти бесспорные факты связаны с сиухскими ханами.

¹ Северный Дагестан. ЦВИА, ф. ВУА, д. 18474, лл. 1—47.

² Мехтулинские ханы, стр. 3.

³ Р. Магомедов. Заметки о Сиухе и сиухцах. Рукопись.

На основании собранных нами материалов мы можем внести некоторую ясность в вариант Гебека о генеалогии ханов. Гебек говорит о Догру-нуцале и Магомед-нуцале. Это исторические имена. Догру-нуцал жил в 1698 году и правил аварским ханством. Магомед-нуцал являлся сыном Догру-нуцала. Он — тоже правил аварским ханством и жил в 1713 году. В варианте Гебека вслед за Магомед-нуцалом идет Гебек. Гебек являлся сыном Магомед-нуцала, правителя аварского ханства. С Гебека и начинается самостоятельная ветвь сиухских ханов. Вслед за Гебеком ханами в Сиухе были Сурхай-хан, Фатали и Гебек.

Основатель сиухского ханства Гебек был сыном Магомед-нуцала от рабыни. Этим подчеркивалось различие в положении сиухских ханов и остальных аварских ханов. У сиухского Сурхай-хана женой была узденка по имени Шут из сел. Тукита. От нее родился сын Фатали. Про него в Сиухе говорили «мугъ чиллайдул чехъ цирадул», т. е. «спина у него из атласа, а живот из грубой шерсти, пригодной для матраца». Смысл этой поговорки заключался в том, что отец его был из беков, а мать была мало состоятельной. Из Хунзахского ханского дома сиухские ханы не брали себе жен, потому что они лишены были этой возможности в силу своего происхождения.

В Сиухе была распространена также другая поговорка, проливающая свет на внутреннее положение ханства. Поговорка гласила: «Свет изменчив: в один и тот же год один хан пахал, другой собирал, а третий молотил». Этим подчеркивалась частая смена ханов в Сиухе в результате феодальной междоусобицы.

Сохранились сведения об Анкалаве, как крупном собственнике земли в Сиухе. Он, как и ханы, имел своих зависимых крестьян, сидевших на наделенной им земле. Анкалав не принадлежал к сиухскому ханскому дому, но в Сиухе он был тоже вроде хана. Анкалав в прошлом был служилым человеком у хунзахских ханов. Он являлся одним из соперников сиухских ханов.

§ 4. ГОЦАТЛИНСКОЕ ХАНСТВО

Образование гоцатлинского ханства относится к XVIII веку. Основателем его был Али Эскендер-бек, отец Гамзат-бека¹. До этого Гоцатль составляла отдельное бекство, входившее в ханство Аварское. Беков в Гоцатли тогда называли нуцалчи (по-аварски: нуцияв). Здесь же жили чанки.

Среди нуцалчи Али Эскендер-бек славился своей воинственностью и храбростью. Он долгое время служил у хунзахских ханов визиром, т. е. советником, не раз он по поручению хана ездил в Иран к шаху и отличился на этой работе.

Выдача замуж Бахтики за шушинского Ибрагим-хана и убийство по указанию Умма-хана брата Али Эскендер-бека послужило причиной разлада между Гоцатлью и Хунзахом. Али Эскендер-бек вышел из подчинения хунзахского хана, стал самостоятельно править гоцатлинским бекством и соперничать с хунзахским ханом¹.

Как все феодалы, Али Эскендер-бек был собственником пастбищных земель и большого стада скота. Во время перегона овец на летние пастбища он приказывал своим чабанам останавливаться в местности, где сейчас хунзахская крепость, и пасти на лугах, принадлежащих хану, своих овец. Чтобы склонить на свою сторону население хунзахского плато, Али Эскендер-бек раздавал овец отдельным нуждающимся людям. Все эти действия гоцатлинского бека были направлены против хунзахского хана.

О сложных отношениях, установившихся между Гоцатлем и Хунзахом, свидетельствуют и другие факты. До нас дошло письмо, написанное «дебиром и джамаатом Гоцатль к дебиру и джамаату Хунзаха». В письме сказано: «Воздействуйте на ваших людей, за которыми числятся вакфу нашей мечети, чтобы они отдали его нашему посланцу. Не подобает задерживать божии долги по религии. Поэтому, если вы не будете содействовать выплате вакфу вашими людьми нам, то имейте в виду, что и в нашем ауле имеется вакфу вашей мечети и мы тоже будем следовать вашему примеру»².

Эти взаимные обязательства и взносы двух джамаатов возникли еще тогда, когда Гоцатль составлял бекство. При выходе гоцатлинки или уроженки Хунзаха замуж или по случаю каких-то завещаний в то время делались пожертвования, взносы в мечеть. Сейчас, когда отношения между двумя феодалами обострились, получение вакфу оказалось делом нелегким.

Немирными были отношения между гоцатлинскими и хунзахскими феодалами и в начале XIX в.

2. О ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В АВАРИИ И ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ КРЕСТЬЯН В АВАРСКИХ ХАНСТВАХ

Имеющаяся печатная литература по Аварским ханствам не дает сколько-нибудь объективного освещения вопроса о земельной собственности и феодальной эксплуатации в ханствах.

Приступая к рассмотрению феодальных производственных отношений на примере Аварских ханств, мы должны исходить из марксистско-ленинского определения основы феодализма, как феодальной собственности на землю.

¹ Р. Магомедов. Заметки о Гоцатле и гоцатлинцах. Рукопись.

² Там же.

¹ Неверовский. Истребление аварских ханов. СПб. 1848, стр. 2.

Следовало бы ожидать, что основой производственных отношений в феодальной Аварии должна быть собственность хана и бека на землю.

Так именно было в ханстве Аварском. Аварские феодалы являлись крупными собственниками земли и скота. Точно учесть размеры ханско-бекских земель из-за отсутствия источников не представляется возможным. На основании собранных нами материалов и сведений, которые дают архивные материалы и опубликованная литература, нам известно, что ханские земли имелись вокруг Хунзаха и в селах Цалкит, Местерух, Куани, Мусшуда, Тенито, Тлотлук, Ках, Амишта. Ханские сады имелись в Голотле, Хинибе, Целмесе, Тлохе, Гоцатле, Заибе. Ханские пастбищные земли разбросаны были и на территории Каратинского, Гидатлинского, Андийского и Ахвахского вольных обществ.

Подполк. Скалон по поручению кавказского начальства ездил в Хунзах для принятия аварского ханства в русское подданство. После возвращения он сделал обзор ханства с характеристикой представителей аварского ханского дома. Одним из сыновей хана был Сурхай-хан. По свидетельству Скалона, он в своем владении имел определенное количество «деревень»¹. Другой сын аварского хана Абу-Султан-нуцал-хан писал Николаю I, что в его «имение входило: Диргиль, Феравиль, Урели, половина дер. Алпаль, 6 загородов и 8 гор»². Он же сообщает, что ему по наследству принадлежала дань «с деревень Тушь и Мусуль, состоящая из 6-ти мулов, 12 быков и красного бурмета³ с каждой деревни для того, кто будет послан мною для собиранья дани»⁴.

Таким образом, для нас бесспорным является положение, что аварский хан и его наследники являлись крупными земельными собственниками. Но это бесспорное положение еще не раскрывает всего своеобразия в организации феодального хозяйства в ханстве Аварском. Из приведенных фактов, например, мы еще не знаем, являлись ли аварские феодалы собственниками всей земли ханства, или нет.

Чтобы правильно понять природу феодальной собственности в аварском ханстве, следует отделить вопрос о пахотных землях от вопроса о пастбищах.

Прежде всего о пахотных землях. Хунзахский хан имел, конечно, пахотные земли, находившиеся в исключительном его владении. Но эти земли, насколько удалось выяснить во время историко-этнографического обследования и при изучении дошедших до нас письменных источников, были в небольшом количестве.

Быть может, хану принадлежали мюльки узденей, находившихся в его владении? Отнюдь нет. В рассматриваемое время в

¹ Материалы по истории Дагестана и Чечни, стр. 127—128.

² Там же, стр. 132.

³ Бурмет — хлопчатобумажная крашенная материя домашней выделки, около 1,6 метра в куске.

⁴ Там же.

ханстве сельская община полностью не исчезла. Крестьяне-общинники попрежнему группировались вокруг джамаата. Сохранились и общинные организации, сохранились и тухумы. При наличии всех этих институтов старого строя джамаат как община входил в состав ханства. Члены джамаата оставались собственниками своих мюльков. Эти мюльки — небольшие участки земли для посевов — каждый отдельный поселанин добывал с трудом в борьбе с природой, расчищал их из-под леса или кустарника, устраивал в долинах рек или на уступах гор и искони привык считать своею неприкосновенной собственностью. Мюльки наследовались в семье, продавались, завещались и отдавались как плата за кровомщение. Для всего этого вовсе не требовалось разрешения хана.

Таким образом, мюльки принадлежали узденям и не являлись собственностью хана. Иначе говоря, пахотная земля не являлась только монопольной собственностью хана.

Иное дело пастбища. Правда, они тоже не все и не всегда находились в ханской собственности. Изучение материала о взаимоотношениях аварского хана с некоторыми аулами, входящими в его владения, подтверждает этот факт.

Приведем такой пример. Недалеко от Хунзаха расположен небольшой аул под названием Тануси. В старину он был резиденцией нуцалов. Казалось бы, что этот аул должен входить в наследственное владение феодалов и находиться в полном подчинении им. Однако отношения поселян к хану говорят совершенно об ином. Тануси не был наследственной вотчиной аварских ханов и не находился у них в полном подчинении.

Если бывшая резиденция ханов не являлась наследственным имением ханов, то какие же взаимоотношения существовали у ней с ханским Хунзахом?

Ответ на этот вопрос можно получить, если разобраться в вопросе о земельных отношениях в самом Тануси.

Неподалеку от этого аула возвышается гора Арак-Меэр, являющаяся неплохим летним пастбищем. По всем данным эта гора принадлежала жителям Тануси, но пайщиками пастбищ являлись, кроме них, еще ближайшие аулы. Львиная доля пастбищ, а именно весь северный скат горы, обращенный в сторону аула, принадлежал танусинцам. На склонах горы танусинцы могли селиться и извлекать любые выгоды в ущерб остальным пайщикам. Это преимущественное положение танусинцев, несомненно, ущемляло интересы соседей. Не найдя справедливого решения в Тануси, поверженные аулов обратились с жалобой к аварскому хану. Последний ответил письменно, что он к этой горе не имеет никакого отношения. Это, мол, дело самих танусинцев.

Как видно, хан не только не распоряжался этой горой, но и не имел права вмешиваться во внутренние дела аула. Хану принадлежала только часть Арак Меэра. Если хан не распоряжался

землями аула, тогда в чем же заключалась его власть над танусинцами? Ведь аул этот входил в состав ханских владений.

Оказывается, единственная обязанность танусинцев по отношению к хану заключалась в том, что последние давали дружини и она являлась лучшей в ханской свите.

Не дает ли все это основания для того, чтобы отрицать наличие феодальных отношений в Аварии, и если нет, то не противоречит ли все это уже установившемуся взгляду на феодальный способ производства?

Мы знаем, как было организовано помещичье хозяйство при крепостном праве в России. Это хозяйство немисливо было без прикрепленного к земле крестьянина. Крестьян наделяли землей помещики. В. И. Ленин указывает, что «надел был тогда формой заработной платы, если говорить применительно к современным отношениям»¹.

Как же обстояло дело с организацией феодального хозяйства в Аварских ханствах? Имело ли здесь место наделение крестьян ханской или бекской землей?

В описке населенных пунктов, составленном в 1828 году, в аварском ханстве насчитывалось 46 узденских аулов и 165 аулов, дающих хану подать². В общей сложности эти аулы составляли свыше 20 тысяч хозяйственных дворов³. Спрашивается, мыслимо ли, чтобы аварские феодалы были в состоянии наделить землей 20 тыс. крестьянских дворов?

Пригодных под пашню земель на территории аварских ханств было чрезвычайно мало, поэтому ханские земли не могли распадаться на ханские и крестьянские и экономические отношения между феодалами и крестьянами не могли быть построены исключительно на основе ханского или бекского земельного надела под пашню. Если все это так, то естественным является вопрос, как же в ханстве был организован необходимый и прибавочный труд крестьянина?

Поскольку крестьяне 211 населенных пунктов являлись феодально-зависимыми, то они должны были, прежде всего, работать на хана на ханской земле и на себя работать на наделенной земле. Но мы уже указывали, что сплошного наделения крестьян землей в ханстве не было. Землею наделялась совсем незначительная часть крестьян. Если можно говорить о наделении феодалами крестьян землей, то это можно сказать в отношении населения следующих семи аулов: Амишта, Хиниб, Ках, Техито, Тлайлух, Мусшул, Куани. Крестьяне этих аулов считались

крепостными хана. Здесь был налицо необходимый прибавочный труд, тут перед нами открыто выступает хан — собственник средств производства. Ему крепостной крестьянин отдавал продукт своего прибавочного труда.

Остается невыясненным, в чем заключались отношения крестьянского населения остальных 204 аулов к аварским феодалам?

Если не считать примера Тануси, то хан был собственником лучших пастбищ в его владениях, а скотоводство являлось основной отраслью хозяйства населения и именно оно составляло главный источник ханского дохода. Об этом свидетельствует ряд дошедших до нас документов. Сошлемся на некоторые из них. Один из аварских нуцалов Умма-хан писал джамаату селений Арадерих и Коло: «Почему не погашаете то, что вы должны: сто баранов. Погасите долг сейчас же. Если нет животных, погасите недвижимым имуществом»¹.

О каких ста баранах идет речь, за что их требовал Умма-хан — в предписании не сказано, но для нас бесспорно, что они не были платой за земельный надел хана, ибо хан, вообще не располагал в этих обществах землей под пашню. Это была дань хану за то, что джамааты пользовались для выпаса своих овец ханскими пастбищами. Они были основой феодальной зависимости, основой взимания дани за пределами ханских владений и ренты — внутри владения. В получении их хан был неумолим, требуя, в случае отсутствия скота, погашения долга «недвижимым имуществом». Характерно, что аварский феодал имел специального сборщика податей. При Нуцал-хане сборщиком податей «с андийских аулов» был Хайдарбег². Таких же сборщиков имели и другие аварские феодалы, в частности, беки. Гихляй-бике писала аксальтинскому Дибирю Али: «Наш племянник Магомед и зять Алхас пошли в аул Зибир-хали для сбора податей. Постарайся помочь им в этом деле»³.

Приведенный документальный материал позволяет утверждать, что основой производственных отношений в аварских ханствах являлась феодальная собственность на землю. Выясняется, что исключительное место среди ханских земель принадлежало пастбищным землям.

Дальнейшее развитие феодальных отношений в Аварии было связано с ростом ханско-бекской собственности на землю. Рост феодального землевладения в Аварии происходил, прежде всего, за счет присвоения крестьянских и общинных земель внутри ханства.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 65.

² Список деревень Аварского ханства, с указанием количества дворов. Материалы по истории Дагестана и Чечни, стр. 192—196.

³ По свидетельству подполк. Скалона, в ханство входило «более 80» аулов и до 10 тысяч хозяйственных дворов.

¹ Предписание Умма-хана джамаатам Арадерих и Коло. Из историко-этнографических сведений об аварцах, собранных мною в разное время.

² Письмо Нуцал-хана джамаату Анди. Из историко-этнографических сведений об аварцах, собранные мною в разное время.

³ Письмо от Гихляй-бике аксальтинскому Дибирю Али.

Таблица № 1.

Ханские земли в Аварии.

№№ п. п.	Название земельного участка, принадлежащего хану или беку.	Характер земельного участка.	Источник.
1	Цолотль (Хиниб)	Земля, пригодная под сады	Сведения записал в с. Хунзахе
2	Заиб	Тоже	Сведения записал на хуторе Зайбе
3	Голотлинские земли	Тоже	Сведения записал в с. Голотль
4	Митлас	Сенокосный участок	Сведения записал в с. Хунзахе
5	Хакита	Пастбища	"
6	Нак-Меэр	Пастбища	"
7	Грутли	Пастбища	"
8	Ахару-Меэр	Пастбища	"
9	Тала Коро	Пастбища	Сведения записал в с. Сиухе
10	Энгеро	Пастбища	Сведения записал в с. Шотода
11	Чара-Меэр	Пастбища	"
12	Арак-Меэр	Пастбища	Сведения записал в с. Тануси
13	Гьала	Пахотные земли	Сведения записал в с. Байлайги
14	Хансул Кулк	Пахотные земли	"
15	Харитя	Сенокосный участок	Письмо Гихле-бике и Саху-бике джамаату Хараги.

Таблица № 2

Земельные участки, полученные аварскими ханами в дар от сельских обществ.

№№ п. п.	Название участка, полученного в дар.	Населенный пункт, от которого получен участок земли.	Источник.
1	Жанимих	Цада	Сведения записал в с. Цада
2	Ободинский тонтината бак	Ахальчи	Сведения записал в с. Ахальчи
3	Игиштани	Шотода	Сведения записал в с. Шотода
4	Тоботу	Обода	Сведения записал в с. Обода
5	Чина Меэр	Батлайчи	Сведения записал в с. Батлайчи
6	Жадул хюр	Батлайчи	"
7	Харатли	Орота	Сведения записал в с. Орота

О том, какими путями аварские феодалы становились обладателями общинных земель, свидетельствует следующий обычай, существовавший в аварском ханстве. Тут существовал обычай: коль скоро родился у хана наследник, ему все общества, входившие в состав ханства, должны были делать подарки. Одни сельские общества преподносили в дар хану по случаю рождения сына пахотные или пастбищные земли, другие — дарили овец.

Дарение земель сельского общества по случаю рождения ханского сына не было единственным источником образования крупных земельных владений в Аварии и возвышения класса аварских феодалов. Рост феодальной собственности на землю в Аварии происходил в значительной степени за счет открытого захвата общинных земель.

Таблица № 3.

Земельные участки, захваченные в разное время аварскими феодалами у сельских общин.

№№ п. п.	Название захваченных феодалами земельных участков.	Какой общине ранее принадлежал данный участок.	Характер.	Источник.
1	Бакъли	Обода	Пастбища	Сведения записал в с. Обода
2	Талаку Меэр	Обода	Пастбища	"
3	Нуси	Обода	Пастбища	"
4	Кулутли	Обода	Пастбища	"
5	Теледа Наха	Харахи	Пахотная земля	Сведения записал в с. Харахи
6	Ахидури	Орота	Пахотная земля	Сведения записал в с. Харахи

В XVIII и начале XIX вв. в Аварии распространенной формой увеличения феодального землевладения стало расхищение феодалами общинных земель. Хань и беки для этого изыскивали различные поводы. Мы привели только незначительные данные о захватах общинных земель. Можно сослаться и на другие факты, связанные с захватом феодалами общинных земель. В качестве примера можно сослаться на небольшой аул Коло, расположенный между Хиндахской и Колинской речками. Земля здесь плодородна. По рассказам местных жителей, хунзахский хан послал одного из своих племянников по имени Килич в местность «Мелъльеличиб»¹. Килич построил себе укрепленную усадьбу и овладел всем окружающим богатством: землей, садами, пастбищами и т. д. Так колинцы лишились своих земель и угодий.

Джамааты всеми силами сопротивлялись захватам аварских феодалов. Эта борьба нашла свое отражение в послании Султан-

¹ История селения Коло, Хунзахского района. Записал М. М. Салихов. Рукопись.

Ахмед-хана аварского всем джамаатам Хедалала и особенно джамаату Ахальчи: «До нас дошло от ободинцев то, чему не должно быть места между мной и ими, а именно: они напали на моего чабана и били его, и я это терпел, чтобы недруги не слышали о распрях между моими дружинами. Когда я поступил с ним так великодушно, они начали зазнаваться и продолжали заниматься недопустимыми поступками. Вам известно, что мой близкий Муса, аксайский владетель, послал в этом году свое стадо овец в наши горы, веря в нашу дружбу и дружбу войск. А как только его стадо прошло по общей дороге, ободинцы напали на него, поступили недостойно и арестовали его удамана¹. Это, валлаги², большая несправедливость с их стороны. Я желал бы, чтобы вы сказали правду: я ли прав, или они? Воздействуйте на них. Иначе надоело мне терпеть...»³.

Ободинцы напали на пастухов хана, а также на стадо аксаевского владельца потому, что те незаконно пасли скот на общинной земле. Хан получил соответствующий отпор, и, хотя в дипломатической переписке он считал поступок ободинцев несправедливым, на захват земель не решился. Причина та, что за спиной ободинцев стоял сильный Хедалал, который в любое время мог встать на их защиту. Таков вывод, вытекающий из приведенного выше письма.

Сохранилось предание о том, как хан поработил жителей Ахвахского селения Тадмагатли. Хан со своей дружиной явился в тадмагатлинскую местность и объявил, что отныне вся долина, где расположено было село и остальные земли, принадлежат ему и тадмагатлинцы за пользование ими должны платить ему дань.

Рост феодального землевладения в Аварии происходил и за счет присвоения крестьянских мюльков. Как мы уже указывали, большое количество крестьян-узденей, живших на территории ханств, продолжали владеть индивидуальными земельными участками-мюльками. Эти земельные участки узденям достались в свое время при выходе из тухумов. Феодалы всячески старались лишить узденей принадлежащих им мюльков. Делалось это, например, в гоцатлинском ханстве так. Бек посылал своего раба на один из крестьянских мюльков ставить знаки (колышки), означавшие, что отныне данный земельный участок перешел в собственность бека и крестьянин потерял на него всякое право.

Крестьяне сопротивлялись захватам феодалами их земель. Конкретный случай этого сопротивления дает поступок гоцатлинского узденя Халал Магомеда. Айдемир, сын гоцатлинского хана, приказал своему рабу пойти в поле и объявить узденю Халал Магомеду, чтобы тот прекратил обрабатывать свой мюльк.

¹ Удаман — старший чабан.

² Валлаги — клянусь.

³ От Султан-Ахмед-хана всем джамаатам Ходалала, особенно джамаату Ахальчи.

Уздень не послушался и продолжал обрабатывать свое поле. Когда это стало известно, Айдемир лично явился в поле, где работал Халал Магомед и потребовал объяснить, почему он не выполнил его приказания и продолжает пахать землю. На это Халал Магомед ответил Айдемиру следующими словами: «Вон видите висящее на дереве ружье, оно дает мне право пахать землю. Если хочешь отменить это право, прошу поговорить с ним, может быть удастся уговорить его. Тогда я отдам свой мюльк, но не забывай, что и на это потребуется также разрешение моего тухума»¹.

Земли свои феодалы увеличивали и за счет мюльков, переходивших к феодалу после смерти узденей даже при наличии дочери. Например, в Гоцатли, чтобы увеличить размеры своих земельных владений, беки искусственно разжигали вражду между отдельными крестьянами и даже толкали их на убийства друг друга.

Таким образом, на основе фактического материала нам удалось показать проявление различных видов ханско-бекской собственности на землю. Теперь мы знаем, как было организовано владение ханскими землями в Аварии. Частью пахотных земель владел непосредственно сам хан, а другая часть пахотных земель отдавалась в качестве надела крепостным крестьянам. В отличие от пахотных земель, ханские пастбищные земли подразделялись на три вида: 1. Пастбищные земли, принадлежащие хану; 2. Пастбищные земли, отдававшиеся крестьянам в качества надела; 3. Пастбищные земли, отдававшиеся ханами под условием несения определенной службы.

Основным видом феодального землевладения в аварских ханствах было бекство, а затем шло условное землевладение, соответствующее русскому поместью.

Условное землевладение в Аварии сложилось в процессе развития феодальных отношений. Этот вид феодальной собственности получил свое распространение в результате раздачи земель по назру ханами и беками служилым людям. Сохранились сведения, что уздени сел. Обода, Манатилал, Шахилал, Кайтлал служили у хана и выполняли его разные поручения. За несение службы аварский хан наделил их отобранными у ободинского джамаата общественными землями под названием «нуси» и «кулутли»². В условное владение землю получали также Килич в сел. Коло, Гатиме в сел. Ахальчи, Ачакилов в сел. Орота.

Следует отметить, что мы до сих пор рассмотрели только проявление трех видов земельной собственности в Аварии: ханско-бекская, условная и крестьянская. Этим, однако, не исчерпывается вся сложность вопроса о землевладении и землепользовании в Аварии. Наряду с феодальной и крестьянской собственностью на

¹ Р. Магомедов. Заметки о Гоцатле и гоцатлинцах. Рукопись.

² Р. Магомедов. Заметки об Ободе и ободинцах. Рукопись.

землю в аварских ханствах продолжала существовать коллективная собственность.

Всем известно, что Хунзах являлся столицей аварского ханства. Здесь жил хан и его приближенные. При всем этом Хунзах сумел сохранить в своей собственности общие земли. Об этом говорит ряд дошедших до нас документов, относящихся к рассматриваемому нами периоду.

Приводим в виде примера некоторые из этих документов.

Документ № 1 под названием «Соглашение, заключенное между Хунзахом и Наита»¹, имеет следующее содержание:

1. Земли, которыми пользуются жители Наита, принадлежат Хунзаху.

2. Этой землей могут пользоваться все жители, но с условием выплаты магалу 10 мерок зерна с каждого хозяйства.

3. Никто не имеет права продавать эту землю.

4. Если женщина Наита выйдет замуж за человека из другого селения, то она лишается права пользоваться землей. Она может выходить замуж только по разрешению хунзахцев. Документ этот написан в 1783 году².

Документ № 2 под названием «Соглашение между хунзахским джамаатом и джамаатом Накитль» имеет следующее содержание:

1. Земля, на которой построен аул и в его окрестностях, принадлежит Хунзаху.

2. За пользование землей накитлинцы должны ежегодно с каждого семейства платить Хунзаху по 10 мерок зерна.

3. Житель аула в случае выезда из аула не имеет права продать землю, которой он пользуется.

Документ этот составлен в 1826 году³.

Тут Хунзах выступает перед нами в роли своеобразного коллективного феодала. Очевидно, сборы по земельной ренте с хунзахских земель производились в пользу крупных землевладельцев, пользующихся расположением хана. Имеются и другие случаи взимания дани за землю другими селами аварского ханства. Например, жители Очлоб платили дань селению Тануси за пользование пастбищем в плато Арак-Меэр.

В Хунзахе мы столкнулись с фактом использования общественных земель в интересах кучки влиятельных лиц. В конечном итоге такая форма землевладения должна была привести к ликвидации всех и всяческих следов былой коллективной собственности. Рано или поздно земли, некогда принадлежавшие всем

¹ Наита — селение Кахибского района.

² В документе имеется приписка следующего содержания: «Это произошло, когда сын Ибрагима убил сына Гусейна и когда жалоба об этом дошла до Умма-хана-нуцал-хана в 1118 году» (1704 г.).

³ Материалы, приведенные выше получены мною от собирателя восточных рукописей М. Гайдарбекова из села Генечуль Хунзахского района.

хунзахцам, должны были перейти в собственность отдельных частных лиц.

Факты свидетельствуют, что на территории аварских ханств продолжала существовать и общинная собственность на пастбищные и отчасти пахотные земли, на лес и т. д. В отличие от Хунзаха в таких селах как Батлайчи, Обода, Харахи, Орта общинными землями пользовалось на равных основаниях все сельское население за исключением рабов.

Таким образом, из сказанного выше о землевладении и землепользовании вытекает следующий важный вывод: в Аварии собственность на средства производства не составляла монополии господствующего класса. Аварские феодалы не являлись собственниками всей пахотной и пастбищной земли на территории ханств. В Аварии продолжало иметь место смешанное (феодалное и дофеодалное) землевладение и землепользование.

Одним из совершенно неисследованных вопросов в истории развития феодальных отношений является вопрос о том, как осуществлялась феодальная эксплуатация в аварских ханствах.

Мы не сомневаемся, что ханско-бекское землевладение в Аварии было основано на труде непосредственных производителей материальных благ — крестьян. Правда, крестьяне, крестьянское население — чересчур общее название, чтобы судить о том, как было организовано феодальное хозяйство в Аварии. Нам кажется, что в списке населенных пунктов ханства, о котором мы выше говорили, не случайно узденские аулы отделены от аулов, платящих хану подать¹. Нет никакого сомнения, что положение крестьянского населения сорока шести узденских аулов резко отличалось от положения крестьянского населения 165 аулов, отбывающих хану повинности. Выделением узденских джамаатов из остальной массы джамаатов подчеркивалось, что узденские джамааты внутри ханства сохранили свое общинное устройство и земельная собственность узденя была свободна от феодальных повинностей. Тому, что в Аварском ханстве уцелели местами под названием узденских джамаатов сельские общины, — мы не удивляемся. Из истории России нам известно, что общинная организация долгое время уживалась с господствовавшими феодальными отношениями в стране. Но от феодальной эксплуатации крестьянское население общины не было избавлено. То же самое наблюдалось и в Аварском ханстве. Здесь хан смотрел на узденские джамааты, как на части своего владения и по-своему старался эксплуатировать узденское население. Главным же орудием эксплуатации в ханстве были крестьяне 165 населенных пунктов, плативших хану подати. Среди них были крестьяне,

¹ В нашем распоряжении имеется другой документ под названием «Список сел райатов Нуцал-хана, которые ему дают харадж и магалу». В этом документе прямо говорится, что семь сел не подчиняются и не платят ему харадж и магалу.

прекрепленные к земле, наделенные землей, и крестьяне феодально-зависимые, т. е. крестьяне находившиеся на начальной ступени своего закрепощения. Крестьяне, наделенные землей, находились в личной зависимости от аварских феодалов, и по своему положению они ничуть не отличались от крепостных крестьян. Крестьяне же, не наделенные землей, не были в личной зависимости от аварских феодалов.

Мы указывали на исключительную роль в феодальном хозяйстве пастбищных земель. Надо прямо сказать, что сборы с них составляли одну из главных статей ханского дохода. Ренту с пастбищных земель аварские феодалы получали мясом, маслом, шерстью, сыром, кожей. Жители Ахваха являлись данниками хана. За пользование пастбищем они с ханом рассчитывались натурой — овцами. Кроме того, ахвахцы обязаны были давать хану несколько раталов (т. е. 6 фунтов) костного масла животных. По преданиям, феодалы костное масло употребляли как подливку к хинкалу.

Тяжелым бременем для крестьянского населения ханств всегда оставались подати и повинности. В случае несвоевременной уплаты подати крестьянином аварские феодалы прибегали к конфискации жилого дома и пахотной земли. Характерно в этом отношении письмо Умма-хана к джамаату Арадир-Коло. Умма-хан писал: «Почему Вы удлиняете никчемные разговоры и споры о том, что Вы должны давать мне, а именно «нугги», т. е. сто баранов. Оплатите без задержки то, что с Вас причитается мне. Если нет движимого имущества, сделайте это за счет домов и пахотной земли»¹. Феодалы требовали от крестьян своевременного выполнения всех обязательств. Но крестьяне не всегда это могли делать в установленный срок. Так случилось с крестьянами села Харажи. Ввиду неурожая, они обратились к своим феодалам с просьбой освободить их от уплаты магалу (рента) за пользование пастбищным и сенокосным участком «Харити». На эту просьбу ханши Гихлей-бике Баху-бике ответила: «Оставить Вам магалу за местность «харитл» мы не можем. Предлагаем немедленно выплатить магалу».

Сохранились сведения, как ханский сын в сопровождении сборщиков податей ездил собирать магалу в Курутли (сюда входили: Хиндах, Могох, Баклух, Зенита, Мита). Один малосостоятельный крестьянин объяснил ханскому сыну, что в этом году ему живется плохо и он не в состоянии уплатить магалу чесноком и просил перенести магалу этого года на будущий год. Ханский сын заявил, что если его освободить от магалу, то надо освободить и остальных, и потребовал уплатить магалу. Крестьянин не в состоянии был этого сделать. Сын хана прибег к насилию, тогда крестьянин убил его.

¹ Из историко-этнографических сведений об аварах, собранных мною в разное время.

Однажды ханше Баху-бике сообщили, что народ голодает, надо бы помочь. На это она равнодушно ответила: «Разве не хватит им толокна и сыра?»

В Хунзахе зависимые крестьяне обязаны были ежегодно делать приношения хану по три фунта меда. А крестьяне Хиндаха и Коло давали хану магалу по полсабу золы орехового дерева¹. Многие телетлинцы работали на беков Чупановых и Анкаловых и должны были давать магалу. В том случае, когда крестьянин не выполнял своих обязанностей, к нему в дом являлась бекская рабыня Куркучилай и разбивала самую ценную посуду (антико). Поэтому существует поговорка: «В счастливый дом не войдет Куркучилай».

Жители Ахальчи своим феодалам вносили подать мясом, зерном, яйцами. Беки чинили беззакония над сельчанами и жестоко обращались с лагами, работавшими в поле. Доведенные до отчаяния ханскими работами жители Ахальчи восстали и убили двух ханских сборщиков податей.

Феодально-зависимое население вольных обществ платило хану дань. Оно также пасло ханский скот, заготавливало корм для скота на зиму и обрабатывало землю.

В аварских ханствах применялись и другие формы эксплуатации, направленные на присвоение продукта прибавочного труда зависимых крестьян. Независимо от путей, форм и средств присвоения, в ханстве в рассматриваемое время применялись одно временно все три вида феодальной ренты: отработочная или барщинный труд, рента продуктами, или натуральный оброк; денежная рента, или денежный оброк. Денежная рента хотя и была известна, но она в ханстве в то время в системе феодальной эксплуатации подвластного населения играла незаметную роль. Барщина тоже не была главной формой феодальной ренты в ханстве. Все эти формы ренты в Аварии выражались арабским словом «магалу».

На протяжении всего XVIII в. в Аварских ханствах наблюдалось дальнейшее усиление феодальной эксплуатации крестьянского населения. Это усиление феодальной эксплуатации выразилось, во-первых, в увеличении оброков и барщины; во-вторых, в стремлении превратить узденей в зависимых крестьян и зависимых — в крепостных внутри ханства и, в-третьих, в стремлении к захвату джамаатских земель и объявлению их ханской или бекской собственностью. Узденский джамаат находился в тяжелой беспрестанной борьбе с аварскими феодалами.

Усиление феодальной эксплуатации и захват джамаатских земель вызвало необычайный подъем антифеодальных выступлений в Аварии. По далеко неполным данным, в XVIII в. в Аварии было восемь выступлений крестьян против ханов, беков и духовенства.

¹ Ореховую золу в то время употребляли для стирки белья.

Сохранились сведения о том, что крестьяне Батлайчи отбывали хану тяжелую магалу зерном и скотом. Хан иногда требовал магалу больше, чем это было положено. Население отказывалось выполнять ханскую магалу. На этой почве происходили частые волнения в селении Батлайчи.

3. КЛАСС ФЕОДАЛОВ И КАТЕГОРИИ ФЕОДАЛЬНО-ЗАВИСИМОГО НАСЕЛЕНИЯ

Общественные отношения в Аварском ханстве в дореволюционной литературе получили неправильное освещение.

Известный специалист по истории Кавказа А. Берже писал: «Аварцы не разделяются на наследственные сословия, а считают себя узденями, т. е. вольными людьми. Прозвище бек у них встречается весьма редко и то как звание, не дающее особых прав и преимуществ»¹.

Перед нами стоит задача — разобраться в общественных отношениях в Аварском ханстве и дать правильное толкование этим отношениям на фоне всей Аварии. Эти отношения лучше всего можно проследить на примере разбора классовой структуры ханства.

§ 1. КЛАСС ФЕОДАЛОВ

Нуцал. Самым крупным феодалом Аварии являлся хан — по-аварски **нуцал**. Материальной базой нуцалу служили обширные пастбищные и пахотные земли. Он же являлся крупным собственником скота. Владение нуцала состояло из сел, пахотных и пастбищных земель.

Однако, как мы отмечали выше, нуцал не распоряжался всей землей на территории ханства. Он распоряжался только теми землями, которые принадлежали ему лично.

Бек. В противовес утверждению Ад Берже, мы считаем, что институт беков в Аварии был довольно распространенным явлением. Беки имелись в самом Хунзахе, Гоцатле, Сиухе, Голотле и в окрестных аулах ханства. В Гоцотле беков называли нуциев².

Беками называлась у аваров верхушка класса феодалов после нуцала. Образование института бекства относится к периоду возникновения в Аварии феодальных отношений. Первые беки вышли из среды патриархальной знати. В последующем беками становились и дети нуцала, не ставшие ханами. Бекское землевладение слагалось из земель, полученных по назру и земель, захваченных у общинников.

¹ Ад. Берже. Прикаспийский край. «Кавказский календарь» за 1857 год, стр. 263.

² Нуциев — по-аварски бек.

Внутри ханства, будучи собственниками пахотных и пастбищных земель, беки обладали всеми правами и преимуществами феодала и при эксплуатации крестьянского населения применяли методы внеэкономического принуждения. Однако беки в своем владении не пользовались полным иммунитетом.

Чанки составляли отдельную группу феодалов после беков. Чанками назывались у аваров дети нуцалов (ханов), беков от неравного брака. Их называли еще чанки-беками. Они жили почти во всех феодально-зависимых аулах ханства и даже в тех аулах, где никогда не жил бек. Факты свидетельствуют, что чанки в большинстве своем не являлись уроженцами тех населенных пунктов, где они жили. Очевидно, в прошлом ханы и беки практиковали поселение своих детей от неравного брака подальше от себя в феодально-зависимых аулах.

В аулах чанки фактически являлись представителями ханско-бекской администрации и пользовались привилегиями по сравнению с массой зависимого крестьянского населения. На местах чанки имели свои земли (пахотные и пастбищные). Землей их наделяли в собственность ханы или беки, в зависимости от того, кто был отцом. В аулах Гоцо, Кида, Саситль, Мохсох, Цельмес, Шотода, Цалкита население в пользу чанков отбывало разные повинности. Так, например, чанки Цалкита от шести дымов получали по одной мерке пшеницы и по одному барашку от тех жителей, кто имеет баранов, — основанием к отбыванию повинностей служила земля, полученная от чанков в качестве надела. Вот другой пример: чанки Шотода получали от общества селения Цельмес по одной мерке пшеницы в год с каждого дыма за пользование пастбищным участком земли «Глджилютиб»¹.

§ 2. КЛАСС КРЕСТЬЯН

Уздени составляли наиболее многочисленный слой крестьянского населения Аварского ханства.

Узденей ханства можно подразделить на три категории. К первой категории относились уздени, находившиеся на службе у аварских феодалов и владевшие землей на правах бенефиция. Ко второй категории относились уздени, связанные с общиной (джаммаатом) и владевшие небольшими мюльками. И к третьей категории относились уздени, подпадавшие в зависимость от феодалов. Из первой категории узденей шло формирование мелкой группы феодалов.

¹ Пояснительная записка к проекту Положения о поземельном устройстве поселян Дагестанской области, водворенных на землях лиц высшего мусульманского сословия, а также находившихся в зависимости от беков и обществ. ЦГА. Даг. АССР, ф. 2, № 813, лл. 5—15.

В ханстве все еще существует крестьянская община, т. е. узденский джамаат. Уздень, связанный с общиной, занимал промежуточное положение между первой и третьей группой узденей.

Положение отдельного узденя в ханстве определялось отношением хана к джамаату. Хан всеми возможными путями старался поработить узденей и использовать их организацию в своих интересах. Однако, хану это не всегда удавалось. Узденский джамаат оказывал решительное сопротивление феодализации аула. На этой почве была целая серия столкновений между узденскими джамаатами и ханским Хунзахом.

В целом же о положении узденей в ханстве можно сказать, что значительная часть узденей еще не утратила личной свободы и владела своими мюльками.

Положение третьей группы узденей было двойственное. С одной стороны, он феодально-зависимый крестьянин, потому что он имел надел, и с другой стороны он сохранял у себя небольшой мюльк. С мюлька он не платил ренту феодалу.

Раяты. Если взять отдельный аул, входивший в состав ханства, и посмотреть на состав его населения, то мы увидим в нем, что по своему положению крестьяне данного аула, как правило, делились на две группы: на крестьян, попавших в зависимость от феодалов, и крестьян, не попавших в зависимость от феодалов, но находившихся в стадии феодального порабощения.

Крестьяне, попавшие в зависимость от хана, бека в результате потери права собственности на землю, назывались раятами. Раяты — это крепостные крестьяне. Раятскими аулами в ханстве Аварском были Амишта, Текито, Мусшул, Хин, Чандатль, Учло, Тлайлук.

Раяты жили также смешанно с узденями в других аулах.

Ряды раят пополнялись за счет рабов, посаженных на землю.

Эксплуатация раят осуществлялась двумя путями. Крестьяне раятских аулов непосредственно эксплуатировались в феодальном хозяйстве с применением барщинного труда. Раяты же, жившие разбросанно, обязаны были пасти и содержать ханский скот или же отбывать ренту продуктами.

Лаги. В ханском хозяйстве, наряду с трудом зависимого и крепостного крестьянина, применялся и труд лагов, т. е. рабов. У хана были рабы целыми поселениями. Еще в 30-х годах XIX в. аулы Хинаб, Ках, Куаниб, Глейлук¹ были населены исключительно рабами. Положение лагов в ханстве можно сравнить с положением холопов в России. Они работали на ханской пашне, пасли скот и, кроме всего этого, выполняли функции домашней прислуги при ханском и бекском дворах.

В то время рабы продавались на невольничьих рынках. В этой торговле принимали участие и аварские феодалы и с

¹ А. Руновский. Указ. соч., стр. 380.

целью захвата рабов устраивали набеги на соседнюю Грузию, Армению и во внутрь Дагестана. В 1800 г. аварская ханша Гихли-бике отправила в Анапу для продажи «9 невольников разных наций»¹.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

I. ВОПРОС О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФОРМЕ АВАРСКОГО ХАНСТВА

В литературе о политическом строе в Аварском ханстве до сих пор нет определенного мнения. Впервые в советской историографии вопрос о политическом строе дагестанских ханств был поставлен проф. С. В. Юшковым в 1936 году. В своей статье он писал: «Дагестан представлял до русского завоевания совокупность самостоятельных феодализованных племенных государств и племен, где еще не был изжит патриархальный строй»².

Непосредственное ознакомление с источниками и материалами, характеризующими политический строй Дагестана до начала XIX в., подтверждает этих суждений проф. С. В. Юшков. В Дагестане не было никакого феодализованного племенного государства ни в XVIII в., ни в более ранний период. Ни в одном ханстве племя также не занимало господствующего места. Неправильным является и другое положение, высказанное проф. С. В. Юшковым, гласящее, что еще не был изжит патриархальный строй в Дагестане.

На анализе конкретного исторического материала по аварским вольным обществам мы показали всю ошибочность и несостоятельность утвердившихся взглядов о патриархально-родовом характере общественных отношений дагестанских народностей к началу XIX в.

Аварское ханство не являлось исключением. Оно не было также феодализованным племенным государством. В записке об обследовании Аварского ханства экспедицией в 1828 г. для приведения населения в подданство говорится, что Аварское ханство делится на два военных округа. В первом «военном округе» имелись узденские джамааты, а во втором «округе» тоже имелись джамааты и даже больше, чем в первом, но джамааты второго военного округа считались данниками хана и беков. Как говорится в записке, все джамааты первого и второго округов находились «под непосредственным управлением хана», который решал «в народе и уголовные дела, тяжбы же кадий». Причем кадий имелись и в каждом округе³.

Эта своеобразная система управления ханством вполне со-

¹ Материалы по истории Дагестана и Чечни, стр. 120.

² Проф. С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания), стр. 19.

³ Материалы по истории Дагестана и Чечни, стр. 190—191.

гласовывалась с теми производственными отношениями, на которые в свое время мы указывали.

Разбирая экономические отношения, мы указывали, что ханство представляло собой пестрый комплекс различных видов феодальной и дофеодальной собственности. Владение хана состояло из ханского и бекского домена, из лена и земель, перешедших в собственность по ленному праву, из мелкой крестьянской, аллодиальной земельной собственности.

Наряду с землями в состав ханства в качестве территориальных единиц входили узденские джамааты и отдельные вольные общества. Однако на территорию узденских джамаатов (если действительно они таковыми оставались), собственность хана не распространялась. Да и в отношении вольных обществ хан скорее выступал в роли патрона, нежели собственника территории.

Таким образом, хотя принято говорить об Аварском ханстве, как о цельной территории, цельной единице, ею никогда оно не было, и вся территория ханства никогда не являлась собственностью хана. Узденские джамааты своими землями пока что распоряжались сами. Только в результате дальнейшей экспроприации земель свободных общинников могло произойти утверждение собственности нуцала и его беков на всю территорию ханства.

В данное же время Аварское ханство скорее напоминало собой территорию организующегося феодального государства. И по своей политической форме это было небольшое раннефеодальное государство. Еще более незначительны по размеру своей территории были ханства Мехтулинское, Годатлинское, Сиухское.

2. ХАНСКАЯ ВЛАСТЬ

Политическая организация класса аварских феодалов представляла собой феодальную иерархию. Во главе феодальной иерархии в ханстве стоял хан (нуцал). Отношения между ханом и беками строились на началах вассального подчинения. Все это понятно, и что именно так оно было, — у нас нет никаких сомнений. Но как быть с узденскими джамаатами? Ведь ханство состояло не только из бекств, но и из узденских джамаатов, которые пользовались значительной автономией в своих управлениях. Интересно знать, в роли кого выступал хан по отношению к этим узденским джамаатам?

Говоря о власти аварских ханов, подполк. Неверовский в 1847 году писал, что они пользовались полной и неограниченной властью, имели право жизни и смерти над своими подвластными и «были почти всегда страшными деспотами»¹.

¹ Неверовский. Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. Стр. 48.

На счет жестокости и деспотизма аварских ханов Неверовский вполне прав, и это хорошо подтверждается местными материалами. Но о власти ханов в Аварии имеются другие высказывания противоположного характера.

В записке генерал-майора Розена говорится, что авары «имеют хана, которому вовсе не повинуются... Без народных собраний и совещаний на оных ничего хан сам собой не может предпринять, все зависит от народа — мир, война, союз. Из сего следует, что правление Аварии народное, хану же, как бы из милости и по обычаям, дают малую долю своих посевов и стад, для прокормления»¹. То же самое констатировал подполк. Скалон в замечаниях, сделанных по инструкции, данной в феврале 1829 года, когда он шаправлялся в Аварии. Характеризуя власть аварских ханов, он писал: «власть их над народом ограничена до такой степени, что при получении подарков они бывают вынуждены уделять часть из оных и другим значущим в ханстве людям, без чего могли бы иметь даже неприятности, почему правление их можно скорее назвать народным, нежели деспотическим»².

Как видно, в приведенных высказываниях нет единодушия во взглядах на характер ханской власти в Аварии.

Неверовский поставил вопрос о хане, как о феодальном монархе, но недооценил вопрос о глубине феодального процесса в Аварии. Не учитывать этого нельзя. Ибо объем и характер ханской власти зависели от тех общественных сил, которые поддерживали хана и боролись с ним. В противоположность Неверовскому Розен и Скалон определили основы политических отношений в ханстве по чисто внешним признакам, не вникнув как следует в сущность этих отношений. Поэтому хан, являвшийся на территории ханства главой феодальной иерархии, у них отступил на задний план, а народный демократизм старого строя в делах управления ханства занял первенствующее положение. Такое заблуждение относительно власти хана в Аварии допустимо лишь при полном игнорировании специфики организации этой власти на местах. Как же можно игнорировать эту специфику, если ханство находилось в непосредственном окружении вольных обществ и внутри самого ханства имелись узденские джамааты, во многом придерживавшиеся порядка вольных обществ.

На примере того же Хунзаха можно все это очень хорошо проиллюстрировать.

Многолюдный Хунзах³ делится на пять кварталов: Самилах, Лъарахъ, Шотода, Хлорихъ, ШулагъутIа. В квартале шулагъутIа был расположен ханский дворец до 1832 года. Здесь находился отборный отряд нукеров, ханская тюрьма и другие фео-

¹ Описание народов, принадлежащих правлению начальника войск левого фланга кавказской линии и соседственных покорных и непокорных. ЦГВИА, ф. ВУА, л. № 18502, л. 19.

² Материалы по истории Дагестана и Чечни, стр. 127.

³ В 1828 году в Хунзахе насчитывалось 700 домов.

дальные учреждения. Несмотря на все это, Хунзах не перестал быть джамаатом. Хунзах при хане продолжал подражать сельской общине и поддерживал общинные органы управления. Рядом с ханским законодательством хунзахцы ставили свои адаты¹. В Хунзахе не перевелись тлибилы. Да и семья тут строилась по тому же принципу, что и в узденских джамаатах. Хунзахские адаты представляли мужу право убить свою жену, поощряли кровную месть. Можно привести еще десятки других примеров, свидетельствующих, что в Хунзахе действовали адатные нормы, сходные с гидатлинскими и андалалскими. Но все это нам не дает никакого основания не признавать классовую феодальную сущность ханской власти в Хунзахе. Ханская власть в Хунзахе, несомненно, была феодальной, но в том же Хунзахе эта власть во многих случаях продолжала маскироваться под старую патриархально-родовую оболочку.

Другой пример своеобразия в организации ханской власти в Аварии нам дает соглашение, заключенное между хунзахцами, нуцалом, телетлинцами, голотлинцами. В соглашении сказано: «Хунзахцы, нуцал, телетлинцы, голотлинцы договорились между собой:

1. Если голотлинец убьет хунзахца, то голотлинский убийца и его родственники должны давать алум 200 овец.

2. В случае ранения взимается 100 овец.

3. Если хунзахец и телетлинец убьет голотлинца, то взыскивать трехгодовалого бычка и 1,5 канха². Свидетелем этому Нуцал, Гунаш, Али Султан, Курбан, Гусейн, сын Асокоша»³.

В этом документе ясно сказано, что хунзахцы — одно лицо, а нуцал — другое. Кроме того, мы знаем, что телетлинцы имели своего хана, а беков имели голотлинцы. Чтобы уладить дело об убийстве, недостаточны были одни только действия аварского хана. В окончательном решении вопроса, например, когда дело касалось хунзахцев, участвуют сразу три стороны (хунзахцы, нуцал, голотлинец).

Дополнительный материал о характере законодательной и административно-судебной деятельности аварского хана дает также «Соглашение на будущее время между Магомед нуцалом и игалинцами». В соглашении говорится: «Каждая сторона должна задерживать по девять воров» и заставить их возместить ворованное»⁴.

Хан вынужден был согласовывать свои действия не только с беками, но и с представителями узденских джамаатов и главариами вольных обществ. Во время военной обстановки хан с ними

¹ См. АДОЗО, стр. 492—504.

² Смысл слова «канха» не удалось установить.

³ Из историко-этнографических сведений об аварях, собранных мною в разное время.

⁴ Там же.

часто совещался и стремился заручиться их поддержкой. Иногда хан вынужден был прибегнуть к посредничеству вольного общества при регулировании спорного дела с отдельными джамаатами. В качестве примера можно сослаться на «Письмо Магомед-Нуцал-хана к Нака Каралу». Магомед-Нуцал-хан писал: «Села: Кор и Тукал нам изменили. Они отказались от своего обещания построить дорогу для мусульман, как положено по адату. Если это так, то Тукал должен опустить человека (заложника) по имени Михитли во избежание между ними вражды и усобицы»¹.

Подполк. Скалон свидетельствует, что при Абу-Султан-Нуцал-хане в ханские дела вмешивались, кроме беков, еще кадий, чанка и уздени².

Все это подтверждает наш вывод, что в политической жизни ханства узденская знать и духовенство продолжали играть важную роль. При этом мы не можем не учитывать другой стороны этого же вопроса. Авария постоянно испытывала давление со стороны соседних ханств, и разрозненные вольные общества становились объектом нападения с их стороны. Нередко и сами вольные общества переходили в наступление на своих соседей. В этой обстановке во всей силе проявлялась военно-организаторская деятельность хунзахского хана, как военного вождя. Оживала в этот период и деятельность народных собраний. Особенно частыми они становятся при Умма-хане. При нем в местности около Обода (ободинский Тлурда) созывались собрания из представителей беков, узденских джамаатов и отдельных вольных обществ. Это собрание по-аварски называлось «руккилом». В ободинском Тлурдо имеется камень (в виде трибуны), откуда Умма-хан произносил свои речи, обращенные к представителям с мест.

Однако народное собрание, созываемое в Хунзахе или в других местах на территории ханства, нельзя назвать постоянно действующим органом власти.

Носителем верховной власти в ханстве являлся хан (нуцал). Он как глава феодальной иерархии в своей деятельности опирался, прежде всего, на своих советников из беков. В своей записке о Грузии С. С. Ковалевский пишет, что Умма-хан — человек больших предприятий, отважности и храбрости. Собственное его владение было небольшое, но влияние на окрестные народы «весьма сильное, так что он представляет собою как бы повелителя Дагестана»³.

3. ОРГАНЫ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

Как говорилось, центральная власть в ханстве находилась в руках хана.

¹ Материалы из архива М. Гайдарбекова.

² Материалы по истории Дагестана и Чечни, стр. 126.

³ АКАК, т. I, стр. 122.

Центром управления ханством был дворец хана в Хунзахе. Интересные сведения о должностных лицах, составлявших аппарат центрального управления ханством, мы находим в письме Султан-Ахмед-хана к ген. Торماسову от 1809 года. Хан просит генерала «исходатайствовать царские милости казию (кадию) всех деревень Аваристана». Хан сообщает генералу, что «кадии ему один из ближайших визирей». Далее он просит того же «также визирю Мирза-Магомед-казию, который постоянно молится за Россию, моему нукеру Магомед-беку и советнику Хаджи-белладу; другому нукеру Али-беку-белладу, — последние два представителя из рода аварских предводителей; третьему моему нукеру Кайтмазу-беллади, сыну Али-хана-беллади цатаныхского, сообразно их значению»¹. Письмо заканчивается словами: «Остальные просьбы и их подробности доложит вам преданный наш нукер Хаджи-беллады и переводчик его Мирза-Максуд Эфенди»².

В 1828 г. в крепости Грозный Абу-султан-Нуцал-хан дал присягу «на верноподданство России». В Грозном, при приводе к присяге хана «присутствовали первосвященник и судья аварский Нур-Магаммат» и восемь узденей³. В 1829 г. в списке депутатов аварского хана, прибывших в Петербург для представления Николаю I, числились следующие лица: «посланник, аварский первосвященник, судья, тайный советник и секретарь аварского двора Нур Магомед. Родственник ханский Магомед-бек и уздень Машакай, Ибрагим, Али-бек, Аджину, Девлет Мурза»⁴.

Приведенные данные позволяют нам определить круг лиц, на которых опирался хан в своей деятельности. У хана были свои визири, т. е. министры, тайные советники, секретарь двора, нукеры и «главнокомандующий аварских войск». Таким главнокомандующим войск при ханше Паху-бике был ее родственник Андалав-бек⁵.

Обращает на себя внимание тот факт, что в ханстве хунзахский кадий сверх своих обязанностей исполнял должность визиря и секретаря при хане и участвовал во всех важных делах, связанных с делами ханства. В начале XIX в. кн. Цицианов обвинил Султан-Амед-хана в связи с Александром, грузинским царевичем. По этому случаю аварский кадий Мирза-Магомед написал письмо на имя Цицианова. В письме к князю кадий выгораживает Султан-Ахмед-хана и старается убедить князя, что хан невиновен в том, что царевич Александр находит поддержку в Аварии⁶.

¹ Письмо Султан-Ахмед-хана к ген. Тормасову. 1809. АКАК, т. 4, стр. 608.

² Там же, стр. 609.

³ Клятвенное обещание. Материалы по истории Дагестана и Чечни. стр. 122—123.

⁴ Список прибывших в С.-Петербург аварских сановников. Материалы по истории Дагестана и Чечни, стр. 130—131.

⁵ Там же, стр. 188.

⁶ Письмо аварского кадия Мирза-Магомеда к кн. Цицианову. АКАК, т. 2, стр. 768.

Посмотрим теперь, что из себя представляло ханство с точки зрения административного деления.

Ханский двор в Хунзахе был центром ханства. По русским источникам, ханство делилось на два военных округа. Нам известно, что в состав ханства на правах отдельных территорий входили Цатаних и Ахвах. Кроме того, отдельные земли ханства сохраняли свои прежние территориальные деления. В качестве примера можно привести Хунз, Хедалал и Нака-Хиндалал. Надо бесспорно полагать, что были и отдельные бекства (напр. Мугулинское, Голотлинское, Коло-Хиндахинское), входившие в состав ханства.

Как видно, в административном делении ханства не было единообразной системы. Не было единообразной системы и в местном управлении. В состав ханства входило большое количество узденских джамаатов, не однородных по своему социальному и политическому устройству. Из них одни джамааты сумели сохранить свое внутреннее самоуправление, другие были охвачены процессом феодализации, а в третьей группе джамаатов процесс феодализации завершился. Соответственно занимаемому общественному положению определялось и их отношение к феодальному центру — Хунзаху.

Вот как было организовано сельское управление в феодально-зависимом ауле Ахальчи. Во главе села стоял утверждаемый ханом «Ростал Кудияв», т. е. сельский староста. Помощниками Ростал Кудиява были четыре Чухбы. Они разбирали дела по адату, устанавливали размеры штрафа за то или иное правонарушение и другие наказания. Но Ростал Кудияв мог отменить по своему усмотрению любое их постановление. Ростал Кудияв также следил за исправной выплатой магалу и осуществлял роль ханского приказчика в селении. Эл или мангуш в селении исполняли полицейские обязанности. Таким образом, мы можем заверить, что в то время подвластные хану или беку джамааты сохранили свое старое устройство, свои адаты. Что касается адатов, то они были сильно урезаны вмешательством хана и бека.

Кроме того, необходимо отметить, что в системе органов власти и управления в ханстве имело место соединение функций государственного аппарата с функциями хозяйственно-административного аппарата ханского домена.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Основу производственных отношений в аварских ханствах составляли собственность феодала на средства производства и неполная собственность работника производства.

2. Исключительная роль в феодальном хозяйстве аварских ханов принадлежала пастбищным землям.

3. В аварских ханствах собственность на средства производ-

ства, на землю не составляла монополии господствующего класса. Уздень в ханстве продолжал владеть землей на правах частной собственности.

4. Общинные отношения собственности на землю и частная собственность на землю свободных узденей не соответствовали феодальным производственным отношениям.

5. Авария была политически раздроблена. В одной ее части на территории, населенной «маарулалами», сложилась феодальная политическая надстройка. Тут имелись ханства и бекства. В другой части Аварии шел (в Андалале, Андии) процесс формирования феодальных отношений. И на значительной территории Аварии население продолжало группироваться по вольным обществам, представлявшим собою военно-административные объединения сельских общин, в устройстве которых еще не изжиты были отдельные черты военной демократии.

6. В политической жизни Аварии наблюдалось резкое обострение классовой борьбы. Связано оно было с ростом противоречий между классом феодалов и феодально-зависимыми крестьянами, и с другой стороны, с борьбой аварских феодалов за порабощение свободного узденя.

7. В аварских ханствах имело место выступление отдельных джамаатов (Хунзах, Тануси) в роли коллективного феодала по отношению к другим соседним джамаатам.

8. Основным этническим элементом в образовании аварской народности были «маарулалы», жившие на хунзахском плато, и «андалалы». Процесс этот и в Хунзахе и в Андалале происходил параллельно

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДАРГИНЦЕВ

1. ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ДАРГИНСКИХ ВОЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ

В начале XIX века даргинские земли не были объединены в единую территорию с единым политическим центром.

Территория, населенная даргинцами, была разбита на одиннадцать частей. Одна часть вместе с Гамри-Даргой составляла уцмийство Каракайтаское, а остальные восемь частей считались территориями Акушинского, Цудахарского, Урахинского, Мекегинского, Сюргинского, Усишинского, Мугинского, Киба-Даргинского вольных обществ. Вуржун-Дарга находилась в составе Казикумухского ханства.

Термин «вольное общество» впервые употреблено в русских источниках для обозначения различных политических объединений, существовавших у даргинцев и других народностей Дагестана до их присоединения к России. Даргинские общества имели и свои собственные наименования: Акушала хIуреба, Цудкрила хIуреба, ХIуркила хIуреба, Усила хIуреба, МухIела хIуреба, СирIала хIуреба, МикхIила хIуреба¹. Кумыки говорили не «хIуреба», а «табун». Например, Акушала-табун, Цудкрила-табун и т. д.²

ХIуреба по-даргински — это войско, ополчение. По смыслу название это равнозначно русскому названию «вольное общество». Этим, конечно, далеко нельзя исчерпать вопрос о том, что же такое хIуреба. В этом объяснении остается скрытым социальная сторона вопроса. Чтобы понять действительный характер социальных отношений даргинцев и их территориального деления, мы должны выяснить существо этого вопроса.

Некоторые материалы для объяснения о том, что такое хIуре-

¹ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. Хюрклинский язык, стр. 5.

² Там же.

ба, следовательно и «вольное общество», нам дали поездки в различные даргинские районы. Собранный во время этих поездок материал подтверждает вывод, что даргинцы длительное время жили на той территории, на которой их застала письменная история. Источники по истории Дагестана упоминают о даргинцах в связи с нашествием арабов на Кавказ.

Конкретно об акушинцах в литературе можно встретить упоминание при изложении исторических событий VII—XII вв. в Дагестане¹. Но они жили на занимаемой территории гораздо раньше².

В период позднего средневековья во время усиленной борьбы за сохранение объективных условий существования, а также во время нашествий иноземных захватчиков Акуша часто выступала со своим хлуреба, т. е. ополчением.

Название хлуреба по всем данным можно отнести ко времени военной демократии, когда даргинцы жили разделенными на племена и когда вооруженный народ составлял войско. По словам Ф. Энгельса, в период военной демократии «война и организация для войны становятся регулярными функциями народной жизни»³.

У некоторых даргинских племен войны и организации для войны продержались вплоть до позднего средневековья. Тогда поселения большинства вольных обществ состояли из нескольких тухумов и были организованы по-военному, как войсковая единица. Каждый тухум выставлял своих вооруженных людей со своим предводителем и со своим знаменем. В 1935 году во время экспедиции Музея народов СССР в даргинские районы удалось приобрести⁴ такие тухумские знамена и отправить их в Москву. Тухумные отряды, спаянные родовыми узами, отличались исключительной боеспособностью и организованностью. Как указывал К. Маркс, в этот период «...состоящая из семей община на первых порах организована по-военному, как военная и войсковая организация»⁵.

В старину, чтобы отличить акушинца от цудахарца, говорили, что этот человек из акушинской «тайпы». Акушинцы про цудахарца говорили, что этот человек из цудахарского «жинса». Про урахинца говорили, что он из урахинского «кьама». Про сюргинца говорили, что он из сьргинского «наслу».

¹ Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухамедом-Рафи, стр. 23.

² Недавно археологи Даг. филиала АН СССР раскопали могилу в сел. Гапшимах, Акушинского района. Материалы, найденные во время раскопок, относятся к IV—VI вв. н. э.

³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 185.

⁴ Тухумные знамена были приобретены в ауле Гапшима у тухума «Нахбаркалы».

⁵ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. 1940, стр. 8.

Как видно, у даргинцев вольное общество в одном случае называется хлуреба, а в другом кьам, жинс, тайпа, наслу. Если кьам, тайпа, наслу, жинс — племя, то выходит, что хлуреба тоже племя. Нам думается, что хлуреба является понятием более широким, чем кьам, жинс, наслу. Хлуреба у даргинцев, видимо, составлял союз племен.

Деление даргинцев по хлуребам сохранилось и в XVIII в. Следы этого деления долго еще сохранялись и после присоединения даргинцев к России. В тот же период можно было наблюдать и некоторые внешние признаки прежнего племенного деления даргинцев.

Такими внешними признаками племенного деления даргинцев еще в начале XIX в. являлись:

Во-первых, наличие у всех даргинских вольных обществ своей собственной территории. Территория эта сберегалась и охранялась всеми доступными средствами.

Во-вторых, наличие в каждом вольном обществе своего диалекта. По своему происхождению даргинские общества были родственны между собою. Родственны были они и по языку. Несмотря на это, каждое общество имело особый, лишь ему свойственный диалект. Диалекты эти между собой настолько различались, что урахинец с большими трудностями понимал цудахарца, акушинец сьргинца и т. д.

В-третьих, наличие в каждом вольном обществе своих политических органов. Из прошлой истории нам известно, что все даргинские общества имели свои совещательные и политические органы. Таким политическим органом был совет старейшин. Советы созывались в установленных местах. Таким местом собрания еще в начале XIX в. у акушинцев, мугинцев, усишинцев была «даргабина» на равнине под названием «Карбуке-дирка».

В-четвертых, наличие во всех даргинских вольных обществах своих предводителей. В Акушах, Цудахаре, Урахи не было в обычае избирать себе предводителей перед военным походом. По свидетельству автора «Тарихи Дагестана», Бакиханова, Гасана Алкадари, у даргинцев во всех делах в роли предводителей выступали кадии. Их власть была обширна в военное время и ограничивалась она в мирное время деятельностью народных собраний.

В-пятых, наличие в каждом обществе своих распространенных обычаев, которые называются адатами.

Можно сослаться и на другие остатки и пережитки первобытного общества у даргинцев. О них много говорится в исследованиях М. Ковалевского по обычному праву горцев, в адатах даргинских обществ и в работе Е. М. Шиллинга в описании Кубачей и их окрестностей. Так, что в XVIII и в первой половине XIX вв. в хозяйстве и в быту населения даргинских районов можно было наблюдать еще много остатков патриархально-родовых отношений. Такие поступки, как похищение невест, брачные обряды и

сложные церемонии, судопроизводство по адату отражали эти пережитки очень долго.

Следует ли однако из наличия вышеуказанных родовых форм и отношений делать вывод, что даргинцы в XVIII в. и позднее продолжали жить племенным строем?

Вопрос этот сложный. Материал, имеющийся в литературе по этому вопросу, крайне скуден. Чтобы восполнить этот пробел, необходимо проделать большую работу по изысканию новых дополнительных материалов по теме. В этом отношении каждая поездка в даргинские районы с целью историко-этнографического изучения даргинцев очень много дает для исследователя. Наблюдения, сделанные во время поездки в недаргинские районы, а также опыт записи материалов по истории дагестанского аула уже сейчас позволяют установить, что группировка населения по вольным обществам вовсе не является особой чертой, свойственной только даргинцам. Вольные общества имелись и у авар, лезгин, рутульцев, агульцев. Мы имели возможность сравнить то, что было у даргинцев, с тем, что наблюдалось у других народностей Дагестана.

Конкретно изучая строй даргинских вольных обществ, мы должны уяснить себе, что подразумевалось под названием «вольное общество», из кого оно состояло и каков был этнический состав населения вольных обществ.

Начнем с состава вольных обществ¹.

Акушинское вольное общество состояло из 36 джамаатов, Буркун-Даргинское — 10, Мекегинское — 32, Мугинское — 9, Сюргинское — 53, Цудахарское — 42, Урахинское — 18, Усишинское — 5.

Из приведенных данных видно, что по числу входящих в состав общества джамаатов на первом месте стояло общество Сюргинское, за ним следовало общество Цудахарское и на третьем месте стояло общество Акушинское. Мы знаем, что джамааты в то время были и крупные и мелкие. Ввиду этого судить о многолюдности того или иного общества, о положении, занимаемом обществом, по одному только количеству входящих в состав общества джамаатов невозможно. В подтверждение оказанному сошлемся на Акушинское вольное общество. Это общество по числу входящих в него джамаатов стояло на третьем месте. Фактически же население Акушинского общества значительно превосходило население Цудахарского общества. По числу населенных пунктов Сюрга занимала первое место, и несмотря на это. Акуше принадлежало ведущее место во всех внутренних и внешнеполитических делах, касающихся всех даргинских обществ.

Посмотрим теперь, что из себя представляет этнический состав населения даргинских вольных обществ.

¹ Сведения о составе вольных обществ нами взяты из «Памятной книжки Дагестанской области». Составил Е. И. Козубский. Темир-Хан-Шура. 1895.

Население таких обществ, как Сюргинское, Цудахарское, Мекегинское, Урахинское, Мугинское, Усишинское, было этнически однородным. Исключение составляло население Акушинского общества. Кроме даргинского населения в Акушинском обществе имелось население лакское и аварское. Следующие джамааты, населенные лаками: Уллучара, Балхар, Чулякани, Кохли и аварцами: Кутиша, Хахита, Чогли, Чуни входили в Акушинское общество.

Вначале территориальной базой Акушинскому обществу служила племенная территория. Последующие изменения этнического состава населения привели к изменениям территориальным. На этой основе произошло разрушение остатков племенных связей и возникновение новых территориально-экономических связей. Мугинское и Усишинское общества нередко объединялись с Акушинским обществом. Это еще больше изменяло территориальные границы акушинцев.

С конца XVIII века Акушинское вольное общество взяло на себя роль объединителя всех даргинских вольных обществ в единый союз при главенстве акушинцев. Отсюда и наименование Акушала-дарго.

От нынешнего аула Бурги-мак Акушинского района примерно в двух—трех километрах к востоку располагается равнина, посредине которой возвышается холм. На этой равнине собирались представители даргинцев, и с холма произносили речи представители обществ. Равнина, где происходили собрания даргинцев, называлась «Цахнабукла дырка», что означает — «равнина собраний». Здесь еще в первой половине XIX в. «раз в год собиралось народное собрание даргинцев для обсуждения важных дел, касающихся всего союза»¹. Последний раз такое собрание было создано в 1866 г.² В Акушах жил кади всего союза, пользовавшийся правом короновать вновь избранного шамхала (кумыкского князя).

В общем то, что мы видим в XVIII и XIX веках у акушинцев или мекегинцев, нельзя назвать племенным делением. На основе смешения акушинцев, мугинцев, усишинцев стало возникать новое территориальное образование под названием Акушинского союза вольных обществ.

2. СТРУКТУРА ДЖАМААТА

Определяя состав даргинских вольных обществ, мы указывали, что они состояли из джамаатов. Теперь нам надо выяснить, что такое джамаат у даргинцев и какова была его структура.

¹ Владимир Вильер-де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе. (Путевые заметки). ССКГ, вып. VIII, стр. 16.

² Там же.

Джамаат на даргинском языке значит **общество**. Это общество включало в свой состав всех жителей данного селения (аула). Каждое такое сельское общество имело свою территорию, свое строго ограниченное население, свои обычаи и своих старейшин. Было время, когда взаимоотношения между членами джамаата строились на свободных и равноправных началах. Не может быть никакого сомнения, что в джамаате мы имеем дело с исторически сложившимся хозяйственным и общественным коллективом. Коллектив этот мог сложиться, как и всюду, только в виде общины. Под названием джаамата у даргинцев издавна фигурирует именно такая община. Следы существования этой старинной организации в даргинских районах хорошо наблюдались и после присоединения Дагестана к России.

Джамаат, включавший в себя всех жителей данного селения или общества, распадался на тухумы. Тухум тоже был хозяйственным и общественным коллективом, состоявшим из ряда поколений одной семьи, позднее — и из родственных семей. В состав тухума входил ряд малых семей, в значительной степени ведущих самостоятельно хозяйство. Для примера сошлемся на джамаат Гапшима Мугинского общества. Он состоял из шести тухумов (Нахбаркали, Туркали, Хутайкали, Баликали, Бакалкали и Амузгикали). Эти шесть тухумов образовали свыше ста хозяйственных дворов. В Муги имелись четыре больших тухума. В джамаате Алихана Цудахарского общества было семь тухумов (Кандабе, Учарлибите, Щударба, Тсакъне, Хуране, Тарица, Тарбе)¹. В самом Цудахаре особо выделялись следующие тухумы: Гусейна-талла, Сумара-талла, Нурилов-талла. В Хаджал-Махах помнят о тухумах «Абни Ходжикали», «Бахъне», «Чимчне», «Вартинкали», «Дарцне»².

В других джамаатах могло быть и больше. В некоторых джамаатах тухумы располагались поквартально. Тухум входил в состав джамаата как составная его часть.

Итак, джамаат (или община), состоявший из нескольких тухумов, определялся прежде всего общностью территории, откуда вытекала общность других интересов и общественного управления.

Наиболее важные дела, касающиеся целого сельского общества, решались на собрании глав тухумов, входивших в состав селения. При решении особо важных дел тухумы на собрание посылали по несколько своих представителей. Такое совещательное собрание называлось собственно джамаатом, откуда это название перешло впоследствии на всю общину. Постановления, принятые на собрании, назывались «даршубарк», «маслигат», «адат», «цега».

¹ История Алихана Цудахарского района Даг. АССР, записал А. Вагабов.

² Исторические данные о сел. Хаджал-Махи по рассказам старожил. Рукопись.

Маслигат¹ слово арабское, означавшее примирение. Путем маслигата разрешались самые разнообразные дела от незначительных до самых сложных. Спорные имущественные дела, дела по потравам и др., по которым должно было быть достигнуто согласие, всегда пытались разрешить путем маслигата, не прибегая к помощи сельской администрации. В древности обычаем делать маслигат у дагестанских горцев имел исключительное значение. Маслигат, как правило, совершался при посредничестве очень почетных, авторитетных в джамаате лиц и заканчивался рукобительем с истцом, иногда даже и с кровником. Позднее стали делаться маслигатские записи, т. е. согласие, достигнутое путем маслигата, записывалось в книгу и подписывалось лицами, принимавшими участие при примирении или разрешении спора. С этого времени маслигат приобрел формально-юридическое значение.

В даргинском джамаате действовали не отдельные члены общины, не они определяли внутренний режим или внешние дела джамаата. Роль отдельных членов в джамаате вне тухума была совсем незначительна. Здесь при решении любого вопроса, касающегося всего джамаата, решающая роль всегда принадлежала тухуму.

В обычной жизни управление джамаатом было сосредоточено в руках светских и духовных лиц. Светское учреждение состояло из следующих лиц: юзбаш (каттан у мугинцев, ше-холал у ураинцев, хулал у цудахарцев), барумап, мангуш (полицейский исполнитель, глашатай).

В Цудахаре было четыре знатных тухума. Каждый тухум выделял из своей среды одного «хулала», т. е. старейшину. Все четыре хулала сообща управляли Цудахаром. Для вновь избранного хулала тухум выделял особый участок пахотной земли. Выбирались новые хулалы сроком на три года. Хулалы в своем управлении должны были строго руководствоваться адатами цудахарского общества. Если хулал или кадий пытались нарушить адат или использовать его в интересах кого-нибудь, то общее собрание населения Цудахара снимало такого хулала или кадия и выбирало на их место других².

Духовное управление состояло из кадия, будуна, муллы, гаджи³.

Главы сельских обществ и их помощники выбирались на собрании джамаата на определенный срок. Количество старейшин в зависимости от джамаата могло быть разное. В одних джамаатах их было по одному, в других по два и более. В джамаате Муги выбирались четыре старейшины, от каждого тухума по

¹ Описание совершения маслигата дано у Г. А. Аморова в его статье «Среди горцев Северного Дагестана», ССКГ, вып. VI, стр. 40.

² Из истории аула Цудахар. Материалы записаны со слов Муртазалиева К., Гаджиева Г. и других учителем Омаровым. Рукопись.

³ АДОЗО, стр. 146.

одному. Среди них был один старший старейшина (халал катин). По свидетельству Гербера в 1725 г. в Кубачах ежегодно избирались 12 старейшин.

3. ТУХУМ И ЕГО МЕСТО В ОБЩЕСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ

Вопрос о тухуме в Дагестане — давнишний вопрос. Этим вопросом интересовались еще во второй половине XIX в. такие видные буржуазные теоретики права, как М. М. Ковалевский¹ и Ф. И. Леонтович². В своих работах, посвященных обычному праву и родовому строю кавказских горцев, они утверждали, что тухум в Дагестане — это род.

Буржуазные националисты также говорили об особых родовых условиях развития Дагестана и использовали это в своей подрывной деятельности. Придерживаясь антинаучных взглядов при характеристике общественного строя дореволюционного Дагестана, буржуазные националисты всячески приукрашивали пережитки патриархальщины, доказывали, что в Дагестане наблюдалось «родовое землепользование», не было помещиков и, следовательно, не наблюдалось классовой дифференциации среди горского крестьянства. Словом, к моменту революции Дагестан оставался бесклассовым. Позже, когда партия призвала к решительному наступлению на кулака, буржуазные националисты объявили, что в горах Дагестана нет и не может быть кулаков. Вся эта фальсификация истории и идеализация пережитков патриархально-феодального строя буржуазным националистам понадобилось для дискредитации Советской власти в Дагестане, для обоснования националистических требований его автономного развития, для доказательства отсутствия в Дагестане почвы для нового социалистического пути развития.

Таким образом, если верить дореволюционным авторам и буржуазным националистам, то мы должны признать отсутствие классов и классовой борьбы в Дагестане, отсутствие классового расслоения среди горского крестьянства, отсутствие ханско-бекских форм эксплуатации в дагестанском ауле. Это явная фальсификация исторического прошлого Дагестана. Это противоречит исторической правде.

Мы знаем, что еще в первой половине XIX в. и гораздо позже тухумы имелись во всех без исключения даргинских семи вольных обществах. Тухумы имелись почти во всех населенных пунктах уцмийства Кара-Кайтагского. Уцмийство — это княжество феодальное. Но значит ли, что на основании одного наличия

тухума в джамаатах мы должны характеризовать общественные отношения у кайтагов как родовые?

Вопрос о тухуме в Дагестане очень серьезный вопрос¹. Мы глубоко убеждены в том, что у многих дагестанских народностей с тухумом непосредственно связан вопрос разложения первобытно-общинного строя и возникновения классовых отношений.

Как говорилось выше, для такого знатока Кавказа как М. Ковалевского дагестанский тухум являлся выражением понятия рода. В наше время проф. С. В. Юшков тоже считал тухумы родовыми организациями².

В свое время М. Ковалевский считал, что тухум лезгинский³ термин, в действительности же это иранский термин и употреблялся довольно неотчетливо в разных местах. Нам известно, что в Дагестане термин тухум употреблялся для обозначения и более древнего семейного коллектива и коллектива родственников, образовавшегося позднее в результате распада тухума. Некоторые такие вновь образовавшиеся семьи носили иногда двойное название: название тухума, откуда они вышли, и свое новое. В этом случае мы имеем дело с группой родственников, потомками одного тухума. Их можно назвать малыми тухумами. Малых тухумов, образовавшихся таким путем, в Дагестане было очень много. Нельзя смешивать вновь образовавшиеся тухумы с древним тухумом. Между тем в наше время имеет место такое смешение. Те недоразумения, которые имеются в отношении определения места тухума в общественном устройстве горцев в значительной степени происходят из-за того, что не делаются различия между вновь образовавшимися и старыми тухумами. Тухум первоначального вида и тухум позднейшего оформления — это разные общественные категории. Конечно, мы при этом не отрицаем, что вновь образовавшиеся малые семьи взаимодействовали некоторые черты древнейшего тухума. Но с другой стороны мы должны отметить, что несколько неопределенное значение в понятии термина тухума, встречаемое позднее, не дает никакого основания упрощать существо затронутого нами вопроса о месте тухума в социальной истории горцев.

Классики марксизма-ленинизма ясно определили основные этапы развития семьи. Вначале существовала матриархальная семья, вслед за нею патриархальная и, наконец, индивидуальная. По нашему мнению, здесь вопрос может быть поставлен только о том, прошла ли даргинская семья к началу XIX в. через все этапы эволюции семьи, указанные классиками марксизма-ленинизма, или же нет.

¹ См. Р. Магомедов. К вопросу о семейной общине в Дагестане. Труды второй научной сессии Дагестанской базы Академии наук СССР. Махачкала, 1947, стр. 81—95.

² С. В. Юшков. История государства и права СССР, ч. I. Москва, 1950, стр. 434.

³ См. М. Ковалевский. Родовое устройство Дагестана, стр. 513.

¹ М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II, Москва, 1890.

² Ф. И. Леонтович. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, вып. 1—2, Одесса, 1882—1883.

Мы интересовались этим вопросом. Но нам ничего не удалось выяснить о существовании каких-либо прямых данных, говорящих о патриархальной семье у даргинцев. При этнографическом обследовании того или иного района иногда удается уловить некоторые глухие отзвуки матриархата¹. В то же время имеется очень много ярких примеров, говорящих о большой патриархальной семье у даргинцев, аварцев и лаков. Такой большой патриархальной семьей, семейной общиной у даргинцев был тухум, а у аварцев — тлибил.

Историко-этнографический материал, собранный нами в даргинских районах, позволяет установить, что в тухуме велась родословная от одного предка — мужчины. Члены тухума жили в одном большом дворе, имели общие пахотные и пастбищные земли, сообща вели свое хозяйство.

Возьмем, к примеру, вопрос о коллективной собственности, составляющей главнейшее основание семейной общины, и скажем, как она выглядела в даргинском тухуме. Когда мы говорим о собственности в тухуме, то, на наш взгляд, главным и решающим, на чем зиждились в Дагестане тухумные отношения, была, прежде всего, коллективная собственность на землю. Разве в горах не тухумы являлись обладателями земель? Разве неизвестно, что эту форму владения землей у даргинцев принято было именовать «тухумла мюльк», или «тухумла ванзурбы», т. е. буквально — тухумные земли. Для выражения хозяйственного единства тухума в Дагестане употреблялись иные выражения, чем тухумный мюльк или ванзурбы. У даргинцев было принято говорить «тухумла мер муса» («мер» — место, «муса» — окружение) или «мюльк муса», т. е. земли и окружения. Термины «тухумла калимуса» и «тухумла кали-юрт» в первом случае означали жилища и окружение тухума, а во втором случае — жилища и домостроения тухума и употреблялись в смысле домохозяйства.

Следы всего этого очень хорошо можно проследить по материалам истории любого горного аула, и местами следы этой коллективной собственности на землю с ее периодическими переделами сохранились вплоть до установления Советской власти в Дагестане.

Неоспоримы и факты существования в Дагестане совместной обработки пахотных и сенокосных земель, пастьбы скота на отдельных пастбищах, производства предметов домашнего обихода при участии всех членов тухума. Достаточно наглядно свидетельствуют об этом многочисленные примеры из истории любого дагестанского народа. Везде мы встречаемся с коллективным выходом на поля всех членов тухума и джамаата, установле-

¹ Такие пережитки мы записали в Дахадаевском районе во время экспедиционной поездки. О них также рассказывается и у Е. М. Шиллинга в книге «Кубачи и их культура. Историко-этнографические этюды». М.—Л. 1949, стр. 186—190.

нием единого для всех времени посева, уборки урожая или пастьбы скота, с единым для всех традиционным праздником весны¹. Башир Далгат, на которого часто ссылается М. Ковалевский, как на большого знатока обычного права горцев, в 1887 году записал следующее наблюдение по аулу Урахи: «Есть еще и теперь несколько семей, состоящих из нескольких членов, у которых есть общий дом, мельница и общий сенокос, который не разделен, как у других, и косится вместе всеми, и потом уже делится сено. С мельницы же каждый член прибыль берет поочередно»².

Что касается потребительского единства внутри тухума, то оно выражалось рядом терминов. Каждая народность имела свои названия. Таковы у даргинцев: «тухумла анкьи-цлуби» (анкьи — буквально очаг, цлуби — треножник, на котором варится пища), «цладехI анкьи-цлуби» (буквально: один очаг) и «тухумла кари» (место тухумного хлебопечения).

Родственное начало внутри тухума носило в Дагестане патриархальный характер. Происхождение того или иного тухума у даргинцев вовсе не связывалось с именем одного общего родоначальника или названием тухума. Как правило, тухумы у даргинцев обозначались именем определенного лица. Этим лицом признавалось обыкновенно знаменитнейшее из предков лицо, прославившее тухум.

Тухум у даргинцев состоял из узи — братьев, узикьяр — двоюродный брат, кьаригана — троюродный брат, гаригана — четверюродный брат, тургана — пятерюродный брат, дирхахуса — шестерюродный брат.

Из многочисленных фактов былого устройства тухума можно заключить, что демократизм внутренних отношений тухума строился на общественном равенстве всех его членов. Каждый тухум имел своего главу, свой семейный совет. Глава тухума, т. е. патриарх, направлял хозяйственную жизнь семейной общины³ и регламентировал поведение ее членов в частных и общественных делах, а на семейном совете решались вопросы внешнего характера.

Кровная месть, брачные запреты, отдельные принципы и нормы поведения, родство — в общем все, что связано было с тухумом, и все, на чем основывал свои выводы и положения

¹ Праздник весны урахины называют «андживах», у гапшиминцев «Кгу бахуме». Подробное описание праздника дано у Амирова Г. М. см. «Среди горцев Северного Кавказа» (из дневника гимназиста). ССКГ, вып. VII, стр. 41.

² Б. Далгат. Материалы по обычному праву даргинцев. РФДНИИЯЛ, д. 380, л. 54.

³ Сохранились сведения, что в одном из тухумов аула Магарки-Махи Урахинского общества на протяжении четырех поколений никогда не погас огонь в тавла кали, т. е. в комнате, где имелся очаг-камин с очажной цепью.

М. Ковалевский, — определялось прежде всего мотивами экономического характера. И до тех пор, пока существовало равенство личных и имущественных прав для всех членов внутри тухума, не могло быть и речи о юридическом характере тех обычаев, которые наблюдались в тухуме. Только до тех пор, пока пахотная земля, пастбища и скот оставались в совместном владении всех членов при едином потреблении продуктов, производимых совместным хозяйством — тухум продолжал сохранять свое первоначальное внутреннее единство, и оно распалось по мере развития в аулах Дагестана новых общественно-экономических отношений.

Таковы факты, которые дают нам основание утверждать, что тухум в основе своей был не родом, а семейной общиной.

По определению Ф. Энгельса, семейная община, или патриархальная большая семья «являлась переходной ступенью от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира»¹.

На этой точке зрения стоял и М. Ковалевский, который, как отметил Ф. Энгельс, вполне доказал существование патриархальной домашней общины на Кавказе. Однако, проф. Ковалевский, признавая существование на Кавказе семейной общины, ошибся в выборе объекта для своих исследований. Он искал семейную общину где-то помимо дагестанского тухума. Получалось так, что будто бы в его время на Кавказе можно было одновременно наблюдать и род, и семейную общину, и сельскую общину. Между тем, в его время прослеживались только сильные пережитки семейной общины — тухума и сельской общины, находившейся в стадии своего упадка.

Как совместить одновременное существование в Дагестане семейной и сельской общины?

Из имеющихся материалов и наших полевых наблюдений можно заключить, что поселения в Дагестане складывались вначале по типу, о котором писал Ф. Энгельс. Они «состояли не из сел, а из больших семейных общин, включавших в свой состав несколько поколений, занимавших под обработку соответствующую полосу земли и пользовавшихся окружающими пустотами вместе с соседними, как общей маркой»². Убедиться в этом нетрудно, если присмотреться к истории развития тухума и джамаата.

Ф. Энгельс в своем классическом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» дал исчерпывающую характеристику юго-славянской задруге, как семейной общине. Она была не только у южных славян. Семейная община существовала почти у всех народов. Ссылаясь на М. Ковалевского, Ф. Энгельс считал доказанным существование семейной общины.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, ч. I, стр. 41.

² Там же.

на Кавказе¹. Существовала семейная община и в Дагестане. Такой патриархальной домашней общиной у даргинцев был тухум.

У большинства народов Дагестана к моменту присоединения их к России институт семейной общины был уже изжит. К этому времени почти у всех горских народов, в том числе и у даргинцев семейная община сохранилась только в виде пережитка. Пахотные и пастбищные земли уже находились в руках отдельных членов тухума. На развалинах тухума образовались малые семьи. Принцип кровного родства в тухуме был нарушен. Родство в тухуме исчислялось и по мужской и по женской линии.

Итак, тухум у даргинцев по своему происхождению — это патриархальная домашняя община. Ф. Энгельс указывает, что патриархальная домашняя община была «переходной ступенью, из которой развилась сельская община, или марка с обработкой земли отдельными семьями и с первоначально периодическим, а затем окончательным разделом пахотной земли и лугов»².

4. ФОРМЫ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ДЖАМААТЕ

Материалы, собранные нами в различных даргинских районах, дают нам основания для утверждения, что джамаат и тухум занимали важное место в системе общественного устройства вольных обществ. Джамаат и тухум были фактически обладателями основных материальных и людских ресурсов в пределах территории вольного общества. Само существование вольного общества поддерживалось прочностью общинных устоев джамаата.

Мы указывали, что джамаат — это община. Но история знает несколько типов общин. Нам надо знать какой общиной был джамаат у даргинцев: родовой или территориальной.

М. Ковалевский изучал дагестанский джамаат и пришел к выводу, что джамаат состоял из родов, т. е. тухумов. На этой основе он изобразил общественный строй Дагестана в XIX в. как совокупность сельских родовых общин³.

Решающее значение при выяснении вопроса, какой общиной был джамаат в изучаемое время, имеет форма собственности на средства производства в даргинских джамаатах.

Наблюдались ли в даргинских джамаатах в рассматриваемое время характерные моменты для первобытного общества? Нет, не наблюдались.

Мы внимательно изучили материалы по истории всех семи даргинских вольных обществ, но нигде не обнаружили достаточных данных для подтверждения того, что даргинская община

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 69.

² Там же, стр. 70.

³ М. Ковалевский. Закон и обычаи на Кавказе, ч. II, стр. 159.

оставалась родовой еще в начале XIX в. Поэтому мы не можем считать даргинские джамааты родовыми общинами.

На чем основан этот вывод? Во-первых, он основан на том, что в даргинских джамаатах не было более места общественной собственности на средства производства. Главная масса общинных земель давно была сосредоточена в руках отдельных лиц, отдельных семей. К началу XIX в. в даргинских обществах существовали следующие четыре вида собственности на землю: джамаатская, мечетская, тухумская и частная.

Джамаатскими землями назывались такие земли, которые находились в пользовании всех членов общины. Сюда относились в первую очередь непашотная земля, леса и пастбища. В некоторых общинах в общей собственности находились и пахотные земли. Все земли общего пользования перераспределялись через определенный срок по жребию. К их числу в Гапшимах относились: пастбищные и сенокосные земли «байбик», «кардырка», «энеулала», «камдуц» и пахотные земли в местности «шилиулала». Лес в местности «кумра-кака» принадлежал акушинскому джамаату. Лишь один раз, перед обзаведением самостоятельным домашним очагом, член акушинского джамаата получал право на рубку леса в этой местности. В других даргинских общинах тоже наблюдалось постоянное общее пользование пастбищами, сенокосными участками, лесом.

Это один из видов собственности в джамаате.

Другим видом собственности внутри джамаата являлась тухумная. Каждый тухум имел свои пахотные и пастбищные земли. Эти земли именовались у даргинцев «тухумла ванзурби» или «тухумла мюльк», т. е. буквально — тухумные земли. Следы существования таких земель очень хорошо прослеживались в XIX в. и даже позднее.

Третьим видом собственности являлись земли «вакфу»¹. Сюда входили пахотные, пастбищные земли, принадлежащие мечетям. Вакфуные земли обрабатывали и собирали с них урожай члены джамаата. Доход с этих земель шел главным образом мечетским служителям.

Четвертым видом собственности, существовавшим внутри джамаата, являлась частная собственность. Сюда относились земли, находившиеся в собственности отдельных членов джамаата. Эти земли назывались мюльками. Мюльк — иначе говоря частновладельческие земли, могли быть самой различной величины. Они не подлежали перераспределению и находились в собственности общинника. Пай из фонда общественных земель служил придатком к основной частной земельной собственности мюльку общинника. Члены общины, жившие на территории джамаата, свои мюльки могли продавать, передавать по наследству, завещать и т. д.

¹ АДОЗО, стр. 258.

Эта форма собственности «как противоположность общественной, коллективной собственности»¹ могла существовать лишь там, «где средства труда и внешние условия труда» принадлежали «частным лицам»².

Наличие разных форм собственности внутри джамаата свидетельствует о происшедших изменениях в производственных отношениях даргинского общества. В джамаатах появилась новая форма собственности. Собственность на землю наряду с общественной, коллективной приняла частный характер. Труд, некогда общий, коллективный, уступил место индивидуальному труду. Каждый член джамаата обрабатывал свой участок земли, свой мюльк отдельно. Совместная обработка земли всеми членами джамаата нигде не производилась. Правда, в некоторых джамаатах акушинского и мугинского общества была известна «билха». Билха в позднейшем понятии — это товарищеская взаимопомощь односельчанину во время посева, уборки и обмолота урожая. Наличие слова «билха» на даргинском языке свидетельствует о далеких временах совместной обработки земли, совместного ведения хозяйства у даргинцев.

Все сказанное дает нам основание заключить, что в даргинских джамаатах происходило дальнейшее развитие форм собственности на средства производства, не соответствующее или мало соответствующее первобытно-общинному строю.

Приведем еще один довод в пользу сказанному. Кровная месть при первобытно-общинном строе была крайнее и редкое явление. К началу XIX в. в даргинских джамаатах кровная месть становится постоянным, будничным явлением.

Таким образом, в даргинских джамаатах в рассматриваемое время мы не видим ни экономического, ни социального равенства, присущего первобытному обществу. Поэтому нет у нас никаких оснований для утверждения, что джамаат у даргинцев был родовой общиной. Он давно пережил эту стадию своего развития.

Если джамаат не родовая община, что же тогда он представлял собой?

Джамаат у даргинцев может быть рассмотрен только как сельская община.

В черновых набросках письма К. Маркса к В. И. Засулич подробно разбираются наиболее характерные черты, отличающие сельскую общину от других более древних общин. Одной из таких наиболее характерных черт сельской общины было то, что она «была первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами»³.

Даргинская сельская община, называемая джамаатом, в рассматриваемое время покоилась не на отношениях тесных уз

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат. 1949, стр. 764.

² Там же

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 694.

кровного родства между ее членами, а на соседских, территориальных связях.

Итак, приведенные выше факты говорят, что даргинские племена давно достигли стадии разложения первобытно-общинного строя. Задолго до рассматриваемого периода племенной строй у даргинцев отжил свой век.

Как же пошло дальнейшее развитие даргинских племен?

Существующая литература по истории Дагестана тщательно обходит этот вопрос. Между тем вопрос о путях дальнейшего развития даргинских и других дагестанских племен после того, как они достигли разложения первобытно-общинного строя, является одним из насущных во всей ранней и поздней средневековой истории Дагестана.

Классики марксизма-ленинизма учат нас, что развитие человеческого общества с древнейших времен идет от одного способа производства к другому способу производства, от одной общественно-экономической формации к другой формации, каждый раз знаменуя собой более высокую, прогрессивную ступень в развитии общественного коллектива.

Казалось бы, после разложения первобытно-общинного строя даргинцы должны были вступить в новую, рабовладельческую фазу своего общественного развития, как это было в истории народов Закавказья.

Перед нами стоит вопрос: знали ли даргинцы рабовладельческий способ производства или миновали его? Можно ли утверждать, что даргинские племена от первобытно-общинного строя пошли по пути развития феодального способа производства? Если это так, каковы причины того, что даргинцы миновали стадию рабовладельческой формации?

Решить этот вопрос невозможно без учета состояния производительных сил, без выяснения внутренних социальных процессов даргинских и других дагестанских народностей. При решении данного вопроса нельзя не учитывать общекавказскую и восточно-европейскую историческую среду, в которой жили и развивались дагестанские народы. Если же исходить из этой среды, то в Дагестане еще в рассматриваемое нами время мы имеем дело с довольно устойчивыми общинными организациями.

5. ПОЛУПАТРИАРХАЛЬНЫЙ, ПОЛУФЕОДАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОЛЬНЫХ ОБЩЕСТВАХ

В настоящем очерке с самого начала нас интересовал вопрос, в какой мере сельская община у даргинцев являлась господствующей формой общественных отношений в вольных обществах в начале XIX в.

Теперь мы имеем в своем распоряжении достаточное количество фактов для характеристики сельской общины. Однако прежде

чем перейти к существу вопроса, мы должны отметить, что сельская община у даргинцев возникла, конечно, не в XVIII в. Она, бесспорно, существовала еще в период раннего средневековья. И объединения сельских общин, известные под наименованием «вольные общества», тоже существовали не с начала XIX в. Появление союза общин следует отнести к периоду возникновения сельских общин. Поэтому на даргинскую сельскую общину и их союз в начале XIX в. мы не можем смотреть как на социальное объединение свободных людей.

В той же указанной работе К. Маркс говорит, что сельская община, «будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»¹.

Основы этого перехода от старого к новому были заложены в сложившихся экономических отношениях в сельской общине. Эти отношения с самого своего возникновения в ней носили двойственный характер.

Выше, разбирая специфику земельной собственности в джамаатах, мы указывали, что у даргинцев, с одной стороны, имела место общественная земельная собственность и, с другой стороны, имела частная земельная собственность. В этом двойственном положении сельской общины был заложен зародыш его разложения.

На базе роста частной собственности внутри джамаата появляются крупные землевладельцы, у которых имелись большие хозяйства со стадом скота. С возникновением крупного землевладения ясно обозначалась грань между общинной знатью и основной массой сельского населения.

История общинного землевладения оказалась органически связанной с историей непосредственных производителей материальных благ — крестьян. По мере роста частной земельной собственности внутри сельской общины исчезло первобытное экономическое и социальное равенство. Община, состоявшая из тухумов и семей, теперь выглядела иначе. В связи с изменениями в форме собственности на землю иными стали в ней и экономические отношения. Одни семьи богатели, другие беднели. Выделившаяся сельская общинная знать (юзбаши-старейшины, главы тухумов, кадий, будун, баруман) начала систематически расширять свои земельные участки путем ущемления прав и интересов основной массы общинников-крестьян. Это привело в конце концов к тому, что с течением времени в руках общинной знати оказались сосредоточенными лучшие пастбища, пахотные земли, скот, деньги, а затем рабы. Изменения в материальной основе жизни джамаата в свою очередь вызвали изменения в сознании

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 695.

общинников. Как неодолимый фактор, в сознание общинников проникает чувство частной собственности. Таким образом, в даргинских джамаатах объективная возможность эксплуатации человека человеком была палицо.

Сдвиги, происшедшие в производственных отношениях вольных обществ, нашли свое яркое отражение в надстройке. Эти сдвиги зафиксированы в адатах даргинских сельских общин. Адат — это обычай. Начало адата восходит ко времени первобытно-общинного строя.

В. И. Ленин писал, что в первобытном обществе «мы видим господство обычая»¹. Это было «время, когда государства не было, когда держалась общая связь, самое общество, дисциплина, распорядок труда силой привычки, традиций, авторитетом или уважением, которым пользовались старейшины рода...»².

Нормы адатного права с момента возникновения не оставались неизменными. Адатное право, как и любое другое право, развивалось и изменялось вместе с изменениями в общественном производстве. Поэтому изучение опубликованных даргинских адатов, наряду с полевым историко-этнографическим материалом, очень много дает для характеристики общественного строя даргинцев.

Возьмем в качестве примера сказанному такой вопрос, как кровная месть. При первобытном обществе кровная месть была крайне редким явлением³. Если обратиться к истории Дагестана XVIII—XIX вв., то кровная месть в горах становится часто повторяющимся фактом. Кровная месть в дореволюционном Дагестане превратилась в страшное бедствие для людей. Во время кровной мести истреблялись целые семьи, сокращалось население, частыми становились кровавые столкновения между тухумами и между аулами.

При первобытном строе обычай кровной мести применялся за ущерб, причиненный коллективу (как возмездие по принципу: убийца должен быть убит, ранивший должен быть ранен). В даргинских адатах всякое преступление, в каком бы оно виде не было совершено, рассматривается прежде всего, как посягательство на материальные интересы отдельных индивидуумов, родственников. С другой стороны, согласно адатному праву, за выкуп можно было почти всегда откупиться от любого преступления.

Адаты устанавливают особые статьи взимания выкупа с виновного при совершении «хижиб» (канлы), т. е. убийства или кровной мести. Эти статьи адата известны под названием «бухъ» (алум) и «дият».

Бухъ — это особая плата, которая взыскивалась в пользу родственников убитого вскоре по совершении убийства.

Дият — это вознаграждение или условная плата, за которую лица, имеющие право на кровомщение, соглашаются простить убийцу.

Адаты усишинцев предусматривают взыскание за убийство следующий алум родственникам убитого: один бык без оценки, один бык определенной стоимости, один баран, три сабу пшеницы, семь дикI (1 дикI — $\frac{3}{4}$ аршина) бязи. Кроме того взимался штраф джамаату в размере 3-х рублей¹.

Адаты цудахарцев установили платить алум родственникам убитого: два быка или деньгами их стоимость, три сабу пшеницы, один батман курдючного сала (1 ратIал — 6 ф.) и семь дикI бязи. Кроме того, дом обвиняемого в убийстве разоряется и сад вырубается. Лес из дому, деревья из сада и все движимое имущество, какое будет найдено в доме, обращается в пользу родственников убитого².

Адаты даргинских общин предусматривают взыскания деньгами или имуществом с виновного в пользу пострадавшего за нанесение бесчестия, раны, увечья и т. д. Так, например, у усишинцев за нанесение раны взыскивалось раненому три вакия масла (вакия — $1\frac{1}{2}$ фунта) и 3 кара бязи. Кроме всего этого по излечении раны ранивший должен был сделать раненому угощение, на котором должны присутствовать не менее пятнадцати родственников раненого. Полагался также штраф джамаату три рубля³.

Из приведенных фактов видно, что обычай кровной мести даргинцев в XIX в. ничего общего не имеет с кровной родовой мостью. Интересы отдельных лиц и семей, защита их имущества, скота являлись главными мотивами начала кровной мести. Обычай кровной мести у даргинцев становится юридическим актом. Многие статьи адатного права приобрели иное содержание. Они выражали изменения в надстройке, эти изменения не могли произойти, если бы производственные отношения соответствовали характеру производительных сил в даргинском обществе.

Обратимся к другим примерам адатного права, свидетельствующим о происшедших изменениях в даргинском обществе. В даргинских адатах нашел свое отражение также и раскол общины на имущих и неимущих. Это видно из того, что адатное право ставит в привилегированное положение знатных и должностных лиц общины. Если кадию и будуну нанесут раны, говорится в адатах усишинского общества, в пользу раненого взыскивается штраф вдвое⁴. По адатам убийство кадия, юзбаша,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 437.

² В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 438.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 109.

¹ АДОЗО, стр. 223.

² Там же, стр. 243.

³ Там же, стр. 226.

⁴ Там же, стр. 227.

мангуша, барумана считалось «карой»¹, т. е. умышленным убийством, и взыскивался алум в двойном размере. В двойном размере взыскивался штраф и в том случае, если ранят хозяина, т. е. землевладельца или барановода.

По даргинским адатам кровомщение допускалось только между лицами равного сословия. Не допускалась кровная месть между беком и узденем. По адатному праву бек относился к высшему сословию, а уздень к низшему сословию. Кровомщение не допускалось между узденем и рабом, уздень мог убить раба и платил владельцу стоимость раба².

В даргинских адатах нашли отражение существовавшие в вольных обществах имущественные отношения. В адатах содержатся специальные статьи, направленные на защиту имущества и земельной собственности даргинской знати. Приведем содержание некоторых из них:

а) если кто ранит чужую скотину или сделает ей другую порчу, то скотина эта отдается испортившему, а на его счет хозяин берет другую скотину — по выбору;

б) если кто обрежет хвост у лошади, то в пользу хозяина взыскивается один бык;

в) если сделана порча скотины или обрезан хвост у скотины во дворе ее хозяина, то вознаграждение хозяину взыскивается как за воровство;

г) за потравы делается удовлетворение хозяину по оценке и взыскивается штраф мангушом³;

д) за воровство из мечети, мельницы, с пашни и гумна взыскания делались в двойном размере;

е) если должник оказывался не в состоянии погасить задолженность хозяину, в этом случае взыскание делалось с родственников обоего пола⁴;

ж) за рубку частными лицами для своей надобности леса, принадлежащего мечети, делалось взыскание в пользу джамаата за один ишачий выюк один рубль; если же более, то один бык⁵.

Еще более наглядно право собственника на свое имущество выступает при взимании ишкиля⁶.

Ишкиль — это своеобразный порядок взимания долга. У даргинцев он известен еще под названием «хеш», а у нагорных кайтагов под именем «барамтай». У одних групп джамаатов ишкиль осуществлялся нападением истца и захвата ценностей силой, у других джамаатов взимание долга совершалось через специально выбранное от общества для этого лицо. С ишкилем мы стал-

киваемся и у джара-белаканских обществ¹. У усишинцев специальным лицом по взиманию ишкиля был «гашлагула»².

В обоих случаях действовала сила, и это исключительное право собственника на насилие по отношению к должнику могло существовать не при господстве прочно сохранившихся общинных отношений, а при разложении их, когда индивидуальная собственность начинала приобретать все больший удельный вес в системе джамаата.

Адаты даргинских вольных обществ содержат специальные статьи по кражам. Рассмотрение этих статей проводит нас к убеждению, что адатное право во всех видах кражи (воровство, грабёж, угон скота и т. д.) видит посягательство на частную собственность, на имущество члена джамаата. Согласно адатному праву, имущественное правонарушение должно быть восстановлено путем возврата потерпевшему украденного лицом, признанным виновным в краже. В пользу владельца собственности взыскивалась сумма в несколько раз большая, чем в действительности стоила украденная вещь.

В адатах Мугинского общества сказано, что если украденное найдено то возвращается. Если же не найдено, то в пользу претендента взыскивается вещь, равноценная украденной, по выбору. Кроме всего этого, в обоих случаях пострадавший получает от обвиняемого, если кража сделана на сумму 30 рублей и более, еще одну вещь такую же, как и украденная: если кража сделана на сумму менее 30 рублей, то в девять раз против украденного³. Штраф брался и в пользу джамаата⁴.

Все это не характерно для родового строя. При коллективной собственности не могло быть кражи. Первобытное общество не знало, что такое кража. Кража в даргинских обществах была порождена частной собственностью.

У даргинцев процесс разложения дофеодалных отношений проявился и в потере тухумами первоначального своего положения в джамаате. Была нарушена прежняя замкнутость родственного состава тухума. В этом не трудно убедиться, если рассмотреть структуру урахинского тухума. Тухум урахинцев состоял из «узи-урши», т. е. «братьев и сыновей», из «нушала джинсла» или «нушала ахлу», т. е. из «людей нашего круга», «нушала гамты», т. е. «наших близких», и из «нушала бухнабти», т. е. из «людей, внутри нас находящихся». Сюда входило и родство под названием «рурсбала алавити», т. е. по женской линии. Кроме прямого родства, тухум имел и косвенное родство с другими тухумами. В число родственников тухума зачислялись люди, известные как «нушала алавити», т. е. «за нами находя-

¹ АДОЗО, стр. 223.

² Там же, стр. 69, 88.

³ Там же, стр. 235.

⁴ Там же, стр. 241.

⁵ Там же, стр. 258.

⁶ А. Комаров. Указ. соч. ССКГ. вып. I, стр. 81.

¹ Хроника войн джара, в XVIII столетии, стр. 66.

² Адаты и обычаи даргинцев.

³ АДОЗО, стр. 166.

⁴ Там же, стр. 167.

щиеся», «за нами стоящие», или «нушала ургапти», г. е. «между нами находящиеся», и, наконец, люди из «характи тухума», т. е. «наши отдаленные родственники»¹.

В этой сложной градации родства, с одной стороны, видны отзвуки древнего родства и близости и, с другой стороны, это признаки отживания прежнего родства и смещения родства внутри тухума путем включения родственников по женской линии и людей из других тухумов. Судьба тухума была такова: чем дольше жил тухум в своем джамаате, тем больше родственный характер происхождения отступал на задний план перед территориальным. Тухум заметно стал сдавать свои позиции и джамаат, как сельская община выдвинулся на первый план. Пастбища, сенокосные угодья, леса, а в некоторых местах и пахотная земля находились в распоряжении джамаата. Во многих местах у даргинцев к рассматриваемому времени тухумы потеряли свое земельное значение, на первый план выступает индивидуальное хозяйство семьи.

О неземельном характере отношений в тухуме свидетельствует также один из записанных нами обычаев аула Муги. В этом ауле числилось четыре тухума, и член тухума мужского пола к моменту женитьбы обзаводился своим домом и землей. По обычаю аула, каждый мужчина при женитьбе обязан был закладывать дом и все земли на имя девушки, на которой он должен был жениться, и с момента бракосочетания все эти земли переходили в руки женщины. В случае развода мужчина лишался всего своего состояния и жена, когда дело доходило до этого, коротко отвечала: «Если не хочешь жить, бери свою палку и убирайся из дома». Палка тут применена в смысле «ты гол, как палка». Понятно, что этот обычай не мог существовать при устойчивом положении тухума, что он был, очевидно, введен с его распадом². Так как соседи мугинцев всегда смеялись над ними, говорили, что женщина у них — обладательница всех земель, а мужчина находится на поводу у женщин, и, учитывая экономическую невыгодность этого обычая для части населения, мугинцы не раз пытались отменить этот обычай, но каждый раз, как только дело обсуждали на сельском сходе, родители дочерей выходили победителями. В общем, дело дотянулось до 1915 года, пока оно не было отменено решением царской администрации.

В тревожной обстановке³ тогдашнего Дагестана изолированное существование мелких даргинских общин было невыносимо. Опираясь на прежнее племенное родство, они объединялись в союзы общин, в так называемые вольные общества. На протяже-

¹ Б. Далгат. Материалы по обычному праву даргинцев, л. л. 5—7.

² Возможно, что этот обычай мог быть и пережитком времени матриархата.

³ Мы имеем в виду постоянные набеги иноземных захватчиков, феодальные войны и междоусобия.

нии большого исторического отрезка времени эти союзы показывали свою жизнеспособность. В то же время даргинские вольные общества издавна находились в окружении районов, охваченных процессом феодализации. В среднем Дагестане они непосредственно граничили с ханствами аварским и казикумухским, с севера со стороны приморского Дагестана вольные общества соприкасались с кумыкскими княжествами и со стороны южного Дагестана с удийством Каракайтапским. Феодалы этих ханств постоянно покушались на самостоятельность даргинских сельских общин. В обстановке бесконечного феодального давления вольные общества оказались не в состоянии сохранить свое самостоятельное существование. Они стали прибегать к покровительству, опеке ханов и беков.

Когда именно даргинские вольные общества стали прибегать к покровительству ханов, точно невозможно установить. Случилось это, конечно, не в XVIII веке, а гораздо раньше. Например, на основании косвенных данных, мы можем предполагать, что вольные общества Ганк, Гапш, Муиер, Ирчамуль, Шуравкент, Каттаган, Гимры прибегли к покровительству кайтапских феодалов еще в XII в. К концу XVIII в. к покровительству хана Казикумухского прибегло вольное общество Буркун Дарга. В XVIII и начале XIX вв. под покровительством шамхала Тарковского находились Акушинское, Мекегинское, Усишинское, Мугинское и Цудахарское вольные общества. Еще раньше Кара-Кайтапский удий осуществлял опеку над урахинским вольным обществом.

Покровительство над вольными обществами вначале сопровождалось незначительными добровольными обязательствами со стороны последних по отношению к ханам. Так, например, за то, что шамхал Тарковский покровительствовал Акушинскому вольному обществу, акушинцы обязались принимать участие в военных предприятиях и набегах шамхала. Кроме того, они делали различные приношения шамхалу то в связи с перегоном скота с плоскости в горы и с гор на плоскость, то по случаю торжества в шамхальском доме. Добровольное участие в делах шамхала, единичные приношения постепенно усложнялись, становились обязательными для основной массы Акушинского населения.

Нередко покровительство ханов приводило к потере самостоятельности вольного общества. Так случилось с вольным обществом Буркун-Дарга в начале XVIII в. Семь сельских общин этого общества (Амух, Анклог, Ашты, Санджи, Худуц, Цирха, Кунки) были отторгнуты лакскими феодалами и включены во владение хана Казикумухского.

Покровительство шамхала акушинцам, мекегинцам, усиинцам и цудахарцам тоже вело к потере общинной самостоятельности и превращения их в феодально зависимых людей. На это

указывает майор Серебров в своей записке, относящейся к 1796 г.¹

О потере самостоятельности и зависимости пяти вольных обществ от шамхала свидетельствуют также ряд документов, помещенных в «Актах Кавказской Археографической Комиссии». В одном документе, помещенном в «Актах», говорится, что к акушинцам, «к подвластным, полагающимся шамхалу Тарковскому»² прибыл Ших-Али-хан дербентский и просил их помощи. Акушинцы на просьбу Ших-Али-хана заявили, «что они без согласия шамхала просьбу его выполнить не могут, а посоветуются с шамхалом...»³ К шамхалу было послано пять почетных людей для совета. По возвращении посланцев акушинцы «пригласили к себе»⁴ мекегинцев, мугинцев, усишинцев и цудахарцев и сообщили ответ шамхалу Тарковского.

Покровительство ханов — не единственный путь феодального порабощения общинников. На этом пути для ханов, беков не менее важным было использование экономических затруднений, испытываемых сельскими общинами. Экономическую основу акушинских, мекегинских, мугинских, усишинских джамаатов составляло скотоводство и земледелие. Ни один из указанных вольных обществ не имел своих зимних пастбищ. В суровых зимних условиях в горах было невозможно содержать многочисленное стадо рогатого скота. По этой причине акушинские, усишинские, мекегинские, мугинские, цудахарские сельские общины вынуждены были брать в аренду зимние пастбища у шамхала Тарковского, уцмий Кайтагского, эндреевских и аксаевских беков. За пользование зимними пастбищами общинники расплачивались с феодалами натурой. Таким образом, хотел ли этого или нет общинник, он оказался обложенным натуральной рентой. Рента эта была феодальная.

К началу XIX в. довольно четко определилась привилегированная верхушка в каждом вольном обществе. Во главе акушинского вольного общества стоял кадий Магомед, Цудахарского — кадий Арслан. Начальник войск в Дагестане Н. М. Хагунцев в июле 1812 г. сообщил главнокомандующему в Грузии Н. Ф. Ртищеву, что к нему прибыли «акушинского и всего даргинского народа кадии и почетные старшины», которые были приведены «к присяге по обыкновению, и почетнейшие из них утвердили опную своими печатями...»⁵ Позднее граф И. Ф. Паскевич писал начальнику штаба отдельного Кавказского корпуса Н. П. Пон-

кратову: «сильная по тамошнему краю — Акушинская республика, или общество Акуша... управляется на известных правах кадием или главным духовником народа»¹.

Кадий вольного общества был крупным землевладельцем, собственником большого стада скота. В отношении к земле особой разницы между акушинским кадием Магомедом и беком из Кайтага не было. Вся разница между ними заключалась в количестве земли. Бек был богаче, имел обширные пахотные и пастбищные земли, кадий тоже имел земли, но в меньшем размере. Акушинский кадий настолько экономически укрепился в своей роли «главного духовника народа», что он все делал так, чтобы сделать свою власть наследственной. Нам удалось выяснить, что все акушинские кадии происходили только из одного тухума². Их власть была наследственной, вплоть до присоединения Акуши к России. Нурбагад — кадий был последним из наследственных кадиев акушинского союза³.

Пример Акушинского кадия является яркой иллюстрацией того, как постепенно патриархальная знать перерождалась в знать феодальную.

К числу крупных землевладельцев у даргинцев следует отнести и талканов. Слово талкан⁴ не даргинское, им обозначались знатные люди. В письменных источниках сведений о талканах не встречается. Но в устном предании даргинцев, когда речь шла о феодальной знати, часто повторялось слово талкан.

Не соответствовало своему действительному содержанию наименование «вольное общество». К началу XIX в. «вольного» (в прямом смысле этого слова) общества у даргинцев не было. Оно состояло из различных социальных слоев сельского населения. Наряду с крупными землевладельцами в вольном обществе были свободные крестьяне-уздени, сохранившие свои мюльки, крестьяне-уздени, потерявшие свою самостоятельность, не имевшие своей земли, попавшие в кабальную зависимость от крупных земельных собственников.

Вопрос о методах эксплуатации крестьян в вольных обществах еще не изучен. При характеристике положения основной массы сельского населения в даргинских джамаатах мы должны исходить из указания Ф. Энгельса о различных формах деспотизма существовавших в общинах. «Древние общины,— писал Ф. Энгельс,— там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государствен-

¹ Краткое историческое описание северной и южной части дагестанской Персии, составленное майором Серебровым в 1796 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18471.

² Рапорт полковн. Ахвердова гр. Гудовичу от 25 января 1809 г. № 13 — Кизляр. АКАК, т. III, стр. 402.

³ Там же.

⁴ АКАК, т. III, стр. 402.

⁵ ЦГВИА. ВУА. № 6164, л. 18

¹ ЦГВИА. ВУА. № 6253, л. 28.

² В конце XVIII в. кадием в Акушах был Магомед, после него кадием сделался Зухум. См. АКАК, т. 7, ч. II, стр. 79.

³ Владимир Билльер де Лил-Адам. Указ. соч., стр. 17.

⁴ Слово талкан распространено среди акушинцев, губденцев и цудахарцев. Талкан встречается также у казахов и употребляется в смысле родового объединения.

ной формы, восточного деспотизма, от Индии до России»¹. Труд узденей в джамаатах был малопроизводителен и давал пока что «ничтожный излишек над необходимыми жизненными средствами...»². Внешние сношения и торговля в джамаатах были развиты слабо. В то же время был налицо определенный консерватизм в устройстве джамаата и вольного общества. В силу этого при тогдашних условиях эксплуатация крестьян в джамаатах могла совершаться только под оболочкой патриархальных обычаев. Эксплуатация эта совершалась, как об этом можно судить по отдельным статьям даргинских адатов, в самой грубой форме восточного деспотизма. Полуфеодальный характер эксплуатации общинников носило и взимание «заката» для мечетских жителей, приношение сельскому кадию, обработка мечетских земель, штрафы и другие взыскания в пользу старейшин и других должностных лиц.

В даргинских джамаатах в большем, чем раньше, количестве появляются рабы, захваченные во время феодальных войн и набегов, и их уже не только продают после пленения, но и заставляют работать по хозяйству. В адатах даргинских обществ говорится, что «за убийство кула и каравашки делается вознаграждение владельцу, и более никакому взысканию виновный не подвергается. За убийство кулом кого-либо взыскание делается с владельца, и он же делается канлы родственников убитого. Но если владелец не согласится быть канлы, то должен освободить кула из крепостной зависимости, и тогда кул, сделавшись свободным (узденем), признается сам канлы»³.

В даргинских джамаатах рабы назывались лагами. В некоторых джамаатах рабы находились в использовании у всей общины. Они жили в одном селе с общинниками, располагались отдельным кварталом. Общественное и правовое положение их резко отличалось от всей остальной массы сельского населения. Они были притеснены и унижены общинной знатью. Наличие рабов способствовало классовой дифференциации у даргинцев.

Все это показывает, что в даргинских джамаатах имелись налицо частная собственность, сословное неравенство и эксплуатация чужого труда. Фактически свободное положение узденя в джамаатах исчезло, но в то же время его сознание, как свободного общинника еще не исчезло. То же самое можно сказать и о тухуме. Тухум потерял свое первоначальное положение. Член тухума хозяйство вел индивидуально, но его сознание об общественном и идеологическом единстве всех членов тухума не исчезло.

Социально-экономические перемены в вольных обществах независимо от уровня сознания людей отразились на положении крестьянского населения. Над ним довлела общественная власть.

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат. 1945, стр. 170.

² Там же.

³ Адаты даргинских обществ. ССКГ, вып. III, стр. 16.

Главный кадий со своими приближенными осуществлял публичную власть в пределах всей территории вольного общества. В пределах джамаата эту же власть от имени главного кадия и от имени общего собрания осуществляли юзбаши, кадий, бару-ман и другие постоянные должностные лица. В то время эта власть могла «быть весьма незначительной, почти незаметной»¹ в даргинских вольных обществах, где наблюдались еще неразвитые классовые отношения. Невозможно было в то время увидеть в вольных обществах и специальных принудительных учреждений власти. Власть в них осуществлялась в форме патриархальных установлений. Но суть вопроса состояла не в форме осуществления власти и не в наличии или отсутствии специализированных учреждений, а в том, чьи интересы, интересы какой классовой группы отстаивали носители публичной власти в вольных обществах и джамаатах. Если исходить из положения, что даргинское общество (включая сюда и кайтагов) давно раскололось на классы, то у нас не может быть другого ответа, кроме того, что кадий, юзбаши и другие должностные лица проводили главным образом политику крупных землевладельцев, собственников скота. Обладая властью, данной им общинниками, правом взыскания налогов и наказания, носители власти вольных обществ представляли собой зачатки государственной власти. И по мере того, как росли производительные силы, увеличивалась плотность населения и столкновения интересов между отдельными джамаатами в вольных обществах усиливалась власть главного кадия, равно как и других должностных лиц.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Родовые формы и отношения у даргинцев сохраняются пережиточно в XVIII—XIX вв., но меняют свое содержание. Под старой родовой оболочкой в вольных обществах действуют новые, зарождающиеся классовые отношения. Всестороннее изучение патриархальных пережитков имеет немаловажное значение для правильного познания самих зарождающихся классовых отношений у даргинцев.

2. В джамаатах, т. е. сельских общинах, были заложены непосредственные предпосылки для возникновения классовых отношений. К началу XIX в. у даргинцев происходил процесс перехода от старого строя к раннефеодальному строю.

3. Развитие классовых отношений в даргинских вольных обществах происходило не в одинаковых условиях. В то время, как в одной группе даргинских вольных обществ (Акуша, Цудахар, Урахи) происходил переход к раннефеодальному строю, в Сюргинском, Мекегинском, Мугинском, Усишинском вольных обществах

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, ч. I, стр. 146.

еще крепко держались полупатриархальные отношения. В последних четырех вольных обществах основой производственных отношений являлась частная собственность на землю свободного узденя-общинника.

4. Органы власти вольного общества и джамаата являлись носителями интересов крупных земельных собственников и владельцев скота. Глава акушинского вольного общества кадий сделал свою власть наследственной, и он являлся одним из крупных земельных собственников и владельцев скота. Аналогичная картина наблюдалась и в Цудахарском вольном обществе.

5. Даргинцы, накануне присоединения к России, жили раздробленно подразделяясь на вольные общества. Формирование классовых отношений на территории вольных обществ способствовало образованию даргинской народности.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КУМЫКОВ

I. ОБЩИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

§ I. ШАМХАЛЬСТВО ТАРКОВСКОЕ

Происхождение шамхалов и начало их родословной принято связывать с появлением в Дагестане первых арабских завоевателей. В местной литературе говорится, что в восьмом веке н. э. в Дагестан прибыло для утверждения ислама войско арабских халифов. После длительных войн с местным населением арабы покорили весь Дагестан и посадили главным правителем его Шахбала. Он и его преемники имели первоначальную резиденцию в горах, в Кумухе, потом перенесли ее в Буйнак и, наконец, в Тарки. Шахбал происходил из священного для мусульман рода корейшидов, был уроженцем провинции Шам (Сирии), и от него брал свое начало род шамхалов Тарковских,¹ который властвовал в кумыкской земле вплоть до 1917 года.

Утверждение, что первые правители Дагестана берут свое начало от арабских наместников и что родоначальником всех последующих правителей является Шахбал, почти в неизменном виде перешло в западно-европейскую, а затем в русскую литературу и получило всеобщее распространение.

Нам думается, что предположение о том, что до прихода арабов горцы Дагестана не имели никакого политического устройства и что организацией первой такой политической власти они обязаны арабам — не соответствует действительности. Это неверно не только для горного Дагестана, но и для плоскостной его части.

Кумыкская земля, — Каспийская низменность, населенная кумыками, — известна издревле. Хозяйство и культура здесь раз-

¹ Предание заимствовано из местных дагестанских хроник: «Тарихи Дербенд-намэ» под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, стр. 80; «Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухамедом-Рафи, с предисловием П. Услара», ССКГ, вып. V, Тифлис, 1871.

бывались с древнейших времен. Об этом свидетельствуют в первую очередь памятники материальной культуры. Даже при их недостаточной изученности археологам удалось проследить остатки древних поселений на правом берегу Гимры-Озень, у станции Кая-кент, близ селения Джемкент, у хутора Мамай-Кутан и в селении Берикей. Относятся они ко второй половине II тысячелетия до н. э. Произведенные в этих местах раскопки дают чрезвычайно ценный материал для характеристики хозяйства и культуры древних обитателей прикаспийского Дагестана.

Древние писатели¹ упоминают о многих военно-политических событиях, связанных с Каспийским Дагестаном. В период могущества сасанидов и их борьбы за господство на Кавказе прикаспийский Дагестан, ныне населенный кумыками, выступает как место сосредоточения древней культуры и торговли.

Неподалеку от нынешнего аула Тарки в течение продолжительного времени находилась столица хозарского царства — Семендер². Арабские писатели IX—XI вв., дающие множество сведений о Дагестане, утверждают, что в свое время Семендер был многолюдным, цветущим торговым центром, окруженным садами и виноградниками. Арабские географы, пишут, что постройки семендеровцев деревянные, кровли выпусклые, у мусульман здесь были мечети, у христиан и евреев — церкви и синагоги³.

Как видно, земля, населенная кумыками, была обитаема издавна, и в ней существовали и развивались своеобразные, но сходные и соседними областями производственные отношения с определенной политической надстройкой. К сожалению, они совершенно не изучены в нашей исторической литературе. Ясно одно: культура и политическая жизнь на кумыкской земле развивались задолго до прихода арабов. Производит титул «Шамхал» от слов «шам» — Сирия и «хал» — местечко, чьим уроженцем был первый правитель Дагестана, — это значит повторить выдумку мусульманских историографов. В свое время она распространилась в интересах господствующих классов для того, чтобы прославить и увековечить незыблемость их власти.

Известно, что термины «шамхал», «майсум», «уцмий», как титулы местных дагестанских владетелей, стали известны ученому миру только с начала XV века. До этого ни один из источников не упоминает о них. В русских источниках этого времени шамхала называют «шевкалом», сами кумыки называли его «шаухал», а из персидских источников он известен как «шавхал». Ясно, что горцы и русские никак не могли независимо друг от друга изменить «шамхал» на «шавхал». Это дало академику Бартольд у основания в своей статье «Дагестан» предполагать, что позднейшая форма титула «шамхал» возникла под влиянием

¹ Известия древне-греческих и латинских писателей о Скифии и Кавказе. Собр. В. Латышев, том I, II. СПб, 1890.

² *Ибн-Хаукаль*. СМОНПК, вып. XXXVIII, стр. 115.

³ *Ал-Истахрий*, там же, стр. 49.

вышеупомянутой арабской этимологии¹. Вероятно, то же произошло и с наименованиями титулов кайтагских и табасаранских владетелей. Шамхал, уцмий, майсум — титулы правителей Дагестана, ставшие известными в более поздние времена, видимо, существовали в народе в иной транскрипции и являются названиями местного происхождения.

В подтверждение сказанного приведу один факт из русских летописей. Он говорит о том, что прибывающие из Золотой Орды послы и чиновники к русским князьям были известны на Руси под именем шавкалов, что означало почетное достоинство их высокого сана. Так, например, русские летописи повествуют о том, что во время воцарения в Твери в 1327 году был убит ханский посол шавкал². И если говорить о происхождении слова «Шамхал», «шавкал», казалось бы, все основания имеют отнести эти термины скорее к Золотой Орде, нежели к арабам. Можно предполагать, что правитель кумыков в период господства татаро-монгол мог быть ими же и возведен в этот сан. Известно, что нынешний Дагестан составлял пограничную область Золотой Орды, и в силу этого положения золотоординские ханы должны были особенно заботиться о закреплении верности и преданности местных влиятельных владетелей и правящих верхов.

В Гидатле знатные, старшие, почетные лица титуловались — «шауха» (множественное число — «шахби») ³. В одно время гидатлинским правителем был «Олошаана». Эта форма гидатлинского «шаана» почти тождественна с тем, как аварцы именуют популярного властителя плоскости — «шаанхал». Книжная форма гидатлинского титула — та же, что и у кумыков — «шамхал». В Гидатли генеалогию гидатлинских «шухби» тоже возводят к арабам «абу-муслимской»⁴ эпохи. Это совпадение титулования двух разнородных династий одним и тем же термином — также не в пользу установившейся версии о «шахбальском» его происхождении. Олеарий и Гербер также объясняют этот титул по-разному.

До сих пор остается в ходу связанное с преданием об арабском происхождении первых правителей Дагестана утверждение, что шамхалы Тарковские с момента прихода арабов и вплоть до середины XVII века властвовали над всем Дагестаном и что все горские правители были подчинены им. При этом падение власти шамхалов в горах объясняется таким образом. Кумух служил местопребыванием шамхалов до конца XVI века. С начала XVII века шамхалы почему-то начали жить зимою в Тарках и Буйнаке и только на лето приезжали в Кумух. В середине XVII века в Кумухе образовалась сильная партия, стремившаяся к уни-

¹ Энциклопедия ислама, т. I, 1913, стр. 910—915.

² Полное собрание русских летописей. XV. Тверская летопись, стр. 415.

³ Материалы для истории нагорного Дагестана. РФДНИИЯЛ. д. № 77.

⁴ В сохранившейся в Дагестане литературе о завоеваниях арабов в горах обычно связывают с Абу-Муслимом, хотя известно, что полководца под этим именем никогда в Дагестане не было.

чтожению шамхальской власти. При шамхале Сурхай-Мирза-хане она восстала и ликвидировала власть шамхалов в Кумухе, выбрав особого правителя под названием хахлачи. Лишенные власти шамхалы вынуждены были покинуть свою давнишнюю столицу и обосноваться у кумыков — сперва — в Буйнаке, а затем в Тарках.

Эта легенда, выдуманная и раздутая мусульманскими феодально-клерикальными историографами, служила в течение целых столетий средством сохранения и увековечения престижа шамхалов Тарковских. Это предание во многом сходно с рассказом русских летописей о приглашении из-за моря варягов. Единственная разница заключается лишь в том, что шамхалы были изгнаны лаками и сами, без приглашения, явились к кумыкам.

Бесспорно одно, что в XVI веке в горах Дагестана и на его равнинах в это время происходили важные события, имевшие исключительное значение в последующей истории народов Дагестана. Что именно произошло в горах, какие были движущие силы в этих событиях — мы пока, из-за скудности материалов, конкретно сказать не можем. Известно только, что это был как раз период падения власти Золотой Орды и образования на Востоке Европы русского централизованного многонационального государства. Несомненно, что отголоски процесса образования государств и консолидации народностей в Восточной Европе коснулись и Дагестана, разбудили его и после долгого зстоя, вызванного татаро-монгольским господством, привели в движение его общественные силы.

Повидимому, в горах Дагестана в это время в обстановке вражеского окружения происходили крупные события, связанные с внутренней общественно-политической жизнью страны. К сожалению, о них можно только догадываться. Одно несомненно: шамхалу Тарковскому, кумыкскому князю, в этих событиях принадлежало ведущее место. Он, начиная с XV века, выступает как один из весьма могущественных владетелей всего северо-восточного Кавказа. Быть может, именно тогда шамхалу удалось на время подчинить Казикумух и понудить лаков платить ему дань. Возможно, с этим связано и сообщение русских сановников в Грузии, посланное 9 марта 1604 года в Москву: «князь шевкал с семейством своим по большей части живет в Казикумухском городе». Это сообщение можно понять, как сообщение о кратковременном проживании шамхала в период летней жары не в Тарках, а в каком-то Казикумухе, возможно даже не в том, который нам известен¹. Но это не дает основания предполагать, что шам-

¹ Быть может, этот Казикумух есть кумыкский Кафыр-Кумух. Резиденцию шамхалов я скорее склонен видеть в последнем, нежели ее искать посредством этимологии где-то в горах, на чужбине. То, что Кафыр-Кумух долгое время является летней резиденцией шамхалов — не вызывает никаких сомнений, напротив, имеются все основания для утверждения, что первоначальной резиденцией шамхалов было именно это селение.

халы Тарковские до середины XVII века властвовали над всем Дагестаном. Прошлое Дагестана свидетельствует, что такого объединения племен и народов под властью одного правителя в его истории не было вообще.

Сложность социальных отношений, политическая раздробленность, языковая и этническая пестрота состава населения Дагестана — все это не давало возможности для быстрой консолидации всех сил и объединения их под главенством одного какого-либо правителя или военачальника. К тому же в то время не было необходимых экономических предпосылок для такого объединения Дагестана.

Первые письменные сведения о шамхальстве Тарковском относятся к концу XV и началу XVI века. По словам различных путешественников и посольств, которым приходилось проездом бывать в этих краях, шамхалы Тарковские в этот период выступают как весьма могущественная сила, с которой считались не только правители Северного Кавказа, но в некоторых случаях и Закавказья. Издавна на их территории было развито земледелие, садоводство и в широких размерах скотоводство.

К концу XV века под шамхальством Тарковским подразумевалась вся земля, населенная кумыками. Начиная от Буйнака до Терека и вглубь Дагестана, до Кадара и Дургели — все это пространство, за исключением отдельных редких аулов, населенных другими народностями, составляло владение шамхалов Тарковских. Власть их была распространена также на кочующих по их земле ногайцев и пограничных чеченцев.

Шамхал Тарковский в то время носил титул валия дагестанского. Это означало, что шамхал по роду своему был старшим из всех дагестанских владельцев и сильнейшим из них, имевшим влияние и на вольные общества Дагестана. Возникает вопрос: откуда и как появился титул валия дагестанского? Понятно, что сами шамхалы никак не могли его присвоить. В грамотах турецких султанов и персидских шахов их также величали этим именем. Нам думается, что этот сан тесно связан с татаро-монгольским господством в Дагестане. Всем известна политика Золотой Орды, когда завоеватель направлял внутривластные отношения в завоеванной стране в интересах своего господства. Золотоордынские ханы в покоренных ими землях практиковали привлечение на свою сторону местных правителей из господствующего класса. Так было на Руси и других местах, так, повидимому, было и в Дагестане. В период господства татаро-монгол шамхал Тарковский видимо выступал по отношению к местным правителям в роли баскака — сборщика дани. С этой ролью надо связать и появление титула валия, ибо шамхалы, будучи баскаками, вместе с тем считались старшими среди остальных правителей, и соответственно власть их над населением была более обширная.

Вероятно, к этому времени относятся и сообщения дагестан-

ского летописца Мухамеда-Рафи о податях, собираемых шамхалом со всего Дагестана.

По свидетельству Мухамеда-Рафи, не было почти ни одного владения, ни одного общества в Дагестане, которое не платило бы податей шамхалу,¹ и это обстоятельство еще раз подтверждает наше предположение о том, что власть шамхалов над всем Дагестаном связана с периодом господства золотоордынских ханов. В иной обстановке и в иных условиях этого не мог бы достичь ни один из правителей Дагестана. А в данном случае шамхал имел поддержку и реальную помощь татаро-монгол и, опираясь на это, выполнял свою роль баскака — сборщика дани.

Именно к этому времени относится появление наименований кумыкского владельца «шавкал» и «вали».

С распадом Золотой Орды пало старшинство шамхала над правителями Дагестана. Титул его сохранился, но без каких-либо прав на правление всем Дагестаном.

Этому положению соответствуют и события конца XV и начала XVI веков, происходившие в самом шамхальстве. Тарковском.

Целостное при татаро-монголах шамхальство с распадом Золотой Орды и владений ее ханов также распадается на мелкие уделы.

Между прочим, мы прослеживаем в этот период в Дагестане явление, отличное от тех, какие наблюдаются в Восточной Европе. В то время, как на Руси с распадом Орды шел усиленный процесс консолидации народностей и образования национальных государств, в Дагестане происходит совершенно противоположное. Происходит процесс распада, дробления ранее более или менее крупных феодальных образований на мелкие уделы. Из обширного шамхальства выделился ряд новых самостоятельных владений — Дженгутаевское, Баматулинское, Буйнакское, Эндреевское, Аксаевское и Костекское.

В конце XV века наблюдается резкое обострение внутривнутриполитических отношений в Дагестане, с одной стороны, и с другой — усиление агрессивных действий Персии и Турции. Это было время, когда по всему северо-восточному Кавказу раскинулось множество полуфеодальных и феодальных образований, находившихся в постоянных войнах между собой. Некоторые из них стремились расширить пределы своих владений за счет захвата земель соседей, а другие безуспешно отстаивали свою власть и владения от более сильных. Понятно, что в этой борьбе слабые становились жертвой сильных и гибли. Но равных по силе и могуществу владельцев на северо-восточном Кавказе были не единицы, и они не были в мире и дружбе между собой. Самая настоящая вражда и соперничество отделяли их друг от друга.

Примерно с этого времени все чаще и чаще источники говорят о шамхале, как об одном из самых сильных на всем северо-восточном Кавказе владельце. Об этом же свидетельствуют беспрерывные обращения кабардинских князей, черкесских владельцев и грузинских царей к русским царям с просьбой о защите их против покушений шамхалов на их земли¹.

Летом 1557 г. в Москву приезжают два кабардинских князя — Темрюк и Тизрюк с просьбой принять их в подданство и оказать им помощь против набегов шамхала Тарковского. В 1586 г. послы царя Александра Кахетинского в Москве били челом, чтобы государь принял их народ в подданство и спас от «великого утеснения шевкала». После этих визитов и обращений царь Федор Иванович посылает против шевкала князя Засекина с войсками. Об этом походе в «обзоре дипломатических сношений» между российскими государями и грузинскими царями сообщается, что царское войско «много завоевало в земле шевкала, многих побило, многих полонило и ранило самого государя шевкала»².

В 1594 году из Москвы вновь снаряжается экспедиция против шамхала во главе с боярином Хворостинным. На этот раз была достигнута договоренность о совместных действиях русских и кахетинских войск. В этом походе прямо заинтересован был и Крым-шамхал. Он, будучи шурином грузинского царя Александра, хлопотал через последнего, чтобы русские войска покорили резиденцию шамхала — Тарки и водворили его там вместо шамхала. А за все это Крым-шамхал обещал открыть через свое владение прямой путь в Грузию. Соединение войск кахетинского царя с Хворостинным не состоялось. Резиденция шамхала — аул Тарки был, однако, захвачен, хотя и не надолго: сильные партии вооруженных кумыков и аварцев, выступившие по подстрекательству Турции, вынудили Хворостинина отступить на Терек. Но и после этого северо-кавказские и закавказские владельцы не прекратили обращений в Москву с жалобами на шамхала.

В 1604 году грузинские послы оказались опять в Москве. 9 марта 1604 года русские сановники имели с ними беседу по поводу о том, что нужно предпринять для завоевания некоторых соседственных с Грузией городов³.

Вскоре вслед за возвращением грузинских послов царь Борис Годунов снарядил под командованием воевод Бутурлина и Плещеева 10-тысячный отряд против шамхала Тарковского. Была достигнута договоренность о помощи войсками из Грузии. Не дождавшись и на этот раз помощи, Бутурлин пошел на Тарки. Город после жестокого боя был взят и подвергнут сильному разру-

¹ См. С. И. Белокуров. Сношения России с Кавказом. Москва, 1889.

² Краткий обзор дипломатических сношений Грузии с Россией в XVI и XVII веках. «Кавказск. вестник», вып. 1—2 за 1902 год.

³ Шамхалы Тарковские. (Историч. записка, составл. временной комиссией, снаряженной для определения личных и поземельных прав туземцев Темир-Хан-Шурина округа). ССКГ, вып. I, стр. 57.

¹ Дагестанские летописи. Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухамед-Рафи. ССКГ, вып. V, стр. 22—23.

шению. Недалеко от Тарков Бутурлин заложил крепость и поселил гарнизон.

Пока строилась крепость, Султан-Мута, сын шамхала, собрав большие силы горцев, уничтожил постройки и освободил кумыкскую землю. Шамхал возобновил неприязненные действия против Грузии и соседних владений. Они продолжались до конца XVII века.

Голландец Стрейс, лично побывавший в XVII веке в Дагестане, писал: «В Дагестане много властелинов и князей, самые почитаемые из них шамхал и уцмий. Первый самый могущественный»¹. Олеарий, описывая Дагестан в 1636 году, сообщал: «В этой стране имеются различные князья: почти в каждом городе имеется особый, а главный из них именуется шамхал; это как бы царь между ними, избираемый бросанием яблока. Когда его избирают, все мурзы или князья должны сойтись в круг, а священник бросает в них позолоченное яблоко, в кого оно попадет, тот становится шамхалом»².

На исключительное положение шамхала обращает внимание и Гербер. «Шамхалово владение, — говорит он, — простирается не только над всеми князьями и землями в Дагестане, но и над частью народа тавлинского и до самой почти Шемахи. Дабы содержать сии земли в добром порядке и народ в обуздании, то должен он иметь знатное число войска, чего ради ему, кроме собираемых доходов с Дагестана, давалось ежегодно из казны шаха по 4000 туманов, т. е. 40.000 рублей»³. Правда, в XVII веке огромное шамхальство Тарковское распадается на ряд уделов, в которых сидели сыновья Чупан-шамхала (в Буйнаке — Эльдар, в Казанище — Магомед, в Кафыр-Кумухе — Андий, в Гелли — Герей), и они «управляли своими уделами вне зависимости друг от друга; но общий правитель их шамхал избирался поочередно из этих четырех домов»⁴.

Во внешнеполитических делах шамхалы не прочь были иметь поддержку и даже помощь со стороны московских царей. Известно, что в то самое время, когда кабардинские, черкесские, грузинские владельцы осаждали Москву своими послами, требуя защиты и поддержки против шамхала, князь Тарковский посылает послов в Москву с просьбой оказать ему помощь в борьбе против усилившихся набегов кабардинских и черкесских владельцев. Это было своеобразным маневром шамхала, он вел захватническую политику по отношению к горским владельцам и всячески мешал их усилению, старался лишать их поддержки русских царей, так как в этом он видел усиление своих соперников. Такой же политики шамхал придерживался и в своих внешнеполитиче-

ских сношениях с Турцией и Персией. Как только кабардинские, черкесские или дагестанские князья пытались искать поддержки турецких султанов или персидских шахов, он опережал их.

Когда московские цари, прочно закрепившись в устьях Волги, подчинив кабардинцев, продвинулись к Тереку и выстроили здесь ряд крепостей, создав линию поселений, шамхалы Тарковские круто изменяют свою политику и начинают искать в Москве прочных связей, видят свою опору в русских царях. Этим только можно объяснить то обстоятельство, что в 1636 году шамхал Сурхай-Мурза, владетель Кумыкский и Тарковский, получает грамоту на принятие его в подданство России. Эта грамота была подтверждена в 1643 году царем Михаилом Федоровичем, и с этих пор в продолжении 60 лет сношения шамхальства с Россией не прерывались¹.

§ 2. БУЙНАКСКИЙ БИЙЛИК

Между владениями шамхала Тарковского и уцмия Каракайтагского находился небольшой бийлик, имевшего своей резиденцией аул Буйнак. Среди кумыков оно было известно, как бийлик ярым-шамхала,² а по русским источникам правители его известны под именем крым-шамхала³.

Предание относит возникновение бийлика Буйнакского ко времени окончательного обоснования шамхалов в Тарках, т. е. в середине XVII века. Однако источники говорят об ином. В тот период это было уже сложившееся владение феодального типа и истоки его образования надо искать не в середине XVII века, а в более ранний период истории Дагестана. Хроника Мухамед-Рафи,³ весьма распространенная во всем Дагестане и относящаяся к XV веку, указывает на владетеля крым-шамхала наряду с могущественным шамхалом Тарковским, как на самостоятельного и независимого владельца, имеющего большие доходы. То же самое говорят и дипломатические документы, относящиеся к середине XVI века.

Из-за скудности материала нам не приходится останавливаться на описании раннего периода этого феодального образования. Более или менее подробно о внутренней истории Буйнакского владения можно говорить лишь с конца XVI и начала XVII веков. В это время владение Буйнакское теряет свою самостоятельность и становится зависимым от шамхала Тарковского.

Титул правителя Буйнака «крым-шамхал» или «ярым-шам-

¹ Я. Стрейс. Три путешествия. Огиз. 1935, стр. 220.

² А. Олеарий. Указ. соч., стр. 453.

³ Гербер. Указ. соч., стр. 36.

⁴ Бакиханов. «Гюлистан-Ирам», стр. 88.

¹ С. Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 299.

² Ярым-шамхал по-кумыкски значит — пол-шамхала.

³ Крым-шамхал по объяснению самих кумыков — шамхал беспокойный, вечно враждующий.

⁴ Мухамед-Рафи. Тарихи Дагестана, прилож. IX. «Тарихи Дербент-намэ», Тифлис, 1898.

хал» давался обыкновенно старшему в роде после шамхала. Одновременно звание правителя Буйнака давало ему, как прямому наследнику, право на получение после смерти шамхала титула и власти шамхала Тарковского. Поэтому-то владетель Буйнака считался среди кумыков наполовину шамхалом, т. е. ярым-шамхалом. Этим же объясняется и происхождение звания крым-шамхала.

Правители Буйнака вели себя беспокойно, подчас враждебно по отношению к настоящим шамхалам и иногда путем интриг и иными методами отнимали у старших братьев шамхала их владения. Очень хорошо прослеживается политика владетелей Буйнака по отношению к шамхалу Тарковскому в период правления в России царя Феодора Ивановича и в Кахетии царя Александра. Шамхал в это время достигает зенита своего могущества, и его притеснения остро чувствовали северо-кавказские владельцы и грузинские цари. Крым-шамхал, будучи шурином царя Александра, всячески добивался через него, чтобы русские войска покорили город Тарки и утвердили его там шамхалом. За это он обещал открыть через свое владение прямой путь в Грузию.

В XVII — XVIII вв. владетели Буйнака территориально укрепили и политически значительно усилились. С ними не могли уже не считаться соседние владельцы. Уцмию и шамхалу часто приходилось сталкиваться с ними, ибо через эти владения и владения утамышские проходили торговые пути сообщения между Закавказьем и Северным Кавказом.

Владетель Буйнака Муртазали находился в междоусобной борьбе с шамхалом Тарковским и уцмием Каракайтаским, а также шамхалом Казанищенским¹. Буйнакский владетель находился в подданстве России и получал от последней «хлебное и денежное жалование...»².

§ 3. ЭНДРЕЕВСКИЙ БИЙЛИК

О возникновении Эндреевского бийлика существуют самые разноречивые мнения. Бертман в своей «Истории Петра Великого» приписывает основание Эндрей (Андреева города) русским войскам, побывавшим в приморской части Дагестана в конце XVI века. Другие считают, что эндреевские кумыки ведут свой род от атамана гребенских казаков Андрея³. Сами эндреевцы считают, что название Эндрей ничего общего не имеет с именем Андрей и что это есть видоизмененное кумыкское слово индири

¹ Запись в журнале дворянина Лопухина А. Н., посланного из Шемахи в Москву. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Сношение России с Персией», 1718, д. № 1, л. 7.

² П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 16.

³ См. «Тарихи Дербент-намэ», стр. 49—50.

или эндири, в переводе означающее место, где молотят хлеб. Даже сейчас, когда речь идет об этом ауле, коренные жители Дагестана говорят не иначе, как Индрей-аул.

Необоснованным является и утверждение Бермана о том, что основание Эндреевского города относится к концу XVI века. События, развернувшиеся здесь, свидетельствуют о том, что Эндрей к тому времени представлял собой уже большое поселение во главе с сильным владельцем. О том, что это поселение возникло значительно раньше XVI века, свидетельствует и тот факт, что здесь жил автор «Дербент-намэ» — Мухамед-Аваби.

Город Эндери несомненно существовал еще во время хозарского владычества, и арабские писатели не раз упоминают о существовании такого поселения в приморском Дагестане. Впоследствии Эндери, сильно разросшийся как торговый центр, стал частью обширных владений шамхала Тарковского.

Примерно во второй половине XVI века в семье шамхала Андия произошли события, явившиеся впоследствии причиной раздора между его детьми¹. В предании об основании Эндреевского владения говорится, что Чапал-шамхал, имея от первой жены сыновей — Эльдара, Магомеда, Андия и Гирея, вторично женился на кабардинке из рода Анзоровых, не имеющего княжеского звания, и от последней имел сына по имени Султан-Мута. После смерти отца старшие братья отказались признать в Султан-Муте равного себе члена семейства и лишили его наследства². Султан-Мута решил, что братья поступили с ним несправедливо, и счел нужным изменить это несправедливое решение. Для этого он отправился в Кабарду. Там с помощью родственников матери ему удалось собрать небольшой военный отряд³. С ним он вернулся в сел. Гольбах (вблизи Чир-Юрта). Гольбаховцы приняли Султан-Муту с почестями и решили помочь ему. Опираясь на эти силы, Султан-Мута выступил против своих братьев и потребовал от них выделения законной части наследства. Братья вынужденные были уступить его требованиям и отдали в его полное владение часть земель на правом берегу Сулака от моря до Черкесовских гор, пространство от Сулака на север и запад до Терека и Сунжи и на восток до Каспийского моря.

Из Гольбаха Султан-Мута перешел в Эндрей, как в пункт, климатически более благоприятный и более удобный в военном отношении. Эндрей являлся как бы сторожевым пунктом у границ Салатавии, Ауха и Кумыкии, и, кроме того, вблизи него проходили торговые пути из Персии в Крым и на север.

Правитель Эндреевского бийлика Султан-Мута был очень храбрым, воинственным и предприимчивым.

¹ Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Кумыки. СПб., 1895, стр. 242.

² Гасан Алладари. Указ. соч., стр. 50.

³ Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, стр. 621.

Сами кумыки считают Султан-Муту родоначальником кумыкских князей. В 1605 году в сражении с отрядом царских войск Султан-Мута был убит. После смерти владение эндреевское перешло к сыновьям Айдемиру и Казаналипу. Но внуки и правнуки, получив свои уделы, поселились: один в Аксае, другие в Костеке и Казии-Юрте. Прежнее сильное владение оказалось раздробленным. И все таки центральная часть с аулом Эндрей была еще достаточно сильна. Она была больше, чем отделившиеся уделы, и по пространству и по плотности населения.

В XVII веке роль Эндрея вновь возрастает. Эндреевский владелец Султан-Махмуд вел успешную войну с многими феодалами Дагестана и с шамхалом Тарковским. Олеарий сообщает, что из Тарков к нему прибыл сам шамхал, сообщивший, что «дагестанский шамхал Султан-Махмуд, живущий на Койсу, с несколькими сотнями человек напал на его страну. Он просил по этому поводу послать, чтобы они помогли ему некоторым количеством пороха»¹.

Московским царям все чаще приходилось теперь иметь дела с эндреевскими владельцами. Власть их распространилась на кочующих погайцев на равнине между реками Еман-Су и Казмою.

Во время персидского похода Петр I эндреевский владелец Чупан Чопалов выступил вместе с чеченцами с неприязненными действиями. За это его владение было подвергнуто опустошению и Эндрей представлявший собой большой город с обширною торговою разрушен².

§ 4. АКСАЕВСКИЙ БИЙЛИК

Бийлик это первоначально, как было сказано выше, выделился из Эндреевского. В состав бийлика входили земли по течению рек Терека, Аксая и Еман-Су до Каспийского моря. Кроме того, в состав этого владения входили шесть чеченских деревень, известных под названием Качкалык, и несколько нагайских аулов. Броневский, описывая кумыков и кумыкскую землю, говорит, что в его время владение Аксаевское принадлежало пяти княжеским единоплеменным коленам: Алибековым, Хасбулатовым, Каплановым, Эльдаровым и Уцмиевым.

В период Петровского похода в Персию Аксаевским бийликом управлял тесть шамхала Султан-Махмуд, который находился в дружбе с Россией. Сохранился охранный лист, данный по повелению Петра 18 сентября 1722 года Султан-Махмеду Аксаевскому за подписью генерал-адмирала графа Апраксина и запрещаю-

щий в его владениях чинить обиды, наезды и собирать налоги. Сохранилось и письмо Петра I о назначении Султан-Махмуду Аксаевскому жалования¹.

§ 5. КОСТЕКОВСКИЙ БИЙЛИК

Возникновение Костековского бийлика относится к XVII веку. До этого оно входило в состав владения Султан-Мута. Первым основателем его является Алим. Владение это небольшое по своему размеру. В него входили несколько деревень вдоль Койсу и некоторое количество кочующих по луговым местам погайцев.

Аксаевские и костековские владельцы, хотя и считались самостоятельными и ни от кого не зависимыми, но на деле во всех своих действиях находились в зависимости от эндреевских владельцев.

§ 6. ЭРПЕЛИНСКИЙ БИЙЛИК

Эрпелинский бийлик состоял из аулов Эрпели, Ишкарты, Верхний и Нижний Каранай, Ахатлы. Князья Эрпели именовались карачибекими, а подвластное население карачиевцами. Происхождение этих названий точно не установлено.

Сами эрпелинцы, ишкартинцы и каранайцы рассказывают о своем прошлом следующее.

Примерно в XII веке три наследника хана аварского, потомка Сурагата, бывшего правителя Аварии, первого принявшего мусульманскую веру и вместе с нею титул хана, не поладили между собою, и один из них по имени Исмаил, будучи изгнан из Аварии, пришел со своим братом Карланом и поселился в Гурбеке (ниже Караная). Земля эта не была еще никем занята. Имелись большие леса, много дичи. Исмаил сильно укрепил новое свое местопребывание Гурбек; обнес его деревянным валом, оградил подступы к нему. Но иначе и нельзя было. Кругом было неспокойно. После смерти Исмаила сын его Тели-Будайчи, следуя примеру своего отца, не только обезопасил свои земли, но и сильно расширил их, да к тому же еще перенес свою резиденцию из Гурбека в нынешние Эрпели. Шамхалам, имевшим резиденцию в Кафыр-Кумухе, это пришлось не по душе. Началась война Будайчи с шамхалами кафыр-кумухскими за землю. К этой войне были привлечены и акушинцы. Борьба была длительная и упорная. Дружина Будайчи была малочисленна, но сражалась упорно и всегда одерживала победу. За эту храбрость и отвагу шамхальцы дали им прозвище эри-лери, т. е. мужчины с отважным духом. Отсюда и получило впоследствии свое название поселение

¹ Олеарий. Указ. соч., стр. 453.

² Н. Семенов. Обитатели кумыкской плоскости. (Опыт этнографическо-исторического исследования. Терский сборник за 1890 год. Кн. I, Владикавказ. 1891, стр. 157.

¹ Дело по поводу определения сослов. прав туземного населения Терской и Кубанской областей. ЦГА Грузин. ССР., арх. 84, по описи 80, 1871.

Эрпели. Война между эрпелинцами и шамхалами длилась долго. Примирил их, по преданию, следующий случай.

У шамхала было много лошадей. Однажды чеченцы увели целый табун. Как только это стало известно Будаичи, он со своей дружиной пошел в Чечню, нашел виновных, наказал их и вернул лошадей шамхалу. Этот поступок и послужил поводом к примирению между эрпелинцами и шамхальцами. Передают, что якобы сам шамхал явился в дом Тели-Будаичи и спросил, что он хочет за свой поступок. У Будаичи было две жены. Он посоветовался с ними. Одна потребовала золота и серебра, а другая сказала: «не надо ни золота, ни серебра, лучше кусок земли». Этот совет понравился Будаичи. Шамхал и Будаичи взошли на вершину Хурбуж, и все земли, которые можно было видеть оттуда в сторону Темиргоя, шамхал уступил эрпелинцам¹.

Таковы дошедшие до нас сведения об эрпелинском бийлике и его владельцах.

В XVII—XVIII вв. эрпелинский владелец был равным среди других кумыкских владельцев и в своих внутренних делах был независимым от шамхала.

§ 7. КАРАБУДАХКЕНТСКИЙ БИЙЛИК

Эрпелинские владельцы назывались карачи-беками, и родословную их связывают с аварскими ханами. Сохранившееся предание повествует, что предки карабудахкентских беков тоже были выходцами из Аварии, некогда поселились в Губдене и один из них по имени Карабудах основал по соседству с Губденом село. Отсюда и пошло наименование селения Карабудахкент.

Расположенное по соседству с Буйнаком и находящееся на торговых путях, карабудахкентский бийлик занимал весьма важное положение. Это обстоятельство служило причиной того, что карабудахкентские беки часто втягивались в события, происходящие на каспийской равнине. Известно, что карабудахкентские князья принимали самое активное участие в захватнической политике шамхалов, и отряд Бориса Годунова в 1604 году вынужден был в ответ на это пойти против карабудахкентцев и разорить «карабудахские кабаки».

§ 8. БАМАТУЛИНСКИЙ БИЙЛИК

Начиная с первой половины XVIII века, в среде других горских княжеств начинает выделяться и бийлик Баматулинский. Вначале это был удел одного из потомков шамхальского рода, по

¹ Р. Магомедов. Историко-этнографические заметки по поездке в Эрпели, Ишкарты, Ахатли, Каранай. 1941 (рукопись).

имени Бамата, находившийся в наследственном владении. По имени первоначального его основателя этот удел получил наименование Баматулинского. Во владения его входили Большое Казанище, Буглен, Муслим-аул, Халим-бек-аул, Кафыр-Кумух и Темир-Хан-Шура. В XVIII веке правители его выступали независимо от Тарков и назывались шамхалами из Казанища. Шамхалами назывались и другие кумыкские феодалы (в Буйнаке — Муртазали, в Эндрееве — Чопан, в Тарках — Адиль-Гирей). Все они находились во вражде друг с другом, каждый претендовал на правление в Тарках и владение его земельными богатствами. В феодальной междоусобице особенно выделился Умалат-шамхал из Казанища. Об этом красноречиво говорит заявление дербентского султана Лопухину, русскому посланнику из Шемахи в Москву. На вопрос Лопухина, может ли он без опасения добраться в Тарки, султан дербентский заявил: «Я боюсь только как бы над вами в горах шавкаловых худо не сделали, потому что у них про между собой у Умалата-шавкала с уцмием есть ссора, и уцмий — он владетель людный, к тому же Адиль-Гирей, тарковский владетель, с уцмием в дружбе, и оба против Умалат-шавкала воюют»¹. Лопухин со своими людьми пострадал при следовании из Дербента в Тарки, однако не столько от Умалат-шамхала, сколько от Муртазали-шамхала. Когда он обратился по этому поводу с жалобой к Адиль-Гирею, правитель Тарков заявил: «Ежели государь мне изволит прислать людей несколько сот, то я их всех разорю и шевкала из Казанища выбью вон, и тогда будут все горские люди нас бояться, что никто не будет противиться»².

Обостренные взаимоотношения были у Умалата казанищенского не только с уцмием и шамхалом, но и с владельцем Буйнака. Тот же Лопухин доносит в Москву, что «Умалат-шевкал имеет великую злобу на Муртазали»³.

Во время междоусобицы внутри шамхальства Умалату удалось даже на время изгнать Тарковского правителя и завладеть престолом. В донесении Петру I шамхал Адиль-Гирей пишет: «Умалат на меня восстал, которого по счастью вашего величества я изгнал с столичного шамхальского места Тарков»⁴.

2. ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КУМЫКСКОЙ ЗЕМЛИ

Общественно-экономический строй кумыков в XVIII веке является несомненно более развитым, нежели у каких-либо других

¹ Сношения России с Персией. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел за 1718 г., д. 1, л. 7.

² Там же, лл. 39—40.

³ Сношения России с Персией. ЦГАДА, 1718, д. I, л. 45.

⁴ «Кумыкские дела». ЦГАДА. 1719, д. 6/н., лл. 61—64.

народов Дагестана. Этому способствовал ряд особенностей в экономическом развитии Кумыкии.

В чем заключались эти особенности, что так сильно отличало кумыкскую землю от всего остального Дагестана и благоприятствовало социально-экономическому развитию кумыков?

Из общего исторического обзора нам известно, что кумыкская земля и нижний Кайтаг являлись составной частью хозарской державы, столицей которой до арабского завоевания был Семендер, по всем данным стоявший неподалеку от Тарков. В период татаро-монгольского господства, вплоть до XV века, правитель кумыков, в отличие от других местных дагестанских владельцев, пользовался рядом привилегий при дворе золотоордынского хана. Понятно, что кумыки, находясь с первых веков н. э. на той территории, на которой мы их застаем и позднее, не могли оставаться в стороне от всего того, что происходило вокруг, и так или иначе должны были втягиваться в систему господствовавших в их окружении отношений.

Не следует забывать, что кумыки занимали лучшую в Дагестане территорию — почти всю Прикаспийскую низменность. Это единственная плодородная во всем Дагестане полоса, наиболее пригодная для широкого развития земледелия. Особенно хороши были природные условия северной Кумыкии. Здесь имелись богатые пахотные места, тучные пастбища, леса и вода. Хлеб был в изобилии, в то же время в остальном Дагестане в нем испытывалась огромная нужда.

Кумыкия, изобилующая сельскохозяйственными продуктами, была, естественно, житницей Дагестана. Если исключить южный Дагестан (снабжавшийся хлебом через северный Азербайджан) и западный Дагестан (снабжавшийся через Северный Кавказ), то средний Дагестан кормился только кумыкским хлебом. Значит, производство хлеба на продажу стимулировало экономическое развитие Кумыкии. Кумыки, живя на плодоносных землях, получали немалую прибыль от сельского хозяйства и от продажи своих произведений в Кизляре¹. Они сеяли пшеницу, ячмень, просо, пшено². Кумыки разводили лук, чеснок, свеклу, морковь, огурцы, тыквы, дыни, арбузы и виноград³. В кумыкских княжествах получило широкое развитие мареноводство⁴. Россия имела на марену большой спрос.

На территории Кумыкии пролегали важные торговые пути, идущие с севера на юг и с юга на север. В силу этого кумыки очень рано были втянуты в торговлю с Закавказьем, Персией,

Северным Кавказом и Россией. У кумыков создаются свои крупные экономические центры, такие, как Эндрей, Тарки, Чир-Юрт, Аксай, Буйнак и другие, где персидские и закавказские купцы встречались с русскими, крымскими и черкесскими купцами и обменивались товарами.

Аксай и Эндрей-аул, будучи воротами между горами и долинами, также сделались средоточием торговли пленниками, приводимыми с гор. Эндреевские жители, перекупая пленников-горцев, продавали их кизлярским и крымским купцам¹.

В работоторговле не уступал Дербенту и аул Тарки — резиденция шамхала Тарковского. Жители Тарки вели «купечество с Персией и Россией», с гор приводились «пленники из Грузии, армяны и черкес, коих наиболее у них покупают крымские и кубинские татары»². Отсюда же велась торговля и с жителями уцмийства, кумыками, акушинцами, также с Россией — пшеницей, медом и воском.

«В шамхаловом владении, — свидетельствует один из современников, — торговля жителей производится по большей части соседними владениями, как-то уцмийством, кумыками и акушинцами, также и с Россией скотом, пшеницей, медом и воском, марену же продают жители в Кизляр, а иногда доставляют и в Астрахань. Из шерсти овечьей и хлопчатой бумаги делают на продажу и на домашние употребления простые сукна синие, черные и белые, посредственные ковры, бумажной и частью пеньковой холст, сами же покупают лучшие сукна и материи для одежды в Персию и Россию, откуда и серебро, и золото, медь, свинец, железо получают, а соль берут близ Тарков и 4-х верстах из очера Турали»³.

У кумыков имелись довольно прочно сформировавшаяся группа торговцев, скупщиков. Они здесь, как и у многих других народов Дагестана назывались савдагары.

Кумыкским феодалам принадлежали на приморской равнине прекрасные зимние пастбища, без которых не могло обходиться население нагорного Дагестана. Сдавая эти пастбища горцам в аренду, кумыкские феодалы не только извлекали богатый доход, но и оказывали политическое давление на вольные общества Дагестана, стремясь этим путем держать их под своим влиянием и при случае, как это имело место в Салатавин, поставить их в зависимое положение. В таком примерно положении находился даргинский союз обществ. Акушинцы «шамхалу податей никаких не дают, — читаем мы в «Описании северного Дагестана» конца XVIII в., — но ежели случится, что нужно будет ему вооруженное войско, то просит их по доброй воле, а иногда и с заплакою,

¹ С. Броневский. Указ. соч., стр. 200.

² Там же.

³ И. Гаврилов. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. ССКГ, вып. II, стр. 37.

⁴ Г. Н. Казбек. Военно-статистическое описание Терской области, ч. I, Тифлис, 1888, стр. 166.

¹ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Сношение России с Персией». Д. № 3, 1722 г., л. 10.

² Гербер. Указ соч., стр. 33.

³ «Северный Дагестан», ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, л. 21.

и принудить их не может». Но главная их нужда в шамхале та, что они живут в горах, «где в зимнее время свои стада со скотом продержат никак не могут по причине малости подножного корма, а больше еще и стужа...»¹.

В руках кумыкских князей имелись и такие материальные факторы, как соляной и рыбной промыслы. Соль шла для внутреннего потребления в самом Дагестане, а рыба — на продажу. Шамхалу Тарковскому принадлежало находившееся в 5—6 километрах от аула соленое озеро (Турали), снабжавшее солью почти весь Дагестан.

Большое влияние на экономическое развитие Кумыкии оказала Россия. Со времени Петра I кумыкская плоскость составляла русскую провинцию с особым внутренним княжеским самоуправлением. Русская власть в течение целого столетия до присоединения Дагестана к России выражалась в том, что ограждали кумыкскую плоскость «от хищнических набегов разных вооруженных шаек...»².

Как видно, экономическая база Кумыкии была обширна, и население ее жило в более благоприятных естественно-географических условиях.

Понятно, что в этих условиях процесс разложения патриархальных отношений у кумыков должен был начаться гораздо раньше, чем в любой другой части Дагестана и, следовательно, гораздо раньше должны были оформиться феодальные отношения.

Вопрос о генезисе феодализма, о способе и путях возникновения феодализма и формах феодальной эксплуатации у кумыков — это специальный вопрос, который так же не изучен, как и все остальные вопросы истории кумыкского народа. Перед нами сейчас не стоит эта задача. Наша задача сужена конкретной темой, ее постановкой в рамках XVIII и начала XIX вв., но не сделать хотя бы беглого экскурса в прошлое — это значит не дать полной картины особенностей общественно-экономического строя Кумыкии. Делая это, мы должны отметить, что, как во всех феодальных странах, способы и пути возникновения феодальной ренты и формы феодальной эксплуатации в условиях Дагестана были очень разнообразны.

Наибольшее значение имела эволюция дани (по-кумыкски «ясак»), которую кумыки платили местным владельцам. Первоначально этой данью облагалось целое селение. Понятно, что она на первых порах еще не имела поземельного значения и только затем стала усложняться. К дани стали присоединяться различного рода дополнительные поборы и повинности, а главное — она постепенно стала обуславливаться земельными отношениями.

¹ Северный Дагестан. ЦГВИА, ф. ВУА, 18474; лл. 1—47, стр. 12.

² Н. П. Тульчинский. Поземельная собственность и общественное землепользование на кумыкской плоскости, стр. 5.

«Первоначально земля, — говорится в официальной записке, составленной на основании местных источников, — никому в частности не принадлежала. Каждый имел право занимать столько земли, сколько мог обрабатывать, но затем владельцы все свободные, никем не занятые земли стали считать своими, занимали их под свои хозяйственные надобности и нередко, в видах защиты местности от врагов, заселяли их с предоставлением поселенцам земельных угодий, за пользование которыми поселенцы обязывались выставлять им военную силу и отбывать известные повинности работою. Шамхалы и ханы мехтулинские для обеспечения своих родственников — беков в материальном отношении давали им свободные земельные участки, кутаны и ятаги и населенные земли, с которых беки могли получать следовавшие прежде в их пользу доходы и повинности. Так как в прежние времена никто из беков не занимался хлебопашеством, то на их землях окрестные жители свободно производили посевы»¹.

Захват беками свободных земель и заселение их крестьянами был связан с дальнейшим процессом феодализации Кумыкии. Этот процесс возникновения феодальной ренты хорошо прослеживается также по «Тарихи-Дагестана»². Основной путь, по которому шел этот процесс, был основан на пастбищных землях. Об этом говорит только что приведенная выдержка. Еще раньше об этом говорит «Тарихи Дагестан» и, наконец, многочисленные данные, относящиеся к XVIII и началу XIX вв. В записке неизвестного автора, хранящейся в подлиннике в Дагестанском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы, говорится, что в 14—15 вв. черкеевцы поселились на землях эндреевских беков с согласия последних. Беки первоначально отдели черкеевцам в пользование салатавские горы под названиями: Малим-Тау, Накашу-балатау, Цибиашу, Кабурияли, Батлютшоб и Ростас-шоб. За пользование ими и «за свободную пастьбу зимою баранов в Шава между Тереком и Сулаком», черкеевцы платили бекам ясак, а вслед за этим они были обложены и «за сады, которые разведены около самого Черкея...»³. То же самое автору этих строк удалось установить в 1940 году при личном посещении Черкея и изучении на месте сословно-поземельных отношений, адатов, этнографии и быта этого аула.

Захват неосвоенных и общинных земель особенно широкие размеры принял в XVIII веке. Юридическое право на эти земли кумыкские феодалы старались получить через посредство рус-

¹ Проект положения о поземельном устройстве государственных поселенцев Дагестанской области, водворенных на землях лиц высшего мусульманского сословия, а также находящихся в зависимости от беков и обществ.. ЦГА Грузии, ССР. Дело сословно-поземельной комиссии, ф. 2. д. № 813, л. 8.

² Мухамед-Рафи. Указ. соч., стр. 22—23.

³ Управление жителей Присулакского наибства по их местным адатам. РФДНИИЯЛ, л. 170, л. 22.

ских царей и их военачальников в близ расположенных пограничных пунктах.

В 1733 году костековские «почетные» жители Магомед-Гази, Алхас, Шиха, Гусейн, Магомед, Абужали и Кауф обратились к русскому коменданту Св. Креста генералу Левашеву с просьбой принять их в российское подданство и позволить им поселиться за горячим колодез, (заремагская горячая вода в Салатавии) и быть во владении у аксайского Алиш-бека». Указом Анны Ивановны челобитчикам было разрешено поселиться на этих землях, и костековский владелец Алиш-бек и его потомки получили широкую возможность пользоваться присулакскими землями в Салатавии, где в настоящее время находится селение Зурамкент, Миатлы и др.¹

В 1778 году эндреевский владелец Кази Тимиров получил от командующего Астраханской губернией генерал-майора Ивана Якубия билет, т. е. право указанного владельца «на пастьбу табуна в урочище Долмы» (Долма — рука реки Сулак) и «на бугор Ускат-эгиз близ моря и иметь там хутор»². Это право за Кази Тимировым подтвердил и П. Потемкин. В выданном Потемкиным в 1786 г. документе говорится: «Даю сей открытый лист кавказского наместничества эндреевскому владельцу Кази Тимирову, что позволяется ему селить слободу на реке Сулаке, в окрестностях бывшей крепости Святого Креста вольными и независимыми людьми и пользоваться землями тамошними так, как и прочие соседственные кумыжские владельцы»³.

Процесс превращения дани в ренту в Кумыкии окончательно определился в XVI—XVII вв. В этот период кумыжским феодалам удалось освоить землю на самых разных основаниях. Часть земель принадлежала лично самому феодалу и была его собственностью, а другая часть признавалась принадлежащей и феодалам и общинам. Этот порядок пользования землей нашел свое отражение в адатах карачиевцев, к которым относились общины Каранай, Ахатли и Ишкарты, и следы его сохраняются вплоть до Октябрьской революции. По издавна существующим у карачиевцев адатам, все земли, занятые ими, находились в совместном пользовании у всех жителей каждого селения, в том числе и беков. Но беки имели преимущественное перед узденями право брать из общинного земельного фонда под распашку и покосы 4 пая против одного, а чанки получали 2 пая⁴. Кроме общинных земель, беки имели собственные «кутаны и пастбищные горы для овец», которые они по своему усмотрению «могли отчуждать в

¹ Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908, стр. 326.

² Там же, стр. 337.

³ Там же, стр. 337.

⁴ Управление жителей Присулакского наибства по их местным адатам, л. 15.

посторонние руки»¹. Не подлежали распределению внутри общины только пахотные и покосные земли узденей, приобретенные в результате расчистки леса. Ими крестьяне пользовались «потомственно с переходом в наследство только по мужскому колену и наследникам мужского пола, без права отчуждения в сторонние руки». При переходе такого владельца в другое селение «земля поступала в пользование того бека, чьим он считался узденем по повинностям». Но, однако, бек не имел права сам пользоваться землею, а должен был «отдать одному из своих узденей, у кого недостаточно земли». В Карабудахкенте карачибекки получили из общинного фонда при ежегодном разделе земли, пай в 8 десятин пахотной земли, а чанки получили пай 4 десятины земли. Отчуждать каким-либо способом эти земли они не имели права и в случае смерти кого-нибудь из них, земля эта оставалась в пользовании общества. Что касается наследников умерших беков, то лица мужского пола получали по достижении совершеннолетия свой пай, женщины не имели права на этот пай².

В основном такой же порядок землепользования были у чирюртовских, султан-янги-юртовских и чонт-аульских кумыков. У чонтаульцев, помимо указанного выше порядка землепользования, было принято «брать себе только места для посева чалтыка»³ в собственную или совместную с кем-нибудь распашку. При этом количество мест, распахиваемых владельцами, ограничивалось «числом плугов», которые они могли выставить, не превышая шести плугов. Каждая распашка плуга, т. е. княжеская часть пахотной и покосной земли называлась бийлегу⁴.

До сих пор говорилось о землях, принадлежащих к феодалам и общинам, т. е. о порядке землевладения, относящемся к тому периоду, когда традиции общины были еще живучи и феодал же был так силен, чтобы покончить с общиной и объявить ее земли своей собственностью. Тут поземельные отношения представляли смесь общинного права с вотчинным. Наряду с этим в Кумыкии был третий вид землевладения — общинный. Пахотные и покосные земли считались принадлежащими общинам, но должны были платить феодалам подати и нести разнообразные повинности.

Как говорилось выше, земли у кумыков отдавались по назру в качестве бенефициев и ленов. С течением времени эти земли поступали в безусловную собственность⁵ в распоряжение служилых людей. На этой основе у кумыков формировалось поместное дворянство. Нам известны несколько таких случаев, когда шам-

¹ Управление жителей Присулакского наибства по их местным адатам, л. 16.

² ЦГА ДАССР № 4, ф. 2, д. № 1390, л. 3.

³ Чалтык — рис с шелухой.

⁴ Управление жителей Присулакского наибства по их местным адатам, лл. 25—27.

⁵ См. Poleмика дагестанских ученых по вопросу об отчуждении собственности по назру (обету). ССКГ, вып. V, Тифлис, 1871.

халы по назру завещали земли и наделяли феодальными правами своих родственников. Житель сел. Гелли Будайчи Эдиль в 1823 году по назру, данному шамхалом из шамхальского дома, получил 20 мешков пшеницы, 20 баранов и 20 барашек, 20 батманов сыру и пять мешков «крупы»¹.

Наличие перечисленных выше видов земель и землепользования говорит о том, что в XVIII и в начале XIX веков Кумыкия в своем экономическом развитии выглядела далеко неодинаково. На кумыкских прикаспийских равнинах процесс развития феодальных отношений и превращения сельского населения в феодально-зависимое шел более интенсивно, в то время как у кумыков, расположенных ближе к предгорью, все еще сохранялись остатки общинного порядка землепользования.

Сообразно этому в кумыкских феодальных княжествах была построена и система взимания податей и отбывания повинностей.

Виды податей и повинностей были самые разнообразные.

Так, например, в Эрпели существовала повинность «алым», т. е. обязанность давать беку четырех коров в случае смерти членов бекского семейства, и «харзи» — обязанность в случае женитьбы бека давать ему по одному барану с каждой матки (стада). Этими повинностями ограничивались отношения эрпеллинцев к своим бекам.

В 10—20 км. от Эрпелей расположены аулы Дургели, Параул, Жака-Шура, Верхнее Казанище, которые отбывали бекам уже натуральные повинности: предоставляли для распашки бекских полей плуги со своим скотом и прислугой, распахивали бекские земли, боронили, засеивали, жали и косили.

Бетаульцы должны были нести подворные повинности².

Все сельские общины, входившие во владения карачи-беков и мехтулинского хана, как правило, отбывали повинности целой общиной.

Во владениях эндреевских беков султанюртовцы несли такие повинности: два дня выходили на распашку земли для беков и два дня на жатву.

Подати и повинности, которыми беки обложили чонтаульцев, были еще более разнообразны: каждый, кто сеет чалтык, должен был давать беку по два сабу сорочинской крупы, весь аул должен был выходить на один день со своими плугами для распашки земли бекам под пшеницу, на один день под просо, по дню на жатву того и другого и по одному дню на покос. Кроме того, в обязанность чонтаульцев входило доставлять в Эндери в усадьбу бека хлеб и крупу с доходов от имеющихся в Чонт-ауле бекских мельниц и предоставлять для хозяйственных нужд бека арбы.

¹ Прощение жителей Темир-Хан-Шурина округа. Дело сословно-поземельной комиссии, д. № 54.

² Справка к законопроектору о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам, стр. 41—42.

Карабудахкент, Губден, Кадар, Гелли находились в таких же отношениях к бекам в смысле повинностей, как и крестьянство эндреевских владений.

В акте соглашения, заключенного между кумторкалинскими беками и жителями Казанище в первой половине XIX века, признается, «что земля, на которой основана наша деревня, принадлежит бекам бесспорно по наследству». Поэтому казанищенцы «решились и обязались служить нашим бекам так, как служили их предки (курсив мой — Р. М.), а именно:

Первое — каждый должен выходить на полевую работу для бека три дня в году, беки же, по неимению у них свободных мест, имеют право распахивать занимаемые нами пахотные места, соблюдая при этом ежегодно очередь и не стесняя нас.

Второе — каждый, кто имеет не менее 30 штук баранов, обязан давать беку по барану и барашку.

Третье — недвижимое имущество тех из жителей, после смерти коих не остается сыновей, или не разделенное с братьями, поступает в пользу владельца.

Четвертое — избалованные в нарушении общественного порядка, в воровстве и проч. подвергаются определенному штрафу, который должен поступить в пользу бека.

Пятое — мы не должны и не вправе продавать занимаемые нами пахотные места и покосные луга равно и дома жителям других селений; продажа и покупка таковых допускается лишь между односельцами.

Шестое — владелец обязывается тем, что он не вправе передавать земли, пахотные места и луга от одного хозяина другому без причины, а в особенности односельцу»¹.

Податное население шамхальства Тарковского состояло из узденей кумыкских, даргинских, аварских племен, чагаров, евреев и ногайцев. Рента, взимаемая в шамхальстве, была также разнообразна, как и в других местах. Здесь она выступала в формах: кент-ясака (взимаемого со стада баранов), бильха (барщины — выставки плугов, жнецов, косцов), сабу (мера около пуда и 10 фунтов хлеба, взимаемая с посева), арба-агач (подводная повинность), круга (сбор мякины для скота)² и т. д.

Несколько кочующих орд ногайцев расселялись в Кумыкию и находились в зависимости от кумыкских феодалов. Восемь из этих орд подчинялись Аксайскому князю, двенадцать — эндреевскому и двадцать четыре — Тарковскому шамхалу. Ногайцы, принадлежавшие шамхалу, работали на него, «когда только надобность его востребует, а большею частью в летнее время», давали «своих быков для работы на земле шамхала, косили сено»³. Толь-

¹ О претензиях на бекские земли беков Темир-Хан-Шурина округа по описи № 15, д. № 1 за 1885 г., лл. 17—18.

² Шамхалы Тарковские. ССКГ, 1868, в. I, стр. 78.

³ Северный Дагестан. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, л. 47.

ко евреи в количестве 71 двора платили шамхалу подать деньгами от 3 до 5 рублей с дыма.

Крестьяне Кумторкалы обязаны были: а) один день весною и один день осенью пахать землю бека, один день жать и один день косить. б) Кроме того крестьяне обязаны были платить от сорока до пятидесяти баранов и столько же барашков. Этот взнос производился из следующего расчета: кто имел десять баранов и более — по одному барану с барашком, с тех, кто заводил баранов впервые¹ эта подать не взималась.

Особую роль в системе феодальной эксплуатации, как внутри шамхальства, так и за его пределами, играла пастбищная рента. Достаточно сказать, что шамхал, как обладатель огромного количества зимних пастбищ, не только удовлетворял потребности в них внутри своего владения, но и отдавал пастбища в большом количестве горским жителям на зимнее время и, смотря по величине кутана и его пахотным выгодам, брал в зиму за один кутан до 200 баранов.

Нельзя пройти и мимо такого факта, как орошение земель у кумыков. Возведение оросительных каналов и борьба за воду для поливки пашни — все это, начиная с XVIII века, приобретает важное значение в экономике Кумыкии. Вся более или менее пригодная оросительная система была к этому времени сосредоточена в руках феодалов. Княжеские надсмотрщики-курумбаши наблюдали за исправным содержанием ирригационных каналов и распоряжались работой феодально-зависимых крестьян¹.

По мере развития феодального землевладения и усиления власти кумыкских феодалов количество податей увеличивалось. Это вело к закабалению крестьянства феодалами. Крестьяне начинали терять землю и скот. Особенно сильно это стало чувствоваться после того, как кумыкские феодальные хозяйства были втянуты в товарно-денежные отношения с окружающими странами и в первую очередь с Россией через Дербент, терские и гребенские русские поселения и Астрахань.

Дела кумыкских и эндреевских владельцев, хранящиеся в Государственном архиве древних актов в Москве², дают чрезвычайно богатый материал по вопросу об усилении торговых связей с Россией, об усилении «княжеской» власти и о межфеодальной борьбе в Кумыкии. Борьба шла между братьями и родственниками внутри самого шамхальства и между эндреевскими и костековскими владельцами. Против шамхала Тарковского Адиль-Гирея ополчились его брат Муртазали и Умалат-шамхал,

¹ Прошение жителей Темир-Хан-Шуринского округа. Дело сословно-земельной комиссии, № д. 54.

² Н. П. Тульчинский. Поземельная собственность и общественное землепользование на кумыкской плоскости (Краткий исторический очерк, составленный по официальным источникам). Владикавказ. 1903, стр. 7.

³ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Кумыкские дела». «Дела эндреевской деревни».

опиравшиеся на поддержку «кизильбашского шаха»¹. Адиль-Гирей обращается к Петру I с письмом: «Я прибежал к Вашему милосердию, низжайше, всепокорнейше прошу, так чтобы великим своим указом повелели астраханскому и терскому управителям нам в нуждах наших, как военных, так и других случаях помогать...»². Такой указ Петра I был издан, и в нем говорилось: «Тебя, Адиль-Гирей, под оборону нашу и подданство принимаем, ради чего даны указания нашим губернатору астраханскому и коменданту терскому защищать и в случае нужды и помогать»³.

К концу XVIII века феодальное владение шамхала Тарковского Муртазали состояло из 12 тысяч дворов⁴. В общее количество дворов входили все слои населения, включая и свободных узденей и крепостных крестьян и рабов.

С усилением внешней поддержки росла смелость и настойчивость кумыкских феодалов в деле угнетения кумыкских крестьянских масс.

Феодальной рентой были обложены все выходцы из разных территорий, селившиеся на шамхальских и бекских землях.

Необходимо указать, что, как об этом свидетельствуют приведенные нами данные, в феодальном хозяйстве в Кумыкии преобладающее место принадлежало натуральной ренте и затем следовала отработочная рента (бильха — барщина). Особое значение имела пастбищная рента. С конца XVIII и особенно с начала XIX века во всей Кумыкии происходит усиление отработочной системы эксплуатации крестьянства и рост товарно-денежного хозяйства. Это было обусловлено ростом торговых отношений с Россией и развитием транзитной русско-персидской торговли.

3. КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА

Особенности экономического развития кумыкской земли обусловили здесь более интенсивный, чем в других частях Дагестана, процесс развития феодализма. В соответствии с этим мы наблюдаем и более дифференцированную классовую структуру.

В Кумыкии в XVIII и начале XIX вв. было два класса: класс феодалов и класс крестьянства.

Класс феодалов в рассматриваемый период распался на следующие группы: 1) шамхалы, 2) беки (бии), 3) чанка, 4) мурзы, 5) сала-уздени и 6) духовенство.

¹ Опросная кумыкского посланца Айдар-бека к Петру I. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Кумыкские дела», 1717, д. 6/№, л. 3.

² Там же, л. 13.

³ Грамота Петра I кумыкскому шамхалу Адиль-Гирею Будайханову, там же, л. 23.

⁴ Краткое историческое описание северной и южной части Дагестанской Персии, составленное майором Серебровым в 1796 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 18471, лл. 1—61.

Класс кумыкского крестьянства распадался на четыре группы, и именно: 1) догерек-уздени, 2) кара-уздени, азат-уздени, 3) чагары и 4) кулы.

Обратимся к выяснению места и положения каждой социальной группы в отдельности.

а) Класс феодалов.

§ 1. ШАМХАЛ

Род кумыкских шамхалов древний. Со времени арабского завоевания вплоть до XVI века шамхалы пользовались в Дагестане большим влиянием и являлись в этом крае крупными землевладельцами. Это преимущественное по сравнению с другими владельцами Дагестана положение шамхалов было связано с занимаемой шамхалом территорией. Владение шамхалов с точки зрения географического расположения было очень удобное. В их руках находилась вся прикаспийская равнина и часть предгорья Дагестана. Они больше всего общались с соседними странами. Видимо это обстоятельство и выдвинуло их на первое место в ряду остальных князей Дагестана, и именно с этим было связано быстрое возвышение их не только в самой Кумыкии, но и в Дагестане.

Правитель Кумыкии, имевший своей столицей Тарки, вначале носил титул шамхала, а затем владетеля Буйнака (после того, как эта часть земель была присоединена) и валия Дагестанского. До начала XVII века титулы эти совмещало одно лицо. С XVIII века на кумыкской земле этим званием титуловалось уже несколько лиц. Шамхал был уже не только в Тарках. В Буйнаке сидел Муртазали, носивший также титул шамхала, в Эндрее — Чобан-шамхал, в Казанище — Умалат-шамхал¹. Все эти владетели были представителями старого шамхальского дома, — один из них был сын, а другие — братья, — но они были не в ладах с шамхалом из Тарков, вели такую же смертельную борьбу за таркинский престол, какая была в свое время в удельной Руси, когда брат воевал с братом за великокняжеский столичный город. В своем обращении к Петру I шамхал Адиль-Гирей писал: «Умалат на меня восстал, которого по счастью вашего величества я изгнал со столичного шамхальского места Тарков»². Дворянин Лопухин, который остановился проездом у шамхала, записал в своем журнале: «Адиль-Гирей говорил: ежели государь мне изволит прислать людей несколько сот, то я их всех разорю и

¹ Запись в журнале дворянина Лопухина А. И., посланного из Шемахи в Москву. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Сношения России с Персией», 1718, д. № I, л. 45.

² Донесение кумыкского шамхала Адиль-Гирея Петру I. ЦГАДА, ф. к. ин. дел «Кумыкские дела», 1719, д. б/н., лл. 61—64.

шевкала из Казанища выбью вон, и тогда будут все горские люди нас так бояться, что никто не будет противиться»¹.

Еще в XVIII веке за шамхалом, сидящим в Тарках, сохранилось старшинство и он считался первым из кумыкских владельцев. Однако титул его был уже сужен рамками одного шамхальства: теперь он именовался только шамхалом Тарковским. Это свидетельствовало об утрате шамхалом своей прежней власти и о потере отдельных земель, некогда составлявших одно владение. Теперь на местах сидели уже самостоятельные правители, в разной степени связанные с главным шамхалом. Это были или вассалы его, или правители, освободившиеся от материальной и личных связей с шамхалом, стяжавшие уже полную самостоятельность.

Однако шамхал Тарковский и в XVIII веке всеми силами старался сохранить свое бывшее могущество, удержать право наследственного владения землями всей Кумыкии и держать в зависимости остальных кумыкских беков. Временами, используя внешние силы, шамхалу удавалось это сделать. Так, с помощью Петра I, когда тот был в Дагестане, шамхал восстановил свои права на все ранее принадлежавшие Кумыкии земли и принудил местных феодалов к послушанию.

После отъезда Петра I беки, однако, отошли от шамхальства и, бессильный что-либо предпринять одними своими силами, шамхал вновь прибегает к военной помощи Петра I. В своем послании к нему шамхал заявляет: «за рекою Аграханью дела мне никакого нет, а по сей стороне все мое наследство», и им он «по наследству» должен «владеть»².

Утвердиться правителем всей Кумыкии шамхалу так и не удалось ни в период наилучших отношений с Россией конца XVIII века и ни тогда, когда значительная часть Дагестана оказалась в составе России.

§ 2. БЕК

Из дошедших до нас указов и грамот, охранных листов и других государственных актов³ русских царей и фирманов, турецких султанов и персидских шахов⁴ видно, что владельцы эндреевский, костекский, казанищенский и эрпелинский всегда отмечались особыми знаками внимания и милости, как правители под-

¹ Лопухин. Указ. соч., лл. 39—40.

² ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Сношения России с Персией», д. № 17, 1722, лл. 11—12.

³ Раздел о кумыках. Дело по определению сословных прав туземного населения Терской и Кубанской обл., ЦГА Грузин. ССР, арх. № 84, оп. 80, 1871, лл. 1—264.

⁴ Фирманы персидск. шахов и турецк. султанов, данные дагест. владельцам. ЦГА Грузинск. ССР, арх. № 84, оп. 80.

властного им кумыкского народа и улусов кочующих ногайцев. В актах русского правительства высшее кумыкское сословие, начиная с XVIII века, именовалось различно. В некоторых актах их величали почтенными, достопочтенными и благородными владельцами, беками и биями, а в некоторых и князьями¹.

Кумыкские беки или бии, подразделялись на два разряда: на беков и на карачи-беков. Первые были потомками шамхальского дома, вторые вели свое происхождение не от шамхалов, а от более древнего рода, основатели которого поселились во главе своего племени на кумыкской территории за несколько веков до появления в Дагестане арабов². Сами карачиевские беки производили свою родословную от коренных правителей Дагестана, в частности, от потомков Сураката³, бывшего правителя Аварии. Судя по численности и местоположению карачиевцев и по тому факту, как к ним обращались за решением затруднительных спорных дел почти со всего Дагестана⁴, — род карачиевских, видимо, был действительно весьма древним. Термин этот широко был распространен в Золотой Орде. Но в официальной записке говорилось, что бекские фамилии, известные под названием «карачи-беков» ведут свое происхождение от древних выходцев из Аварии⁵.

В период, который мы рассматриваем, карачи-беки были, как и предшествующие времена, независимыми от шамхала. Они могли самостоятельно сноситься с любым государством, вести переговоры, заключать договоры и вступать в подданство. Правда, карачи-беки по сравнению с общей массой были малочисленны и экономически слабы. Они жили только в таких населенных пунктах, как Карабудахкент, Губден, Эрпели, Ишкарты и Ахатлы⁶. Тем не менее это были представители самостоятельного рода, хотя малая их численность и экономическая маломощность ставили их в известной степени в политическую зависимость от более крупных землевладельцев.

Беки же шамхальского дома в большинстве своем находились в вассальной зависимости от шамхалов и ханов и составляли дворянское сословие. Беки шамхальские, как и карачи-беки, имели земли, полученные ими по «назру» и по дару отца или приоб-

¹ Племя кумыкское. Дело по поводу опред. сосл. прав туземного населения Терской и Кубанской обл. ЦГА Грузин. ССР, арх. № 64, оп. 80, 1871.

² Краткие сведения о привилег. и проч. сословиях в некоторых частях Северного Дагестана. ЦГА Грузинск. ССР, арх. канц. заместника на Кавказе, д. № 42, 1869, л. 2.

³ Управление жителей Присулакского наибства по их местным адатам, л. 13.

⁴ Там же, л. 5.

⁵ Пояснительная записка к проекту Положения о поземельном устройстве поселян Дагестанской области. ЦГА Дагестан. АССР ф. 2, д. 813, л. 8.

⁶ Р. Магомедов. Материалы по историко-этнографическому обследованию Буйнакского района. 1940. (Рукопись).

ретенные путем покупки, и пользовались полным иммунитетом в своих владениях.

Рост бекского сословия продолжался и в XVIII веке. Так, в 1735 г. шамхал подарил своему внуку Амал Магомеду деревню Харкас и Верхнее Казанище с принадлежащими им горами, а также два кутана в Чипчаке под названием «Хайдак» и «Сархай» и третий кутан «Чиканок» и деревню Хорхали-Такали со всеми принадлежащими к ней землями до Темир-Юю и до самого Уй-Соглак-Тобе¹.

Размеры владений беков не везде были одинаковы. В шамхальском селении Гелли имелось 10 домов беков² (имеется в виду усадьба, где жил сам бек), причем девять беков были из шамхальского дома, а десятый — из рода карачибек. Пользовались беки не одинаковыми доходами. Из четырехсот геллинских дворов десять дворов отбывали повинность самому шамхалу, двести дворов — названным выше 9 бекам и сто дворов — карачибекам. Аналогичную картину мы наблюдаем и во владениях Мехтулинского хана. Сын последнего мехтулинского Ахмед-хана Шахназар владел только двумя горами «Гулебек-тау», кутаном «Аданаж» и одним кварталом в сел. Дженгутай, известным под именем Алихан-аул³.

Среди беков были и очень богатые владельцы. Это относится, главным образом, к бекам северной Кумыкии. Султан Мамут жалуется Петру I, что только в окрестностях Аксяя взяли у него «калмычане две тысячи овец, да триста скотины...»⁴. Калмыки эти были из армии Петра I.

Юридическое оформление сословных прав кумыкских беков нашло отражение в бийских адатах кумыков⁵. Эндреевские беки, например, имели право неограниченной власти во всем своем владении. Из княжеских фамилий составлялся «особый совет»⁶, а в лице своих старших представителей они владели населенными и пустопорожными землями, пользовались поземельными повинностями жителей и доходами, дарили и продавали земли по своему усмотрению. По кумыкскому бекскому праву беки должны были вступать в брак с женщинами равных сословий дома шамхалов Тарковских и Кабардинских. Дети же, рожденные от

¹ Комиссия сословно-поземельных прав туземного населения Дагестанской обл. РФДНИИЯЛ, д. № 9

² Прошение жителей сел. Гелли в сословно-поземельную комиссию. РФДНИИЯЛ, д. № 43, л. 30.

³ О претензиях на бекские земли беков Темир-Хан-Шуринского округа там же, лл. 14—15.

⁴ Челобитная Аксаевского владельца Султан Мамута к Петру I. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Сношения России с Персией», д. № 8, 1722, л. л. 129.

⁵ Манай Алибеков. Адаты кумыков (на кумыкск. языке). Махачкала, 1927.

⁶ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычн. праву северного и восточного Кавказа, вып. II, стр. 187.

узденки или женщины другого сословия, считались детьми неравноправными, незаконнорожденными, что могло быть только между беками, прочие же сословия кумыков не могли иметь к ним кровосмешения. В случае, если уздень убьет бека, он объявлялся канлы и вместе «с убийцей выходят канлы шесть ближайших родственников его и при примирении убийца должен служить родственникам убитого как кул (раб)»¹. Если же это случится с шамхальским беком, тогда родственники убитого князя, вместе со своими узденями нападали на дом убийцы, убивали все его семейство, забирали имущество и сжигали дом»². Уздень, не только убивший, но даже ранивший бека, согласно бекскому адату, «не мог нигде найти себе защиту, в какой бы дом, в какое бы селение он ни заходил, его не принимали»³. Только Тарковский шамхал мог взять его под свою защиту, но и шамхал, принимая такого узденя, или делал его своим крепостным или убивал. За воровство, произведенное в доме бека, последний имел право забирать себе «все движимое, недвижимое имущество вора и он делался его узденем, если до этого отбывал повинности другому беку»⁴. За это же преступление, произведенное не в бекском доме, а вообще по отношению к бекскому имуществу, взыскивалось в пользу бека «девять плат за украденное (тогуалама)»⁵. За невыполнение приказаний бека и ссору с его посланцем с виновного в Султан-Янги-Юрте и Чопт-ауле взыскивался штраф — один бык. У карачиевцев заслушивание старшего бека штраф взимался от трех до пяти рублей⁶.

Чрезвычайно любопытный материал для характеристики быта и нравов кумыкских беков дают адаты кумыков, изданные Манай Алибековым⁷.

Когда бек шел на охоту, его могли сопровождать только первостепенные уздени. Спутники, сопровождая бека, обязаны были придерживаться правила, чтобы бек ехал с правой стороны и, если бек хотел остановиться на отдых или на ночлег, то делал это «только у первостепенных узденей»⁸.

Брать на воспитание детей беков считалось для воспитателя (аталыка) особой честью — дети воспитателя делались воспитаннику эмчекями (молочными братьями).

Все эти права беков были общеприняты у кумыков, регламентировались «бийскими адатами» и ставили беков как класс в кумыкском обществе в привилегированное положение. Кумыкские беки не находились на положении служилых людей шамхала.

Права распоряжения землей северных кумыкских беков шамхал не имел. Положение беков напоминает примерно то, какое занимали в России в ранний период удельные князья. Эндриевские беки не как вассалы, а как сюзерены, самостоятельно сносились с иностранными государствами.

§ 3. ЧАНКА

Следующую феодальную группу у кумыков составляли чанки, т. е., как было указано, дети шамхалов, ханов и беков, рожденные от женщин других сословий. По кумыкским адатам они считались детьми неравноправными. В отличие от остальных беков чанки не имели права на поземельное наследование. Земли переходили в наследство только детям, рожденным от бике (княжны). Чанки могли получить землю только путем выдела им определенного участка при жизни отца¹.

Чанки не могли, как правило, жениться на дочерях беков и очень редко были случаи, когда чанки женились на бике кумыкских. Это было доступно только тем из них, кто отличался богатством, умом или особой храбростью и военной предприимчивостью, каким, например, был чанка Султан-Мутта, сын Андий шамхала, когда он впервые появился в северной Кумыкии и вел успешную внутреннюю и внешнюю борьбу за укрепление кумыкской земли.

Чанки не имели преимущества в области уголовного права и отвечали наравне с первостепенными узденями. За убийство чанка узденем помимо убийцы в канлы выходили «на один год из ближайших родственников его три арчен-канлы»².

После смерти чанки, у последнего не оказывалось наследников мужского пола, то все наследство переходило к шамхалу³.

Существования у кумыков безземельных чанков установить не удалось. Все они в той или иной степени владели землей, и в своих владениях они, как и беки, пользовались всеми правами феодальных сеньоров.

Чанки не имели своих узденей, и, по установившемуся обычаю, они сами считались вассалами тех владельцев, от которых они происходили.

§ 4. САЛА-УЗДЕНЬ

Низшей группой феодалов были, как называют их кумыки, сала-уздени, а по русским источникам — первостепенные уздени.

¹ Адаты жителей кумыкской плоскости. ССКГ, вып. VI, стр. 19—20.

² Управление жителей Присулакского наибства по их местным адатам, л. 42.

³ Прошение жителей селений Темир-Хан-Шуринского округа. Дело сословно-поземельной комиссии, д. 54, л. 3.

¹ Управление жителей Присулакского наибства по местным адатам, л. 45.

² Кумыки. МГА Грузинск. ССР, арх. 84, оп. 80, 1871.

³ Манай Алибеков. Указ. соч., стр. 13.

⁴ Управление жителей присулакского наибства по местным адатам, л. 49.

⁵ Там же, л. 50.

⁶ Там же, л. 56.

⁷ Манай Алибеков. Указ. соч., стр. 29.

⁸ Раздел «Кумыки». ЦГА Грузинск. ССР, арх. 84, оп. 80, 1871.

Предполагают, что название свое они получили по месту первоначального поселения на реке Сала-су¹. К югу от шамхальства, в сторону Утамыша, эти группы именовались уллу-узденями, т. е. большими узденями.

Эта группа узденей, которая составляла «второй класс в народе после князей»², образовалась путем постепенного освоения земли верхушкой узденей и путем закабаления, закрепощения ими беднейшего крестьянства. Этот процесс начался в результате постепенного вытеснения на плоскость безземельного горского крестьянства.

Сала-уздени в отношении своей земли и зависимого крестьянства и рабов пользовались теми же правами, что беки и чанки. По бийским адатам кумыков сала-уздени были свободны от всяких повинностей феодалу. Они выполняли только обычные по вассалитету обязанности — такие, как участие в свите и в ополчении беков.

Сала-узденя занимал промежуточное положение между классом феодалов и основной массой узденей. Положение это было основано на поземельных правах, которые сала-уздени успели получить не в результате приобретения мюльков, а в результате постепенного разложения поземельной общины и выделения верхушечного слоя узденства. Другая часть сала-узденей возвысилась путем получения от феодалов земли по назру. Этому вполне соответствует и то прочное положение, которое сала-уздени заняли в Кумыкии в рассматриваемый период и их отношение к феодалам. Бек мог безнаказанно убить только узденя. За убийство сала-узденя бек должен был дать «штраф шесть быков и выходить канльем на два месяца и при примирении должен был дать ближайшему родственнику убитого лошадь со сбруею, оружие и платье»³, — так гласит кумыкский обычай.

Из числа сала-узденей назначались судьи и другие представители бекской администрации. Браки сала-узденей, как и беков, совершались преимущественно в среде равного сословия⁴, и дети сала-узденей от чагаров и каравашек назывались тувма, т. е. незаконнорожденными и не имели права на такую же часть в наследовании недвижимым имуществом, какое имели дети от равного брака. Если сала-узденя вступал в брак с дочерью ставшего известным и богатым дегерек-узденя, или «отдавал свою дочь за дегерек-узденя, причем брался с дегерек-узденя двойной

¹ Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Кумыки. СПб, 1895, стр. 229—230.

² Леонтович. Указ. соч., стр. 191.

³ Управление жителей присулакского наибства по их местным адатам, л. 43.

⁴ Раздел о кумыках. Права сала-узденей по обычаю. ЦГА Грузинской ССР, арх. 84, оп. 80, 1871.

калым, то за браки эти первостепенные уздени подвергались упрекам своего сословия»¹.

О стремлении сохранить престиж и положение сала-узденя в кумыкском обществе свидетельствуют и другие факты. В «адатах кумыков», опубликованных Леонтовичем, говорится, что если сала-узденя по бедности потеряет свое состояние и не будет пользоваться соответствующим авторитетом в народе, «то он исключается из своего сословия и поступает в разряд второстепенных узденей»². В этом именно и видно стремление всеми возможными силами сохранить то промежуточное положение, которое сала-уздени занимали между классом феодалов и основной массой узденей.

Сала-уздени исполняли обязанности посланцев и представителей кумыкских беков, участвовали в важных переговорах с соседними государствами, посредничали в спорных делах своих владельцев с другими владельцами. Можно привести такой пример. Эрпелинский правитель Будайчи и уцмий не имели непосредственных связей с Россией. Решив установить такие связи, они обратились к посредничеству Чупан-шамхала. Приняв на себя роль посредника, шамхал посылает в Москву своего узденя по имени Блишука Горшешева³.

Имена эндреевских узденей Бабатая Лачинова,⁴ Атая Уразакса, Аджиева-Уняшева⁵ и многих других в русских дипломатических документах XVIII века фигурируют очень часто.

По мере дальнейшего развития феодальных отношений положение сала-узденей укреплялось, и они становились той силой, на которую опирались кумыкские феодалы в их внутренних и внешних предприятях. За свою службу сала-уздени от князей получали движимое и недвижимое имение⁶.

§ 5. МУРЗА

К кумыкскому классу феодалов надо отнести и мурз. Определить их место и роль довольно трудно. В печатной литературе и в официальных документах, относящихся к периоду после XIX века, о мурзах ничего не говорится. В многочисленных материалах комиссии по сословно-поземельному устройству насе-

¹ Раздел о кумыках. Права сала-узденей по обычаю. ЦГА Грузинской ССР, арх. 84, оп. 80, 1871.

² Леонтович. Указ. соч., стр. 192.

³ Указ тайного советника П. А. Толстого к генерал-майору Кропотову от 28 октября 1723 г. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Сношения России с Персией», д. № 9, л. 2.

⁴ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Кумыкские дела», д. б/п. 1723.

⁵ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Дела Эндреевской деревни», лл. 8—9. 1721, д. № 2, лл. 1—2.

⁶ Адаты жителей Кумыкской плоскости. ССКГ, вып. IV, 1872, стр. 20. См. также П. Гаврилов. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. ССКГ, вып. II, стр. 40.

ления Кавказского края мурзы также не числятся в списке дворянского сословия. Вместе с тем для рассматриваемого периода в показаниях русских посланников мурзы фигурируют как кумыкская знать и официально выступают от имени своих владельцев, при этом слово «мурза» в них употребляется как признак знатности.

Дворянин Лопухин А. И., возвращаясь в Москву, остановился в Дербенте, ожидая прибытия прикрытия для следования до Тарков. 16 апреля 1718 г. к Лопухину явился родственник Адиль-Гирея Аджи Чолпуг. При нем находились мурза и одиннадцать человек охраны. Аджи-Чолпуг, готовясь к сопровождению Лопухина, поставил условие, чтобы тот списался с терским комендантом, чтобы «мурзу Мамета освободил для проезда нашего, дабы от детей его нам остановки в дороге не было за то, что их отец сидит на Тереке»¹.

18 декабря 1720 г. комендат Терской крепости Заозерский в челобитной на имя астраханского губернатора Вольнского сообщает, что к нему явились «терские кочевые мурзы Салманса Чимурзин да Екетемир мурза» с извещением, что «кумычане и ногайские мурзы»² готовятся к нападению на городок Терек.

В донесении Кавказского комиссариата в государственную посылскую канцелярию говорится, что в Казань «прибыл Адиль-Гиреев мурза Бамат Алыпкачев и при нем узденей пятнадцать человек...»³.

Таким образом, в мурзах надо видеть определенную прослойку господствующего класса. То, что мурзы в XVIII веке в Кумыкии были — это бесспорно. Бесспорно и то, что мурзы были и у соседних ногайцев. Теперь остается выяснить другой вопрос: экономическое и правовое положение мурз у шамхала и беков, потому что мурзы были и у тех, и у других. Здесь одно несомненно, что мурзы не могли принадлежать ни к шамхальскому, ни к бекскому домам, хотя стояли ближе к ним, чем, например, сала-уздени и были более почетны. Установить происхождение слова мурзы в Кумыкии по материалам, которые нам доступны, пока что невозможно. Но если учесть, что мурзы у всех тюркотатарских народов этого времени считались дворянами, то можно строить предположения и в отношении кумыкских мурз. Можно полагать, что термин «мурза» — остаток господства татаро-монгольской эпохи. Носители этого звания очевидно в свое время занимали видное место, но с течением времени потеряли его. Так, повидному, было и с кумыкскими мурзами. Еще в XVIII веке они продолжали свою роль в прежнем наименовании, но впоследствии совершенно растворяются в общей массе первостепенных узденей.

¹ Запись в журнале дворянина Лопухина, л. 23.

² ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Кумыкские дела», 1720, д. № 2, л. 8.

³ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Кумыкские дела», 1719, д. б/н, л. 1—2.

§ 6. О ДУХОВЕНСТВЕ

К числу неизученных вопросов относится и вопрос о месте и роли мусульманского духовенства в общей системе кумыкского феодального общества и вообще в Дагестане. Касаясь Кумыкии, мы можем сказать об этом очень немного. Несмотря на то, что все, что до нас дошло о Дагестане, в большинстве своем писалось духовными лицами, мы не находим в этих источниках отражения роли мечети. Сведения имеются только отрывочные.

У шамхала Тарковского в это время мы находим в качестве везира шейха. Надо полагать, что он и был главным духовным лицом, если не для всей Кумыкии, то по крайней мере у шамхала.

На местах в больших селениях сидели кадии и муллы, в малых — один мулла. Мечети имели свои земли. Распоряжались ими кадии и муллы, и весь доход использовали на нужды мечети и обслуживающего персонала. Земли обрабатывались крестьянами. Кроме того, мечети имели доход от «вакуфных» земель и «заката», т. е. $\frac{1}{10}$ сбора урожая крестьянина. В зависимости от общего наличия скота в пользу мечетей выделялся также крупный и мелкий рабочий скот.

б) Класс крестьянства.

§ 1. ДОГЕРЕК-УЗДЕНИ

Класс феодально-зависимого сельского населения у кумыков, как говорилось выше, распался на четыре группы. Наиболее многочисленной группой крестьянства были догерек-уздени¹. В буквальном переводе с кумыкского это означает «круглый», «полный» уздень. По русским источникам они проходят под наименованием второстепенных узденей.

Догерек-узденями назывались крестьяне северной Кумыкии. Чаще всего так называли эндреевских, костековских и аксаевских кумыков. Догерек-уздени составляли основную массу феодально-зависимого сельского населения Кумыкии. Они не были прикреплены к земле, хотя и считалось, что они жили на землях, принадлежащих князьям или первостепенным узденям на известных условиях, т. е. платили первыми в году известную подать; сверх того выходили на сгон, т. е. на сенокосы и проч.; барщины не отправляют»². Догерек-уздени могли переходить от одного феодала к другому. В некоторых случаях они при таком переходе теряли свои дома и земли.

Это нашло свое отражение и в кумыкских адатах. Бек не мог убить догерек-узденя, как и сала-узденя, но если это случалось,

¹ Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. ССКГ, вып. II, стр. 38.

² Леонтович. Указ. соч., стр. 192.

«то он сам не выходил в канлы, а в качестве такового отправлял одного из своих узденей, равного убитому, который оставался в канлы в течение одного года. Если этого подложного канлы родственники убитого не могли убить в течение этого года, то тот возвращался домой»¹. Сравнение обязательств, которые бек нес по канлы в отношении к сала-узденям и догерек-узденям, говорят о резкой противоположности. По отношению сала-узденя бек должен был сам на два месяца уйти в канлы, дать вознаграждение родственникам убитого и сделаться им молочным братом, а здесь все дело заканчивалось простой подменой бека узденем.

Некоторые свидетельства говорят о том, что догерек-уздени могли иметь и рабов.

Матвей Андриянов, бывший в 1720-х годах в плену у горцев, в своих показаниях, данных им в терской канцелярии, свидетельствует, что эндреевские жители «на многих дворах» имеют «ясырей по семи на двор»². Надо полагать, что в числе «многих дворов» были и дворы догерек-узденей и кара-узденей, имевшие рабов.

Некоторые догерек-уздени имели не только рабов, но и чагаров и по своему положению приближались к салам-узденям, «Второстепенный уздень,— говорится в адатах кумыков,— если приобретает состояние и землю, может сделаться первостепенным узденем»³.

У догерек-узденей был еще один путь сближения с первостепенными узденями. Это браки догерек-узденей с дочерьми салаузденей. Дети, рожденные от такого брака, «причислялись к первостепенному узденскому сословию, но в народном имени долгое время удерживалось в памяти их коренное происхождение»⁴.

Однако, возможности перехода из категорий догерек-узденей в сала-уздени были незначительны. Наоборот, в XVIII веке происходил дальнейший процесс дифференциации среди догерек-узденей и переход крестьянской земли в господскую, в результате которого часть узденей закабалялась и закрепощалась, превращаясь в чагаров⁵.

§ 2. КАРА-УЗДЕНИ И АЗАТ-УЗДЕНИ

Кара-уздени и азат-уздени у кумыков составляли третьестепенную группу узденей. Само название кара-уздень по-кумык-

¹ Манай Алибеков. Указ. соч., стр. 13.

² ЦГАДА, ф. колл. ин. дел, д. № 3. «Сношения России с Персией», 1722, л. 10.

³ Леонтович. Указ. соч., стр. 192.

⁴ Краткие сведения о привилегированных и прочих сословиях в части северного Дагестана. ЦГА Грузинск. ССР, арх. канц. наместника Кавказа за 1869 г., св. № 8715, л. № 42, л. 9.

⁵ Т. Макаров. Кумыкский округ. Газ. «Кавказ», № 78, 1860.

ски «черный уздень» свидетельствует о наличии отличия последних от догерек-узденей. Правда, по адатам кумыков в положении догерек-узденей и кара-узденей в таких вопросах, как землепользование, отношения к бекам и сала-узденям, переход от одного господина к другому — нет особой разницы. Однако, это только видимая правовая общность. Если же взять такой вопрос, как бракосочетание между догерек-узденями и кара-узденями, то выясняется, что, хотя брак и допускался, но догерек-уздень ни за что не соглашался, «чтобы сын его взял дочь третьестепенного узденя»¹. Разбогатевший догерек-уздень мог сделаться сала-узденем, а кара-уздень был лишен этой возможности. Он не мог сделаться не только сала-узденем, но никогда не мог попасть даже в разряд второстепенных узденей, «хотя бы он приобрел поземельную собственность»².

В число третьестепенных узденей входили также азаты. В понятии кумыков «азат» означало: «свободный»³. Освободившимися азатами были бывшие рабы, вольноотпущенные. Отпуская своего раба на волю, феодал обыкновенно давал письменный документ, засвидетельствованный кадием и двумя свидетелями. Если феодал отпускал своего раба за деньги, то откупные деньги обыкновенно отдавались кадию, который, удержав десятую долю, т. е. закат, передавал их феодалу уже по совершении вольной⁴. Потомки вольноотпущенников в четвертом поколении переходили в сословие третьестепенных узденей или людей свободных.

Несомненно, кара-уздени были разновидностью догерек-узденей, и кара-уздени, азат-уздени, по мере дальнейшего развития феодальных отношений, переходили в разряд крепостных крестьян.

§ 3. ЧАГАРЫ

Происхождение названия чагар одни пытаются объяснить от кумыкского слова чикмак, означающего «выходить», «выходец», другие — чагар стараются вывести из племенного названия. Сторонники второго объяснения утверждают, что некогда чагары составляли одно племя, которое, оказавшись побежденным, стало называться чагарами. В доказательство обычно приводится топонимия — наименования населенных пунктов Чагары, Тумани, Буранги. Нам думается, что оба эти объяснения не противоречат друг другу, а находятся в полном согласии. То, что в горах горец испытывал страшное безземелье и в течение всей истории на этой почве с гор на плоскость происходило выселение, — это бесспорный факт. Бесспорно и то, что на почве кан-

¹ Леонтович. Указ. соч., стр. 192.

² Там же.

³ У даргин «азаток» выражает тот же самый смысл.

⁴ Дубровин. Указ. соч., стр. 626.

лы горцы вынуждены были уходить с родных мест и селиться в отдаленных местах. Все они шли на кумыкскую землю и по нужде селились на владельческих землях на кабальных условиях, приволивших их в конце концов к феодально-зависимому положению. Таким путем и образовалась у кумыков особая группа крепостных крестьян под названием чагаров¹. Впоследствии источником пополнения чагар стали рабы и рабыни, отпущенные с господского двора для обзаведения собственным хозяйством на земле феодала и находившиеся на положении феодально-зависимых крестьян. А. Бакиханов писал, что «в Дагестане есть деревни и отдельные семейства из купленных ими военнопленных под названием чекар (потомственные невольники); они могут быть продаваемы владельцами по одиночке или семействами и находятся в полном их распоряжении. Владелец, убив такого раба, ни перед кем за это не отвечает. Убийца чекара не подвергается кровомщению, т. п.»².

В рассматриваемый период чагары по своему составу не были однородны, они также делились на первостепенных и второстепенных. К числу второстепенных чагар относились гергенчилары, т. е. пришельцы в более позднее время, но особой разницы между двумя этими группами не было, если не считать, что первостепенные чагары жили в этих местах с незапамятных времен, крепко сидели на земле, имели более самостоятельное хозяйство, а некоторые даже рабов.

Как первостепенные, так и второстепенные чагары были крепостными крестьянами³. Кроме тех повинностей, которые несли догерек-уздени, они несли ряд дополнительных, вероятно, произвольно определяемых феодалами. Часть чагаров жила в господском доме, занимаясь домашними и полевыми работами, а большинство сидело отдельными поселенцами на земле феодала. Чагар не имеет права, «не откупившись, оставить землю того хозяина, у которого он живет»⁴, — говорится в адатах кумыков. Источником пополнения чагар служили обедневшие закабаленные кара-уздени и азаты.

Положение второстепенных чагаров было тяжелее, нежели первостепенных. Во время кровной мести «на волю отпущенный убийцей холоп» (под холопом мы подразумеваем чагара, крепостного), должен был вносить денежную или натуральную плату

¹ Лично зависимые сословия в Дагестане. ЦГА Грузинск. ССР. Комиссия для окончания сословно-поземельных дел в частях Кавказского края военно-народн. упр. 1866, д. № 9, лл. 28—32.

² А. Бакиханов. О классах дагестанских горцев. Приложение, Ц. П. Агаян. А. Бакиханов. Баку. 1948, стр. 168.

³ По делу освобождения зависимых в Кумыкском округе. ЦГА Грузинск. ССР. Ком. для оконч. сословно-позем. дел в частях Кавказск. края. 1866, д. № 9, стр. 84—88.

⁴ Леонтович. Указ. соч., стр. 193.

«наравне с двоюродным братом» и столько же «вносят кровные родственники его»¹.

И первостепенные и второстепенные чагары считались крепостными крестьянами. Согласно бийскому адату они считались находящимися во власти своего господина, которому было предоставлено полное право наказывать их, казнить, продавать с семьей или отдельно, разлучая мужа от жены, детей от матери².

§ 4. КУЛЫ

Кроме вышеуказанных групп узденей и чагар, у кумыков существовали рабы. Назывались они кулами (мужчины) и каравашками (женщины).

Первоначальным источником появления кулов несомненно были военнопленные — «ясыри». Компактного поселения рабов целыми населенными пунктами в Кумыкии, как это было в других частях Дагестана, не имелось. Число кулов в Кумыкии еще в XVIII веке было значительное. Из материалов, относящихся к этому времени видно, что кулы имелись у шамхала и его приближенных — беков, сала-узденей, должностных лиц, просто узденей и даже у чагар. Показаниями Матвея Андрианова, когда он говорит, что «на многих дворах видел человек восемь на дворе» людей, принадлежащих к категории рабов, это вполне подтверждается³. То же самое устанавливается и по имеющимся росписям тарковских и дербентских «ясырей» (невольников) на 28 августа 1722 г. «В росписи ясыров, которые из Тарков взяты и которые почем куплены», перечисляются фамилии 16 владельцев рабов. В бытность Петра I в Тарках у шамхальского везира было взято 27 «ясырей» христиан.

А. Бакиханов свидетельствует, что дагестанские феодалы «имели право располагать своими пленными, как крепостными людьми. Могли продавать, дарить, завещать и прочее»⁴. Продажная цена раба была самая пестрая — от 30 до 100 рублей. Назир шамхала Садик продал «2 ясырей женского пола с двумя детьми» за 200 рублей⁵. Обычная же цена раба, как это видно и из «Росписи дербентских ясырей», не превышала в начале XVIII века 40—50 рублей. Лишь молодые рабыни особой красоты имели более высокую цену. Так, в «Росписи дербентских ясырей» зна-

¹ Леонтович. Указ. соч., стр. 214.

² Кумыки, их права, обычаи и законы. Газ. «Кавказ». № 37. 1846.

³ ЦГАДА ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 3, 1722, л. 10.

⁴ Бакиханов. О классах дагестанских горцев, стр. 165.

⁵ Роспись ясыров, которые из Тарков взяты и которые почем куплены, ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 13, 1722, л. 76 и на обор.

чится: «Ашура Далмачева ясырь цена 402 руб.»¹. Цена на ясырей к концу XVIII века возросла от 150 до 450 руб. Главными покупателями «ясырей» были «магометанские купцы, приезжающие из Константинополя и из Анапы...»². Еще в начале XIX века жители Аксаево и Эндреевского владений сами приезжали в Анапу с группой рабов и рабынь³.

Несмотря на значительное количество кулов, рабская эксплуатация у кумыков носила домашний характер. Кумыкские феодалы имели полную власть над кулом, они могли казнить его, продать с семьей или отдельно, разлучить мужа с женой, мать с детьми. По адатам присулакских кумыков за убийство кула взывалась в пользу бека «только ценность кула»⁴. Жили кулы при дворах владельцев. Одна часть из них составляла из дворовых слуг, молодые красивые каравашки исполняли обязанности наложниц своего господина, а другая часть работала на поле в хозяйстве феодалов. Все, что они получали от обработки земли, целиком и полностью шло их хозяевам. Кул, посаженный на землю, в любое время мог быть отозван для выполнения домашних услуг при дворе шамхала, бека и сала-узденя. К концу XVIII века число кулов, прикрепленных к земле, начинает увеличиваться. Кул, посаженный на землю, очевидно, быстро превращался в чагара.

4. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

§ 1. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Как уже говорилось выше, в XVIII веке кумыки не имели единого государственного устройства. Вся их земля была раздроблена на ряд более или менее крупных бийликов — княжеств: 1) шамхальство тарковское, 2) буйнакское, 3) эндреевское, 4) аксаевское, 5) костековское, 6) эрпелинское, 7) карабудахентское и 8) казанищенское.

Таким образом, отличительной чертой политического строя Кумыкии в XVIII веке являлось не только наличие феодальной раздробленности, но и усиление этого дробления на более мелкие бийлики. Причем это дробление продолжалось вплоть до присоединения Дагестана к России.

В смысле территориального устройства бийлики были обособлены друг от друга, и князья их вели независимую друг от друга внешнюю политику. Некоторые из них, такие, как владельцы буйнакский, казанищенский и эндреевский конкурировали с шамхалом. Сын прежнего шамхала с двумя своими наследниками на-

ходил в России и упорно добивался престола в Тарках. В августе 1722 г. владельцы Северной Кумыкии писали Петру I: «Адиль-Гирей был шаха персидского, турецкого султана подданный, а мы, отцы и дети наши — рабы вашего величества. Адиль-Гирей шамхал фамилия не честная и годами не старше нас, но с нами фамилиею равен, а годами я, Султан-Маамут, его старше»¹. Но без оснований Адиль-Гирей писал Петру I: «Мне кумыкские владельцы не друзья»². Большинство кумыкских феодалов имели свои таможенные границы и строго оберегали их от своих соседей. Не легко приходилось приезжим лицам из других государств. Русский посланник в Персию А. П. Волынский в 1715—1718 гг. жалуется на жестокие порядки, в частности, у шамхала. Он говорит, что шамхальцами «великие пакости чинятся купцам российским, понеже, когда случатца в пути нищастие какому судну и прибует погодою к берегам шефкальским..., то оные не только товары их разграбят, но и людей всех поберут в плен, что у них лучший промысел, и потом распродадут как в Персию, так и в Крыму и в прочие места»³.

Среди кумыкских бийликов шамхальство по всей обширности занимало первое место, и князь из Тарков пользовался большим политическим влиянием не только в самой Кумыкии, но и в других частях Дагестана. Не случайно то обстоятельство, что персидские шахи и турецкие султаны в течение XVII—XVIII веков усиленно добивались расположения, в первую очередь, именно шамхала Тарковского, «Шамхал при дворе шаховом был всегда в великом почтении»⁴, — говорит Густав Гербер. В дни торжеств шамхалу отводилось у престола шаха одно из первых мест. Шамхалы действительно в это время «имели великую власть и почтение и очень многие вольности и преимущества»⁵.

С начала XVIII века шамхалы начинают усиливать связь с соседними северными владениями. В этом была заинтересована и Россия. Петр I проявляет особый интерес к Дагестану и особенно к кумыкскому владельцу — шамхалу.

Затем последовали обращения шамхала Адиль-Гирея к Петру I с просьбой о принятии его в российское подданство.

19 января 1720 года, согласно «царского величества указу», было определено Адиль-Гирею «жалование» в таком же размере, какое до этого кумыкские шамхалы получали «от шаха персидского». Адиль-Гирей был утвержден в достоинстве шамхала кумыкского. Его сына поставили «над Аухом и Черкесом бе-

¹ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 23, 1722, л. 12.

² Письмо Адиль-Гирея к Петру I от 30 сентября 1722 г. д. № 17, 1722, л. 82.

³ Е. Зевакин. Указ. соч., стр. 16.

⁴ Гербер. Указ. соч., стр. 36—37.

⁵ Там же, стр. 35.

¹ Роспись дербентских ясырей, там же, лл. 74—75.

² Броневский. Указ. соч., т. 2, стр. 199; см. также АКАК, т. I, стр. 756.

³ ЦГА Груз. ССР, ф. 8, д. № 10, лл. 102—103.

⁴ Управление присулакского наибства по их местным адатам, л. 43.

ком»¹, и послано с кумыкскими людьми «к нему Адиль-Гирею во знак его государственной милости «подарков» на три тысячи рублей»².

Покровительственная политика Петра I по отношению к кумыкским князьям связана была с планом завоевания побережья Каспийского моря. Особенно оживленные сношения с Кумыкией развились к началу 1722 г. в связи с готовившимся персидским походом Петра I. Обращение Шамхала к России и связи, установившиеся между Петром I и шамхалом, в значительной степени способствовали смелому предпрятию Петра на Кавказе.

По приказанию Петра I на землях кумыков была построена крепость Святой Крест, что в дальнейшем явилось поводом для недовольства шамхала Россией. На «Сулаке были славные деревни» — писал Адиль-Гирей Петру I 28 марта 1724 года, — от которых он «имел великие доходы», «питался». «Ныне генерал-майор Кропотов у меня отнял...»³.

Через три года по подстрекательству турок Адиль-Гирей изменил Петру I и напал на крепость Св. Крест с 30-тысячным войском, собранным со своего владения, во владения Буйнакском и от акушинцев. Нападение это было отражено русским гарнизоном, но вызвало недовольство при царском дворе.

В последующей войне Адиль-Гирей был разбит генерал-майором Кропотовым, «земля его вся разорена»⁴, а шамхал Адиль-Гирей, который явился в русский лагерь с повинною, был взят «под арест и отослан в Россию»⁵, откуда был отправлен в ссылку в гор. Колу, где и умер. По приказанию Петра I звание шамхала было уничтожено и поручено «всею землею Адиль-Гирея управлять генералу, начальствующему в крепости Св. Креста»⁶. Это продолжалось до Ганжинского трактата 1735 года.

От выступления шамхала против Петра пострадали и другие кумыкские князья. Вплоть до 1729 года содержался в крепости Святой Крест буйнакский князь Мехти Муртазалиев, а до этого в аманатах был его брат Будаи Муртазалиев. Однако, спустя пять лет буйнакский владетель сумел восстановить доверие к себе. Мехтибеку и братьям его Сурхай-шамхалу и Султан-Мурату было установлено даже жалование от царской казны.

Шамхальство Тарковское и звание шамхала были восстановлены несколько позже, в период завоеваний Надир-шаха. Он назначил шамхалом своего ставленника сына Адиль-Гирея—Хас-

булата. Персидский шах, восстановив Хасбулата в звании шамхала, дал ему кроме того и титул валия дагестанского.

После смерти бездетного Хасбулата в шамхальстве Тарковском начались династические споры. В конце концов шамхалом сделался двоюродный брат Хасбулата—Мехти, который в 1765 году передал власть своему сыну Муртазали. В 1776 году шамхал Муртазали вступил в российское подданство. С этого времени начинается непрерывная и неизменная верность шамхалов России¹.

Возвращаясь к вопросу об отношениях шамхала Тарковского ко всем остальным феодалам Кумыкии, следует указать, что хотя посол шамхала в Москве говорил, что Адиль-Гирей «в Таркове живет князем и владеет над всеми кумыками»,² для такого утверждения не имелось никакого основания. Шамхал являлся обладателем лучшей части кумыкской земли, владения его были обширны, в сравнении с любым другим кумыкским князем он был бесспорно сильнее, но властью над всеми кумыками он ни в начале, ни в конце XVIII века не обладал. В более раннюю феодальную эпоху шамхалы, как об этом свидетельствуют источники, действительно обладали всей Кумыкией и им принадлежала вся полнота власти не только в особенном владении, но и на территориях их вассалов-беков. Позже власть шамхала как феодального монарха суживалась рамками его собственного домена.

Кумыкские князья — эндреевские, костековские, аксаевские, эрпелинские, казанищенские и другие, — давно выйдя из вассальной зависимости от шамхала, присвоили себе титул самостоятельных владельцев вели смертельную борьбу против шамхалов.

Такая внутренняя ситуация вечной вражды и раздробленности Кумыкии на бийлики была наружу персидским шахам, турецким султанам и русским царям в их внешне-политических делах.

На протяжении XVII—XVIII вв. шамхалы делают неоднократные попытки восстановить былую свою власть над Кумыкией. Для этого они прибегают к покровительству то Персии, то Турции и, наконец, России, но безрезультатно — стремления шамхалов Тарковских в XVIII веке объединить все кумыкские земли под свою власть не имели успеха.

Таким образом, Кумыкия до начала XIX века оставалась феодальной страной, раздробленной на ряд бийликов — княжеств, экономически изолированных друг от друга.

§ 2. ОРГАНЫ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

Отсутствие у кумыков единого государственного устройства сказалось на характере организации высших органов власти и управления.

¹ Шамхалы Тарковские, стр. 61.

² Донесение кумыцкого посланца Мамат-бега Алыпкачева. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Кумыкские дела», д. 6/п., л. 55.

¹ Постановление колл. ин. дел по предложению кумыцкого шамхала Адиль-Гирея. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Кумыкские дела», 1719, д. 6/п., л. 104.

² Запись по указу Петра I кумыцкому шамхалу Адиль-Гирею, там же, л. 106.

³ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 2, 1724, л. 20.

⁴ Гербер. Указ. соч., стр. 9.

⁵ Там же.

⁶ Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 300.

Анализ устройства центральных органов власти и управления всех кумыкских владений для столь мало изученной области, как история кумыкского народа, представляет несомненный интерес. Большинство кумыкских княжеств имеют много общего между собой, поэтому достаточно будет показать институты княжеской власти в том из феодальных владений, в котором эти институты получили в рассматриваемое время наибольшее развитие. На наш взгляд таким типичным феодальным владением является шамхальство Тарковское, на фоне которого можно показать и наиболее характерные моменты, имевшиеся в других бийликах.

Рассмотрим, какие органы власти и управления были в шамхальстве Тарковском.

Во главе владения, в которое входили 24 ногайских населенных пункта и 14 кумыкских, стоял шамхал. Он имел свое местопребывание в «городе»,¹ насчитывавшем «дворов тысячи с полторы»².

У Гербера³ есть ценное указание о том, что дворец шамхала защищен башнями и занимает выгодное местоположение. Но это указание не дает еще представления о власти шамхала.

Обычно, когда говорят о шамхале, ему приписывают ничем не ограниченную власть не только внутри его владений, но и за их пределами. Нам думается, что это — ошибочный взгляд. Дело в том, что, хотя Кумыкия — эта преимущественно плоскостная часть Дагестана — менее тяготела экономически к центральному Дагестану, но она находилась в окружении населения, переживавшего период полупатриархальных, полуфеодальных отношений, и в тесной связи с ним. Кумыки — это те же коренные жители Дагестана, и, следовательно, кумыкская земля, как замкнутая, особая территория, не могла развиваться своим путем в отличие от остального Дагестана. И если говорить о какой-то разнице, то эта разница состояла в том, что эта часть Дагестана в социально-экономическом развитии ушла дальше, чем, например, нагорная часть Дагестана.

Понятно, что без учета всего этого нельзя подходить к оценке общественного положения того или иного кумыкского феодала. Только в свете этого и можно понять заявление шамхала посланнику Петра I дворянину Лопухину о том, что, хотя кумыки его подданные, но «сильно у нас люди вольны, сегодня меня слушают, а завтра к другому владельцу уйдут»⁴. В другом месте Лопухин от себя, как подтверждая сказанное шамхалом, заключает, что подданные, находящиеся под властью Адиль-Ги-

рея, — «люди очень вольные, его самого мало слушают и промежуток между ними живут драки частые и убийства, что и при нас было...»¹. Понятно, что так называемые «вольные люди», которые могли свободно переходить от одного владельца к другому и чинить беспорядки там, где имелся властелин, не были случайным явлением. Они являлись силой, которая имела определенный вес в кумыкском феодальном обществе и оказывала давление на шамхала, как феодального владыку.

Чтобы лучше уяснить своеобразные стороны политической жизни кумыков, обратимся непосредственно к выяснению вопроса о власти кумыкских князей, в частности, власти шамхала Тарковского. Здесь мы должны отметить прежде всего почти полное отсутствие сложной системы вассалитета, административных учреждений и суда. Самым высоким лицом, объединявшим в себе функции государственного управления и суда во владении Тарковского, являлся сам шамхал. Кумыки тарковские «не подданные ни Турции, ни Персии, — свидетельствует участник Петровского похода в Дагестан, — а управляются шамхалом, который и есть их глава. Его сан не наследственный, а выборный»². В силу установившихся традиций ни один из избранных в Тарках шамхалов не мог быть признан, если акушинцы, главное даргинское вольное общество, не признает его. В дни избрания нового шамхала акушинцы посылали в Тарки свою депутацию и проводили коронацию нового владыки. Церемония эта заключалась в том, что депутаты «вольного народа» сажали шамхала на специально для этого устроенный четырехугольный камень и затем одевали на избранника шапку в виде короны.

Почему вольное общество должно было короновать шамхала и с какого времени это вошло в практику, прямых указаний на этот счет ни в одном источнике не имеется. Олеарий, который дал описание Тарков и церемоний избрания шамхала, ничего об этом не говорит, а свидетельствует даже о другом порядке избрания³. Но именно тот порядок престолонаследия, о котором мы говорим, нашел отражение в русских источниках. Ценно, что проник он в эти источники не через посредство позднейших преданий, а благодаря записи официальных лиц, побывавших в Дагестане в конце XVIII века. Об этом факте майор Федор Симо-

¹ ЦГАДА, ф. МИД. «Сношения России с Персией», 1718, д. № 1, л. 40.

² Дневник участника похода Петра I в Дагестан. Рукопись, перевод с немецкого языка на русский язык, найдена в 1941 г. в архивном фонде Министерства земледелия Дагестана и передана С. В. Соколовой в Дагестанский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

³ У Олеария сказано: «В этой стране (т. е. в Дагестане—Р.М.) имеются различные князья; почти в каждом городе имеется особый, а главный из них именуется шамхал (у нас звали его шевкалом); это как бы царь между нами, избираемый бросанием яблока. Когда его избирают, все мурзы или князья должны сойтись в круг, а священник бросает вниз позолоченное яблоко; в кого оно попадает, тот становится шамхалом. См. указ. соч., стр. 485—522.

¹ Речь идет здесь о резиденции шамхалов Тарки, которую источники часто называют городом.

² Запись в журнале дворянина Лопухина А. И., л. 45.

³ Гербер. Указ. соч., стр. 35.

⁴ ЦГАДА, ф. МИД. «Сношения России с Персией», 1718, д. № 1, л. 40.

нович и Авостьян Серебров, побывавшие в 1796 году в Дагестане, говорят в своем «Описании Северного Дагестана»: «Во время нового преемника шамхальского достоинства акушинцы посылают несколько чиновников в Тарки и по приезде их сажают его на камень четверугольный, и по окончании сей церемонии шамхал, вставши, дарит их по его рассмотрению и в то время уже признан будет от всех народов шамхалом»¹.

Вела ли подобная система возведения акушинцами тарковского владельца в сан шамхала к ослаблению его власти, или же она способствовала ее укреплению к возвышению? Думается, что правильнее будет последнее, — по крайней мере в народных представлениях и у кумыков, и у даргинцев отражены приблизительно такие же взгляды. Из истории же известно, что на акушинский союз вольных обществ в Дагестане смотрели как на довольно многочисленное по людским резервам и сильное по своей военной организации общество. Заручиться у такого общества поддержкой и получить эту поддержку во время избрания шамхала было делом немаловажным. Хотя факт общего признания вновь избранного шамхала «всеми», как говорят Симонович и Серебров, народами не давал ему силы власти за пределами плоскостной Кумыкии, но в тогдашней обстановке Дагестана политически тарковский владелец от этого выигрывал очень много.

То, что шамхал выбирался со всеми почестями, нам удалось установить точно. Теперь возникает другой вопрос: была ли власть шамхала наследственной, мог ли он по наследству передать достоинство шамхала своему сыну или другому родственнику по своему усмотрению?

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует снова обратиться к той обстановке, при которой происходило избрание шамхала. Известно, что шамхала избирали на собрании знатных кумыкских биев, мурз, кадиев и других почетных лиц с участием акушинцев. Шамхалом по установившемуся обычаю избиралось обычно старшее лицо из тарковского дома. На этом же собрании одновременно с шамхалом намечался его будущий преемник, называемый «ярим-шамхалом», имевший свою резиденцию в Буйнаке, неподалеку от Тарков. Именно о таком порядке избрания свидетельствуют участники петровского похода в Дагестан. Они считают, что шамхалы были избираемы, а не наследственными и что в Буйнаке имеется преемник шамхала, который находится с ним в постоянной усобице.

Обычно в преемники шамхала избирался один из его сыно-

¹ Описание Северного Дагестана. ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 18474, л. 13; описывая дворец шамхала И. Н. Березин, который побывал в Тарках, в своей книге «Путешествие по Дагестану и Закавказью» пишет об этом камне следующее: «Подле бассейна лежит небольшой серый камень; это трон шамхала, на котором он судит и рядит своих подданных, на котором и коронуются новые владельцы Тарху». (стр. 75).

вей, но в начале XVIII века наследником шамхала был брат Адиль-Гирей Муртузали, а в 1796 г. в Буйнаке сидел снова сын шамхала по имени Мехти¹. В двадцатых годах XVIII века Муртузали Буйнакский всеми мерами стремился устранить своего брата Адиль-Гирея с шамхальского места. Для этого он прибег к помощи Персии, но безуспешно. Тогда он перешел под покровительство России, отдал в Тарки и Астрахань двух своих сыновей в качестве амманатов и не переставал чернить Адиль-Гирея перед русским начальством. 10 июня 1722 года, обращаясь с письмом к Петру I, Муртазали пишет об Адиль-Гирее: «брат мой, вашему величеству не друг... Прошу вашего величества милосердие надо мною показать и сим шамхальским чинном меня пожаловать, понеже будучи я большой Адиль-Гиреев брат, чин шамхальский мне надлежит»¹.

Нам думается, что наличие самого факта прижизненного преемника уже лишало шамхала права самолично распоряжаться престолонаследием. Власть шамхала, следовательно, не была наследственной.

Не может быть сомнения, что в Кумыкии очень цепко держались за сохранение этого установившегося порядка избрания шамхала и его преемника, а шамхалы старались нарушить его. Об этом говорят события в Кумыкии, предшествовавшие походу Петра I в Дагестан, и та борьба, которая разгоралась между кумыкскими феодалами в позднейший период. Шамхал на протяжении всего XVIII века стремился уничтожить ограничения, какими он был связан, и сделать свою власть наследственной. Этой политике противодействовали в первую очередь преемник шамхала, сидевший в Буйнаке, а затем и все остальные влиятельные кумыкские феодалы. К середине XVIII века традиции шамхальского дома стали рушиться. Старшинство при избрании шамхала перестало соблюдаться, и решающим фактором стала вооруженная сила и смелость самого шамхала. Но дальше этого шамхал не смог пойти даже при персидском шахе Надире, который утвердил его в достоинстве шамхала и всячески покровительствовал ему.

Только со времени проникновения русского царизма на Кавказ власть шамхала сделалась наследственной. Петр I во время своего пребывания в Дагестане отдает шамхалу, правда не надолго, в «управление два города: Дербент и Баку»², отдает «во владение земли и места: Султан-Махмута Утамышского»³ в 1800 году шамхал пожалован в чин генерал-лейтенанта с ежегодным жалованьем 6 тыс. рублей. К концу XVIII века шамхал настолько усиливался, что сумел даже на время захватить

¹ Описание северного Дагестана. ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 18474, л. 47.

² Письмо от шамхала Муртазали к Петру I. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Сношения России с Персией», д. № 17, 1722, л. 6.

³ «Лист» шамхала Адиль-Гирея к Петру I, там же, лл. 35—36.

⁴ Грамота Петра I к шамхалу Адиль-Гирею, там же, стр. 60.

Казанищенское владение, изгнав его владельца и сыновей¹. В 1806 г. Мехти-шамхал — не просто тарковский владелец, но и владетель Буйнакский и хан Дербентский².

Иначе обстояло дело в северно-кумыкских бийликах. Здесь высшая власть была сосредоточена в руках биев, беков. В столице каждого бийлика — в Аксае, Костеке, Эндрее из бекских фамилий имелся «особый совет»,³ на котором избирался без внешнего вмешательства «князь», «который по летам и по делам имел вес в народе»⁴. Он считался старшим беком. По кумыкским адатам, записанным Леонтовичем, известно, что в обязанности бекского совета входило «назначение судей для разбирательства дел по адату». На княжеском совете помимо этого «лежали распоряжения по всем требованиям и службам, касающимся деревни»⁵, а также других должностных лиц. Был ли этот совет состоящим из княжеских фамилий при князе⁶ или же князь являлся игрушкой в руках совета, об этом достаточно ярко говорят документы. Аксаевский владетель Ахмедов Муртазали заявил кавказскому начальству: «аксаевские владельцы и черный народ избрали меня»⁷. В 1809 году кизлярский комендант полковник Ахвердов писал своему начальству: «От 5 аксаевских владельцев имею письменное сообщение»⁸. В обращении тогдашнего главнокомандующего генерала Ермолова «к высокопоставленным князьям аксаевским и эндреевским» мы читаем: «заметив несогласие между владельцев, требую, чтобы старшему князю оказываемо было послушание и власть его была уважаема»⁹. Все эти документы свидетельствуют, что в каждом из владений — в Аксае, Эндрее и Костеке — имелось по несколько беков и из их среды избирался один старший, а остальные составляли совет.

Совет состоял из крупных замлевладельцев и отражал собой в какой-то степени интересы состоятельных верхов северокумыкского феодального общества. Только этим можно объяснить широкие полномочия совета и участие в избрании старшего бека «черного народа». Здесь мы не встречаем тех осложнений и обязательных процедур, какие наблюдались во время избрания шамхала. Было бы, конечно, ошибкой из факта упрощенности бекской власти делать вывод о зрелости феодальных порядков и о наличии у беков северной Кумыкии большей власти, нежели в шамхальстве.

¹ АКАК, т. 5, стр. 647—648.

² Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 301.

³ Леонтович. Указ. соч., ч. II, стр. 187.

⁴ Там же, стр. 187.

⁵ Леонтович. Указ. соч., ч. II, стр. 188.

⁶ Называя так правителей северной Кумыкии, я придерживаюсь терминологии официальных документов этого времени.

⁷ ЦГА Грузинск. ССР, ф. 8, № 10, л. 115.

⁸ Там же, д. № 194, лл. 60—61.

⁹ Там же, д. № 632, л. 15.

Шамхал Тарковский выполнял на территории своего владения все функции государственного управления и суда. В его руках находилась военная власть. Жил он во дворце, построенном на возвышенности над Тарками. Дворец «состоял из многих комнат и из просторной залы во вкусе персидском»,¹ с прекрасным фруктовым садом в окружении. Отсюда он управлял своим владением через своих беков, которые признавали своим главой шамхала и оказывали ему свое «послушание»². Власть шамхала по отношению к своим подданным была проявлением разновидности восточной деспотии. Ему принадлежало неограниченное право жизни и смерти и право на имущество своих подданных. Только по отношению к влиятельным узденям он должен был иметь снисхождение, на деле же и здесь шамхал и его дети могли чинить какие угодно насилия и издевательства. Тот самый Лопухин свидетельствует, что в бытность его в Тарках «Адиль-Гиреев сын убил одного узденя» ударом сабли, «человек этот был знатный, и Адиль-Гирей сыну своему слова не смел молвить»³.

О деспотизме и власти шамхалов по отношению к своим подданным свидетельствует письмо шамхала Мехти к джамаату сел. Параул. В письме говорится: «...вы являетесь моими подданными. Я силен, и мое наказание сурово... Знайте же, что все мяльки и земли селения Параул являются моими мялками и моей собственностью, и вы являетесь моими людьми. Я один распоряжаюсь вашим имуществом, мялками и вами самими. Все это в моих руках, и делаю я что желаю, кого хочу, того вознаграждаю. Вам незачем вмешиваться в мое дело»⁴. Письмо это было написано в связи с тем, что за усердную службу шамхал подарил некоему Омару дом в сел. Параул, а параульцы ненавидели Омара и в знак своего недовольства разграбили его дом. Шамхал, выговаривая параульцам, в наказание предложил доставить «немедленно в город Аймаки» 23 сажени дров. Письмо заканчивалось словами: «Если вы будете откладывать исполнение настоящего приказа или будете отговариваться, то я вас накажу самым суровым образом. Тогда будет поздно каяться».

О власти шамхала, основанной на насилии и жестокости, много рассказывается в народных песнях и сказаниях. В записи Манай Алибека «о насилиях, причиняемых народу шамхалом и князьями», говорится: «Шамхалы, князья жили как хозяева кумыков. Сколько народа погибло под их насилием — нет счета. «Убей его сейчас же!» — приказывал князь слуге, если кто ему приходился не по душе. Джамаат, поклонившись князю колени, непреклонно, просил разрешения убирать труп и погребать. Но

¹ Д. Белл. Указ. соч., стр. 170.

² Записки участника похода Петра I в Дагестан, л. 13.

³ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», 1718, д. № 1, л. 45.

⁴ Из письма шамхала к обществу сел. Параул.

труп оставался лежать на том же месте целую неделю, и родственники, смотря издалека, не могли подойти к нему близко. Когда же они подходили, слуга князя с криком «хирт»¹, бросая в них камни, прогонял. Так позорили и насмехались шамхалы над кумыками. Они убивали их на празднествах, во время увеселений. Поэтому народ желал шамхалам смерти: «чтобы твой род сгнил, сидящий на камне». Никакими словами нельзя передать страдания народа вследствие насилия шамхалов².

Участница персидского похода в 1796 году В. Бакунина сообщает, что ей показывали в Тарках «скалу с весьма наклонной вершиной», откуда «кидают по повелению шамхала преступников, т. е. тех, кто ему не нравится и чье имение он хочет конфисковать»³.

Только влиятельные вассалы и знатные феодалы могли воздействовать на шамхала, но не в такой степени, конечно, как в Северной Кумыкии, где Княжеская власть основывалась на сочетании с общинными порядками при полном отсутствии, видимо, еще не успевшего оформиться давления со стороны вассалитета.

Шамхал имел свиту из знатных лиц и нукеров. В сопровождении их он ходил на охоту, делал праздничные выходы, давал аудиенции. Когда в августе 1722 г. Петр I с армией своей подошел к границе Тарков, навстречу ему вышел «шамхал Тарковский князь с знатными дагестанскими татарами, у которого была большая свита, приветствовать государя в дагестанских владениях и предложить ему свою помощь, насколько это было в его возможности»⁴.

Несмотря на наличие дворца, свиты, приемов, выездов, мы все-таки не видим в Тарках сложного штата дворцовых чинов, на которых зиждилась бы вся система управления шамхальством. Можно предположить, что функция конюших, стольников, чашников и других лиц, которые должны были составить категорию влиятельных феодалов, выполнялись жулами, каравашками и наиболее ответственными нукерами.

Местных материалов, характеризующих государственные организации у кумыков, пока что не выявлено. Имеющаяся в московских государственных архивах дипломатическая документация дает лишь отрывочные сведения, из которых можно заключить об отсутствии в Кумыкии особых отраслей управления по сбору податей, по повинностям и финансам, по дипломатическим делам и военной организации. Тщательное изучение всех доступных нам материалов приводит к выводу, что весь аппарат центральной организации управления в самом большом кумыкском феодальном владении не превышал десяти человек. К чис-

лу их, в частности, относились следующие должностные лица: везир, дворецкий, назир и мирза¹.

Высшими сановниками шамхальства являлись везиры. При Адиль-Гирее их было трое: Мухамет-Салих, шейх Мухамед-Шериф и Гайдар².

Какие должностные функции возлагались на лиц, носящих наименования везир, назир и мирза, прямых указаний не сохранилось. Из переписки русских посланников и кумыкских феодалов в коллегии иностранных дел видно, что люди с указанными титулами в важных государственных делах выступают как вполне официальные лица.

Судя по тому, как обращались с этими чинами и как их награждали, следует полагать, что везир занимал первое место в кумыкской феодальной иерархии. Когда 6 августа 1722 г. кумыкские владельцы посетили Петра I на реке Сулак, с его стороны было «отдано жалование оставленному от Адиль-Гирея шамхала везиру на 100 руб. товарами и сукнами и мяжкой рухлядью...»³. Подарки, получаемые везирем, равнялись подаркам феодальным владельцам северной Кумыкии — Чолану и Мусалу. В этом мы видим равенство в их положении. Оно соответствовало тому высокому положению, какое везиру отводилось в шамхальстве.

Везир был вторым лицом после шамхала. Это подтверждается, в частности, обращением шамхала со специальным письмом к Петру I по поводу двух везирей об их награждении не только одновременно, но и об обеспечении их постоянным жалованием. 15 августа 1722 г. шамхал писал Петру: «Еще прошение к стопам вашего величества мое нижайшее было об моих двух везирей, а именно о шейхе Мухамут-Шерифе и Мухамет-Салихе, которым прежде всего от шаха бывало жалование, также и обнадежены они были, что и от вашего величества будут они удостоены вашего величества жалованием, тогда, когда придет в Терек астраханский губернатор; того ради ныне ваше императорское величество прошу, дабы повелено было оным определить свое императорское величества жалование»⁴. Такое ходатайство вызывалось, конечно, не добродушным отношением шамхала к везирям, не желанием просто выпросить для них как можно больше выгод, а тем, что везиры являлись правой рукой шамхала во всех его делах и особенно во внешне-политических. Мы встречаем везирей в Дербенте, на Тереке, среди русских, персидских и турецких посланников, — и всюду они либо регули-

¹ «Лист шамхала Адиль-Гирея Петру I. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 17, 1722, л. 36.

² ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Кумыкские дела», д. б/н., 1723.

³ Записка о посещении Петра I кумыкскими владельцами на реке Сулаке. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Кумыкские дела», 1722, д. б/н., л. 4.

⁴ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 17, 1722, л. 36 с обор.

¹ «Хирт» — возлас, которым отгоняли кумыки собак.

² РФДНИИИЯЛ, д. № 352.

³ В. И. Бакунина. Указ. соч., стр. 349.

⁴ Из дневника участника похода Петра I в Дагестан, л. 10.

руют то или иное осложнение, либо ведут дипломатическую подготовку к союзу или разрыву. Точно определить функции везирей невозможно, но поскольку они представляли и вели дипломатические переговоры, можно полагать, что они выполняли самые разнообразные функции.

Сам шамхал проявляет заботу о двух везирах, а у него был и третий. Из этого можно заключить, что они были не на одинаковом положении при шамхальском дворе. Чаще всего в XVIII веке фигурирует везир Мухамед-Салих и на втором плане стоят шейх Мухамед-Шариф и Гайдар. Можно полагать, что Мухамед-Салих был своего рода премьер-министром шамхала. Мухамед-Шариф, являясь шейхом, сочетал в себе духовный сан с гражданскими делами, а Садых-назир¹ шамхала ведал финансами — и другими работами.

Вслед за везиром и назиром шли дворецкий — мирза (при Адиль-Гирее им был имам Бердай)² и писарь. Писарь шамхала Жембулатов³ доставлял наиболее важную переписку за пределы шамхальства.

§ 3. МЕСТНЫЕ ВЛАСТИ

В устройстве местных органов власти у кумыков мы не встречаем однообразной системы. В разных бийликах, в зависимости от величины территории, местных условий и от степени развитости социальных отношений, различно выглядело и местное административно-хозяйственное управление.

Шамхальство Тарковское в административно-территориальном отношении делилось на бекства. Численно бекства нигде не были определены и росли по мере вступления каждого нового шамхала на престол правителя в Тарках. По давнишней традиции все члены шамхальского дома, за исключением шамхала и его приемника, сидящего в Буйнаке, считались беками. Земельные наделы, аулы, которые отводились или давались им по завещанию от шамхалов, являлись наследственными. Владения одних беков ограничивались одним населенным пунктом, а другие имели по несколько населенных пунктов и земли.

Беки в своих владениях пользовались полной властью, имели свой двор, рабов и нукеров, но в значительно меньших размерах, чем имел их шамхал.

Хотя бекства и входили в состав шамхальства, определяя его административное деление, но сами беки не были должностными лицами. Шамхал их не назначал и не смещал. Они были вассалами шамхала и несли сопряженные с этим обязанности вассала к сюзерену.

¹ Назир — по арабски казначей, в Турции так именовались министры.

² Письмо шамхала Адиль-Гирея к канцлеру Головину Г. П. ЦГАДА ф. колл. ин. дел «Кумыкские дела», д. № 3, 1720, л. 51.

³ Там же, д. б/н., л. 3 и об.

Что касается земельных владений, принадлежавших лично шамхалу, то они в административно-территориальном отношении не подразделялись, не было и специальной администрации для управления ими, если не считать бегуламов — уполномоченных в деревнях, непосредственно имевших дело с шамхальским дворцом.

Бекства в свою очередь делились на более мелкие административные единицы. В северо-кумыкских бийликах не было подразделения земельных владений феодалов на бекства и сам бийлик, как центральный орган власти, сразу расчленялось на мелкие административные единицы — сельские общества, являющиеся в шамхальстве второй ступенью местной власти.

У карачибексов вообще не было отрыва центральной власти от местной. У них во главе владения стоял старший бек и все вдалеке было ограничено рамками одного селения.

При рассмотрении вопроса о низшей административной власти не следует смешивать деревни, принадлежавшие исключительно бекам, и деревни, населенные узденями — крестьянами свободными, но находившимися в той или иной степени в зависимости от феодала. В таких деревнях имелись бегулами, в обязанности которых входило наблюдение за правильным отбыванием крестьянами их повинностей.

Институт старейшин, как таковой, у кумыков к этому времени уже отсутствовал. Их заменяли в одних аулах лица, пользовавшиеся у народа особым весом, а в других такими лицами оказывались крупные землевладельцы.

В сельском управлении видное место в XVIII—XIX веках занимали карты¹. Их могло быть несколько, в зависимости от величины селения. Избирались они всеми жителями села из людей, знающих сельские порядки и адаты, из расчета по одному от каждого тухума, а где его не было — по одному с каждого мечетского прихода. В тех селениях, в которых была только одна мечеть и не было деления по тухумному принципу, такие карты не избирались, а назначались. У эндреевских и аксаевских кумыков карты на этой должности оставались, пока сами того пожелают, или же сельчане заменяли их другими, если прежние оказывались неспособными. Карты, основываясь на адате, занимались разбором возникающих в ауле различных тяжёлых дел. В случае запутанности дела и трудности подвести его под существующие адаты карты должны были представлять дело на обсуждение почетных стариков, приговор которых являлся окончательным.

Кроме судебных дел, у картов были и другие функции. Они должны были следить за соблюдением в ауле установленного порядка, обеспечивать охрану полей и села, правильно распре-

¹ Управление жителей присулакского наибства по их местным адатам, лл. 31—32.

делять общественные и покосные земли и, наконец, решать вопросы о канлы, примирять кровников и способствовать предотвращению враждебных столкновений между сельчанами. В целом же все карты находились в непосредственной зависимости от беков и шамхалов.

В отличие от чисто кумыкских селений салатавские общества, подвластные аксаевским и эндреевским бекам, имели ежегодно избираемых старшин, причем они «более одного года в сем звании»¹ не оставались. Народ был во всем послушен старшинам, их решения принимались с уважением, и считалось необходимым полагаться «на их благомыслие». В Чир-Юрте и Черкее старшины были известны под именем чукбы, что значит справедливые люди. В Черкее, кроме старшин, имелись почтенные старики, называвшиеся джамаатчи, что значит глава общества. Они участвовали в обсуждении всех важных вопросов и общественных дел.

Исполнение решений картов и чукбы приводилось через специально для этого выделенных лиц. В Чонт-ауле они назывались бегулами, в Черкее, да и вообще в Салатавии — тургахками, в Ахатлях — илями, в остальных местах — чоушами.

Вопросами определения религиозных обрядов в совершении молитв ведали кадий, а там, где их не было муллы, которые содержались за плату. Еще в начале XIX века они особого веса, кроме как в религиозных делах, не имели, но с середины XIX века в их руках было сосредоточено уже и решение светских дел.

5. ДОХОДЫ ШАМХАЛА

Феодальная рента в том виде, в каком нам удалось показать выше, безусловно составляла основную и главную часть шамхальских доходов. Но имелся еще ряд других источников, из которых шамхалы черпали значительный доход. Выяснение их дает дополнительный материал для понимания социально-экономического строя в самом шамхальстве и вслед за ним в других феодальных владениях.

В своем месте мы указали на наличие у шамхалов большого количества кутанов и на их роль в укреплении политического влияния тарковских владельцев на вольные общества. Помимо этой политической выгоды шамхалы извлекали из кутанов и выгоды материальные. Среди дополнительных источников дохода зимние и летние пастбища стояли у шамхалов на первом месте. Да иначе и не могло быть. Горцы среднего Дагестана никак не могли обходиться без пастбищ на плоскости. К сожалению, нам не удалось выяснить точное количество шамхаловых кутанов, отдаваемых в аренду горцам среднего Дагестана и ногайцам. Известны земельные пространства, которые могли являться кутанами, и известно, что уцмий кайтагский имел тринадцать кута-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 18502, л. 1—19, стр. 14.

нов. Исходя из этого, можно почти бесспорно предполагать, что шамхалы к концу XVIII века имели не менее 20 кутанов и с каждого кутана получали в среднем по двести и более баранов.

Значительную статью дохода составляла торговая пошлина с товаров, провозимых через владения шамхала. Пошлина собиралась не только с «посторонних купцов и с провозимых ими через их владения товаров — серебряной российской монетой с каждой повозки, как бы она нагружена не была товарами или весьма мало, — по 2 руб. 50 коп. С фруктов с одной повозки по 1 р. 30 коп.,¹ с красок с каждого пуда — 2 р. 50 к., с табунов, прогоняемых через владения шамхала — с каждой лошади по 50 коп., с овец — одну с двадцати голов, с рогатого скота — в тех же размерах, с рыбы, привозимой для продажи, — одну с десятка и даже с людей, не имеющих товаров и немагометанского закона, по 1 рублю; с магометан же ничего не брали»².

По одним данным шамхалы получали от пошлин с провозимых товаров и от платы за пастьбу скота 25 тысяч рублей доходов, по другим данным — до 30 тысяч³. На самом же деле годовой доход шамхала значительно превышал эти суммы. Через владения шамхала проходила главная магистральная дорога, шедшая с севера в Кизляр, Дербент и Ширван. Отсюда же шли дороги вглубь Дагестана: первая — из Тарков через Казанище в Аварию; вторая — из Тарков через Дженгутай в Аварию и третья — через Губген в средний Дагестан.

Немало доходов доставляли шамхалу купля и продажа «ясырей», рыбных промыслов, а также отдача на откуп купцам марены.

Сам шамхал непосредственно разведением марены не занимался. Этим занималось подвластное шамхалу население, но тем не менее жители сами не могли продавать собственную марену. Шамхал отдавал всю марену на откуп армянским и другим купцам⁴, и жители шамхальства должны были сбывать марену только тому купцу, которому шамхал сдавал откуп.

Недалеко от Тарков находилось соленое озеро, известное под названием Туралинского и служившее для горцев основным источником соли. Продажа соли была выгодна шамхалам во всех отношениях, хотя бы потому, что соленое озеро было расположено у морского берега, где имелись обильные пастбища, на которых паслись овечьи стада, «пригоняемые туда горскими жителями в зимнее время»⁵.

Источники доходов остальных кумыкских феодальных владений были те же, что и у шамхала, и отличались только гораздо меньшими размерами.

¹ «Северный Дагестан». ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 18474, л. 23.

² Там же, л. 23.

³ Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 305.

⁴ «Северный Дагестан». ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 18474, л. 10.

⁵ Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 305—306.

Кумыкские князья не имели постоянной армии. Они обладали только примитивными военными силами, характерными для данного общественного строя.

Основное ядро военных сил кумыкских князей составляли нукеры. Они же при шамхаловом дворе выполняли административно-хозяйственные и полицейские обязанности. Служба у шамхала в качестве нукера считалась после везира и назира самой почетной. Очевидно, набор нукеров производился исключительно из узденей, и эта служба оплачивалась. По своему характеру и устройству институт нукеров не отличался от обычной феодальной дружины средневекового типа.

Другая часть шамхальского войска состояла из беков. Беки по первому требованию должны были являться на службу к шамхалу со своим отрядом. Но эти отряды не были постоянной воинской силой и состояли из ополченцев, которые распускались немедленно по окончании военного предприятия.

Судя по тому, как был поставлен сбор военных сил и какая была строгость в этом деле, можно полагать, что в Кумыкии существовал какой-то не дошедший до нас порядок вступления в ополчение. По фактам, относящимся к концу XVIII века, все жители селений, подвластных кумыкским князьям, по первому их зову обязаны были «идти без всякого отлагательства», а если кто ослушивался, «то разорят весь его дом и разграбят имение»¹.

Военные отряды кумыкских феодалов вооружались ружьями, пистолетами, саблями и кинжалами, доставлявшимися «из Кубачей и других мест Дагестана и Лезгинстана»². Некоторые воины имели панцири и шашки. Беки, мурзы и все знатные лица, в отличие от общей массы, получали из Турции и Персии дамасские и хорасанские ружья.

Кроме собственных отрядов, шамхал располагал военными силами своих союзников — дженгутаевского Али-Султана и его брата Гаджи-Ахмед-хана и акушинцев. «Ежели же, — говорится в «Описании северного Дагестана» в отношении дженгутаевцев, — надобность востребует шамхалу в войске, то в то время посылает к ним своего чиновника с требованием ему от них помощи вооруженного войска, и они ему в то время послушны бывают»³. По данным, относящимся к концу XVIII века, с помощью своих союзников, в случае нужды, мог выставить от 20 до 25 тысяч вооруженных людей⁴.

В настоящей главе мы попытались вскрыть основные стороны в общественно-экономическом и политическом развитии кумыков в XVIII и начале XIX веков. Для этого мы характеризовали развитие сельского хозяйства, торговли, а затем дали анализ состояния производственных отношений и политической надстройки. Мы попытались детально изучить различные категории зависимых людей и осветили также (в той мере в какой позволяли источники) развитие классовой борьбы. В результате изучения базисных и надстроечных явлений в Кумыкии мы пришли к следующим выводам:

1. Кумыкское общество XVIII — начала XIX веков представляло собой феодальное общество.

2. Земельные владения кумыкских беков представляли феодальную собственность.

3. Особенности экономического строя Кумыкии обусловили в ней более развитую классовую структуру. У кумыков в XVIII веке класс феодалов состоял из трех самостоятельных ветвей: шамхальского, эндреевского и карачибекского домов. В целом же род кумыкских феодалов состоял из трех ступеней: шамхалов, беков и чанков. Сала-уздени занимали промежуточное положение между беками и второстепенными узденями. В эндреевских, костековских и аксаевских владениях сала-уздени занимали по отношению к бекам более близкое положение, нежели это имело место в шамхальстве. Как в других местах, мы здесь не видим сложной феодальной лестницы. Еще более простой эта феодальная лестница была у эндреевских и карачиевских владельцев. Здесь класс феодалов ограничивался двумя ступенями: беки и чанки, причем последние не занимали особого места. Здесь все именовались беками, отличались только старшинством по отношению к шамхальскому дому и с XVII века были совершенно независимыми.

В противоположность этой простой феодальной лестнице, у кумыков мы наблюдаем очень сложный класс крестьянства. Уздени делились на три группы, чагары на две группы, и, кроме этого, имелись рабы. Правовые различия между этими группами отчетливо сохранились вплоть до XVIII века и нашли прямое отражение в адатах кумыков. Следует учесть, что не все уздени находились на земле феодала, а имелись еще и лично свободные земледельцы. Особенно их много было в Северной Кумыкии.

4. Отличительной чертой политического строя Кумыкии являлось: во-первых, не только наличие феодальной раздробленности, но усиление этого дробления на более мелкие феодальные бийлики, со своими таможенными границами и самостоятельной внешней ориентацией; во-вторых, почти полное отсутствие сложной системы вассалитета, административно-финансовых учреждений и суда и, в-третьих, наряду с властью кумыкских феодалов

¹ «Северный Дагестан». ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 18474, л. 10.

² Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 447.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 18474, л. 11.

⁴ Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 208.

лов кое-где продолжали существовать носители общинных традиций в лице картов, тусевов и других.

5. Ведущей формой феодальной ренты являлась натуральная рента. С начала XIX в. в Кумыкии денежная рента начинает занимать заметное место в системе эксплуатации феодально-зависимых и крепостных крестьян.

6. После того, как кумыкские княжества были присоединены к России процесс становления кумыкской народности завершился.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАЙТАГОВ

1. ОБЩИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Самые ранние письменные известия о Кайтаге, об его правителях и внутреннем устройстве относятся к периоду пребывания арабов в Дагестане. У арабских географов страна эта проходит под различными названиями — то «царство Джидан», то «царства Зирахеран»¹, а Мухамед-Рафи — царство «Хайдак»².

По свидетельству ряда арабских писателей в Кайтаге в их время было сильно развито производство оборонных изделий. В частности, Зирехеран — нынешние Кубачи — еще в ту пору получили широкую известность не только у арабов, но и до них еще у персов. Арабы также знают кубачинцев как мастеров кольчуг, стремян, мечей и других железных изделий³. Производство металлических изделий, вооружения и бронзовой утвари сосредоточено было также в расположенных по соседству с Кубачами населенных пунктах — в Амузге и Карбуке. Видимо, то разделение труда в производстве предметов вооружения и других изделий, которое мы встречаем позже, в этих трех пунктах возникло уже в ту пору. Во всяком случае в Кайтаге и до арабов, и после них производство вооружения было развито шире, чем где бы то ни было, и дружина была лучше оснащена.

В период арабского нашествия Кайтаг и Табасаран, как ближе расположенные к Дербенту, первыми подверглись ударам завоевателя. О беспримерной и долгой борьбе этого народа с арабами говорят хотя бы те немногочисленные сведения, которые сохранились и дошли до нас в литературе. Арабы предпринимали многочисленные экспедиции в Кайтаг и Табасаран, но каждый раз встречали вооруженный отпор. В «Дербенд-намэ»⁴ имеется запись о нашествии на Кайтаг арабов во главе с Джарра-

¹ Масури. Указ. соч., стр. 52; Баладзори. Указ. соч., стр. 18.

² «Тарихи-Дагестан», стр. 173.

³ Масуди. Указ. соч., стр. 52.

⁴ «Дербенд-намэ», стр. 76.

хом. После разгрома и разорения Кайтага, — говорится в «Дербент-намэ», — Джаррах возвратился с добычей в 12 тысяч голов крупного рогатого скота и овец, захватил две тысячи туманов золотом и серебром и привел 700 пленных каракайтагцев.

Другой арабский завоеватель — Мерван при вторичном вторжении разгромил и разрушил Кайтаг до основания, убил кайтагского правителя Газанфара, обложил жителей Кайтага тяжелой данью и назначил для управления страной своего правителя¹.

Родословную уцмиев каракайтагских, как и других правителей Дагестана, принято в литературе связывать с арабами. Термин «уцмий» угодливо подводится под арабскую основу и происходит от слова «исма» (имя), что должно означать, якобы «именитый». Между тем, интересно, что в упомянутом «Тарихи-Дагестана», при описании столкновения арабов с сопротивляющимися им хайдакцами, вождь последних назван по-арабски «Газанфар-аль-Гаррар», т. е. обманутый лев².

В своем месте, разбирая наименования титулов дагестанских правителей и распространенную в литературе легенду о происхождении всех правителей Дагестана из священного для мусульман рода корейшидов, мы указывали, что титулы «шамхал», «уцмий», «майсум», «нуцал» являются терминами местного происхождения. Чем же тогда объяснить то, что местные историографы, говорят о Газанфаре, совершенно не упоминают специфически местный термин — «уцмий». Объяснение этому факту надо искать в народной арабской этимологии тогдашних летописцев. Арабист летописец воспринял титул «уцмий» как созвучное арабское слово «усам», обозначающее «лев». Эту кличку он запечатлел в своем труде, используя один из многочисленных арабских синонимов этого слова «газанфар».

В Кайтаге, задолго до нашествия арабов, имелись свои правители, свое политическое устройство, возникшее на развалинах родового устройства, и последний кайтагский правитель, христианин по вероисповеданию, погиб в период покорения Кайтага арабами. Если арабам и удалось подчинить Кайтаг и назначить правителя — мусульманина, то следует ли из этого, что он был поэтому арабом, да еще и происходил из рода пророка? Неправдоподобность такого утверждения очевидна. После учиненного разгрома чужеземец не смог бы во враждебном окружении долго править страной. Ясно, что после расправы над непокоренным правителем арабы поставили в Кайтаге нового властелина, угодного завоевателям, могущего защищать их интересы. Но таким слугой завоевателя мог оказаться и кто-либо из представителей рода бывших кайтагских правителей, согласившийся при-

¹ «Дербент-намэ», стр. 76.

² «Тарихи-Дагестан», стр. 173.

нять мусульманство. Именно таким представителем был Амир-Чупан, правивший Кайтагом при арабах.

Даже после арабского завоевания ислам в Кайтаге стал распространяться не сразу, а примерно с конца XV века. По крайней мере один из историков того времени Ибн-Руста рассказывает, что властитель соседнего с Табасараном царства «Хайдак» исповедывал одновременно три религии и праздновал пятницу с мусульманами, субботу — с евреями и воскресенье — с христианами.

О Кайтаге татаро-монгольского периода нам почти ничего неизвестно. Повидимому его постигла участь соседей и, сильно разоренный, он не мог справиться вплоть до нашествия Темирлана. Во время войн Тимура Кайтаг снова был подвергнут разорению. В истории войн Тимура имеется прямое упоминание о стране Кайтаг и его людях «дурной веры». Это упоминание является доказательством того факта, что в ту эпоху ислам в Кайтаге не приобрел еще господства. По сообщению Барбора, в Кайтаге еще в XV веке было много христиан греческого, армянского и римско-католического вероисповедания. В то же самое время в описании путешествия Афанасия Никитина правитель Кайтагов Бахиль-бег носит уже мусульманское имя.

Во второй половине XIV в. Кайтагом правил Султан-Магомед-хан. У него было двое сыновей. Имя одного из них Бек-кшихан, а другого — Ахмед-бек. После смерти отца, между ними начались ссоры из-за наследства. Бек-кшихан, как самый старший в роду уцмиев, занял престол своего отца, но брат Ахмед-бек со своей дружиной прогнал его с отцовского места и сам стал править Кайтагом. Бек-кшихан, не будучи в силах одолеть Ахмед-бека, обратился к своему дяде шамхалу Тарковскому за помощью. С его помощью он возвращает уцмийство, и Ахмед-бек, не найдя приюта в стране, отправляется к своему родственнику — правителю Ширвана.

После указанных событий попеременно уцмийствовали Эмир-шамхал и Гасан-Али.

Около 1580 года при уцмии Гасан-Али в Кайтаге вспыхнуло восстание райтов, окончившееся выселением многих беков в Янги-кент.

С именем уцмий Ахмед-хана, сына Гасан-Али, связана попытка урегулировать права и взаимоотношения беков и райтов. При нем был составлен сборник кайтагских адатов и впервые определены права владетелей и чанков¹. Ахмед-хан установил порядок, по которому сыновья бека исключались из отцовского наследства, если их мать не принадлежала к бекскому роду, и установил «разницу между названиями эмир и джанка»². Ему же приписывают основание аула Маджалис, в котором собира-

¹ Леонтович. Указ. соч., ч. I, стр. 45.

² Бакиханов. Указ. соч., стр. 89.

лись представители народа для обсуждения своих дел. Впоследствии этот аул стал резиденцией уцмиев. При Ахмед-хане окончательно лишились самостоятельности башлины и ирчамульцы. Угнетение их уцмиев усилилось, и это вызывало в Ирчамульском магале неоднократные восстания. Уцмий жестоко подавлял эти восстания, а зачинщиков умерщвлял поголовно.

✓ После смерти уцмий Ахмед-хана в 1588 г. правителем Кайтага сделался Хан-Магомед и примерно с 1600 г. Рустам-хан, человек весьма энергичный и предприимчивый. К этому времени относится составление уцмием Рустам-ханом особого свода законов, в котором с точностью определяются взаимоотношения и права господствующего класса и эксплуатируемого населения. Его постановления ограничивают переход крестьян от одного владельца к другому, а также и взаимных правовых отношений беков и узденей.

Сборник адатов Ахмед-хана пока что не обнаружен, поэтому сборник постановлений Рустам-хана, как единственный письменный местный документ, имеет исключительное значение при изучении общественного строя Дагестана XVII века.

Во время Рустам-хана власть уцмиев упрочивается. Получают широкое развитие ремесла и торговля. Во внешне-политических делах уцмий склонялся на ту сторону, которая была выгодней, и таким путем получил, в частности, от шаха Аббаса I грамоту на управление Дербентом. Персидские шахи, чтобы держать дагестанских владельцев в своей власти, широко практиковали не только назначение жалования, но и закрепление за ними земель с населенными пунктами в Ширване и других местах. Такие земли получала и Кайтагская знать.

Затем в Кайтаге идет период смут, беспорядка, сменяются правители, усиливается вражда и усобицы между наследниками дома кайтагских уцмиев. Одна часть беков для упрочения своей власти прибегает к помощи акушинцев, другая — к шамхалу и, наконец, к призыву сил извне. По описанию Бакиханова, положение, создавшееся в Кайтаге, выглядело следующим образом. Дом уцмий Кайтагского разделялся тогда на две линии. Старшая из них пребывала в Маджалисе, а младшая в Великенте; поочередно из этих двух линий старшие и способнейшие в роде становились уцмием и сидели в Башлы. Около этого времени между ними произошел раздор, линия Великентская напала на Маджалис и истребила всю старшую, исключая малолетнего Гусейн-хана, которого спас некто из его приближенных по имени Айде-бек и увез к шамхалу. Гусейн-хан по достижении совершеннолетия поехал в Персию, гостил некоторое время в Сальянском Рудбаре у тамошнего князя и женился на его дочери, от которой родилась дочь, родоначальница рудбарских и сальянских султанов¹. В бытность в Испагане дочь богатого

¹ Бакиханов. Указ. соч., стр. 99—100.

вельможи из племени Каджар Загра-ханум влюбилась в Гусейн-хана. Вскоре он женился на ней и после этого стал известным и важным лицом не только во всем Испагане, но и приближенным самого шаха, который «испытал его храбрость и оценив большие способности, при высоком роде, назначил его кубинским и сальянским ханом»¹.

Гусейн-хан, вступив во владения Кубой, построил крепость Худат и избрал ее своей резиденцией. От Загра-ханум он имел сына Ахмед-хана, названного по имени предка Ахмеда, от которого произошел род кубинских ханов. От этой ветви Кайтагов произошел известный Фет-Али-хан.

Начиная с 1689 года между Гусейн-ханом и тогдашним уцмием Али-Султаном завязалась война. Гусейн-хан в результате похода захватил свое наследственное владение в Башлы, но Али-Султан собрал в горах большие силы и вытеснил его обратно в Кубу. После смерти Гусейн-хана сын его Ахмед-хан продолжил войну с уцмием и с помощью кубинцев и своих сторонников в Кайтаге овладел аулом Башлы и стал уцмием. Уцмий же Эмир-Гамза бежал в Верхний Магал, где вскоре умер. Сын его Ахмед-хан собрал в горах войско и вытеснил кубинского Ахмед-хана из Башлы в Маджалис, где тот впоследствии был убит своим же приверженцем.

В XVIII веке уцмийство Кайтагское наряду с шамхальством считалось одним из крупнейших в Дагестане владений.

2. ОСОБЕННОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ СТРОЕ КАЙТАГОВ

Если о других народах Дагестана в прошлом кое-что писалось, то о кайтагах, кроме отрывочного описания внешне-политической деятельности уцмиев, в литературе ничего не оказалось. Экономика, внутренняя история Кайтага не нашли освещения и в наше время. Между тем, Кайтаг, наряду с Аварией и Табасараном, дает чрезвычайно богатый материал для выяснения особенностей феодализма в Дагестане.

В общественно-экономическом развитии Кайтаг имел ряд особенностей, отличавших его от соседней Кумыкии, Аварского и Казикумухского ханства. Этому способствовал ряд моментов политического и экономического характера. Они заключались в основном в следующем. Кайтаги, являясь одной из коренных народностей Дагестана, с самого начала были привязаны к определенной территории, на которой у них последовательно развивались общественно-экономические отношения от первобытно-общинных до классовых. С другой стороны, кайтаги занимали более выгодную, с точки зрения внешнего положения, территорию. Глубинная территория Кайтага меньше подвергалась втор-

¹ Бакиханов. Указ. соч., стр. 100.

жению различных варварских орд Северного Предкаспия. Нижний Кайтаг, как соседняя равнинная Кумыкия был очень давно втянут в широкие торговые связи с окружающими странами.

В народном понятии Кайтаг¹ делится на две части: чабах Кайтаг и убах Кайтаг, т. е. верхний и нижний Кайтаг, причем верхняя, горная часть именуется Кара-Кайтагом, т. е. черным Кайтагом² и нижняя, или плоскостная — просто Кайтагом. На самом же деле Кайтаг дробился на гораздо большее количество земель и бекств.

Сохраняя установившееся деление на Кара-Кайтаг, Кайтаг и Теркеме, постараемся охарактеризовать их в хозяйственном отношении. Начнем с Кара-Кайтага.

Кара-кайтаги, гранича на западе с Кумыкией и на севере с Сюргинским вольным обществом, жили в «горах и стремнинах, где с трудностью проезжают...»³. Основной отраслью хозяйства кара-кайтагов было скотоводство, преимущественно овцеводство, и отчасти разведение пчел и конопли. Большая часть территории была непригодна для земледелия: значительная площадь была покрыта лесом, другая часть — известковым камнем. Только отдельные долины и полосы вдоль рек благоприятствовали земледелию. На этих участках сеялись сорочинское пшено, просо, пшеница и ячмень, шедшие исключительно для собственного употребления.

Основной экономической и социальной единицей этой части Кайтага был джамаат, т. е. община. Значительная часть пахотной земли и почти полностью луга и лес находились в руках джамаата. Пользование землею в разных магалах поставлено было по-разному. Всего магалов в Кара-Кайтаге насчитывалось восемь⁴. Каждый магал составлял отдельный, независимый союз общин. Так магал Гапш включал в себя 5 джамаатов, Шуркент — 10, Ката-Ган — 5, Кара-Кайтаг — 11, Ицари — 4, Ганк — 7, Муйре — 10 и Ирчамуль — 22. Пахотная и покосная земли во всех джамаатах, как правило, делились между всеми жителями на равные части. После всего раздела в пользовании джамаата оставались пастбища и леса. Если лес был в изобилии, то совершенно недостаточны были пастбищные места. Для населения соседней Кумыкии пастбища не служили основой хозяйственной жизни, а в горной части Кайтага именно пастбища являлись жизненно необходимыми в хозяйстве. Не было ни одного магала, который не нуждался бы в пастбищах и не ценил их. Если кое-где и имелись летние пастбища, то все равно не хватало зимних и наобо-

¹ Сами себя именуют хайдаками. В данной работе мы будем придерживаться общепринятого в литературе названия народа — кайтаги.

² Гербер, (стр. 180) объясняет происхождение «кара» от слова «худые». Такое название привилось в связи со скудностью земли и бедностью жителей горного Кайтага. Броневский термин «черные кайтаги» выводит от черного вида «местных гор, ими обитаемых», стр. 310.

³ «Северный Дагестан». ЦГВИА, ф. ВУА, л. № 18474, л. 16.

⁴ Данил Тихонов и Аверьян Серебров. Указ. соч., л. 14.

рот. Поэтому многие сельские общины сообща владели какой-либо пастбищной горой. Так, кубачинцы имели году «Дутля», на которой паслись лошади суловкентцев. Ширия и Амузги имели пастбищную гору в совместном пользовании. Магал Ицари, ввиду скудности своих пастбищных гор, постоянно брал их на откуп у соседей. В магалах Гапш только два джамаата — Уркарах и Кала-Курейш имели пастбищные горы. Ряд джамаатов вовсе их не имели, хотя и занимались овцеводством, и вынуждены были нанимать их за плату — зимой на плоскости, летом в горах. Среди всех магалов только магалы Ирчамиль и Кара-Кайтаг считались вдоволь обеспеченными землей и пастбищами.

Наряду с общинным землевладением, в Кайтаге имелось и частное землевладение. Каждый член общины имел в своем владении отдельный участок пахотной и покосной земли, именуемой малюк. Малюк являлся собственностью каждого узденя, могущего его продавать, завещать и распоряжаться совершенно свободно. Мюльки были, однако, незначительными по сравнению с той долей, которую земледельцы получали из общественного фонда. В некоторых местах вообще нечего было брать под мюльк — земли не хватало. Достаточно сказать, что в Кубачах только шесть дворов имели пахотную землю, а в Кала-Курейше ее ни у кого не было. Исключение составляли магалы Кара-Кайтаг и Ирчамуль. Под мюльками здесь находились значительные участки.

Важно, конечно, не количество земли, занятое под мюльки, а то, что у кайтагов мы наблюдаем в описываемое время наряду с общинной собственностью и индивидуальную собственность. И эта индивидуальная собственность сочеталась с общинной.

Других видов землевладения в горной части Кайтага мы не знаем, если не указать на наличие во всех джамаатах мечетских земель, образовавшихся в большинстве своем на базе общественных земель и от даров, принесенных мечетям по завещанию.

Словом, для этой части Кайтага, как одну из особенностей экономического строя, мы можем отметить полное отсутствие феодальных земель и наличие уцелевших остатков общинного порядка землепользования при наличии частной собственности на землю. Уздени, т. е. свободные крестьяне верхнего Кайтага пользовались правом собственности на землю и никому ничем не были обязаны¹.

Скотоводство, соединенное с земледелием, не доставляло для этой части Кайтага всех средств существования. Своего хлеба здесь не хватало, и кайтагцы постоянно были вынуждены ездить во «владения уцмий для покупки хлеба...»². Малопродуктивность земли, с одной стороны, и, с другой — ограничен-

¹ Очерк Кайтаго-Табасаранского округа, Газ. «Кавказ» № 12, 1867.

² Допросная муллы Абдул-Кадира, муллы Магомед-шейха, Ахмеда и Ахмед Билярова. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 24, 1722, л. 74.

ность пастбищ для овцеводства побудили большинство магалов «издавна обращаться к другим промыслам, заключающимся в домашнем производстве различных предметов из местных продуктов, и некоторым ремеслам»¹. На первом месте по количеству населенных пунктов, занимавшихся ремеслом, и по разнообразию производимых изделий стоял магал Ганк. Так, в Кубачах выделялись оружие всех видов и сукна. Кубачинцы были прославленными мастерами серебряных и золотых дел, в Амузги изготовляли клинки для кинжалов, косы и сукна, в Сулев-кенте изготовлялась глиняная посуда, в Шира — сукна, в Харбуке — ружейные и пистолетные стволы, косы, сохи, полковы, топоры и другие железные изделия; в Киша — сигази. В магале Ицари во всех селениях выделялись сукна, в магале Гапшь, в Уркарахе и Дийбуке выделяли сигази, а Чиши — бурки, в Кала-Курейш и Зурмуге — сукна. В магале Мюйре в обществах Ириги и Кудагу выделялись паласы.

В значительной части деревень предметы домашнего производства шли на внутреннее потребление в пределах крестьянского хозяйства. Другое дело Кубачи, Карбук и Амузги. Это были настоящие ремесленные центры, где выработка изделий производилась по заказу потребителя и на продажу. Продукция этих ремесленных центров, как отмечалось, была популярна не только в Дагестане, но и далеко за его пределами. Тут делались панцири, пистолеты, кинжалы, ножи, конские и оружейные уборы, женские пояса из золота и серебра. На серебре делали позолоту, на железе — золотую и серебряную насечку и чернь.

Население этой части Кара-кайтага было этнически однородным: она была населена кайтагами.

Теперь перейдем к характеристике экономики плоскостного и нижнего Кайтага, называемого еще Теркеме. В отличие от горной части, плоскостной Кайтаг имел все условия для развитого земледелия. Теркемейская равнина прорезывалась рядом малых и больших рек, текущих с гор к морю. Крупнейшие из них — Гимры-озень, Башлы-озень, Дарбах, Инчхе, Манас — служили для орошения полей, и благодаря этому почва была плодородна и удобна к хлебопашеству². Здесь успешно произрастали злаковые культуры: марена, садовые и лесные плоды и овощи³. Между Теркемейской равниной и горной частью Кайтага тянулась полоса предгорий и отрогов Карасыта, заключавшая в себе магалы Маджалис-Ката⁴ и верхний Теркеме⁵. Земля здесь не отличалась особым плодородием.

¹ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. ЦГА Грузинск. ССР, ф. 65, арх. № 3, 1866.

² Броневский. Указ. соч., стр. 309.

³ Тихонов и Серебров, Указ. соч., л. 9.

⁴ Магал Маджалис-Ката включал в себя: Маджалис, Санчи, Ахмед-Кент, Дарши, Чагдакна и Ирихи.

⁵ Магал Верхний Теркеме включал в себя: Башлы, Гули, Мола-Кент, Янги-кент, Тумшалар и Чушли.

Организация пользования землей в Теркеме была в основном такая же, как и в верхнем Кайтаге. Земля подразделялась на общественную и мюльки. Но, в отличие от верхнего Кайтага, здесь, хотя и существовала поземельная община, но все земли, занимаемые ею, принадлежали беку, с разрешения которого община делила их между собою по числу рабочей скотины, полагая на каждую по 50 саб¹. Дележ пахотных земель производился ежегодно на участки по числу плугов. В плуг обыкновенно впрягали четыре пары буйволов.

Так как не всякий теркемеец имел их на полный плуг, то в каждом плуге участвовало несколько дворов. На полученном таким путем участке пахота, сев, жатва и обмолот производились силами и средствами всех участников «плуга». Урожай делился между дольщиками пропорционально числу рабочего скота. Не имеющим рабочего скота отводился особый участок. В Берикее и Уллу Теркеме отводились особые участки и кузнецам. Такие участки обрабатывались обыкновенно теми из поселян, которым кузнец чинил в течение года какие-либо железные инструменты². Односельчанам кузнец выполнял работу бесплатно.

Раздел покосных земель производился таким же путем пропорционально числу рабочего скота³. Не имеющим скота участки давали в меньшем размере.

В первом и втором случае старшина джамаата имел право выбирать себе участок без жребия.

Огромную роль в хозяйстве теркемейцев играла вода для орошения полей. Отвод воды для полива производился тоже по жребию. Из речи Дарбах жителями, — говорят Серебров и Тихонов, — «проведено довольно количество каналов для наполнения засеянной хлебом земли»⁴. Для каждого «плуга» принято было отводить для полива в определенные дни два раза в год — весною и осенью.

Помимо общественных земель теркемейцы имели также мюльки, составлявшие их «отдельную собственность, которую они вправе перепродавать, не отчуждая впрочем в другие деревни»⁵.

Нам не удалось установить, когда именно установился такой порядок распределения пахотной и покосной земли по плугам и скоту. Он существовал в рассматриваемое нами время и поддерживался вплоть до второй половины XIX века.

В нагорном Кайтаге общественная земля распределялась

¹ Справка к законопроекту о прекращении зависимых отношений поселян. Даг. обл. и Зак. окр., стр. 20.

² Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, л. 24.

³ Только в Уллу-Теркеме покосы делились подворно, а в Джемкенте они сообща скашивались всем обществом и сено делилось подворно.

⁴ Географическое описание Северного Дагестана владений шамхала, уцмья и Али-Султана Дженгутаевского. ЦГВИА, ВУА, д. № 18474, л. 4.

⁵ Справка к законопроекту, стр. 20.

тоже ежегодно, без вмешательства бека, но не по плужному принципу, а по хозяйству, двору.

Только у кумыков мы встречаем еще подобный порядок землепользования и то не везде. Остальной Дагестан его к этому периоду не знал.

Один из самых многолюдных кайтагских джамаатов Башли делился на шесть магалов, из них пять узденских и один уцмийский магал. Общественные земли сначала делились между шестью магалами аула, а потом каждый магал делил доставшийся ему участок по числу дворов, как и в Верхнем Кайтаге. По богатству земельных угодий башлинский джамаат был крупнейшим в нижнем Кайтаге и в нем до переселения в Маджалис было местопребывание уцмия.

В несколько ином положении находился Гамри-дарга, или гамринский магал с землями джамаатов Утамыша, Каякента, Мюрега, Кичи-Гамри, Мама-аула, Алихан-Кента и Уцми-Кента. До петровского похода гамринский магал имел «своих князей, которые прежде назывались султанами и были в давние времена сильными...»¹. Во время похода Петра I столица султана Утамыш была разрушена и после этого султан уже не выступал как самостоятельное лицо, а являлся вассалом уцмия.

Гамринский магал интересен, т. к. мы сталкиваемся тут со своеобразной формой поземельных отношений. Магал этот населен был узденями, земля находилась в общине и перераспределялась по тому же порядку, как и в нагорном Кайтаге. Но здесь беки пользовались общинной землей вместе со всем джамаатом. Так, в Утамыше беки ежегодно получали участок, равный участкам, приходящимся на два двора общинника, и имели право на преимущество в пользовании поливной водой. Оставаясь пайщиками общины, они также владели мяльками, ягагами и райатами. С подобной картиной мы сталкиваемся и в Кумыкии, но там это имело место не у беков шамхальского дома, а у карачибеков, притом это встречалось в отдаленных от равнины аулах со смешанным населением и в довольно слабой форме. Эта черта, а именно то, что беки были членами земельной общины, радикально отличала гамринских беков от уцмиевых. Например, в Эрпели, Кадаре, Карабудахкенте при переделе общественных земель земельные участки бекам и чанкам отводились обыкновенно в увеличенном размере. Вместо одной доли, получаемой поселянами, беки получали две или даже четыре доли, причем некоторые беки имели еще и то преимущество, что они получали свою долю не по жребью, как все, а по собственному выбору². Очевидно, то же самое имело место и в Кайтаге.

¹ Географическое описание Северного Дагестана. ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 18474, л. 17.

² Определение зависимых отношений к бекам и кешкелевладельцам и о главных основаниях поземельного устройства населения Дагестанской области и Закатальского округа, стр. 3.

Преобладающей отраслью производства в Кайтаге являлось земледелие, но сельскохозяйственная техника, как в верхнем, так и в нижнем Кайтаге была чрезвычайно отсталой. Поля обрабатывались сохой и изредка плугом, система орошения была несовершенной, а удобрения некачественные. В большей части Кайтага земля редко оставляли под пар, сеяли подряд одну и ту же культуру.

Нижний Кайтаг был населен не только кайтагами, но и теркемейцами, кумыками и татами. Теркемейцы, составлявшие большинство населения этой части Кайтага, обосновались здесь издавна, занимались земледелием, но еще в XVIII веке среди них можно было видеть отдельную группу, кочевавшую в войлочных кибитках по равнинам.

Мы установили, что в экономическом отношении Кайтаг делился на две части. Основной отраслью хозяйства для нагорного Кайтага являлось скотоводство, соединенное с земледелием, а для плоскостной части — земледелие и садоводство. Мы установили также этническую неоднородность Кайтага. Неоднороден был Кайтаг и в социальном отношении. Возьмем к примеру Верхний Кайтаг. Его населяли сплошь уздени, свободные общинники, пользовавшиеся самоуправлением. В плоскостной части — в Теркеме — население именовалось райатами, т. е. крепостными.

Таковы основные моменты экономического устройства в двух частях Кайтага.

Это общее определение будет, однако, неполным, если не осветить экономическую базу хозяйства кайтагских феодалов.

Кроме двух главных видов земельной собственности, господствовавших в тогдашнем Кайтаге, была, однако, и третья форма земельной собственности — это земля, находившаяся в личной собственности уцмия. Она именовалась тем же термином, что и мяльки узденей.

Размеры земельных владений беков были самые разнообразные. Беки имели «при селениях свои мяльки»¹.

Гербер, Тихонов и Серебров, описывая Дагестан в разное время, каждый раз подчеркивают исключительное значение пастбищ во владениях уцмия. Гербер пишет: «Многие акушинцы зимою, когда снег в горах глубоко бывает, гонят на кайтагскую пастьбу скот свой и пасут через всю зиму, которая там очень сносна; а заплатят уцмию некоторую пошлину, которая для иного числа овец, коих более 100.000 в прогон бывает, до великой суммы простирается»². Это писал Гербер между 1722—1725 гг. Через 63 года, т. е. в 1796 году Тихонов и Серебров, производя съемочные работы и описание Дагестана, отметили, что «имеющиеся в уцмиевом владении кутаны на плос-

¹ Справка к законопроекту, стр. 19.

² Гербер. Указ. соч., ч. II, стр. 107.

кости некоторые принадлежат самому уцмию, а другие, подаренные им за заслуги своим чиновникам, отдаются на зимнее только время в наем горским жителям, смотря же по величине одного кутана и его выгодам и полагают за оной и число баранов»¹.

Сообщая об этом, указанные авторы ничего не говорят о пахотной земле уцмия и его беков.

В начале XIX века, в период завоевания Кавказа, в документах, выданных в разное время русскими военачальниками местным владельцам, особое внимание уделяется пастбищам. Так, в предписании ген. Ермолова от 26 января 1820 года на имя Мирза-бек Мбах-бек-оглы кайтагского говорится: «именем е. и. в. предлагает вам во владение селения Деличбан и Шохбаз со всеми их пастбищными и прочими выгонами, принадлежащие до сего изменнику Султан-Ахмед-хану, находящему в бегах с бывшим уцмием»². По другому документу ему же были отданы «во владение деревня Чумлы с пастбищами и выгонами, которые при ней прежде находились...»³. В документе, выданном ген. Панкратовым Джамам-беку, сказано: «я предоставляю во владение его вместе с его братьями 3 деревни: Падар, Карадагль и Татжар, состоящие в теркеменском магале, и семь кутанов, находящихся из числа их наследственных имений»⁴.

В пастбищах остро нуждались в самом Кайтаге и еще больше в соседних обществах. Кайтагские феодалы умело использовали свои кутаны и в первом и во втором случае, извлекая из этого экономические выгоды. На девять месяцев кутаны отдавались на откуп горцам, а с весны до осени ими пользовались сами кайтаги, теркемейцы и кумыки. На кутанах находились нефтяные колодцы и соляные озера, принадлежащие уцмию, которые отдавались за определенную плату, в пользование как местным жителям, так и горцам.

Бесспорные свидетельства Гербера, Тихонова и Сереброва ясно говорят о существовании в Кайтаге сложившихся феодальных владений. Вот что пишут Тихонов и Серебров: «Теркементы имеют в своих деревнях управителей, которые состоят под ведомством уцмиевым... Хайдаки имеют также своих узденей, а другие и князей, кои состоят под уцмием... Каракайтаки имеют своих князей... Округ Гимринский имеет своих князей под владением уцмия...»⁵.

Не может быть никакого сомнения, что политическая власть «уцмия», «князей», «управителей», как об этом говорят источники, являлась следствием последовательного общественно-экономического развития Кайтага. Уцмий властвовал в нем со времени арабов до XIX века. Процесс образования крупного

землевладения здесь был такой же, как и в других частях Дагестана, и хозяйство кайтагских феодалов обладало теми же характерными чертами, как и другие подобного типа хозяйства. Другое дело — размер собственной запашки уцмия и беков. Она действительно не походила по своему объему и организации к тому, что нам известно по другим местам. Это наблюдается не только в Кайтаге, но и в других частях Дагестана и объясняется тем, что по своей структуре феодальные владения в Дагестане вообще разнились, носили более неоднородный характер, чем тот, какой мы привыкли видеть на западе и в России. Очевидно, каждое феодальное владение имело специфические особенности согласно с естественно-историческими условиями жизни населения. Феодальное хозяйство отражало эту специфику. Летние и зимние пастбища в ряде мест составляли экономическую основу феодализма. Отсюда первостепенное значение в экономике дагестанских феодалов должно было принадлежать кутанам и горным пастбищам.

Кайтагские уцмии в этом отношении составляли, правда, исключение. Они располагали хорошими пастбищами и, наряду с этим, превосходными землями для ведения широкого земледелия. Они являлись обладателями свободных, незаселенных земель, которые могли быть с успехом использованы под пашни. И все же, несмотря на это, кайтагские феодалы не вели широкого земледелия, и земли под пашни занимали второстепенное место в их хозяйстве. Для подтверждения сказанного приведем один пример.

После смерти уцмия земли, входившие в его владение, делились между его наследниками — беками. Но делились между наследниками не все земли, а только ненаселенные, так называемые кутаны, т. е. зимовники и пастбища. Земли же, находившиеся в общественном пользовании поселян, не делились. А как же обстояло дело с теми населенными пунктами, которые переходили во владение бека или нескольких лиц? В этом случае делились не земли, а выделялось число крестьянских дворов. Так как внутри общины передел земли между крестьянами производился не на равные части между дворами, а по количеству рабочего скота, то, следовательно, изменился и надел, которым пользовались поселяне, отбывавшие повинность известному беку.

Наряду с указанными специфическими моментами в развитии экономического строя кайтагов, мы в Кайтаге сталкиваемся с очень интересным видом поземельных отношений между беками и раятами. Как всюду, в Кайтаге тогда феодально-зависимые крестьяне наделялись беками землей под пашню. Отведенный участок земли считался крестьянским наделом. Но крестьянин на эту землю имел ограниченное право. Он своим участком земли мог пользоваться только в период сельскохозяйственных работ (с весны до осени). Осенью земли, занятые под распашку и считавшиеся крестьянскими наделами, бек отдавал в откуп горцам

¹ Тихонов и Серебров. Указ. соч., стр. 19.

² ЦГА Грузинск. ССР, ф. 65, арх. 3, 1866.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ «Северный Дагестан», лл. 17—18.

овцеводам для зимней пастьбы, получая вознаграждение по барану с сотни. Это называлось «бекским правом пастьбы»¹.

Чем объяснить такую высокую цену пастбищам в хозяйстве уцмий? Дело в том, что этот вид земельной собственности для уцмий и его беков был более выгоден. Пастбища были экономической базой не только для Кайтага, но и для соседних общин, не входивших в уцмийство. Обладание пастбищами для кайтагских феодалов было средством укрепления своего влияния на соседние сельские общины, нуждавшиеся в пастбищах. С помощью пастбищ уцмий рассчитывали, видимо, приобрести к своим владениям многочисленные соседние сельские общества. Что касается хлеба для нужд уцмийства, то он вдоволь доставлялся раятами Теркеми.

Таким образом, при разборе особенностей экономического развития Кайтага нам удалось проследить три главных вида земельной собственности. Это, во-первых, общинная земля, во-вторых, крестьянские мюльки, и, в-третьих — мюльки и ятаги кайтагских феодалов. Первые два вида земель находились в пользовании крестьян. Общинная земля ежегодно перераспределялась между всеми членами общины, а мюльки находились в полной собственности крестьян. Если говорить о Теркеме, то раяты располагали для своего хозяйства землей из общинного фонда и мюлками. Причем земли, принадлежащие в целом общине, считались бекскими, а мюльки были личной собственностью раятов. Мюльки не входили в расчет при отбывании повинности бекам и могли кому угодно продаваться и передаваться по наследству.

Феодальные повинности в Кайтаге по категории зависимого населения разделялись на два разряда.

Раяты теркемейские обслуживали свое хозяйство и хозяйство кайтагских феодалов личным трудом. Работа на уцмий и бека называлась, как и у кумыков, билха (барщина). Во время билха раяты должны были пахать бекские поля в течение трех — четырех дней в году, платить подать рисом и «сверх того, когда случится и другая какая работа, то все идет без оговорок...»²

Кроме работ на поле феодала, теркемейцы несли продуктовую ренту. Ежегодно они давали уцмью с посева разного рода хлеба десятую долю, если же раяты рыли марену, то с каждой лопатки, сколько их с деревень будет в лето, — по одному батману. Также еще дают по четыре фунта масла, а если есть пчелы, то такое же число меду³.

Во всем Дагестане в самом тяжелом положении находились раяты Кайтага и Табасарана. Здесь получила широкое развитие отработочная система эксплуатации крестьян. В местном фоль-

клоре сохранились точные наименования на родных языках податей и повинностей. Таковы, например, чехишь — хлебная подать, взимаемая по числу рабочего скота или полпужно (в начале XIX века раяты от каждой пары рабочей скотины платили 20 саб пшеницы и 10 саб ячменя); бель-баши — плата, взимаемая с тех, кто выходил на выкопку дикой марены; чале-арба с установленной на ней высокой корзиной, в которую насыпается саман; колях — шелк-сырец.

Помимо указанных податей теркемейские раяты отбывали бекам и натуральные повинности. Особенно широкое развитие получила аробная повинность. Раяты по требованию бека выставляли лошадей для посылки их по его надобностям — для доставки, например, дров, травы, хлеба, сена и проч. в дом бека; для постройки беку казны и забора вокруг дворов и садов бекских, для перевозки бека с его семьей, если он куда-либо ехал и т. д.

Для наглядности приведем выдержку из «маслигатской записи» о круге обязанностей делчибанцев к своим бекам: «Жители деревни Делчибан, — говорится в этой записи, — по существующему издавна и поныне адату, служили своим бекам своими душами, лошадьми и арбами, платили им определенное количество с урожая своих посевов и других сельских произведений, засеянных на землях, состоящих в их пользовании»¹. В Делчибане плата взималась даже за выход замуж раятской девушки,² и это продолжалось до окончания Кавказской войны.

Полковник Ахмед-хан в поданном им в Комиссию по окончанию сословно-поземельных дел объяснении перечисляет и другие виды повинностей, которые обязаны отбывать теркемейские поселяне. Упомянуты, в частности, следующие повинности: «В случае, если зимою нельзя на полях пасти скот и табун, то бек скот свой разделял между раятами, которые и кормили его в продолжении всей зимы. Когда бек отправляет своих лошадей на пастьбу, то назначает с ними 20 или 30 нукеров, которых раяты обязаны кормить. Если бек отправляется на горячие воды и его сопровождают нукеры, то раяты тоже должны снабжать продовольствием их до тех пор, пока они будут с ним. При отправлении бека с людьми узденского происхождения в поле для препровождения времени раяты должны содержать, продовольствовать как бека, так и его спутников. Если беку понадобится баран или скотина назарез для себя или в подарок другому, то он берет таковую через кевха и даргу у раята, имеющего большое количество скота, и при этом, если бек захочет дать хозяину взятой скотины вознаграждение, то дарит ему по-

¹ «Маслигатская записка». Комиссия для окончания сословно-позем. дел в частях Кавказ. края военно-народ. управления. ЦГА Грузинск. ССР, № 125, 1892, стр. 9.

² Сравнительная таблица по сведениям о зависимых сословиях Дагестанской области. ЦГА Грузинск. ССР. Комиссия для оконч. сосл. позем. дел в частях Кавказ. края военно-народн. упр., д. № 9, 1866, стр. 22.

¹ Очерк Кайтаго-Табасаранского округа. Газ. Кавказ, № 12, 1867.

² Топографическое описание Северного Дагестана. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, стр. 15.

³ Там же.

дать, которую он должен был отдать беку, а в противном случае раят платит и следуемую беку подать. Прежде были в деревнях Теркеме торгующие люди, с которых бек получал за право торговли от 100 до 600 руб., смотря по капиталу торговца. Бек имеет право взять от каждого богатого раята буйволиц и коров от 5 до 6 штук к себе в дом и доить их в продолжении 9-ти месяцев»¹.

Таковы существовавшие в Кайтаге повинности феодалам, которые мы относим к первому разряду.

Ко второму разряду относились подати, взимаемые с хайдаков нижнего Кайтага. На барщину и уцмию они не ходили, но давали с каждого двора «масла и меду» по «состоянию земледельца». Сюда не входило то, что давали тем владельцам, которым «принадлежали оные деревни»².

Жители узденской части Кайтага считались свободными и независимыми от уцмий. Исключение составлял только магал Ицари и еще два селения Абдашка (магал Шуркент) и Турага (магал Катаган), которые находились в прямой зависимости от уцмий. Магал Ицари платил уцмию следующие подати: уздени общины Ицари — 60 баранов и барашков, 40 козлов и козлят; общество Шари — 40 баранов и барашков; 20 козлов и козлят, 2-х телят годовалых; общество Чагри — 21 батман³ масла; общество Сом-Кара давало 9 веревок для увязки на вьюки масла, которое давали чагринцы, одну сабу ячменя для лошади нукера уцмий и один шерстяной чувал для нукера. Общество Абдамка платило маслом, а жители общества Тургач платили маслом и сигази⁴. Право на взимание этих податей принадлежало только уцмию. Беки его не имели.

* *
*

Из сказанного можно сделать следующее заключение.

Во-первых, в XVIII веке отношения между крестьянами и землевладельцами в известной степени регулировались адатами. Особенно это относится к верхнему Кайтагу. Затем появилось известное постановление Уцмий Рустем-хана, которое не игнорировало обычное право, но тем не менее, не будучи тождественным с ним, делало уже известный отход в сторону и представляло землевладельцам большие права в укреплении их экономики и в усилении эксплуатации крестьян.

Во-вторых, преобладающим видом повинности поселян нижнего Кайтага были мелкие работы при дворе уцмий и беков. Непосредственная же работа на пашне кайтагских феодалов была еще незначительной. Зато натуральные приношения феодалам со

стороны поселян занимали заметное место и были расписаны с большой точностью для всех видов продуктов.

Заметное место в экономике Кайтага играла и торговля. Кайтаги главную торговлю вели с Дербентом — скотом, фруктами (орехи, слива, груши), медом, мареной и коврами. Иногда они доставляли свои товары и в Кизляр. Хлеб потреблялся внутри Кайтага и в соседних обществах. Сами кайтаги покупали сукна и материи для одежды, медь, железо, свинец. Из ремесленной продукции кайтагов особенно славились и имели большой спрос кубачинские и харбужские изделия. Торговля носила больше меновой характер и особенно это чувствовалось внутри Кайтагии.

При всем этом мы не можем утверждать, что в Кайтаге в описываемое время существовала законченная крепостная система хозяйства. Процесс феодализации здесь далеко еще не закончился, хотя в экономике Кайтага все большее значение начинает приобретать обработка раятами бекских земель и пастьба скота. Последнее скорее относилось к нижнему Кайтагу. В целом же для всего Кайтага характерным признаком надо считать использование в производстве, с одной стороны, труда раята, т. е. крепостного и, с другой стороны, труда свободного общинника.

Весь XVIII и начало XIX века для Кайтага характерны тем, что на этой базе происходит дальнейшее развитие феодальных отношений, сопровождающееся ростом политического и экономического престижа уцмиев.

Ятаги и пастбищные горы кайтагских феодалов были прежде почти исключительно пастбищными. Сельские общества имели, согласно установленным обычаям, право пользоваться этими пастбищами для своего скота и иногда производили распашку. Теперь кайтагские феодалы стали лишать крестьянство этих прав и производили на этих землях собственные распашки. Как общее правило, до начала XVIII века все выморочные земли поступали обыкновенно в распоряжение сельского общества, а к началу XIX века выморочные раятские земли поступали уже в распоряжение бека.

Все это свидетельствует о тех изменениях, которые происходили в судьбе узденского и раятского населения Кайтага и об усилении феодальной эксплуатации, о развитии процесса закрепощения узденей.

3. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Разбирая особенности экономического развития Кайтага, мы отметили, с одной стороны, отсутствие тесного экономического контакта между его отдельными частями и, с другой, — различный уровень развития в нем социальных отношений. В плоскост-

¹ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, л. 68.

² Топографическое описание Северного Дагестана, л. 15.

³ Один батман — 6 фунтов.

⁴ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, л. 90.

ной части Кайтага прочно внедрились феодальный способ производства и соответствующие ему производственные отношения, а в нагорном Кайтаге уздени распоряжались мюльками, т. е. пахотными участками на правах частной собственности. Мюльк в руках узденя являлся свободно отчуждаемой собственностью. Пока уздень владел мюльком он оставался независимым. И как только терял мюльк свободный уздень становился феодально-зависимым крестьянином.

✓ Было бы, конечно, не совсем верно, если бы мы, ограничились таким противопоставлением друг другу отдельных частей Кайтага без соответствующего пояснения. Пояснение сводится вот к чему. При всей социально-экономической разности Кайтага не следует забывать, что нагорный Кайтаг также являлся составной частью владения кайтагского уцмийа, и рано или поздно он также втянулся бы в общее русло установившихся в другой его части производственных отношений. Сам факт вхождения в состав уцмийства, наличие более развитых отношений по соседству и некоторые обязательства по отношению к уцмийю подтачивали основы прежней общинной организации и все больше приобщали эту часть территории уцмийства к остальному Кайтагу. Правда, в рассматриваемое время до уравнивания нагорного Кайтага с раятским было еще далеко. Узденский Кайтаг продолжал делать приношения уцмийю за пастьбу и проч. Это была еще дань, не превратившаяся в феодальную ренту, и свободный общинник не был обращен в феодально-зависимого крестьянина. Нет сомнений, что подобная экономическая и социальная неоднородность Кайтага не могла не наложить определенного отпечатка на его общественное устройство.

Как и все остальные вопросы истории кайтагов, его общественное устройство также совершенно не изучено. Среди местных памятников по общественно-политическому строю Кайтага XVII—XVIII вв. на первом месте стоит упомянутый нами выше кодекс, или постановление Рустем-хана. Архивные данные, собранные сословно-поземельной Комиссией, могут служить лишь подсобным материалом к нему. Адаты восьми магалов Кайтага, изданные во второй половине XIX века, больше касаются семейного и уголовного права населения и очень мало — общественных порядков. Поэтому они также не могут претендовать на ведущее место среди документов по общественному строю. Кодекс же Рустем-хана дает возможность проследить все своеобразные сложившиеся к этому времени у кайтагов общественные отношения. Кодекс этот вполне отчетливо различает класс феодалов в лице беков, соответствующую этому классу крепостную массу раятов и в то же самое время существование джамаата со свободным узденем. Эти решающие моменты специально подчеркнуты Рустем-ханом указанием на то, что его постановлением должны «руководствоваться бек и все кайтагское общество». Это не означало, конечно, что Рустем-хан отвел в своем кодексе

равное место классу феодалов и сельской общине. «Не читать,— гласит вступление к «постановлению» Рустем-хана,— для того, кто не имеет от бека бумагу с приложением его печати. Если же кадий прочитает для того, у кого нет письменного позволения от бека, то с него, с кадия, взыскивать одну лошадь в пользу бека»¹.

Ставя интересы господствующего класса на первое место, Рустем-хан тут же предупреждает о том, что существует джамаат, с которым беки обязаны считаться. «Если бек,— говорит Рустем-хан,— будет притеснять какое-либо селение, то остальные селения должны вступить за него и остановить бека. Все должны говорить единогласно; кто же будет противоречить обществу, того дом разрушат, а самого изгонят». Рустем-хан заканчивает тем, что требует от бека «наказать поступающих противозаконно. В противном же случае бека удалят»².

Если иметь в виду, что все это писалось не под кратковременным давлением событий, что Рустем-хан отразил действительное соотношение общественных сил в Кайтаге в его время, то все это только лишним раз подтверждает наше предположение насчет социальной двойственности кайтагского общества. Имеющиеся в «Постановлении» главы, общие для беков и джамаатов, с одной стороны, и, с другой,— отдельные для каждого из них, также яркое этому свидетельству.

Кодексом Рустем-хана, как законодательным актом, руководствовались во всем Кайтаге. Наряду с этим, в каждом джамаате, в каждом магале имелись свои адаты. На них основывалась повседневная деятельность узденей. Так, джамаатские адаты решали все вопросы внутри джамаата, а дела между джамаатами регулировались адатами общемагальными. И лишь в особо трудных делах, в случаях, когда речь шла о взаимоотношениях между магалами, обращались к известному постановлению Рустем-хана.

Обращают на себя внимание адаты магалов верхнего Кайтага: Ганка, Гапша и Мюра. В них, кроме вопросов уголовного характера, мы находим своеобразное отражение общественного положения, занимаемого в Кайтаге магалами и джамаатами. Хотелось бы подчеркнуть, что это касается даже не столько магалов, сколько джамаатов и тухумов.

По изданным адатам и частично по преданиям можно понять, насколько прочно укоренились тухумы в быту и общественной жизни в Кайтаге. Сам факт существования тухума вызывал к жизни целый ряд обычаев и обрядов. Взять к примеру вопрос о части тухума. Тухум ревностно оберегал свое достоинство, стараясь ни в чем не уступать и не делать никакого снисхождения по отношению к другим тухумам. Об этом ярко рас-

¹ Постановление Рустем-хана, стр. 80.

² Там же, стр. 87.

сказывают сами адаты. «Когда между двумя тухумами произойдет драка,— говорится в одном из собраний адатов,— в которой будут убитые, и если убитых с обеих сторон равное число, то засчитывается кровь за кровь, а если с одной стороны больше убитых, чем с другой, то та сторона, в которой убитых больше, требует от противной стороны плату за превышающее число кровей. Если кто из раненых до своей смерти назначит, от чьей пули он умрет, то не принимая никаких отговорок, с названным лицом, поступают как с убийцей; в противном же случае тухум, в котором больше убитых, требует предъявления нескольких пуль противной стороны на тот конец, чтобы выбрать себе канлы из числа убитых свыше своих»¹. В этом мы видим не только связанность членов тухума, отстаивающих честь тухума мерилом «кровь за кровь» круговой порукой, это есть самое настоящее родовое возмездие.

Адаты, отражающие собой основные принципы общинного права, ограждали членов тухума от ростовщиков, от кабальной зависимости и разорения. В этих случаях тухум по известным нам мотивам поступал в защиту своих членов. В адатах по долговым обязательствам сказано: «Если кто должен кому и в том не отказывается, но не имеет чем заплатить, то родственники его обязаны удовлетворить кредитора»². У Рустем-хана сказано: «Если кто-либо заметит своего родственника в дурных поступках, то родственники должны убить его; в противном же случае обязаны отвечать за все противозаконные его поступки»³.

По адатам можно установить, что тухум вне джамаата — не сила. Вообще джамаат сам по себе не существовал, он состоял из нескольких тухумов, и более влиятельные из них направляли его деятельность. Честь джамаата была честью тухума. Поэтому общественный престиж джамаата должен был стоять высоко, и все его тухумы выступали за свой джамаат коллективно, представляя внушительную силу. «Когда между двумя джамаатами,— говорит адат,— произойдет столкновение,— в котором будут убитые», и если убитых с обеих сторон равное число, то засчитывается «кровь за кровь», а если с одной стороны больше, то противная сторона обязана заплатить по числу кровей»⁴.

Регламентация этих установлений дана и в «Постановлении» Рустем-хана. Он пишет: «Следующих слов жителям другого общества не передавать: Если канлы из другого общества придет, то его принимать; кто придет и пожелает остаться в нашем обществе на жительстве, того принимать; у кадия, чоуша, порочного, старика и ученика баранты не брать; если же кто возьмет

баранту у упомянутых лиц, с того брать пени (3 рубля 60 коп.); если несколько лиц, сговорившись, пожелают отделиться от общества, то с таких брать тысячу кари хабцалдику; с того, кто поведет канлы на разбирательство по какому-нибудь делу к кадию или обществу, взыскивать сто кари хабцалдику»¹.

Какие следовало бы сделать выводы из приведенных документальных данных о кайтагском тухуме и джамаате?

На наш взгляд, первый и основной вывод сводится к констатации уже высказанного нами того положения, что наряду с феодальным Кайтагом имелся еще вольный, узденский Кайтаг, не знавший по-настоящему власти помещика. В «Топографическом описании Северного Дагестана» сказано, что кара-кайтаги «податей вообще никаких никому не дают»².

Таким образом, джамаат и тухум и то время, какое мы описываем, в Кайтаге не только существовали, составляя в одной части страны самостоятельную основу общественного устройства, но располагали такими правовыми нормами в руках специальных органов, которые служили «для охраны общих и для подавления противообщественных интересов»³. То, что выходец из другой общины принимался в кайтагский джамаат без особых препятствий, то, что больших трудностей стоило покинуть свой тухум (т. е. фактически запрещен был добровольный выход из тухума), тот факт, что были установлены сложная процедура меры поощрения канлы, гарантирована защита членов тухума и установлена ответственность тухума в целом за поведение отдельных его членов — все это вместе взятое служит яркой характеристикой внутренней организации кайтагской общины. Сильнее всего это чувствуется в районах, отделенных от прибрежной части страны, откуда «свои произведения» никуда не вывозились, а продавались «только приезжающим к ним в деревни», но и те без хороших проводников, которым платят большие деньги, в их жилища, не подвергая себя опасности, проехать не могли⁴.

Следует ли из этого, что джамаат и тухум к этому времени сохранили прежнюю свою организацию, управление и распределение? Мы далеки от идеализации кайтагского джамаата и тухума. Они давно потеряли свой прежний облик, и внутри их произошли такие повороты и изменения, что мы иногда даже затрудняемся квалифицировать джамаат для XVIII века, как свободную общину. Например, джамаат был свободен от власти помещика, но не был свободен внутренне, не было равенства между тухумами, с одной стороны, и, с другой, — между всеми людьми, которые входили в состав джамаата. Да и тухум внутренне не был единым. Во многих случаях он дробился на не-

¹ Адаты южно-дагестанских обществ. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1875 стр. 34.

² Там же, стр. 40.

³ Постановление Рустем-хана, стр. 87.

⁴ Адаты южно-дагестанских обществ, стр. 34.

¹ Постановление Рустем-хана, стр. 84.

² Топографическое описание Северного Дагестана, л. 82.

³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1945, стр. 168.

⁴ Описание Северного Дагестана Тихонова и Сереброва, л. 78.

сколько хозяйств, семейств. В джамаате со времени Рустем-хана и привилегированном положении были кадии, чоуши, почетные старики.

Таким образом, выходит, что в Кайтаге, в смысле общественного устройства, с одной стороны развивался процесс феодализации в одной его части и, с другой стороны — сохранялся джамаатный строй, основанный на тухумах, но не свободный внутренне и как бы находящийся в переходной стадии к классовым отношениям. Так ли это было в действительности, или общественному устройству кайтагов свойственна была другая картина, — об этом скажет также классовая структура кайтагского общества XVIII века.

По классовому составу население верхнего и нижнего Кайтага подразделялось на восемь и более разрядов. К категории господствующего класса кайтагского общества относились: 1) уцмии, 2) беки, 3) джанка-беки, 4) джанка и 5) шихи или сеиды. Вся остальная часть населения составляла класс крестьян, подразделявшийся, в свою очередь, на узденей, раят и кулов¹.

Попытаемся разобраться в социальных различиях и правовом положении указанных классовых групп.

а) Класс феодалов.

§ 1. УЦМИИ

Уцмий — самый крупный землевладелец Кайтага. Звание его также древнее, как и наименование шамхал. После тарковского владельца уцмий занимал в Дагестане ведущее положение. Он также, как и кумыкские князья, будучи крупным землевладельцем, держал в своих руках ятаги. То, что наряду с пахотной землей, уцмий и беки обладали ятагами, мы считаем основной особенностью кайтагского общества данного времени, ставившей уцмия в исключительно выгодное положение как внутри страны, так и вне ее. На этой базе росла и крепла власть уцмия.

Звание уцмия переходило наследственно к старшему в роде. Но каждый раз наследственный переход звания уцмия к старшему в роде сопровождался избранием его и провозглашением на общем сходе представителей от всех свободных обществ, который собирался в селении Башлы. Здесь «на него возлагали шапку, которая хранилась в тухуме арабского происхождения в магале Ирчимулъ»², после чего наследник рода считался избранным в звание уцмия. На этом сходе одновременно с уцмием избирался тот, кто должен был наследовать его власть по смерти уцмия. Наследник назывался **гаттин**.

¹ Рустем-хан в его постановлении зафиксированы четыре группы: бек, раб, чанка, уздень.

² Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, л. 4.

Этот порядок избрания уцмия и наследника во многом напоминает историю избрания шамхала и крым-шамхала. Думается, это не случайное сходство, оно кроется в социально-экономическом развитии всего Дагестана. Тут есть что-то такое, что с трудом поддается разгадке и что может быть разгадано только на базе местного материала. Во всяком случае, этот факт, как и многие другие, говорит о том, что историческое развитие Дагестана нельзя рассматривать изолированно, по отдельным его частям, если мы хотим правдивее и полнее понять древнейшие исторические судьбы многочисленных народов Дагестана. Разве не любопытно сообщение Гербера, что «как скоро родился у уцмия сын, то посылают его в наибольшую деревню сей земли, где все бабы по-порядку принимают его к грудям своим. И ежели в оной деревне всех по ряду обойдут, то взять в другую и так далее по всей земле, пока младенец не отвыкнет. Посему жители думают, что они обязаны защищать его не щадя живота своего, потому что они с ним вскормлены одной грудью»¹. Мы этого не встречаем ни у лаков, ни у аварцев. Если два первых признака избрания уцмия в Кайтаге сходствовали с кумыкскими обычаями, то совершенно не найти нам у кумыков чего-либо, напоминавшего описанную выше церемонию с новорожденным ребенком. Приведенное свидетельство Гербера лишней раз подтверждает высказанное нами положение о Кайтаге, как княжества, где в одной его части получили утверждения феодальных отношений, а в другой все еще господствовали дофеодальные отношения со всеми вытекающими из этого порядками и обычаями. В данном случае речь идет об использовании уцмием широко распространенного на Кавказе обычая аталичества, или искусственного отцовства. Аталичество скрепляло два тухума или два общества нерушимыми узами дружбы. Учитывая это обстоятельство, уцмий ставил все общество в положение аталика и тем самым обеспечивал себе и своему наследнику не только покорность, но и полную поддержку со стороны всего общества. Конечно это не исключало принятого у кумыков обычая брать на воспитание детей владельцев. Для воспитателя, т. е. аталика, брать на воспитание детей у знатных лиц считалось «особой честью»².

§ 2. БЕК

Беки вслед за уцмиями составляли высший класс феодалов в Кайтаге. По своему происхождению они отличались друг от друга, называясь: уцмиевы беки, карачи-беки, гуринские беки. В этой социальной градации господствующего класса Кайтага тоже сказывается известное своеобразие. Беки, происходившие

¹ Гербер. Указ. соч., стр. 109.

² Племя кумыкское. ЦГА Грузинск. ССР, арх. 84, оп. 80, 1871.

из «великого рода дагестанского уцмий»,¹ не только превалировали численно, но по своему общественному положению и другим материальным выгодам приобрели решающее влияние во всех делах Кайтага. Напротив, карачи-беки и гимринские беки не совсем еще порвали с общинными связями и стояли немного ниже уцмиевых беков.

Юридическое оформление сословий беков в Кайтаге произошло в XVI веке еще при уцмий Ахмед-хане. Беки владели населенными землями, кутанами и ятагами по наследству и взимали с подвластных им раят и узденей различные подати и повинности. Кроме наследственных земель, называвшихся мюльками, беки имели земли, приобретенные путем покупки у раят и доставшиеся после смерти раят, не оставивших наследников или бежавших.

Имение после смерти бека переходило к наследникам по мужской линии. Женщины не наследовали недвижимого имущества. Дочерям выдавалась часть из движимого имущества при выдаче их замуж. Бездетной вдове лицо, наследовавшее имение, выделяло часть из наследства покойного. Этого порядка наследования придерживались не всегда. Обычно право сильной руки брало верх и завладевало большей частью наследства.

За хорошую службу уцмий награждал беков подарками, состоявшими из вещей и скота. Земли доставались беку по наследству, и уцмий не имел права их отбирать. Бывали случаи, когда к уцмию переходили на службу беки, но они не получали наследственных земель, а имели во временном пользовании доходы с деревень и несколько дворов раят. В конце XVIII века и особенно в начале XIX века беки, помимо наследования, стали получать имения путем пожалования их российскими военачальниками.

Среди беков имелись владельцы весьма сильные, обладавшие большим имуществом. Известно, что один из уцмиевых беков по имени Исмаил-бек «имел под владением 16 деревень»². Однако, большинство беков владели не более, чем двумя-тремя селами, а то и одним селом и несколькими кутанами. В 1815 г. Бадирхан-бек владел селением Уллу-Теркеме и двумя ятагами.

В сведениях дербентского коменданта полковника Розенфельда, относящихся к 1828 году, говорится: что «во времена уцмиев беки на народ, находящийся под их управлением, имели большое влияние и делали такие же наказания, как уцмий, и брали с них разного рода штрафы. Со времени же российского правительства беки над народом той власти уже не имеют, кроме того, что берут с каждой пары рабочего скота по 20 мер пшеницы, 5 мер ячменя, десятую часть шелку, и жители обязаны беку

своему сеять пшено сорочинское»¹. Вполне соглашаясь со сказанным о беках и податях, и повинностях, получаемых ими, следует заметить, что понятие «народ» в том виде, в каком оно дано у Розенфельда, ошибочно. Право бека на взимание ренты и прочие виды работ могло распространяться в данном случае не на весь народ, а только на раят. Да и в отношении раят бек был во многом ограничен. Так, по установившемуся обычаю «бек не имел права изгонять раята из селения по своему желанию, но он мог его притеснять до того, что раят должен был сам бежать из селения»².

Ограничения действиям бека были установлены не только в отношении раят, но и во многом другом, с чем связано было благополучие бека. Любопытные данные дают на этот счет взаимоотношения бека и джамаата. Кайтагский бек не мог притеснять какое-либо селение, а в случае, если бы он попытался встать на этот путь, «остальные селения должны вступить за него и остановить бека»³, а если бы бек стал упорствовать, и изгнать его. Некоторые общества на этой почве могли отойти и к другим владельцам.

Действия бека ограничивались и во внешних делах, особенно в делах военных. На этот счет у Рустем-хана сказано: «Бек не должен предпринимать поход, предварительно не посоветовавшись с благоразумными. В противном случае брать с него штраф (триста руб.) в пользу общества»⁴. Под благоразумными подразумевалась общинная администрация, лица, с которыми бек обязан был обсуждать свой план, прежде чем предпринять поход. Лишь после того, как достигалось обоюдное согласие — поход считался разумным, заслуживающим участия всего общества.

Остановимся еще на одном моменте, характеризующем взаимоотношения бека и джамаата. Он связан с именем Рустем-хана. В его постановлении записано: «Никто не должен завещать имение свое в пользу бека или чанки. Кто делает такое завещание, того вместе с семейством изгонят из селения. А кто будет упрашивать и советовать, чтобы такого завещателя оставить, того дом разрушить»⁵. Это очень строгое предписание, пожалуй, такое, какое редко можно встретить у других народов. Оно целиком направлено против бека, против роста земельной собственности и, следовательно, против усиления политической власти бека. Напомним, что это писалось уцмием кайтагским для потомков. Неужели глава феодальной знати Кайтага был противником расширения бекской собственности, противником укрепления господствующего положения феодального класса в Кайтаге? Дело, конечно, тут не в противодействии или в неуважении соб-

¹ Справка к законопроекту, стр. 2—4.

² Там же, стр. 19.

³ Постановление Рустем-хана, стр. 87.

⁴ Там же, стр. 88.

⁵ Там же, стр. 88.

¹ Заниска о сословно-поземельном строе в Кайтаге, л. 9.

² ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 24, 1722, л. 74.

ственного класса, а прежде всего в силе тухума и джамаата. Уцмий при всем своем желании не мог обойти их, сам он тысячей нитей был связан с джамаатом. Рустем-хан запечатлел в своем Постановлении конца XVII в. рамки, в которые ставился растущий феодальный класс при существующем в Кайтаге общественно-экономическом строе. Кроме того надо полагать, что уцмий этим суровым актом в известной степени сдерживал неимоверно быстрый рост бекоских земель и отгораживал себя от усиливающихся беков.

В течение последующего времени происходили изменения: шло разложение джамаата, выдвигание на первое место беков, шло их земельное надела и усиление феодальной зависимости свободных общинников. Но этот процесс в Кайтаге в XVIII веке далеко еще не был закончен.

§ 3. ДЖАНКА-БЕКИ

К разряду класса кайтагских феодалов относились беки, рожденные от гумы, т. е. матери, не равной бике. Назывались они джанка-беками.

Различие между джанка-беками и беками равного брака заключалось в большем или меньшем праве на отцовское наследство. Джанка-бекам отводилась меньшая доля в сравнении с беком. В этих случаях джанка-беки получали из недвижимого имущества отца: 13 дворов раят, 12 дворов евреев, 12 дворов чагар, один или часть ятага¹. Во всем остальном они нисколько не отличались от остальных беков. В своих имениях джанки-беки пользовались такими же правами к подвластному населению, как и все остальные беки. Имение их переходило по наследству на тех же основаниях, как и у беков.

§ 4. ДЖАНКА

Особую группу кайтагских феодалов составляли просто джанки, т. е. дети от неравных браков уцмия и беков. Джанка-беки, как правило, имели мать из рода знатного, но не владельческого, а джанками считались дети от каравашки, раята и узденя. Это различало их по происхождению. Но не только это различало их. В отличие от джанка-беков, джанки не владели населенными землями, не имели своих раят, пользовались участком из общественного земельного фонда при селениях, в которых они жили. Жили же они преимущественно в узденских селениях.

¹ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге л. 12.

Наконец, к категории класса кайтагских феодалов в качестве нижней группы нужно причислить шихов или сеидов. Жили они в разных сельских местностях, пользуясь рядом привилегий и льгот. По отношению к владельцам они не несли никаких обязательств. Ядром, из которого выросла эта группа, были арабские завоеватели. В период, когда распространялась мусульманская религия, они пользовались гораздо большим весом среди населения и оказывали заметное влияние на правителей. В последующем, когда светская власть усилилась, их функции фактически были сведены к исполнению религиозных обрядов, но за ними сохранены были некоторые привилегии.

По своему положению шихи занимали промежуточное положение между классом феодалов и свободными узденями.

б) Класс крестьян.

§ 1. УЗДЕНИ

Крестьяне делились на два основных разряда: узденей и раятов.

Наиболее многочисленную группу населения в Кайтаге составляли уздени. Под узденем подразумевался «свободный человек, ни от кого не зависящий, распорядившийся свободно своим временем и имуществом. По правилу все уздени равны между собой, различие же между ними было только по состоянию, по силе и древности тухума»¹.

Такое определение дано узденям в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге». Не вполне точно будет, если мы не расчленим эту группу населения, в зависимости от местоположения и прочих условий тогдашнего Кайтага. Имелись уздени, которые жили в Верхнем Кайтаге, и уздени Нижнего Кайтага. Их общественное положение было неодинаковое.

В Верхнем Кайтаге уздени сохраняли в себе больше черт демократизма и свободу в личных и имущественных делах. Они были связаны с уцмием и входили в состав его владения, но тем не менее их мы не можем назвать феодально-зависимым населением Кайтага.

На чем же основывались взаимоотношения узденей Верхнего Кайтага с уцмием каракайтагским? Известно, что узденский Кайтаг был опорой во всех внутренних и внешних предприятиях уцмиев, и от того, пойдет ли узденская масса за ними или нет, — зависел успех дела и будущность уцмиев. Немало было случаев, когда недовольные башлинцы изгоняли уцмия, да и сам Рустем-хан в своем своде также предусмотрел право джамаата на изгнание беков, нарушающих сложившиеся правовые формы данной общины.

¹ ЦГА Грузинск. ССР, ф. № 65. арх. за 1866 г., л. 15.

Таким образом, ответ на поставленный вопрос невозможно дать без того, чтобы не указать на тот факт, что уцмий в Верхнем Кайтаге имел дело, во-первых, с узденским джамаатом, а, во-вторых — за спиной отдельного узденя стоял тухум, а все уздени, вместе взятые, объединялись магалом и составляли внушительную силу. «Если бек прикоснется к жене узденя, — говорится в постановлении Рустем-хана, — то должен дать штраф (сто рублей) в пользу всего общества»¹. Это достаточно хорошо подтверждает вышесказанное. Словом, узденские джамааты смотрели на уцмию, как на своего военного предводителя и защитника как от внешних, так и внутренних врагов.

За то, что уцмий предводительствовал в походах, защищал интересы узденей во взаимоотношениях с соседями и доставлял возможность безопасно пасти свой скот на плоскости, узденский Кайтаг делал уцмию сперва незначительные приношения, а затем отдельные работы до тех пор, пока все это не стало взыскиваться в отдельных джамаатах периодически. По существу это было данью и в своей основе оставалось данью для Верхнего Кайтага на протяжении всего XVIII века.

Иначе обстояло дело с узденями Нижнего Кайтага, которые жили смешанно с раятами. Так, в магалах Маджалис-катта и в других джамаатах первоначальная дань к этому времени стала принимать форму феодальной ренты. На первых порах она имела примитивную форму, не такую, как отработочная рента раят, — но все же это была уже не дань, а следующий этап превращения свободного общинника в феодально-зависимого крестьянина.

К сказанному об узденях следует еще добавить, что некоторые уздени по своему положению стояли близко к средним феодалам. Были и такие уздени, которые занимали влиятельное положение при уцмий. О них, в частности, упоминается в рапорте кизлярского коменданта Штендера в астраханскую губернскую канцелярию от апреля 1774 г. Штендер в рапорте подтверждает, что он получил из губернской канцелярии для уцмий Эмир-Гамзы запечатанное письмо и «подарок ему алого сукна восемь аршин, столько ж золотого штофа, да трем его узденям по четыре аршина сукна ...»².

§ 2. РАЯТЫ

Если сравнить узденский Кайтаг с нижним, то последний был просто крепостным Кайтагом. Такая глубокая разница существовала между ними несмотря на то, что вся эта территория, вместе взятая, составляла владение уцмий каракайтагского.

Все население не коренного кайтагского происхождения, называемое теркемцами, имело одно имя — раяты.

¹ Рустем-хан, стр. 83.

² ИКИАИ, том III, Тифлис, 1925, стр. 147.

Это были крепостные крестьяне, жившие на теркемской равнине на землях кайтагских феодалов. Обстоятельства заселения ими теркемской равнины рисуются таким образом. Земли в Теркеме некогда принадлежали ирчамульцам и башлинцам. Впоследствии ими завладел один из уцмий и заселил их выходцами из других мест. Поводом к этому послужил отказ ирчамульцев платить уцмию установленные обычаем подати. Бакиханов¹ приписывает основание магала Теркема уцмию Султан-Амеду и сообщает одновременно, что это были переселенцы из Кубы, Шемахи и других мест. Мы не разделяем мнения о заселении Теркема в XVI веке. Земля эта была заселена, видимо, гораздо раньше, и об этом свидетельствуют нравы, быт, следы общинного устройства и землепользования, сходные с кайтагскими.

Поверенные раятских аулов заявляли в сословно-поземельную комиссию: «В прежнее время мог требовать от раятов все, что пожелал бы и они исполняли эти требования потому, что беки были сильнее нас и могли заставить исполнять всякое свое требование»². И, действительно, богатый материал сословно-поземельной комиссии дает основание сделать вывод, что бек требовал от раят все, что пожелает, и что иногда требования эти были до того обременительными, что раяты вынуждены были бежать от своих беков.

По установившемуся обычаю «бек не имел права выгонять раят из селения по своему желанию, но он мог его притеснять до того, что раят должен был бежать из селения»³. Но раят мог уходить из селения только тайно⁴. По своей воле уйти от одного бека к другому он не мог. Несмотря на это, бегство раят не прекращалось на протяжении всего XVIII века. Теркемцы уходили на Терек в русские пограничные районы. Если раят переселялся в другое село, то он терял право на все недвижимое имущество, сад, дом и т. д., а имущество переходило в собственность бска.

§ 3. ТАТЫ

На положении раят находились евреи или таты. В топографическом наименовании местностей (ущелье Джугут-катта и др.) сохранялись следы их давнего пребывания в Кайтаге.

Точное время их поселения неизвестно. Можно сказать, что они жили в этих местах по крайней мере со времени хазарского каганата. В изучаемое время компактно они жили главным образом в двух населенных пунктах — в Маджалисе и Янгикенте.

Таты имели усадьбу, а некоторые — незначительные участки земли. Занимались они торговлей, разведением табака, производ-

¹ Бакиханов. Указ. соч., стр. 89.

² Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, л. 68.

³ Справка к законопроекту, стр. 19.

⁴ Там же.

ством сафьяна и сыромятной кожи. Владельцам своим они делали денежные приношения и отбывали некоторые повинности работой в хозяйстве уцмий или бека, в зависимости от того, кому они принадлежали. Пахотными и покосными землями из общественного фонда они не пользовались¹.

Уцмий и его беки не преследовали татов, а, наоборот, покровительствовали им. Это покровительство выражалось в том, что за убийство мусульманином тата во времена Рустем-хана «виновный должен наполнить кожу убитого серебром и дать беку»². К началу XIX века бек взыскивал с виновного все имущество. За воровство у еврея взыскивалось с виновного в 9 раз больше стоимости украденного³.

§ 4. ЧАГАРЫ

В Кайтаге автору этих строк удалось установить существование и другой группы феодально-зависимых крестьян⁴. В обществах Башлы, Туманляр, Янгикент часть населения считалась по происхождению чагарами. В материалах сословно-поземельной комиссии о них еще упоминается, к началу же XIX века они растворились в общей массе раят и узденей. Мы предполагаем, что теркемейцы чагарами называться не могли, — это были, видимо, кумыки — то ли переселенцы, то ли беглые от кумыкских феодалов.

§ 5. КУЛЫ

Существование кулов, т. е. рабов, и бесправное положение их отражено у Рустем-хана в его постановлении. В одной из статей сказано: «Если раб прикоснется к жене узденя с прелюбодейною целью, то его убивать»⁵. В другой: «за убийство кем-либо бекского раба взыскивать с каждого дома всего общества по одной паре обуви и по мешку саману»⁶. Эти статьи достаточно ярко характеризуют общественные отношения. В первом случае показана противоположность между узденем и рабом и, во втором — тот факт, что раб — это собственность бека. Положение это оставалось неизменным до середины XVIII века.

Кулы самостоятельной роли в хозяйстве кайтагских феодалов не играли. Они выполняли домашние и хозяйственные работы

¹ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, лл. 19—20.

² Рустем-хан, стр. 86.

³ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, лл. 19—20.

⁴ Р. Магомедов, Поездки по Кайтагу. 1936. Маджалис, Кубачи, Харбук с экспедицией музея народов СССР.

⁵ Постановление Рустем-хана, стр. 86.

⁶ Там же, стр. 85.

во дворе феодала. Основным источником рабства в это время являлись пленные. Был и другой источник рабства. Так, в кайтагских адатах сказано: «девушка, спасшаяся от преследований в доме бека, становилась его рабой»¹.

4. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

§ 1. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

В постановлении Рустем-хана сказано: «В государстве без правителя, в обществе — без суда, в стаде — без пастуха, в войске — без разумного, в селе без головы — добра не будет»². У Рустем-хана, таким образом, правителю, как политическому лицу, отведено в кайтагском обществе конца XVII века первое и решающее место.

Из этого, казалось бы, можно заключить, что и в XVIII веке Кайтаг по своему политическому устройству представлял собой цельное государственное объединение во главе с феодальным монархом. Верно ли это? Если остановиться на приведенном выше положении из Постановления Рустем-хана, выходит, что так оно и было. Но в действительности дело обстояло иначе. История Дагестана XVIII века цельного и монолитного Кайтага не знает. Социально единого Кайтага не было, и это вполне соответствовало той экономической раздробленности и тем следам дофеодальных пережитков, о которых говорилось в предыдущих главах настоящего исследования.

Мы уже знаем, что Кайтаг делился на две противоположные части — на Кайтаг узденский и на Кайтаг раятский. Население первой части называлось узденями, что означало свободные люди — люди, пользующиеся самоуправлением и выборностью своих судебных исполнительных органов. Население же раятского Кайтага испытывало на себе организованное господство класса феодалов и находилось в судебной и административной зависимости от беков. Далее, в узденском Кайтаге действовали народные собрания и существовала выборность сельской администрации, а в раятском Кайтаге политическую власть воплощал в себе бек.

По существу говоря, было два Кайтага: с одной стороны, Кайтаг, в котором уже сложилось довольно организованное господство одного класса над другими классами, и, с другой — Кайтаг, в котором эти отношения еще не развились до классовых, но сохранилось общинное устройство. Короче говоря, у одного и того же народа, на одной и той же территории существовало две формы общественного производства. В одном случае

¹ Адаты и судопроизводство по ним. Сост. А. В. Комаров, ССКГ, вып. I, стр. 53.

² Рустем-хан, стр. 87.

это был феодальный способ производства, в другом — патриархальный уклад.

Насколько позволяют наши наблюдения, изложенные в данной работе, ведущей формой общественного производства надо признать ту, которая существовала в так называемом райском Кайтаге, где существовали классовые отношения между феодалами и крестьянами. Эти отношения были определяющими в экономической и политической жизни всего Кайтага в целом. Эта часть Кайтага была во всех отношениях более консолидированной.

Противоположностью был узденский Кайтаг. Не будучи классовым в своей основе, он состоял из общинников, еще крепко связанных с тухумами внутри джамаата. Во внутреннем устройстве верхний Кайтаг распался на «вольные селения», т. е. на джамааты, а они, в свою очередь, входили в магалы, т. е. в союзы джамаатов. Последняя форма объединения не являлась прогрессирующим фактором существовавшего строя, а являлась всего только пережитком прежнего племенного, территориального деления.

Такое экономическое и политическое раздробление узденского Кайтага неизбежно вело к его прямой политической зависимости от нижнего Кайтага.

Тем не менее Кайтаг не знал централизованного государственного объединения. В практике государственного строительства кайтагов наблюдается наличие еще большого количества магалов. Их в Кайтаге насчитывалось тринадцать. Некоторые из них, как, например, Теркеменский магал, объединяли до 12 джамаатов, другие — меньше: Хайдакский — 9, Гимринский — 6, Каракайтагский — 5, Мюйра — 8, Кубачинский — 9¹. Джамааты, объединяясь в магалы, составляли нечто вроде самостоятельной политической единицы. Они имели свои руководящие адаты, решающие и исполнительные органы. Таким образом, кайтагские магалы обладали весьма сильной властью и пользовались большой автономией. Только в двух из 13 магалов уцмий имел полную власть и управление. Но во время войны и внешней опасности весь Кайтаг составлял один большой союз магалов под названием Уцми-дарго, в этом случае признающий главенство уцмий. В русских источниках это объединение называется обычно уцмийством Кара-Кайтагским, а затем это название прочно закрепляется за всеми кайтагскими землями.

Уцмийство Кара-Кайтагское, или Уцми-дарго состояло из пяти частей: Мюйра, Чихах-Кайтаг, Убах-Кайтаг, Маджалис-Катта и Теркеме. Сюда же входило и Гимри-дарго, носившее самостоятельное название потому, что там сидел один из членов

¹ Географическое описание Северного Дагестана, владений шамхала, уцмий и Али-Султана Жунгутайского. ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 18474, лл. 1—61, стр. 13—15.

уцмиева дома и управлял им. В XVIII веке многие джамааты отошли от уцмийства. В частности, к этому времени относится отход Каба-дарга. В результате семилетней войны с уцмием Акушинским союз обществ присоединил его к себе.

По своему характеру уцмийство Кара-кайтагское в расцветаемое время представляло собой государственное образование ранне-феодалного типа. «Князь их, — говорит Гербер, — которого вообще называют усмием, именуется ныне Ахмед-хан и употребляет титул хана Хайдакского и Кара-Кайтагского. Он всегда был в сих странах после шамхала знаменитым»¹. Полнота власти принадлежала уцмию не только в его собственном доме, но в тех рамках, в каких это позволялось бийским адатом, распространялась и на владения беков. Что касается власти уцмий в узденских магалах, то о ней следует сказать, что она определялась самим существованием джамаатских и магальских адатов, с одной стороны, и, с другой, — кодексом Рустем-хана.

Во внешне-политических делах уцмий старался быть самостоятельным, но это ему удавалось не всегда; надо было считаться с узденским Кайтагом, и его игнорирование зачастую в самое нужное время лишало уцмий поддержки.

Уцмий сносился и поддерживал связь с теми государствами и владельцами, связь с которыми давала большие политические и экономические выгоды. Уцмий имел свои таможенные границы. Вступить в уцмийство без согласия владельца никто не мог. Каждый, кто следовал через его территорию, обязан был остановиться у пограничного пункта, дожидаться прихода уцмиевых людей, и лишь получив соответствующее право, мог следовать дальше.

Дворянин Лопухин, описывая проезд через владения уцмий от Дербента до Тарков, свидетельствует о невероятных трудностях и осложнениях, которые ему пришлось претерпеть. На обращения его к уцмию с просьбой беспрепятственно пропустить до Тарков, последовал отказ. Лопухин добивается специального послания с той же просьбой от правителя Шемахи и султана Дербента. Посланцы возвратились в Дербент с ответным письмом уцмий, в котором говорилось: «ко мне пишет хан Шемахинский и султан Дербентский, я у них не под командою и писем их не слушаю и по их письмам сего дела на себя не приемлю...»². Соглашение уцмий было получено только после долгих хлопот.

Лопухин оставил чрезвычайно ценный материал, связанный с передвижением по территории Кайтага, который дает любопытную картину из жизни этого времени. Он рассказывает, что из Дербента до границы уцмий его сопровождали сто человек во главе с юзбаша. Когда кончилась дербентская земля и Лопухин вступил в уцмиевы земли, ему вместе с дербентцами пришлось

¹ Гербер. Указ. соч., стр. 103.

² ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 1-1718, л. 3.

ждать, пока не явились ущмиевы люди. Они поздоровались с дербентцами, а затем «отъехали на сторону с оным дербентским юзбашем и говорили тихонько с четверть часа, потом приехали к нам и сказали, что усми вас теперь принял, а проводит в Буйнаки к Муртузалюю, извольте ехать, не опасаясь ничего». Затем к Лопухину подъехали брат и сын ущмий, поздравили их, и путники отправились дальше. Когда стали подъезжать к границе буйнакского владельца, от ущмий к Лопухину явился посланец с просьбой, «чтобы дворянин подарил ущмию лошадь лутчею за то, что через его землю прошли, для того, что усми даром служить никому не должен, шаха мы не боимся, а государь ваш про нас не ведает и нам жалования не дает»¹.

Союзники проезжали через владения ущмий беспрепятственно, но для недругов границы его закрывались. Ущмий и шамхал враждовали между собой². Ущмий не испытывал особой надобности в проезде через шамхальство. Шамхал же без проезда через Кайтаг обойтись не мог и постоянно испытывал препятствия к этому. Петр I предписывал шамхалу, как союзнику, чтобы он обеспечил исправную доставку почты и продвижение в сторону Дербента. В ответном письме Петру I от 12 августа 1722 г. шамхал жалуется на то, что указ «за трудным проездом от кайтагского народа отправить мне невозможно; для того, что оные мол суть не приятели и не учинили с какой посланцем пакости, того опасаясь не послал...»³.

С начала XVIII века «великие государства султанское и российское, — говорится в истории рода ущмий, — дарениями разного рода достоинств, редкими подарками и воззваниями решились привлечь на свою сторону эмиров Дагестана»⁴. Указание это прямо относится и к Персии.

Каждое из указанных государств, стремясь упрочить свое влияние на Кавказе, естественно, должно было выступать против усиливавшейся стороны и добиваться оттеснения последней с Кавказа.

Этим, собственно, объясняется, почему в течение XVIII века ущмий временами признавал над собою верховную власть то Турции, то Персии, то России. Но эта зависимость была все таки более номинальной, чем действительной. Достаточно привести один факт, чтобы убедиться в этом. В 1740 году, находясь в Дагестане, Надир-шах предложил ущмию Ахмед-хану с войсками идти на соединение с его армией, которая направлялась в Чи-

рах¹. Шах не сомневался в точном исполнении приказа, но ущмий не оправдал его надежд. Тогда шах стал обещать вознаграждение. И это не помогло — ущмий не выступил. Шах стал угрожать походом в Кайтаг и его разорением. Но ни лести, ни угрозы шаха не возымели действия — ущмий не выполнил шахского предписания. Это случилось в то время, когда персидский шах с громадной своей армией находился неподалеку от Кайтага; спрашивается, что можно было ожидать от правителей Дагестана и как они вели себя, когда шахи и султаны находились где-то вдали?

О связях ущмиев с Россией до начала XVIII века имеются самые неопределенные сведения. В связи с общей политикой, проводимой Петром I на Кавказе, он, готовясь в поход, делал усилия, если не полностью расположить к себе Кайтаг, то хотя бы оттолкнуть его от Персии и Турции. Такая политика для Петра была необходимой, и он старался достичь поставленной цели если не путем прямых дипломатических переговоров или обменом посланниками, то в результате системы заложничества.

Наибольшую роль играло заложничество. В аманаты (т. е. в заложники) брался, как правило, кто либо из членов ханского рода или его родственников, и обязательно брались аманаты от кубачинского или других влиятельных обществ. М. Сафонов, посланник к ущмию Ахмед-хану, доносит: «В прошлом 1721 году по его и. в. указу и поданной мне инструкции послан я был октября 20-го дня с Терека к хайдацкому владельцу исмию для приемки аманату, а приняв велено привести в Терской гарнизон и отдать полковнику и коменданту терскому Киселеву. Я же оному владельцу ездил и в аманат от него взял племянника его родного Темир-хана Хасамбекова сына и привез в Терский гарнизон...»². С помощью аманатов царское правительство стремилось добиться «дружелюбия» ущмий, с тем, чтобы все «дела между приятели и неприятели без остановки отправлять»³. В своем письме к астраханскому губернатору Волынскому ущмий Ахмед-хан давал обещание верности и дружбы и просил, чтобы в отношении аманатов губернатор приказал «терскому коменданту, дабы он во всем к ним был милостив и между б наших братьев ругания не было». Со своей стороны ущмий добавлял: «а я по приказу е. в. во всем буду исправлять, дабы у нас промеж себе розни никакой не было»⁴.

Готовясь к своему походу на Кавказ, Петр I знал, на кого можно положиться и на кого нельзя. По данным русской дипломатии, от ущмий Ахмед-хана и султана Махмуда утамышского

¹ Запись в журнале дворянина Лопухина, лл. 28—29 и обор.

² Рапорт Кизлярскому коменданту Шендеру ротмистра терского войска гарниз. от 11 февраля 1774 г. Известия Кавказского историко-археографического института в Тифлисе. Том III, Тифлис, 1925.

³ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 17, 1722, л. 32.

⁴ История о происхождении рода ущмиев и кайтагских беков. РФДНИИЯЛ, д. № 69, л. 12.

¹ ЦГА Грузинск. ССР, ф. 65, д. № 3, 1866, л. 1.

² ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 3, 1722, л. 12.

³ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 3, 1722, л. 13 обор.

⁴ Там же.

враждебных действий не ожидалось. В подозрении оставались только владельцы северной Кумыкии. Однако кавказское начальство, информируя Петра I накануне его похода о благонадежности дагестанских владельцев, в отношении уцмий Кайтага и его союзника утамышского султана упустило один очень существенный момент, который и во время продвижения армии Петра I и в последующем сыграл свою отрицательную роль.

Обстоятельство продвижения петровской армии через владения уцмий кайтагского известны. 18 августа 1722 года Петр I, ничего не подозревая, вступил на землю султана Махмуда утамышского и Ахмед-хана Кайтагского. Посланные для разведывания местности казаки были встречены огнем. Вот как описывает сам Петр дальнейшие события дня: «Только как вошли во владения султана Махмуда утамышского, оной ничем к нам не отозвался, того ради послали к нему с письмом трех человек донских казаков августа 19 дня поутру, а того же дня 3 часа пополудни изволил сей господин нечаяно нас атаковать...»¹. По грубым подсчетам отряд только одного султана утамышского доходил до 5 тыс. человек. Примерно с таким же количеством войск должен был выступить против Петра I и уцмий. Для этого семью и «пожитки де свои он, усмий, вывез в горы в деревню Кара-Куруш»². Однако в самый последний момент усмий, толкнув на авантюру султана, сам остался в стороне, решив испытать возможные варианты исхода поединка. Причиной того, что уцмий воздержался от открытого выступления, было получение в последнюю минуту отрицательного ответа от хана кази-кумукского. Сурхай уцмию отказал и сказал, что он «против войск его величества бороться не будет и с тем сына его усмиева от себя отпустил»³.

Дело в Утамыше приняло такой оборот, который привел к крушению утамышского султана.

Чем объяснить такое поведение уцмий и выступление его союзника султана Махмуда против Петра I? Что было недоучтено при этом кавказским начальством?

Отвечая на эти вопросы следует указать на два момента: во-первых — вражда уцмий к шамхалу и, во-вторых, — подстрекательство Турции к выступлению уцмий против России. Который из этих факторов взял вверх, видно из следующего.

Во время похода Петра I Дагестан характеризовался усилением феодальной анархии и усобицы между джамаасами. Ханы, беги и общинные старейшины враждовали между собой. Одна часть из них группировалась вокруг одного из владетелей,

другая — вокруг другого. Равновесие борющихся сил бесконечно менялось. Внутреннее положение страны часто предопределяло и ориентировку во внешних политических отношениях. Достаточно было уцмию и шамхалу не поладить между собой, чтобы уцмий как внутри, так и вне страны придерживался уже ориентации на такие силы, которые шли в разрез расчетам шамхала.

Проиллюстрируем это на примерах. Еще до установления отношений с Россией шамхал признавал власть шаха; уцмий тогда порвал с шамхалом и вступил в связь с Турцией. Позже шамхал целиком принимает ориентацию на Москву; тогда уцмий усиливал связь с шахской Персией. В начале XVIII века шамхал опирался на могущественного северного союзника, а Турция была слаба. Уцмий учел это обстоятельство и пытался сам войти в доверие к русскому правительству и с помощью России вести борьбу с шамхалом. Уцмий пытался добиться этого с помощью аманатов, но успешных результатов добиться не смог. Шамхал успел к этому времени завоевать достаточно крепкое доверие к себе со стороны России. Уцмий почувствовал это довольно поздно. В аманатах находились близкие ему люди. Враждовать с Россией — означало погубить их, и вместе с тем он не мог примириться с шамхалом.

Вот в каком положении мы застаем уцмий с его союзниками в период похода Петра I в Дагестан. Этим неустойчивым, шатким положением и воспользовалась султанская Турция, не заинтересованная в укреплении России на Кавказе. Она посредством выступления уцмий и других владельцев Кавказа пыталась помешать продвижению русской армии на Кавказе. Попытки эти оказались безрезультатными. Чтобы обеспечить коммуникацию между гарнизонами и крепостях в Тарках и на Сулаке, и «для содержания в обуздании отемисцев и уцмийцев»¹ Петр I поселил вблизи Буйнака, верстах в шестидесяти от Дербента, свой гарнизон во главе с генерал-майором Кропотовым и заложил крепость.

Находясь в Дагестане, Петр I продолжал свою политику поддержки и привлечения на свою сторону других горских владельцев. Табасаранский владелец Рустем подвергался нападению Сурхай-хана кумукского и кайтагского уцмий за то, что он не действовал заодно с ними. Рустем обращается за помощью к Петру I. Он сообщает 30 августа, что Сурхай и уцмий «неприятельским образом нападали, город мой выжгли, понеже ни от кого вспоможения для обороны мне учинено не было»². Первого сентября последовала грамота Петра I на имя табасаранского владельца Рустема, в которой Петр обещает помочь восстано-

¹ Письмо Петра I из Дербента в Сенат от 28 сентября 1722 г. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 5, 1722, л. 8.

² ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 24, 1722, л. 68.

³ Там же, л. 68 и обор.

¹ Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 26.

² Просительное письмо Рустема табасаранского владельца Петру. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 23, 1722.

вить разрушенный город и оказывать помощь войсками, «которые близ здешних краев обретаться будут»¹.

После отъезда Петра I из Дагестана, уцмий, поощряемый Турцией, не прекращает своих неприязненных действий против царской России. Против пребывания войск Петра I в Дагестане Турция сумела восстановить даже шамхала, проявившего свою преданность Петру при его походе. Обида, питаемая уцмием к шамхалу, по сравнению с той, какую он стал питать к Петру и его войскам за разорение его владений, отступила на задний план. Уцмий Ахмед-хан был готов забыть все, лишь бы шамхал сделался соучастником его плана мести. Турки явились посредниками, и «шамхал с уцмием помирились...»². Уцмий обещает шамхалу военную помощь. Шамхал изменяет России и выступает открыто. Но он не получает обещанной уцмием поддержки и терпит поражение. По увещанию кабардинских князей, уверявших, что особа его в безопасности, явился с повинной в русский лагерь с надеждой, что ему все простят. Там он был под арест и отослан в Архангельск. За подстрекательство шамхала и враждебность к России земли уцмиев подверглись разорению.

Таким образом, после этих событий силы четырех владельцев, хозяев плоскостного и приморского Дагестана — шамхала, буйнакского владельца, уцмий и утамышского султана, — владельцев, которые доставляли наибольшие неприятности и часто угрожали российским войскам, теперь оказались разбитыми, а остатки их — распыленными, не представлявшими собой в одиночку особой силы.

В этой обстановке уцмию не оставалось ничего другого, как смириться и отдаться в российское подданство. Так он и поступил. «Уцмий с сынами и стариками своими и кубачинскими и султан отемышский отдались в российское подданство и дали аманатов в Дербент, в число коих от отемышского султана был полуторогодичный единственный сын его»³. Уцмий сделался подданным русского царя и по первому требованию обязался выступить со своим отрядом. За это ему определили ежегодно жалованья по 2 тыс. рублей, а за сестрой его и для некоторых родственников закреплены были «доходы земли сальянской...»⁴.

Турция и Крым не оставляли в покое Дагестан. «В период между переполохами надировыми великие государства: Румское и Российское, с целью привлечения на свою сторону эмиров дагестанских дарениями разного рода достоинств и редкими подарками отправляли воззвания эмирам Дагестана со стороны

трех великих держав»¹. Турция, ведя войну с Персией, наиболее удобным пунктом для нападения на нее считает Дагестан с его Дербентом. Но тут сидели русские войска. Туркам они мешали². Призвав дагестанских владельцев к открытому возмущению против России, турецкий султан в 1733 году снарядил под командованием Фети-Гирей Султана корпус в 25 тыс. человек. Несмотря на сильную преграду российских войск, турки через Аксай, Эндрей и Койсу появились в Дагестане, привлекли на свою сторону уцмий и других горских владельцев. В этом же году для усиления своего положения на северо-восточном Кавказе и успешных действий против Персии Турция посылает в Дагестан крымского хана Каплан-Гирей с 80-тысячным корпусом.

Усилившаяся Персия сводит на-нет успехи турок в Дагестане. Они вынуждены оставить Дербент. Но уцмий, лишившись опоры в турках, не идет на поклон к персидскому шаху, а ищет поддержки в России. В 1735 г. Ахмед-хан принимает присягу российского подданства, отдает в аманаты своего племянника.

10 марта 1735 г. в г. Гандже заключается трактат между Россией и Персией, в котором сказано: «Дагестан, шамхал, уцмий и прочие народы, оные да пребудут со всеми принадлежащими к ним местами попрежнему в стороне иранского государства»³. Русские войска, согласно договору, отошли за Сулак. На Кавказе стали хозяйничать персы во главе с их шахом Надиром. Уцмий, как было сказано, с самого начала выступил против Надир-шаха и его завоевательной политики и сопротивлялся до последней возможности. Когда силы сопротивления иссякли, он ушел в Аварию и оттуда старался связаться с Россией и принять ее подданство. Этому он достиг. После разгрома Надир-шаха в нагорном Дагестане уцмий собирает в Кайтаге силы для окончательной ликвидации персидского господства в южном Дагестане. В 1747 году он осаждает Дербент, вступает в сражение с персидским отрядом, изгоняет оттуда персидского правителя и доходит до города Ардибиля.

После краха завоевательской политики Надир-шаха Дагестан на время оставался вне сферы влияния окружающих государств. Россия, руководствуясь договором с Персией, не вмешивалась в дагестанские дела, несмотря на наличие для этого ряда поводов. Было ясно одно: как бы обстоятельства ни сложились, Дагестан не мог иметь никакого тяготения к Персии. С Персией у горцев Дагестана все было покончено. Жестокая война, кровавые погромы и жертвы, учиненные Надир-шахом, послужили концом персидского господства в Дагестане. Несмотря на такую позицию со стороны России, кайтагский уцмий во время войны Надира старался установить хорошие взаимоотношения с Росси-

¹ Грамота Петра I к табасаранскому владельцу Рустему от 1 сентября 1722 г. Там же, л. 5.

² «Лист» от дербентского наиба Имама-Кули к Петру 23 июня 1723 г. Там же, л. № I, л. 104.

³ Бутков, Указ. соч., ч. I, стр. 82.

⁴ Там же, стр. 83.

¹ История происхождения рода уцмий и кайтагских беков, л. 12.

² ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 1, л. 50.

³ Бутков, Указ. соч., ч. I, стр. 131.

В ей. Но при уцмии Эмир-Гамзе отношения осложнились. Этому способствовал тот факт, что в 1752 году большое количество теркемейцев и татов, угнетаемых Эмир-Гамзой, бежали от него и были приняты эндреевскими владельцами. Обращение уцмий к этим владельцам не нашло отклика. Тогда он обращается с жалобой к российскому правительству, так как северная Кумыкия входила в состав границ России и была подвластна ей. Уцмий требовал вернуть его беглых теркемейцев или возместить ему эту утерю деньгами в сумме тридцать тысяч рублей. В просьбе уцмий не было отказано, но и беглецы ему возвращены не были. Это восстановило уцмий против России. Именно это обстоятельство положило начало разладу между уцмием и кавказским начальством и привело в 1774 году к гибели академика Гмелина.

Во второй половине XVIII века уцмий Эмир-Гамза усиливает свое наступление в сторону Дербента. Стремление овладеть Дербентом сделалось всеобщим и для майсума табасаранского, хана казикумухского и шамхала. В их расчеты не входило усиление уцмий за счет Дербента, но тем не менее сообща они вытеснили дербентского хана. Фет-Али-хан кубинский также давно зарился на Дербент и, используя несогласия между этими владельцами, сумел овладеть городом Дербентом, участники же похода получили незначительные земли. Самым близким к Дербенту было уцмийство. Между Фет-Али-ханом и уцмием завязывается дружба и намечаются родственные отношения. Уцмий появляется в Кубе, ездит с Фет-Али-ханом вместе на охоту,¹ хан кубинский обещает жениться на родной сестре уцмий. Впоследствии Фет-Али-хан обманул уцмий, отказался от женитьбы. Уцмий решил отомстить кубинскому хану, изгнав его из Дербента. Он собрал двухтысячный отряд, ввел его в Дербент и укрепился в Нарын-Кале. Фет-Али-хан, поспешно собрав войско, также направился в Дербент. Должна была разгореться битва, но ее предупредил аварский Нуцал-хан, который, «желая прекратить несогласия сих владельцев, прибыл к ним в Дербент»² и уговорил уцмий оставить крепость. Состоялось перемирие. Уцмий сохранил в своем владении ряд деревень в Дербенте и оговорил неприкосновенность жизни Ильяс-бека дербентского. Однако вскоре после ухода уцмий из Дербента Фет-Али-хан нарушил условия перемирия и казнил Ильяс-бека. Уцмий в ответ на это стал совершать частые набеги на Дербент, а затем и на Кубу. Под деревней Худат уцмий вновь предложил Фет-Али-хану мир. Тот принял предложение о мире, но когда уцмий повернул свои войска в Кайтаг, Фет-Али-хан по уговору своих приближенных на Кедужанской равнине вероломно атаковал уцмий тысячным отрядом. «Уцмий, увидя стремление от них на него, расположился в супротивление и так исправно, что мнимость в покуше-

¹ Гмелин. Указ. соч., стр. 25.

² Серебров. Указ. соч., л. 85.

нии на него испроверг к щастию своему удачно, разбил их всех и гнал до лагеря Фет-Али-хана с таким стремлением, что все войско Фет-Али-хана, видя свою гибель от отчаянности разбежалось в разные места в своей провинции, да и сам Фет-Али-хан едва скрытно с малым числом чиновниками своими убежал в свою же провинцию в Сальян»¹.

В 1775 году Екатерина II посылает в Дагестан с кавказской линии отряд под начальством генерал-майора барона Мадема с заданием поддержать Фет-Али-хана кубинского и наказать уцмий за пленение Гмелина. Фет-Али-хан превосходно воспользовался этой помощью. Значение уцмий, разбитого около аула Башли войсками барона Мадема, упало.

Мы постарались выше как можно полнее осветить важнейшие моменты из политической истории Кайтага и показать на этом фоне уцмий как военачальника области, в которой «народ весь почти неограниченно вольный и не повинующийся уцмий, исключая немногих только деревень, ему подвластных»². Таким подробным освещением событий нам хотелось подчеркнуть еще раз роль и место уцмиев в кайтагском обществе. Мы видели уцмиев, ведущих дипломатические переговоры и занятых войной, уцмиев, враждующих с соседними владельцами и государствами. Но мы также видели за их спиной те общественные силы, которые нередко предопределяли мир или войну, наряду с уцмийми в равной степени вступали в подданство и вместе с ними принимали присягу верности той или иной державе. Мы совершенно ясно видим во всем этом тот факт, что социально неоднородные части Кайтага, оставаясь экономически замкнутыми и изолированными друг от друга, оказывались временами объединенными в одну политическую систему под главенством одного правителя. В этом, мы считаем, заключалась одна из важнейших особенностей политического строя Кайтага в XVIII веке.

С другой стороны, кайтагские магалы, а следовательно, и джамааты продолжали пользоваться широкой автономией по отношению к уцмий. Права уцмий ограничивались выполнением тех или иных функций, общих для всех узденей, и получением за это причитающейся ему дани. Права открытого вмешательства во внутреннюю жизнь магалов он не имел. В этом заключалась вторая особенность в государственном устройстве кайтагов.

Наконец, третья особенность в государственном устройстве заключалась в том, что уцмийство представляло собой достоинство только одной династии. В соседней же Кумыкии этот принцип был к этому времени нарушен, — ею управляли несколько различных бекских родов. В Кайтаге же уцмий является обществен-

¹ Там же, л. 88; см. там же, «Песню о предводителе Кази Ашильтинском», которая посвящена кровопролитному сражению на Кедужанской равнине, где Фет-Али-хан потерпел поражение и бежал в Сальяны. «Дагестанский сборник», т. 4, 1927, стр. 54—56.

² АКАК, т. 5, стр. 625.

ным главой для всей территории, а другие члены его рода, т. е. беки, управляли отдельными областями, будучи его вассалами. Например, в Гамри-дарга сидел один из членов дома уцмиев.

§ 2. ОРГАНЫ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЕ

Выше мы выяснили, что уцмии стояли не только во главе феодального Кайтага, но территориально объединяли вокруг себя и узденский Кайтаг, как бы олицетворяя этим государственное единство пестрого социального комплекса кайтагских земель. Необходимо теперь выяснить организацию управления в Кайтаге и, прежде всего, выяснить пользовался ли уцмий неограниченной, бесконтрольной властью как феодальный монарх, выполняли ли уцмии все функции государственного управления и суда на всей территории Кайтага?

Кайтагские правители в то время, о котором мы говорим, кроме местных титулов, носили еще такие титулы, как эмир и паша. Титулы эти — не местного происхождения. Их получали все правители Дагестана, которых хотели привлечь на свою сторону восточные державы. По существу эти титулы не возвеличивали и не уменьшали власти местных владельцев. С другой стороны, эти титулы не были тождественны по содержанию с первоначальным их значением и не отражали фактического положения, занимаемого тем или иным владельцем. В силу этого мы не берем их за основу и руководствуемся фактическими наименованиями, существовавшими в Кайтаге. Всех своих правителей кайтаги, как говорилось, именовали уцмиями. Веками установившийся обычай требовал, чтобы это достоинство наследовал старший по летам из рода уцмиев, причем при обязательном признании его на собрании представителей от всех узденских обществ. Одновременно с уцмием назначался и его наследник. Такой порядок наследования достоинства уцмия без особых отступлений поддерживался вплоть до начала XVIII века. Со времени уцмия Ахмед-хана в этом порядке престолонаследия образуется трещина. Уцмий при жизни делает наследником своего внука Эмир-Гамзу, хотя тот по летам и не мог еще быть правителем. После смерти Эмир-Гамзы этот прецедент повторяется. Брат умершего уцмия Устар-хан, как старший в роде, восстал против подобного узурпаторства. На этой почве разгорелись раздоры. В усобицу были втянуты соседние народы и владельцы, в том числе и шамхал Тарковский, которому удалось помирить враждующих, основываясь на том, что «не следует поступать противно обычаю, уцмием должен быть старший по возрасту»¹. Устар-хан законно получил уцмийство, но вскоре скончался, и ему, по обычаю, теперь наследовал ранее отвергнутый сын Эмир-Гамзы-Алибек.

¹ История происхождения рода уцмиев, л. 15.

Таковы изменения, имевшие место в XVIII веке в обычае наследования достоинства уцмия. Здесь прежде всего сказалось стремление отдельной группы кайтагских феодалов нарушить установившийся порядок престолонаследия и закрепить за собой право назначать преемников без участия отдельных членов уцмиева рода и других крупных землевладельцев. В этом сказалась возросший политический и экономический престиж уцмия, который все же вынужден был склониться перед старинной традицией.

Сыграла ли в данном случае решающую роль только традиция или же имелись другие центробежные силы, игравшие не меньшую роль?

Надо согласиться с тем, что наличие старинного рода уцмиев с его обычаем на наследство еще не гарантировало полного политического и правового господства уцмия в Кайтаге. Тут явно сказывался перевес свободных от беков общественных сил многолюдного вольного верхнего Кайтага. Уцмии, сами будучи выходцами из узденского Кайтага, поселившись теперь в Нижнем Кайтаге, держались постольку, поскольку они поддерживались узденскими джамаатами. Нельзя признать случайным обязательный обычай провозглашения избрания уцмия на собраниях представителей от всех кайтагских джамаатов, исключая, конечно, раятских. Для узденского Кайтага было не безразличным, кто будет властвовать на их земле. Как сказано выше, во время усобицы после смерти Эмир-Гамзы Али-бек, нарушив все правила наследования, захватил с помощью акушинцев власть в Кайтаге, и тогда кайтагцы восстали против самозванца, свергли его и избрали уцмием Устар-хана. Известен и другой факт, когда узденское общество Башли, где была резиденция уцмия, недовольное поведением уцмия, изгнало его из своего селения. Уцмии в связи с этим вынуждены были перенести свою резиденцию в Маджалис. Все это относилось то к началу XVIII в., то к середине. Но и в последующем положение уцмиев не изменилось. Мы имеем пример, когда в 1801 г. неблагонамеренный поступок уцмия снова принудил кайтагов «единогласно его, Рустем-хана лишить уцмийского достоинства и возложить оное на высокостепенного Магомеда-Рази-хана, сына покойного Алихана...»¹.

В 1718 году уцмий Ахмед-хан писал дворянину Лопухину, «что у него дорога не заперта, что хочет тот едет, а что взять на свои руки и проводить в опасных местах до Тарков, тово де я сделать не могу, потому что меня сживут каракайтаки, которые никто унять не может...»². Этим Ахмед-хан еще раз подчеркивает то положение, которое имело место в Кайтаге и нашло свое отражение в постановлении уцмия Рустем-хана. Почти восемьде-

¹ Прошение каракайтанхского народа Александру I об утверждении вновь избранного уцмия. Материалы по истории Дагестана и Чечни, стр. 73.
² ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № I, 1718, л. 7.

сят лет спустя новый уцмий также говорил, что «народ его владения есть вольный, мало ему повинуются и он не в состоянии принудить его к удовлетворению обиженных»¹. Во всем этом мы должны видеть, конечно, не беспомощность уцмий, не его слабование или поблажки в применении своей власти над «народом», а своеобразие политического строя Кайтага. Это своеобразие, в частности, выразилось в том, что класс феодалов, политически еще не окрепший, не мог не считаться с такой внушительной силой как узденские джамааты, объединенные в магалы.

Для того, чтобы показать, что представляли собою узденские джамааты, остановимся на двух из них: Башли и Кубачи.

Башлинский джамаат считался среди других узденских обществ самым многочисленным и богатым землями и пользовался большим влиянием в делах, относящихся ко всему Кайтагу. В этом джамаате была в свое время резиденция уцмий. Но как смотрели башлинцы на уцмий? На чем были основаны их взаимоотношения? Это — главный вопрос, и на него мы находим следующий ответ. «Башлинцы смотрели на уцмий, как на своего единственного предводителя и защитника как от внешних врагов, так и внутренних. По их понятию, поддержание внутреннего порядка и преследование злонамеренных людей лежало на обязанности уцмий, для него общество отдавало в его распоряжение всех своих тулгаков (вооруженную стражу), словом, вверяло ему некотором роде исполнительную власть и в вознаграждение за это представляло ему некоторые материальные выгоды. Уцмий, говорят башлинцы, за то, что держал наше знамя, защищал нас от внешних врагов и поддерживал внутренний порядок, пользовался правом на некоторых общественных землях в известное время года пасти свои стада или отдавать их под пастбу посторонним лицам за плату в свою пользу, но с тем условием, что в случае отдачи их в наем, поступало в пользу общества по 8 баранов с каждого ятага; кроме сего в пользу уцмий поступала половина штрафа, взыскивавшегося с жителей за убийство, воровство и увоз женщин. Суд же в селении Башли был совершенно самостоятельный, и уцмий не имел права наказывать жителей без судебного приговора»². Процитированный источник исходит от сословно-поземельной комиссии. Он составлен на основании показаний жителей, документов и специального обследования бывших сословных взаимоотношений в Башлах в связи с постановкой вопроса об освобождении зависимых категорий крестьян.

В достоверности изложенного сомневаться не приходится. В подтверждение можно сослаться на рапорт г.-м. Хатунцева Ртищеву: «Башли, — писал Ханунцев, — или общество под именем одного издревле узден, т. е. вольных, поднесь пользуется своею

вольностью. Народонаселение онаго простирается до 2.000 домов или более, в которых, полагая среднюю пропорцию, может быть от 5-ти до 6-ти тысяч душ мужского пола. Признает только уцмий, подобно как и многие другие вольные селения признают шамхала и иных ханов своими протекторами, но подати никакой не платят и никакой повинности не отбывают, и управляются своими старшинами. Наказывать ни одного из жителей онаго уцмий не может; напротив того, в избрании на уцмийское достоинство башлицы имеют главное влияние и обыкновенная резиденция уцмиев и их родственников есть Башли, где они дома свои имеют...»¹. Документ относится к 1815 году. Бросается в глаза, что уцмий здесь выступает таким лицом, который нужен был как предводитель, военный вождь, как бы находящийся на службе у башлинцев и получающий за это определенное вознаграждение, но ничуть не как лицо, воплощающее в себе силу власти над башлинцами, безоговорочно ему покорных.

В Башлах имелись свои судебные и исполнительные органы, независимые от уцмий. Из дошедших до нас адатов Башлинского магала² мы узнаем, что для разбора как уголовных, так и гражданских дел башлинский джамаат выдвигал из своей среды шесть картов вместе с судьями и старшинами и одного кадия для решения дел по шариату. За этими должностными лицами следовал сложный исполнительный и полицейский аппарат, стоявший на страже общественного порядка. С этой целью в Башлах постоянно находилось 60 наследственных тулгаков (стражников). В помощь им каждый магал (сам Башли делился на несколько магалов) поочередно ежемесячно назначал еще 30 тулгаков.

Кроме названных должностных лиц в Башлах избирался еще мангуш, в обязанности которого входило: созыв общества на сход в случаях, когда нужно было решать какое-либо общественное дело, созыв картов для разбора судебных дел, созыв тулгаков для приведения в исполнение решений суда, установление потравы на полях и т. д.³

Сказанное относится ко всему джамаату Башли в целом. Если же взглянуть и на те силы, которые составляли этот джамаат с точки зрения его тухумного деления, то станет ясным, что все эти институты общинной организации не являлись порождением дня, а уходили своими корнями вглубь социального строя Кайтага.

В таком виде выступает перед нами башлинский джамаат, джамаат больше всего соприкасающийся с кайтагскими феодалами и являющийся неразрывной частью владения кайтагских уцмиев.

¹ АКАК, т. 5, стр. 617.

² Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, л. 92.

¹ АКАК, т. 5, стр. 625.

² См. Адаты южно-дагестанских обществ. ССКГ, вып. VIII.

³ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, л. 93.

Теперь взглянем на вольный Кайтаг, отдаленный от уцмиев, и постараемся представить его на примере джамаата Кубачи.

О кубачинском обществе Лопухин в своем дневнике записал: «Жители в нем все мастеровые, торговые, ни с кем ссоры не имеют и никого не слушают, живут сами собой, а управителей из своих братьев имеют погодно...»¹.

Сошлемся еще на один документ. Это показание муллы Магомед из Кубачи, данное им на допросе в лагере Петра I 12 сентября 1722 года: «Родился он в деревне Зиряхкерами, в которой живут вольные люди и никто тою деревнею не владеет, а помогают де они во время нужды усмию и шамхалу, также и иным горским народам...»².

В цитированных источниках о Кубачах не видно существенных расхождений. Более того, в них одинаково подчеркивается, что кубачины «живут сами собой», никто ими «не владеет» и управляются они внутренними силами.

По отношению к уцмию кубачинцы не были данниками, не являлись зависящими от него. В Кубачах уцмий имел хорошего, состоятельного кунака, как имел таких кунаков в других аулах и любой кубачинец, связанный с территорией уцмий. Постоять сами за себя, за свою вольность кубачинцы тоже могли. Недостатка в оружии не было. Они могли выставить до 600 человек вооруженных воинов. Когда Дауд-бек, прельщенный кубачинским золотом и серебром, попытался ограбить аул, кубачинцы встретили его стрельбой из пушки собственного производства и не пропустили к себе.

Кайтаг состоял в основном из таких узденских джамаатов, как Башли и Кубачи. Общественно-политический строй в остальных узденских джамаатах не многим отличался от джамаатов, приведенных нами в пример. Узденские джамааты, хотя считались «под владением уцмиева, только ему податей никаких не давали», а больше зависели «от самих себя»³.

Таким образом, из сказанного можно заключить, что уцмий в отношении к узденям является предводителем в военное время и первым лицом во внешних делах, касающихся всего Кайтага. Многочисленные факты говорят, что даже в этом случае в соглашение о перемирии наряду с уцмийми вступали и наиболее сильные джамааты и магалы. Они также давали обязательство в дружеской любви. Так, в 1725 году вместе с уцмием присягали на верность России и кубачинские старшины⁴. В начале XIX века Кайтаг доставлял кавказскому начальству не мало хлопот. Туда не раз направлялись вооруженные отряды для «усмирения», и каждый раз они возвращались, взяв присягу не только от уцмий,

¹ Лопухин. Указ. соч., л. 28.

² ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 24, 1722, л. 75.

³ ЦГВИА, ф. БУА, д. № 18474, лл. 1—45.

⁴ Гербер. Указ. соч., стр. 48.

но и от Башли и других аулов «по обычаю своему на алкору»¹.

Взаимоотношения уцмий с узденями и вольными джамаатами регламентировались адатами. Уцмий не имел права распоряжаться общественными землями, самопроизвольно творить суд, нарушать адаты, вести войну и объявлять мир, когда это дело касалось всего Кайтага, без соответствующего на то одобрения джамаатов.

Все это в достаточной степени характеризует ограниченность власти уцмий в Кайтаге². Джамааты всячески старались сохранить свое внутреннее устройство и не быть придатком уцмий. Но вместе с тем они нуждались в таком покровителе как уцмий, ибо обстановка тогдашнего Дагестана — этого конгломерата мелких владений и союзов джамаатов, враждующих между собой, — поневоле толкала их на сближение с уцмием. С одной стороны, Кайтаг, в связи с усилившимися классовыми противоречиями, не был спокоен и внутренне, с другой стороны. Кайтаг расположен был на узле важных дорог и, гранича с Дербентом, часто подвергался нападениям со стороны вооруженных сил турок, персов и России. Сама обстановка вынуждала теснее спланиваться вокруг уцмий, в лице которого уздени хотели видеть способного, волевого и сильного военачальника, умевшего постоять за Кайтаг. И когда война становилась неизбежной, уцмий должен был действовать совместно с главами магалов, и вопросы войны или мира не могли быть решены без народных сходок, без собраний, на которых присутствовали представители джамаатов.

Наряду со всем этим, по отношению к подвластным раятам уцмий оставался полновластным господином, бесконтрольно распоряжавшимся их имуществом и жизнью. Тут он действовал, как наследственный правитель, феодальный монарх, проявляя настоящий восточный деспотизм.

Это необычное положение уцмий в Кайтаге выделяло его среди других дагестанских владельцев. В райатском Кайтаге уцмий выполнял функции государственного управления и суда, издавал законы и держал военные силы. Окружали его знатные люди вроде «мурзы именем Мамулан»³. Высшими сановниками уцмий являлись везири, за ними следовал назир, а затем шел мирза. Лопухину, когда он находился в Дербенте, пришлось иметь дело с двумя «знатными персонами везира, до назира Салей», а на пути следования в сторону Тарков «для провожания «караулу» уцмий представил в его распоряжение «двух своих знатных мурз и с ними человек 20 людей», которые должны были при нем находиться неотступно и проводить до Буйнаков к Муртузалею во всяком охранении...»⁴.

¹ АКАК, т. 5, стр. 616.

² См. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 223—224.

³ Лопухин. Указ. соч., л. 34.

⁴ Лопухин. Указ. соч., л. 30.

Уцмий постоянно при себе имел нукеров, которые выполняли и полицейские обязанности. Нукерские отряды комплектовались исключительно из узденей.

Другими учреждениями или какой-либо особой администрацией для управления и ведения хозяйства уцмийство не располагало. Ротмистр Гарин в связи с делом Гмелина побывал в Кайтаге. Он сообщает, что по пути ему встретился «уцмиев пошлянный сборщик Фер-Али с одним человеком...»¹. Отсюда мы сможем заключить, что уцмий имел специального сборщика пошлин.

В административном отношении уцмийство делилось на бекства. Как правило, в бекствах сидели родственники правящего дома Кайтага. Беки другого происхождения на службе у уцмиев не содержались. На территории, подвластной бекам, власть в судебном и административном отношении принадлежала тому беку, в зависимости от которого находилась эта территория. Суд на таких территориях производили беки. Их отношения к раятам должны были строиться на адатах и на постановлении Рустем-хана. На деле же беки вели свои дела совершенно произвольно и чинили насилия над раятами.

Единственно в чем беки беспрекословно повиновались уцмию — это в приказах уцмий, относящихся к исполнению воинской службы. Во время войны беки являлись на службу на коне и пехоте вместе со своими подвластными.

Нередко беки оказывали явное неповиновение уцмию, отходили от него, и это заканчивалось кровавыми драмами. Известен случай, когда Хан-Магомед-бек в период, когда дядя его — уцмий Эмир-Гамза воевал с Фет-Али-ханом дербентским, перешел на сторону последнего, укрепился в селении Хан-Мамед-Кала и привлек на свою сторону жителей селения Салим, Янгикент и Великент. Эти селения отошли из-под власти уцмий и оставались вне зависимости от него до тех пор, пока уцмием не сделался Устархан. Уцмий были беспощадны к бекам, стремившимся отколоться от них и стать самостоятельными, и всеми мерами старались держать их в вассальной зависимости. Власть уцмий в райатском Кайтаге и его влияние на остальной Кайтаг были прочными лишь до тех пор, пока беки повиновались уцмию.

Власть уцмий была сильна не только потому, что он держал в покорности беков. Прочность власти и устойчивое положение в Кайтаге во многом зависело и от того, какие узденские магалы стояли за спиной уцмий и поддерживали проводимую им политику. Чувствуя это, все кайтагские феодалы стремились как можно сильнее уменьшить власть узденей, освободиться от рамок ограничений, больше вмешиваться во внутренние дела джамаатов, изолировать отдельные джамааты, нарушать их союз и поодиночке прибирать к своим рукам, чтобы этим самым усилить свою

¹ Рапорт кизлярскому коменданту Шендеру ротмистра терского войска Гарина. ИКМАИ, т. III, Тифлис, 1925.

власть, как господствующего класса феодалов. Этот рост политического влияния беков, и в первую очередь уцмий, происходил в Кайтаге, во-первых, в результате тех событий внутреннего и внешнего характера, какие развернулись в Дагестане в XVIII веке, во-вторых, за счет ослабления общинной власти, и в третьих, в результате покровительственной политики уцмиев над джамаатами.

Для ясности рассмотрим покровительственную политику уцмий. В разделе об особенностях экономического строя Кайтага мы указали, что ряд узденских джамаатов подпал в зависимость от уцмиев. Каким образом ранее свободный и независимый магал Ицари и джамааты Абдашка и Турага оказались под властью кайтагских уцмиев? Этому способствовало следующее обстоятельство. Магал Ицари граничит с Сиргой и кайтагами. Ицари подвергался частым нападениям со стороны последних. Сделать что-либо против таких сильных противников, какими являлись Сирга и Кайтаги, ицаринцы не могли. Надо было либо подпасть под влияние соседей, либо обратиться к тому, кто мог бы защитить ицаринцев от нажима соседей. Таким лицом являлся уцмий. Сиргинцы и кайтаги постепенно приходили в Теркеме за хлебом и солью, уцмий мог на этом выиграть. Ицаринцы избрали последний путь, они прибегли к покровительству уцмий и за это обязались платить ему дань. Так, дань, вначале казавшаяся безобидной, впоследствии становится средством порабощения.

Был и другой путь порабощения узденей. Это использование уцмийми своих пастбищ, как средства закабаления узденей. Так, например, поступил уцмий, отдав жителям узденских селений Абдашка и Тураге гору Дубасира.

Для укрепления в Кайтаге своей власти и для ослабления власти узденей уцмий пытался прибегнуть к помощи Турции или Персии. Но до конца XVIII века добиться в этом направлении своих целей уцмию не удалось. С начала XIX века уцмий делает усилия использовать для этой цели Россию, которая уже укреплялась в Закавказье и в прикаспийском Дагестане. Генерал-майор Хатунцев писал об этом стремлении уцмий генералу Ртищеву — главнокомандующему Кавказской армией: «Он желает, чтобы из вольного независимого народа, который никому не обязан повинностями, сделать себе совершенно подвластный, по примеру ширванского и шекинского владений...»¹.

Сильный уцмий был опасен для русского царизма. Понятно, что на этот путь кавказское командование стать не могло, и оно препятствовало уцмию в его стремлениях. Последняя надежда уцмий — объединить под своей властью с помощью России весь Кайтаг — потерпела крах. Когда уцмий Рустем-хан увидел это, он открыто восстал против политики русского царизма, и это привело в конце концов к устранению его от уцмийства.

¹ АКАК, т. 5, стр. 625.

§ 3. ДЖАМААТ

Вольный джамаат и тухум с их порядком пользования пастбищами и лугами для скота и производством распаханных земель — вот основа, на которой зиждился узденский Кайтаг. На материалах Башли и Кубачи мы частично уже имели возможность описать политическую структуру узденского джамаата и показать место и роль этого фактора в системе уцмийства. Теперь мы стараемся показать вкратце и осветить общие стороны джамаата в рамках всего Кайтага.

Для решения внутриобщинных и внешнеполитических дел созывались собрания всего джамаата, напоминавшие по своему внешнему устройству и внутренней организации вечевой строй древней Руси. Проводились собрания в строго определенном традиционном месте, где участники сборов располагались по-тухумно. В собрании джамаата участвовали все жители, кроме женщин, но решающее слово принадлежало главе тухума.

Общее собрание узденей являлось основным политическим органом узденей. Здесь происходили выборы и назначения должностных лиц и принятие законодательных актов. На решения собрания оказывали влияние сильные тухумы. В компетенцию собраний входил самый широкий круг вопросов военного, гражданского и уголовного характера, и по ним выносились специальные постановления. Для решения особо важных и спорных дел, возникавших между джамаатами и владельцами, созывались специальные собрания с участием почетных представителей из совершенно отдаленных земель. Решения, вынесенные таким порядком, назывались «маслигатскими» постановлениями. Все решения такого собрания — этого высшего политического органа узденей — считались обязательными для всех.

В рассматриваемое время в Кайтаге независимых друг от друга джамаатов не имелось. Среди них такие древнейшие и могущественные джамааты, как например, Кубачи, Башли и Гапш, объединяли вокруг себя остальные джамааты, распоряжались их судьбами, предводительствовали во время войны.

Для повседневного ведения дел и управления джамаатом на собраниях избирались почетные, отличающиеся своим умом, влиятельные лица. В Кайтаге они назывались кевхами. Выбирались они в разных местах по-разному. В одном джамаате кевхи выбирались от известных тухумов, в других — от всего населения. Число кевх зависело от величины джамаата. Так, в Башлах имелось 6 кевх, в Кубачах — 4, Ирчамуле — 3. Кевхи разбирали все дела по адату. Дела же по шариату решали кадии, назначенные тоже джамаатом. Кадии были почти во всех аулах и имелся общий кадий для магала, которому послушны были все остальные. В нагорном Кайтаге особым предпочтением пользовались уркарахские и кубачинские кадии. Кадий, сидящий в Башли, считался главным кадием Кайтага.

Главным и решающим лицом в джамаате оставались кевхи. Каждый кевх в своем джамаате разбирал ссоры и тяжёбые дела и выносил по ним постановления. В тех случаях, когда истец бывал недоволен решением кевха, он мог апеллировать к собранию джамаата. Споры между жителями различных джамаатов рассматривались кевхами тех селений, к которым принадлежали тяжущиеся. В случае, если не удавалось примирить тяжущихся, или если их не удовлетворяло вынесенное постановление, дело передавалось на решение известного кевхи из другого джамаата.

При решении любого дела роль письменной документации была незначительна. Важнейшую роль при судебном разбирательстве в качестве доказательств играли не столько письменные документы, сколько свидетельские показания, отбираемые путем присяги и соприсяги. В адатах по убийствам магалов Гапш, Гапш и Мюйра сказано: «Если кто убьет кого-нибудь и в убийстве не сознается, то от истца требуют свидетелей; если истец выставит свидетеля одного, то этот последний обязан показание свое подтвердить присягою 40 человек и, кроме того, истец подкрепляет показание своего свидетеля»¹. Вот другой пример, по магалу Гапш: «Если раненый не увидит, кто его ранил, то он требует от подозреваемого присяги с 40 человеками, с тем, что если он таковой не выполнит, то с ним поступается как с виновным в поранении»². Свидетельское показание под присягой применялось не только в вопросах уголовного характера, но и в гражданских. Возьмем к примеру адаты по долговым обязательствам. Тут сказано: «Если кто должен кому и в том не сознается, то с истца требуются свидетели; если он представит одного свидетеля, то этот последний подтверждает показание свое присягою трех человек родственников. Если должник отзовется, что действительно был должен, но отдал, то обязан подтвердить это через свидетелей»³.

Помимо тех должностных лиц, о которых было сказано выше, кайтагский джамаат избирал еще мангуша. Число мангушей зависело от величины аула. Мангуши были глашатаями джамаата. С возвышенного места они объявляли о всех распоряжениях и решениях кевхов и кадиев, созывали общественный сход, созывали картов для разбора судебных дел, следили за установлением порядка, давали очередные наряды и т. п.

Нельзя думать, что все сельские общины Кайтага в рассматриваемое время были совершенно обособлены от уцмийства. Многие из них считались находящимися «под уцмиевым владением». Но не все джамааты облагались данью в пользу кайтагских феодалов. Тех, что были обложены, в Кайтаге можно перечислить по пальцам. Сам факт обложения сельских общин данью,

¹ Адаты южно-дагестанских обществ, стр. 23.

² Там же, стр. 53.

³ Там же, стр. 40.

пусть даже незначительного размера, свидетельствовал о складывавшейся благоприятной предпосылке к захвату общинных земель, а затем превращения дани в ренту, а свободного общинника — узденя в зависимого от уцмня человека. Процесс этот все более усугубляется к концу XVIII века в связи с продвижением России на северо-восточном Кавказе и втягиванием Дагестана в новые экономические и политические связи с Россией. Но уничтожить вольность джамаата в Кайтаге в этот период уцмням, все-таки не удалось. Этому способствовало то обстоятельство, что джамааты Кайтага были объединены в магалы. Магал — эта примитивная политическая организация узденских обществ — не давал в обиду своих членов, предохранял их от агрессивных поползновений со стороны феодалов и сумел сохранить вольность джамаатов вплоть до падения власти уцмня в Кайтаге.

§ 4. ДОХОДЫ УЦМИЕВ

Доходы кайтагских уцмиев складывались, во-первых из доходов с его земельных владений и от раятов, о чем уже говорилось и, во-вторых, из таких дополнительных источников как пошлина с торговых караванов, проходивших через Кайтаг. Достаточно сказать, что таможенная дамга в Дербенте¹ доставляла в год 1000 руб. серебром,² а каждый выюк с шелком, перевезенный через Кубачи, — по одному червонцу. Пошлина бралась не с населения владений уцмня, а только с посторонних купцов и с провозимых ими через владения уцмня товаров. Взималась пошлина русскою монетою. В шамхальстве и уцмийстве установилась такса на провозимые товары. С каждой повозки, как бы она ни была нагружена товарами — по 2 руб. 50 коп., с фруктов с одной повозки — по 1 руб. 30 коп., а красок с каждого пуда — по 2 руб. 50 коп., с каждой лошади, прогоняемой через владения шамхала или уцмня, — по 50 коп., с овец и рогатого скота — по 20 коп. за каждую голову, с провозимой рыбы — с 10 штук одну, с людей пеших или верховых, не имеющих товаров и не принадлежащих к магометанскому вероисповеданию, — по одному рублю³. С тринадцати ятаг и пастбищной горы Андрее-чи уцмий брал баранов и барашек от 700 до 1000 голов и с каждого пастуха, живущего в ятагах при баранах, — по одному каравану сыра. Теркемейские нефтяные черные колодцы ежегодно давали уцмню от 500 до 700 руб. серебром. Такой же доход он имел от

¹ Право на получение таможенных доходов с Дербента уцмий получил после изгнания дербентского хана персидской ориентации и утверждения на месте его ханом Фет-Али-хана Кубинского. Тогда же во владения уцмня отошла деревня. Малахалил.

² ЦГА Грузинск. ССР, ф. штаба отд. кавк. корпуса, арх. № 106.

³ Данил Тихонов и А. Серебров. Указ. соч., стр. 23.

соляного озера, находившегося между рекою Дарбах и аулом Деличабан¹.

Не малый доход приносила уцмням сдача на откуп марены с аулов Янгикент, Хан-Магомед-Кала, Великент, Татлар, Карадаг и Падар. Эти деревни не имели права продавать марену на сторону никому, кроме тех лиц, которым отдал уцмий эту марену на откуп. Башли, Янгикент, Маджалис, Улу-Теркеме, Джемкент, Берикей и другие аулы пользовались правом свободной торговли, но при этом уцмий брал от каждого пуда с покупателей по 10 коп. серебром.

Затем уцмий имел натуральные приношения с жителей Каба-Дарга² пшеницей, ячменем, с жителей магала Ицари и Мюйра — баранами, медом, маслом и холстом, доход с башлинской мельницы и ореховых деревьев около Башли, с части штрафов за преступления с узденских жителей (другая часть шла в пользу джамаатов).

Целый ряд лиц, имевших то или иное отношение к владениям кайтагского правителя, все, как один, свидетельствуют о военных предприятиях уцмня, об уводе им людей в плен и скота для продажи. Таким образом и статья «военная добыча» являлась немаловажным источником дохода уцмня.

Годовой доход уцмня к концу 1796 года составлял 60 тыс. рублей серебром³.

§ 5. ВОЕННОЕ УСТРОЙСТВО

В рассматриваемое время военные силы Кайтага состояли из трех основных элементов: 1) нукеров уцмня, 2) бекских ополчений и 3) узденских ополчений.

Кайтагские уцмий постоянно содержали при себе 300 всадников-нукеров⁴. Они несли военную охрану и исполняли во дворце и на территории владений уцмня полицейские, а иногда и финансовые обязанности, следили за соблюдением внутреннего порядка и исполнением требований уцмня.

Комплектование отрядов нукеров производилось исключительно из узденей, искавших военной славы и отличия. Это была личная, преданная уцмню дружина, содержавшаяся за счет уцмня. Каждый нукер получал от уцмня лошадь, одежду, оружие и деньги. Без этого нукеры не служили. Часть нукеров неотлучно находилась при уцмнях, остальные были расквартированы по

¹ АКАК, т. 6, стр. 67.

² Взимание дани продолжалось до конца XVIII в., т. е. до тех пор, пока эти селения не сделались независимыми от уцмня и не присоединились к Акуша-Дарга.

³ «Таблица о числе душ, о доходе и числе войск». ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 18488, л. 92.

⁴ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, л. 6.

аулам, всегда готовые по первому зову следовать за своим повелителем.

Нукеры имелись и у уцмиевых беков, но число их не превышало двух-трех десятков. Беки беспрекословно выполняли воинскую повинность и являлись на службу к уцмию на коне или пешие с отрядами, составленными из подвластного населения. Со времени Рустем-хана установился обычай: если бек выступил по тревоге, то должно было выходить все население, способное носить оружие. Так было во время тревоги, но когда бек предпринимал поход, население не должно было выходить, предварительно не посоветовавшись с общинными властями. Тот бек, который нарушал этот адат, оштрафовывался в пользу джамаата. Также поступали и в отношении тех лиц, которые не выходили в поход после всеобщего одобрения.

Помимо нукеров, основным видом военных сил в Кайтаге являлись ополчения, состоящие исключительно из узденей. По призыву уцмий, как уже говорилось, уздени ополчались. Каждый узденский магал выставлял свое ополчение, а это ополчение составляло наиболее внушительную и решающую военную силу Кайтага. В «Описании северного Дагестана» рассказывается: «Когда же случится потребность в войске, то уцмий дает свое повеление, по которому уже без всякой отговорки должны идти из каждого двора по одному человеку, на тот конец, дабы защищать свои границы от наступающего неприятеля; но когда бы он вздумал идти с войском для помощи какому-нибудь владельцу, то уже в то время уцмий должен просить их по доброй воле или с заплатою денег, а принудить их не может»¹.

По подсчетам майора Сереброва, уцмий кара-кайтагский к концу XVIII века мог выставить до 12 тысяч войск². Примерно такое же число войск собрал уцмий против Петра в 1722 году в дело при Утамыше.

Главные силы черпались в вольном Кайтаге. При приближении неприятеля к границам Кайтага ополченцы угоняли скот и отсылали свои семьи в горы, а затем встречались с противником. Так поступили они и при приближении петровской армии к владению утамышского султана. Действовали, сообразуясь с местностью — партизанскими маневрами. Один из участников экспедиции в Утамыш, рассказывал, как они были застигнуты отрядом в 600 всадников — горцев и подверглись нападению, подчеркивает, что в этом нападении горцы приближались и удалялись» совсем необычайным образом. И было во фронте только 12, в глубину 50, причем один следовал за другим с вытянутыми саблями. Когда передние всадники ожидали нападения на наши

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 18474, лл. 1—61, стр. 18.

² Краткое описание северной и южной части дагестанской Персии, ученое майором Серебровым, стр. 65.

вооруженные штыки, то они обошли кругом и стали опять позади. Почти полчаса они нападали на нас таким образом...»¹.

Военная организация уцмий имела свои слабые стороны. Горцы уцмий и его нукеры не имели правильного представления о военном искусстве, в смысле достижений современной ему науки о войне, и организации армии.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

1. Общественно-экономическое развитие отдельных частей Кайтага было неравномерным. В верхнем Кайтаге держались дофеодалные отношения, в нижнем Кайтаге прочно водворились феодальные производственные отношения.

2. Классовая структура феодального Кайтага значительно сложнее нежели в Кумыкии. Класс феодалов состоял здесь из пяти и более ступеней. Таковы уцмий, беки, джанка-беки, джанки и шихи. К следующим ступеням относились главы общин и магалов, т. е. общинная аристократия. Она официально не именовалась беками, но развивалась в этом направлении.

Класс крестьян в Кайтаге не так сложен. Имелись всего две группы населения — уздени и раяты, причем уздени составляли большинство населения Кайтага, а райаты меньшинство.

Характерной особенностью общественного устройства Кайтага в описываемое время являлось не только преобладание слоя лично свободных земельных собственников в лице узденей, но и то, что из среды коренных кайтагов не выделялась еще феодально-зависимая группа крестьян из узденей. Основной производительной силой в феодальном хозяйстве являлись крепостные крестьяне теркемейцы — этнически отдаленные от кайтагов населения.

Таким образом в начале XIX в. мы наблюдаем, что в Кайтаге в одной части все еще существовали дофеодалные отношения и основная масса населения состояла из свободных общинников, а в другой части — наличие класса крупных земельных собственников, прикрепленных к земле крестьян.

3. В политическом устройстве кайтагов, хотя и не наблюдалась подобно кумыкам сложная административно-финансовая система, но положение уцмий во многом отличалось от положения шамхала. Уцмий, будучи для раятского Кайтага феодальным монархом, для узденского Кайтага был всего-навсего предводителем в военное время. К тому же и он, и его беки в Кайтаге были сильно ограничены в правах. Социально-неоднородные части Кайтага только во время внешней опасности и войн оказывались объединенными в одну политическую систему под главенством одного правителя. В остальном кайтагские джамааты

¹ Записка участника похода Петра I в Дагестан, лл. 20—21.

продолжали пользоваться широкой автономией. Компетенция уцмия ограничивалась выполнением тех или иных функций, общих для всех узденей, и получением за это причитающейся дани.

4. Одной из важнейших причин застоя патриархально-феодалных отношений в Кайтаге являлись часто повторяющиеся завоевательные войны и набеги на его территорию. В ходе беспрерывных опустошительных войн и набегов истреблялось кайтагское население и уничтожались производительные силы. В результате всего это кайтагское население отбрасывалось назад и вынуждено было начинать все сначала как в области хозяйственной жизни, так и своего политического устройства.

5. Кайтаги — родственное даргинцам население как по языку, так и по этническому своему составу. Как акушинцы, цудахарцы и сюргинцы, кайтаги имели свой племенной диалект. Под воздействием новых социально-экономических явлений в Кайтаге произошли некоторые этнические изменения в составе его населения. В дальнейшем кайтагский диалект начинает оживать и обособливаться в самостоятельный язык. Этот диалект лег в основу языка формирующейся кайтагской народности.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЛАКОВ

I. ОБЩИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Начальная история лаквов не разработана и является предметом всяческих извращений, как и история соседних им народов и этнических групп Дагестана. В существующей литературе происхождение казикумухских ханов связывается с появлением в Дагестане арабских завоевателей. Принято также считать, что лаки первыми среди дагестанских племен приняли ислам и что перемена прежней веры у них произошла не только весьма легко, без малейшего сопротивления с их стороны, но что сами жители Кумуха направляли к арабам уполномоченных с просьбой прислать к ним наставников в новой вере. Считают, что шамхалы были первыми правителями, поставленными арабами в Кумухе¹. Ставленники арабов в Кумухе правили с VIII века до середины XVII века. К этому времени в Кумухе произошли какие-то смуты, вынудившие шамхалов навсегда покинуть страну лаквов и на этот раз поселиться у кумыков. Прошлое Дагестана свидетельствует не в пользу до сих пор господствовавшего в литературе вышеприведенного взгляда на лаквов и на их историю. И если говорить о лаках, то следует вести их историческое прошлое с первых веков нашей эры, а не с арабской эпохи.

В известиях древнегреческих и римских писателей в числе многих народов и племен, обитавших в горах Кавказа, упоминаются и лаки. Страбон (63 г. до н. э. — 23 г. н. э.) в обширном своем сочинении, определяя число различных племен, населяющих Кавказские горы, прямо говорит о гелах и легах. Плутарх, описывая поход Помпея в Албанию, также упоминает о легах².

Многие писатели отождествляют классических гелов и леггов с лакцами и лезгинами.

¹ А. К. Казикумухские и кюринские ханы. ССКГ, вып. II. Тифлис. 1869, стр. 5.

² Известия древнегреческих и римских писателей о Скифии и Кавказе. Соб. В. В. Латышев, т. 4, СПб, 1904, стр. 122.

Моисей Хоренский в истории Армении, свидетельствуя о борьбе, происходившей в царствование армянского царя Баба, упоминает о храбром царе легов Шергире, бывшем на стороне персов и убитом Комсаром Спандартом. Позднее из грузинской летописи мы узнаем, что цари Грузии Азорк и Армазель (87—102 гг.), воюя с царем Армении, прибегли к помощи лаков, которые прошли через Каспийские ворота.

Сами арабские географы X—XII вв. совершенно отчетливо свидетельствуют о наличии в Дагестане множества самостоятельных, друг от друга независимых, владений во главе с местными владельцами. Известный арабский писатель Масуди говорит, что в его время в горах Кавказа насчитывалось свыше семидесяти племен, причем «у каждого племени свой царь и свой язык, не сходный с другими»². Масуди даже сообщает некоторые подробности о Кумухе, указывая, что эта страна расположена в горах, в самом центре Дагестана, в верховьях большой реки. «Жители ее были христиане, они не были подчинены царю, подчинялись нескольким вождям»³.

Во всяком случае все вышеприведенные данные говорят о том, что лаки, занимая центральное географическое положение в нагорном Дагестане, начиная с первых веков нашей эры играли весьма определенную роль в истории Кавказа и возглавлялись своими политическими и военными вождями.

Лаки еще в древности принимали участие в войнах, которые вели то Персия, то Грузия, то Армения. Ясно, что такой народ в период, когда весь Дагестан пылал от нашествия арабов, не мог отказать от своего прошлого и отдаться на поругание иноземным захватчикам. Наоборот, лаки в период арабского завоевания с отчаянной решимостью отстаивали независимость страны. И переход их от христианства в древних языческих верований в мусульманство далеко не был таким легким, как это стараются изобразить исламские историки. Почти все мусульманские писатели говорят, что в Дагестане ислам был введен в Кумухе и первая мечеть была построена самим Абу-Муслимом в 777 году н. э., т. е. в конце VIII века. А. Масуди, писатель X века, повествуя о Гумухе, говорит, что жители его — христиане. И мечеть, о которой идет речь — это собственно бывший христианский храм, приспособленный под мечеть в более поздний период. Возможно, что кумухцы приняли ислам раньше, чем их ближайшие соседи, и возможно, что с этим связано предание о переименовании Гумуха в Казикумух, но из этого не следует делать вывод, что лаки вообще раньше всех других народов Дагестана приняли мусульманство и что именно от них пошло распространение его в другие части страны. Факты говорят, что хотя сами кумухцы и приняли мусульманство, но даже аулы, расположен-

ные по соседству, оставались при своем прежнем веровании. Приведу только один пример. На расстоянии менее одного километра от Кумуха расположен аул Убра. В то время, когда кумухцы уже считались мусульманами, убринцы оставались христианами. На угрозу кумухцев, требовавших принятия повой веры, убринцы ответили: «У нас имеется сорок голов свиной туши, дайте поесть их, после этого мы готовы принять проповеди хоть от косоного чорта»¹. Добавим к этому, что сами лаки меньше всего называют себя казикумухами. Среди них распространено другое наименование — «лакрал-кану», т. е. родина, страна лаков.

До сих пор было принято считать Дербентский проход единственной дорогой для общения с югом. Мы склонны считать, что существовал и другой путь, правда, более трудный. Через Кумух, по линии Самур — Курах — Кумух — Чох — Гидатль — Ботлих — Ведено пролегал путь, шедший с Ширвана на Северный Кавказ в обход Дербента и всей приморской узкой полосы. Многочисленные памятники старины у народа, расположенного на этой трассе, сильное влияние восточной культуры и многие черты, близкие культуре Грузии и Армении, служат достаточным основанием бесспорности существования этого движения по нагорному Дагестану с юга на север. Видимо, по этому пути монголы, когда в 1223 году им не удалось пройти через Дербент, шли в обход на север. Тогда же монголы, как об этом можно понять из местных хроник, подвергли Кумух разгрому.

Остается нерешенным еще вопрос о том, служил ли Казикумух когда-либо местопребыванием шамхалов, встречаемых нами начиная с XV века на кумыкской земле? Мы уже в первой главе, разбирая вопрос о шамхалах Тарковских, сделали попытку доказать, что это сплошное недоразумение, притом недоразумение не случайного характера.

Шамхалы Тарковские с Кумухом ничего общего в том смысле, как это до сих пор рисовалось в существующей литературе, не имели. Казикумух никогда не служил резиденцией кумыкских князей. Не бывает в истории так, чтобы почти в течение девяти столетий владетели правили народом, а их потомки ни с того, ни с сего бросали все, что до этого было связано с прежним образом жизни, и уходили бы в другие места и находили бы там полный уют. По преданию, именно эта невероятная вещь случилась с кумыкскими шамхалами. Они, начиная с VIII века до середины XVII века, властвовали над казикумухцами, а потом поссорились с ними, ушли к кумыкам и стали жить в Тарках и Буйнаке.

Если шамхалы действительно некогда властвовали в Кумухе, спрашивается тогда, почему народ ничего не помнит о них,

¹ Моисей Хоренский. История Армении. Москва, 1893, стр. 174—176.

² Масуди. СМОНПК, вып. XXXVIII, стр. 40.

³ СМОНПК, вып. XXXVIII, стр. 42.

¹ Предание это записано мною в июле 1944 г. во время поездки в Кумух.

а если что знает, то только в том освещении, какое имело хождение в мусульманской церковной литературе.

Как же все-таки объяснить сообщения о тех событиях, которые произошли в Кумухе во время правления шамхала Сурхай-Мирзы-хана?

Мне думается, что это сообщение связано с тем, что в это время казикумухцы навсегда отказываются от тех обязательств к шамхалу, какие установились в Дагестане со времени татаро-монгольского господства. Как известно, в свое время шамхал являлся в Дагестане татарским баскаком — сборщиком дани. Пользуясь неограниченными правами в своих действиях, он в свое время сумел обратить в зависимость от себя многие общества и владения Дагестана. В такое зависимое положение, по видимому, попал и Казикумух. В связи с падением Золотой Орды это зависимое положение горских владельцев от шамхала во многих местах Дагестана оказалось нарушенным, но шамхалу по какой-то случайности удалось сохранить в некоторой зависимости Казикумух. В лучшее время он, видимо, продолжал выезжать туда за получением дани и, возможно, отдыхал в этойлетней своей резиденции. Во время одной из таких поездок, в 1640 году кумухцы подняли восстание против Сурхай Мирзы, изгнали шамхала и отказались платить ему впредь какие-либо поборы. О последующих событиях, которые могли произойти в Кумухе, нам неизвестно ничего, кроме того, о чем сообщает в своей хронике Мухамед-Рафи. Он свидетельствует, что турки совершили нашествие на город Гумух и разорили его до основания. Не решен только вопрос — были ли эти турки Золотой Орды или же события эти связаны с нашествием Тимура.

О существовании у лаков своих племенных вождей говорят древние писатели. Это подтверждается и многочисленными данными арабских писателей. Правда, в этих источниках предводители лаков выведены не как племенные вожди и называются «князьями» и «царьками». Сами же лаки называли их халклавчи. Появление их связано было с развитием института частной собственности на землю¹.

Наиболее ранним из известных нам халклавчи был Алибек. Известно, что у него было два сына по имени Сурхай-шамхал и Гирей, но оба умерли еще при отце, оставив: первый — вдову и семь сыновей и второй — вдову и одного сына Сурхая. Около 1700 г. халклавчи Али-бек умер. Казикумухские старшины отравили депутатов к вдове Сурхай-шамхала с просьбой дать одного из сыновей в халилавчи. Вдова встретила их недружелюбно, нагрубила им и отказалась принять. Тогда раздосадованные депутаты решили обратиться к вдове Гирея и та приняла их со всеми почестями и угощениями. После этого депутаты объяснили

¹ По другим сведениям род казикумухских ханов начинается с Герей-бека. Ему наследовал Чолак (безрукий) Сухрай-хан. См. «Генеалогия ханов Казикумуха», АКАК, т. III, Тифлис. 1869, стр. 377.

причину своего прихода. Она вызвала своего сына Сурхая и в присутствии депутатов дала ему несколько наставлений о честности и преданности народу. Из этих наставлений предание донесло до нас следующее: «Со старшим тебя по летам обращайся как с отцом, с равным тебе — как с братом, с младшим — как с сыном»¹. Двадцатилетний Сурхай один из лучших наездников в стране, получивший довольно хорошее по тому времени воспитание и обучение, был провозглашен халилавчи².

Сыновья Сурхай-шамхала, недовольные избранным ханом, опасаясь плохого отношения к себе со стороны последнего, бежали из Кумуха к акушинцам. Но когда настало время собирать дань с соседних даргинских земель, они вновь явились в главное селение Ашти. Об этом известили Сурхая, и последний со своими нукерами поехал в Ашти для мирного урегулирования спора с двоюродными братьями. Предложение Сурхая о прекращении самовольничания и возвращении в Кумух на прежних правах братьями было отвергнуто. Тогда Сурхай предложил кончить дело поединком, объявив, что он готов драться один против семерых. Братья согласились на поединок и завязалась битва на кинжалах. Победителем в этой битве вышел Сурхай, но «у него была почти совсем отрублена кисть левой руки»³. Последнее обстоятельство и дало повод к тому, что Сурхая прозвали Чолак-Сурхай, т. е. безрукий Сурхай.

Чолак-Сурхай первым принял на себя титул хана. О нем сохранились сведения как об одном из самых энергичных и воинственных последних халилавчи. При нем его владения простирались от кумухского Койсу до Кюри и далее до Ширвана. После взятия в плен Надир-шахом Сурхай-хана ханом Казикумухским стал его сын Магомед-хан. В конце XVIII и начале XIX в. ханством управлял Сурхай-хан II (прозванный хан-Бутаем), но после взятия Кумуха ген. А. П. Ермоловым бежал с семьей в Турцию. Правителем ханства после него был провозглашен Арслан-хан.

2. ОСОБЕННОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ СТРОЕ ЛАКОВ

В 1728 г. Гербер, характеризуя состояние земель и народов, обитающих к западу от Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю, писал о лаках и их земле: «Земля хассукумыцкая граничит к северу с каракайтагами, к востоку с Табасараном, к западу с малым владением кумыков, Сутай-беку⁴ подвластным, и весьма с высокою горою, которая из года в год снегом покрыта бывает. Оными горами окружена она почти со

¹ А. К. Указ. соч., стр. 7.

² Саид Габиев. Лаки. Их прошлое и быт. СМОМПК, вып. XXXVI, Тифлис, 1906, стр. 22.

³ А. К. Указ. соч., стр. 8.

⁴ Сутай-бек — Сурхай-бек.

всех сторон. Наконец, к югу граничит с нижним Дагестаном. Сия земля не очень велика, но содержит в себе многие деревни, из которых знатнейшая называется Ханак¹, где и князь их пребывает. Между горами находятся нарядные и плоскостные долины и равнины, чего ради содержат великое множество скота, а особенно овец и имеют пашни, но хлеб для стужи, от близко лежащих снегом покрытых гор случаем, поздно воспевают»².

Действительно, земля, населенная лаками, почти непригодна для хлебопашества, если не считать отдельных клочков земли, разбросанных на уступах гор, на дне ущелий и по долинам рек. За хлебом лаки обращались не только к кюринцам, но и в Табасаран и Кайтаг. В стране совершенно отсутствовал лес. Природные условия ее благоприятствовали больше ведению скотоводства. Но обширные пастбища на высокогорных хребтах доступны были только в летние месяцы. Зимних пастбищ не было, и их приходилось брать в наем у соседей или кочевать за пределы лакских земель. Ограниченность зимних пастбищ и невозможность заготавливать на зиму достаточное количество сена не давали возможности овцеводству — этой основной отрасли хозяйства лаков — развиваться до такой степени, чтобы за счет этого удовлетворять хотя бы минимальные потребности.

Такое экономическое состояние Лакии, а именно скудное земледелие и ограниченные возможности для развития овцеводства и других отраслей хозяйства, приводило к невозможности прокормиться средствами, которые давала земля, и это обстоятельство очень рано принуждало лаков искать в разных промыслах и на стороне иных способов к существованию. Маленький лакский народ донес до нас в своем фольклоре³ многочисленные свидетельства упорного труда и борьбы за свое экономическое развитие.

Население Лакии наряду с земледелием и скотоводством усиленно занималось ремеслами. У лаков очень рано начался процесс специализации аулов по отдельным отраслям хозяйства. В то время, как некоторая часть мужчин уходила в набег или же на войну, другая часть занята была ремеслом и торговлей. Особо выделялись ремесла медников, кузнецов, серебряников и каменщиков. Ремесло служило существенным подспорьем в хозяйстве лаков.

Эти общие черты жизни лаков наложили отпечаток на экономику и породили пестроту в общественном устройстве страны. Достаточно сказать, что в XVIII и начале XIX вв. в экономике лаков имело место приложение труда свободного общинника — узденя, раята — крепостного и раба.

В общественном производстве лаков труд свободного общинника превалировал над всеми остальными. Достаточно назвать

¹ Ханак — Кумух.

² Гербер. Указ. соч., стр. 120—121.

³ Лакские исторические песни. РФДНИИЯЛ, д. № 250.

такую цифру, что из всех 104 населенных пунктов так называемого владения хана казикумухского, только 16 находились в зависимости от лакских феодалов¹. Остальные восемьдесят восемь аулов населялись узденями. В этой части Лакии основную хозяйственную единицу составляли джамааты, аналогичные аварским и верхне-кайтагским, с общественным пользованием пастбищами, лугами и пахотными землями.

Наибольший интерес в этом отношении представляет вопрос об экономической базе лакских феодалов, о структуре организации феодального хозяйства. Здесь, как и в ряде других мест нагорного Дагестана, мы сталкиваемся с вопросом о том, что представляет собою ханский, бекский домен, на чем основывалось владычество лакских феодалов. Известно, что для такого владычества необходимо обязательное владение землей и внеэкономическая эксплуатация сельского населения.

Данными чиновника кавказского горского управления, изучавшего поземельные права потомков казикумухских ханов, подтверждается, что «ханские земли в Казикумухском округе находились на возвышенностях гор, не были пригодны к хлебопашеству...»². В другом официальном документе говорится, что «повинности в казикумухском и в аварском округах отличаются необыкновенной простотой и ничтожными размерами, а потому не имеют серьезного экономического значения (курсив наш — Р. М.) ни для одной из сторон. Этим объясняется тот факт, что во многих селениях беки даже не находят для себя интереса взыскивать повинности с поселян, и они за время 10, 15 и 20 лет упразднили сами собой»³. Не дает ли все это основания отрицать существование у лакских феодалов поземельной собственности? Если да, то как же в таком случае толковать слова современника эпохи Федора Симоновича, лица, специально заинтересованного в точном описании действительного положения во владениях дагестанских владельцев, когда он говорит, что казикумухский хан Буттай получает натуральный «оборок со всех деревень...»⁴. Или же, чем можно объяснить отбывание зерновой повинности аулами Шовкра, Говкра, Сумбат, Вачи, Циша и Сухи? Быть может, это явление временного порядка.

Надо согласиться с тем, что база для развития феодального землевладения у лаков была чрезвычайно ограничена. С другой стороны нам также известно существование у казикумухского хана двух аулов, заселенных исключительно рабами, и ряда аулов, в которых имелись раяты. Снова возникает вопрос, который мы поставили в самом начале: если скудность земель не

¹ Материалы по истории Дагестана. РФДНИИЯЛ, д. № 157.

² Записка по делу о поземельных правах потомков бывших казикумухских и кюринских лаков. ЦГА Грузин. ССР, ф. 79, д. № 16, л. 6.

³ Справка к законопроекту о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской обл. и Закатальского окр. и бекам и кешкелевладельцам, стр. 41.

⁴ Федор Симонович. Указ. соч., л. 51.

позволяла широко поставить хозяйство, на чем же тогда основывались владельческие права лакских феодалов?

Таковы вопросы, правильное выяснение которых даст возможность понять особенности в экономическом развитии и характер сложившихся к описываемому нами времени общественно-экономических отношений у лаксов.

Выше мы указали, что основной отраслью хозяйства у лаксов было скотоводство. Думается, что было бы правильным, если бы мы эту сторону сделали отправной при характеристике особенностей экономического строя у лаксов и искали бы в ней ответа на поставленные выше вопросы. Мы имели уже случай указать на исключительно важное место зимних и летних пастбищ для экономики всего Дагестана. Не меньшая роль принадлежала пастбищам и в экономике лаксов. На самом деле, из чего складывалась поземельная собственность лакских феодалов, и на чем были основаны владельческие отношения с сельским населением? После смерти в 1858 году последнего казикумухского хана Агалара, русская администрация упразднила ханство и наследственные земли были распределены между потомками ханского дома. Перед нами «список потомков казикумухского дома, каким розданы ханские пахотные земли и пастбищные горы»¹. Распределение было произведено между 23 семействами ханского дома².

Перечень лиц, между которыми было произведено разделение наследства казикумухского хана, раскрывает очень интересные моменты в хозяйственном устройстве господствующего класса. Перед нами весь комплекс недвижимой собственности одного из самых крупных лакских феодалов. Мы видим, из чего складывалось поземельное владение хана, и прежде всего во всем этом обращает особое наше внимание тот факт, что из 23 потомков ханского дома 19 бекских семейств получили в резуль-

¹ Документ, на который мы ссылаемся, относится к более позднему времени. Он отделяет нас от периода нашего исследования на 40 с лишним лет. Думается, однако, что это ничуть не умаляет важности документа. Земельные ханские владения за это время, если и подверглись изменениям, то не таким уж существенным. Ценность документа заключается в том, что в нем дается полная картина ханской поземельной собственности.

² Шамай-бике — получила пахотные земли при аулах Кумух, Тума и Кума. Пастбищные горы под наименованием: Лавмач, Ганшировалу, Кали-Карбархимхалу, Арчи-Хулуя, Бизикалу, Ариралу (3 часть) и Чихламу (летник). Что из себя представляли пахотные земли по своим размерам? При ауле Кумух (резиденция хана) находились земли, имевшие пространство 8 саб посева, в местности Кунхулуху — 6 саб, при ауле Тума — 12 саб и Кума — 12 саб; Джафар-бек получил пастбищные горы — Чухлалу (зимовник), Суру, Дуцраар. Горы эти приносили доход в 25 крупных и 60 мелких баранов; Башир-бек Таир-бек оглы — получил пастбищные горы: Квахалу, Ганшлмачалу, Асгалу, Квихилау; Джантин-беке получила пахотную землю при Кумухе, земля имела пространство на 25 саб посева; Ибрагим-бек, Абдул-Гафур-бек-оглы — получил пастбищные горы: Мурзурах, Халчардахау; Иса-бек Абдулгафур-бек-оглы получил пастбищные горы: Джалуч. Макалу и Уцувалу; Абдула-бек Шаиб-бек-оглы, Юсуф-бек Алир-Гамза-бек

тате раздела имения хана исключительно пастбищные горы, а остальные беки — земли под посев. Наибольшее количество земель получила жена Агалар-хана Шамай-бике: землю под пашню на 48 саб и 7 пастбищных гор. На долю остальных пришлось в среднем от одной до трех пастбищных гор.

По приведенным данным весь земельный баланс ханского дома сводился к территории на 178 саб посева, что в переводе на русские меры означает 8,9 десятины земли. Разумеется, такой ничтожный размер земельных владений, занятых под пашню для хана, никак не мог быть главным источником его обогащения и эксплуатации сельского населения. Следует еще учесть, что земли эти располагались не сплошным массивом вокруг одного какого-либо феодального центра, а были разбросаны в разных местах и даже на территории вольного аула. Это точно устанавливается дошедшими до нас материалами¹, с одной стороны, и, с другой, — нашими наблюдениями во время неоднократных поездок к лакам. Эта разбросанность земель не благоприятствовала компактному использованию их под ханскую пашню с привлечением зависимого горца. Только в двух аулах — Кодрухе и Чадрухе — имела место такая обработка земель, и весь урожай от этих земель шел в ханский дворец. В самом Кумухе также имелись земли под названием «ханнал клу», которые обрабатывались раями. Все остальные земли, пригодные для земледелия, хан отдавал в надел крестьянам, причем крестьяне, наделяемые этой землею принадлежали к свободным узденям. Следует отметить, что не все жители аула наделялись землею, а только часть их. Такое положение имело место в аулах Хурхи, Тухчар, Хосрек, Сумбат, Вачи, Циша, Сухи, и за это население этих аулов вынуждено было отбивать ханам тамач (повинность) зерном.

Так обстояло дело с земельной собственностью хана.

Списки раздачи ханских пахотных и пастбищных земель показывают, что почти все наследники ханского дома получили в

получили пахотную землю при ауле Лучек в Ирахинском магале, имевшую пространство на 120 саб посева; Али-Султан-бек Шах-бек-оглы получили пастбищные горы: Хачар-дахало, Душнало; Омар-бек Якуб-бек-оглы получил пастбищные земли при ауле Шовкра размером 13 саб посева и пастбищную гору Чухлалу (летник); Логман-бек Гузейфат-оглы получил пастбищную гору Лухи-зуразаны; Шуаби-бек Камиль-оглы получил пастбищные горы; Курта-Хулду, Гаттара-Урту; Муса-бек получил пастбищную гору Пуца; Гамзавия-бек получил пастбищную гору Хуртазану; Абдул-Меджид Абдул-фатах-оглы — получил пастбищные горы Кума, Капрандиалу, еще раз Кума (зимовник); Магомед Али-бек Гарун-бек-оглы получил пастбищные горы: Хашхаш, Хана-Миха; Мехти-бек Магомед-бек-оглы получил пастбища Кунзану; сыновья и внуки братьев Шафи-бека и Надир-бека Али-бек-оглы — получили пастбищные горы Суилалу и Туху-Куту. Список потомков казикумухского дома, коим розданы ханские пахотные земли и пастбищные горы. ЦГА Грузинск. ССР, ф. 79, д. № 16, л. 10.

¹ См. Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890, стр. 157—159.

потомственную собственность пастбищные горы. По тому, как пастбища разделялись на «зимовники» и «летники» и по тому, как большинство беков наделялись пастбищными горами в потомственную собственность, — можно заключить, что главное и решающее место в системе ханских земель принадлежало летним пастбищам. Это вполне соответствовало скотоводческой Лакии. Здесь, пожалуй, не найти ни одного джамаата, который бы не нуждался остро в пастбищных горах. Только этим можно объяснить распространение среди лаков обычая бартуртту, т. е. совместного владения пастбищами. Пастбищной горой Дучрагатаралу владели 9 джамаатов (Дучи, Мамки, Хути, Калмац, Кумух и др.) Шовкра имел бартуртту с Кумухом, Унчукатль — с аулами Карашти, Шахува, Шуни и Табахлю. Джамаат Кума имел бартуртту с табахлинцами¹. Табахлинцы имели право весенней «бартуртту» на горе «Турчи-Даг», а куминцы имели право на «Табахлю меер»².

Таким образом, экономика Лакии была такова, что тот, кто являлся обладателем наилучших пастбищ, тот фактически сосредоточивал в своих руках богатства и обладал политической властью над населением.

Ханы и беки на этой основе сумели втянуть в зависимость от себя ряд узденских джамаатов. К числу их относится джамаат Кая. Из его состава 28 хозяйств за пользование горами Лучхий, Пума и Бурхусок отбывали ханам ежегодно тамач баранами. 19 хозяйств аула Бурши за пользование горою под названием Мачаллами ежегодно давали бекам сыр и масло, и 45 хозяйств или дворов этого же аула за пользование горами Чикияр, Лашаар и Аруалу отбывали тамач баранами. Жители Чаравлю отбывали тамач (по одному быку в год) за гору Сунильзунту³.

Как видим, во-первых, не все жители аула отбывали тамач, а только часть, которая пользовалась владельческими пастбищными горами. Очевидно, другая часть населения этих аулов еще сохранила свою самостоятельность в отношениях к ханам и бекам. Во-вторых, в указанных аулах в одном случае мы имеем дело с крестьянами, которые впали в полную зависимость от хана (к таким относятся буршинцы), в другом случае — часть жителей узденского аула оказалась обложенной данью (к таким относятся жители узденского аула Кая). Тот факт, что часть членов джамаата уже была поставлена под обязательные условия, сам по себе начал последующему постепенному закабалению остального населения.

¹ Р. Магомедов. Материалы по историко-этнографическому обследованию лаков (1936—1947 гг.). Рукопись.

² Прощение поверенных общества Табахлю Казикумухского округа вост. губер. Дагестанской области о споре между селениями Табахлю и Кума за пользование «бартурттой» на горе «Турчи-Даг». ЦГА ДАССР, ф. № 2, 1389, лл. 106—107.

³ Дагестанская область. Свод статист. данных, извлеченных из поселянского списка Закавказья, стр. 157—159.

Не совсем ясным здесь представляется характер тамача. Подать под именем тамач распространена была не во всех районах Лакии. Она известна в аулах Бурши и Тухчар, а в других местах, например, в Кумухе, эта подать выступала уже под названием **дишала**. Во всех случаях, касающихся прав ханов на сбор платы за пользование пастбищами и земель, тамач и дишала выступают с одинаковым содержанием. Нам думается, что тамач играл в этот период роль ханской подати и феодальной ренты. Основаниями для такого предположения служат: во-первых, способ собирания тамача, т. е. дани с населения (пример Вуркун-Дарга, где Сурхай имел столкновения с беками), во-вторых, подворное и поаульное взимание дани (Бурши, Кая, Чаравлю, Тухчар, Тулезма) и, в-третьих, отсутствие повсеместного дифференцированного подхода к взиманию дани (сообразно с размером и качеством пастбищ и земли). В одном случае дань сохранила свою первоначальную форму (взималась в виде подати хану), если она относилась к узденским джамаатам, в другом — она превратилась в прямую феодальную земельную ренту.

На этот счет имеется любопытный документ. Составление его относится к 1864 году. Он восстанавливает взаимоотношения существовавшие «примерно сто лет тому назад во время Сурхай-хана казикумухского». Речь идет о взаимоотношениях между буркиханскими беками, раятами и узденями. Основанием к составлению этого документа послужили: «Участившиеся споры между буркиханскими раятами, узденями и беками во время правления средним Дагестаном генерал-майора Лазарева». При участии представителей беков, узденей и раят, было принято соглашение и оно, основываясь на прежнем адате, устанавливает:

1) жители Буркихана должны ежегодно давать по 12 баранов на 12 дымов по очереди;

2) ханом были даны жителям 11 сенокосных участков, два из них принадлежали бекам, а девять — джамаату; в настоящее время три участка будут принадлежать бекам, а восемь — джамаату; причем эти восемь участков, принадлежащих джамаату, будут распределяться между владельцами овец;

3) ежегодно каждый пастух должен давать одного весеннего ягненка, независимо от числа овец в хозяйстве;

4) раяты обязаны давать бекам ежегодно от каждого дыма по 9 саб хлеба, по овце и по шестнадцать раталов топленого масла и меда до 10 ульев»¹.

В Буркихане число узденей составляло 11 дымов, раятов — 43 дыма и пришельцев — 5 дымов. Натуральные приношения раят никак нельзя назвать данью. В отношении узденей можно

¹ Материалы к истории нагорного Дагестана. РФДНИИЯЛ, д. № 32; см. об этом же. Прощение поверенных буркиханского хана... ЦГА Даг. АССР, ф. 2. Военный губернатор Дагестанской области, д. № 1389, л. 12.

предположить, что они не были еще крепостными и находились в промежуточной стадии. Превращение дани в ренту окончательно должно было поставить их на положение раятов.

Этот процесс сближения дани и ренты происходил на протяжении всего XVIII века. Ханы и беки получали от раят все, что им было нужно, или в форме труда (билка), или в виде готового продукта.

Наряду с этим не следует забывать, что в хозяйстве лакских феодалов применялся труд рабов. Аулы Кодрух и Чадрух,¹ являвшиеся собственностью казикумухского хана, были населены исключительно рабами. Они обрабатывали поля, пасли скот и выполняли другие хозяйственные работы для своего властелина. В отношении рабов, как правильно пишет А. Бакиханов, лакские феодалы, как и дагестанские феодалы, имели право «располагать своими пленными, как крепостными людьми — продавать, дарить, завещать и прочее»².

Таковы основные моменты, из которых складывалась производственная база лакских феодалов.

Подводя итоги, мы прежде всего должны отметить, что хозяйство казикумухского хана основывалось не на земледелии, а на скотоводстве. Это повлекло за собой сосредоточение в руках ханов и беков лучших пастбищ.

Подчеркивая первенствующую роль пастбищ в экономической жизни лаков; мы ничуть не умаляем всей важности пахотной земли для лаков. Однако, она в силу своей ничтожности по размеру, удобству для ведения земледелия не могла иметь существенного значения в общей экономике страны, и в силу этого на ней не могло базироваться и феодальное землевладение. Это совершенно правильно отметил еще Федор Симонович, указав, что «хлебопашеством сия провинция по суровому климату и каменистому местоположению недостаточествует, а скотоводство изобилует»³.

Далее, у нас нет основания утверждать, что к началу XVIII века у лаков имелось определенное феодальное землевладение. У лакских феодалов мы наблюдаем всего понемногу — имеется и земля под пашни, и хорошие пастбища, и большое количество овец. На основе сосредоточения этих богатств шел процесс зарождения феодального домена. Этот процесс происходил внутри разлагавшихся общин путем постепенного захвата феодалами общинных земель и обложения данью новых слоев свободного населения.

И при всем этом база для роста феодального хозяйства во владении казикумухского ханства была чрезвычайно узка. Попытка хана расширить ее рамки наталкивалась на организованное сопротивление еще крепко спаянных между собою узден-

ских джамаатов. Вместе с тем развивающиеся феодальные производственные отношения требовали простора, а на их пути стояли джамааты. Какой выход мог быть для развития новых производственных сил в этих условиях? Вместе с тем продолжали расти и личные потребности хана и беков, требовались все новые объекты эксплуатации и грабежа. Внутри страны эта возможность, как уже говорилось, была ограничена. Лакские феодалы повели наступление на общины. Тем самым они расширяли сферу эксплуатации за счет общин, но емкость этой базы в самой Лакии не способствовала широкому росту ханско-бекского хозяйства. Казикумухские феодалы стали овладевать новыми территориями за счет соседей. Они вели частые феодальные войны и совершали набеги,¹ доставлявшие богатства и рабов. Если аварские ханы устремлялись в богатое Закавказье, то казикумухские ханы объектом для своих набегов и расширения сферы эксплуатации избрали южный Дагестан. В набеге и войнах лакские феодалы приобретали то, чего им не хватало в их собственном владении. Эти набеге продолжались до известного периода, т. е. до тех пор пока еще шел процесс становления феодального класса в окружении многочисленных общин. Но когда в результате войн и набегов ханы и беки накопили огромные богатства, одни старые методы разбоя и грабежа оказались уже недостаточными. С особой силой это проявилось в начале XVIII века, когда произошло укрепление внутренней власти кумухской знати. С этого времени, прекращая набегов, лакские феодалы одновременно направляют все усилия к расширению границ своих владений за счет покорения соседних народов и захвата их земель.

Казикумухский хан Сурхай в первой половине XVIII века не только сумел привести в совершенное послушание лакские общества, составлявшие его владения, но и распространил свою власть на значительное число кюринских обществ и на ряд магалов Табасарана, сделавшись крупнейшим владельцем на северо-восточном Кавказе. К Сурхаю, как к сильнейшему феодалу, многие вольные общества прибегали за помощью и покровительством. Это было первым этапом на пути порабощения свободных общинников. Таким образом были поработаны луткунцы и яллахцы. До начала XVIII века они принадлежали к вольным самурским обществам, а затем между ними и рутульцами начались войны, и они, «будучи тесными своими соседями рутульцами, добровольно поступили под защиту казикумухских ханов, с обязательством платить им за покровительство определенную дань хлебом»². Этой данью ограничивались в первое

¹ См. П. Г. Бутков, указ. соч., ч. I, стр. 88—89, 93—94;

Саид Габиев, указ. соч., стр. 23—24; лакские исторические песни, указ. рукопись.

² Справка к законопроекту о прекращении зависимых отношений поселенцев, стр. 13.

¹ Овождение бесправных рабов в Дагестане. ССКГ, вып. I, стр. 49.

² Ц. П. Агаян. А. Бакиханов. Баку. 1948, стр. 165.

³ Федор Симонович. Указ. соч., л. 51.

время хозяйственные отношения поселян Луткуна и Яллаха к ханскому дому. Впоследствии Сурхай-хан уступил эту дань своим братьям Шаиб-беку и Исак-беку. Они поселились вблизи своих данников, стали с течением времени увеличивать повинности поселян, пока не довели их до полного порабощения, т. е. не сделали раятами-крепостными.

К середине XVIII в. к Казикумуху окончательно была присоединена Вуркун-Дарга¹ и Ахмарлинский магал южного Табасарана.

За счет вновь присоединенных земель стало быстро расти и крепнуть хозяйство лакских феодалов и в первую очередь хана. «Кура достаточновует скотоводствами,— писал Ф. Симонович,— и вообще способна к производству всех плодов, она составляет произведениями своими большую долю богатства Хамутаева, с которой оной по кубинскому положению подати собирает»².

Этими завоеваниями и мероприятиями для казикумухского хана и беков завершилось время поисков новых объектов грабежа и эксплуатации. Они теперь стремились прочно осесть на землях, способных к «произведению всех плодов», чтобы с их населения по примеру кубинских ханов «подати собирать».

Это относилось к концу XVIII века.

Такое положение наблюдалось не только в покоренных землях, но и на землях, населенных исключительно лаками. В самом Кумухе образовались ханские земли, которые обрабатывались ханскими раятами селений Тучхар, Бурши, Тулизма и др. Имелись земли и в узденских селениях.

В первой половине XVIII века заметное место в экономике лаков играли еще и тухумные земли. Кумух — резиденция хана — в этом отношении очень характерен. Здесь ряд тухумов удержал в своем владении пастбищные горы, причем в таком размере и количестве, которые не только удовлетворяли потребности своих членов, но и допускали сдачу гор в аренду соседним с Кумухом джамаатам. Можно сослаться на джамаат Шовкра, который пользовался за плату горою Длаар, принадлежавшей тухуму Качакул, а отдельные жители Говкра пользовались пастбищной горой и землей тухума Абдукул³.

* * *

Резюмируя приведенные данные об экономическом строе лаков, можно вполне определенно говорить о наличии в экономике лаков двух укладов: патриархального и феодального. Оба эти уклада переживали переходную стадию с возрастающим

¹ Памятная книжка Дагестанской области, стр. 257.

² Федор Симонович. Указ. соч., стр. 8.

³ Р. Магомедов. Материалы по историко-этнографическому обследованию лаков. Рукопись.

перевесом к укладу феодальному. Феодальные производственные отношения на базе освоения завоеванных земель и эксплуатации покоренного населения прочно водворяются в казикумухском ханстве лишь с середины XVIII века, сохраняя при этом на себе сильные следы общинных отношений.

3. ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Разбирая основные черты экономического строя лаков, мы выяснили, во-первых, какая у них господствовала отрасль хозяйства, во-вторых, установили неодинаковый уровень развития всех частей казикумухского ханства и, в-третьих — наличие в экономике лаков двух типов общественного хозяйства. Все эти стороны находились в тесной связи с уровнем развития производительных сил лаков.

О том, какое место занимала каждая из этих сторон в общественно-политической жизни лаков, видно из ряда фактов. К числу их относятся данные о соотношении свободных общин и общин, зависимых от феодалов. Мы уже имели случай обратить внимание на диспропорцию между узденскими джамаатами, независимыми от хана, и теми, которые находились под его властью. Из 104 населенных пунктов в восьмидесяти восьми джамаатах сохранились вольность и порядки, обусловившие независимое отношение к хану и только остальные шестнадцать джамаатов находились в зависимости от последнего. Говоря об этом, мы и сейчас указываем на эту сторону как на факт, исключительно наглядный и убедительный для правильного толкования общественного строя лаков в рассматриваемое время. Именно этот факт свидетельствует, что по своему удельному весу патриархальный уклад в общественно-экономической жизни лаков превалировал над феодальным укладом, хотя неоспоримо, что последнему принадлежали все преимущества на возрастающую роль.

Восемьдесят восемь лакских сельских общин, разделенные на магалы, т. е. союзы джамаатов, сохраняли сильные следы общинного порядка землепользования, тухумное деление внутри себя и выбор старейшин. Если взять к примеру Кумух, то тут наряду с ханским домом имелись очень влиятельные тухумы.

На кьатгах — собраниях всех свободных узденей мужского пола производился выбор кунначу — старейшин.

В ауле Кулы одновременно с кунначу выбирался и его помощник, и в выборах участвовали только знатные тухумы. Каждый вновь избранный старейшина устраивал трехдневный торжественный пир — угощение для всего джамаата. Старейшине выделялись из общественного фонда лучшие земли, и в случае смерти его замещал его помощник. Этот обычай выбора старей-

шин и его помощника в ауле Кулы уцелел вплоть до 1918 г.,¹ правда, кунначу выступает уже больше как лицо почетное, нежели лицо, имеющее специальные функции.

В джамаате Кума мне удалось проследить наряду с общим порядком выбора кунначу и тот факт, что он избирался в последнее время пожизненно и из числа членов одного и того же тухума. Ему отводили специальный надел земли. Во время весенних полевых работ ни один из общинников не имел права раньше его выйти в поле. Традиционный праздник первой борозды «Карас шаву» начинался с выхода в поле кунначу. Он первый проводил плугом борозду на пашне и за свой счет производил традиционное на этом празднике угощение. В джамаате Архи кунначу сменялся ежемесячно.

Нельзя представить дело так, что все лакские сельские общества, составлявшие казикумукское владение, переживали одинаковую ступень развития. Мы далеки от такого утверждения. Но если говорить о степени развития, то, пожалуй, все джамааты можно было бы подразделить на три категории. К первой категории будут относиться 16 джамаатов, подпавшие в зависимость от лакских феодалов; ко второй — джамааты, в той или иной степени втянутые в систему ханства и выполнявшие определенные обязательства хану, наконец, к третьей категории будет относиться все остальное подавляющее большинство джамаатов. Это — джамааты, сохранившие свой замкнутый характер, имеющие тухумы и не несущие никаких обязательств по отношению к хану, хотя эти джамааты и составляли, в числе других лакских общин, владение казикумукское.

По таким подразделением состава сельского населения у лаков на категории мы далеко еще не исчерпали всей полноты картины, характеризующей джамаат. Деление это вытекает из общей неравномерности развития отдельных частей Лакии. А была и другая более существенная сторона в этом деле, имеющая особо важное значение для нашего исследования по общему строю лаков.

Выше говорилось о тех джамаатах, которые находились в зависимости от хана. Но что представляла собой эта зависимость джамаатов, каков был в этих джамаатах состав населения с точки зрения общественных группировок, был ли он однотипным, без социальной градации — все это такие вопросы, ответы на которые должны помочь правильно определить действительный характер производственных отношений у лаков в рассматриваемое время.

Ответы на эти вопросы можно получить, если обратиться к конкретной истории каждого в отдельности джамаата или группы джамаатов.

Для примера начнем с населенных пунктов, которые считались зависимыми от лакских феодалов. К числу их относились джамааты Бурши, Чаравлю, Тухчар и Шара. Они отбывали феодалам установленную повинность, а жители их именовались раятами.

По опыту кайтагов мы знаем, что значит раят, т. е. крепостной крестьянин. Можно ли считать сходным общественное положение раятских аулов у лаков с тем, что в это же время наблюдалось в Кайтаге?

Мы не можем поставить знак полного равенства между раятами лакскими и раятами кайтагскими. Не можем потому, что не все жители аулов были раятами, хотя эти аулы и назывались раятскими. Джамаат Бурши тоже считался раятским аулом, но стоит заглянуть в его историю, и мы получим совсем другую картину. Бурши по составу населения подразделялись на три ветви: цумалов, эравруса и асбакии. К цумалса относились все уздени, эравруса были раятами и асбакии — лагами и такими раятами, которые, видимо, немногим отличались от рабов.

Перед нами другой аул — Тулемза, который также считался раятским, но тут мы не видим подобного деления, и все его население считалось ханскими раятами. То же самое мы видим в аулах Чаравлю и Шара. Все эти бывшие сельские общины подпали под власть хана, и базой для этого послужила покровительственная политика хана и пользование ханскими пастбищами. Население указанных аулов, в отличие от остальных узденей, называлось раятами — ханскими людьми потому, что оно лишилось прав на свои пастбищные и пахотные земли и теперь сидело на ханских.

В ауле Сумбатл жили беки, чанки, уздени и лаги, в Кули жили чанки, уздени, а лагов не было.

Напротив ханской резиденции располагался аул Хурхи и в некоторой отдаленности Говкра, относившиеся к числу зависимых от хана. Большинство населения здесь являлось узденями, меньшинство раятами и еще меньше было лагов. Зависимость населения от феодалов в этих аулах отличалась от той зависимости, которую мы наблюдаем в других аулах. Так в зависимости впадал весь аул, включая и узденей, а здесь в зависимости была только незначительная часть общинников, ставших раятами. Там все сплошь население считалось раятами, а здесь все аулы являлись узденскими, и узденями являлась и та часть сельчан, которая впадала в зависимость от хана. Но и эти уздени не были прикреплены к земле, и их зависимость ограничена была приношениями за те пастбищные земли, которыми они пользовались. При этом лаги в узденских аулах не принадлежали еще ханам.

Были и такие узденские джамааты, внутри которых общественное расслоение населения пошло дальше. В таких джа-

¹ Материалы по истории нагорного Дагестана. РФДНИИЯЛ, д. 204.

маатах можно выделить и свободных узденей, и узденей рядовых, и зависимых райатов, и чанков.

В этом отношении большой наглядный материал дает и сам Кумух. Кумухцы считались свободными узденями, объединенными в тухумы. Но по составу населения Кумух был очень разнообразен. Здесь была целая вереница аристократических родов, ведущих свое происхождение от ханского дома, затем шла кумухская знать, облеченная «благородным» именем симирдарал, затем шли главы известных трех тухумов, за ними — сейжиды, берущие свое происхождение от арабских завоевателей, а затем следовали уздени и лаги. Райат в ауле вовсе не имелось.

Соответственно с этим Кумух распадался на семь магалов. В магале Чилайми жили исключительно чанки, в магале Чувада находился дворец хана и жили беки, в магале Гази-Курчи жили знатные тухумы и сейжиды, здесь же находилось медресе и жили муталимы. В магале Гунал жили исключительно лаги.

Для решения общеджамаатских вопросов каждый магал собирался у себя, выбирал специальную депутацию для участия в кьате Кумуха, т. е. народном собрании. Джамааты аулов Кума Багакли также считались узденскими, но наряду с узденями в них мы видим чанков и лагов. Сохранились сведения, что представители Кая, Вачи, Кули, Сумбатль, Хойми ежегодно встречались для решения общих вопросов на «ялурзу».

Эта многообразная социальная дифференцированность сельского населения являлась одной из особенностей общественного устройства лаков. Другая особенность заключалась в том, что преобладающую часть населения казикумухского владения составляли свободные общинники-уздени, еще не попавшие под власть хана.

До сих пор мы говорили об общественных отношениях, сложившихся на землях, населенных исключительно лаками. Но кроме этих земель, во владении казикумухского хана имелись земли, присоединенные насильно и населенные шестью народностями: даргинами, аварами, агулами, арчинами, лезгинами и табасаранами. Достаточно сказать, что число одних аварских сел во владении казикумухского хана доходило до десяти и даргинских сел было семь. По своей площади территория покоренных народностей в несколько раз превышала территорию, занимаемую самими лаками, и не уступала ей по количеству населения.

На землях, покоренных казикумухскими ханами народов в общественном устройстве повсюду сохранилась сельская община. Некоторые из покоренных народностей, например, даргинцы, были объединены в вольное общество, именуемое Вуркундарга. Исключение составлял джамаат Буркихан, населенный агулами. В нем уже успела выделиться привилегированная знать, носившая, как и в Кумухе, название беков, а остальное население подразделялось на узденей и райатов.

Уровень общественно-экономического развития покоренных народов немногим отличался от уровня лаков. Единственная разница заключалась в том, что форма общинного устройства сохранилась здесь в более архаическом виде.

В этнической неоднородности владения Казикумухского надо искать третью особенность в общественном устройстве лаков.

Такова общая картина общественного устройства лаков. Всюду у них сказывались пережитки патриархального строя. Значит, нечего и говорить о каких-то сложившихся феодальных производственных отношениях в Кумухе. Напротив, если сравнивать с Кайтагом, то по широте и глубине развития процесс феодализации у лаков был значительно слабее. В то же время, как бы ни многочислен был слой свободного сельского населения, неудержимо возрастающую роль феодальных производственных отношений в экономической и политической жизни лаков на протяжении всего XVIII века умалить никак нельзя. Участившиеся набеги за пределы своей страны и длительные войны ускоряли разложение джамаата и усиливали значение власти ханов и беков, возглавлявших наступление на общину.

Говоря об общественном строе лаков, мы не можем обойти вопрос о тухуме. Местный этнограф Абдулла Омаров двенадцать лет спустя после присоединения Дагестана к России писал, что тухум у лаков «представлял собой как бы одно семейство по отношению к прочим таким же тухумам»¹. Он свидетельствует, что отец его имел сорок двоюродных братьев, которые могли явиться, когда понадобится, вооруженными².

Наличие совместных земель и потребительского единства внутри тухума выражалось рядом терминов. У лаков тухумные пастбища назывались «тухундалул халик» или «тухундалул мулк». В последнем случае включались не только пастбищные, но и пахотные земли. Термином «Махлалул нуцли» обозначалась тухумная железная посуда, где поджаривали ячмень для толокна. Сохранились термины, служившие для обозначения тухумного кладбища («тухундилал катталу»), тухумной мечети («тухундалул мизит»), квартального бешмета или мужского платя («махлалул икуртту»), тухумного родства («тухундалул агьлу») и термин «ужагI» для обозначения дома и очага.

При разборе тухумных отношений нас прежде всего интересует вопрос: сохранилась ли у лаков и для XIX века в первоначальном виде та форма тухумной собственности, о которой говорилось выше по другим народностям Дагестана или же в ней произошли такие изменения, которые существенным образом меняют весь первоначальный облик тухума. Мы утверждаем, что коллективная собственность на землю в тухуме во вто-

¹ Абдулла Омаров. Как живут лаки. ССКГ, вып. IV, стр. 2.

² Абдулла Омаров. Как и живут лаки «из воспоминания детства», ССКГ, вып. III, стр. 2.

рой половине XIX в. ничего общего не имела с ее первоначальным видом. Тухумные пахотные и покосные земли к этому времени уже оказались разделенными между отдельными членами тухума. Единственно, что оставалось в общем пользовании всех членов тухума, — это пастбищные земли и участки леса. На почве этой общности пастьба скота еще долго, чуть ли не до 1917 года, производилась сообща всем тухумом.

Такое разделение пахотных и сенокосных земель тухума было связано, видимо, с выходом из патриархальной большой семьи отдельных ее членов и образованием малых семей, которые наделялись соответствующей долей земель из общетухумного фонда.

В этом отношении ярким примером к сказанному может служить история одного из кумухских тухумов, известного как тухум Гаджи-Батыра. История этого тухума документально прослеживается с начала XVIII в. до 1906 года. Она свидетельствует о том, что еще в первой половине XVIII века тухум Гаджи-Батыра в Кумухе оставался цельным — и в смысле совместной обработки земли, и в смысле потребительского единства, общего хозяйственного двора, и в смысле равенства всех членов тухума между собой, в смысле родства и т. д. Но вот глава тухума Гаджи-Батыр умер, и тухум стал распадаться на отдельные семьи. От Гаджи-Батыра осталось восемь сыновей: Макабудта, Мама, Макабудта (под этим именем проходят два сына), Амир, Юсуп, Мала Шаиб, Авачара и Айкун. Все они явились основателями новых семей или малых тухумов. При этом один из сыновей Гаджи-Батыра, по имени Мама, переселился из Кумуха в сел. Курах, а оставшиеся после его смерти в Курахе два сына в свою очередь разделились на две семьи. Один из них Гази-Магомед остался на месте в Курахе и основал новый тухум, а другой сын — Магомед переселился в Чамалал к аварцам, и от него пошел тухум, давший к 1906 году 18 потомков. От старшего сына Гаджи-Батыра — Макабудта родился Джамалутдин. Этот Джамалутдин положил основание отдельному тухуму, состоящему из одиннадцати потомков, а другой сын Гаджи-Батыра Мала-Магомед, явился основателем другого тухума из 16 потомков.

Что вызвало такой распад тухума: смерть его главы, или же иные, более глубокого характера причины? Безусловно, смерть Гаджи-Батыра явилась только внешним мотивом, а главная причина заключалась в тех сдвигах, которые произошли в тухуме под влиянием развития феодальных отношений у лаксов. Это был как раз такой период, когда лакский халклавчи уже провозгласил себя ханом, и в Кумухе шел усиленный процесс становления классовых отношений.

В ряде мест борьба узденских общин против усиливавшегося наступления ханов и беков нередко переходила в формы открытых столкновений. В лакском фольклоре есть упоминание о

восстании табахлинских узденей против казикумухского хана, за которое уздени жестоко поплатились: их аул был razорен до основания, и уцелевшему населению пришлось бежать в Кайтаг. Помимо табахлинцев можно привести в пример и тулузминцев, которые совершили в своем ауле покушение на жизнь хана. Сельские общины рядом мер пытались оградить себя от пагубного влияния феодальной знати, разрушавшей ее устои. Наглядным примером этому служит поступок джамаатов Кая, Вихли, Кули, Койми, Вачи, Сумбатл, которые прекратили всякие сношения с ханским Кумухом и запретили проезд хану и его людям через их территорию. Хосрек, лежавший за пределами территории этих джамаатов, входил во владение хана. Чтобы иметь связь со своим владением, хан в обход территории враждебных ему общин через горы проложил особую дорогу в Хосрек. Кулинцы и каялинцы сохранили целое предание о «ханской дороге в Хосрек»¹.

В последующем антогонизм между двумя общественными силами обострялся. В результате наступления класса феодалов древние черты, воплощенные в джамаате если еще не инвентаризировались окончательно в XVIII в., то во всяком случае значение их при последнем казикумухском хане Агларе было низведено до такой степени, что сельская община у лаксов перестает играть заметную роль в политической истории Лакии. Это было связано уже с изменениями в соотношении классовых сил в Лакии.

Таким образом, мы старались, наряду с обрисовкой феодальных отношений, возможно полнее изобразить картину лакских сельских обществ. Чтобы полностью исчерпать характеристику общественного строя лаксов, следовало бы еще обобщить все сказанное в классовой структуре.

При всей чрезмерной простоте состава сельского населения Лакии его можно подразделить на три общественных слоя.

Иерархию феодальной лестницы у лаксов следует выводить непосредственно от казикумухского ханского дома. На верхней ступени этой иерархии стоял хан.

Казикумухский хан — крупнейший владелец лучших пастбищных и пахотных земель, владелец больших стад мелкого и крупного скота. Он со своими приближенными — симирдарал составлял высший слой лакской феодальной знати. За ним шли особые подразделения беков и чанков. Ханом казикумухский правитель стал именоваться после 1725 года, а до этого он именовался хилилавчи² и являлся выборным.

Беки после хана составляли следующий разряд класса феодалов. Все они происходили из казикумухского ханского дома.

¹ Исторические сведения о селении Кая Кулинского района Даг. АССР. Записал Махмудов М. Рукопись.

² Название это происходит от арабского слова халх (по дагест. халк), означавшего народ и лавой, слово лакское, значит высший, превосходный. В русских официальных бумагах XIX в. слово халклавчи переводилось как глава.

Одни из них были детьми хана, другие — братьями и их детьми. Многие из них, как и хан, имели свои пастбища, раят и лагов. Часть из них постоянно проживала в самом Кумухе и довольствовалась выделенными из ханской казны доходами, другие сидели в поверенных землях, владея ими наследственно, как это имело место с буркиханскими беками и беками Шаиб и Иса, которые владели населенными пунктами в южном Дагестане. Отличались они от кумухских беков тем, что жили в отдалении от хана, владели землями и скотом, будучи вассалами хана. Но все они брали себе жен только из Кумуха и только из ханского дома.

К последнему разряду феодальной лестницы относились чанки.

Чанка у лаков не отличаются от кайтагских, если не иметь в виду, что они численно превосходили их в несколько раз. Чанка имелись в самом Кумухе, в узденских и райтских селах. Они не имели никаких владельческих прав, и земельная собственность их не отличалась от обычной узденской.

Затем следовала еще одна привилегированная группа — сейжиды. Она ничем существенно не отличалась от указанных в предыдущей главе кайтагских сеидов.

Сельское население Лакии подразделялось на узденей, райтов и лагов.

Уздени, как указывалось выше, составляли в Лакии самое многочисленное сельское население. Подавляющее большинство узденей не было знакомо с ханскими порядками и произволом беков. Но среди узденей была категория, подпавшая в зависимость от ханов и беков. При этом часть таких узденей продолжала носить прежнее имя, а другая часть потеряла это право и сделалась райтами. Некоторые такие уздени продолжали пользоваться наряду с землей, наделенной феодалом, также мюльком.

Раятами документами именуют всех ханских крепостных. Ряды их пополнялись в результате постепенного закабаления ханами свободных общинников. Но свободные общинники *только пополнили* ряды раят, не будучи первоначальной базой возникновения института феодально-зависимой группы населения в казикумухском ханстве, как это часто склонны толковать некоторые источники. Нам думается, что первоначальной базой для образования райтов явились военнопленные, впоследствии наделенные средствами производства. Об этом свидетельствует наличие в Кумухе в описываемое нами время лагов, а также наличие их в райтских селениях. В ауле Тулезма рядом с райтами находились бывшие военнопленные, ставшие лагами и посаженные на землю. Они сохранили свою фамилию — Гиргиевы. По местным определениям, они являются выходцами из Грузии и первоначально носили имя Георгиев.

Лаги в Лакии имелись в индивидуальном хозяйстве узденей,

жили группами в некоторых аулах, а у ханов целыми поселениями. Аулы Чадрух и Кадрух были заселены исключительно рабами¹. В Кумыкии и Кайтаге также имелись лаги, но они не жили целыми поселениями, а были разбросаны по отдельным индивидуальным хозяйствам и при дворах феодалов. Только у лаков и аварцев мы еще можем видеть их целыми поселениями. При этом лаги в казикумухском ханстве были посажены на землю, обрабатывали пашни, косили и убирали весь урожай и, довольствуясь содержанием, все остальные плоды своего труда отдавали в ханский дворец.

При разборе старинных рукописей Гапшиминской мечети я обнаружил на полях одной редкой книги две любопытные записи, относящиеся к положению лагов в казикумухском ханстве. В одной записи сказано буквально следующее: «Хвала аллаху, который дал нам свою книгу для руководства, который выделил нас из среды других народов самым великим пророком: наш почтение Мухаммеду, лучшему человеку из всего существа и его последователям всем.

Затем, Бек сын Гази из Кунди освободил своего раба Чупу достоверно и официально на сто годовалых овец в течение десяти лет, с условием, что он (отпущенный раб) даст в конце каждого года тридцать аббаси и стоимость быка при свидетелях Али б. Тахир Улучари, Гусейн т. Мухаммед Бахикри, Мухаммед б. Дауд из Гидалта.

Свидетели на наше свидетельство Мухаммад б. Махмуд имам Кубы, Гаджимагомед б. Гази, Гусейн б. Касим и Мухаммед из Унчукатля. Аллах лучший свидетель»².

В другой записи говорится: «Бек сын Гази освободил своего раба Герги официально и письменно за шесть годовалых овец в течение шести лет с условием, чтобы он в последующем внес в конце каждого года десять овец. И его дети свободны как их мать. Так как Бек освободил их мать Гельди, жену Герги, когда она еще маленькая была. Свидетели на все это Мухаммед б. Мухаммад б. Ахмед из Куркли, Аман б. Мухаммад из Куми, Мухаммад б. Сулейман из Кунды, Мухаммад б. Али из Карбука.

Свидетели на наше свидетельство суть:

Мухаммед б. Махмуд имам аула Кубы, Исраф б. Улу Мухаммед, Али б. Тагир из Улучари, Айюб б. Кади Абдулхалим из Лякура, Ахмед б. Али б. Махмуд.

Содействуйте освобождению условно отпущенного раба, основываясь на высказывании пророка: «Кто облегчил невзгоды, аллах облегчит тому всякие трудности»³.

Обе записи говорят об освобождении лагов из рабского по-

¹ Освобождение бесправных рабов в Дагестане. ССКГ, вып. I, стр. 49.

² Р. Магомедов. Материалы по историко-этнографическому обследованию лаков.

³ Р. Магомедов. Материалы по историко-этнографическому обследованию лаков.

ложения на определенных условиях. Лаг Чапу освобожден на условиях, если он сумеет расплатиться в течение десяти лет с беком, согласно отпускного акта, лаг Герги должен был расплачиваться в течение шести лет, после чего Чапу и Герги становились свободными людьми. Надо полагать, что не все лаги, на подобно перечисленным выше условиях были в состоянии получить свободу, а освободившиеся на всю жизнь оставались в кабале у беков. Разница в положении получивших отпускное свидетельство заключалась лишь в переходе из рабского состояния в положение крепостного крестьянина. Но сам факт выдачи отпускных свидетельств лагам указывает прежде всего на незаинтересованность беков держать их на положении рабов.

Отпускная запись в гапшминской мечети сделана по существовавшему в то время обычаю. Гапшима входила в мугинское вольное общество. Аул этот являлся нейтральным. В случае каких-либо недоразумений между беком и лагом, бек не мог уже по своему произволу требовать от лага того, что не положено. Ибо в таких случаях авторитетное слово гапшминского джамаата являлось решающим.

Постараемся подвести некоторые итоги сказанному.

Неравномерное общественно-экономическое развитие отдельных частей Лакии обусловило социальную пестроту сельского населения. В одной части страны население расчленилось на две противоположные группы (на лакскую знать в лице хана, беков, чанка и на узденей и феодально-зависимых крестьян — райтов). В то же самое время в другой части страны, на незначительно большей территории, сохранилась сельская община с узденями.

Другой важный момент, который следует подчеркнуть, — это примитивность феодальной лестницы, сводившейся фактически к двум разрядам (чанки и сеиды не обладали владельческими правами). В противовес этой несложности групп феодальной знати сельское население отразило в себе разнообразные социальные различия.

Наконец, наряду со всем этим не следует забывать вопроса о лагах и об их эксплуатации патриархальным способом внутри сельских общин, и со стороны ханов — целыми поселениями.

Казикумухский хан воплощал в себе появление в Лакии феодальных отношений. Несмотря на это казикумухский хан не покинул еще раба. Наряду с трудом райтов он продолжал пользоваться и трудом раба. Все это дает нам основание предполагать, что ханско-бекские отношения пока что тонули на общем фоне отношений, олицетворением которых являлись свободные джамааты.

Одно несомненно: у лаков на развалинах древнего общинного строя вместо социально-неоднородных отношений интенсивно шел процесс формирования новых производственных отношений. Главной базой в развитии этих отношений служил рост феодальной собственности на землю.

4. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

1. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Мы выяснили, что в казикумухском ханстве происходило утверждение феодального способа производства и формирование соответствующего ему феодального базиса и феодальной надстройки.

Лакское общество делилось на классы. Оформлявшийся к этому времени класс лакских феодалов был заинтересован в удержании своей власти над крепостными и зависимыми крестьянами и в подчинении своей власти свободного крестьянского населения сельских общин. Для этого надо было иметь особый аппарат для применения насилия и подчинения людей насилию. Выделяется особый разряд людей, владевших аппаратом насилия и другими средствами принуждения. В казикумухском ханстве в рассматриваемое время мы видим то, что составляет сущность государства. Государство это было раннефеодальное.

При активном содействии надстройки происходил дальнейший процесс феодализации в ханстве. Надстройка всячески помогала оформиться и укрепиться своему базису. Она помогала новому строю dokonать и ликвидировать остатки первобытно-общинного базиса в Лакии и старые отношения между людьми. Наглядным примером активной роли надстройки служили непрерывный территориальный рост казикумухского ханства и укрепления классовых позиций лакских феодалов.

Еще в XVII веке территориальные границы Лакии замыкались рамками земель, занимаемых коренным населением страны. Территория эта, сравнительно небольшая, была компактна и этнически однородна. Но начиная с халклавчи Сурхая, границы казикумухского владения настолько раздвинулись за счет покоренных земель, что к середине XVIII века оно представляло собой уже обширную территорию от Кумуха, Кюре и Самура до Кубы и включало в себя уже не одну народность, а множество, в том числе даргин, авар, агул, арчин, лезгин и табасаран.

Всю эту территорию с покоренными землями и народностями в литературе принято называть владением хана казикумухского. С точки зрения внешних признаков определения это, возможно и правильно, но ни в коем случае не с точки зрения соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Под владением казикумухским подразумевались земли, населенные лаками, и другими народностями, представлявшие по своему уровню развития самую разнообразную картину. Убедиться в этом нетрудно, если обратиться хотя бы только к самим лакам. Здесь в одной части владения — в Кумухе и ближайших к нему аулах, т. е. в центрах ремесла и торговли — мы наблюдаем более развитые отношения, а в то же время другая часть страны с центром в ауле Кули во многом оставалась внут-

ренне замкнутой и изолированной. В силу этого в первой части страны процесс феодализации уже заложил глубокие корни, и в то же самое время вторая часть оставалась еще при неизжитых полупатриархально-общинных отношениях. Не следует забывать, что у покоренных народностей эти отношения были еще более лестными и большинство из них не пошло дальше сельской общины.

К тому же следует сказать, что территориальная структура многих частей казикумухского владения отразила в себе облик прежнего племенного деления в виде объединения джамаатов в магалы. В результате поисков материала о прошлом лаков мне удалось на месте довольно точно установить прежние границы и численный состав джамаатов, входивших в магалы. Вся территория, населенная лаками, разбивалась на шесть магалов: Мачайми, Вицки, Гумучиял, Кулал, Ури-Мукарки и Барткиял. Магал Гумучиял состоял из 23 джамаатов, Мачайми — из 20, Вицки — из 18 джамаатов. В некоторых из покоренных земель сидели беки из Кумуха, а некоторые продолжали находиться при прежнем внутреннем устройстве. Само владение казикумухское, именуемое в первой четверти XVIII века ханством, а до этого землями халклавчи, входило в состав «гумучияльского» магала.

В этом пестром комплексе земель, где каждый магал выглядел в какой-то степени автономно и сохранил общинное устройство, кумухское ханство было совершенно новым явлением, формировавшимся в результате разложения сельских общин. В последующее время еще продолжало приобретать все большее значение. Это связано с возвышением роли хана как военного организатора и предводителя лаков во время войн, усобиц и набегов. Такую роль хан по отношению к магалам выполнял до середины XVIII века.

До середины XVIII века Лакия оставалась политически раздробленной на отдельные территории, которые только временно объединялись под предводительством халклавчи (а позже хана) для внешних предприятий и борьбы с внешней опасностью и распадались так быстро, как только заканчивалось предприятие. Что касается самого ханства, то его тоже нельзя назвать строго централизованным хотя бы потому, что все покоренные земли, включенные в ханство, продолжали оставаться при их устройстве, хан довольствовался получением дани, а в самом Кумухе наблюдалось смещение феодальных политических органов с общинными и тухумными.

Таким образом, государственное устройство казикумухского владения, под именем которого объединялись лаки, характеризовалось тем, что это было объединение ряда союзов сельских общин во главе с выборным халклавчи. С начала XVIII века оно превращается в раннефеодальное государство уже во главе с наследственным ханом.

2. ОРГАНЫ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

Почти вся литература, описывающая лаков и их прошлое, утверждает, что ко времени кавказской войны во главе их стоял хан, которому все на местах подчинялись как феодальному монарху.

Такое утверждение не соответствует действительному положению вещей и прежде всего противоречит изложенным выше общественно-экономическим отношениям у лаков, в экономике которых прослеживались одновременно два типа общественного производства и вытекающая из них классовая структура. Анализ же характера власти хана и его прав при данных отношениях вскрывает и те своеобразные стороны устройства политических органов у лаков, которые также говорят далеко не в пользу неограниченной и деспотической власти хана.

Какова та общественно-политическая обстановка в Лакии, в условиях которой приходилось действовать хану?

Она сводилась, во первых, к наличию повсюду у лаков сельских общин с их союзом в лице магала и, во вторых, к существованию в одном из этих магалов феодального владения во главе с ханом, власть которого распространялась и на покоренные земли. По сравнению с тем, что их окружало, ханские земли были незначительны по своим размерам, и тем не менее они являлись носителями новых отношений, и хан в них являлся первым феодалом, вокруг которого группировались беки и кумухская знать. На местах же, т. е. в тех землях, которые не входили в ханство, продолжала сидеть общинная администрация, изредка только прибегавшая к советам и помощи хана. Поскольку дело обстояло так, то и хан в данное время управлял главным образом казикумухской землей.

Вместе с тем казикумухский хан занимал и другое положение по отношению к узденским джамаатам. Он являлся халклавчи — их военным предводителем. И с этой стороны он объединял вокруг себя все лакские джамааты, выступал как бы в качестве верховного лица единой государственной организации. Но это не было постоянным явлением, а продолжалось только в момент военных походов и внешней опасности. Правда, это преимущественное положение халклавчи обеспечивало закрепление за ним лучших земель и возникновение на этой основе соответствующих форм земельной собственности и эксплуататорских общественных групп, которые все более и более упрочивали свое положение.

Очевидно, что положение хана как халклавчи должно было в известной степени направляться деятельностью какого-то специального призванного для этого органа. Таким специальным органом, который направлял деятельность хана как военачальника и регулировал взаимоотношения между ним и джамаатами, был кумухский кьат — народное собрание, в котором участвовали

депутации от всех свободных уэденских джамаатов. Структура кьата была не сложна. Сперва заседал совет старейшин («совет машвара»), на котором принципиально решалось существо вопроса, а затем председатель кьата созывал собрание, на котором вопрос решался окончательно. На этом же собрании в торжественной обстановке «старейшинами и выборными от каждого селения»¹ избирался халклавчи, что в буквальном смысле слова означает — глава народа.

Соответствовало ли имя халклавчи фактическому положению, занимаемому им? Можно ли из этого титула заключить, что выборное лицо являлось главой племенного объединения? Утвердительно отвечать на этот вопрос мы не можем, ибо лакское племенное деление к этому времени распалось. Кем же тогда можно считать халклавчи по отношению ко всему остальному населению Лакии? Ответ на это дает анализ функций, которыми он был наделен при его избрании.

Принято считать, что главная обязанность халклавчи заключалась в «сборе ополчения и начальствовании над ним как при защите от нападения соседей, так и для внешних предприятий»². Для решения дела духовным порядком в Кумухе имелся главный кадий («илданал кьади»). В гражданское управление населения он не вмешивался, так как каждый джамаат имел своего выборного старшину и считался только с ним. Власть халклавчи ограничивалась не только существованием кадия и старшин. Он, например, не имел права налагать подати без разрешения кадия и старейшин и не мог собирать ополчения, «не спросив опять-таки их согласия»³. За халклавчи были закреплены доходы с «некоторых гор и пашен»⁴, специально для этого назначенных, и, кроме того, ему выделялось две части добычи от каждого набега.

Избирались халклавчи из кумухской знати (крупных землевладельцев), которая была известна под наименованием симирдарал. Халклавчи — в свое время это первая военная должность в Лакии.

Демократический порядок избрания халклавчи продержался у лаков до начала XVIII века. Последним казикумухским халклавчи был Чолак-Сурхай. Он, по примеру своих предшественников, в течение ряда лет продолжал совершать удачные набеги в Закавказье и «упрочил за собой славу храбрейшего из лаков», за которым «народ был готов выступить поголовно по первому его призыву»⁵. Затем Сурхай отошел от участия в набегах, продолжая покровительствовать в этом деле другим, и занялся

¹ А. К. Указ. соч., стр. 6.

² Там же.

³ С. Габиев. Указ. соч., стр. 18—19.

⁴ А. К. Указ. соч., стр. 6.

⁵ А. К. Указ. соч., стр. 24.

укреплением Кумуха и других аулов, построил ряд крепостей, защищавших подступы к ханству.

Такой поворот в действиях халклавчи был связан с переходом от политики грабительских набегов к политике завоевания соседних земель. Для этого халклавчи умело воспользовался благоприятной обстановкой, сложившейся в то время в Дагестане и Азербайджане. Кубинский хан и уцмий были заняты междоусобицами. Между шамхалом и остальными кумыкскими владельцами вражда приняла особо острый характер. В Мюскюре под религиозной оболочкой началось брожение, фактически означавшее недовольство персидским господством.

В начале XVIII века Дагестан сделался центром движения, направленного против персидского господства на Кавказе. Во главе этого движения становится халклавчи. В 1712 году он пошел на Шемаху. Шемахинцы перешли на его сторону, и после 15-дневной осады Сурхай взял город, истребив персидскую администрацию и разграбив имущество русских купцов. Тогда же Сурхай принял титул хана ширванского. Вслед за этим Сурхай вместе с Дауд-беком Мюскюрским совершил поход с целью захвата Баку, но город ему взять не удалось. Сурхай ищет союзника в борьбе с персами. В поисках союзников Сурхай и Дауд-бек обратились к турецкому султану и предложили принять их под его покровительство. Это и было сделано. Но Дауд-бек разными происками добился у султана своего назначения правителем Ширвана. Оскорбленный этим, Сурхай совершил ряд набегов на Ширван, дошел до Ганджи, где «не малое разорение учинил»¹.

Взятие Шемахи и борьба против персов сильно возвысили Сурхай. Лакский халклавчи начал играть крупную роль в политической жизни всего Дагестана. Находясь в Кумухе, Сурхай главные свои устремления направил на покорение самурских и кюринских обществ южного Дагестана. Вскоре общества рутульцев, кюринцев, табасаранцев и даргинцев одно за другим оказались в сфере влияния казикумухской знати. Здесь ближайшим представителем народа — завоевателя явился халклавчи.

Дальнейшие последствия завоевания соседних земель были очевидны. Они ясно говорили о несовместимости общинных отношений с рамками господства над покоренными народностями, выразителем которого являлся военачальник (халклавчи). Безопасность завоеванной области во-вне и внутри требовала усиления его власти. Наступил момент для превращения власти военного вождя в княжескую власть.

Так именно произошло и с казикумухским халклавчи. С самого начала он выступает как военачальник, избираемый наро-

¹ Выписка из письма Андрияна Лопухина из Тарков. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией». д. № 16, 1722, л. 2.

дом и действующий на основе постановлений собраний лакских джамаатов, как первое лицо в государстве. Совершаемые халклавчи набеги и войны опосредствовали накоплению богатств в его руках, а, следовательно, усилению его власти. Затем, искусно воспользовавшись создавшейся на северо-восточном Кавказе ситуацией халклавчи приступает к завоеванию соседних районов Дагестана, налагает на покоренных дань и становится политическим вождем антиперсидского восстания на Кавказе. Это в конце концов приводит его в Шемаху и в окрестности Баку и Ганджи, где Сурхай провозглашается ханом. Это был как раз тот момент, когда совершилось превращение власти дофеодалного владыки, в данном случае военного вождя (каким был халклавчи Сурхай), в королевскую власть, в данном случае власть хана (каковым стал Сурхай).

Являясь для покоренных народностей ханом, Сурхай в самой Лакии еще долгое время продолжал прикрываться прежним наименованием халклавчи, хотя оно уже не соответствовало его фактическому положению.

Возвышение халклавчи и укрепление его власти в Кумухе должно было повести к ослаблению значения кьата, как важнейшего политического органа лаксов. Но кьат не сразу сдал свои позиции. По крайней мере этого не случилось в начале громких побед Сурхая. Последний продолжал пользоваться услугами и поддержкой кьата на протяжении всей своей деятельности. Об утраченной силе кьата в период наивысших политических успехов Сурхая свидетельствует обращение последнего к кьату по чрезвычайным делам. Нам известен случай обращения Сурхая к кьату, чтобы он дал ему ополчение в первый период его деятельности и отказ кьата в просьбе Сурхая. Сурхай после четырехкратного отклонения его просьбы письменно обратился к председателю кьата Гаджи Мансуру, и потребовалось убедительное обоснование целесообразности мобилизации дружин из джамаатов прежде, чем просьба Сурхая была удовлетворена окончательно. Известен и такой факт из периода борьбы с Надир-шахом, когда по решению кьата Сурхай был вырван из плена персидского шаха.

Перейдем теперь к другим фактам, опосредовавшим укрепление власти Сурхая как феодального властелина. Прежде всего, после разрыва с Дауд-беком, Сурхай почти в течение десяти лет был занят укреплением своей власти в землях южного Дагестана, при этом не прекращая тревожить своего противника — ставленника турок Дауд-бека. В южном Дагестане не менее Сурхая заинтересован был уцмий. Кайтагский уцмий был против укрепления Сурхая в южном Дагестане. Он принял сторону Дауд-бека и стал всячески противодействовать Сурхаю. На этой почве Сурхай имел с уцмием «великую ссору...»¹.

¹ Доношение шамхала Адиль-Гирея к Петру I от 9 августа 1722 г. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 17, л. 25 и об.

Ведя войну с двумя своими противниками, Сурхай не думал отказываться от своих притязаний на Шемаху. Вслед за кюринскими обещаниями, Сурхай присоединяет к своим владениям Кубу. Это было в канун персидского похода Петра I. В манифесте Петра I, одновременно разосланном в Дагестане, о причине его похода говорится: «Как в 1712 году владелец лезгинский, Дауд-бек и владелец казикумухский Сурхай, взбунтовавшись против шаха, государя своего, город Шемаху приступом взяли, русских людей, там торговавших, порубили и имущества их на четыре миллиона рублей похитили, и, по требованию, сатисфакции на сих бунтовщиков от шаха не дано, по недостатку его сил; потому, мы сами, почитая российское государство весьма обиженным в имениях и чести, решили наказать сих бунтовщиков, обоим сторонам вредных»¹.

Это послужило поводом к прекращению вражды между Сурхаем, уцмием и Дауд-беком и объединению сил для совместного противодействия предприятиям Петра I. С этой целью в момент, когда Петр I высаживался у Аграхана, они по некоторым данным сосредоточили в Кубе до 30 тысяч войск»².

После инцидента с петровскими войсками в северной Кумыкии Сурхай уходит в Кумух и оттуда пишет шамхалу: «Народы всего Дагестана по вся дня ко мне собираются и просят, чтоб на русских идти, и говорят: Эндриевку де разорили и в Тарков пошли, и ты де шамхал за одно стал с русскими. И слышали, что де русские хотят Дагестан себе покорить и хотят укрепить города, которые близко морского берега. Хочу от тебя, чтоб ты сей народ вывел из стран дагестанских, от Куй-Суй (Койсу), сия река есть выше Тарков, до самой реки Самура, а буде сего не учинишь, все дагестанские народы соберутся от Зунты до Кюре и против тебе и против русских и много будет конфузий. Чего ради тотчас вышли оных из сих мест, пушай куда хотят идут. Паки от тебе хочу, чтобы ты приказал как своим людям так и дербентским, чтоб подданным моим, которые живут в Кюре обид и разорения и пожиткам, домам и селам их убытков и никаких досад отнюдь не чинили, понеже оные народы суть подданные и служивые мои, чего ради иметь хранить их как народ и войско свое. Воля твоя есть, в протчем ты смотри»³.

Письмо это интересно тем, что в нем отражено общее настроение, каким жил тогда Дагестан в связи с петровским походом. Но Сурхай не оказался на поводу у этих настроений и сразу не выступил против Петра I. Он учел, что персы — его враги, и турецкому султану он после указанного выше случая относился враждебно, Дауд-бек и уцмий были временными его

¹ Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 17.

² ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 24, 1722, л. 77.

³ ЦГАДА. Персидские дела, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 17, 1722, л. 143.

союзниками, а для Петра I он сам был виновником гибели русских купцов. Сурхай хорошо представлял свое невыгодное положение и поэтому колебался насчет дальнейшего поведения. Это колебание кончилось тогда, когда Петр I подходил к Кайтагу. На требования уцмий совместно восстать против Петра, Сурхай объявил, что он с «войсками российскими биться не хочет...»¹. Вслед за этим он обратился с письмом к шамхалу. По этому поводу Адиль-Гирей писал Петру I: «Прежде всего Сурхай был под моим ведением, однако ж после того, сообщаясь с Даут-беком и уцмием, от меня отстал и с оным ходил в Персию, и ее разоряли, чего для меня он столь противен. Ныне же требует от меня он, чтоб о прощении его Сурхайевых вин просил я вашего императорского величества рабом, и говорит, ежели ваше императорское величество высоким своим милосердием вину его отпустить соблаговолите, то он будет стараться в подданство привести всех дагестанцев»².

Мы не имеем сведений о том, как отнесся Петр I к просьбе Адиль-Гирея, но известно, что он, будучи в Дагестане, не предпринял открытых действий против Сурхая, да и Сурхай оставался в стороне, наблюдая за ходом событий при Утамыше и Дербенте и ожидая союза с Российским войском для борьбы со своими противниками уцмием, Дауд-беком и Персией. Можно полагать, что Петр I также выжидал чего-то в отношении Сурхая и связывал это с планом своих дальнейших действий. Казикумухский Сурхай мог быть полезным при продвижении в сторону Баку и в борьбе с Дауд-беком Мюскюрским и с Персией в случае отъезда кампании. Прекращение дальнейшего продвижения русских войск за Дербентом и неожиданный отъезд Петра I в Россию, повидимому, помешали сближению Петра I и Сурхая.

Для оценки Сурхая, как личности, характерно его поведение после отъезда Петра I. Оно свидетельствует о том, что Сурхай в своих предложениях к Петру I руководствовался не временными мотивами, возникающими под воздействием обстоятельств, а искал в русском царе постоянного союзника. Данные, которыми мы располагаем, говорят, что после отъезда Петра Сурхай не только не стремился к недружелюбным актам, но всячески старался быть полезным оставшимся в разных частях Дагестана русским войскам, предупреждая их о возникновении опасности со стороны турок, уцмий и шамхала³. Дербентский наиб Имам-Кули писал через 4 месяца после отъезда Петра. «Как прежде сего Сурхай имел баталию с бездельником Усеме, о том обо всем к вашему и. в. я покорнейше писал и Сур-

хаевы письма к вашему величеству отсылал, а ныне он Сурхай еще ко мне прислал письмо, из которого я вразумел... что он Сурхай желает служить верно вашему и. в. и намерен с помощью божию искоренить противников, которые будут вашему величеству»¹. Не раз в преданности Сурхая мог убедиться и комендант города Дербента Юнгер. Он доносил об этом Петру I и сообщал Сурхаю: «Известно нам о вашей склонности и... моему всемилостивейшему государю»².

По договору 1723 года Персии был уступлен весь Прикаспийский край от Астрабада до Сулака. Лакия сюда не вошла. Два года спустя по трактату от 27 июня 1725 г. она была признана за Турцией. Дауд-бек был вызван в Константинополь, где впоследствии и умер, а правителем Шемахи был признан Чолак-Сурхай, наделенный ханским званием. Это был второй случай признания Сурхая ханом. В первый раз он был провозглашен ханом при взятии Шемахи самими шемахинцами, а сейчас официально утверждён в этом титуле Турцией.

Сурхай, оставаясь для лаков халкклавчи, таким образом, для кюринцев и шемахинцев сделался ханом. Сам Сурхай больше жил в Кумухе, а в Шемахе фактически всеми делами управлял «Суркая человек Качай», который имел «большую власть и силу...»³. У лаков он известен под именем Карата, близкого слуги Сурхая, и славился воинственностью и решительностью в своих действиях.

В Персии к тому времени власть узурпировал Надир. Он провозгласил себя шахом, предпринял военные действия против Турции, а затем потребовал признания его власти в Дагестане и Ширване. Сурхай отказался признать Дагестан и Ширван за Персией.

Ближайшим последствием такого поведения Сурхая и отказа других ханов признать владычество Ирана над Дагестаном явилось вторжением полчищ Надир-шаха в Дагестан. В Дагестане с 1734 г. началась длительная освободительная война против иранских захватчиков. Энергичное участие в этом движении принял Сурхай и его сын Муртазали. Надир-шах лично предпринял поход для наказания Сурхая, взял Кумух, разграбил и разорил его.

После изгнания Надира из Дагестана в Кумухе был созван общелакий кыат, на котором стоял вопрос о спасении халкклавчи Сурхая из плена. По решению кыата представители трех наиболее влиятельных тухумов Кумуха с преданными людьми должны были тайно явиться в Дербент и помочь Сурхаю бе-

¹ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 24, л. 75.

² ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 17, 1722, л. 194.

³ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 6, 1723, л. 35 и об.

¹ Там же, д. № 5, 1723, л. 36.

² Там же, д. № 1, 1723, л. 27.

³ Письмо коменданта города Дербента полковника Юнгера к ген. Матюшкину. ЦГАДА, ф. колл. дел «Сношения России с Персией», д. № 8, 1722, л. 54 и об.

жать из плена. Подкупив стражу персов, им удалось спасти Сурхая.

В отсутствие Сурхая, в Кумухе управлял его старший сын Магомед. Сурхай оставил его при власти, а сам отошел от политической деятельности. В 1748 году Чолак-Сурхай, этот последний лакский халклавчи, умер в Кумухе. Его сын Магомед уже не был избран в качестве халклавчи. Не избирались и его наследники.

Магомед официально стал именоваться ханом. Вместо выборной власти теперь стала наследственной. Так, у лаков «закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства»¹.

Мы знаем, что к усилению власти хана и феодализации Лакии и южного Дагестана крестьянское население относилось не безразлично. Угнетенные крестьяне брались за оружие. Свободные общинники-уздени непрерывно боролись с лакскими феодалами. Антифеодальные выступления тулузминцев, табахлинцев, карашинцев, унчукатлинцев, каялинцев, курахцев, ялахцев направлены были против укрепления и расширения власти феодалов над крестьянством.

Во внешних делах Магомед-хан следовал политике своего отца. Он также вел много войн с персами и не раз восстанавливал правление свое в Шемахе и с некоторыми перерывами, вплоть до 1762 года, правил ею². В 1774 г. Магомед-хан овладел Кубой и Кюрой и присоединил их к Казикумуху. Но вскоре при Фет-Али-хане Кубинском влияние казикумухского хана в южном Дагестане стало падать. Из казикумухского ханства выделилось кюринское владение во главе со старшим сыном Магомед-хана Шах-Марданом³.

Каково же было положение кумухского кьата после происшедших политических изменений? Играл ли он теперь прежнюю роль?

Кумухский кьат оставался в силе и при Магомед-хане, и при хане Сурхае II (был избран ханом 1789), выражая собою волю узденских джамаатов и являясь средством, направляющим деятельность лаков. Но кьат второй половины XVIII века далеко не был похож на кьат времен халклавчи Чолак-Сурхая. Усиление власти казикумухского хана внутри Лакии и в покоренных землях ослабило силу и значение кьата.

Уже к концу жизни Магомед-хана кьат стал собираться не в обычном своем священном месте — в Ямани, а перед ханским дворцом. Имеющийся материал по этому вопросу поясняет, что такое отступление кьата от своих традиций якобы было введено, как знак глубокого уважения к личности хана. Быть может, в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, ч. I, стр. 140.

² А. К. Указ. соч., стр. 14

³ Там же.

качестве повода для первого случая это и было верным, но в последующем собирании кьата перед ханским дворцом, с балкона которого хан наблюдал за его действиями, стало повторяться и ничем не оправдывалось. Кумухский кьат, по мере укрепления экономических позиций хана постепенно начал терять свое значение, перестал быть высшим политическим органом лаков и к концу века стал совещательным органом при хане. Но все же в системе государственных органов Лакии кьат, наряду с ханством, оставался еще долго в роли одного из основных политических органов, и так продолжалось до тех пор, пока Апалар-хан ни уничтожил следы его бывшего могущества.

Таким образом высшими органами власти в Лакии в начале XVIII века были кьат и халклавчи, а со второй половины XVIII века — хан и кьат. Правда, и в это время на кьат юридически попрежнему смотрели как на главный орган власти, но фактически решающая роль во всех внутренних и внешних делах уже принадлежала хану. Как видим, хан выступал как первое лицо в Лакии, хотя процесс превращения свободных общинников в феодально-зависимых крестьян и распад узденских джамаатов далеко еще не был завершен.

Казикумухский хан теперь имел надежную опору власти в лице преданной ему дружины из воинственных узденей, называвшихся жукерами. Созданный аппарат управления должен был обеспечить внеэкономическое принуждение в бекствах. И дворец хана выглядел иначе чем раньше. Теперь во дворце сосредоточились слуги из рабов и узденей. У хана имелся дворецкий, он же казначей, именуемый назиром. Если раньше халклавчи был лишен права суда и наказания, то теперь хан сам чинил суд и расправу. По приведенным данным по Унчукатлю, можно полагать, что к ханскому суду, как высшей судебной инстанции, все чаще начинают обращаться отдельные общинники, и к хану идут отдельные джамааты для решения спора и тяжб с соседними джамаатами.

Хан имел своих визирей, назира, дворецкого и кадия¹.

На покоренных землях сидели представители ханского казикумухского дома — беки, вассалы хана. Они управляли, опираясь на существовавшую до завоевания администрацию.

На местах органом власти казикумухского ханства, как указывалось, попрежнему являлась общинная администрация. В своем устройстве лакские джамааты мало чем отличались от верхне-кайтагских джамаатов.

Доходы хана складывались из доходов, получаемых от пастбищных гор и пахотной земли в самой Лакии, и из дани с покоренного населения, а также из военной добычи.

¹ Некоторые сведения о должностных лицах хана можно почерпнуть из статьи «Воспоминания Муталима», ССКГ, вып. II.

1. Основной особенностью общественно-экономического и политического строя лаксов в начале XVIII в. являлось наличие и борьба укладов — патриархально-общинного и феодального.

2. В общественном производстве у лаксов труд свободного узденя превалировал над трудом феодально-зависимого крестьянина.

3. Экономической базой лакских феодалов была феодальная собственность на землю. Ведущей формой собственности в Казикумухском ханстве являлась собственность хана — пастбищные земли. Исключительная роль пастбищных земель в жизни лаксов вела к тому, что на базе укрепления феодальной собственности на пастбищные земли в ханстве шел процесс зарождения феодального домена.

4. Классовые отношения у лаксов отличались примитивностью. Класс феодалов ограничивался двумя ступенями: хан и бек (чанки и сеиды не обладали владельческими правами). Сельское население состояло из узденей и раят.

5. В Казикумухском ханстве имело место несоответствие между состоянием производственных отношений и характером производительных сил. Это несоответствие прежде всего сказалось в эксплуатации раба в ханском хозяйстве. Объяснялось это, видимо, незаметным положением пашенного земледелия в системе ханско-бекского хозяйства. Очевидно, на этой стадии ведения скотоводческого хозяйства эксплуатации раба патриархальными методами еще устраивала лакских феодалов.

6. Государственное объединение лакских вольных обществ вокруг феодального Кумуха не было завершено. Не был завершен и процесс становления лакской народности. В то же время была налицо этническая неоднородность населения ханства. В состав казикумухского ханства входило семь народностей Дагестана.

7. С начала XIX в. на территории Казикумухского ханства все более внедрялись отношения связанные с феодальным способом производства.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ В XVIII И НАЧАЛЕ XIX ВВ.

1. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ В ДАГЕСТАНЕ

История классовой борьбы в Дагестане еще не изучена. В то же время известно, что в XVIII—XIX вв. в Дагестане происходили многочисленные крестьянские выступления против феодалов. Нет никакого сомнения, что борьба между классом зависимого крестьянства и землевладельцами, между общинниками-узденями и патриархальной знатью оказывала самое активное влияние на ход социально-политической истории Дагестана.

В дореволюционной дагестанской литературе всячески обходилась вопрос о крестьянских движениях, замалчивалась классовая борьба между феодалами и крестьянами. Все события, происходившие в Дагестане, в этой литературе рассматривались или как борьба «мусульман» с «немусульманами», или как борьба кровников, борьба одних ханов и беков против других ханов и беков.

Эти взгляды отразились в официальных документах, дошедших до нас (напр., памятники ханско-бекского права и др.). В наше время эти взгляды мешают выявлению классовой природы того или иного движения, осложняют различными статьями кровной мести и религиозными догмами изучение событий общественно-политического характера.

Без решительной борьбы за преодоление ошибочных взглядов на историю Дагестана невозможно дать сколько-нибудь правдивую картину классовой борьбы. Невозможно поднять этот вопрос на должную высоту без накопления нового материала, без критического анализа старых источников литературы. Только вооружившись большим количеством фактического материала, на основе марксистской методологии можно решать сложные вопросы классовой борьбы в Дагестане.

На наш взгляд, одним из таких сложных, пока неизученных вопросов являются формы проявления классовой борьбы Дагестана в XVIII веке.

Насколько нам удалось изучить существо вопроса, эта борьба в Дагестане могла протекать в виде:

а) различных форм протеста крестьян против ханско-бекского произвола во взимании феодальной ренты;

б) побегов крестьян из одного феодального владения в другое или побегов на территорию вольных обществ;

в) борьба за землю;

г) различных форм разбойничества и ухода в «канлы»;

д) стихийного восстания крестьян против феодалов.

Следует учесть, что эти формы антифеодальной борьбы и в условиях Дагестана, как и в других местах, иногда протекали под религиозной оболочкой. Еще чаще классовая борьба в горах сочеталась с восстанием народных масс против иноземных угнетателей.

Классовая борьба в Дагестане могла протекать и в других формах. Нам удалось пока проследить ее только в вышеперечисленных направлениях.

Остановимся кратко на характеристике отдельных форм классовой борьбы и классового протеста.

Начнем со стихийных выступлений крестьян против ханов и беков.

В качестве ярких примеров стихийного выступления крестьян против дагестанских феодалов можно привести восстания гидатлинцев против аварских ханов в XVII—XVIII вв., восстание башлиинцев против кайтагского уцмийа в конце XVII в., восстание райатов в нижнем Кайтаге в середине XVIII века и восстание табаклинских узденей против казикумужского хана во второй половине XVIII в. Все эти и другие подобные выступления крестьян относятся к активным формам классовой борьбы.

Ханы, уцмийи, майсумы, шамхалы, беки облагали крестьян новыми поборами и повинностями под всякого рода предлогами и названиями. Крестьяне протестовали против ханско-бекского произвола, боролись за ранее установленные ренты, протестовали против повышения повинностей, требовали узаконить их. Много ценного для характеристики положения крестьян, а также для выяснения путей, по каким шло присвоение феодалами прибавочного продукта с крестьян, мы находим в материалах сословно-поземельной комиссии. Материалы эти, правда, относятся к первой половине XIX в., но в прошениях райатов и других крестьян очень часто делаются ссылки на то, что тот или иной вид повинности был установлен в такое-то время, при таком-то хане или беке.

Хронологические данные некоторых прошений можно отнести к XVIII в. Из крестьянских обращений аулов Большого и Малого Дженгутая, Кака-Шура, Дургели и других видно, что крестьяне много раз обращались к судебным властям, но ханско-бекский суд по адату и шарияту стоял на стороне интересующего класса¹.

¹ См. статью «Мехтулинские ханы», ССКГ, вып. II. Тифлис. 1869, стр. 15—16.

Такие документы феодального права, как «Кодекс законов Умму-хана Аварского», «Постановление Кайтагского уцмийа Рустем-хана», «Бийские адаты жумыков» целиком защищали интересы имущих людей. Крестьяне не могли отстаивать своих прав в ханско-бекском суде.

В старом Дагестане с самых отдаленных времен наблюдался уход части населения из горных районов¹. Целые общины переселялись в плоскостные районы. Люди уходили и в одиночку из одного района в другой². То же самое происходило и на плоскости. Отсюда народ группами и в одиночку уходил в горные районы.

Вот некоторые примеры.

Население Цитениха, Хедалалского общества считалось зависимым от аварских ханов. Часть населения Цитениха отошла к Койсубулинскому обществу. В 30-х годах XIX в. хан снова подчинил это население своей власти. Из Караты ушла часть населения в местность «токи» и основала во владении хана Аварского аул Токита. Переселенцы из Карата основали также аул Сиух в Бакатлинском обществе. Из Тануси (владение хана Аварского) часть населения выселилась в общество Хиндалал и образовала поселок Коло. В обществе Гид переселенцы из лакских районов образовали поселения Глянуб и Цекоб.

Жители Цахура (резиденция султана) покинули дома, поселились в горном магале и образовали аулы Сигют и Хиэх. Переселенцы из Наита основали аул Дуранги. Переселенцы из аула Муги основали новое село Мегеб в Андалальском обществе. Переселенцы из горных аварских районов основали Чир-Юрт. Беглые крестьяне владения майсума Табасаранского основали аул Ругуж.

Передвижение населения с гор на плоскость и с плоскости в горы происходило в Дагестане вплоть до установления Советской власти.

Можно ли назвать эти передвижения простым уходом, или добровольным переселением части населения или одиночек? Нет, нельзя. Это не было добровольное переселение. Мы считаем, что в старом Дагестане только в двух случаях могли совершаться перемещения населения в одиночку и группами из одного района в другой.

В первом случае горское население уходило на плоскость потому, что в горах под гнетом патриархально-феодальной знати ему жилось плохо. Уходя на плоскость или в другие места, горцы спасались от этого угнетения и произвола. На плоскости, в

¹ Некоторые сведения о передвижении населения из одного района в другой мы находим в «Памятной книжке Дагестанской области». Темир-Хан-Шура, 1895.

² Интересные сведения о передвижении аварского населения даются в статье Ш. И. Михайлова «Пути образования аварского литературного языка». Сборник «Языки Дагестана», вып. II, Дагучпедгиз. 1954, стр. 7—14.

кумыкских княжествах, крестьянам тоже жилось не легче. Оно уходило в горы, а позднее и в русские пограничные земли по Сулаку и Тереку.

В подтверждение сказанному приведу два примера бегства крестьян.

В середине XVIII в. 280 дворов теркемейцев бежали из владения удийца Кайтагского и поселились в северных кумыкских землях, находившихся в границах России.

С начала XVIII в. крестьяне из кумыкских княжеств, спасаясь от своих феодалов, большими партиями уходили в пределы Российских владений и в горы. Эндреевские беки добились от Петра I специального указа терскому начальству о возвращении таких беглых обратно к своим прежним владельцам. В указе была сделана лишь оговорка о тех беглецах, которые соглашались принять христианство. За каждого такого беглого нефита была установлена плата в 30 рублей. Этот порядок терским начальством, видимо, соблюдался не совсем точно. Тогда эндреевские беки решили обратиться к Петру I со специальным посланием следующего содержания: «Пресветлейший и державнейший государь, Вашему величеству мы, Кебек-бег и Айдемир-бег, и Муртазали-бег, и Темир-бег, и Анди-бег клянемся и потом доносим вам, нашему великому государю,— по еже наши кумыки, а ваши российские народы в дружелюбии бывали из давних лет, в указе вашем, великого государя, есть: ежели от нас кто сбежит и к вам прибежав окрестится, и за оною к нам присылать по 30 рублей, а ежели грузинец и черкес сбежит от нас к вам, то их самих к нам присылать; а ныне ваш, великого государя, раб, князь ничего не отдает — ни беглецов, ни за них деньги, и неоднократно о сем к нему писали и просили, но никакой отповеди не получили. Того ради от вашего величества просим, дабы Вы, великий государь, о сем ему, князю, указом своим монаршеским повелели, ибо мы и служители наши вашего величества нижайшими рабами пребываем»¹.

Приведем другой пример бегства крестьян из кумыкских феодальных владений. В 1720 г. эндреевские владельцы Айдемир Кебек Амзин и сын Шамхала Чепан и бек Казаналип аксайский совершили набег за Терек в аул Крыбавлы и «по взятии прогнали» жителей аула со скотом и имуществом «на кумыкскую сторону в урочище Карагачи» и с этого времени «жили в оном урочище карачаги...»². Полгода спустя в 1721 г. с этого урочища «бежали семь дворов»³ обратно за Терек.

Во втором случае из плоскостных районов в горы население уходило из-за нашествия турецко-татарских и иранских полчищ.

Население плоскости, уходя в горы, или спасало себя от угона в рабство и физического истребления, или, не мирясь с господством захватчиков, организовывало партизанскую борьбу с вторгшимся врагом.

Таким образом, как правило, бегства крестьянского населения являлись своеобразным протестом против тяжести феодальных повинностей и произвола местных властей. Побег крестьян в одиночку или целыми группами из одного феодального владения в другое в большинстве случаев носили открыто выраженный **антифеодальный** характер.

Изучение вопроса о характере землевладения и землепользования в Дагестане раскрывает картину острых конфликтов и столкновений между крестьянской массой и земельными собственниками. Причиной конфликтов и столкновений служил рост феодального землевладения, усиленный грабеж общинных земель.

В каждом ханстве и бекстве Дагестана, наряду с крепостными, зависимыми крестьянами разных категорий, имелось много лично свободных крестьян-узденей. По мере расширения ханских, бекских, мечетских земель узденские наделы мюльки уменьшились, а порою уздени и вовсе теряли право на них и становились зависимыми от феодалов. Такое превращение свободного узденя в феодально-зависимого крестьянина не всегда кончалось мирно. Узденя, опираясь на тухум, старался всеми силами отстоять от феодала свою землю и свою свободу.

Мы знаем, что в Дагестане, кроме сложившихся феодальных владений, имелось большое количество полуфеодальных, полупатриархальных политических объединений. Хань и беки повели наступление на эти разрозненные политические объединения. Они стали захватывать общественные земли и объявлять их своими собственными. Делали это ханы и беки так. Хан приказывал своему приказчику гнать скот на пастбищную гору, принадлежащую одной из соседних с ханством крестьянских общин. Джамаат, узнав о случившемся, посылал своих уполномоченных для предупреждения ханских людей, что они находятся со скотом на земле, принадлежащей данному джамаату. Ханские люди не хотели кончить дело миром и затевали ссору с джамаатскими уполномоченными. На ссору прибегали новые люди из джамаата, хан в свою очередь посылал вооруженных нукеров, ссора заканчивалась кровопролитием. Захватив джамаатскую землю, хан расставлял на ней своих вооруженных людей и не пускал на пастбище прежних владельцев.

Джамаат, потеряв пастбищные земли и сенокосные угодья, имел только одну перспективу: идти к ханам и бекам на поклон и за особую плату арендовать свои собственные участки. Над крестьянами-узденями нависала угроза феодальной эксплуатации и лишения свободы. Поэтому джамааты ожесточенно сопротивлялись феодальным захватам, боролись с надвигающейся феодальной угрозой.

¹ Перевод письма эндреевских владельцев к Петру I, ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Дело эндреевской деревни», 1721, д. № 2, л. 7.

² Извещение старшин аула Крыбавлы в Терскую канцелярию. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Дело эндреевской деревни».

³ Там же.

На протяжении XVIII и XIX вв. на этой почве происходила борьба узденей с кайтагскими, лажскими, аварскими и другими феодалами.

Изучить на местном материале борьбу населения вольных обществ с дагестанскими феодалами — значит показать длинную цепь народных восстаний, во главе которых стояли порой замечательные люди из народа, боровшиеся против ханского вероломства и жестокости за свою землю и вольность своих общин.

Сословно-поземельные отношения в Дагестане к началу XIX в. оказались настолько обостренными, что Кавказское начальство вынуждено было обратить на них самое серьезное внимание. Из-за того, что земельный вопрос оставался нерешенным, в горах часто происходили волнения. Поэтому царское правительство учредило в Дагестане сословно-поземельную комиссию, которая занялась выяснением устройства населения Дагестанской области и зависимых отношений крестьян к ханам и бекам. Было собрано огромное количество материалов, но комиссией ни один вопрос по существу не был решен. В Дагестане по-прежнему было неспокойно. Крестьянские волнения продолжались.

В местной дореволюционной литературе классовый характер выступления крестьян против феодалов на почве земельных отношений обычно затушевывался. В этой литературе выступления крестьян изображались как столкновения между тухумами, джамаатами, как факты, связанные с родовым порядком землепользования. В действительности же борьба за землю была борьбой крестьян против дагестанских феодалов, посягавших на политические и экономические права общинников.

При чтении различных сборников адатов, как изданных, так и находящихся в рукописях, прежде всего бросается в глаза множество статей, относящихся к следующим двум видам преступления: первое — «канлы» (кровомщение) и второе — «разбой» и «воровство». Статей, регулирующих земельные отношения, в адатах мало. Все адаты содержат преимущественно нормы уголовно-процессуального права.

Создается впечатление, что вся общественно-политическая жизнь дагестанского народа построена на нескончаемой кровной мести, на разбое и воровстве.

Это, конечно, не соответствует действительности. За нормы адатного права налицо явная фальсификация исторического прошлого дагестанского народа. Дело в том, что в свое время, кодифицируя адатное право, представители господствующего класса всякое проявление классовой борьбы рассматривали только как «канлы», «разбой», «воровство».

Приведем примеры из адатного права.

Крестьяне, доведенные до отчаяния, убили бека или сделали покушение на хана. Это по адату — канлы.

В 1775 г. восставшие табасаранцы убили одного из своих владельцев — Майсума¹. В 1779 г. эндреевцы, недовольные действиями сына аксаевского владельца Эльдар-бека², убили его. Адатное право расценивает такие случаи как преступление, совершенное на почве канлы.

Хан и бек подавили восстание и убили главарей повстанцев. Адатное право оградает убийц. Согласно адатному праву, кровомщение допускается только между лицами одного сословия. Бек мог убить узденя, но родственники убитого не имели права мстить беку. Бек мог убить раба, и только это допускалось адатным правом.

Ханские нукеры угоняли общественный скот. Это по адатам не воровство и нукеров нельзя наказывать. Если же крестьяне для восстановления справедливости угоняют ханский или бекский скот, то адатное право это квалифицирует как воровство, как разбой и разрешает владельцу безнаказанно убивать всех участников угона скота.

Как видим, за ширмой старой родовой терминологии адатное право скрывало настоящие социальные мотивы многих выступлений, связанных с общественной и политической жизнью горцев. Поэтому вопрос о «канлы» и «разбое» в Дагестане надо сделать предметом специального исследования. Необходимо установить, не являются ли многие «преступления», прикрываемые терминами «канлы» и «разбой», актами борьбы отдельных групп крестьян и одиночек против своих угнетателей. Не пора ли отказаться от традиционного и антинаучного представления о кровной мести во всех случаях как надклассовом явлении? Может быть, было бы более правильно кровную месть в позднейших классовых, отдаленных от родовых институтов, условиях рассматривать в ряде случаев не с былых позиций внутривидового суда, а как своеобразный классовый протест масс против своих угнетателей.

Среди оболочек, которыми прикрывается классовая борьба в новых условиях, надо учитывать не только родовые, но и религиозные. Надо полагать, что после утверждения мусульманства в Дагестане получили распространение религиозные ереси. Говорить о формах их проявления мы не можем, так как пока не располагаем конкретным материалом. Но мы можем утверждать, что в Дагестане в зависимости от условий и времени революционная оппозиция против патриархально-феодальной знати проходила часто под религиозной оболочкой. В годы, когда в Дагестане мусульманство еще не утвердилось повсеместно, такая оппозиция против новых феодальных порядков принимала иногда форму открытого выступления против мусульманской

¹ П. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг., ч. II, СПб, 1869, стр. 22, пр. 2.

² Там же, стр. 62.

религии, за сохранение старых христианских и дохристианских обрядов. В средние века все эти социально-политические выступления горцев мусульманскими церковниками изображались как ересь, как действие «мунафиков».

С конца XV в. борьба за господство в Дагестане началась между двумя основными течениями ислама: суннитами и шиитами. Иранские феодалы начали свою агрессию в Дагестане под флагом борьбы «шиизма» против «суннизма». Выступления народных масс против иранской агрессии в этот период проходили под религиозной оболочкой. Позднее в Дагестане утвердилось господство турок. Турки, как сунниты, выступили против шиитов и других инаковерующих. Во многих случаях и в этот период борьба происходила под религиозной оболочкой. Наконец, в начале XVIII в. освободительная война против иранского господства в Дагестане началась под религиозной оболочкой, т. е. борьбы против сторонников шиизма.

Конечно, не все выступления в Дагестане под флагом религии или против религии выражали потребности и чаяния народных масс. Многие из религиозных движений имели открыто выраженный реакционный характер. Однако в задачу исследователя входит и в реакционном по форме движении различать такие выступления и проповеди, которые на деле несли с собой отголоски классовой борьбы.

Приступая к написанию данного очерка, мы имели перед собой цель собрать как можно больше сведений о восстаниях крестьян, происходивших в различных районах Дагестана в XVIII и начале XIX вв., и на этой основе показать, что во всех ханствах, бекствах и вольных обществах происходила ожесточенная классовая борьба крестьян с патриархально-феодальной знатью и иноземными угнетателями. Однако в настоящем очерке нам не удалось еще полностью охватить весь богатый материал по истории классовой борьбы в Дагестане. Здесь систематизирована лишь незначительная часть фактов из истории классовой борьбы. В будущем предстоит большая работа в этом направлении.

Приведем сведения о классовой борьбе по документам, историческим легендам и записям преданий у старожилков.

II. КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ЮЖНОМ ДАГЕСТАНЕ

§ 1. ВОССТАНИЯ В ДЕРБЕНТЕ В 1747—1757 ГОДАХ

В начале XVIII в. население дербентского ханства и в частности жителя города Дербента одними из первых сбросили иранское иго и торжественно присягнули Петру I.

В Дербенте с 1722 по 1735 годы стоял гарнизон русских войск. После ухода русских войск за Терек дербентцы попали

под ярмо Надир-шаха и терпели большие бедствия. За это время они не раз восставали, но Надир-шах каждый раз беспощадно расправлялся с непокорными дербентцами.

В 1747 г., как только стало известно о смерти Надир-шаха, дербентцы восстали¹ и свергли шахского ставленника в Дербенте Магомед-Али-хана и ханом дербентским провозгласили Магомед Гусейн-хана.

Десять лет спустя и новый хан восстановил против себя дербентцев. Недовольные ханом дербентцы в 1758 году восстали, отстранили его от ханства и пригласили в Дербент Фогали хана Кубинского.

§ 2. БОРЬБА ЮЖНОДАГЕСТАНСКИХ КРЕСТЬЯН С ЛАКСКИМИ ФЕОДАЛАМИ

Начало порабощению крестьянского населения южного Дагестана лакскими феодалами положил Чулак Сурхай-хан Казикумухский. К концу XVIII в. под гнетом лакских феодалов находилось уже значительное число рутульских, самурских, куражских, агульских и табасаранских аулов.

По мере расширения феодальных прав в южном Дагестане суживались права крестьянского населения. Южнодагестанские крестьяне были приравнены к раятам, т. е. крепостным. Они платили лакским феодалам подати и несли тяжелые натуральные повинности. Как можно судить по фольклорным материалам, население южного Дагестана при господстве лакских феодалов вымирало. Голод толкал крестьян на разбой. Вот как характеризовал положение южного Дагестана при ханской власти тогдашний популярный лезгинский ашуг Саид Кочхюрский:

«Исчезли и соловьи, и красота, и розы,
И только вороны каркают в моей стране»².

Южнодагестанские крестьяне вели непрерывную борьбу против феодальной эксплуатации. Они нападали на имения ханов, беков, угоняли ханский скот, отказывались от несения повинностей.

На выступления крестьян ханы отвечали жестокостями. В частности о произволе хана Нуцала (Мурсала) и борьбе крестьян рассказывается в лезгинской исторической песне о «Мурсалхане»³. Нуцал-хан присваивал крестьянский скот. Во время прогулки хана по селению Курах, ни один из жителей не мог

¹ «Дербент-Наме». труд Мирза-Хедир Везирова, составленный в 1847 г. ГА Арм. ССР, ф. 2, д. № 2526, стр. 18.

² Агалар Гаджиев. Жизнь и творчество Саид Кочхюрского «Страна гор». Внутринститутский журнал истории, этнографии, языкознания, фольклора и литературы народов Дагестана. Рукопись, № 1, 1941, стр. 89.

³ Лезгинский фольклор. Составил Гаджиев. Махачкала, 1941, стр. 21.

показываться на улице. Если же случайно по дороге крестьянин встречался с ханом, то он должен был падать лицом на землю. Курахцы рассказывают, что во время одной поездки хану повстречался пеший крестьянин, не поклонившийся ему. Хан приказал своим нукерам схватить крестьянина и отрубить ему голову.

Лакские феодалы перенесли в лезгинские районы «право первой ночи» при выдаче девушек замуж. Против этого дикого обычая выступил Саид Кочхюрский. Он явился в Курах в ханскую резиденцию и стал в своих песнях публично поносить Мурсал-хана, как «злодея», «подлого» человека», не знающего ни законов, ни запретов самой природы»¹. За это смелое выступление по приказанию рассвирепевшего Нуцал-хана нукеры схватили Саида, сдавили ярмом его шею и выкололи ему глаза.

Песни слепого Саида Кочхюрского клеймили ханов и призывали на борьбу против социальной несправедливости.

В народных преданиях сохранились также сведения о выступлениях луткунцев, ялахцев и какинцев против гнета лакских феодалов.

§ 3. БОРЬБА АХТИПАРИНСКОГО ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Курахский Нуцал-хан длительное время вел борьбу за подчинение своей власти ахтипаринского вольного общества. За него вел борьбу и Кубинский хан. Нуцах-хан старался воспользоваться любыми трудностями ахтынцев, чтобы присоединить их к своему ханству.

Из сведений, относящихся к 1796 г.² мы знаем о существовании ахтынской летописи под названием «Ахты-наме». В эту летопись заносились важнейшие события истории южного Дагестана.

В частности, как передают лица, когда-то знакомившиеся с «Ахты-наме», в ней описывалась борьба Ахтипаринского вольного общества с курахским Нуцал-ханом.

Примерное содержание документов, помещенных в «Ахты-наме» следующее:

Первый документ — это письмо Нуцал-хана ахтынскому джамаату, предупреждающее, что кубинский хан намерен напасть на ахтипаринское вольное общество. В письме хан предлагает свои услуги в защите их от нападения Кубинского хана на условиях подданства, признания его власти. На деле это означало для ахтынцев сделаться раятами хана.

Второй документ — это ответ ахтынцев Нуцал-хану, в котором они от имени всего общества заявили, что не желают быть

¹ Агалар Гаджиев. Указ. соч., стр. 89.

² Исторические сведения о бывших вольных общинах Кубинской провинции, составляющих ныне Сумурский округ. ЦГВИА, ф. ВУД, д. № 18488.

ничьими раятами. В письме отклонялось предложение хана о его заступничестве.

Третий документ — это ответное письмо хана ахтынцам. Хан говорил, что если они согласятся стать раятами, то он, обязуется взимать с них подати значительно меньше, чем взимал с курахских раят.

Четвертый документ — ответное письмо ахтынцев хану, в котором говорилось, что ахтипаринское общество является обществом вольным и что это общество обладает достаточными силами и средствами для самозащиты и поэтому нет никакой нужды становиться чьими-то раятами.

Пятый документ — письмо хана, в котором обращалось внимание ахтынского джамаата на то, что вольное общество не может существовать независимо. Хан писал, что всякое общество должно отдаваться под покровительство хану и в том числе Ахтыпара. Далее в письме говорилось, что ахтипаринцы рано или поздно сделаются раятами, что у них нет другого выхода, не лучше ли добровольно отдаться под власть хана.

Требование хана ахтипаринцы сочли за прямую угрозу их независимости. По этому случаю в Ахтах собрались почетные и иные лица и написали Курахскому Нуцал-хану письмо, наподобие известного письма запорожцев турецкому султану.

Это послужило поводом для еще большего обострения отношений между курахским ханом и вольным обществом. Нуцал-хан решил силой оружия подчинить своей власти ахтипаринцев. Он посылает против ахтынцев вооруженный отряд нукеров. Вблизи аула Гра произошло ожесточенное сражение ахтынцев с ханскими нукерами. Несмотря на большие потери ахтынцев, хан не смог взять верх над вооруженной народной массой.

После этого сражения много было и других стычек и столкновений между ханом и ахтынцами. Много обид причинил хан ахтынцам. И однажды, когда хан обратился к ахтынцам с просьбой пропустить его большой караван, следующий в Нуху, ахтынцы дали согласие, но когда ханский караван возвращался обратно с товарами и лошадьми, ахтынцы убили сопровождавших караван, захватили ханское добро и разделили между собой.

Эти действия ахтынцев известны как их месть хану за навязанную им войну, за обиды и притеснения ханских людей.

§ 4. ВОЛНЕНИЯ В ДЕРБЕНТСКОМ ХАНСТВЕ В КОНЦЕ XVIII И НАЧАЛЕ XIX вв.

При правлении Ших-Али-хана в дербентском ханстве произошли большие волнения. Причиной этому были деспотизм и насилия хана над народными массами. Хан лишал население земли, насильно отбирал у родителей дочерей в свой гарем. Кроме того, хан, вопреки желанию подвластного населения, принял

III. КЛАССОВАЯ БОРЬБА В КАЙТАГЕ

§ I. ВОССТАНИЕ ТЕРКЕМЕЙЦЕВ В 1752 ГОДУ

сторону шаха Ага-Магомед-хана и втянул ханство в феодальные войны. Многие жители Дербента и окрестных деревень, не желая смириться с притеснениями и оскорблениями, уходили в другие владения.

Важнейшее значение во время этих событий имело то обстоятельство, что дербентское ханство было уже вовлечено в товаро-денежные отношения. В самом Дербенте шла бойкая торговля. Сюда же приезжали купцы из разных стран. В Дербенте жило много ремесленников и торговцев. Торгово-ремесленная прослойка, т. е. горожане Дербента в то время являлись активной политической силой в ханстве. Они решительно выступали против феодальной усобицы и анархии. В свете всего этого необходимо рассматривать события, имевшие свое место в дербентском ханстве в конце XVIII и начале XIX веков.

Так, например, 10 мая 1796 г. выступавшая в защиту Дагестана от притязаний шаха русская армия заняла Дербент. Ших-Али-хан был отстранен от ханства, и управление поручено стороннице России Периджи-ханум. После убийства Ага-Магомед-хана, изменив России и овладев Дербентом, Ших-Али-хан делается сторонником нового иранского шаха Баба-хана.

В 1800 году население дербентского ханства восстало против Ших-Али-хана и изгнало его из Дербента.

В 1801 году жители Дербента доносили астраханскому военному губернатору К. Кноррингу: «...мы Ших-Али-хана совершенно знаем, он нами владет, человек ветреный и любящий роскошную жизнь, грабитель и несправедливый, мы его гнушаемся, он нам несносен, охотнее пожелаем жертвовать жизнью с женами, детьми и имуществом, нежели быть во власти у него...»¹.

В феврале 1801 г. с отрядом в 1500 человек Ших-Али-хан пошел к Дербенту, чтобы завладеть городом. Но дербентцы не допустили его.

В марте 1801 г. дербентские жители обратились к Павлу I с прошением за подписью 30 человек с просьбой об утверждении Гасан-Али-хана ханом дербентским. В ханском достоинстве он был утвержден, но вскоре умер в 1802 г.

Пользуясь смертью нового хана, Ших-Али-хан сделал попытку захватить Дербент, но горожане опять ему воспрепятствовали.

В 1803 г. Ших-Али-хану снова удается овладеть городом. Однако через три года он снова — и на этот раз навсегда, был изгнан из Дербента дербентцами с помощью русских войск.

В конечном итоге борьба крестьян и горожан дербентского ханства была направлена против феодальной системы. И обострение классовой борьбы в городе и в селах было вызвано внедрением в ханстве товаро-денежных отношений в свою очередь вызвавшие усиление феодального гнета.

¹ Материалы по истории Дагестана и Чечни, стр. 51—52.

Из всех крестьянских сословий Дагестана в самом тяжелом положении находились райты во владении уцмий Кайтагского. О положении райт в одном документе сказано, что они издавна «служили бекам своими душами, лошадьми и арбами, платили им определенное количество с урожая своих посевов и других сельских произведений»¹. Беки взимали плату даже за выход замуж райтской девушки. Райты содержали в зимнюю стужу бекинский скот, кормили и снабжали продовольствием бекинских ну-керов.

По заявлению поверенных райтских аулов в сословно-поземельную комиссию «в прежнее время бек мог требовать от райт все, что пожелал бы...»². Иногда требования эти были до того обременительными, что райты вынуждены были бежать от своих беков. Но райт мог уходить из селения только тайно. По своей воле уйти от одного бека к другому он не мог. Несмотря на это, бегство райт не прекращалось. Особенно это бегство усилилось во время разорительных войн Надир-шаха в Кайтаге и в других местах Дагестана.

В 1752 году в нижнем Кайтаге угнетенные и бесправные теркемейцы и евреи восстали против уцмий. Восставшие в количестве 200 дворов теркемейцев и 80 дворов евреев покинули Кайтаг и поселились на кумыкской земле под покровительством эндреевских князей, находившихся в подданстве России и в подчинении Кизлярского коменданта.

Обращение уцмий к кумыкским князьям о возвращении всех беглых крестьян, не получило удовлетворения. Тогда он обращается с жалобой³ к Российскому правительству, так как северная Кумыкия входила в состав России. Уцмий требовал вернуть его беглых людей или возместить ему эту потерю деньгами в сумме тридцати тысяч рублей. По поводу жалобы уцмий Кизлярский комендант Штендер сообщил в Коллегию иностранных дел, что он пригласил к себе эндреевских владельцев Темир-Хамзи с сыном Казим Аджи Муртузали Чепаном и костековского капитана Хамза Алишева и сообщил о требованиях уцмий, но они заявили, что «теркемейцы и жида перешли к ним

¹ Маслагатская запись. Комиссия для окончания сословно-поземельных дел в частях Кав. края воен. народ. упр., ЦГА Грузин. ССР, д. № 125, за 1892 г., стр. 9.

² Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. ЦГА Грузин. ССР, ф. 65, арх. № 3, за 1866 г., д. 68.

³ Перевод писем к кизлярскому коменданту Штендеру от кайтагского владельца Уцмия-хана Амир-Амзи и Тарковского шамхала Муртаз-Али. Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе, том III, 1925, стр. 144—145.

сами и теперь возвратиться не желают, да и им отдать не можно, хотя все себе примут смерть, только не почему не отдадут»¹.
ром может служить борьба кабардаргинцев в союзе с акушинцами не были. Это восстановило уцмию против России.

§ 2. БОРЬБА УЗДЕНЕЙ ДАРГИНСКИХ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН С КАЙТАГСКИМИ ФЕОДАЛАМИ

С давних времен между кайтагскими феодалами и общинниками-узденями существовала острая социальная вражда. Враждовали уздени потому, что феодалы ущемляли их личные права и разоряли хозяйство. В результате систематических происков феодалов значительная часть узденей крестьянских общин Каракайтага, Муфра, Гимры, Ирчамула еще задолго до XVIII в. попала под феодальный гнет.

В XVIII в. кайтагские феодалы, окрепшие экономически и политически, продолжали оказывать давление и на другие даргинские сельские общины. Теперь под угрозой притязаний уцмиев находился ряд крестьянских общин Урахинского, Кабардаргинского, Сюргинского и Акушинского вольных обществ. Джамааты (общины) все чаще и чаще сталкивались с кайтагскими феодалами. Уздени открыто боролись с надвигающейся опасностью феодального порабощения.

Общинные организации в лице союза вольных обществ и джамаата мешали установлению феодальных порядков, кайтагские феодалы, учитывая это, вели борьбу за свое господство не сразу со всеми вольными обществами. Они боролись или за отдельные пахотные и пастбищные участки или в целом с одним или двумя джамаатами. Так, в одиночку, феодалы легко расправлялись с общинами и обеспечивали возможности для расширения своего хозяйства.

Борьба эта местами длилась в течение многих лет. Примером может служить борьба кабардаргинцев в союзе с акушинцами против уцмий. Кабардаргинцы раньше входили в состав уцмийства. Потом они восстали против кайтагских феодалов и в течение семи лет боролись за свое освобождение. Борьба эта окончилась выходом их из состава уцмийства и присоединением к акушинскому союзу вольных обществ².

§ 3. ВОЛНЕНИЕ КАЙТАГОВ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Конец XVIII и начало XIX вв. стали решающим моментом в истории народов Дагестана. Полчища иранского шаха Ага-Магомед-хана, вторгшиеся в последнее десятилетие XVIII в., на Кав-

¹ Рапорт в колл. ин. дел Кизлярского коменданта Штендера. ИКИАИ, т. III, Тифлис, 1925, стр. 146.

² П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. Хюрклинский язык, стр. 6.

каз, создали непосредственную угрозу самостоятельности Дагестана. Не все местные правители понимали серьезность создавшегося положения. В их политике и действиях брали все еще верх местнические мотивы. Кроме того, многие из них были заняты исключительно заботой об увеличении своих маленьких владений за счет захвата кусков соседних ханств или вольных обществ.

Сказанное с полным основанием можно отнести и к кайтагскому правителю Рустем-хану. Ведя себя агрессивно в отношении своих соседей, он совершенно не заботился о подвластном народе. Основная масса населения страдала от угнетения Рустем-хана, от грабежей его приближенных и должностных лиц. Население страдало и от бессмысленных феодальных войн. Рустем-хан, вопреки воли народа и его стремлениям, в союзе с ханом Казикумухским Сурхаем занял враждебную по отношению к России позицию.

Когда недовольные действиями Рустем-хана народные массы пришли в движение, к ним присоединились кайтагские феодалы во главе с Магомед-Гази-беком. Они не разделяли враждебного отношения Рустем-хана к России.

В результате общего выступления Рустем-хан был смещен и уцмием провозглашен Магомед-Рази-бек.

Уцмий Магомед-Рази говорил о Рустем-хане, что он «не имел никакого попечения о доверенном ему народе и во всем был беспечен...». «Оттого произошло во владении его неустройство, и подданные его и весь тамошний народ возымели к нему отвращение; а особливо когда он с врагом Российской империи Сурхай-ханом Казикумухским сделал дружеский союз, да и кроме вышеизначенного оказал он много других несносных поступков, через которые многие лишились жизни»¹.

Сами каракайтагцы Рустем-хана называли «алчным волком», а его приближенных «разбойниками». В прошении каракайтагского народа Александру I об утверждении вновь избранного уцмий, поданном 12 июля 1801 г., говорится, что Рустем-хан «искал удовольствия единственно в своем спокойствии, а нас бедных подданных своих передал на съездение волкам. Каковой неблагонамеренный поступок принудил нас всех единогласно его Рустем-хана лишить уцмийского достоинства и возложить оное на высоко степенного Магомед-Рази-хана, сына покойного уцмий Алихана...»².

Прошение Александру I от имени кайтагского народа подписали: Хан-Ахмед, Абдулла-Ибрагим, Мугаммед-Гусейн, Ахмед-хан.

¹ Материалы по истории Дагестана и Чечни, стр. 71—72.

² Там же, стр. 72—73.

§ 4. СОБЫТИЯ В МАММААУЛЕ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

Раньше Маммааул был населен кумыками. Примерно в середине XVIII в. жители аула убили бека. За это их стали преследовать. В конце-концов жители вынуждены были покинуть аул и переселиться в разные места. В сохранившемся предании говорится, что причиной случившемуся послужил проезд бека с ястребом через селение и убийство ястребом курицы, за что жителями был убит бек¹. Убийство бека было поводом для расправы над маммааульцами. Действительная причина волнения маммааульцев крылась в социально-экономических противоречиях Кайтагского общества.

IV. КЛАССОВАЯ БОРЬБА В АВАРИИ

§ 1. ВОССТАНИЕ ХАРАХИНЦЕВ И АМЕШТИНЦЕВ

Харахи и Амешта входили в число аулов, находившихся в зависимости от Хунзахского хана. Население состояло из бывших общинников. В этих аулах сохранялись общинные организации — народное собрание, выборность должностных лиц и др. Но со временем в положении харахинцев и амештинцев произошли большие перемены. Размеры ханской подати увеличились, и зависимость их от хана все более возрастала.

Пользуясь общинными организациями, харахинцы и амештинцы оказывали сопротивление нарастающему угнетению аварских феодалов. Они нередко отказывались давать хану подати. Это был уже первый открытый протест против ханской кабалы. Хан за отказ от уплаты податей угонял крестьянский скот. Тогда харахинцы, вооружившись, в свою очередь стали угонять ханский скот. Выступление харахинцев поддержали амештинцы.

Хан послал для подавления народного выступления вооруженный отряд нукеров. Нукеры ворвались в аул харахи и усмирили восставших. Затем нукеры направились против амештинцев и сразились с ними в местности «Мирзух». Так, хан, подавив выступление, восстановил свою власть над харахинцами и амештинцами.

§ 2 ВОЛНЕНИЯ СРЕДИ ТУКИТИНЦЕВ

Тукита — небольшой аул, в нем насчитывалось около 300 хозяйств. Язык у тукитинцев особый, и говорят на нем только жители этого аула.

Тукита находился в зависимости от аварского ханства. Народное предание рассказывает, что хан жестоко угнетал тукитинцев.

¹ Памятная книжка Дагестанской области, стр. 307

В ауле жили родственники хана, им принадлежали лучшие пахотные и пастбищные земли.

Были у тукитинцев и свои общественные земли — «харимы». В числе земель, находившихся в общем пользовании всего населения Тукиты была часть пастбищной горы Чарумеэр. Другая часть этой горы принадлежала хунзахцам. Хан отобрал у тукитинцев принадлежавшую им часть пастбищной горы Чарумеэр и отдал хунзахцам. Население Тукиты возмутилось этой несправедливостью потребовало возврата пастбищной горы.

Требование тукитинцев ханом не было удовлетворено. По этой причине из-за пастбищной горы долго еще продолжались столкновения между ханским Хунзахом и Тукитой. Тукитинцы продолжали распоряжаться горой Чарумеэр как своей, пасли на ней свой скот, оказывали сопротивление хунзахцам. Хан же посылал своих нукеров для наказания тукитинцев.

§ 3. ВОССТАНИЕ ИНХОВЦЕВ

Жители Верхнего и Нижнего Инхо должны были ежегодно делать хунзахскому хану приношения продуктами своего труда, в частности фруктами. Хан увеличивал продуктовую ренту. Инховцы в конце концов отказались отбывать феодальные повинности и подняли восстание. Однако освободиться от ханской зависимости населению Инхо не удалось.

§ 4. СТОЛКНОВЕНИЕ ШУЛАНИНЦЕВ С СОГРАТЛИНСКИМИ БАРАНОВОДАМИ

Между шуланинцами и согратлинцами часто происходили столкновения. Началось с того, что согратлинский крупный барановод самовольно захватил пастбищную землю, принадлежащую джамаату, и стал пасти там своих овец. Когда шуланинцы узнали об этом, они направили своих людей на пастбищную гору, чтобы прогнать чужой скот со своей земли. На место происшествия явились согратлинские почетные люди и дали на коране клятву о том, что «земля, на которой они стоят» принадлежит согратлинским барановодам. В те времена присяга на коране часто решала исход дела. Шуланинцы поверили клятве. Потом выяснилось, что согратлинцы заранее засыпали в обувь землю со своей территории. Тогда произошло столкновение и было убито много шуланинцев.

§ 5. БОРЬБА ОРОТИНЦЕВ С ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕМ АЧАКИЛАВЫМ

По преданиям, самые лучшие земли в ущелье Ахидури, пригодные под виноградники, у оротинцев захватил крупный земель-

ный собственник Ачакилав из аула Чинкада¹. У Ачакилава была большая дружина. Она охраняла земли, пригодные под виноградники, и никому из оротинцев не разрешала собирать виноград до тех пор, пока Ачакилав не отбирал необходимое количество лучшего винограда.

Много раз оротинцы пытались овладеть виноградниками, но безуспешно. Дружина Ачакилава всегда побеждала.

Тогда оротинцы пошли на хитрость. Они послали своих людей к дружине Ачакилава и каждому дружиннику по одиночке сказали, что его вызывает к себе в Харахи ханский уполномоченный. Так они убили дружинников². Когда узнал об этом Ачакилав, он убежал в Аргвани. В результате этой борьбы оротинцы овладели долиной для виноградников.

§ 6. ВОССТАНИЕ ОРОТИНЦЕВ ПРОТИВ УММА-ХАНА

Оротинцы считались подданными Умма-хана³. В их обязанности входило участвовать в походах и войнах хана и давать ему по одной мерке зерна с каждого двора. Оротинцы боролись против этой повинности в пользу хана. Однажды в Орота явился ханский сборщик податей Пасил Гусейн. Жители отказались давать зерно. Об этом сообщили Умма-хану. Хан знал, что значительная часть оротинцев в составе дружины во главе с Хаштахил Иса находилась в набеге на Грузию. Он написал Хаштахилу письмо, чтобы тот убил всех оротинцев, служивших в войске, и немедленно привел дружину в Хунзах для борьбы с оротинцами.

Когда дружина вернулась, Умма-хан стал готовить поход против оротинцев. Оротинцы узнав об этом, покинули свой аул и прибыли в Чинкваду. Умма-хан остановился в долине Ахидури и стал обстреливать оротинцев из ружей. Дружина Умма-хана превосходила силы оротинцев, поэтому они послали гонцов в Инго, Игали и Унцукуль с призывом помочь в борьбе с ханом.

На помощь борющимся против хана оротинцами пришли игалинцы. Совместными усилиями оротинцев и игалинцев дружина была разбита. В бою был убит и начальник дружины Хаштахил Иса.

В Ахидури имеется ущелье, которое называется: «Ущелье, где убит Иса».

После этого столкновения оротинцы больше не платили хану дани и не давали своих людей в ханскую дружину.

¹ Сейчас этого аула нет. Остались только развалины.

² Есть предание, что могилы убитых дружинников-пукеров сохранились в ауле до сих пор.

³ В XVIII веке в ханстве было два Умма-хана. Один из них жил в первой половине века, а другой жил во второй половине XVIII в. и умер в 1801 году.

Вначале XIX в. оротинцы снова восстали против хана. Произошло кровопролитное сражение в садах Орота, где было убито множество аварских беков¹.

§ 7. ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЕНИЧУТЛИНЦЕВ ПРОТИВ ХУНЗАХСКОГО КАДИЯ

В прошлом Геничутль входил в состав аварского ханства и управлялся административными и религиозными учреждениями Хунзаха. В частности, хунзахский кадий назначал аульного узденя и взимал подати. Геничутлинцы выступили против назначения им кадия из Хунзаха и взимания податей в пользу хунзахского кадия. Их выступление поддержали соседние аулы и особенно жители аула Батлаич². Но освобождение от гнета хунзахского кадия геничутлинцы получили лишь после присоединения Дагестана к России.

V. КЛАССОВАЯ БОРЬБА В КАЗИКУМУХСКОМ ХАНСТВЕ

§ 1. ВОССТАНИЕ ТАБАХЛИНСКИХ УЗДЕНЕЙ

О восстании табаклинцев письменных сведений нет, о нем мы знаем только по устному преданию. В Лакском районе нам удалось записать об этом восстании следующее.

Раньше табаклинцы считались свободными общинниками. Они имели своих старейших, на народных собраниях решали вопросы, касающиеся всех членов общины. Свободное население общины называлось узденями, и жило оно неподалеку от Кумуха.

Со временем кумухский Магомед-хан стал захватывать общинные земли и всячески притеснять табаклинцев. Возмущенные действиями хана табаклинцы открыто восстали против хана, побивали ханских людей и объявили себя свободными от ханской власти.

Восстание было жестоко подавлено ханом. Аул был razoren до основания, убито много людей, ицелевавшему населению Табакхлы частью пришлось бежать в Кайтаг³. Другая часть табаклинцев была переселена на новое место⁴.

¹ А. Ручовский. Взгляды на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане. Военный сборник, июль 1862, стр. 380, № 7.

² Сведения о Геничутле, записанные М. Гайдарбековым. Рукопись.

³ В статье Н. В. «Научные известия» со ссылкой на П. К. Услара сообщается, что селение Шадди в Кайтаге было основано беглецами из Казикумухского ханства, обратившимися к покровительству Уцмия. Возможно, что этими беглецами и были табаклинцы. См. ССКГ, вып. 11, стр. 81.

⁴ Абдулла Омаров. Воспоминания муталима. ССКГ, вып. II, стр. 10.

§ 2. ПОКУШЕНИЕ НА ХАНА В ТУЛЕЗМЕ

По рассказам стариков аула Тулезма мне удалось записать некоторые сведения об этом факте классовой борьбы. Случай этот относится ко второй половине XVIII века.

Тулезма со всеми землями считалось ханским селом. Население его состояло из узденей, райатов, лагов. Большинство жителей аула составляли райаты. Число лагов пополнялось за счет плененных грузин. Поселенные на землю, они тоже становились ханскими крепостными.

Кумухский хан вел паразитический образ жизни. На него с раннего утра до темноты работали райаты и лаги. Тулезминцы были бесправными. Хан часто приезжал в аул и вместе со своими нукерами пьянствовал, унижал тулезминцев, насиловал женщин.

Население протестовало против действий хана, но это не помогало. Тогда в один из приездов хана в Тулезму некто Гиргиев, происходивший из тухума грузинских плененных, решил избавить аул от насильника и выстрелил в хана из пистолета. Рана оказалась не смертельной. Гиргиев ушел в горы и долго еще совершал бесстрашные налеты на хана и его людей.

§ 3. БОРЬБА УНЧУКАТЛИНЦЕВ И КАРАШИНЦЕВ С ЛАКСКИМ ХАНОМ

В условиях процесса феодализации у лаков в XVIII в., как и раньше, наблюдался, с одной стороны, захват кумухскими крупными землевладельцами и скотоводами, общинных земель и, с другой стороны, — превращение ранее свободных крестьян-общинников в лично зависимых от феодалов. На этой почве происходили длительные войны между кумухскими феодалами и крестьянами-общинниками.

Сельские общины рядом мер пытались огородить себя от захватнических устремлений феодальной знати. Мне удалось записать в Унчукатлях договор унчукатлинского джамаата с каратинским джамаатом, заключенный в XVIII в. Основанием для заключения такого договора послужило посягательство хана на вольность и земельные права унчукатлинцев и каратинцев.

Договор гласил: в случае нападения ханов на один из джамаатов другой немедленно должен прийти на помощь. Если каратинцы не выполняют своего обязательства, они должны передать унчукатлинскому джамаату землю «зухракул» на 50 саб и, наоборот, если Унчукатль окажется в этой роли, то от последнего должна отойти к Караши пастбищная гора под названием «Гирасул».

Сохранилось постановление унчукатлинского джамаата, направленное против кумухского хана.

В постановлении сказано:

Первое — аульчанам не заключать с ханом и его людьми

никаких торговых сделок. С того, кто нарушит данное постановление, взимать штраф — три барана в пользу общества, второе — запретить аульчанам бракосочетание с лицами ханского дома и их приближенными, а того, кто совершит нарушение, изгонять из джамаата, конфисковав все имущество; третье — если кто-либо из джамаата войдет в сношение с ханом с жалобой на сельчан, с того взимать штраф в пользу джамаата в размере одного быка.

Договор и постановление для унчукатлинцев и каратинцев служили одним из средств сопротивления феодальному гнету и борьбы с ханом, стремившимся разрушить общинную организацию.

VI. КЛАССОВАЯ БОРЬБА В КУМЫКСКИХ ФЕОДАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЯХ

§ 1. ВОССТАНИЕ КРЕСТЬЯН В 1735 г. В ШАМХАЛЬСТВЕ ТАРКОВСКОМ

После ганджинского трактата и ухода русских войск из Дагестана, горские народы испытывали большие трудности внутреннего и внешнего порядка. Сразу после того, как русские войска оставили Дагестан, с юга начались забеги полчищ Нади-шаха. В самом Дагестане обострились феодальные усобицы. Одни феодальные владельцы нападали на других, и все вместе они грабили сельское население, нарушали нормальную хозяйственную деятельность горцев.

В 1735 г., воспользовавшись отъездом шамхала тарковского Хасбулата в Кубу, Умма-хан аварский напал на его владения, начал грабить кумыкские селения.

Население шамхальства восстало. Восставшие кумыки встретили Умма-хана близ аула Параул, разбили его отряд и убили его самого¹.

§ 2. ВОССТАНИЕ ГУБДЕНЦЕВ В 1795 ГОДУ

Подробных сведений о восстании губденцев нам не удалось обнаружить. Известно лишь, что уздени шамхальского селения Губден в 1795 г. восстали против своих феодалов-беков. Во время восстания были разграблены бекские дома и сами беки изгнаны из Губдена. Против восставших шамхал Муртазали направил вооруженный отряд во главе со своим сыном Мехти². Таким путем было подавлено восстание узденей и восстановлено в Губдене прежнее положение беков.

¹ Гасан Алкадари. Указ. соч., стр. 85

² Бутков. Указ. соч., ч. 3, стр. 256.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если исключить освободительную борьбу дагестанского народа против иранских захватчиков, то мы в XVIII в. крупных антифеодальных восстаний, охватывающих всю территорию Дагестана не видим. В Дагестане против феодального гнета были направлены многочисленные крестьянские выступления в рамках одного-двух аулов в лучшем случае на территории одного какого-либо ханства. К тому же обстановка тогдашнего Дагестана не способствовала одновременному развитию крестьянской борьбы в масштабе всего Дагестана. Объяснялось это тем, что крестьянские восстания происходили в условиях социально-экономической, политической и этнической раздробленности Дагестана.

«Раздробленная, единичная, мелкая эксплуатация,— писал В. И. Ленин,— привязывает трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности уразуметь своей классовой солидарности, не дает возможности объединиться, поняв, что причина угнетения—не та или другая личность,—а вся хозяйственная система»¹.

Восстания крестьян носили стихийный характер. Стихийный характер борьбы соответствовал тому положению, которое занимали крестьяне при тогдашнем общественном строе Дагестана.

Как указывает В. И. Ленин, при господстве феодально-крепостнических порядков «крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»².

Социальная природа стихийных восстаний крестьян в Дагестане раскрывалась в их выступлениях против гнета ханов, бекков, шамхалов, уцмиев и султанов.

Известно, что крестьянские восстания в России XVII—XVIII вв. протекали под «царистским» лозунгом. Выступления крестьян в Дагестане в ряде мест тоже проходили под лозунгом «за хорошего хана» против «плохого хана». Такие выступления имели место в конце XVIII и начале XIX вв. в южном Дагестане. Мы выше приводили данные источников, свидетельствующих, что в ходе восстания в ханстве дербентском крестьяне и горожане отстранили от ханства ненавистного им Ших-Али-хана и посадили ханом в Дербенте Хасан-Али-хана, а восставшие кайтаги выступили против уцмья Рустем-хана, за уцмийство Магомед-Рази-хана.

Борясь с феодальным гнетом, за ликвидацию феодальной зависимости, крестьяне не выдвинули своей более или менее определенной программы политического устройства Дагестана. Да это и невозможно было сделать при вселении адатного права

и отсталых социально-экономических отношениях. Крестьяне в Дагестане были задавлены темнотой и отсталостью.

Стихийность и локальность восстаний мешали крестьянам в организации целеустремленной борьбы с угнетателями. Крестьянских выступлений в Дагестане было много, но в условиях раздробленности и неорганизованности они терпели поражения.

Необходимо отметить, что выступления крестьян в Дагестане носили не везде одинаковый характер. Например, в вольных обществах выступления крестьян отличались от выступления крепостных крестьян в уцмийстве Кайтагском. Отличались они друг от друга и по форме и по организации движущих сил. Так, например, в вольных обществах в качестве главной движущей силы выступали уздени-крестьяне общинники. Они боролись за свою свободу и земли, против стремлений феодалов лишить их. В ханстве движущей силой в восстаниях выступали крепостные крестьяне и зависимые люди против усиления феодальной эксплуатации. Да и соотношения классовых сил в разных ханствах и вольных обществах выглядели по-разному. Были ханства, где рядом с общинником выступал и крепостной крестьянин. В целом же о соотношении классовых сил в Дагестане можно сказать, что в нем преобладал большой процент лично свободного крестьянско-узденского населения и в сравнение с ними наблюдался небольшой слой закрепощенного крестьянства.

Это соотношение классовых сил наложило свой отпечаток на характер крестьянских выступлений в Дагестане в XVIII и начале XIX веков. Несмотря на неудачи, крестьянские восстания в Дагестане носили прогрессивный характер. Горское крестьянство своей борьбой противодействовало стремлению феодалов закабалить и усилить эксплуатацию. Они выступили против непрекращающихся феодальных войн и ханских неурядиц, тормозивших дальнейшее развитие хозяйства Дагестана.

Борьба за свободный от феодальных оков путь развития мелкого производителя и мелкого товаропроизводителя расшатывала устой патриархально-феодального строя. Своей борьбой крестьяне вызывали изменения в формах политического устройства Дагестана, способствовали нарушению патриархально-феодальной замкнутости.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 281—282.

² В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 384.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ ИРАНСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

I. БОРЬБА ДАГЕСТАНСКОГО НАРОДА В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА ПРОТИВ ИРАНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

В дореволюционной литературе начало и подъем освободительного движения народов Дагестана в первой половине XVIII в. освещались неправильно. Гасан Алкадари пытался объяснить освободительную борьбу дагестанского народа против шахского Ирана, как заговор дагестанских ханов против иранского шаха Гусейпа¹. А. Бакиханов причину народных восстаний в Дагестане против Ирана видел в подстрекательстве дагестанских феодалов против Ирана со стороны Кайтагского уцмий².

Неосновательность подобных утверждений видна из самого хода освободительной борьбы. Причина, приведшая в движение народные массы, крылась во владычестве Ирана в Дагестане и его реакционной роли в отношении горских народов на протяжении многих десятилетий.

Со времени шаха Аббаса I в ряде мест Дагестана установилась власть иранских феодалов. Организация и характер этой власти в Дагестане были такими же, как и в покоренных шахом землях Закавказья. В Дербенте сидел шахский правитель.

Здесь же находился гарнизон иранских войск.

Население южного Дагестана, Закаталы, Джаро-Белаканы и кумыкской равнины было обложено иранцами тяжелой податью. В ряде мест южного Дагестана иранские феодалы захватывали лучшие земли и обзаводились хозяйством. Сюда же были перенесены иранские феодально-крепостнические порядки и поселены люди иранского происхождения. Местное население подвергалось национальным притеснениям.

Вслед за иранскими феодалами в Дагестане появились проповедники шиизма (официальной религии Ирана). Опираясь на

поддержку шаха, шиитские проповедники насильно распространяли шиизм среди суннитского населения южного Дагестана, открывали шиитские мечети и медресе. Сторонники шиизма ставились в более привилегированное положение, а сторонники суннитского направления мусульманской религии подвергались преследованию. Так национальный гнет иранских феодалов усиливался гнетом религиозным.

Угнетая народные массы Дагестана, иранские захватчики старались привлечь на свою сторону дагестанских крупных феодалов. Как правило, дагестанские ханы утверждались на ханство шахским фирманом. За ними признавались все феодальные права, и по требованию шаха они должны были являться с отрядами к нему на службу. Как верной опоре своего господства в Дагестане, шах выплачивал дагестанским ханам, бекам денежное жалование.

Фактически хозяевами положения в Дагестане многие годы оставались шахские чиновники. Они бесцеремонно вмешивались во все внутренние дела горцев, натравляли друг на друга феодальных владельцев, отстраняли неудобных им ханов и добивались у шаха утверждения новых правителей.

В междоусобных войнах в Дагестане принимали участие и азербайджанские феодалы, а в междоусобных войнах в Азербайджане принимали участие дагестанские ханы.

Иранское господство принесло неисчислимые бедствия дагестанскому народу. За долгий период иранского владычества хозяйство Дагестана разрушилось, пришло в упадок ремесло, уменьшилось поголовье скота и резко ухудшилось положение народных масс.

Население этих земель, не желая оставаться в притесненном положении, покидало свои места и уходило в горы на постоянное жительство.

От иранского господства и отсутствия порядка страдало все население Дагестана. Страдало оно и от эксплуатации местными феодалами.

Одним из средств борьбы трудящихся против патриархально-феодального и иноземного гнета в Дагестане являлось восстание.

Первое крупное восстание против иранского ига произошло в 1707 г. среди аварцев Джаро-белаканских вольных обществ, к ним присоединились цахурцы. Восставшие напали на Ширван. Восстание это вызвало большую тревогу в Иране. Для подавления его шах направил своего наместника в Кахетию. При подавлении восстания было сожжено селение Джара¹.

После подавления восстания джарцев начались волнения в Кайтаге. В 1710 г.² эти волнения, начавшиеся против феодаль-

¹ Гасан Алкадари, Асари Дагестана, стр. 63.

² А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам, стр. 101—102.

¹ Хроника войн Джара в XVIII столетии. Стр. 9.

² А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 101—102.

ного угнетения и колониального гнета, вылилось в открытое восстание. К восставшим примкнул и уцмий кайтагский Ахмед-хан. Став во главе восставших, Ахмед-хан придал восстанию исключительно антииранский характер.

Борьба угнетенных народных масс в Дагестане развернулась в обстановке глубоких социально-экономических противоречий в иранском государстве. Иран в это время приходил в упадок, а власть шаха была неустойчивой. Восстания кавказских горцев должны были еще более ослабить состояние иранского государства и положить конец иранскому владычеству на Кавказе.

В 1711 г. восстания против иноземных захватчиков снова начались в Джаро-Белокавказских вольных обществах, а также среди лакцев и южнодагестанцев. К восставшим примкнуло население Шеки и Ширвана.

Восстания эти в своем зародыше, как и в Кайтаге, были направлены против патриархально-феодальной эксплуатации и иноземного ига. Чолак Сурхай-хан Казикумухский и Хаджи Дауд Мюшкюрский (один из видных лиц суннитского духовенства в Кубе и южном Дагестане), подавив крестьянский характер восстания, направили усилия крестьян на изгнание с Кавказа захватчиков-иранцев — «шитов».

Восставшие взяли Дербент и крепость Худат и, расправившись с сторонниками Ирана, убили Султан Ахмед-хана кубинского.

В 1712 г. восставшие во главе с Чолак-Сурхаем и Хаджи-Даудом осадили Шемаху и после 15-дневной осады взяли ее. Шахский беглербек Гусейн-хан и его приближенные были убиты. Город подвергся грабежу. От этого пострадали не только иранцы, жившие в Шемахе, но и русские купцы. Разграблено было товаров у русских купцов на сумму около четырех миллионов рублей серебром¹.

Цель выступления Ахмед-хана Кайтагского, Сурхай-хана Казикумухского, Хаджи-Дауда Мюшкюрского, Али-Султана Цахурского заключалась в том, чтобы с помощью восставших, изгнав иранских захватчиков, под покровительством Турции установить свою власть в Дагестане и Ширване. Сурхай и Дауд сразу после взятия Шемахи написали в Константинополь о своей покорности турецкой державе и просили о ее покровительстве. Турецкий султан назначил правителем Ширвана Хаджи Дауда, Али Султана бегларбеком шекинским и цахурским. Для их поддержки султан послал в Ширван отряд турок во главе с Сары-Мустафа-пашой.

Сурхай-хан Казикумухский, обиженный тем, что турки не ему дали во владение Ширван, предался грабительским нападениям в южном Дагестане и Гандже. Позднее по доносу Сары-Мустафа-паши, Хаджи Дауд был отстранен от власти и вызван в

¹ Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 17.

Константинополь, а Сурхай-хан Казикумухский султанским фирманом провозглашен ханом ширванским.

Укрепив свои позиции в результате народных восстаний, дагестанские феодалы усилили угнетение народных масс, стали вместе с турками чинить насилия и грабежи. Обманутые в своих надеждах, восставшие крестьяне стали отходить от своих главарей, и восстание пошло на убыль.

Несмотря на это, значение восстаний 1707—1712 годов огромно. В ходе восстаний было ликвидировано иранское иго в Дагестане. В сравнительно быстрой ликвидации иранского ига народам Дагестана помогло развернувшееся в начале XVIII в. освободительное движение в Закавказье грузин, армян и азербайджанцев против иранских и турецких завоевателей¹.

2. ИРАНСКОЕ НАШЕСТВИЕ В ДАГЕСТАНЕ В 30-х ГОДАХ XVIII века

После ликвидации иранского ига Дагестан не стал самостоятельным. В этот период нависла непосредственная угроза поражения дагестанского народа султанской Турцией. Если этого не случилось в первой четверти XVIII в., то этим обязан дагестанский народ России. Он, благодаря персидскому походу Петра I, сохранил свою независимость от султанской Турции. Русские войска, занимавшие Дербент и другие города на Кавказе, не допустили утверждения Турции на Каспийском море.

В 1735 году вспыхнула война между Россией и Турцией. Готовясь к войне с Турцией на Азово-черноморском побережье, Россия хотела иметь союзника в лице временно усилившегося в 30-х годах XVIII века Ирана. 10 марта 1735 г. на этой основе между Россией и Ираном был заключен в гор. Гандже договор, по которому Россией были уступлены Ирану все завоеванные при Петре I земли на Кавказе. Русские войска, согласно Ганджинскому договору, оставили Дагестан и отошли за Сулак. С этого времени Дагестан, оторванный от России, снова подпал под иранский гнет.

В Иране к тому времени власть узурпировал Надир (Тахмас-Кули-хан). Он провозгласил себя шахом, предпринял военные действия против Турции и в ряде сражений разбил ее и заставил отказаться от ее притязаний в Ширване и Дагестане.

Сурхай-хану Казикумухскому было предложено очистить Шир-

¹ См. П. Т. Арутюнян. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века. Москва, 1954; И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Ленинград, 1949, стр. 332—336; В. П. Левиатов. Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. Баку, 1948, стр. 95—114.

ван, но он не только не исполнил требования шаха, но приказал убить его посланцев¹.

Действия Сурхай-хана опирались на сочувствие народных масс.

Горские народные массы были явно недовольны ганджинским договором, по которому признавалась над ними власть иранского шаха. Когда Надир-шах потребовал от горцев покорности и попытался силой подчинить их, они ответили рядом восстаний. В 1734 г. Надир-шах послал двухтысячный отряд из Эривана «для наказания джарцев и тавлинцев»².

Недовольство горцев использовали Сурхай-хан Казикумухский и уцмий Кайтагский Ахмед-хан в своей борьбе против Надир-шаха.

Борясь с восстанием, шах лично предпринял поход в Ширван и Дагестан. Он хотел наказать Сурхайя и восстановить персидскую администрацию. Летом 1734 г. Надир-шах с войском пошел на Шемаху и сразился с большим ополчением из дагестанцев и азербайджанцев³.

Сурхай потерпел поражение и отступил в Кумух. Шах устремился за Сухаем в Кумух через Курах, Чирах, Хосрек, Кули и Кая.

В трех километрах от Кумуха состоялось новое сражение. Сурхай, нанеся большие потери противнику, все же сражение проиграл и ушел в Аварию⁴. Каджары⁵ разграбили ценности ханского дворца, разорили жителей Кумуха, истребили большое количество скота и поля потравили лошадьми. Не рискуя идти вглубь гор за Сурхаем, шах вернул в Дербент.

Надир-шах поставил целью «разорить до основания» города и крепости Дагестана, «дабы не оставить лезгинам никакого пристанища»⁶. Из Дербента против восставших кайтагов, табасаранцев, акушинцев была снаряжена экспедиция, в результате которой было сожжено много аулов и учинена кровавая расправа над горским населением. Тогда горцы прозвали Надира зулмуханом, т. е. деспотом, насильником.

Политическая раздробленность Дагестана и вражда крупных феодалов друг с другом мешали объединению горцев и их успешной борьбе с завоевателем. Пользуясь внутренними неполадками в Дагестане, шах силой оружия покорил горцев.

¹ Неверовский. Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб. 1848. стр. 24.

² АКАК, т. I, стр. 73.

³ С. Тер-Австисян. Походы Тахмас-Кули-хана (Надыр-шаха) и избрание его шахом в описании Аюпа Шамахеда. Тифлис. 1832, стр. 19.

⁴ Гасан Алкадари. Указ. соч., стр. 73.

⁵ Так именовали тогда горцы иранцев Надир-шаха.

⁶ История о персидском шахе Тахмас-кули-хане, с французского на русский язык переведенная ассесором Степаном Решетовым. СПб. 1762, стр. 239.

Так в Дагестане снова установилось владычество шахского Ирана.

3. ПОДЪЕМ НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ И КРАХ АВАНТЮРЫ НАДИР-ШАХА

После 1735 года спокойствие в Дагестане продолжалось недолго. Дагестанские народы не мирились с потерей свободы и независимости своей родины. Они продолжали бороться со своими угнетателями.

В 1738 г. восстали шесть Джаро-Белаканских вольных обществ. Правитель Азербайджана брат Надир-шаха Ибрагим-хан попытался было расправиться с восставшими, но был убит джарцами¹. Джарская область была освобождена от персидских захватчиков.

Восстали южнодагестанцы и лаки. В Дагестане разгорелось пламя общенародного восстания, которое смыкалось с непрекращающимися восстаниями против шаха в Грузии и Азербайджане.

Убийство Ибрагим-хана и тревожные вести из Дагестана и Азербайджана заставили Надир-шаха предпринять в 1741 году поход на Кавказ. Поход этот был предпринят Надир-шахом после удачных военных действий в Индии. По донесениям русского резидента при иранском дворе Калужкина, шах страдал в это время манией величия. Он считал себя посланником бога и всевластным владетелем. Одна Россия еще не была им покорена, и это было предметом его тайных мыслей.

Поход Надир-шаха 1741 г. в литературе известен под именем дагестанского и целью его было наказание «лезгин» (так называли тогда всех дагестанцев), не признававших его власти, и месть за смерть брата шаха.

Огромная по тому времени иранская армия, доходившая по некоторым сведениям до нескольких десятков тысяч человек², была стянута к Дербенту.

Шах надеялся сосредоточением большой армии у Дербента устроить дагестанцев и добиться их полного повиновения. Этого однако не случилось. Не найдя в дагестанцах готовности «к повиновению» шах «приказал» своим войскам «учинить на них нападение»³.

Так началась несправедливая, грабительская война иранских феодалов в Дагестане. Войны, которые вел Надир-шах в Дагестане в 1734—1735 и 1739—1747 годах, велись с целью истребления и порабощения горских народов. В этом шаху помогала Анг-

¹ Песня о Надир-шахе. Дагестанский сборник. Том III, Махачкала. 1927, стр. 51.

² Бутков, Указ. соч., часть I, стр. 211.

³ Там же, стр. 212.

лия. Английская торговая компания Джона Эльтона представила шаху свои корабли на Каспийском море для использования их при завоевании Дагестана.

Шахские отряды вытесняли посевы горцев, уничтожали скот, разрушали аулы, уводили пленных. Блокировав все дороги из Дагестана, ведущие в продовольственные районы Закавказья и Северного Кавказа, шах надеялся взять горцев измором. В устных преданиях дагестанцев сохранились рассказы о том, что Надир-шах, чтобы устроить восставших, приказал воздвигнуть кровавый холм из отрубленных голов горцев на том месте, где был убит его брат Ибрагим-хан. Вступив на землю джарцев, шах жестоко расправился с населением. Иранцы разрушили и сожгли много деревень и перебили много жителей. Неверовский в своей книге пишет, что при вторжении иранцев «джарцы защищались весьма упорно, но ни отчаянное мужество, ни крепкая местность не спасли их от совершенного поражения. Потеряв один за другим укрепленные ими три пункта, известные своими трудными путями, и не видя возможности к спасению, джарцы бросались со скал... Но участвовавшие в битвах жители спешили укрыться с семьями в горах, но там не избежали от преследования персиян, не пощадивших ни возраста, ни пола и истребивших все джарские селения до такой степени, что не осталось почти и следов бывшего народонаселения»¹.

На несправедливую, истребительную войну Надир-шаха дагестанские народы ответили справедливой борьбой за освобождение своей родины от иранских захватчиков.

В начале ноября 1741 г. шах напал на Кайтаг и Табасаран и, потеряв в битве при Дарбахе две с половиной тысячи человек, вынужден был вернуться в Дербент. Вскоре шах опять напал на Кайтаг, осадил небольшую крепость Кала-Курейш. Под Кала-Курейш была подтянута вся походная артиллерия шаха. Крепость несколько раз штурмовалась иранскими войсками, но безуспешно. После нескольких недель бесплодной осады шах посылал к Кала-Курейшинским старшинам послы, чтобы «ласкою уговорить их на добровольную сдачу»² крепости. Кала-Курейш на этот раз не был сдан врагу.

Длительная оборона крепости Кала-Курейш с небольшим числом защитников является замечательным примером мужества и отваги дагестанцев, проявленных в борьбе против иноземных захватчиков.

В то время, когда шах осаждал Кала-Курейш³ восстали ута-

¹ Неверовский. Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. Стр. 29.

² П. Юдин. Россия и Персия в конце 1742 г. (Из писем переводчика Братищева к канцлеру князю Черкасскому). «Русский архив», 1899, книга первая, стр. 370.

³ В последствии Кала-Курейш до основания была разорена шахом.

мишцы и буйнакцы. Упорное сопротивление встретили иранские захватчики и в центральном Дагестане. Отдельные партизанские отряды лезгин, кайтагов, кумыков, даргин наносили смелые внезапные удары по иранским войскам.

О смелой и мужественной борьбе горцев с захватчиками рассказывает русский резидент при иранском дворе Калушкин в своих донесениях в коллегию иностранных дел за 1741 год. Во время вторжения Надир-шаха Калушкин был в Дагестане и являлся очевидцем событий.

Вот некоторые выдержки из донесений. 5 декабря Калушкин доносил «О неудаче персидского шаха против лезгинов и о бесполезных его предприятиях и наборе войска...»¹.

20 декабря Калушкин донес, что «шах стоит между Дербентом и усмиевским владением, без всяких действий»².

26 декабря Калушкин писал, что «персидский шах от лезгинцев много потерял силы, был многократно от них разбит, и что у него не более остается войска, как двенадцать тысяч, и стоит от Дербента в пятнадцати верстах»³.

В декабре (дата неизвестна) Калушкин доносил, что «персидский шах стоит в прежнем своем месте близ Дербента без действия и невероятно, чтобы он на вторичный набег на лезгинцев покусился, а разве по наборе нового войска, о чем указы за указом посылает...»⁴.

Горцы, вооруженные простейшим оружием — кинжалами и ружьями имели против себя организованные иранские войска с артиллерией, обученные европейскими инструкторами. Несмотря на это, за весь 1741 год Надир-шах не одержал ни одной победы в войне с горцами Дагестана. О том, какие последствия имело это поражение для Надир-шаха за этот год, можно судить по донесениям Калушкина. В своих донесениях Калушкин сообщает, что очередной поход Надир-шаха в Дагестане кончился неудачно. Дагестанцы успешно защищались в своих неприступных убежищах, захватчики в борьбе с горцами несли большой урон. Калушкин рассказывает, что шах потерпел страшное поражение где-то в аварских горах. После этого поражения Надир-шах потерял покой, подозревал всех, казнил невинных людей, кричал, что счастье начинает от него отступать и потому собирался произвести последний опыт: или сам пропадет и все свое войско погубит, или добьется того, что весь Дагестан обратит в пепел; велел собрать вдруг девять миллионов рублей денег и 25 тыс. человек войска. Наконец, Надир призвал к себе индийского волшебника, чтоб тот предсказал ему будущее. По этому поводу Калушкин писал: «Напрасно он столько труда принимает, потому что и

¹ Архив князя Воронцова. Книга первая. М. 1870, стр. 98.

² Там же, стр. 157.

³ Там же, стр. 166.

⁴ Там же.

без волшебства знать можно, что он скорее все свое войско растеряет и сам падет, нежели лезгинцев покорит»¹.

Потерпев поражение в ряде битв с горцами, о которых рассказывают донесения русского резидента Калушкина при персидском дворе, Надир-шах расположил свои войска на зимовку вблизи Дербента и обвел свой лагерь земляным валом. Кавказский историк Бутков сообщает в своей книге, что этот лагерь «и теперь существует и называется Иран-хараб, т. е. гибель или разорение Персии, потому что, когда Надир имел здесь, в сем тесном ущелье, свой лагерь, то для войск его с чрезвычайным затруднением доставляемо было продовольствие из внутренней Персии. Но лезгины и сюда производили всегдашние напуски и из-под прикрытия камыша грабили, пленили и убивали проезжающих»².

Зиму 1741—1742 гг. войска шаха не только страдали от непрекращающихся нападений горцев, но и от сильной стужи и недостатка съестных припасов. Современник событий Братищев³ в своих письмах из Дербента сообщал, что «множество войска поумирало от стужи и голода, не говоря уже об истребительных битвах с дагестанцами, которые в одной из стачек едва не захватили в плен самого шаха»⁴.

Чтобы спасти армию от голода, Надир обложил кумыков данью. Братищев рассказывает, что хлебным провиантом было обложено все население шамхальства Тарковского. Но они день от дня откладывали присылать его, ссылаясь на то, что «на них оно много положено» и что они от «недорогов хлеба стально поставит не в состоянии». Даже тогда, когда Надир уменьшил количество дани, тарковцы отказались давать хлеб. Давать провиант иранским войскам население отказывалось и в Кайтаге.

Но Надир-шах не особенно считался с этим нежеланием народа. Он посылал военные отряды. Они отбирали у населения хлеб и скот.

В лагере иранских войск свирепствовала язва и другие болезни, распространившиеся на близлежащие населенные пункты. Жители дербентского ханства, Кайтага, кумыкской равнины, «оставя жилища, бежали в крепкие дагестанские места»⁵.

В начале 1742 года шах возобновил военные действия против табасаранцев и ахтынцев, но снова потерпел ряд неудач. Жестокость Надира и его войск дошла до крайних пределов. В Дагестане сохранилось предание о «шах-кирмане»,⁶ так называе-

¹ Цит. по книге С. Соловьева. История России с древнейших времен. Книга пятая, второе издание, стр. 87.

² Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 213.

³ Переводчик-студент Братищев был преемник резидента при персидском дворе Калушкина, умершего в начале 1742 г.

⁴ П. Юдин. Указ. соч., стр. 369.

⁵ Там же, стр. 370.

⁶ Лезгинский фольклор, стр. 18—19.

мой «молотье шаха»: персидские изуверы по приказу Надира согнали в Ахтах женщин с грудными младенцами и малолетними детьми на площадку для молотье и устроили по ним скачки. Женщины с детьми бежали, но иранцы валили их, точно снопы, и молотили копытами коней.

Все это еще более озлобляло горцев, спланивало их вокруг своих предводителей и придавало решимость бороться насмерть, чтобы избавиться от ненавистных иранских поработителей.

В лезгинской легенде рассказывается, что ахтынцы решили отомстить. С помощью ругульцев и казикумухцев они разбили войска Надира, а его стражников и военачальников связали и растерзали харманами (молотильные доски с острыми каменными шипами) на том току, на котором он погубил и ахтынских женщин и детей¹.

Ведя освободительную борьбу, горские народы одновременно выступали за присоединение к России. Достаточно убедительные данные на этот счет мы находим в донесениях современников события Калушкина и Братищева. По свидетельству Братищева, «все горские люди нетерпеливо желают с Российской стороны наступления на шаха». Выступление России, — пишет он, — вызовет «наивысшее одобрение и надежду», и горцы «последний камень из всей Дагестании против персиян подвинуть готовы...»².

Большие страдания от иранских войск терпели жители Дербента и население окрестных сел. Из Дербента Братищев доносил: «Дербентцы, другие мещане и деревенские обыватели, будучи от тирана искоренению подвержены, денно и ночью просят у бога избавления и за особливую благодать признавать готовы, ежели бы Российской власти подчинены были»³.

В разгар борьбы против иранских завоевателей многие дагестанские владетели и главы вольных обществ также обращались через пограничное начальство с просьбой о принятии их в российское подданство. В июне 1742 года шамхал Хасбулат с сыном были «приняты под протекцию Российскую», «многие тавлинцы⁴ в 1742 году сами отдавались» в подданство России. Уцмий кайтагский с самого начала выступил против Надира-шаха и его завоеваний и сопротивлялся до последней возможности. Когда силы сопротивления иссякли, он ушел в Аварию и оттуда связался с Россией и вступил в ее подданство. О принятии под защиту России просил хан аварский и Джарское вольное общество⁵.

Горцы в своей тяжелой борьбе с иранскими поработителями рассчитывали только на помощь России. Россия оказывала горцам помощь в борьбе с иранскими захватчиками. Эта помощь выразилась в выделении продовольствия и принятии в подданство.

¹ Лезгинский фольклор, стр. 19.

² П. Юдин. Указ. соч., стр. 383.

³ Там же.

⁴ Под тавлинцами имеются в виду жители Нагорного Дагестана.

⁵ Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 223.

Вся северная Кумыкия находилась под защитой русских войск. В Кизляре и Астрахане были сосредоточены большие количества войск.

Россия этим самым поощряла горцев к борьбе с Надир-шахом. С этой же целью в Кизляр было послано десять тысяч рублей деньгами и некоторым дагестанским ханам и бекам определено жалованье¹.

Все это действовало ободряюще на горцев, борющихся за свою свободу и независимость, усилило среди них движение за присоединение Дагестана к России.

В середине 1742 г. по всему Ирану начался набор войск. К Дербенту свозились снаряды, припасы и провиант. Надир-шах с новыми силами, доходящими до ста тысяч человек, готовился обрушиться на Дагестан.

Стремясь подавить освободительную борьбу народов Дагестана, в августе-сентябре Надир-шах начал свой решающий поход в центральный Дагестан. Наступление на борющийся Дагестан шах начал одновременно с разных сторон. Один отряд войск захватчиков, разорив Кумтур-Кала, вторгается в земли эндреевцев, костекочевцев и черкеевцев, другой отряд совершил вторжение на земли акушинцев и цудахарцев. Военачальник шаха Эльдар предпринял поход, чтобы покорить аварцев. Сам Надир с отборными силами двинулся в южный Дагестан против кайтагов, табасаран и лезгин с тем, чтобы проникнуть в казикумукское ханство.

Движение иранских захватчиков сопровождалось неслыханными зверствами над населением, грабежом и разрушением множества аулов.

Тревожное это было время для Дагестана. В это трудное для страны время не было единства между дагестанскими ханами. Шамхал Тарковский, султан Елисуйский, хан Дербентский были на стороне шаха. Кайтагский правитель сбежал в Аварию. Каждый аул, каждое вольное общество как могли с большим героизмом защищались от озверевшего врага.

Это тяжелое время народ отразил в своих песнях. Лезгинская песня, посвященная походу Надир-шаха и его разгрому, начинается словами:

«С глазами собачьими к нам гяур
Взбешенный из Ирана идет
Эй, серкеры,² помогите! Аман!
Путь преграждайте,— дэвы³ пришли.
Огромное дикое стадо,
Кабаны в черных латах пришли»⁴.

¹ Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 223.

² Пастухи, владельцы.

³ Фантастические чудовища, драконы.

⁴ Лезгинский фольклор, стр. 24.

В августе же 1742 г. «шах отправил для нападения на владение аварского хана малые Авары 6 тыс. человек, которые, как туда ущельем и лесом пробирались, то зашедшими туда благовременно и между деревьев и камней, кроющимися лезгинами с обеих сторон встречены были ружейными выстрелами, и с немалым уроном принуждены были отступить. За то шах из войска тут бывшего приказал удавить одного тысячника и четырех сотников»¹.

Партизанская борьба против полчищ Надир-шаха приняла большие размеры. На партизанскую борьбу поднялись лезгины и табасаранцы.

После кровавого погрома в южном Дагестане шах двинулся против Казикумукского ханства. Сюда же после героического сопротивления уходили партии лезгин, табасаранцев.

Однако для борьбы с Надир-шахом Сурхай-хан Казикумукский не был подготовлен. Тем не менее он, на скорую руку собрав ополчение из пеших и конницы, решил сопротивляться и разослал воззвания к андалальцам и акушинцам. В обращении к чохскому джамаату он писал: «От требующего помощи хана Сурхая своим дорогим братьям, самым лучшим друзьям, чохским ученым, хаджиям и молодежи. Эй, люди, имеющие в своих сердцах веру хоть в объеме одного золотника, выходите все воевать с каджарами. Сегодняшний день — это тот день, когда каждый мусульманин свято обязан идти на войну с проклятыми людьми»².

Разослав гонцов во все окружающие общества, Сурхай вышел навстречу шаху, оставив в Кумухе в качестве резерва конницу, возглавляемую сыном Сурхая — Муртузали. Отвергнув унижительное предложение персов о сдаче, Сурхай первым нападает на врага, и эта схватка переходит потом в ожесточенную битву. Как ни храбро и мужественно дрались лаки, устоять перед громадной лавиной шахских войск им было не под силу.

Силы горцев таяли, и Сурхай, зная, что конница Муртузали не спасет положения, а будет только уничтожена, с уцелевшей горсточкой храбрецов отходит в Кумух, чтобы до более выгодного момента организованно уйти из-под удара. Он передал в Кумух, чтобы Муртузали со своей конницей срочно переправился через Турчидаг в Андалал, а сам задержался, чтобы прикрыть отход конницы. Но персы ворвались в Кумух раньше выполнения этого плана, Сурхай оказался окруженным и попал в плен к Надиру. Шах, раздосадованный тем, что Муртузали ушел в горы, на следующий же день по той же дороге последовал за ним, рассчитывая, что ему удастся уничтожить последние силы лаков и тем самым навсегда положить конец противоиранскому движению в Дагестане.

¹ Л. Бутков. Указ. соч., т. I, стр. 215.

² Из материалов по истории Дагестана, собранных мною в 1939—1941 годах.

Когда полчища Надир-шаха направились в Андалал, «пошел клич по Дагестану»¹ с призывом сплотиться в борьбе с вражеским нашествием.

Андалалское вольное общество — одно из многолюдных и воинственных обществ в Дагестане. Во главе андалалцев стоял сильный кадий. Жил он в Согратлях. Здесь же находился сын Казикумухского хана Муртазали с отрядом. Сюда шли мужественные и храбрые люди из других мест Дагестана. Из Хунзаха пришли на помощь андалалцам Даук-бек с отрядом и дайгийцы (люди, известные своей храбростью).

К моменту прихода Надир-шаха в долине Чоха Мегеба-Согратли иранских захватчиков уже поджидали объединившиеся в общей ненависти к завоевателю отряды андалалцев, хунзахцев, лаков, лезгин, даргин. Все они понимали, что наступил решительный час для отпора врагу. «Кто сегодня ослабевает, да сгорит в нем мужчина. О слабо сражающемся да восплачет жена»², говорили горцы друг другу.

В многочисленных вариантах преданий народ рассказывает подробности разгрома иранских захватчиков в горах Дагестана. На основании материалов, собранных в Кумухе,³ Чохе, Мегебе, Согратле можно установить, что сражение между иранскими завоевателями и народно-освободительными силами началось в местности «Харбиен Хабуне», впоследствии названной горцами «Кажарчагуи», т. е. местом гибели иранцев. По этим же материалам можно заключить, что сражение с войсками Надир-шаха было продумано тщательно. Руководители народно-освободительных сил при выборе места сражения учли сильные и слабые стороны противника. Надир-шах имел превосходство над горцами и в отношении вооружения и в отношении организованной конницы. На конницу шах делал большую ставку. Задача заключалась в том, чтобы вывести конницу из строя, не дать возможности ей развернуться. Искусно пользуясь местностью, во время сражения горцы лишили врага многих преимуществ. В момент, когда главные силы шаха скопились в андалалской долине, народно-освободительные силы атаковали их со всех сторон. В то же время со стороны Турчи-дага в тыл войск шаха ударили восставшие казикумухцы и жители окрестных сел. Аварский фольклор запечатлел героические подвиги Нур-Магомеда, Гаджи-Мусы, Хочобского муллы, а также молодежи двух тухумов «дайтиевы» и «грузиловы» из Хунзаха, совершенных во время битвы с войсками Надир-шаха⁴.

¹ Дагестанский сборник, т. 3, стр. 52.

² Дагестанский сборник, т. III, стр. 53.

³ Хан Муртазали-Али и разгром Надир-шаха на Турчи-даге. Рукопись.

⁴ Сведения эти записаны мною во время поездки по аулам Чох, Согратль, Мегеб Гунибского района в 1941 году.

В решительной битве против наглых захватчиков, в которой приняли героическое участие и женщины-горянки, войска Надир-шаха были смяты и отброшены. Шах с остатками своих войск обратился в бегство. Горцы продолжали преследовать захватчиков вплоть до Дербента.

Потери иранских захватчиков были большие. Было взято много трофеев. В том числе в качестве трофея горцам досталось золотое седло шаха и шахское знамя.

Высокомерный и неугомонный Надир-шах никак не хотел смириться со своим поражением. Из Дербента в течение пяти лет (до 1747 г.) шах вел жестокую, разорительную войну с горскими народами. Народы Дагестана, не щадя своих сил, перенося большие лишения и трудности, продолжали героически бороться с иноземными захватчиками.

Описывая борьбу дагестанских народов против Надир-шаха, «Санкт-Петербургские ведомости» № 22, 1743 г. писали: «Шах персидский, уже через полтора года в Дагестании для желаемого себе тамошних народов покорения пребывая, но никакой удачи в том не получа, с претерпенным токмо при сей экспедиции, как из войска своего знатным уроном, так и с великими убытками иждивения, и крайними при том изневагами и трудностями из оной дагестанской земли со всем при нем оставшемся войском возвратился в Персию»¹.

Так двести с лишним лет тому назад дагестанский народ справился с иранскими захватчиками, несшими в горы Дагестана порабощение, невежество, религиозный мрак и вымирание.

Событиям этого периода в Дагестане посвящены эпические песни аварцев, лезгинов, лаков. Характерны их концовки, обращенные к пришлым завоевателям:

«Помните, пришельцы, из этой битвы кое-кто из ваших живым остался. Снова к нам придете, — всех уничтожим!»².

Борьба народов Дагестана имела огромное значение. Эта борьба показала, что разрозненные дагестанские народности и этнические группы, если они объединены, могут успешно вести борьбу с иноземными угнетателями. Совместной борьбой дагестанские народы, азербайджанцы, грузины, армяне развеяли миф о «грозном» и «непобедимом» Надир-шахе, не дали иранским захватчикам утвердиться на северо-восточном Кавказе и способствовали ослаблению иранского владычества в Закавказье.

С другой стороны, нельзя не отметить, что нашествие Надир-шаха принесло дагестанским народам неисчислимые бедствия. Во время освободительной войны погибло множество людей, были

¹ П. Бутков. Указ. соч., т. I, стр. 384.

² Эпос о разгромах Надир-шаха. Перевод С. Липкина. Литературный Дагестан. Махачкала, 1947, стр. 162; см. также легенду о разгромах Надир-шаха в книге В. Потто «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях», т. 2. СПб. 1888, стр. 189—194.

разрушены сотни аулов, разграблено много народного добра и уведены тысячи дагестанцев в рабство. После изгнания иранских захватчиков Дагестан переживал тяжелую хозяйственную разруху.

Победа над Надир-шахом была лишь частью борьбы с иноземными захватчиками в XVIII в. Со второй половины XVIII в. султанская Турция усилила свои агрессивные действия в Дагестане. С конца XVIII века возобновил агрессию на Кавказе и Иран. Для народов Дагестана борьба с турецкой и иранской опасностью сделалась постоянной заботой в их жизни вплоть до присоединения Дагестана к России.

instituteofhistory.ru

РУССКО-ДАГЕСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVIII И НАЧАЛЕ XIX ВВ.

I. РУССКО-ДАГЕСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Исторические связи русского народа и народов Дагестана восходят ко времени Киевской Руси.

Древнерусское Киевское государство представляло собой самое мощное государство в Европе. Влияние его на Кавказе огромно. В киевский период налаживаются связи Древней Руси с Кавказом. Из Киева и других городов по Волге и Каспийскому морю предпринимались большие походы в Закавказье. В походе русских дружин в Закавказье в 943-944 гг. участвовали и дагестанцы¹. В Дербенте происходила оживленная торговля. Город этот в X в. славился как рынок русского льна².

В 965 году под тяжестью ударов сильных и храбрых русских дружин Киевского князя Святослава хозарское государство пало. Сокрушительный удар Святослава по хозарам избавил население Дагестана от постоянно угрожавшей им опасности хозарского порабощения и открыл свободный путь общения по Волге и Каспию.

После разгрома хозар Русь до конца XII в. не порывала своих связей с Дагестаном. В 1175 году в битве близ Баку принял участие русский флот из 70 кораблей, «находившихся на службе у эмира Дербентского»³. Это является одним из ярких примеров, свидетельствующих о сношениях древней Руси с Дагестаном.

В начале XIII в. вся Восточная Европа, Средняя Азия и Кавказ подверглись нашествию диких орд Чингис-Хана.

Во времени нашествия монголов обширная Киевская держава

¹ Б. Дорн. Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережье Каспийского моря. СПб. 1875, стр. 515.

² Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение. М.-Л. 1950, стр. 27.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.-Л., стр. 245.

в результате процесса феодализации распалась на множество самостоятельных княжеств. Несмотря на это, Великая Русь поднялась против монголов и с 1223 г. началась великая битва русского народа со страшным нашествием монголов и татар за свободу народов нашей страны, за спасение мировой цивилизации.

Москва — культурный и политический центр русского народа стала во главе борьбы за освобождение от татарского ига. Из Москвы наносились тяжелые удары по Золотой орде. В 1480 г. при Московском великом князе Иване III окончательно была ликвидирована зависимость Руси от Золотой орды.

Москва принесла освобождение от татарского ига и многим народам нашей страны. Под влиянием событий в России ослабла власть татарских ханов и в Дагестане. По примеру русских, горцы выступили на борьбу за свое освобождение от иноземного ига.

В конце XV и начале XVI вв. вокруг Москвы образовалось Российское централизованное многонациональное государство.

Российское государство играло крупную роль в истории Дагестана. В Дагестане, благодаря воздействию русского государства, пала власть татарских ханов. Благодаря этим событиям восстановились сношения Дагестана с Россией, прерванные со времен татаро-монгольского нашествия.

В 1465 году правитель Ширвана и Дербента Фаррух Ясар послал своего посла Гасан-бека в Москву к великому князю Ивану Васильевичу. В 1466 году прибыло ответное посольство из Москвы в Шемаху Василия Папина. Вместе с посольством отправилась в Дербент группа русских купцов¹ и в числе их знаменитый русский путешественник тверитянин Афанасий Никитин, который в своей книге дал ценные, хотя и очень краткие сведения о Дагестане². В то время, по свидетельству Афанасия Никитина, через Дербент в Астрахань и обратно возили морским путем рис и шелковые ткани для обмена в Астрахани у русских и татарских купцов на меха и другие товары.

После успешной борьбы с остатками Золотой Орды Москва в конце XV в. проявила усиленный интерес к восточным землям³. Русские торговые люди из Астрахани по Каспийскому морю плыли мимо владений кумыкских феодалов из Тарков в Дербент. Из Дербента они направились сухопутным караванным путем в Шемаху. Этим же путем из Дербента в Шемаху направился Василий

¹ По пути в Дербент купцов постигло несчастье. Судно, в котором плыли купцы и Афанасий Никитин, было разбито бурей о берега Каспия, и высадившиеся с него люди были захвачены кайтагским владельцем Халил-беком. По просьбе ширваншаха фаррух Ясара они были освобождены из плена.

² Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.-Л. 1948.

³ К. В. Базилевич. Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. Москва. 1952, стр. 407.

Панин. Обратный путь русских торговых людей в Астрахань лежал также через Дербент.

Восточные посольства следовали через Дагестан, отсюда же пролагали водные и сухопутные торговые дороги на север и юг страны. Все это было немаловажным фактором в развитии экономических и политических отношений России с Дагестаном.

Несмотря на создавшиеся новые условия для сношения с Россией, Дагестан после своего освобождения столкнулся на этом пути с рядом трудностей экономического, социального и политического характера.

Дагестан после своего освобождения от Золотой орды оказался в окружении еще более свирепых врагов. С севера, со стороны Астрахани и Крыма, совершали разбойничьи набеги татарские ханы, с юга на Дагестан повели наступления сефевидский Иран и османская Турция.

Для отпора врагу требовалось объединение всех национальных, экономических и военных сил Дагестана, но для такого объединения в Дагестане в конце XV и начале XVI вв. не было необходимых условий. Не было у народностей и племен Дагестана в то время и необходимых предпосылок для возникновения своей государственности. Без всего этого невозможно было отстоять от врагов национальную самостоятельность Дагестана. Народности и племена Дагестана становились жертвами ирано-турецких захватчиков. Утверждение власти ирано-турецких феодалов в Дагестане было для горцев возвратом на долгое время к самым худшим временам татаро-монгольского ига.

Активная внешняя политика Российского государства на востоке в XVI в. содействовала Дагестану в его стремлениях к сближению с Россией. Продвижение России на Северном Кавказе привело к возникновению постоянных экономических связей с кавказскими народами¹.

Отношения Дагестана с Россией крепили не только в результате развития торговых и дипломатических связей, но и в ходе установления соседского общения русского и дагестанских народов. Первыми соседями горцев Дагестана были русские люди, жившие в низовьях Терека уже сначала XVI века и известные под именем гребенских и терских казаков.

Русские поселения непосредственно граничили с поселениями кумыков и аварцев. Жили в этих местах русские люди задолго до постройки Иваном IV терского городка, и между горцами и русскими завязались дружеские, а часто и родственные связи. Терско-гребенские казаки и горцы свободно общались между собой и вели оживленную торговлю. В последующем эти взаимоотношения крепили в самых различных направлениях. В казачьих станицах селились горцы из соседних районов Дагестана, сюда

¹ Е. Н. Кушева. Политика русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. «Исторические записки», т. 34, 1950.

же шли на постоянное жительство беглые люди из горных районов Дагестана. Со временем горцы и казаки стали усваивать друг у друга элементы языка и заимствовали обычаи и привычки. Через русских поселенцев на Тереке и кумыкской земле народы Дагестана знакомились с культурой русского народа.

В процессе длительных взаимоотношений сложились основы мирного содружества между русскими и дагестанскими народными массами.

В 1569 г. близ устья Терека, на бывшем тюменском городище, русское правительство основало крепость, называвшуюся Терским городом. Вскоре Терский городок, населенный русскими, кумыками, черкесами и ногайцами, превратился в крупный торговый пункт. В Терки приезжали купцы из Индии, Хива, Бухары, Гиляна и других мест¹. Основание терского города имело важное значение в деле налаживания экономических связей народов Северного Кавказа с Россией.

С конца XVI века положение Дагестана резко ухудшилось. Это ухудшение наступило еще после того, как Иван IV, всецело занятый тяжелой войной в Ливонии, отказался от продвижения на Кавказе и оставил русскую крепость на Тереке. Особенно ослабло внимание России к Северному Кавказу в период тяжелой польско-шведской интервенции. Этим не замедлили воспользоваться враги горцев.

Дагестан, предоставленный сам себе, очутился под ударами двух враждебных сил — сефевидского Ирана и османской Турции. Между Ираном и Турцией началась длительная война. Ареной ожесточенных сражений, наряду с другими кавказскими странами, становится Дагестан. В Дагестане хозяйничали то иранцы, то турки, то крымские татары. В Дагестане царил произвол. Горцы плоскостных районов покидали свои населенные места и уходили в горы. Положение народа было невыносимо тяжелым.

В XVI—XVII вв. горские народы непрерывно боролись за независимость против заклятых своих врагов — Ирана и Турции. В истории этой борьбы русские играли немалую роль. Дагестанские ханы не раз обращались к России за покровительством. По подсчетам Е. Н. Кушевой, за 28 лет с 1614 по 1642 годов в Москве побывало 17 посольств кумыкских князей². В 1614 году подданство России принимает Казикумухский князь. В 1616 году к воеводам Терского города с просьбой о русском подданстве обращается Кайтагский правитель³. Так в условиях турецкой и

¹ О поселении на Тереке кизлярских, гребенских и моздокских, а внутри Ставропольской губернии, поныне существующей дороге — волжских и хоперских казаков. «Кавказский календарь» за 1858 г. Тифлис. 1857, стр. 315.

² Е. Н. Кушева. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVIII вв. 1954, стр. 21.

³ Р. Г. Маршаев. Сношения Кайтага и Казикумуха с Русским государством в первой половине XVII в. (Из истории русско-дагестанских отношений). 1954, стр. 11—12.

иранской агрессии на Кавказе протекал дальнейший процесс сближения Дагестана с Россией. В годы тяжких бедствий и разорений на Кавказе московское правительство не раз выставляло заслон своих войск для пресечения татарских набегов в Дагестан, а также не раз заявляло через своих послов в Константинополе протесты по поводу действий турецко-крымских агрессивных войск на Северном Кавказе.

XVIII век в истории Дагестана полон важнейшими событиями, оказавшими огромное влияние на развитие социально-экономических и политических отношений в стране. Решающее значение для Дагестана имела борьба России за изгнание турецко-татарских захватчиков с берегов Азовского и Черного морей и овладение Каспийским морем.

Укрепляясь на берегах Балтийского моря, русское правительство не имело намерения отказаться от забот об укреплении русских позиций на Востоке. «Перенесением своей столицы, — писал К. Маркс, — Петр возвестил, что он, наоборот, намерен действовать и на Востоке и в непосредственно соседних с ним странах путем активности на Западе»¹.

Русское правительство было полно забот о широком торговом пути, который, прорезав его обширное государство по Волге с северо-запада на юго-восток, должен был пройти через Каспийское море. Петр хотел соединить Балтийское море с Каспийским и сосредоточить на этом пути всю европейскую торговлю с Востоком.

Еще в 1716 году походом кн. А. Бековича-Черкасского в Среднюю Азию русское правительство пыталось пробить дорогу в Индию, затем организовало продвижение на юг Сибири, и, не сумев осуществить свои замыслы на этих маршрутах, задумало «Персидский поход», выдвинув на первый план вопрос о давно знакомом русским купцам Каспийском море.

Россия нуждалась в иранском шелке. Из одного только Гиляна его вывозилось более 70 тыс. пудов в год². В то время шелк был в Европе новым предметом ввоза и русское правительство было заинтересовано в том, чтобы весь шелк из Ирана шел в Европу только через Россию. Из Прикаспийских областей и Закавказья вывозились и другие товары³. Имелись самые широкие планы добычи нефти, разведения хлопка, сахарного тростника.

Вопрос о торговле по Каспию связан был с вопросом о русском господстве на Кавказском перешейке. Этот шаг диктовался к тому же не только экономическими интересами, но и военно-

¹ К. Маркс. История секретной дипломатии XVIII в. Цит. по книге В. Мовродина. Петр I. Ленинград. 1948, стр. 261.

² И. Голиков. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, т. IX, изд. 2-е, Москва, 1838, стр. 23.

³ Подробно о потребностях промышленности России в сырье и сырьевых ресурсах Прикаспийских стран рассказывается в книге В. П. Лисцова. Персидские походы Петра I. 1722—1723, 1951.

политической необходимостью, стремлением обезопасить границы на юге России.

Кочевники, обитающие у границ юго-восточной России, под влиянием Турции и при содействии Крымского хана, часто вторгались в пределы русских областей. Их набеги опустошали пограничные области, мешали развитию торговли.

Занятое войной со Швецией, русское правительство до известной поры не могло отвлекаться, не могло предпринять вооруженный поход на юг. Но подготовку к нему оно вело. Оно ставило задачу дипломатическим путем подорвать иранское и турецкое влияние на Северном Кавказе и в Закавказье. С этой целью Петр в 1700 г. приказывает астраханскому губернатору Мусину-Пушкину «завести дружественные и торговые сношения с дагестанскими горцами»¹. Затем в 1711 г. он посылает в Кабарду и Дагестан кн. Бековича-Черкасского, чтобы, склонив эти народы на сторону России, противопоставить их закубанским татарам «разорявшим русскую землю»².

Князь Бекович-Черкасский писал Петру, что из Турции и Крыма в Дагестан постоянно прибывают агенты, чтобы местных князей со владением своим «склонить» под власть султана турецкого и «послушны были б к хану крымскому»³.

Овладение Каспийским морем было в интересах русских помещиков и купцов. Но Каспийское море и земли, расположенные по его берегам, были в тот период захвачены Ираном. Владычество Ирана в Прикаспийских странах мешало нормальному развитию торговли и, культурно-политических связей России с Кавказом.

В первой четверти XVIII в. русское правительство предприняло энергичные меры, направленные на расширение торговых связей России по Каспийскому морю.

Устремлениям России на Востоке благоприятствовало то обстоятельство, что на Кавказе с начала XVIII века создалась чрезвычайно благоприятная для укрепления русских позиций обстановка. Здесь росли восстания кавказских горцев против иранских поработителей, росли освободительные стремления, вылившиеся в 1710—1714 гг. во всеобщее антииранское восстание, которым были охвачены и Азербайджан и Дагестан. В этот же период, в правление шаха Гусейна, и сам Иран был охвачен волнениями и недовольством. Обессиленный внутренними неурядицами и восстаниями угнетенных народов, шахский Иран приходил в упадок. Турция, давно мечтавшая прибрать под

свою власть весь Кавказ, намеревалась воспользоваться слабостью Ирана и захватить Прикаспий.

В 1715 г. Петр отправил в Иран послом к шаху искусного дипломата Артемия Петровича Волинского¹ и в особой инструкции поставил перед ним задачу добиться восстановления связей и льгот русским купцам, торгующим в иранских владениях, и вместе с тем подробно выведать политическое положение Ирана и Кавказа. Кроме того, приказано было «смотреть, каким способом в тех краях купечество российских подданных размножить, и нельзя ли через Персию учинить купечество в Индию»².

Заключив выгодный для России торговый договор, посольство вернулось через два года в Москву. В 1719 г. Волинский представил Петру сведения, собранные во время поездки в Иран, и высказал мысль о том, что на Кавказе необходимо действовать силою оружия, чтобы предупредить Турцию в ее стремлении воспользоваться слабостью Ирана и утвердиться на берегах Каспийского моря.

Петр не считал возможным немедленно последовать предложению своего посла, но тем не менее назначил Волинского астраханским губернатором и приказал тайно готовиться к войне и завязать возможно более близкие сношения с местными владельцами и Грузией³.

В 1716 году Петр отправил на Каспий для составления карты этого района поручика Кожина. Весной 1719 года для описания западных берегов Каспия и выявления удобных гаваней были посланы лейтенант Федор Соймовов и князь Уросов⁴. Осенью по этому же маршруту были отправлены гвардии капитан Алексей Наскаков, а Семен Аврамов был назначен консулом в Иране. Им был дан наказ собрать сведения военного, политического и экономического состояния прикаспийских провинций и Ирана⁵.

К моменту персидского похода Петр уже располагал картой Каспийского моря и имел хорошие связи с Кавказом.

Накануне персидского похода Дагестан, состоявший из множества мелких народностей и этнических групп, в социальном отношении выглядел очень пестро. В этот период Дагестан переживал глубокий социальный и экономический кризис, он не имел нормальных условий для своего хозяйственного и культурного роста. Все это усугублялось постоянными феодальными

¹ Артемий Петрович Волинский. Материал для его биографии. Русская старина, т. V, 1872; В. И. Лебедев. Посольство Артемия Волинского в Персию. «Известия Академии наук СССР». Том V, № 6, Москва, 1948.

² С. Соловьев. Указ, соч., т. XVIII, стр. 31—32.

³ Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Под редакцией ген.-майора Потто. Тифлис, 1899, стр. 19.

⁴ В. Комаров. Персидская война 1722—1725 гг. (Материалы истории царствования Петра Великого). Русский вестник, 1867, кн. IV, стр. 565.

⁵ С. Соловьев. Указ, соч., т. XVIII, стр. 36.

¹ Исторические сведения о местах, на которых основан город Петровск. «Кавказ», 14 декабря 1869 г., № 147.

² Там же.

³ В. Комаров. Персидская война 1722—1725 гг. (Материалы для истории царствования Петра Великого). «Русский вестник», 1867, кн. IV, стр. 558.

междоусобицами и вмешательством агрессивных соседних восточных государств. Враждовавшие между собой ханы и главы вольных обществ нередко обращались к России с выражением покорности и даже с просьбой о принятии в подданство. Петр дал специальные указания астраханскому, кизлярскому и терскому начальству поощрять эти связи с Дагестаном и с его владельцами, чтобы «стараться и трудиться тот народ в ласке содержать и к стороне его царского величества склонить»¹.

В результате мер, принятых Петром, связи между Россией и Дагестаном усилились, и вскоре астраханский губернатор Волынский имел возможность донести в коллегию иностранных дел, что «кумыцкий народ, хотя и под персидскою протекциею, однако-ж надеются, ежели приложить труд, то будет доброжелательнее к стороне его царского величества, а между их народом великую силу имеет владелец Тарковский Адиль-Гирей, да Султан-Махмуд Аксаевский». Если этих двух владельцев «удовольствовать», то некоторые и «прочие принуждены будут искать его царского величества протекции и не вредительные будут»².

Еще в 1717 г. кумыцкий владелец Адиль-Гирей писал Петру: «Понеже упование и надежда наша есть к вашей высокой порте, что многия люди через ваши щедроты нужды свои управляли и в радостях бывали, того ради и я, прибегая к вашему милосердию, низжайше всепокорно прошу, прежде всего отцы и прародители наши служили вам в верности и во всяких службах ваших вседушно радели, будучи в службе при порте вашей, а ныне и я покорный раб ваш всегда с прилежанием во услугах ваших пребывать и союзными и друзьями вашими в дружбе и в союзе быть, а с неприятелями вашими противитися от сердца желаю»³.

В этом же письме шамхал сообщал, что он от иранского шаха «отложился и к вам, российскому государю, поддался и службу принял»⁴.

В 1718 г. шамхал Адиль-Гирей обратился к Петру с просьбой принять его в российское подданство. Шамхал снарядил к Петру специальное посольство, и оно вернулось из Петербурга с богатыми подарками⁵ и грамотой, в которой Петр сообщал: «Оное твое прошение милостиво усмотрели и тебя, Адиль-Гирей, под оборону нашу и подданство принимаем»⁶.

В следующем 1719 году в Москву по указу Петра прибыл от шамхала «тарковской земли посол князь Алыпкачев Мамат» с

¹ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Сношения России с Персией», 1718, д. № 1, л. 2.

² Там же, л. 3.

³ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Кумыцкие дела», 1717, д. б/н., л. 17.

⁴ Там же, л. 18.

⁵ Роспись, что послано к кумыцкому владельцу Адиль-Гирею соболей и мягкой рухляди и оной казны с присланным от него Айдаром Айдарбековым. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Кумыцкие дела», 1718, д. б/н., л. л. 25-26.

⁶ Там же, «Кумыцкие дела», д. б/н., 1717, л. 23.

7 узденями¹. Одновременно Петр дал астраханскому губернатору указание о военной помощи Адиль-Гирею. Когда на «подданного нашего,— писал Петр,— кумыцкого владельца Адиль-Гирея шафкала будут приходить войною какие орды..., ему в таком случае войсками нашими яцкими, також и казаками терскими и гребенскими по возможности вспомогать и ни до какого разорения не допускать»...².

Сторонником Петра был и султан Махмуд Аксайский. Как султан, так и шамхал, «были давно склонны»³ к сближению с Россией. Владения кумыцких беков находились вблизи от русского города Терки и непосредственно граничили с российскими владениями по Тереку и имели от этого малые выгоды. Поэтому вслед за шамхалом к Петру обратились с посланиями другие кумыцкие феодалы.

Чупан шамхал эндреевский в 1719 г. обратился в коллегию иностранных дел с посланием, в котором он просил сообщить царю, что он и его ближние «служить великому государю готовы и пожитки свои, и улусы, и подданных всех под руки его величества»⁴ отдадут.

В 1720 г. снарядил посланцев к Петру Муртазали шамхал. Он также просил принять его в подданство России. 26 августа последовал указ коллегии иностранных дел к астраханскому губернатору Волынскому, чтобы он «подлинно разведал и рассмотрел, какого он (Муртазали) состояния и сколько при нем подданных людей»⁵ и чтобы с «Муртазалиевым поступал и обходился ласково, дабы от страны его царского величества не отогнать»...⁶.

В общей политике, проводимой русским правительством на Кавказе, немаловажную роль играло заложничество — так называемая система аманатов. В аманаты брался, как правило, кто-либо из членов ханского или бекского дома, а в районах вольных обществ — влиятельный представитель общинной знати.

Добываясь «знаков приверженности»⁷ к России от всех горских владельцев северного и северо-восточного Кавказа, русское правительство с таким же успехом поддерживало дипломатические сношения и с христианскими народами Закавказья.

Царь Вахтанг VI Картлинский заручился поддержкой Пет-

¹ Копия донесения кумыцкого, присланного Алыпкачевым Маматом царскому величеству. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Кумыцкие дела», д. б/н., 1719, л. л. 7 и обр.

² ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Кумыцкие дела», д. б/н., л. 131, об. 132.

³ Описание похода государя императора Петра Великого к лежащим при Каспийском море персидским провинциям. Русский вестник, Москва, 1867, стр. 571.

⁴ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Кумыцкие дела», д. б/н., 1719, т. 185.

⁵ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Кумыцкие дела», д. № 1, 1720, л. 22.

⁶ Там же, л. 22 об.

⁷ Бутков. Указ, соч., ч. I, стр. 16.

ра в освобождении Грузии от иранского господства и возвращения захваченных Турцией южногрузинских областей¹.

Депутацию армянского народа, обратившуюся к России за оказанием помощи в деле освобождения от иранского владычества, Петр также обнадежил и заверил, что по окончании шведской войны он пойдет походом на юг и поможет армянам освободиться от ига иранских шахов².

В свою очередь царь Вахтанг обещал выставить в помощь Петру во время его похода 40-тысячное грузинское войско, а Каталикос — глава армянской церкви — обязался снарядить 12-тысячное войско армян.

На стороне России находились и владельцы Карабаха, Шеки и Ширвана.

В своей активной политике на Кавказе Россия опиралась на народно-освободительное движение кавказских горцев, направленное против ирано-турецких агрессоров.

Параллельно с дипломатической подготовкой, русское правительство развернуло строительство судов, приспособленных для плавания в море, заготовляло продовольствие и снаряжение. Строительством судов на Верхней Волге ведал генерал-майор Матюшкин³. Суда строились в Казани, Нижнем Новгороде и Астрахани. В русском пограничном городе Терки на Северном Кавказе заготавливались продовольствие, фураж и снаряжение, необходимые для предстоящей кампании. Энергичную деятельность проявлял в Астрахани Артемий Вольнский. Он собирал подробные сведения о политическом положении края, заготавливал провиант, строил суда, пристани, казармы, не раз ездил на Терек, чтобы склонить на сторону Петра терских и греческих казаков.

Политическая обстановка на Ближнем Востоке и на Кавказе благоприятствовала подготовке военных действий на юге. В 1721 году в Дагестане и Ширване с новой силой вспыхнуло противоиранское восстание. Во время взятия Шемахи пострадало более 300 русских купцов. Россия дипломатически предупредила шаха о необходимости возмещения убытков, причиненных торговым людям, и наказания Сурхая и Дауд-бека, как главных зачинщиков. Шах, занятый внутренними раздорами в своей стране, оказался не в состоянии что-либо предпринять. Тогда Петр объявил, что он сам будет искать справедливости и введет войска в Дагестан и Ширван для наказания «бунтовщиков»⁴.

¹ История Грузии, часть I, с древнейших времен до начала XIX в. Под редакцией С. Джанашиа. 1946, стр. 396.

² История армянского народа, часть I, с древнейших времен и до конца XVIII в. Ереван, 1944, стр. 227.

³ Письма и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину. Русский вестник, 1867, кн. IV, стр. 590—613.

⁴ Военная история россиян в XVIII столетии. Часть вторая, заключающая в себе описание Персидской войны с 1722 по 1734 год, т. IV, СПб. 1823, стр. 3—4.

Ништатский мир освободил Россию от забот на севере и позволил ей всецело отдаться восточным делам. Поход надо было форсировать, ибо слабостью иранского государства стремилась воспользоваться Турция. Этот давнишний враг России всячески противодействовал устремлениям Петра на Кавказе. Турция подстрекала местных владельцев против России, вмешивалась в кавказские дела, засылала своих эмиссаров. Сурхай и Дауд-бек, навив себе врагов в лице Ирана и России, искали покровительства у Турции. Туркам это было выгодно. Петру не оставалось ничего другого, как предупредить появление турок на Кавказе.

Из Исфагана неслись самые благоприятные вести. С начала 1722 г. шах Гусейн полностью отстранился от дел и отдал правление старшему сыну. Его вскоре сменил второй, а затем и третий сын шаха. Внутреннее положение страны не улучшалось. Восставшие афганцы взяли Исфагань и пленили шаха Гусейна.

При таких обстоятельствах медлить было нельзя. Петр дал указание начать стягивание к Астрахани войск, судов, артиллерии и всего необходимого для предстоящего похода на юг.

15 мая 1722 года Петр отправился в Астрахань.

18 июля 1722 года флот Петра, состоявший из 274 судов вышел под командованием генерал-адмирала графа Апраксина из Астрахани в Каспийское море. Кавалерия шла сухопутным путем из Царицына. Численность армии Петра превосходила 100 тысяч человек. Она включала пехоты — 22 тыс., конницы — 9 тыс., казаков — 20 тыс., столько же калмыков, татар — 30 тыс. и матросов — 5 тысяч¹.

Путь на Восток лежал через Дагестан. За три дня до похода был обнародован на азербайджанском, персидском и турецком языках манифест к жителям прикаспийских областей и Ирана.

Для распространения манифеста среди населения Дагестана, Шемахи и Баку к тарковскому шамхалу был послан из города Терки поручик Лопухин с 30 человеками из местных народностей².

Целью военных действий, начатых Россией персидским походом, было покончить с владычеством Ирана в прикаспийских провинциях и присоединить Кавказ к России.

После двухдневного плавания Петр с флотилией прибыл к устью Терека. Здесь он осмотрел город Терки, остался недоволен его расположением. Город был расположен в месте «самого низком и болотном, следственно, и здоровью вредным для гарнизона»³.

Петр отдал флотилии распоряжение двинуться ближе к устью Сулака. Здесь у берегов Дагестана он высадился 27 июля 1722 года. В ожидании кавалерии, шедшей по побережью, царь

¹ С. Соловьев. Указ. соч., т. XVIII, стр. 45.

² Бутков. Указ. соч., часть I, стр. 17.

³ Комаров В. Персидская война 1722—1725 гг. Материалы. Русский вестник. 1867, кн. IV, стр. 568.

стал в Аграханском заливе лагерем, а флотилию с грузом отправил в Дербент.

Появление петровских войск на эндреевской земле местными феодалами было встречено враждебно. Земли эти в описываемое время управлялись семью владельцами и были населены наряду с кумыками представителями разных народов, в том числе и русскими, казаками, бежавшими сюда после неудачи Булавинского восстания¹.

Сопrotивление эндреевцев не нашло поддержки у соседей. Самый могущественный кумыкский феодал шамхал Адиль-Гирей поспешил заверить Россию в своей благожелательности. Он прислал в подарок Петру богатый шелковый шатер.

5 августа русская армия двинулась к Таркам.

6 августа Петра за сулакской переправой встречали с подарками «горские владельцы, первым Адиль-Гирей шефкал, да аксайский владелец Султан Мамут; вышеописанные владельцы прислали для всех войск; именно шефкал 600 телег с быками тяглыми под провиант солдатский, да 150 быков солдатам на пищу, да аксайский султан Мамут прислал солдатам на пищу 100 быков, да его величеству от шефкала 3 лошади персидских, в том числе одна с убором, на которой седло оправлено серебром, да муштук с золотым набором, а помянутый солтан 6 лошадей персидских же»².

12 августа Петровская гвардия подъезжала к Таркам. Верст за пять от Тарков Петра встретил шамхал и его приближенные. За три километра от Тарков Петр раскинул свой лагерь. Лагерь был обнесен с трех сторон земляным валом и находился на том месте, где ныне гор. Махачкала. Самое место в городе носило название «Стана Петра Великого».

13 августа Петр со своей свитой посетил шамхала в Тарках. Петр в сопровождении трех драгунских рот ездил на прогулку в тарковские горы, осматривал старинную башню и другие достопримечательности. Услуги, оказанные шамхалом, и верная его служба Петру были им отмечены. В жалованной грамоте Петр писал: «В знак оной нашей императорского величества к нему шамхалу милости «повелел» дать сию нашу милостивую жалованную грамоту и чрез оную определяем служить по-прежнему над дагестанским шамхалом. Также даем ему полную силу и власть владеть всеми землями и местами и жилищами владения султана Маамута Утамышского»³. При шамхале назначен был русский почетный караул из унтер-офицеров, барабанщика и 12 рядовых.

¹ С. Соловьев. Указ. соч., т. XVIII, стр. 39.

² Экстракт из журнала о походе из Астрахани и как пришли к Дербенту. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Сношения России с Персией», д. № 5, 1722, л. 10.

³ Жалованная грамота Петра I кумыкскому владельцу Адиль-Гирею шамхалу Будайзанову сыну 20 сентября 1722 г. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Сношения России с Персией», д. № 17, 1722, л. 620.

К этому времени из Дербента было получено известие, что и там манифест царя был принят с удовлетворением и жители проявляют покорность и повиновение¹. Петр послал в Дербент полковника Наумова с одним поручиком и 12 донскими казаками. Наумов прибыл в Дербент в то самое время, когда капитан Верден показался перед городом с транспортными и прочими судами.

16 августа армия Петра выступила из Тарков в сторону Дербента. Русская армия прошла без боя владения буйнакского князя, но султан утамышский атаковал ее.

Легко разгромив отряд² утамышского султана, Петр продолжал путь на юг. 23 августа он подошел к Дербенту. За версту от города его встретил дербентский наиб Имам Кули-бек и «общества мусульманское, армянское и еврейское, все стар и млад, вышли навстречу из города и стали в ряды»³. Наиб города вручил Петру два серебряных ключа от городских ворот. Город, — говорил наиб в своем приветствии, — основанный Великим Александром Македонским, считает справедливым сдать другому великому монарху⁴. У ворот города городские пушки салютовали русским войскам тремя залпами. По поводу встречи, организованной дербентцами русской армии, Петр 28 сентября в письме сенату сообщал, что дербентцы «нелицемерно любовью приняли, и так нам рады, как бы своих из осады выручили»⁵.

В Дербенте Петр осмотрел главную крепостную стену Даг-Бари, город и его окрестности, посетил цитадель и дворец султана. Приняв меры к благоустройству города и усилению торговых связей с Россией, Петр назначил комендантом крепости полковника Юнкера. За мирную сдачу города и объявление покорности Петр пожаловал дербентского наиба Имама Кули чином генерал-майора и установил денежное довольствие за счет казны. Чтобы обеспечить коммуникации между гарнизонами в крепостях Тарки и на Сулаке Петр поселил вблизи Буйнака верстах в шестидесяти от Дербента гарнизон во главе с генерал-майором Кропотовым и заложил крепость.

Находясь в Дагестане, Петр I продолжал свою политику поддержки и привлечения на свою сторону других горских феодалов. Табасаранский владелец Рустем подвергся нападению Сурхай-хана кумухского и кайтагского уцмий за то, что он не действовал заодно с ними. Рустем обратился за помощью к Петру. О Сурхое и уцмий он сообщил 30 августа: «неприятельским образом нападали, город мой выжгли», и «ни от кого

¹ Гасан Алкадари. Указ. соч., стр. 68.

² О персидском походе, при государе Петре Великом бывшем. Рукопись неизвестного автора. «Русский архив», вып. 12. Москва, 1899. стр. 485.

³ Гасан Алкадари. Указ. соч., стр. 68.

⁴ В. Потто. Кавказская война, т. I, вып. I, стр. 30.

⁵ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Сношения России с Персией», д. № 5, 1722, л. л. 8—11.

воспоможения для обороны мне учинено не было»¹. В ответ на это послание 1 сентября последовала грамота, в которой Петр обещал помочь восстановить разрушенный город и оказывать помощь войсками, «которые близ здешних краев обретаться будут»².

Вместе с тем Петр не упускал ни одного случая, чтобы подчерпнуть сведения о народах и краях, неизвестных ему. Будучи в Дербенте, он «с особенным любопытством расспрашивал бывших там персиян, грузин, армян и индийцев обо всем, что касалось их состояния и торговли, производимой ими»³.

Петр готовил свои войска к дальнейшему продвижению в Закавказье, где его ждали войска грузин и армян. Как было условлено, царь Вахтанг со своими отрядами стоял в Гандже, ожидая Петра, чтобы идти на соединение в Ширван. Все было подготовлено и у меликов Карабаха, армянского духовенства. Население Баку письменно известило Петра о том, что оно отдается под его покровительство, но через посланца Петра подпоручика Лунина дало знать, что они не желают, чтобы войска были посланы в Баку⁴.

Петр пробыл в Дербенте неделю и жил во дворце султана. 30 августа Петр со своей армией выступил из Дербента к реке Милукенти и расположился здесь лагерем. Отсюда Петр намеревался двинуться дальше к крепости Баку, занять ее и, проникнув до Куры, заложить при устье этой реки город, в котором сосредотачивалась бы торговля с Ираном, армянами, грузинами⁵. Об этих своих намерениях Петр писал 16 октября в письме из Астрахани в Сенат.

Неожиданное затруднение не позволило Петру довести этот план до конца. Громадная армия Петра, имевшая растянутые коммуникации, оказалась без запасов продовольствия и фуража. Дело в том, что транспортные суда, находившиеся в 15 километрах от Дербента, готовясь к выгрузке муки, у реки Милукенти пострадали от неожиданного жестокого осеннего северного ветра, от которого «учинился великий шторм, которым 13 судов ластовых, которые деланы во Твери»⁶ были уничтожены. Петр писал в Сенат: «Несчастье принудило нас дожидатца капитана Вилтоба, который шел в семнадцати таких же судах, но

потом к великому недовольству получили мы ведомость, что и ему то же случилось»¹. Наряду с флотом пострадала от шторма и кавалерия. В эту же зиму от стужи пало 1007 лошадей. Сохранявшегося продовольствия и фуража хватало на армию, которая все более удалялась от своих баз, едва на месяц. Заготовить продовольствие на месте было невозможно из-за сильной разоренности края. Собрался военный совет, и Петр ввиду недостатка провианта и плохого состояния конницы решил приостановить продвижение армии и возвратиться в Астрахань, оставив в покоренных областях гарнизоны. Поручив командование дербентским гарнизоном Юнкеру, Петр 7 сентября выступил к Астрахани. По дороге был оставлен гарнизон и в Тарках. По указанию Петра на Сулаке, ниже нынешней станции Казимюрт, была заложена новая крепость — Святой Крест и комендантом крепости и гарнизона был назначен подполковник Леонтий Соимонов. У Святого Креста была воздвигнута обширная плотина,² перегородившая морской рукав Сулака и направившая все воды в Аграханский залив. Работа эта была начата еще во время пребывания Петра в Дагестане и закончена в 1725 году. Плотина сделана низовья Сулака судоходными, а Аграханский залив — удобной бухтой.

29 сентября Петр сел в Аграханском заливе на корабли и отплыл в Астрахань, поручив начальствование над всеми гарнизонами и Прикаспийским краем генерал-майору Матюшкину с местопребыванием в Дербенте.

4 октября Петр прибыл в Астрахань.

В результате Персидского похода Петра Дагестан был включен³ в состав Российской империи.

Это вхождение Дагестана было подготовлено борьбой горцев с ирано-турецкими агрессорами и предыдущим развитием русско-дагестанских отношений, начавшихся еще со времен Киевской Руси и строившихся на началах укрепления торговых и политических связей со всеми кавказскими странами.

Выступление русской армии имело для Кавказа огромное внешнеполитическое и внутреннее значение. Пребывание русской армии на территории Дагестана и Азербайджана привело в движение северокавказских горцев, содействовало освободительному движению среди закавказских народов и усилило тяготение горцев к России. С другой стороны, включение Дагестана в состав России освободило горские народы от гнета и произвола

¹ Просительное письмо Рустема табасаранского владельца к Петру. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел «Сношения России с Персией», д. № 23, 1722.

² Грамота Петра I к табасаранскому владельцу Рустему от 1 сентября 1722 г., там же, л. 5.

³ Г. Мельгунов. Поход Петра Великого в Персию. «Русский вестник», том 110, Москва, 1874, стр. 7.

⁴ Лист бакинских жителей к Петру. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Сношения России с Персией», д. № 20, 1722, л. 22 и обр.

⁵ Краткая летопись войнам, ведшим русскими против Персии. «Отечественные записки», часть 32, СПб, 1872, стр. 72.

⁶ Письмо Петра I из Астрахани в Сенат от 16 октября 1722 г. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Сношения России с Персией», д. № 5, 1722, л. 22.

¹ Письмо Петра I из Астрахани в Сенат от 16 октября 1722 г. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Сношения России с Персией», д. № 5, 1722, л. 22.

² Приказы и письма императора Петра Великого и императрицы Екатерины I к генералу Матюшкину во время войны с Персией. «Отеч. записки», 1827, июнь, 86, ч. XXX, стр. 397.

³ Присоединение к России Дагестана и других Прикаспийских провинций были оформлены на основе ст. II Петербургского договора между Россией и Ираном от 12 сентября 1723 года.

иранских шахов и турецких султанов и на известный период избавило горцев от опустошительных набегов татар, турок и персов.

Поход Петра имел для Дагестана огромное культурное значение. Русские люди проявили самый широкий интерес к хозяйству, культуре и истории Прикаспийских областей. На Кавказе появились русские ученые, и впервые об этих областях были написаны книги самого разнообразного познавательного характера.

Российская империя при Петре I являлась могущественным централизованным государством в Европе. Россия являлась страной экономически и культурно развивающейся. В результате восточного похода Петра перед дагестанскими горами открылась перспектива благоприятных экономических и культурных связей с Россией.

Успехи России вызвали сильное беспокойство в Турции и Иране. Несмотря на то, что обе эти страны вели между собой бесконечные войны из-за Прикаспийских областей, они в одинаковой мере противились политике России на Кавказе и еще в большей мере были недовольны сближением горцев с русским народом. Это объединяло Турцию и Иран в их борьбе с Россией. И шах, и султан действовали испытанными методами. Иранский шах делал ставку на кумыкского шамхала¹ и на уцмий кайтагского, который обязался охранять границы иранских владений и предупредить об опасности «со стороны Турции и России...»². Турция также имела в Дагестане своих сторонников, действовавших и против шаха, и против русских. Такими лазутчиками Турции обычно являлись мусульманские церковники — суниты. В борьбе с Ираном Турция использовала религиозную вражду шиитов и сунитов и под религиозным знаменем стремилась поднять горцев на выступление против, якобы, «неверной России».

Чтобы восстановить горцев против России, Турция пустила в ход самые разнообразные средства: мусульманскую религию, подкуп, запугивание. Всеми своими провокациями Турция стремилась вбить клин между мусульманским и христианским населением Кавказа. В частности, явным результатом турецко-иранских провокаций были разорительные набеги из Дагестана в Восточную Грузию. Для обоснования своих территориальных притязаний на Кавказе, турецкий султан использовал все, вплоть до языка, пытаясь оперировать даже сходством некоторых слов кумыкского и азербайджанского языков с турецким. Усиленно вербовало турецкое правительство и религиозных паломников, обычно отправлявшихся в Мекку на поклонение гробу Магомета через Константинополь. Эти паломники возвраща-

лись на Кавказ наемными агентами султана и, выполняя его задания, разжигали среди населения религиозную нетерпимость к другим народам и были проповедниками состряпанной в Турции идеи «священной войны» мусульман против христианской России.

Интригами Турции объяснялось и отсутствие единства между дагестанскими владельцами в вопросе об отношениях с Россией. Метод провокаций, подкупа, лести и запугивания местных владельцев был одним из излюбленных средств в политике иранских шахов и турецких султанов. Шаху и султану ничего не стоило извратить любой известный факт, совершить любой подлог. Так поступил, например, иранский шах Гусейн, объявив в 1701 году дагестанскому султану Елисуийскому о том, что на шамхала Тарковского двигаются, якобы, 60 тысяч русских.

Позднее, в 1714 г. агенты крымского хана рядом провокаций среди дагестанских владельцев развернули широкую агитацию за то, чтобы присоединить к Турции под флагом ислама «все кавказские народы вплоть до персидской границы»¹. Чтобы восстановить горцев против России, распускались самые нелепые слухи, рассказывались небылицы о жестокости и самых неблагоприятных поступках русских войск. Если не удавалось действовать угрозой, пускались в ход восточная лесть и подкуп. На это особенно щедр был турецкий султан. В 1722 году специальным фирманом он утвердил владение Елисуийское «за опытным, храбрым и благочестивым эмиром Дагестана Али-Султаном»². Известно, что Али-Султан никогда не был эмиром Дагестана и не отличался особой храбростью. Тем не менее султан возвеличил его в своем фирмане и сделал это как раз в тот момент, когда Петр со своей армией находился в Дагестане.

Активность турок в Дагестане и на всем Кавказе особенно возросла в связи с началом восточного похода Петра. Английские дипломаты в Константинополе обещали Турции в этом всяческую помощь и содействие. При самом ближайшем участии Англии крымский хан — вассал турецкого султана стал усиленно посылать на Кавказ и в Дагестан различных «представителей» религии, явных шпионов и провокаторов, которым было дано задание усилить пропаганду мюридизма среди горцев.

В результате англо-турецких происков, сейчас же вслед за выходом войск Петра из Астрахани, в Дагестане одна за другой последовали провокации, направленные против русских войск и организованные под знаменем ислама. 27 июля 1722 года войска Петра высадились у берегов Дагестана, а на следующий день эндреевские владельцы по подстрекательству Турции совершили вооруженное нападение на русский лагерь. 18 августа Петр, ни-

¹ Г. Гербер. Указ. соч., стр. 36—37.

² АКАК, т. II, стр. 1073.

¹ С. Соловьев. Петр Великий на Каспийском море. Журнал «Вестник Европы», т. II, СПб, 1868, стр. 164.

² И. Ливевич. Бывшее Елисуийское султанство. ССКГ, вып. VII, стр. 8.

чего не подозревая, вступил на землю султана Махмуда Утамышского и Ахмед-хана кайтагского, но посланные им на разведку казаки были встречены огнем. Выяснилось, что против Петра предполагалось выставить 20-тысячное войско, во главе которого должны были стать три дагестанских владельца — султан Утамышский, уцмий Кайтагский и Казикумухский хан Сурхай. Провокации эти не удалась, но остается факт, что все эти вооруженные выступления против русской армии во время ее движения в сторону Дербента были делом рук Турции и Крыма. Крымский хан прислал шамхалу специальное письмо «с увещанием, дабы он, поборял за махOMETову веру, ожидал к себе с войсками скорого его на помощь прихода»¹.

Во время пребывания Петра и его армии в Дербенте там был открыт заговор. Во главе его стояли восемь влиятельных дербентцев, которые, как выяснилось, также действовали по указке турецких эмиссаров. Заговор был открыт и во владении Буйнакском. Брат шамхала Адиль-Гирея готовил с помощью турецких денег восстание против Петра.

Когда Петр приостановил свой поход в Закавказье, возвратился в Астрахань, турки сейчас же приняли меры, чтобы как можно выгоднее устроить свои дела на Кавказе. Они отправили одному из кубинских феодалов Дауд-беку жалованную грамоту, в которой писали, что он принимается в подданство Порты, дали ему титул хана и власть над двумя областями — Дагестаном и Ширваном. При этом Дауд-беку внушали, чтобы он старался покорить и другие ближайшие персидские провинции, которые также поступят в его владения. От Дауда-бека ждали, чтобы он из Дербента всеми средствами старался вытеснить русский гарнизон. Для этого турецкий султан выделил новому хану 30 тысяч червонцев и обещал «воспоможение войском»².

Вытеснить русский гарнизон Дауд-бек, конечно, не мог, как не под силу ему было и повести за собой не только весь Дагестан, но даже какую-либо из его частей. Дауд-бека в горах не признавали и смотрели на него как на явного ставленника турок.

Турецкое правительство в феврале 1723 года пыталось даже официально уведомить Россию об, якобы, объединительской миссии Дауд-бека и сообщило русскому резиденту Неплюеву, что их ставленник вступил в подданство Порты,³ но русские дипломаты не приняли аргументации турок, утверждавших свои права на кавказские земли тем, что в них живут «единоверные» с Турцией «мусульмане». Хорошо осведомленное о захватнических планах Турции на Кавказе, русское правительство заявило, что вера не может служить определению границ государства. Петр своим предписанием Неплюеву дал Турции ясно понять,

что интересы России «отноюдь не допускают, чтобы какая другая держава, чья б ни была, на Каспийском море утвердилась»¹. Было заявлено, что народы, принятые под покровительство России, никакого отношения к Турции не имеют.

Укрепление позиций России на Кавказе шло в разрез интересам и расчетам Англии и Франции. Они всячески усилили свои действия, направленные на то, чтобы возбудить Турцию на выступление войною против России. Англо-французские дипломаты выступали по отношению к кавказским горцам в роли организаторов захватнических войн на Кавказе, Англия, заинтересованная в усилении своих позиций на Востоке, сама стремилась закабалить горцев и превратить Кавказ в свою колонию, конечно, используя при этом Турцию. Английский посол в Турции, инатравливая Турцию на Россию, пугал ее, заявляя, что если Россия усилится, «то будет дурно и Англии и Порте»². Посол старался внушить султану, что «война с Россией не опасна»³ и что Турция оружием должна остановить успех русских на востоке⁴. Присоединение к России приморского Дагестана, Баку, Гиляна, Мазандерана и Астрабада вызвало осложнения в отношениях с Турцией, «которую возбуждали против России Англия, Франция и Венеция»⁵.

Турция с помощью англо-французских дипломатов различными кознями и угрозами стремилась к тому, чтобы задушить освободительное движение кавказских горцев. Но тщетными оказались все ее попытки в этом отношении. Горцы, открыто подчеркивая свою ненависть к турецким поработителям, шли на сближение с Россией. Тогда, осуществляя свои захватнические планы на Кавказе, Турция, по подстрекательству Англии, начала открытую интервенцию на Кавказе. Она захватила ряд восточных областей Грузии и Армении и западных уездов Азербайджана, и турецкие полчища приблизились к границам Дагестана. Дауд-бек и Сурхай-хан являлись союзниками турок. Они вместе с турками чинили насилия и грабежи над горцами — сторонниками России, они же вместе с турками истребляли горцев или превращали их в невольников.

Вооруженное нашествие турок на Кавказ, сопровождавшееся страшными жестокостями, встретило упорное сопротивление армянских, грузинских и азербайджанских народов. Эта борьба горцев против турецких интервентов поддерживалась Россией, ее армией, которая в это время находилась в различных районах Кавказа.

Нашествие турок на Кавказ крайне обострило русско-турец-

¹ С. Соловьев, Петр Великий на Каспийском море, стр. 196.

² Там же, стр. 195.

³ Там же, стр. 197.

⁴ Там же, стр. 200.

⁵ История дипломатии. Под редакцией В. П. Потемкина, т. I, Москва. 1941, стр. 271.

¹ Журнал князя Дм. Кантемира о персидском походе. Журнал минист. внур. дел. СПб, 1839, ч. XXXIII, № 1, стр. 21.

² С. Соловьев, Петр Великий на Каспийском море, стр. 196.

³ Там же.

кие отношения. Турки, угрожая войной, требовали от России оставления всех владений на Кавказе.

Однако решительная политика правительства Петра сорвала враждебные России действия Турции. 12 июня 1724 года в Константинополе был подписан русско-турецкий договор, по которому Кавказ оказался поделенным на две части и были определены границы пришедшего в упадок Ирана. Касаясь Дагестана, должен отметить, что Турция при заключении договора сумела выторговать себе южные районы Дагестана, прилегающие к Азербайджану. Опираясь на эти районы, Турция намеревалась продолжать свои провокации в Дагестане. Горцы выступали против этих намерений интервентов. В частности, можно указать, что кюринцы, закатальцы и джарцы не раз выступали против турецких угнетателей. Это только еще больше озлобило турецких оккупантов. Они с еще большим рвением продолжали подстрекать дагестанских феодалов и духовенство к выступлению против России. Против пребывания русских войск в Дагестане Турция сумела восстановить даже кумыкского шамхала Адиль-Гирея, который во время похода Петра проявил свою преданность России и оказал ей большие услуги. Турки толкали шамхала на выступление и не скупилась на обещания, вплоть до присылки вспомогательных войск. Под влиянием турецких провокаций Адиль-Гирей в 1725 году изменил Петру и напал на русскую крепость Святой Крест, заплатившись впоследствии за эту вылазку арестом и ссылкой. По наущению Турции против Петра он вошел в сношения с тарковским шамхалом. Турки явились посредниками между этими давнишними врагами, и «шамхал с уцмием помирились»,¹ и сговорились о совместном выступлении, причем впоследствии уцмий не выполнил своего обещания.

Для нормального развития политических, торговых и культурных связей с Россией в Дагестане требовалось пресечь происки Турции. Многие дагестанские владельцы стали осознавать это, и ввиду их враждебности турецкие оккупанты в Грузии решили закрыть для дагестанцев все выходы за Кавказский хребет, лишив их тем самым продовольственного снабжения. На это горцы ответили нападением «на турков и побили из них более 500 человек, остальных расстреляли и начатую крепость до основания разорили»². Впрочем, в дальнейшем турки сумели подкупить и Сурхай-хана казикумухского и в надежде на то, что им удастся ослабить сопротивление горцев. В 1727 году они возвели Сурхай-хана в достоинство двухбунчужного паши, дали 3 тысячи годового жалования, передали в его владение Кабалу,

¹ «Лист» от дербентского наиба имама-Кули к Петру 23 июня 1723 г. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел, «Сношения России с Персией», д. № 1, л. 14.

² П. Г. Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 88.

а в мае 1728 года, отстранив соперника Сурхай — Дауд-бека, сделали казикумухского владельца ханом шамахинским.

Результаты турецких провокаций и их дальнейшая прямая оккупация Дагестана в начале 30-х годов XVIII века были сведены на нет усилением Ирана при шахе Тахмаспе II.

Со времени Петра никогда не прекращалась опасность порабощения дагестанских горцев Турцией. Горцы в течение тринадцати лет сохраняли свою независимость от Турции, благодаря русским войскам, занимавшим Каспийское побережье. Русские войска не допустили утверждения Турции на Каспийском море. Обострение русско-турецких отношений в этом и в других вопросах привело к войне. В 1735 году вспыхнула война между Россией и Турцией. Готовясь к войне с Турцией на Азово-Черноморском побережье, Россия хотела иметь союзника в лице временно усилившегося в 30-х годах XVIII в. Ирана. 10 марта 1735 года на этой основе между Россией и Ираном был заключен в гор. Гандже договор, по которому Россией были уступлены Ирану все завоеванные Петром земли на Кавказе, Русские войска, согласно ганджинскому договору, оставили Дагестан и отошли за Сулак.

С этого времени Дагестан, оторванный от России, снова подпал под иранский гнет. Он продолжался до 50-х годов XVIII века.

О том, какие преимущества имело российское управление Дагестана по сравнению с иранским господством, говорит отношение народных масс к уходу русских войск и появлению в горах иранских поработителей. Горцы были явно недовольны ганджинским договором. Когда Иран потребовал от них покорности и попытался силой подчинить горцев, они ответили рядом народных восстаний. К сороковым годам эти выступления вылились в мощное противоиранское движение за независимость.

Россия оказывала горцам помощь в борьбе с иранскими захватчиками. Эта помощь выразилась в выделении продовольствия и принятии в подданство. Вся северная Кумыкия находилась под защитой русских войск. В Кизляре и Астрахани было сосредоточено большое количество войск.

Все это действовало ободряюще на горцев, боровшихся за свою свободу и независимость.

2. РУССКО-ДАГЕСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Во второй половине XVIII века происходило дальнейшее сближение кавказских горцев с русским народом и подготовка присоединения Кавказа к России.

В XVIII веке в России спасалось от иноземных завоевателей огромное количество кавказских эмигрантов. Из числа эмигран-

тов-грузин в Москве образовалась целая грузинская колония, организовавшая на новой родине даже типографию для печатания грузинских книг¹.

Многие армяне, спасаясь от гнета иноземных поработителей и бесконечных нашествий врагов, также уезжали в Россию и только в ней видели свое спасение и организовывали в Москве и в других городах армянские эмигрантские колонии. Политическая ориентация на Россию росла и в Азербайджане, и среди народов Северо-Восточного и Северного Кавказа. Со времени восточного похода Петра I под покровительством России находилось большинство владений кумыкских князей, владение уцмий Кайтагского и хана дербентского и ряд дагестанских вольных обществ.

В царствование Екатерины II отношения России с Кавказом еще более расширились. Вверх по Тереку стали учреждаться русские поселения, в которых появились и отдельные группы горцев, возвращенные к христианству и получавшие всяческие льготы в устройстве на новых местах. Россия принимает меры и к укреплению своих военных позиций на юге. На Сулаке намечено было возобновление крепости. В 1763 году учреждены две воинские заставы для пресечения набегов татар со стороны Кубани. В 1764 году основан военный городок Моздок, в который позднее был переведен гарнизонный батальон из Астрахани.

Горячо поддерживая все эти мероприятия, имеретинский царь Соломон I накануне первой русско-турецкой войны уже уверенно обратился к России за помощью в борьбе против турецких захватчиков. В среде армянских колонистов также стала расти идея освобождения Армении из под ига султанской Турции и шахского Ирана и создания с помощью России армянского государства. Екатерина II в 1768 году специальным указом обещала принять армян под свое покровительство.

Турецко-иранские захватчики лихорадочно хватались за все, что только могло противостоять растущему влиянию России на Кавказе и сближению кавказских горцев с русским народом. Политика султанской Турции на Кавказе во второй половине XVIII века становится откровенно агрессивной. В этой агрессии турецкому султану в странах Кавказа удалось найти поддержку у кавказского мусульманского духовенства. Особенно усилилась пропаганда религиозной «священной» войны против России в связи с началом первой русско-турецкой войны.

Несмотря на эти провокации, Турции не удалось втянуть кавказских мусульман в борьбу против России. Это объяснялось тем, что горцы, поработанные турецкими феодалами, и горцы, находившиеся под угрозой турецкой оккупации, в борьбе России с Турцией видели свое освобождение. С самого

начала войны Россия поддерживала непрерывные связи с Закавказьем. В августе 1769 года русские войска вступили в Грузию и действовали против турок вместе с грузинами. Вместе с имеретинцами против турок сражался один из отрядов дагестанцев,¹ а другая партия дагестанцев обратилась к царю Ираклию с просьбой, чтобы они «были допущены в турецкие области для разорений...»².

Как видим, во время первой русско-турецкой войны Кавказ стал новым театром войны для султанской Турции и здесь оказались скованными довольно крупные турецкие силы. Турции только частично удалось здесь ее мюридистские планы. Пользуясь феодальными усобицами, турецкие агенты сумели толкнуть некоторых дагестанских владельцев на разорительные набеги в Грузию.

Захватить весь Кавказ во время первой русско-турецкой войны туркам не удалось. Агрессивная армия султанской Турции на суше и на море была разгромлена русскими войсками, руководимыми талантливыми полководцами П. А. Румянцевым, А. В. Суворовым и адмиралом И. А. Спиридовым.

10 июля 1774 года в деревне Кучук-Кайнарджи был заключен выгодный для России мир с Турцией. По мирному договору Россия получила выход к Черному морю, Кабарда была включена в ее государственные границы и Крым объявлен номинально самостоятельным.

Этот факт произвел самое благоприятное впечатление в умах населения. В одном из документов говорится: «Владельцы малой Кабарды и кумыкского народа этим известием были обрадованы»³.

Успехи России в войне с Турцией (1768—1774 гг.) благоприятно сказались на положении всего Кавказа. Объявление самостоятельности Крыма затруднило вмешательство Турции в северо-кавказские дела, включение Кабарды в состав России открыло последний прямой доступ в Грузию через Дарьяльское ущелье, и в среде кавказских владельцев еще больше усилились издавна назревавшие устремления к сближению с Россией. Фатали-хан—владелец кубинский и дербентский в 1775 году объявил себя сторонником России. В 1777 году в подданство России вступил шамхал Тарковский Муртазали. Вслед за шамхалом к покровительству России обратился хан Мехтулинский. Когда иранский шах Керим-хан, пытавшийся сорвать ориентацию на Россию, подкупил в 1777 году кайтагского уцмий и уговорил его собрать других феодалов Кавказа и вторгнуться в Грузию для восстановления на карталинском престоле удобного Ирану царевича Александра Бакаровича, намерениям шаха воспрепятствовали и Фатали-хан кубинский и дербентский и шамхал Тарковский, и выступление уцмий в Грузию было сорвано.

¹ История Грузии с древнейших времен до начала XIX в., ч. I, под ред. С. Джанашиа. Тбилиси, 1946, стр. 398.

¹ Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 276.

² Там же, стр. 279.

³ АКАК, т. I, стр. 89.

Следует отметить, что это изменение обстановки на Северном Кавказе в значительной мере связано с присоединением к России Крыма. На протяжении нескольких столетий Крым являлся орудием султанской Турции в ее враждебной политике на Кавказе. Крымские ханы по указанию турецкого султана совершали свои разбойничьи набеги и на мусульман Северного Кавказа, и на христиан Закавказья. Из Крыма на Кавказ под видом представителей мусульманского духовенства засылались шпионы и агенты. Включив в 1783 г. Крым в свои владения, Россия решительно ликвидировала этот очаг разбоя и диверсий султанской Турции на Кавказе.

К 80-м годам XVIII века обстановка на Кавказе, как видим, разрядилась и русские силы вплотную подступили уже к Главному Кавказскому хребту. Для того, чтобы развить успех и дальше, России была необходима опора в Закавказье. Решение этой задачи облегчалось желанием самой Грузии быть в союзе и дружбе с Россией.

Решающие шаги в этом направлении сделал царь Ираклий II. 21 декабря 1782 г. он обратился к Екатерине II с просьбой принять кахетинско-карталинское царство под покровительство России. Переговоры привели к подписанию на Северном Кавказе в крепости Георгиевск между Россией и Грузией трактата («дружественный договор» 1783 г.), по которому признавался протекторат России над Грузией. В соответствии с трактатом в ноябре 1784 г. русские войска вступили в Грузию.

Трактат 1784 г. значительно усилил позиции России в Закавказье, и это обстоятельство всполошило правящие круги Турции и Ирана. Событиями на Кавказе встревожены были также Англия и Франция. По их внушению Турция с новой силой развернула свою враждебную деятельность на Кавказе. Надо полагать, что не без участия английских дипломатов в Константинополе был разработан целый план противодействия русскому продвижению на Кавказе и развертывания «священной» войны горцев против России. План этот был пущен в ход на Кавказе накануне второй русско-турецкой войны, и смысл его сводился к тому, чтобы сделать невозможным дальнейшее пребывание русских войск в Закавказье, нанести удар грузинам и вынудить Грузию отказаться от дружественного союза с Россией, а мусульман Кавказа поднять под знаменем ислама и натравить их на религиозную войну, нацеленную против России. В результате осуществления этого плана англо-турецкие провокаторы надеялись вытеснить Россию с Кавказа, а кавказские народы поставить под контроль турецких пашей и их вдохновителей — английских капиталистических колонизаторов.

Приступив к осуществлению этого плана, Турция начала свои действия одновременно и со стороны Закавказья, и со стороны Северного Кавказа. Вся турецкая пропаганда проводилась под завесой ислама. Опираясь на призывы ислама, Турция, «неустан-

но трудилась возбуждать на Грузию дагестанцев и азербайджанцев, не щадя ни денег, ни подарков...»¹.

Потеря Турцией Крыма выдвинула в этот период на первый план Ахалцихский пашалык. Свою диверсионную работу на Кавказе турецкий султан стал проводить через Ахалцих. В Ахалцихе находились и наемные отряды, подкупленных Турцией дагестанских феодалов, которые вместе с турками систематически совершали на восточную Грузию разорительные набеги. Главным организатором этих набегов был ахалцихский паша Сулейман. Он на Кавказ рассылал письма владельцам Азербайджана и Дагестана с призывом выступить войной против России и страшил их тем, что если они останутся в стороне, то русские «поглотят» их «как быстрый летний поток поглощает все, где протечет»².

Положение Грузии, в результате беспрерывных опустошительных набегов со стороны Ахалциха и со стороны Дагестана, было исключительно тяжелым.

Так складывалась обстановка в Закавказье. На Северном Кавказе враждебные России действия Турции также не прекращались. Здесь главный упор был сделан на пропаганду мюридизма³. Всюду от Кабарды до Чечни и Дагестана шныряли турецкие эмиссары, возбуждавшие мусульманский фанатизм. Совместно с местным духовенством они широко проповедовали идеи «объединения» всех мусульман горцев под властью турецкого султана, как, якобы, единственного законного верховного и религиозного главы всех мусульман.

Особенно усилилась активность турецких агентов на Кавказе в связи с подготовкой Турции к новой войне с Россией. В декабре 1784 года уполномоченный российского правительства при царе Ираклии II полковник Бурнашев доносил из Тифлиса об усилившейся деятельности турецких агентов. В начале 1785 г. Фатали-хан сообщил генерал-поручику П. С. Потемкину о прибытии турецкого агента Ибрагима-бека с фирманом от султана к ханам азербайджанским и дагестанским.

Происки турок на Кавказе особенно усилились в конце 1784 и в 1785 гг. Весной 1785 г. турецкий султан, склонив на свою сторону одного из сильнейших владельцев Дагестана Умма-хана аварского, назначил ему «жалование» — 500 турецких пиастров ежегодно и обещал ему при вторжении в Грузию «удовольствовать войска его провиантом и фуражом на четыре месяца»⁴. С помощью Умма-хана Турция наметила обширный план нашествия на Грузию и другие районы Закавказья. На Грузию одновре-

¹ Бутков, Указ. соч., ч. II, стр. 176.

² А. Р. Иоаннисян, Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1947, стр. 164.

³ См. Н. Смирнов, Шейх Мансур и его турецкие вдохновители. Журн. «Вопросы истории», № 10, 1950.

⁴ Бутков, Указ. соч., ч. II, стр. 176.

менно должны были напасть и турки из Ахалциха, и наемные отряды дагестанских феодалов — Али-султана Дженгутаевского, акушинцев, джаро-белоканцев во главе с Умма-ханом. Нашествие на Грузию приурочивалось к началу «священной» войны против России, которую готовили на Северном Кавказе турецкие агенты.

Как только в марте 1785 г. шейх Мансур призвал чеченцев к газавату, аварский Умма-хан с 20 тыс. войском уже стоял у границ Кахетии, а партии ахалцихского паша нахлынули на Карталинню. Умма-хан со своим полчищем кинулся вглубь Грузии, неся с собою смерть и разорение. Антирусское восстание на Северном Кавказе помешало Грузии получить помощь с кавказской линии, и царь Ираклий вынужден был вступить в переговоры с Умма-ханом и заключить мир с обязательством «выплачивать хунзахскому владетелю» ежегодно «жалование» в размере 5.000 рублей¹. С 1785 года аварский хан также получал от шемахинского хана по 500 туманов (т. е. 5 тыс. рублей).

Положение на Кавказе весной 1785 г. обострилось в связи с восстанием чеченцев и ингушей, поднятых турецким эмиссаром шейхом Мансуром, который объявил себя имамом и первый превратил религиозную проповедь «священной» войны против неверных в открытое антинародное выступление против России.

То обстоятельство, что шейх Мансур явился ставленником турок и что мюридистское движение на Северном Кавказе он развязал по заданию Турции, может быть подтверждено многими документами. Известный в Дагестане арабистского толка ученый Абубекир Аймакинский еще в годы восстания Мансура доказывал, что Мансур не обладает никакой религиозной ученостью и святостью и является обманщиком. В одном из обращений Абубекир писал о Мансуре: «Он немец, который не знает ни арабского, ни русского языков... Его проповеди дышат злословием, и я считаю, что те люди одурели, которые мучают себя посещением его»². Другой дагестанский ученый историк Гасан Алкадари в своей книге «Асари-Дагестан», составленной на основании местных источников в 1981 году, писал, что «шейх Мансур был послан турецкой державой в Чеченские и Дагестанские округа, чтобы отсюда склонить и привлечь мусульман к связанному выступлению на войну»³ против России.

О шейхе Мансуре как о турецком агенте было известно и русскому начальству на кавказской линии. Кизлярский комендант Вешняков в своем послании к аксаевским владельцам извещал их в марте 1785 г.: «... по достоверным известиям узнал я, что именуемый имамом ничто иное как только подставленное лицо и» турецкий шпион, который «как видно нарочно для сего возмущения подослан, чтобы через сие могла разорваться тишина и

спокойствие»¹. В другом письме ко всем кумыкским владельцам, старшинам и народу в марте месяце того же года Вешняков писал о Мансуре: «...Слышно, что в Алдинской деревне объявил себя (из самого подлейшего происхождения и будучи прежде пастухом) шейхом; приласкал к себе народ всякими лжевымышленными предсказаниями и делает из него скопище, намеряясь с этой «разбойнической толпой еще и вред российским селениям нанести»².

Как видим, под именем шейха Мансура выступал турецкий эмиссар, который развернул мюридистское движение в интересах захватнической политики Турции на Кавказе и с целью борьбы против России. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители, подняв на Северном Кавказе движение мюридизма, намеревались вовлечь в это движение всех горских владетелей, всю мусульманскую Кабарду, Дагестан, Осетию и другие районы Кавказа.

Но шейх Мансур, как мы видели уже из приведенных документов, не пользовался особенным доверием в Дагестане, а также и в Кабарде и других частях Кавказа. Шейху не удалось полностью вовлечь в свое движение даже пограничные с Чечней кумыкские районы. Из всех кумыкских феодалов к чеченцам примкнул только эндреевский владелец Чупанов. Остальные кумыкские владельцы, начиная с шамхала, упорно продолжали придерживаться русской ориентации. Эндреевские и аксаевские владельцы писали в мае 1785 г. Вишнякову, что они «подвластных своих» будут предупредить, чтобы «к имаму не ездили».

Ежели ж кто вышел из послушания откажигся ехать в алдинскую деревню «таковых наказывать да и соседям подтвердим, чтобы они также от того лжеца отстали...»³.

Готовя свой поход против русских крепостей на Северном Кавказе, шейх Мансур намеривался в первую очередь взять крепость Кизляр и желал, чтобы против России взбунтовались и кумыки. Об этом свидетельствуют аксаевские владельцы Эльдархан Султан-Махмуд, Ахмедхан и Ильяс Каплановы, Адиль Алибеков и Касай Цумиев, писавшие 18 июля бригадиру Вешнякова: «Вашему высокоородию доносим: появившийся в деревне алданский имам уговаривает нас, чтобы мы соединились со своими подвластными с его войском, а если сего не учиним, то он, конечно, не оставит сделать отнять у нас скот и прочее, но на сие его уговаривание мы согласия не делали, а отказали, потому, что мы, как прежде были верными его и. в., так и ныне того опровергнуть не желаем»⁴. В другом письме они писали, что имам прислал к ним нарочных сообщить, что если они от-

¹ Кизлярский комендантский архив. Связка № 284. Центр. Госархив ДАССР, ф. 64 с/175-р, оп. I, ед. хр. I, лл. 110—126.

² Там же.

³ ЦГА ДАССР, ф. 64 с/17-р, оп. I, ед. хр. I, л. 20.

⁴ Там же, л. 27.

¹ История Грузии, стр. 439.

² РФДНИИЯЛ, док. № 29.

³ Гасан Алкадари. Асари Дагестан, стр. 114.

кажутся быть с ним «на злодейство участниками», то он сочтет их «точно за русских» и поступит «по-злодейски»¹. Отказом на призывы шейха Мансура ответили и костековские владельцы. Через их голову имам обратился с посланием к костековскому кадию и всему населению, повелев «всею состоящему в магометанском законе народу не слушать своего владельца». «Ежели только вы соблюдаете закон,— писал шейх Мансур,— непременно выезжайте в понедельник ко мне для учинения российской стороне нападения, а когда не будете, так напоследок уже не гневайтесь, ибо я сочту вас за неприятелей»². Как ни подбивал шейх Мансур кумыков на выступление, они сочли, что в их интересах сохранить свои связи с Россией, а не снова очутиться под угрозой турецкого разбоя. За проповедью мюридизма явно виднелись турецкие козни, и тарковский шамхал Бамат сообщил кизлярскому коменданту: «алдинокому развратнику из моих подвластных хороших людей никто не поехал, да и ехать за силою моих повелений не осмелится...»³.

Такую же позицию заняли ряд других ханов. Они были против того, чтобы их подданные вступали в какие-либо сношения с шейхом Мансуром.

Русские войска, перешедшие в конце 1785 г. в наступление, настолько парализовали движение шейха Мансура, что он не только лишился поддержки чеченцев, своей главной опоры, но не смог даже найти приюта в своем родном ауле Алды. Не спасли его от поражения и срочно прибывшие на помощь турецкие агенты с письмами от султана, с большими деньгами и подарками для подкупа местных владельцев. Шейху Мансору пришлось скитаться по Северному Кавказу и, отказавшись от открытого выступления, тайком собирать силы, готовить к изменению обстановки. Это изменение произошло с началом второй русско-турецкой войны, когда шейх Мансур был вновь призван турками на службу.

С началом войны турецкий султан, не надеясь уже только на шейха Мансура, снова решил обращаться непосредственно к Дагестану и стал посылать в горы послание за посланием и призывал дагестанских владельцев поднять оружие против России. Через Нахичевань и Шушу султан снарядил в Дагестан своего агента и передал с ним 80 тыс. червонцев и 30 халатов, сделанных из парчи и соболей. Умма-хану аварскому из этой суммы предназначалось восемь тысяч червонцев, богатая сабля и соболья шуба⁴. В августе 1787 г. во владение шамхала прибыла новая партия турецких агентов в количестве 60 человек.

Засылка на Кавказ шпионов продолжалась на протяжении всей войны. Так, в июне 1790 г. прибыл в Кабарду турецкий

чиновник с письмом от сераскира Батал-паши, начальствовавшего в Суджукке и Анапе; чиновник этот имел поручение склонить кабардинцев и других кавказских горцев восстать против России¹. В том же году на имя кайтагского уцмья был прислан султаном Селимом III фирман, в котором говорилось, что «в начале весны делаются большие приготовления против москвичей и многочисленные войска со стороны суши и моря двинуться против них... А потому вы, хан, в силу единства вашего с нами в ислализме и чувства любви вашей вере и готовности вашей участвовать в священной войне, должны войти в переписку и сношение с высокочестным моим визирем и муширом Хаджи-Абдула-пашою, валием эрзерумским и трапезундским назначенным главнокомандующим большою армиею, имеющей собраться в Анапе, на Кубани и в Кабарде, и, согласуя с ним свои действия,... устремиться с удобных пунктов на московских гяуров, исполняя тем божию волю относительно войны против неверных»². В другом своем фирмане султан угрожал мусульманскому населению Северного Кавказа разлучением с женами и детьми, если оно останется в стороне от войны «правверных» с «гяурами».

Турецкое правительство после восстания шейха Мансура полагало, что объявление войны России вызовет всеобщее восстание горцев и мусульманские ханы будут стремиться в борьбе с врагами веры «заслужить честь хранителей шариата пророка...»³. Обстановка, сложившаяся ко времени войны на Кавказе, вовсе не была благоприятной, как о ней думали правящие круги Турции. Шейх Мансур — главное орудие турецкой захватнической политики на Кавказе — уже не решался открыто показываться среди горцев и продолжал отсиживаться в глубоком турецком тылу, время от времени присылая призывы к «священной войне». Никакого религиозного фанатизма в связи с войной среди мусульманского населения Кавказа не чувствовалось. В частности, дагестанские владельцы не только не откликнулись на агитацию турецких агентов, но, напротив, в большинстве всячески стремились демонстративно подтвердить свою верность России. Турция не нашла себе союзников и в Закавказье. Здесь, несмотря на то, что русское правительство с начала войны отозвало из Грузии свои войска, престиж России в результате происков турок несколько не уменьшился.

Таким образом, расчеты Турции на то, что мусульманское население Кавказа можно поднять против России под лозунгом религиозной «священной» войны провалились и во время второй русско-турецкой войны.

Ясский мирный договор 1791 года подтвердил новую границу

¹ ЦГА ДАССР, ф. 64 с/175-р, оп. I, ед. хр. I, л. 28.

² Там же, л. 56.

³ Там же, л. 78.

⁴ Бутков, Указ. соч., ч. II, стр. 196.

¹ Грабовский, Указ. соч., стр. 171.

² АКАК, т. II, стр. 1084.

³ Там же.

России по Днестру. Было подтверждено присоединение Крыма и подтверждены владения на Северном Кавказе. Но мирный договор не оградил, однако, народы Кавказа от вмешательства турок в их внутренние дела. Турция и после войны с Россией по-прежнему продолжала засылать на Кавказ своих агентов и с особым рвением продолжала призывать горцев «поднять оружие против России»¹. Турецкий султан, пользуясь политической раздробленностью кавказских стран и межфеодальными усобицами, подкупал отдельных ханов для борьбы со сторонниками русской ориентации на Кавказе. Одновременно турки щедро субсидировали отряды горских феодалов для вторжения в христианское Закавказье. Словом все было обращено против кавказских горцев, стремившихся навсегда освободиться от гнета иноземных поработителей. В замыслах Турции ей усердно помогала Англия, которая поставила целью при помощи турок и персов превратить Кавказ в свой прочный барьер против русского продвижения на юго-востоке.

В 1793 г. через горы из Сухуми в Кабарду дервишем Фрезоглы был привезен фирман султана Сулеймана к «кабардинским и дагестанским владельцам, эфендиям, хаджиям и ко всем обитающим от Черного моря до Дербента магометанским народам»². Султан писал, что по заключении мира с Россией отправлен от него к российскому двору посланник с требованием отказаться от владычества над Крымом и Кабардою, если же Россия не согласится на это, то весной 1794 г. он вновь объявит ей войну³.

Планы Турции расстроились, когда умер тарковский шамхал Баммат и его преемник Магомед-шамхал в 1792 г. вступил в подданство России, а через год его примеру последовал и дербентский хан. Озлобленный этим, турецкий султан Селим III послал в Дагестан фирман, в котором он всячески старался отговорить шамхала и хана дербентского от союза с Россией. «Предписываю сим высочайшим своим фирманом, — писал султан дагестанцам, — объявляю вам, что мир теперь с Россией заключен потому более, что народы магометанского вероисповедания в расстройстве и рассыпаны по разным местам, но и теперь однако ж прочие государи с Россией воюют, и спокойствия в России нет. Потому старайтесь сколько можно быть между собою согласны и не оставляйте присылать сюда нарочных и уведомлять о всех своих надобностях, я же с моей стороны сколько можно стараться буду освободить от России Крым, Кабарду и прочие мусульманские области и селения, потому, что сие меня крайне беспокоит». Далее султан пишет, что с Кавказа вернулся «шпион Чолак-дервиш». Он объявил «о всем подробно, как о ка-

бардинцах, так дагестанцах, что они к России преданы и много преданы и много между ними лукавых и неистовых людей, из коих один шамхал, предавшись России, склонил даже и Дербент на отдачу России и получает за это ежегодно от России большое жалование. Султан предписывает: таких лукавых людей, как шамхал, истреблять или избирать на место шамхала «из рода шамхальского» другого, более достойного»¹. В 1794 г. султан пишет уже дербентскому хану и сообщает, что он собирается «в феврале 1795 г. отправить в Дагестан и Дербент с ханскими реликвиями капиджи-башу, а они были бы готовы с войсками»².

Турецкое подстрекательство не имело успеха. Стремление к дальнейшему сближению с Россией на Кавказе продолжало расти.

Грузинские цари и феодалы заключили между собой военно-политический союз, и в 1793 году его участники обратились к императрице Екатерине II с просьбой о принятии их под покровительство России³. Настойчиво добивалась помощи от России в борьбе против турецко-иранских угнетателей и Армения. Росла русская ориентация в Азербайджане. Хань дербентский, бакинский⁴, талышский, шушинский также искали покровительства у России. Тяготели к России и ряд ханств Дагестана. На Кавказе складывалось единство, стремлением к которому горцы жили все долгие годы борьбы с ирано-турецкими захватчиками и септелями национальной розни.

Турция поставила своей задачей любыми способами воспрепятствовать союзу кавказских горцев с великим русским народом в осуществлении этой цели основные надежды она возлагала опять на пропаганду мюридизма.

Ослабленная после второй турецкой войны Турция уже не могла открыто выступить против русского продвижения. Поэтому на новом этапе главным организатором всяческих провокаций и межнациональной вражды на Кавказе делается Иран. В этот период одному из иранских ханов — Ага-Магомеду Каджары после длительных феодальных усобиц и смут удалось занять шахский престол. Затем англо-французскими дипломатами было спровоцировано нападение Ага-Магомед-хана на Кавказ. Шах, готовясь к вторжению на Кавказ и ликвидации в горах русского влияния, достиг, несмотря на религиозные различия, полного единодушия с султанской Турцией. Накануне вторжения иранских полчищ турецкий султан обратился к владельцам Кабарды и Дагестана с призывом, чтобы они «вошли в сношения с Ага-Магомед-ханом и чтобы они были бы готовы к войне с Россией»⁵.

¹ Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 298.

² Там же, стр. 266.

³ Грабовский. Указ. соч., стр. 177.

¹ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. II, стр. 297.

² Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 299.

³ История Грузии, стр. 442.

⁴ Бутков. Указ. соч., ч. II, стр. 295.

⁵ Там же, стр. 297.

В августе 1795 г. шах Ага-Магомед-хан начал свой опустошительный поход в Закавказье. В конце августа грабительская армия шаха подошла к Шуше и Эривану. В начале сентября Ага-Магомед-хан с 30 тыс. войском вторгся через Ганджу в Грузию. 11 сентября 1795 г. грузины на подступах к Тифлису оказали решительное сопротивление врагу. Силы были, однако, неравные, и врагу удалось вступить в Тифлис, разграбить его и сжечь. Подверглись грабежу и разорению и другие области Грузии.

Над народами Кавказа в этот период нависла страшная опасность полного уничтожения. Находившийся в отсталости феодально-раздробленный Дагестан собственными силами не мог отстоять своей независимости, не мог выйти из состояния внутренних противоречий, в которых он находился к концу XVIII века. Это стало особенно ясным после нашествия на Грузию и когда грабительские шахские полчища стали приближаться к границам Дагестана.

Вот некоторые факты из истории Дагестана.

В середине октября 1795 г. шамхал Тарковский, уцмий кайтагский и султан дженгутаевский держали общий совет против Ага-Магомед-хана и решили противиться иранцам и за помощью обратиться к России. К ним присоединились и другие владельцы. В свою очередь разгром Ага-Магомед-ханом грузинских войск заставил и русское правительство прибегнуть к решительным мерам. От инспектора кавказской линии ген. И. Б. Гудовича в Дагестан прибыл вахмистр Абдулла Садуков. Ознакомившись с положением дел в Дагестане, Садыков 28 октября доносил Гудовичу: «Шамхал и его подвластные весьма смущены взятием Тифлиса и тем, что Грузии не было подано помощи от России. Однако, он, (шамхал — Р. М.) намерен держаться твердо против Ага-Магомед-хана и послал своего сына Мехтия для убеждения прочих дагестанских владельцев к отпору общими силами¹. Садыков узнал, что у шамхала уже заключено соглашение с Хамбутаем казикумухским, с дженгутаевским Али-Султаном и братом его Аджи-Ахмет-ханом, что они послали нарочных к Умму-хану аварскому, приглашая и его присоединиться к ним. Садыков сообщал, что за неделю до его приезда шейх Али-хан дербентский прислал в Тарки нарочного с приглашением присоединиться к посольству, отправляемому ими к Ага-Магомед-хану. Шамхал отказался. Союзники, сообщал Садыков, «весьма желают прибытия русского войска и надеются, что было бы очень полезно занять Дербент, Баку и Гилян²».

Дагестанские ханы, сколачивая свой союз против Ага-Магомед-хана, обратились за помощью к командующему русскими войсками на Кавказе; ген. Гудович в конце ноября письмом из Георг

гиевска подтвердил Магомед-шамхалу, что союзники не будут оставлены без помощи. В своем всеподданнейшем донесении Гудович 5 декабря писал, что «шамхал, усму Хаибулат и прочие ханы согласились противиться соединенными силами Ага-Магомед-хану и просят о подкреплении их русским войском. Шейх Алихан ненадежен¹».

19 декабря в Дагестан был направлен собранный командующим Гудовичем отряд генерал-майора Савельева. К нему присоединился шамхал Мехти. Уцмий Алибек подтвердил данную им присягу на подданство, табасаранский кади Рустем, акушинский кади и Али-Султан дженгутаевский обязались дать отпор Ага-Магомед-хану. Только дербентский владетель шейх Али-хан заявил, что будет противиться вступлению русских войск в его владения, и заперся в крепости. Для действий в таких условиях отряд Савельева был признан слишком малочисленным. Екатерина II еще в январе 1796 г., соглашаясь с мнением Гудовича о необходимости наказать Шейх-Али-хана и Ага-Магомед-хана, признала нужным составить отдельный самостоятельный отряд для экспедиции в Иран². Начата была подготовка к этой экспедиции. Начальствование было возложено на генерал-поручика гр. В. А. Зубова.

В указаниях Зубову говорилось, что «Россия не может терпеть далее такого положения дел» — «жестокое правление Ага-Магомед-хана, его явная неприязнь к России, безмерное властолюбие, завоевание Азербайджана, вступление в Карабаг, разорение и дальнейшие предприятия в Дагестане громко вызывают к поднятию оружия; этого требует и защита собственных пределов, освобождение угнетенных народов и восстановление в самой Персии спокойствия и порядка, с которыми откроется для России богатый торг не только при берегах моря Каопийского, но и внутри пределов персидских областей»³.

18 апреля 1796 г. 30-тысячная экспедиция графа В. А. Зубова двинулась из Кизляра по направлению к Дербенту.

Русская армия переправилась через Сулак и прошла по Дагестану при полной поддержке его ханов. 10 мая, сломив сопротивление шейха Али-хана, русские войска заняли Дербент. Когда русская армия вступила в пределы Азербайджана, Ага-Магомед-хан покинул Закавказье.

Смерть Екатерины II помешала дальнейшему продвижению русских войск. Новый император Павел в 1797 г. отменил поход Зубова в Закавказье и отозвал русские войска из Азербайджана и Дагестана.

Несмотря на то, что продвижение русских войск на Кавказ

¹ Бутков. Указ. соч., ч. III, стр. 263

² Там же.

¹ Бутков. Указ. соч., ч. III, стр. 263.

² Н. Дубровин. Поход графа Зубова в Персию, стр. 218.

³ Бутков. Указ. соч., ч. III, стр. 275.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА XVIII И НАЧАЛА XIX ВВ.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДАГЕСТАНСКИХ ХАНСТВ И ВОЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ

Специфику феодального общества Дагестана XVIII и начала XIX вв. нельзя правильно понять без учета особенностей в развитии дагестанских народностей и этнических групп. Несмотря на то, что развитие народностей и этнических групп Дагестана происходило по общим законам исторического развития, в развитии каждой из народностей, каждой этнической группы имелись и сходные друг с другом особенности и своеобразие. Это своеобразие наблюдалось в экономике, в быту, культуре и в общественном устройстве.

Совершенно невозможно также характеризовать социальную и политическую историю Дагестана пользуясь только историческими материалами одного какого-нибудь из ханств. Аварское и казикумукское ханства, по нашему мнению, дают один тип феодального княжества, а шамхальство Тарковское — другой тип княжества. Уцмийство и майсумство дают третий тип феодального княжества. Добавим ко всему этому, что в рассматриваемое время в Дагестане имелись районы, где господствовало скотоводческое хозяйство, в которых первобытные отношения оставались более живучими, чем в остальных частях Дагестана. При этом мы учитываем и сам процесс образования в Дагестане ханств. Известно, например, что начало формирования некоторых ханств (в Аварии, Кайтаге, Дербенте и др.) относится к периоду средневековья, а другие ханства (мехтулинское, сиухское, кюринское и др.) возникли гораздо позднее. На ход образования дагестанских ханств влияли частые вторжения иноземных захватчиков на Кавказ. В VI—XVIII вв. большинство народностей и этнических групп Дагестана испытали на себе господство восточных и азиатских завоевателей. Во время вторжения захватчиков в ряде районов Дагестана уничтожались сло-

было приостановлено, русский поход 1796 г. сыграл свою роль. Под страхом столкновения с русскими войсками Ага-Магомедхан прекратил свой опустошительный поход на Кавказ и возвратился в Иран. С вступлением русских войск в Дагестан и Азербайджан резко изменилась политическая обстановка и на всем Кавказе. Кавказские владетели один за другим стали обращаться к России с просьбой о покровительстве и защите от иранского шаха. России покорились ханства дербентское, кюринское, бакинское, кубинское, ширванское и талышское. Идея присоединения к России нашла в кавказских странах самую благоприятную почву. Только этим можно объяснить появление на Кавказе русских войск через два года после их вывода. В конце ноября 1799 г. русская армия под командованием генерала Лазарева вступила в Грузию. Россия прочной ногой стала на Кавказе. Захватническая политика султанской Турции и шахского Ирана на Кавказе потерпела провал. В 1801 г. к России была присоединена восточная Грузия. Вслед затем была присоединена и западная Грузия. Многовековое стремление грузинского народа к утверждению союза и дружбы с Россией успешно завершилось.

Присоединение Грузии к России отразилось на положении всего остального Кавказа. В начале XIX в. вслед за Грузией к России были присоединены ряд ханств восточного Закавказья и северо-восточного Кавказа.

Присоединение к России было для народов Кавказа единственно возможным и исторически необходимым актом на пути их дальнейшего прогрессивного развития.

жившиеся на местах политические образования и устанавливались новые порядки, вводились налоги, ранее неизвестные в Дагестане.

К. Маркс и Ф. Энгельс указывают, что «достаточно простых случайностей, вроде вторжений варварских народов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну с развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать все сначала»¹. За длинный исторический путь своего существования Дагестан не раз был доведен «до необходимости начинать все сначала», что не могло не сказаться на развитии дагестанского народа.

При характеристике социальной и политической истории Дагестана необходимо также учесть, что большинство дагестанских ханств как феодальные владения возникли не на почве предшествующего развития рабства, а на базе разложения сельской общины. Следовательно, в основных районах Дагестана формирование феодальных отношений происходило на базе экспроприации общинных земель, превращения свободного общинника в феодально-зависимого крестьянина и уничтожения остатков общинных организаций. Процесс этот однако в Дагестане проходил медленно и вызвал острую классовую борьбу в горах.

К началу XIX в. Дагестан состоял из двадцати четырех соперничавших друг с другом полунезависимых ханств и более шестидесяти вольных обществ.

Для исследователя весьма важно их территориальное размещение. Так, например, в плоскостном, приморском Дагестане, где в основном жили кумыки, имелись следующие восемь феодальных владений: шахмальство Тарковское, княжества: Буйцакское, Эндреевское, Аксаевское, Костековское, Эрпелинское, Карабудахкентское, Казанищенское.

Источники и литература приписывают шамхалу Тарковскому главенство над кумыкскими феодальными владениями, другими ханствами и вольными обществами Дагестана. Это не соответствует действительности. О нем можно сказать, что он был некогда номинальной главой в системе кумыкских феодальных владений. В рассматриваемое же время шамхал это право уже утратил и не выполнял функций общегосударственного характера на всей территории Кумыкии. Положение шамхала определялось тем, что он являлся влиятельным князем не только в Кумыкии, но и среди остальных дагестанских ханств.

По уровню социально-экономического развития кумыкские феодальные княжества значительно опережали другие феодальные владения Дагестана.

В южном Дагестане имелись следующие одиннадцать феодальных владений: ханства Дербентское, Кюрийское, Курахское, Какинское и Рутульское, майсумство Табасаранское, владения

кадия табасаранского, султанство Елисуйское и Утамышское, уцмийство Кайтагское.

Социально-политический строй южнодагестанских ханств значительно отличался от строя кумыкских феодальных княжеств.

Взять к примеру, находившийся по соседству с кумыкскими княжествами Нижний Кайтаг, составлявший владения самого крупного кайтагского землевладельца — уцмия. Он известен как часть территории уцмийства, населенная исключительно раятами т. е. крепостными. Имелся еще и Верхний Кайтаг, который не знал еще в полной мере феодальных порядков. Несмотря на это, кайтагские феодалы имели свое влияние и на эту часть Кайтага.

Примерно такое же положение, как и в Кайтаге наблюдалось и в соседнем Табасаране. Нижний Табасаран принадлежал феодальному владельцу майсуму и свободные уздени здесь были редким явлением. Верхний Табасаран продолжал оставаться вольным, но к началу XIX века общинные отношения здесь уже разрушались и начался процесс феодализации.

В южном Дагестане, помимо перечисленных ханств, имелись еще шесть бекств: Целегюнское, Иопикское, Зухрабкентское, Кара-Кюрийское, Микрахское, Гапцахское. Правовое положение крестьян в этих владениях во многом напоминало то, что наблюдалось в ханствах Азербайджана. В Дербентском ханстве все население считалось крепостным и находилось под гнетом местных феодалов и иранских захватчиков.

В среднем и центральном Дагестане наиболее крупными феодальными владениями были Аварское, Мехтулинское и Казикумухское ханства. Кроме них, имелись еще небольшие ханства: Сиухское и Гочатлинское.

Аварское ханство, не особенно значительное по размеру территории, оказывало большое влияние на окружающие вольные общества. Политические отношения здесь облеклись в ряде случаев в патриархальную форму и содействовали укреплению деспотической власти аварского хана над массой крестьянского населения. Важным источником ханских доходов была продуктовая рента, получаемая с зависимых крестьян, и разбойные набеги на Закавказье.

Владения Казикумухского хана были самыми крупными по пастбищным и пахотным землям и по обширности стад скота. Число зависимых от хана крестьян непрерывно увеличивалось за счет населения захваченных и присоединенных к казикумухскому владению даргинских, лезгинских, аварских и табасаранских земель. В первой четверти XVIII в. хан казикумухский одновременно являлся и ханом ширванским. Войны и завоевания, которые вели лакские феодалы, составляли значительный источник поступлений в ханскую казну.

Уровень развития феодальных отношений в ханствах Дагеста-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 45.

на был неодинаков. Различными были также формы и методы эксплуатации зависимого населения. В одном случае крестьяне в ханстве формально не были закрепощены на земле феодалов, в других ханствах крепостничество стало повсеместным явлением и крестьяне не имели права переходить от одного феодала к другому.

Феодальный гнет в Дагестане усиливался гнетом духовным. Мусульманское духовенство не только не несло каких-либо повинностей перед феодалами, но само облагало верующих разными поборами: то в пользу мечети, то на содержание духовных школ и «святых», и входило в число крупнейших барановодов и помещиков, заставлявших узденей и раятов обрабатывать свои земли. Мусульманское духовенство в Дагестане составляло особую привилегированную касту, жившую, как и феодалы, за счет угнетения народных масс и по своим антинародным устремлениям целиком ориентировавшуюся на ненавистных трудящимся восточных завоевателей.

Дагестанские ханства не были объединены в единую систему под главенством одного хана. Очень слабыми были между ними и экономические связи. Не было тогда в Дагестане общей таможенной политики. Каждый хан проводил свою таможенную политику по своему усмотрению. Политические взаимоотношения между ханствами Дагестана строились на основе заключения договоров или адатов. Адатами, заключенными между ханствами, определялись границы ханства, порядок решения спорных вопросов из-за территории, время перегона скота и условия пользования пастбищами. Адаты, заключенные в виде соглашения, также предусматривали борьбу с лицами, совершившими преступления против ханов и беков, возвращение беглых рабов к своим прежним владельцам и общую линию внешней политики и взаимной помощи друг другу.

Однако мирное состояние между ханствами продолжалось недолго. В тревожной обстановке в тогдашнем Дагестане очень часто происходили перегруппировки ханств. А это в свою очередь вело к разрушению старых отношений и складыванию новых отношений между ханствами.

По данным майора Сереброва, к концу XVIII века феодальное владение шамхала Тарковского Муртазали составляли 12 тыс. дворов, уцмий Кайтагского Адиль-хана — 25 тыс. дворов. Аварского Уммы-хана — 30 тыс. дворов, хана Буттая Казикумухского — 15 тыс. дворов, майсума Табасаранского — 7 тыс. дворов, кадия Табасаранского — 10 тыс. дворов и султана Дженгутаевского — 3750 дворов¹. В общее количество дворов, несомненно, входило все население, включая и свободных узденей и феодально-зависимых крестьян.

¹ Краткое историческое описание северной и южной частей Дагестанской Персии, составленное майором Серебровым в 1796 году. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18472, л. л. 1—61.

К первой четверти XIX в. в Дагестане, в районах, где жили в основном лезгины, даргины, мелкие аварские этнические группы, агулы, арчины и рутулы, господствовали полупфеодальные — полупатриархальные отношения. Эти народности и этнические группы были объединены в свою политическую организацию, известную под названием «вольное общество».

Вольные общества на территории Дагестана группировались по этническому признаку примерно следующим образом.

А. АВАРСКИЕ ВОЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА

1. Глурутли.	15. Багулял.	28. Тлебель.
2. Хиндалал.	16. Технуцал.	29. Ухнада.
3. Анди.	17. Тинди.	30. Кель.
4. Бакагли.	18. Хварши.	31. Тлен.
5. Таш.	19. Чамалал.	32. Гид.
6. Капучи.	20. Андалал.	33. Кукал.
7. Кос.	21. Томо.	34. Тлепсерух.
8. Анцук.	22. Тум.	35. Мукратль.
9. Дидо-Асахо.	23. Унцул-Тох.	36. Джар.
10. Дидо-Шуратль.	24. Гунаад.	37. Белакан.
11. Дидо-Шиитль.	25. Анц-Росо.	38. Катехи.
12. Карата.	26. Ахвах.	39. Тала.
13. Ункратль.	27. Богнада.	40. Джиник.
14. Карах.		41. Мухах.

Б. ДАРГИНСКИЕ ВОЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА

1. Акушинское.	6. Урахинское
2. Цудахарское.	7. Мекегинское.
3. Усишинское.	8. Каба-Даргинское.
4. Мугинское.	9. Вуркун-Даргинское.
5. Сюргинское.	

В. КЮРИНСКИЕ ВОЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА

1. Ахгыпаринское.	7. Магал Кабирский.
2. Докузпаринское.	8. Магал Курахский.
3. Алтыпаринское.	9. Магал Картос.
4. Магал Кутуркюринский.	10. Магал Гаджейский.
5. Магал Чилейский.	11. Магал Стал Чмле.
6. Магал Ахмарлинский.	

Г. ТАБАСАРАНСКИЕ ВОЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА

1. Сев. Табасаран — вольный магал Курих.
2. Сев. Табасаран — вольный магал Чуркул.
3. Сев. Табасаран — вольный магал Хирах.

Д. АГУЛЬСКИЕ ВОЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА

1. Магал Агулькочанский.
2. Магал Рачейский (Рича).

Е. РУТУЛЬСКИЕ ВОЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА

1. Рутульское общество.
2. Ихрекский магал.

Основной социальной ячейкой на территории вольных обществ были джамаат со свободным уздемом. В дагестанском джамаате, т. е. сельской общине, пахотные земли и отчасти луга уже превратились в частную собственность, а леса, выгоны, пастбищные горы и воды остались в общем пользовании и владении всех свободных членов общины. Внутри джамаата уздени объединялись не кровнородственными узами, а хозяйственными, общественными связями. Но в джамаате было еще много пережитков старой родовой организации, и это объяснялось тем, что сам джамаат представлял собой пестрый конгломерат малых и больших семей, известных в Дагестане под названием «тухумов» или «кьибиллов» — у аварцев. Дагестанские тухумы внутри джамаата отличались друг от друга не только своей численностью, но и уровнем благосостояния. Некоторые тухумы, накопив богатства, собрали в своих руках большие стада скота и присвоили лучшие пастбищные земли. Все это создавало условия неравенства между тухумами и вело к разложению дагестанской общины.

Отдельные джамааты в Дагестане объединялись в союзы, известные по русским источникам под названием дагестанских вольных обществ. Среди союзов-джамаатов были такие, которые держали в подчинении ряд соседних общин.

Между вольными обществами и между джамаатами в Дагестане часто происходили столкновения, главным поводом для которых служили нарушения границ земель и пастбищ. С другой стороны, пастбища, служившие для отдельных джамаатов поводом для ссор и отчуждений, были для других джамаатов средством спайки, сближения. Это было в случаях совместного владения одной какой-либо пастбищной горой. Средством регулирования ссор между джамаатами и установления мира служила, как правило, система заложников — аманатов, которые держались в плену до тех пор, пока возникшая тяжба не оказывалась урегулированной. В ряде джамаатов, там, где укреплялось право собственности, на сцену выступает «ишкиль», по которому у ответчика до разрешения спора насильно брался какой-либо залог.

В вольных обществах Дагестана к началу XIX в. начинался уже процесс разложения дофеодальных отношений, наблюдаются отчетливые признаки зарождения классовых отношений. К этому времени во многих вольных обществах на смену коллективным формам собственности на первый план выступает частная собственность, в дагестанских джамаатах в большем чем раньше количестве появляются рабы, захваченные во время набегов и войн. Их уже не только продают после пленения, но и заставляют работать по хозяйству. В Джаро-Белоканских и Рутульских джамаатах на основе разложения общин также шел интенсивный процесс выделения привилегированных сословий и складывания феодальных отношений.

Некоторые тухумы у лезгин имели свои родовые башни и во многих местах (например, в Хиве), можно было видеть еще сле-

ды «вечевого» строя в виде постоянных мест народных собраний и каменных плит — кафедр в священных для джамаатов местах¹.

Магалы, составлявшие вольный Табасаран, имел свое особое правление и собирались каждой весной, часто по 2—3 раза в год, в местности Джагал для решения важных вопросов. В таких сходах участвовал «весь народ, так что из каждого семейства обязан быть на оном один человек непременно, в противном случае небывающие подвергаются штрафу, который обращается в пользу общества, и собрание сие бывает по предмету независимости, всеобщего согласия и управления, все дела и советы решаются в оном с общего согласия, каждый имеет право делать предложения и опровергать оные. Виночники наказываемы почти теми же обычаями, как и при майсумах, но сильные фамилии имеют преимущество перед слабыми»².

Наличие рабов, имущественное неравенство между членами тухума и целый ряд актов, направленных в защиту собственности отдельных семей делали дагестанские джамааты совершенно не похожими друг на друга. Джамааты и их союзы находились на грани новых социальных и экономических преобразований. Дагестанская община, как и всякая другая, «возможна, лишь пока имущественные различия между ее членами ничтожны. Как только эти различия усиливаются, как только некоторые ее члены становятся должниками — рабами других, более богатых членов, — так ее дальнейшее существование невозможно»³.

Такова общая картина, наблюдавшаяся в тех частях Дагестана, где уцелели джамааты, т. е. сельские общины, представлявшие «собой необходимую фазу развития свободных народов...»⁴.

Таким образом, к началу XIX в. Дагестан был раздроблен на ханства и вольные общества. Производительные силы и производственные отношения были более совершенными в феодальных ханствах, чем в вольных обществах.

Отсталый общественно-экономический строй наложил свой отпечаток на культуру и быт Дагестана. В этой стране не было никаких светских школ. Не было литературы на родном языке. Горцы были неграмотны и жили при всеобщей патриархально-феодальных законов и дикого обычая кровной мести.

Жизнь горцев в Дагестане была тяжела. Их угнетали правители-деспоты из патриархально-феодальной знати, они жили в страшной бедности. После одного из посещений Аварии командир Моздокского казачьего полка подполк. Скалон писал, что

¹ Описание южного Дагестана. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18503, л. 6.

² Владение Табасаран. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18503, л.л. 5—6.

³ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. 1947, стр. 149.

⁴ Там же, стр. 73.

«повсюду видна нищета» и «невежество». «Я невидывал бедней земли и народа ханства Аварского»¹. Это в полной мере можно отнести к остальному Дагестану.

Колоссальную хозяйственную разруху и небывалый упадок производительных сил в сельском хозяйстве пережил Дагестан в 1710—1747 гг. — в период борьбы с иранскими захватчиками. Наступила длительная полоса голода и обнищания дагестанского крестьянства.

Политический строй в Дагестане характеризовался полным отсутствием каких-либо тенденций государственной централизации. Каждый феодальный владелец, каждый предводитель вольного общества и общины действовали, не считаясь со своими соседями. Ближайшим следствием этого было в высшей степени развитое соперничество между феодалами и предводителями вольных обществ. Турки и персы пользовались этим и разжигали вражду и войны между горцами, всячески препятствовали объединительной политике, поощряли раздробленность. Политическая обстановка Дагестана, осажденного с разных сторон претендовавшими на него Турцией и Ираном, за спиной которых стояла Англия, характеризовалась непрерывными междоусобицами и войнами. Это подметил еще участник персидского похода Зубова историк Броневский, писавший: «Российская история во время удельных княжеств есть живое изображение нынешнего политического существования Дагестана»².

В этот период территория Дагестана входила в состав шахского Ирана. Власть иранских феодалов распространялась на дербентское ханство, султанство Елисуйское, на лезгин и табасаранцев, на уцмиство Кайтагское, шамхальство Тарковское и джаро-белоканцев. Ряд народностей и этнических групп центрального Дагестана не признавали владычества иранского шаха, но султанская Турция влияла на них через своих союзников и агентов из феодалов и мусульманского духовенства.

При таком строе дагестанские горцы были унижены, подвержены всяким невзгодам.

Внешняя опасность, нависшая над рядом народностей и этнических групп, облегчала подчинение вольных обществ ханствам. Таким путем были поработаны казикумухским и аварским ханами ряд вольных обществ южного и нагорного Дагестана. Раздробленный политически, отсталый и экономически и культурно, Дагестан не мог самостоятельно отстаивать свою независимость от иноземных захватчиков и неизбежно должен был стать легкой добычей шахского Ирана или султанской Турции.

2. НАСЕЛЕНИЕ И ЕГО ЗАНЯТИЕ

Русские ученые еще в XVI—XVIII вв. отмечали сложные природные условия Дагестана по его рельефу, климату и растительному покрову;

В описании южного Дагестана, составленном русскими топографами в 1796 году, говорится:

«Первая полоса отраслей сих занимает над самим Кавказским снеговым хребтом высокие каменистые и бесплодные горы и составляет по народному наречению горный или настоящий Дагестан, она хотя и неспособна к хлебопашеству и состоит в суровом климате, однако же по крепкому и почти неприступному ее местоположению обывателями довольно населена.

Вторая полоса отраслей сих представляет по высоким не столь каменистым и бесплодным горам голую плоскость, по провинциальному яйлак называемую, изобилующую кормом, травами и кореньями лекарственными и красильными и доставляющую жителям вообще в жарах убежище, а скоту их изобильное пропитание.

Третья полоса отраслей сих простирается по средним или так называемым черным горам и покрыта дремучим лесом, включая в оном по местам пахотным и сенокосным полям.

Четвертая полоса отраслей сих занимает предгорье — самую прекраснейшую часть южного Дагестана, которая вообще хлебопашеству весьма способна и изобилует плодами древесными и огородными, имея лесов соразмерно с полями (пахотными землями).

Пятая полоса отраслей сих заключает всю плоскость отлогую покатою к Каспийскому морю уничтожающуюся»¹.

Дагестан состоит из бесконечного лабиринта горных цепей, пиков, ущелий. Он разделен глубокими ущельями и плоскогорьями с недоступными горными вершинами. Здесь на 4150 метров над уровнем моря тянется Богосский массив с вечными снегами и ледниками. На юге Дагестана, у аула Куруш — самого высокого поселения в Европе, возвышается Базар-Дюзи (4484 м), затем следуют горы Диклос-Мта (4275 м), Шахдаг (4255 м), Шалбуздаг (4150 м). Дагестан прорезывается реками, берущими свое начало на склонах Главного Кавказского Хребта: Казии-Кумухское Койсу и Кара-Койсу, Аварское и Андийское Койсу, образующие Сулак, и на юге — Самур.

¹ Описание южного Дагестана, владений Дербентского, Кубинского, Ахтынского, Рутульского, Хамутая и Табасарана, сделанное во время снятия земли на карту Кавказского гренадерского полка секунд-майором Федотом Симоновичем, с помощью Черноморского гренадерского батальона майора Аверьяна Сереброва по знаемости его как тех мест, так и языков национальных обитающим там жителям в 1796 году по распоряжению оберквартирмейстера и кавалера подполковника Федора Лена. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, лл. 1—47.

¹ Материалы по истории Дагестана и Чечни, стр. 128.

² С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, Москва. 1823, стр. 451.

«Смотря на этот хаос каменных громад, — писал акад. Дубровин, — нигде непокрытых зеленью, почти не верится, чтобы и тут могли жить люди и пользоваться даже богатыми угодьями»¹. Между тем, на этой «каменной громаде» люди не только жили издавна, но и создавали свою самобытную материальную и духовную культуру.

Чем труднодоступнее горы Дагестана, тем разнообразнее оказывается в них население. Путешественники и исследователи, посетившие Дагестан в XVII—XVIII веках, свидетельствуют, что в каждой котловине и ущельи здесь жило особое племя и что каждое общество и аул имели свое наречие, а некоторые аулы говорили языком совершенно самостоятельным, непонятным для соседей. Это не выдумка досужих путешественников. Достаточно напомнить, что после присоединения Дагестана к России в горном Дагестане существовали селение Индук, состоявшее из 30 семейств и селение Арчи в 170 дворов, в каждом из которых жители говорили на особом языке, понятном только этим аулам.

Сложность этнических условий станет особенно наглядной, если напомнить, что в Дагестане насчитывается свыше тридцати языков и наречий коренного населения страны².

Все население Дагестана, с точки зрения его географического размещения, образует две массивные группы: плоскостную и горную. Горная группа в результате неравномерного социально-экономического развития исторически разделилась в свою очередь на две части. В итоге сложились три группы населения, размещенные в трех, отличных одна от другой, зонах Дагестана.

В первой зоне, начинающейся на востоке у слияния горных рек в Сулак и ограниченной с запада Андийским хребтом, а с юга частью Главного Кавказского Хребта, сосредоточилось население, состоявшее из 14 народностей и этнических групп (аварцы, андийцы, каратинцы, ахвахи, багулалы, идеры, чамалалы, хуаны, цезы (или дидойцы), капучинцы, гунзалы, ботлихцы, лаки (или казикумухи) и арчины). Во вторую зону (средний и южный Дагестан) входили: дарпины, кайтаги, кубачинцы, табасараны, кюринцы, рутулы, агулы и цахуры. К третьей зоне относились: кумыки, ногайцы, горские евреи.

Разнообразен был Дагестан и в хозяйственном отношении. В экономике Дагестана переплетались различные социальные уклады. В этих условиях о каком-то широком размахе развития народного хозяйства в Дагестане и о разделении труда в нем нам говорить не приходится. Тем не менее известное хозяйственное различие между отдельными его частями имелось.

В чем заключались эти различия в хозяйстве Дагестана? Они

¹ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. т. I, кн. I, СПб, 1871, стр. 16.

² См. Е. А. Бакаров. Краткие сведения о языках Дагестана. Махачкала. 1949.

заключались в известном разграничении земледельческих районов и скотоводческих и в особом положении ремесленных центров.

Вся территория, населенная кумыками, южными кайтагами, теркеменцами, табасаранами, и лезгинские районы, расположенные к югу от Дербента, считались наиболее благоприятной для земледелия. Земля здесь служила основным средством и условием производства.

«Страна сия, — пишет Д. Белл, побывавший в Дагестане в начале XVIII века во время каспийского похода Петра I, — вообще исполнена гор, между коими некоторые чрезвычайно суть высоки, но впрочем довольно много находится в оной плодородных полей, производящих жито, виноград и свойственные климату плоды»¹.

Благоприятные условия для земледелия имелись и в Кайтаге. Кайтаки на равнинной части имели обширные плодородные земли². Жители дербентской земли сеяли «всякого рода хлеб, хлопчатую бумагу, шафран, упражняются также в шелководстве и в копании дикой марены...»³. Наряду с этим Дербент славился «плодами древесными и огородными, как-то: виноградом, гранатами, миндалями, орехами, яблоками, грушами, дынями, арбузами и разных родов фруктами»⁴.

Таким образом в предгорной и прибрежной полосе Дагестана основой хозяйственной жизни народов было земледелие, а скотоводство здесь играло подсобную роль.

В среднем, западном и нагорном Дагестане население существовало преимущественно скотоводством. Тот же англичанин Белл отмечает в своем дневнике, что здесь «водятся преизрядные лошади и множество скота, шерсть их овец столько хороша, что я такие нигде не видывал»⁵.

Такова вторая отрасль хозяйства горцев Дагестана.

Третьей отраслью являлось ремесленное производство. Районы его распространения не отличались четкостью. Ремесленные производственные очаги то и дело вкрапливались в земледельческие и скотоводческие районы, занимая немалый удельный вес в экономике страны. В целом же для экономики Дагестана XVIII века характерны две ведущих отрасли хозяйства: земледелие и скотоводство. При этом для районов, где было развито земледелие специфично в основном феодальные отношения и для районов, где ведущей отраслью было скотоводство классовые отношения еще недоразвились и переплетались с патриархально-общинными или не определялись в достаточной степени.

Это, конечно, не значит, что в горах не занимались земледелием. Напротив, пахотной землей горец дорожил больше всего.

¹ Белл. Указ. соч., ч. 3, стр. 179.

² Гербер И. Г. Указ. сочинение, стр. 107.

³ Броневский С. Указ. соч., стр. 340.

⁴ Владения Табасарана. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18503, л. 3.

⁵ Белл Д. Указ. соч., стр. 179—180.

Но сеять хлеб в горах можно было только на узких полосах, в низменностях, ущельях и долинах рек. Скалистая природа не позволяла горцу иметь более или менее сносные земельные участки, если не считать горных террас, построенных в результате долгого изнурительного труда. Поэтому горцы стремились использовать каждый малейший клочок земли. В Аварии, используя эту возможность, как и в других частях Дагестана, сеяли лук и чеснок. На подобных террасах в районах с более мягким климатом (Гергебиль, Ботлих, Гимры, Тлох, Хаджал-Махи, Цудахар, Гоцатль, Хиниб, Заиб, Харачи, Орота) развивалось и садоводство.

Таким образом основой экономической жизни населения Дагестана в XVIII и начале XIX вв., как и в предшествующее время, оставалось сельское хозяйство и в первую очередь земледелие и скотоводство.

Земледелием занимались во всех без исключения районах Дагестана. Но наиболее благоприятными для развития земледелия являлись районы приморского, прибрежного, предгорного Дагестана. На плоскости, где земля считалась плодородной, среди зерновых культур ведущее место занимали пшеница, ячмень, просо, кукуруза. Здесь же в значительном количестве разводили древесные и огородные культуры. В горных районах высевался «магар» (местный сорт пшеницы).

Если исключить некоторые плоскостные районы, применявшие более передовой способ обработки земли, то в остальных районах Дагестана земля обрабатывалась самым отсталым способом. Для подавляющей части сельского населения основным земледельческим орудием продолжала оставаться соха «пуруц» (у аваров), «дурац» (у даргин) с ушами на пяте. На плоскости, наряду с сохой применялся тяжелый деревянный плуг («сабан»). Твердой системы земледелия для всего Дагестана не было. В одних районах земля получала передышку на год — два, а в других районах земля ежегодно засеивалась.

В горах своего хлеба не хватало. В отношении хлеба население горных районов в значительной степени зависело от плоскостных районов. Политическая история Дагестана XVIII в. характеризуется непрекращающимися феодальными войнами и частыми вторжениями иноземных насильников. Во время феодальных смут и вторжения чужеземцев нарушались нормальные сообщения внутри страны, прекращался подвоз хлеба в горные районы. От всего этого в первую очередь страдала основная масса горского населения. Надо полагать, что голодовки были в то время нередкими явлениями в горных районах Дагестана.

Отставало в своем развитии не только земледелие, но и скотоводство. Население оседлое, занимавшееся разведением скота, обычно летом скот оставляло в горах, а на зиму перегоняло в приморские районы. В то же время эта часть населения занималась и земледелием, и садоводством, и огородничеством. Другая

часть населения, обитавшая в прикаспийских степях — ногайцы, теркемейцы, в южном Дагестане — рутулы, агулы, цахуры, лезгины, в высокогорном Дагестане — анцухцы, капучины, дилойцы и др. все еще продолжали вести кочевое скотоводство. Население указанных районов с осени вместе со скотом уходило в места откочевки и возвращалось только на летние месяцы. Кочевой быт сохранял пережитки родового строя.

В Дагестане развился крупный и мелкий рогатый скот. В горных районах преимущественно было распространено овцеводство. Этот вид хозяйства населению давал мясо, сыр, масло, молоко, шерсть, козсырье и т. п. Продукцию животноводства горцы отдавали в обмен на хлеб. И все же горское население никогда не достигало полного удовлетворения всех своих материальных потребностей за счет продукции животноводческого хозяйства. Как правило, основная масса населения, занимавшаяся скотоводством, постоянно находилась в нужде. Объяснялось это рядом причин. К их числу относились: во-первых, примитивная организация скотоводческого хозяйства (начиная от системы кормления и содержания до системы кочевки и перегона скота); во-вторых, низкая продуктивность рогатого скота. Дагестанские овцы в массе своей были грубошерстными, давали небольшой настриг шерсти и имели незначительный приплод. Коровы в горах были малорослые и малоудойные; в-третьих, отсутствие достаточного количества зимних пастбищ. Дело в том, что в горах население животноводством занималось не потому, что там имелись блестящие для этого условия. Верно то, что здесь местами имелись хорошие луга и прекрасные летние пастбища для скота. Примерно пять месяцев скот в горах содержался в достаточно хороших условиях кормления. Но с другой стороны, для содержания в зимних условиях скот надо было перегонять на плоскость, на кутаны, которые находились на расстоянии от 100 до 200 км. Зимних пастбищ у населения горного Дагестана не было. Надо было их арендовать за плату у крупных землевладельцев плоскогорья Дагестана, Азербайджана и Грузии.

Развивать животноводческое хозяйство в более или менее широких размерах в тогдешнем Дагестане было невозможно не только в силу наличия указанных выше причин, мешавших развитию скотоводства. Частые войны внутри страны, иноземное господство и набеги турецко-татаро-иранских полчищ губительно сказывались на приросте скота. В момент борьбы горских феодалов между собою уже невозможно было с гор свободно перегонять скот на зимние пастбища. Пользуясь феодальной враждой, отдельные шайки грабителей угоняли скот целыми стадами. Так же поступали ирано-турецкие захватчики во время своего вторжения в Дагестан.

В силу того, что сельское хозяйство было малопродуктивным и не в состоянии было удовлетворить насущные нужды горцев, они искали дополнительные средства существования. Именно

потому часть горцев шла в наем в войска феодалов, часть предавалась набегам на соседние области, и часть посвящала себя дополнительным неземледельческим занятиям. Во всяком случае в XVIII веке мы отмечаем в Дагестане высокое развитие мелкого производства. В изучаемое время в Дагестане сосуществовали все три наиболее простые и примитивные формы промышленно-сти, обусловленные ростом производительных сил.

В. И. Ленин подчеркивал, что «докапиталистическая деревня представляла из себя (с экономической стороны) сеть мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких производителей, раздробленных и своим обособленным хозяйничаньем, и массой средневековых перегоронок между ними, и остатками средневековой зависимости»¹.

Это указание Ленина полностью можно отнести к Дагестану XVIII века.

Дагестанский аул жил обособленно, замкнуто, своими интересами не только потому, что это соответствовало той ступени общественно-экономического развития, на которой находилась страна, но и потому, что это поощрялось исторически-сложившейся пестротой социального, языкового и этнического облика края. Эта сторона дает себя чувствовать не только при рассмотрении вопроса о мелком производстве в Дагестане, но и всех других вопросов социального и экономического развития.

С одной стороны, мелкая промышленность в Дагестане, не отделяясь от земледелия и скотоводства, сохранила свой домашний характер, всецело была поглощена удовлетворением внутриаульных потребностей самого горца или феодальных хозяйств, которые обслуживал горец. Эти наиболее простые и примитивные формы домашних промыслов, составлявшие необходимую принадлежность натурального хозяйства имели самое широкое распространение в горах.

С другой стороны, в горах были и обособленные ремесленные центры, где ремесленники полностью или частично оторвались от земли и заняты были производством продуктов и изделий не только для собственного потребления, но и по заказу потребителя. Это было следующей формой соединения промысла и земледелия, о которой Ленин писал: «Патриархальное земледелие соединяется с промыслом в виде ремесла».

Эта форма соединения стоит еще очень близко к предыдущей, отличаясь лишь тем, что здесь появляется товарное обращение — в том случае, когда ремесленник получает плату деньгами и появляется на рынке для закупки орудий, сырья и проч.²

На третьей стадии развития мелкой промышленности ремесленник делается товаропроизводителем. Он появляется на рынке

со своими изделиями-товарами, связи товаропроизводителей выходят далеко за пределы местных рынков.

В дагестанских ханствах и вольных обществах производились не все хозяйственные и бытовые изделия. Посредством торговли товарное производство снабжало феодалов теми изделиями, которых не было в данном ханстве. Конкретный случай этого снабжения приводится в письме аварского Умма-хана к кубачинцу Гаджи-Ауда. В письме говорится: «Я тебе послал 70 туманов с подателем сего письма Гасан Эфенди и моим рабом Иса. Ты купи на эти деньги в первую очередь полное вооружение на шесть человек со всеми принадлежностями. Оружие и принадлежности должны быть отделаны серебром и другими украшениями, как принято у вас. На оставшиеся деньги купи шали (шерстяные материалы) или же купи одну самую лучшую шаль и чтобы она превосходила шаль, которую ты раньше мне купил. Просьба к тебе также отделать золотом посылаемый тебе пистолет. Кроме того в пистолет вставь новый чакмак и кундаг. Расходы оплатить из тех денег, которые я тебе прислал»¹.

Товарное производство обслуживало также вольные общества посредством товарного обмена.

На этой базе выделились специализированные аулы, такие, как Кубачи, Амузги, Харбук, Сулевкент, Балхар, Карата, Ботлих, Кумух, Акуша, Казанищи и ряд населенных пунктов в южном Дагестане. В ряде мест развивалась кустарная добыча железа и меди, а также нефти, шедшей на военно-хозяйственные нужды края. Особенно высокого развития в это время достигло кузнечное, оружейное, медное и серебряное дело.

Среди специализированных ремесленных центров широко славились Кубачи. Искусные мастера кубачинцы делали превосходные панцыри, сабли и ружья². В том же ауле изготовляли великолепные сукна и шали. Очень искусно делали они работу из золота и серебра. По словам Гербера, кубачинцы для защиты своей земли отлили из меди несколько пушек³. Кроме того, они делали «турецкие и персидские серебряные деньги, начали также и рублевники делать, которые для полной их цены и весу везде ходят»⁴.

Широкая популярность аула Кубачи и его изделий побудили в 1782 году Моравских братьев из Сарепты побывать в Дагестане в поисках своих родственных связей с кубачинцами и для установления их происхождения. Моравские братья собрали полезные известия о кубачинцах, но не нашли для себя ничего общего с ними. В документе, оставленном ими, говорится: «Все жители, жены их и дети обоего пола, достигшие десятилетнего возраста,

¹ Из историко-этнографических сведений об аварах, собранных мною в разное время.

² Лерх. Указ. соч., стр. 74.

³ Гербер. Указ. соч., стр. 47.

⁴ Там же, стр. 48.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 331.

² Там же, стр. 329.

суть ремесленники: мужчины занимаются деланием панцирей, ружей, пистолетов, кинжалов, ножей, конских и оружейных уборов, женских поясов из золота и серебра: на серебре наводят золотую, а на железе — золотую и серебряную насечки и чернь, в чем помогают им малолетние их дети и даже самые жены их, но они последние преимущественно упражняются в тканье холста и узких сукон, известных под именем шалей, почитаемых в горах за самые лучшие»¹.

Кубачинское ремесло достигло такого развития, что продукция его расходилась по всему Закавказью, Ирану и Турции.

Дворянин Лопухин, посланный на Кавказ со специальной целью, произвел следующие записи в своем журнале о кубачинцах: «В горах есть один город, именуемый Кубачи. Жители в нем люди мастеровые, торговые и ни с кем ссоры не имеют и они никого не слушают, живут сами собой, а управителей из своей братьи имеют погодно, ремесло у них такое — делают много хорошего ружья мелкого... и пушки льют. Они же имеют у себя немалое довольство шерсти, из которой сукна делают сами и по их мастерству не худо делают...»².

Второе место после кубачинцев занимали казикумухские золотокузнецы. Казикумухи были также искусны в серебряных, железных и медных изделиях. В их искусстве гравировки и в орнаментах имелись оригинальные особенности.

В выделке клинков для сабель и кинжалов по всему Дагестану славились амузгины, харбуки, гимринцы и казанищенцы.

Широко известны были своими металлическими и деревянными изделиями с своеобразной насечкой унцукульцы и араканцы.

В аулах Балхар и Сулевкент сосредоточено было производство гончарной посуды, а в аулах Куяда, Корода и Голотль — изготовление разной деревянной утвари домашнего обихода.

В Акушах делались сукна, которые развозились по всему Дагестану. Салтинцы отличались выделкой кожи, андийцы изготовляли бурки, заслужившие превосходную оценку на всем Кавказе, в селениях Карата и Багулял выделывались мягкие азиатские сукна, в Табасаране — ковры и паласы.

Разнообразие типов ремесел и их своеобразие достаточно ярко свидетельствуют об изобретательности, проявленной горцами в борьбе с нуждой.

Развитие хозяйства и ремесла вело к расширению торговой деятельности горцев. Торговыми пунктами в Дагестане являлись: Дербент, Тарки, Кубачи, Аксай, Эндрей-аул, Кумух, Акуша, Цудахар, Хунзах, Салты, Кадар.

К XVIII веку Дербент был городом с 10-тысячным населением.

¹ Цит. по указ. соч. Броневского, ч. II, стр. 327—328.

² Запись в журнале дворянина Лопухина А. И., посланного из Шемахи в Москву. ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Сношения России с Персией». 1718 г. № I, л. 28.

Здесь имелся монетный двор, 450 лавок, 15 мечетей, 6 караван-сараев, 30 шелковых фабрик, 50 разных мастерских лавок¹. Это был центр торговли юга и севера Кавказа. «Провинция Гилянская и город Шемаха снабжают Дербент разными бумажными и шелковыми материями» и «отсюда туда много возится шафрану»². Отсюда же в Астрахань и Кизляр отправлялись шелк-сырец, марена и другие товары. В урожайный год марены вывозились в начале XIX в. до 6 тысяч пудов и шелка вместе с шафраном до 2 тысяч пудов ежегодно. Из Астрахани и Кизляра привозились в Дербент сукна, красильные материалы, сахар, шелковые, бумажные и холщевые товары иностранных и российских фабрик, писчая бумага, железные и медные изделия³.

Через Дербент велась торговля с нагорным Дагестаном. С гор поступали шерстяные бурки, сукна, коровье масло, мед, свежие, сушеные плоды и другие съестные припасы.

Широко развита была в Дербенте торговля невольниками. Путешественник Стрейс, в XVII веке сам побывавший в Дербенте на положении невольника, сообщает, что дербентцы ведут крупную торговлю, отличаются «в купле и продаже невольников, которых доставляют сюда» из глубинных мест Дагестана «для перепродажи через персов в другие места»⁴.

Об этом же свидетельствует посланник в Персию Волфский А. П. Он говорит, что 26 апреля 1718 г. в Дербент «прибыло несколько лезгинцев с полоном, которых побрали в здешних деревнях и здешним же продавали, и которых безденежно отбирать не могли, но кому здешним господам потребно было, то покупали за деньги (что здесь часто бывает), что свои подданные своих пленят и паки своим же продают»⁵.

В работорговле не уступал Дербенту и аул Тарки — резиденция шамхала Тарковского. Кумыки вели торговлю с Ираном и Россией. Здесь жило много армянских купцов. В их руках находилась вся торговля на кумыкской плоскости.

О размерах дагестанской и ширванской торговли с Россией можно судить по следующим данным о вывозе и ввозе товаров через Кизляр и Астрахань. В 1807 г. было вывезено разных товаров из Дагестана и Ширвана в Кизляр на 181.564 руб. и в Астрахань на 1.073.390 руб. и ввезено российских товаров из указанных пунктов на сумму 636 тыс руб.⁶.

Каратинцы, анцухцы и дидойцы торговали в Тифлисе.

Оживленная торговля с жителями нагорного и среднего Да-

¹ Броневский. Указ. соч., стр. 339.

² Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств естеств., ч. III, половина 1-я, Петербург, 1785, стр. 21.

³ Описание Сев. Дагестана, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, л. 91.

⁴ Стрейс. Указ. соч., стр. 236.

⁵ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. «Сношения России с Персией», д. № 3, 1716—1718, л. 381.

⁶ Броневский. Указ. соч., ч. II, стр. 454—457.

гестана велась в Кубачах. Показания беглой пленной армянки Перехозы Арахеловой, данные 18 августа 1722 года, свидетельствуют о работорговле также в Кубачах.

«Я была взята в полон, токмо в молитинской земле от Сурхая и по взятии в полон продана я от Саркая Кубичу за пятнадцать рублей и подержав он Кубич здесь продал меня в Тарки шамхальского везера жене Мисей, взял он двадцать рублей. И девка взята в полон от шамхальских людей от тарковского жителя Мимасен Дечика в прошлом году и вышеописанной архирейской деревни и я и девка жила у вышеписанных хозяев в Тарках до сего времени»¹.

Развито было в ущийстве Каракайтагском производство и продажа в Дербенте марены, а иногда ее доставляли и в Кизляр. Да и вообще вся торговля южного Дагестана шла через Дербент. Так, табасаранцы в город Дербент сбывали паласы, ковры, также баранов, масло, сыр и мед, взамен из Дербента получали соль и ткани, а из Кубачей огнестрельное и холодное оружие. В Шемахе, по свидетельству Волинского, лезгины вели широкую торговлю и имели там даже свой «особливый каравансарай, который и называется лезгинским, где они со своими караванами останавливаются с товарами»². Торговля эта производилась большею частью меною. Собственных денег табасаранцы и другие народности Дагестана не имели³.

Дальнейшее развитие товарного производства в Дагестане связано было с расширением торговли, появлением специалистов торговцев-скупщиков. Замкнутый характер сельского хозяйства, скотоводство и ремесло, при господстве отсталых патриархально-феодалных отношений, не давали простора для развития внутреннего и внешнего рынка в Дагестане. Рынком сбыта изделий служил мелкий сельский базар и в лучшем случае районный базар. Деятельность ремесленника и торговца, как правило, особенно в ханских владениях, замыкалась рамками своего аула и ближайших деревень. Некоторый простор в торговой деятельности имели районы, близкие к приморским городам. В нагорном Дагестане сохранялась меновая торговля.

Из сказанного можно заключить, что одни народности Дагестана этого времени занимались земледелием, а другие — скотоводством. У населения плоскостной части Дагестана ведущей отраслью хозяйства являлось земледелие, у народностей горного Дагестана — скотоводство. Развитие же горного скотоводческого хозяйства находилось в прямой зависимости от земледельческих районов плоскости, и уровень развития обоих отраслей хозяйства обуславливал дальнейшее развитие производительных сил страны.

¹ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел, «Сношения России с Персией», д. 24 за 1722 г., л. 12 и об.

² Г. Зевакин. Азербайджан в начале XVIII века. Баку, 1929, стр. 15.

³ Владение Табасаран. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18503, лл. 1—10, стр. 7.

Среди скотоводческого населения горного Дагестана было, с одной стороны, вполне оседлое население и, с другой — население с кочевым бытом. Население первой группы, хотя и занималось скотоводством, но не кочевало вместе со скотом, а было издавна привязано к определенной территории и занималось одновременно земледелием. Население второй группы было занято исключительно скотоводством — этим единственным источником существования. Вместе со скотом оно кочевало зимой за пределы Кавказского хребта и Каспийской равнины и только летом проживало в самом Дагестане.

Дагестан, состоявший из множества ханств и вольных обществ, оставался экономически раздробленным с мизерным производством земледельческих и животноводческих продуктов. В ряде районов Дагестана наблюдалась относительная застойность в развитии хозяйства. Большое влияние на хозяйственное развитие Дагестана оказывали различные формы феодальной и общинной собственности на землю и связанные с ними отсталые отношения в аулах, облеченные в первобытные формы, порожденные полупатриархальным, полуфеодалным бытом.

Дагестанские горцы, разбитые на большое количество полугосударств и этнических групп, не жили общей экономической жизнью и были политически разобщены между собой.

Для Дагестана XVIII век характеризуется тем, что в области экономики и социальных отношений происходят известные сдвиги. Самым существенным явлением в экономической жизни Дагестана явилось развитие товарно-денежных отношений (преимущественно на плоскости), а также рост общественного разделения труда (развитие ремесла) и торговли. Эти изменения были вызваны развитием производительных сил внутри страны и усилением связей Дагестана с окружающими его странами. Устанавливаются связи между Россией и Дагестаном с конца XVII века и продолжают существовать на протяжении всего XVIII века. Был и такой период в истории народов Дагестана, когда они вошли в состав России (с 1722 по 1735 годы) и были в той или иной степени втянуты в общероссийские экономические связи.

Немалое значение в хозяйственной жизни имел провоз товаров транзитом через Дагестан. Товары шли из России в Закавказье и Иран. Каспийское море превращалось в удобное средство сообщения с востоком. В 1723 г. Петр учредил в Астрахани специальное «торгующее в Персии купечество»¹, которое и просуществовало до 1762 г. Сенатским указом 1724 г. Дагестану было разрешено «отпускать из России»² сибирское железо, свинец и порох. Петр обратил внимание на минеральные источники близ реки Сулака. Он поручил обследовать эти источники доктору Шоберу.

¹ Бутков. Указ. соч., ч. I, стр. 147.

² Там же, стр. 148.

После изгнания иранских захватчиков, между Россией и Дагестаном вновь стали развиваться политические и торговые отношения. В 1762 г. вышел указ об освобождении от пошлин товаров, ввозимых «от горских народов», а в 1765 г. был издан указ, согласно которому кумыки не платили пошлин ни при продаже собственных произведений и скота, ни при покупке товаров в Кизляре¹. По свидетельству Чулкова, в 1765 г. в Кизляр привозились из Дагестана самые разнообразные товары: ковры, паласы, сафьяны, хлопчатая бумага, платки, одеяла, гончарная посуда, кружева, женские головные украшения, чадры, шапки, шубы, марена, воск, груши и яблоки разных сортов, журага, гранаты, айва. Кроме того, медь, вино, рыбные изделия вплоть до икры².

Во второй четверти XVIII в. значительно возросла потребность в кубачинских и других ремесленных изделиях. В этот же период несомненно усилился сбыт шерсти и кожсырья. Встал вопрос о расширении производства вина из дагестанского винограда. Рыночные связи в самом Дагестане стали гораздо шире. Дагестанских торговых людей можно было видеть не только в пограничных по Тереку районах, но и в Астрахани. В свою очередь русские торговые люди вели оживленную торговлю в Аксае, Тарках и Дербенте.

Под воздействием более передовых общественно-экономических отношений рушилась натуральная основа хозяйства. Особенно это заметно было в прибрежной полосе Дагестана.

Далеко не безразлично относились дагестанские феодалы к хозяйственным изменениям в жизни горского населения. Они стремились соответственно приспособиться к новым хозяйственным изменениям. Дагестанские феодалы приспосабливались к новым экономическим отношениям путем увеличения своих доходов, взимаемых с крестьян. Достигалось это прежде всего с помощью расширения земельных владений и дальнейшего закрепощения крестьян. Рост же ханско-бекского землевладения прежде всего сопровождался резким уменьшением узденских крестьянских земель. В наиболее сильной степени уменьшение узденских земель коснулось кумыкских феодальных владений, уцмийства кайтагского, Табасарана и ханства Дербентского.

Меняется характер повинностей. Наряду с натуральными приношениями поощряется также крестьянская барщина. Все это в конечном итоге привело к усилению феодальной эксплуатации крестьян и обострению классовых противоречий.

С другой стороны, в XVIII в. до крайних пределов обострились отношения между дагестанскими вольными обществами и

¹ М. А. Полиевктов. Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIII в. Россией Прикаспийских областей Кавказа. Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. IV, Тифлис, 1937. стр. 265.

² Бугков. Указ. соч., ч. I, стр. 354—355.

ханствами. Хань и беки, экономически и политически окрепшие, повели наступление на земельные права и вольность общинников.

Непосредственным же следствием этого явились важные изменения, происшедшие в патриархально-феодальной экономике и классовой структуре Дагестана в XVIII и начале XIX веках.

3. О ФЕОДАЛЬНОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ В ДАГЕСТАНЕ И ОБ ОСНОВНОЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЙ СИЛЕ В ХАНСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ

Основа производственных отношений, какой бы это ни была общественный строй, характеризуется наличием определенной формы собственности на средства производства. Однако, как мы указывали, в дореволюционной литературе вопрос об экономической основе дагестанских ханств толковался извращенно.

В пространной записке директор канцелярии наместника Кавказа П. Петерсон писал: «Обращаясь к Дагестанской области, необходимо, прежде всего, отметить, что во всем этом крае повинности поселян носят **неземельный** характер даже там, где они отбываются произведениями земли»¹. Основанием для отбывания повинностей, по мнению Петерсона, являлась «не земля», а «рабочая сила»².

В другой записке говорится, что «общая черта всех этих повинностей была так, что, выражаясь, главным образом, или в земельных продуктах, или в натуральном труде, они не имели прямого соотношения ни с имущественной самостоятельностью отдельной семьи плательщика, ни с ее земельной обеспеченностью, ни даже с трудностями ее. Как бы различно не было количество земли у отдельных поселян, они все вносили свои повинности бекам в одинаковом размере. Повинность уплачивалась поселяне, и не имевшие в своем пользовании земель...» В основе этих повинностей, таким образом, лежала определенная идея, что «один класс, как правящий областью, вправе облагать в свою пользу остальную часть населения. А эта последняя, как податный класс, обязана платить эти повинности... Таким образом, у ханов и бексов не было ни одного признака прав собственности на землю, состоящую у поселян: ни права владения, ни пользования, ни распоряжения»³.

¹ О прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам и о главных основаниях поземельного устройства населения Дагестанской области и Закатальского округа. РФДНИИЯЛ, д. № 11, стр. 47.

² Там же.

³ Земельный вопрос Дагестана в кратком изложении. РФДНИИЯЛ, д. № 52, л. 3—4 и 6.

Кто был юридическим и фактическим владельцем земель в Дагестане, какие виды земельной собственности господствовали в горах, что явилось основанием для отбывания повинностей — земельный надел, предоставляемый феодалом горцам, или же «рабочая сила», как об этом утверждали авторы дореволюционной литературы, — все эти вопросы до сих пор не разрешены. Между тем, не ответив на эти вопросы, невозможно представить более или менее правдивую картину общественно-экономического строя Дагестана.

Ключом к изучению всех этих вопросов должны служить четкие указания классиков марксизма-ленинизма о земельной собственности, как основе феодальных отношений.

Пользуясь указаниями классиков марксизма-ленинизма мы знаем, что в основе феодального способа производства лежит собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, т. е. крепостного крестьянина. Основным средством производства при феодализме является земля, составляющая собственность феодалов и распадающаяся на землю барскую и крестьянскую.

Выглядели ли феодальные отношения в Дагестане именно так, или же имелись свои особенности, несколько отличные от общеизвестных черт, свойственных феодальному строю?

Анализ сложившихся к этому времени во владениях дагестанских ханов поземельных и правовых отношений приводит нас к выводу, что здесь имелись все основные черты, свойственные феодальному способу производства в его разных стадиях развития. Весь вопрос заключается в том, были ли это отношения такими, какие мы встречаем в России и Западной Европе, или имелись свои специфические, свойственные Дагестану, особенности.

Именно в своеобразии организации ханского хозяйства, в особой форме присвоения феодалами прибавочного труда зависимых от них крестьян и вытекающей из нее специфичности феодальной эксплуатации и крылся весь секрет господствующих в дагестанских ханствах производственных отношений.

Феодальная собственность на землю являлась основой феодализма и в Дагестане. Владения дагестанских ханов включали землю, служившие основой хозяйственного развития страны. Горские феодалы были обладателями летних и зимних пастбищ — этих основных источников развития скотоводческого хозяйства, а кумыкские, кайтагские, дербентские, табасаранские феодалы являлись собственниками земли, пригодной как для скотоводства, так и для земледелия.

В аятах об отношениях теркемейских райатов к своим бекам сказано: «Вся теркемейская земля со стоящими на ней лесом, кустарником, камышом и водою, есть собственность Бека. Райат не может промолвить слова или жаловаться на большинство

и на малость находящейся в пользовании его земли, а в обоих случаях должен быть доволен тем, что имеет»¹.

Последний кадий северного Табасарана Исмаил-бек, в своих показаниях данных кавказскому командованию по поводу его прав и прав беков над поселянами, говорит: «Все обработанные и необработанные земли, лежавшие в окружениях моих и подведомственных мне беков деревень, принадлежат обществам оных, с коих мы ежегодно собираем доходы с пшеницы, фруктов и всякого рода посевов, но количество сих доходов не определено и не ограничено, которое зависит от положения урожая»².

Из сказанного выходит, что кадии и беки Табасарана имели свои вотчины и поместья, населенные райатами — крепостными и зависимыми узденями, и, кроме того, имелись и общинники, которые не были крепостными. Земля их не принадлежала кадию, но они платили определенную дань правителям.

В приведенном показании кадия северного Табасарана Исмаил-бека говорится о двух видах землевладения: вотчинном и общинном. Это не характерно для остальных дагестанских ханств. В большинстве ханств имелись следующие виды землевладения: 1. Ханские земли. Земли эти принадлежали феодальному княжеству в лице хана. 2. Бекские земли. Земли эти принадлежали беку, как частному лицу — вотчиннику. 3. Условные или военные земли (земли, отдававшиеся ханам в качестве лена и бенефиций); 4. Мечетские земли (земли вакф); 5. Общественные земли и 6. Мюльки, т. е. индивидуальные земли, принадлежащие узденям, а иногда и феодально-зависимым крестьянам.

Феодальное владение одного из крупнейших дагестанских феодалов шамхала Тарковского состояло из трех видов земель. К первому виду относились земли, принадлежавшие сельским общинам, которые должны были платить шамхалу ренту и нести различные повинности. Ко второму виду относились земли, которые принадлежали шамхалу, но находились в наследственном пользовании крестьянства, платившего ренту и несшего повинности за это пользование. К третьему виду относились земли, находившиеся в исключительном пользовании самого шамхала³ — то, что в России называлось боярской пашней.

Выше говорилось о лене и бенефиции. Лен⁴, как особая форма феодальной собственности, для исследователей истории Дагестана представляет исключительный интерес. Следует признать, что нам в этом вопросе не все еще ясно. Неясным является,

¹ Комиссия для окончания сословно-поземельных дел. ЦГА Грузинской ССР, д. № 12, лл. 13—18.

² Справка к законопроекту о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкалевладельцам. № 2131. РФДНИИИЯЛ, д. № 154.

³ Шамхалы Тарковские. ССКП, вып. I, стр. 77—78.

⁴ Термин «лен» равнозначен дагестанскому термину «назру», по назру ханам отводились земли в пожизненное и во временное пользование.

например, с чем было связано возникновение ленных отношений в дагестанских ханствах. В то же время, говоря о лене (т. е. назру в Дагестане) мы не можем не обратить внимания на то, что ленные отношения в ханствах далеко не совпадали с теми ленными отношениями, которые наблюдались в Западной Европе в эпоху феодализма. На западе феодал-землевладелец отдавал вассалу земли на определенных условиях. Условная дача в жалование земель практиковалась и в России. В дагестанских ханствах же в роли своеобразного «вассала» выступает не одно лицо, а целый коллектив, т. е. сельская община и иногда вольное общество. При ленной системе внутри ханства хан жаловал землей отдельные узденские джамааты, сохранившие свое общинное устройство и самостоятельность населения. Таких джамаатов в ханствах было много. Например, население Тануси аварского ханства за пользование ханским пастбищем несло службу хану путем очередного выделения из состава своего населения нукеров. Другие узденские джамааты, если они не несли феодальных повинностей, за полученную землю должны были участвовать в войнах и набегах хана.

Ленные отношения распространялись и за пределы ханства. Аварский и казикумухский ханы имели пастбищные земли на территории ряда вольных обществ. Часть этих земель ханы использовали в качестве средств для получения ренты от населения вольного общества, а другую часть отдавали вольному обществу. Вторая часть пастбищных земель находилась в условном пользовании. В частности, такими ленными землями в одно время являлись андийские летние пастбища. В начале хан их отдавал тем же андийцам за службу, а потом за эти же земли андийцы вынуждены были нести повинности. На таких же правах, как и андийцы, ханскими пастбищными землями пользовались и унцукельцы. В «Записке об обследовании Аварского ханства экспедицией для приведения населения в подданство» говорится, что гидатлинцы, карахцы и другие вольные общества не являлись подданными хана, но имели «издревле обязанность по требованиям хана доставлять войска на собственном их продовольствии»¹. Ясно, что сама по себе такая обязанность между вольными обществами и ханом не могла сложиться. Несомненно, в основе этих отношений лежали мотивы не столько политического направления, сколько экономического.

Мы считаем, что выделение (т. е. пожалование) ханом земель отдельным джамаатам и вольным обществам являлось важным этапом в развитии феодальной собственности и феодальной власти в Аварии. В обстановке политической раздробленности Дагестана, опираясь на свою дружину из нукеров и на ленные отношения с вольными обществами, ханы расширяли свои земельные владения, сокращали своих политических противников и

¹ ЦАВП. МИД. 1—9. 1818, № 7, л. 39.

осуществляли эксплуатацию различных слоев крестьянского населения внутри ханств и частично за пределами ханства. Конечно, когда речь шла об эксплуатации населения за пределами ханства, тут хан сталкивался с сопротивлением со стороны нарождавшегося класса крупных землевладельцев вольных обществ. В то же время нельзя смешивать земли, находившиеся по ленному праву в распоряжении отдельного вольного общества или джамаата, с землями, находившимися во владении феодала-бека по тому же ленному праву. Шамхалы и ханы мехтулинские для обеспечения своих родственников-беков и др. в материальном отношении давали им свободные земельные участки (кутаны и ятаги) и населенные земли, с которых беки могли получать доходы¹.

Бенефиций предшествовал лену в Дагестане. До выхода в свет работ Павлова-Сильванского по истории феодализма в России² было принято говорить о бенефиции, как о черте, присущей только Западной Европе в эпоху раннего средневековья. По нашему мнению бенефиций был распространен и в Дагестане. В литературе об этом нет сведений потому, что этот вопрос еще в достаточной степени не изучен. Мы располагаем множеством фактов, подтверждающих нахождение на придворной, военной и административной службе при хане узденей. Уздени служили у хана, бека, конечно, не ради военной славы или приобретения почета. Они за свою службу получали земли, т. е., иначе говоря, они получали бенефиций, как это наблюдалось в Западной Европе. В условное земельное держание уздень мог получить как пахотные, так и пастбищные земли. В последующем условная форма земельного держания переходила в пожизненное пользование узденей. На этой базе закладывалась основа небольших феодальных владений в разных частях Аварии. Таким феодалам, выделившимся путем получения земли от хана, в ауле Коло был Килич³. В Тануси жили очень влиятельные семьи, получившие от хана пахотные земли и сенокосные участки. Некоторые из них имели собственные хутора. В Ахалчи на основе бенефиций собственниками земли стали люди, именовавшиеся «гитимами». В самом Хунзахе три узденских тухума (маджарилал, дайтилал, угъзилал) пользовались особым почетом в ханской столице. Все они через бенефиций были соединены со своим непосредственным сюзереном.

В Кумыкских феодальных княжествах лен и бенефиций фигурировали под словом назру. В Кумыкские земли дарились по

¹ Пояснительная записка к проекту положения о поземельном устройстве поселян Дагестанской области, водворенных на землях лиц высшего мусульманского сословия, а также находящихся в зависимости от беков и обществ. ЦГА. Даг. ССР, ф. 2, д. 813, л. 5—15.

² Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси. Москва, 1923; его же. Иммуниет в удельной Руси. СПб. 1900.

³ История села Коло. Составил Селихов. Рукопись.

пазру «на вечные времена» или во временное пользование. Кумыкские князья дарили земли по назру сала-узденям, эмчекам (молочным братьям), аталыкам (воспитателям своих детей) и прочим лицам¹. В Кумыкских княжествах условное владение землей продолжало иметь место и в середине XIX в. Кумыкские феодалы за службу награждали землей и нукеров².

Развитие новой формы земельной собственности в ханствах сопровождалось дальнейшим запрещением новой категории крестьян.

Рядом с этими новыми видами феодальной собственности, как было указано, существовал еще мюльк. По всем своим признакам этот вид собственности напоминает встречаемую при феодализме в странах Западной Европы **крестьянскую аллодиальную земельную собственность**. В отличие от других стран земельные владения типа аллода в Дагестане образовались не путем получения крестьянином аллода непосредственно из сельской общины. Сперва собственником земли выступают община и тухум. Мюльк (аллод) в нагорном Дагестане образовался из земель, полученных крестьянином в наследственное владение из тумуха, т. е. семейной общины.

Мы согласны с проф. И. П. Петрушевским³ в его оценке терминологического значения слова мюльк. В Дагестане, как и в Азербайджане, этим термином, наряду с крестьянской наследственной собственностью обозначались ханские земли, земли беков и других феодалов, общинное владение и всякое недвижимое имущество.

Теперь перейдем к вопросу об основной производительной силе в ханских хозяйствах и развитии крепостнических отношений в Дагестане.

На примере истории России мы знаем, что основную производительную силу феодальных хозяйств составляли зависимые крестьяне, прикрепленные к земле и сидевшие на своих наделах. И получение феодальной ренты возможно было лишь в том случае, если обрабатываемая земля находилась в распоряжении непосредственного производителя.

В. И. Ленин в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» дал исчерпывающую характеристику организации феодального хозяйства и с исключительной ясностью показал сущность экономических отношений помещиков и крестьян в России при крепостном праве. «Крестьян наделяли тогда землей поме-

щики,— писал В. И. Ленин. Иногда они ссужали крестьянам и другие средства производства, например, лес, скот и т. п.»¹.

Насколько нам удалось выяснить, в истории Аварского, Казикумухского ханств не было сплошного наделения феодалами крестьян землей. Земельная собственность ханов, да и других была ограничена потому, что пахотной земли в горах было чрезвычайно мало. Поэтому она не могла распасться на барскую и крестьянскую, и экономические отношения между феодалами и крестьянами не могли быть построены исключительно на основе ханского земельного надела под пашню. Землею под пашню в горах наделялась совсем незначительная часть зависимых крестьян.

В горах феодальная собственность на землю складывалась не так, как на плоскости у кумыков. Земель для пашенного земледелия в Аварии и Лакии было мало. Да и сама система хозяйства в ней выдвигала на первый план пастбищные земли, а не пахотные. Можно смело утверждать, что пастбищные земли, сосредоточенные в руках горских феодалов, служили одним из главных средств принуждения крестьянского населения к отбыванию повинности внутри ханства и вместе с тем распространения феодальных прав на население соседних вольных обществ.

На базе сосредоточения лучших пастбищных (в первую очередь) и пахотных земель в нагорном Дагестане происходил рост ханско-бекского землевладения.

Другое дело на плоскости, в кумыкских феодальных княжествах, где имелись обширные земельные пространства под пашню. Здесь имело место сплошное наделение феодалами крестьян землей. В хозяйстве шамхала Тарковского и других кумыкских феодалов орудием эксплуатации является прикрепление работника к земле, наделение его землей. По свидетельству местного этнографа, еще в середине XIX в. «все жители кумыкского владения» занимались «полевыми работами или на землях княжеских, или на узденских, или же на собственных»².

В уцмийстве кайтагском организация феодального хозяйства строилась на сочетании пахотных и пастбищных земель. Крестьяне Нижнего Кайтага, т. е. теркеменцы, наделялись феодалами землей. Они работали на своего феодала и на наделенной земле для себя. В то же время кайтагские феодалы являлись собственниками зимних пастбищ. С помощью этого вида собственности они эксплуатировали и население Верхнего Кайтага.

Итак, хозяйство дагестанских феодалов обслуживалось прежде всего наделенными землей непосредственными производителями — крепостными крестьянами.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 65.

² Кумык. Рассказ кумыка о кумыках. Газ. «Кавказ», 1848. № 40.

¹ Н. П. Тульчинский. Поземельная собственность и общественное землепользование на кумыкской плоскости. (Краткий исторический очерк, составленный по официальным источникам). Владикавказ. 1903, стр. 6.

² С. Ш. Гаджиева. Земельные отношения у кумыков в первой половине XIX в. Махачкала. 1954, стр. 6—7.

³ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Ленинград. 1949, стр. 230—232.

В. И. Ленин писал: «Основной признак крепостного права тот, что крестьянство... считалось прикрепленным к земле, — отсюда произошло и самое понятие — крепостное право»¹.

По нашим подсчетам, на основании изучения материалов дошедших до нас, крепостные и рабы были сосредоточены в 200 с лишним населенных пунктах². Число крепостных и рабов постоянно пополнялось за счет военнопленных.

Феодальное хозяйство в Дагестане представляло собой «самодовлеющее, замкнутое целое»³, очень слабо связанное с рынком и направленное исключительно на удовлетворение потребностей ханского дома за счет труда крепостных крестьян. В резиденции аварских ханов — Хунзахе имелись кузнецы, башмачники и ткачи, мастера по льняным и конопляным материям. В окрестностях Хунзаха делали шубы (Батлаич), бурки и войлок (Сиух), медную утварь (Гоцатль).

Каждый из феодалов стремился обеспечить всем свои хозяйственные нужды за счет труда крепостных крестьян и зависимых узденей. Крепостные выходили на барщину, пасли скот, изготовляли для владетелей предметы домашнего обихода, несли съестные припасы. В показаниях поверенных от южнотабасаранских селений Хурзук, Чулак, Бургай-кент, Экендил, Гегнах, Хурюк, Джарах и Кянзир дается следующее описание положения раятов при майсумах: «Если в прежние времена имели право суда относительно раят; виновных раят наказывали и штрафовали». В пользу майсума взыскивалась «хлебная подать со всяких раятских селений» по «одной сабе пшеницы и одной сабе ячменя. На работы выходили только эврезом⁴. Эврез делали как майсумы, так и беки. Когда эврез делал майсум, то выходили и беки, которые, хотя сами не работали, но распоряжались работами. Эврез делали: жали хлеб один день в году, один день доставляли на хирман снопы по одной арбе с двора и по одной же арбе в течение года доставляли дрова. Это делали как для майсума, так и для беков... При постройке дома бека материал заготавливал он сам, а жители доставляли лес и камень эврезом. Казмы⁵, саманники и заборы... делали эврезом как для бека, так и для майсума»⁶.

В раятских селениях: Мугатыр, Марага, Геменды, Задвана и Бельгада перечень отбываемых повинностей бекам доходил до

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 443.

² По официальным данным на 10 августа 1910 г. в Дагестане (без Хасавюртовского и Дербентского округов) насчитывалось 98 крепостных селений с общим населением свыше 70 тысяч человек. См. «Земельные отношения в дореволюционном Дагестане», «Красный архив» № 6, 1936, стр. 106—107.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158.

⁴ Эврезом — коллективный выход.

⁵ Казма — загон для овец.

⁶ Справка по законопроекту о прекращении зависимых отношений крестьян, стр. 16.

30 и 40 видов¹. В карачиевских селениях (у кумыков) уздени обязаны были для своих беков весной и осенью «по одному дню выходить на распашку земли», один день выходить на жатву, весной при прогоне баранов в горы сдавать по одному барану с каждого товара (стада), при женитьбе сыновей бека или при выходе замуж его дочерей сдавать ему в качестве «харзы»² по одному барану, по смерти бека собирать с каждого аула по 40 рублей и по одной арбе дров с каждого дома³.

Особенно жестокой эксплуатации подвергнуты были раяты в Кара-Кайтаге. Они несли до 35 различных податей и повинностей⁴.

Неограниченной властью в своем владении пользовался султан Елисуйский Ахмед-хан. В полной зависимости от него были селения Ках, Алибегло, Мешабаш, Онджало, Бабало, Катапан, Шатовар, Алмало и Суекент. Жители Мешабаша платили султану часть урожая за пользование участком земли, принадлежавшей султану. По повелению султана, мешабашцы платили бекам с каждого двора по четыре тагара и по 1¹/₂ истиля⁵ шелка. В случае свадьбы в доме бека, подвластные ему дворы мешабашцев обязаны были приносить по одному барану⁶.

Приведенный материал по дагестанским ханствам о различных формах господства и порабощения в Дагестане только частично проясняет существо вопроса об основной производительной силе в ханских хозяйствах. В дополнение к тому, что было уже сказано по этому вопросу, необходимо еще добавить, что в ханствах (Аварском и Казикумухском) в одном случае крестьянское хозяйство составляло экономическую ячейку хозяйства феодала, а в другом случае, когда речь шла не о крепостном, а узденском крестьянском хозяйстве, этого нельзя сказать. Мы сталкиваемся и с таким фактом, когда ханы и беки сохраняли владельческие права на землю сельской общины в целом и каждого общинника в отдельности. В этом случае крестьянин внутри общины продолжал по своему усмотрению распоряжаться мюльком. Он мог покупать, продавать, закладывать свой участок без разрешения на то хана и бека. Однако, это ни в коем случае не должно было затрагивать основного феодального права на взимание ренты.

В Кайтаге и в ханствах нагорного Дагестана один и тот же

¹ Комиссия для окончания сословно-поземельных дел в частях Кавказского края военно-народного управления. ЦГА Грузинской ССР, д. 12, лл. 1—12.

² Харзы — приношения.

³ Управление жителей Присулакского наибства по их местным адатам. Рукопись относится к первой половине XIX века. РФДНИИЯЛ, дело № 170, стр. 18.

⁴ Комиссия для окончания сословно-поземельных дел. ЦГА Грузинск. ССР, д. № 12, стр. 13—18.

⁵ Истиль — ²/₃ фунта.

⁶ Бывшее Елисуйское султанство. ССКГ, вып. VII, стр. 18—20.

крепостной крестьянин иногда владел и наделом земли, полученным от феодала, и своим мюльком. В данном случае рента отбывалась только с той части земли, которая принадлежала феодалу. Иначе говоря, мюльк был свободен от феодальных повинностей.

В тех же ханствах нагорного Дагестана наряду с крепостными (раяты, чагары) и рабами (лаги) имелись крестьяне условно-неполноправные (уздени второстепенные и третьестепенные). Кроме всего этого, в ханствах между феодальным собственником и крепостным крестьянином стоял свободный уздень.

Все эти виды земельной ренты и различные формы зависимости в Дагестане вытекали из тех форм собственности на средства производства, которые господствовали в ханствах и вольных обществах.

4. ОБ ИММУНИТЕТЕ В ДАГЕСТАНСКИХ ХАНСТВАХ

Обычно в прямую связь с формой земельной собственности ставится вопрос о политической власти над населением принадлежащей феодалу территории. Хотя и в Дагестане материальной основой иммунитета была феодальная земельная собственность, но в отношении иммунитетных привилегий бекского землевладения этого сказать мы не можем. В Аварии и Казикумухе иммунитетные права беков (т. е. права феодалов на суд и управление) были ограничены. Ограничены эти права были не потому, что беки уступили часть своих прав хану. Мы убеждены, что в ханстве степень полноты иммунитета вовсе не зависела от положения беков как землевладельцев в системе феодальной иерархии.

Мы не сомневаемся в том, что аварские и казикумухские беки являлись вассалами ханов. Мы располагаем достаточными фактами, говорящими о том, что беки являлись на службу по требованию ханов, выходили в поход со своим ополчением, участвовали в ханских усобицах без всякой платы¹. В этом мы не видим ничего удивительного. Тут беки придерживались общепринятых отношений сипхора к своему сюзерену.

Община в Дагестане не была уничтожена. Отдельные крестьяне наряду с наделом имели все еще и мюльк. Беки жили в среде узденства, у которого была своя организация и свои порядки. Беки в своих владениях вынуждены были считаться с пережитками старого строя.

Таким образом, отличительной чертой иммунитетных прав беков в ханствах Аварском и Казикумухском являлась их ограниченность. Поскольку бек являлся собственником земли, полученной крестьянином в качестве надела, он обладал определен-

ной властью над крестьянином. Бек обладал полным правом на взимание ренты со всех феодально-зависимых крестьян, но его исполнительная судебная власть и право суда на всех людей, живущих в джамаатах, входивших в бекство, в известной мере была ограничена, т. к. там, кроме феодально-зависимых крестьян, находились лично свободные крестьяне и т. п. Так что о ханствах нагорного Дагестана мы не можем сказать, что внеэкономическое принуждение — этот необходимый атрибут феодальной системы производственных отношений, получил всестороннее проявление.

Важным этапом в развитии феодального иммунитета явились XVIII—XIX века. В ханствах нагорного Дагестана наступает период феодальной раздробленности. Процесс этот в Дагестане был вполне закономерным и связан он был с дальнейшим развитием феодального способа производства и расчленением относительно единых ханств на мелкие ханства и бекства. Таким путем выделились из Аварского ханства Гочатлинское и Сиухское и ряд бекств. Из Казикумухского ханства выделилось ханство Кюринское и образовалась особая ветвь бухиханских беков. Это в свою очередь привело к появлению самостоятельных феодальных центров, к росту крупного землевладения и укреплению власти феодальной знати на местах.

Процесс феодального раздробления в Кумыкии совершился значительно раньше, чем это наблюдалось в нагорном Дагестане. Политическое обособление отдельных феодальных центров обеспечило кумыкским феодалам на основе владения землей возможность применения средств внеэкономического принуждения непосредственных производителей без тех ограничений, в рамки которых были поставлены беки в ханствах Казикумухском и Аварском. Кумыкские беки в своих владениях обладали правом иммунитета, т. е. правом феодала на суд и управление.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

В настоящей работе мы выбрали пять основных объектов изучения: Авария, Кумыкия, Лакия, Кайтаг и Акуша. Эти земли были населены аварцами, даргинцами, кумыками, лаками, кайтагами и большим количеством мелких этнических групп. Каждая из этих дагестанских земель имеет свои интересные этнографические особенности.

Приведенные выше данные, касающиеся специфики феодализма и политической истории по народностям Дагестана, позволяют сделать ряд общих выводов:

I. Изучая общественно-экономические и политические отношения в XVIII и начале XIX веков у каждой из этих народностей мы выяснили, что каждая из них имела свой особый строй социально-экономических отношений. Эти отношения у кумыков не

¹ Неверовский. Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях, СПб. 1847, стр. 23.

были похожи на аварские, аварские не похожи на даргинские, а даргинские в свою очередь не похожи на лакские. У одних народностей Дагестана, в силу местных социально-экономических условий, рано образовалась феодальная знать и зависимая категория крестьян, а у других народностей в силу тех же причин значительно запоздало складывание классовых отношений. В то же время историю аварцев, даргинцев, лакцев и др. невозможно оторвать от истории остальных народностей и этнических групп Дагестана. Помимо общехозяйственных моментов развития между ними было много общего в этническом и культурном отношениях.

2. Дагестанские ханства являлись носителями различных видов земельной собственности. На землях, расположенных в глубине Дагестана, сохранились в более живучем виде дофеодальные формы собственности, а ближе к морю в основном наблюдалось единообразие в поземельных отношениях.

Общественное положение дагестанских ханов и беков определялось, прежде всего, наличием в их распоряжении средств производства, в частности, пахотных и пастбищных земель. Из собственности на землю вытекали политические права дагестанских феодалов в отношении феодально-зависимого населения Дагестана. При этом необходимо иметь в виду, что в ханствах собственность на землю не составляла монополии господствующего класса. В Дагестане можно было проследить разные формы феодальных отношений.

3. Не везде труд крепостного крестьянина играл в феодальном Дагестане одинаковую роль. В горных феодальных владениях, там где возможности для земледелия были ограничены, наряду с крепостными, основная масса феодально-зависимого населения состояла из узденей. На плоскости и в предгорье, где земля плодородна, крепостные порядки вполне оформились и основное ядро феодальной эксплуатации составляли райяты и чагары. В ряде ханств между феодальным собственником и крепостным крестьянином стоял еще и свободный уздень.

4. Общей для всех дагестанских феодальных владений и преобладающей рентой являлась рента натуральная. Отработанная рента, наряду с рентой натуральной, занимала господствующее положение в кумыкских княжествах, нижнем Кайтаге, майсумском Табасаране и в ханстве Дербентском. В феодальном хозяйстве Дагестана денежная рента была крайне неразвита и районы ее распространения были ограничены.

5. Следует отметить особое место ренты, взимавшейся с пастбищ или с кутанов. Рента с пастбищ¹ — это важный источник доходов дагестанских феодалов. Шамхал и уцмий — обла-

датели крупнейших зимних пастбищ извлекали немалую прибыль от сдачи этих пастбищ горцам в аренду. В горах основную роль играли не кутаны, а пастбищные горы. Для примера можно сослаться на мехтулинское ханство. Здесь к концу XVIII века одному только хану Ахмеду досталось по наследству шесть кутанов и двадцать две пастбищные горы, да сам он купил еще один кутан у кафыр-кумухского Эльдар-бека. То, что Ахмедхан имел и горы, и кутаны — не удивительно, ибо по своему расположению его владение являлось не только предгорным, но и связанным с плоскостью. У лаков, аварцев, кайтагов рентой с пастбищ облагались не отдельные семьи, а целые общины и вольные общества.

6. За исключением кумыкских княжеств и Дербентского ханства, иммунитет в остальных дагестанских ханствах не получил достаточно полного развития.

7. Укрепление феодальной собственности на землю в Дагестане шло в двух направлениях. С одной стороны, по линии расхищения крестьянских джамаатских земель и с другой стороны за счет захвата неосвоенных земель. На плоскости у кумыков, кайтагов, дербентцев имелись большие неосвоенные земельные пространства.

8. На территории Дагестана значительная часть населения группировалась по вольным обществам. Вольное общество — это первое политическое образование населения, находившегося на пути классового образования. В рассматриваемое время одна часть населения дагестанских вольных обществ жила в условиях разлагавшейся сельской общины, а другая часть населения жила в условиях раннефеодального строя. Своеобразной чертой этого строя был переходный характер общественных отношений от формы производственных отношений, основанных на общественной собственности на средства производства, к производственным отношениям, основанным на феодальной собственности.

9. Термином джамаат в Дагестане обозначалась сельская община. В ханствах нагорного Дагестана наблюдались джамааты двух типов. С одной стороны, — джамаат, находившийся в феодальной зависимости. В таком джамаате имелся ханский уполномоченный, и население полностью находилось в зависимости от феодалов, но он все еще сохранял свое старое устройство. С другой стороны на территории ханства имелись джамааты, независимые от феодалов или частично находившиеся в зависимости. Наличие джамаата в составе ханств составляло одну из специфических черт феодальных отношений в Дагестане.

10. Правильное решение вопроса об образовании дагестанских народностей зависит от степени изученности социально-экономической и политической истории народностей и этнических групп Дагестана. Так, например, у даргинцев, стоявших на начальных ступенях классового образования, к этому времени сохранились в виде пережитка еще старые племенные территориальные связи.

¹ Впервые на особое место ренты с пастбищ в Дагестане обратил внимание проф. С. В. Юшков в своей статье «К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане».

Даргинское население продолжало группироваться по вольным обществам. Вольные общества, хотя иногда объединялись для совместных выступлений, не представляли собой единого политического целого.

Значительно более сложным нам представляется вопрос и об аварской народности. В одной части Аварии сложилась феодальная политическая надстройка. В этой части Аварии основными этническими элементами в образовании аварской народности выступают «маарулалы» и «андалалы». В других частях Аварии население группировалось по вольным обществам. Вольные общества управлялись изолированно друг от друга. Каждое вольное общество говорило на самостоятельном языке или на своем диалекте. Не было единого языка для всех аварцев. Аварцы оставались разобщенными экономически и культурно.

В процессе образования лезгинской, табасаранской, рутульской народностей имелись свои особенности, отличающие их от аварцев, лакцев и кумыков.

11. Дагестан, кроме Кумыкии, не знает практики дачи земли бекам под условием службы. В ханствах больше в практике было получение земель беками по наследству или по дару (назру) от своего отца. Причем при передаче этих земель хан только отказывался от доходов, получаемых с этих земель в пользу того или иного бека, но об отказе от остальных прав нам не удалось что-либо установить.

Земли под условием службы, как правило, давались узденям и другим знатным лицам не бекского происхождения.

12. Классовые отношения в Дагестане характеризовались своей несовершенностью. Процесс дифференциации между классом феодалов и классом крестьян не завершен. В одной части страны мы имели очень сложную социальную градацию сельского населения, а в другой части она ограничивалась двумя ступенями. В то же самое время наблюдалась простая, несложная феодальная лестница при почти полном отсутствии служилых групп.

13. Положение ханов и беков в Дагестане выглядело не везде одинаково. Одна часть феодальных правителей пользовалась большей или меньшей свободой власти в своих владениях, другая оказывалась сильно ограниченной в этих правах в силу общественных отношений и обычаев, господствовавших в их владениях. Ханства друг от друга отличались и различной формой политического устройства.

В Кумыкии шла ожесточенная борьба против княжеской власти между шамхалом и остальными беками. В Аварии и Кайтаге ханская власть опиралась на верхушку узденских джамаатов. Казикумухский хан к началу XIX века приобрел в ханстве большую власть. В Юждаге получило дальнейшее развитие крепостное право и усиление ханской и бекской власти.

14. Развитие феодальных отношений в Дагестане усилило классовые противоречия и вызвало антифеодальные восстания как в ханствах, так и вольных обществах.

* *
*

Общественный строй Дагестана, который не мог быть отнесен к какому-либо одному типу производственных отношений, обуславливал и тот факт, что в политическом отношении весь Дагестан дробился на множество ханств и полуфеодально-полупатриархальных образований. Установившийся в литературе вывод в том, что в Дагестане — в целом господствовали патриархально-феодальные отношения — правилен. В то же время мы замечаем различия в степени зрелости этих отношений у отдельных народностей Дагестана. Некоторые из них в своем развитии пошли дальше патриархально-феодальных отношений. Так, например, если у аварцев, лакцев, кайтагов господствовали патриархально-феодальные отношения, то этого, по нашему мнению, сказать нельзя о кумыках или о кюринцах, самурцах и населении дербентского и мехтулинского ханств. Нет никакого сомнения, что в рассматриваемое время кумыки и отчасти лезгины переживали более высокую ступень феодального строя. Можно утверждать, что для ряда народностей Дагестана патриархально-феодальный строй в их развитии — это уже пройденный этап. В то же время еще в начале XIX в. феодальные отношения аварцев, лакцев, даргинцев, рутульцев переплетались с патриархальными отношениями, с родовыми пережитками.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПРИЛОЖЕНИЯ

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

Адат — обычай, закон, постановление (общедар.).
 Алым — особая плата, взыскиваемая в пользу родственников убитого вскоре по совершении убийства (общедар.).
 Аталык — воспитатель детей (кум.).
 Барамтай — право истца силой отнять какую-нибудь вещь взамен полагающейся стоимости (кайтаг).
 Баруман — помощник стражины (дарг.).
 Батман — один батман = 6 ф.
 Бахгабанте — общинники, сельчане (дарг.).
 Бегаулал — старшина (авар.).
 Бек, бег — феодал, крупный землевладелец (общедар.).
 Белад — предводитель отряда.
 Бий — князь (кум.).
 Бийлик — княжество (кум.).
 Бийлеу — владение, земельный участок.
 Билха — барщина у кумыков, товарищеская взаимопомощь у даргинцев.
 Бо — народ, войсковая единица, вольное общество (авар.).
 Будун — священник, помощник кадия.
 Вакия — I вакия = 1/2 ф.
 Вакфу — форма мечетской собственности.
 Вали, Валий — начальник вилаяти, губернатор. В Дагестане повелитель.
 Везир — советник, министр.
 Векил — уполномоченный, доверенный.
 Гвай — товарищеская взаимопомощь (авар.).
 Даршубарк — примирение, маслигат (дарг.).
 Диван — совет при хане или просто суд.
 Дият — плата, получаемая за согласие простить убийцу.
 Джамаат — сельская община, сельский сход, собрание.
 Жинс — племя, род (дарг.).
 Закат — налог, повинность в пользу мусульманского духовенства.
 Ишкил — право истца силой отнять какую-нибудь вещь взамен полагающейся стоимости (кумык.).
 Кадий — судья по религиозным делам в селениях, предводитель в вольных обществах. В Табасаране, Акушах, Цудахаре кадии — владетельные феодалы.
 Кара — умышленное действие (дарг.).
 Кьам — племя, род (дарг.).
 Кьат — народное собрание (лак.).
 Кьисас — возмездие (дарг.).
 Ксбин — условная плата, даваемая мужчиной женщине перед свадьбой (кумык.).

Кебни-талах — клятва, означавшая, что если он скажет неправду, то брак его будет незаконным и жена должна оставить его, получив все, ей причитающееся (кумык.).

Кевха — старшина (южнодагест.).

Казма — зимовище, землянка.

Канлы — кан — кровь, кровный враг, изгнанник из аула по убийству (кумык.).

Карт — почетный, влиятельный старец (кум.).

Кул — раб (кум.).

Кутан — зимовник, пастбища (общедар.).

Лак — раб (общедар.).

Магал — округ.

Магалу — название феодальной ренты (авар.).

Мангуш — сельский полицейский, глашатай (общедар.).

Маслигат — примирение, постановление (общедар.).

Мирза — секретарь (общедар.).

Мурза — дворянин (кум.).

Мюльк — недвижимая и движимая собственность.

Назир — казначей в ханствах.

Назру — обет, завещание в вольных обществах, бенефиций, лен в ханствах.

Наслу — племя, род (дарг.).

Нукер — слуга, полицейский, стражник.

Нуцал — хан, князь (авар.).

Пашалык — область.

Ратал — один ратал = 6 ф. (дарг.).

Рустал-Кудияв — сельский староста (авар.).

Сераскир — главнокомандующий войсками.

Табун — племя (кум.).

Тайпа — племя (кум.).

Тлибил — семейная община (авар.).

Талкан — феодал, землевладелец (дарг.).

Тусев — соприсяжник, назначаемый для оправдания или обвинения подозреваемого (кум.).

Тургак — сельский полицейский, глашатай (кум.).

Тухум — семейная община, родственный коллектив (общедар.).

Цега — запрет, постановление (дарг.).

Фирман — указ, приказ султана или шаха.

Хикиб — кровный враг, изгнанный из аула за убийство (дарг.).

Хиуреба — народ, войсковая единица, вольное общество (дарг.).

Чалтык — рис.

Чанки — дети от неравных браков ханов и беков.

Чоуш — сельский глашатай.

Чухбы — почетные люди, судьи (авар.).

Шехолал — главный в селе, сельский староста (дарг.).

Шигарт — один шигарт = 3 ф. (дарг.).

Эмчек — молочный брат (кум.).

Юзбаша — старшина.

Ясак — дань, подать (кум.).

Ятаг — летние пастбища.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКАК — Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией.
 АДЗО — Адаты Дагестанской области и Закатальского округа.
 ВУА — Военно-ученый архив.
 Ген. — генерал.
 ИИРГО — Известия императорского русского географического общества.
 ИКИАИ — Известия Кавказского историко-археографического института в Тифлисе.
 КВ — Кавказский вестник.
 КК — Кавказский календарь.
 Колл. ин. дел. — Коллегия иностранных дел.
 Л. — лист.
 М.-Л. — Москва — Ленинград.
 МИД — Министерство иностранных дел.
 Напр. — например.
 Полк. — полковник.
 Подполк. — подполковник.
 ЦАВП — Центральный архив внешней политики.
 ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов.
 ЦГВИА — Центральный Государственный военно-исторический архив.
 ЦГА Грузии, ССР. — Центральный Государственный архив Грузинской ССР.
 ЦГА Дагест. ССР. — Центральный Государственный архив Дагестанской АССР.
 РФДНИИЯЛ — Рукописный фонд Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.
 СПб — Санкт-Петербург.
 ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах.
 СМОПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
 ф. — фонд.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Введение	6
Источники и научная разработка проблемы.	
Глава I.	
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ АВАРСКИХ ВОЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ	
1. Хозяйственный и общественный строй аварских вольных обществ	
§ 1. Вопрос о характере производственных отношений в вольных обществах	31
§ 2. Джамаат	42
§ 3. Тлибил	50
§ 4. Класс привилегированных землевладельцев	54
§ 5. Сельское население вольных обществ	57
2. Политический строй аварских вольных обществ	
§ 1. Аварское «бо» и территориальное устройство воль- ных обществ	60 ✓
§ 2. Органы власти вольного общества	66
§ 3. Органы управления джамаата	69
§ 4. Взаимоотношения между джамаатами и ханствами	74
§ 5. Столкновения между вольными обществами. Набеги и войны	76
§ 6. Правовые отношения вольных обществ	80
Краткие выводы	83
Глава II.	
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ АВАРСКИХ ХАНСТВ	
1. Общий исторический обзор	
§ 1. Ханство Аварское	85
§ 2. Ханство Мехтулинское	87
§ 3. Сиухское ханство	89
§ 4. Гоцатлинское ханство	90
2. О феодальной собственности на землю в Аварии и феодаль- ной эксплуатации крестьян в аварских ханствах	91
3. Класс феодалов и категории феодально-зависимого населения	104
§ 1. Класс феодалов	104
§ 2. Класс крестьян	105

4. Политический строй	
§ 1. Вопрос о политической форме аварского ханства	107
§ 2. Ханская власть	108
§ 3. Органы власти и управления	111
Краткие выводы	113

Глава III.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДАРГИНЦЕВ

1. Территориальное устройство даргинских вольных обществ	115
2. Структура джамаата	119
3. Тухум и его место в общественном устройстве	122
4. Формы земельной собственности в джамаате	127
5. Полупатриархальный, полуфеодалный характер общественных отношений в вольных обществах	130
Краткие выводы	141

Глава IV

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КУМЫКОВ

1. Общий исторический обзор

§ 1. Шамхалство Тарковское	143
§ 2. Буйнакский бийлик	151
§ 3. Эндриевский бийлик	152
§ 4. Аксаевский бийлик	154
§ 5. Костековский бийлик	155
§ 6. Эрпелинский бийлик	156
§ 7. Карабудахкентский бийлик	156
§ 8. Баматулинский бийлик	156
2. Особенности экономического развития кумыкской земли	157
3. Классовая структура	167
а) Класс феодалов	
§ 1. Шамхал	168
§ 2. Бек	169
§ 3. Чанка	173
§ 4. Сала-уздени	173
§ 5. Мурза	175
§ 6. О духовенстве	177
б) Класс крестьянства	
§ 1. Догерек-уздени	177
§ 2. Кара-уздени и Азат-уздени	178
§ 3. Чагары	179
§ 4. Кулы	181
4. Политический строй	
§ 1. Государственное устройство	182
§ 2. Органы власти и управления	185
§ 3. Местные власти	194
5. Доходы шамхала	196
6. Военная организация	198
Краткие выводы	199

Глава V.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАЙТАГОВ

1. Общий исторический обзор	201
2. Особенности в экономическом строе кайтагов	205
3. Общественные отношения	217
а) Класс феодалов	
§ 1. Уцмиш	222
§ 2. Бек	223
§ 3. Джанка-беки	226
§ 4. Джанка	226
б) Класс крестьян	
§ 1. Уздени	227
§ 2. Раяты	228
§ 3. Таты	229
§ 4. Чагары	230
§ 5. Кулы	230
4. Политический строй	
§ 1. Государственное устройство	231
§ 2. Органы власти и управления	242
§ 3. Джамаат	250
§ 4. Доходы уцмиев	252
§ 5. Военное устройство	253
Краткие выводы	255

Глава VI.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЛАКОВ

1. Общий исторический обзор	257
2. Особенности в экономическом строе лакос	261
3. Общественное устройство	271
4. Политический строй	
§ 1. Государственное устройство	281
§ 2. Органы власти и управления	283
Краткие выводы	292

Глава VII.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ В XVIII И НАЧАЛЕ XIX ВВ.

1. К постановке вопроса о классовой борьбе в Дагестане	293
2. Классовая борьба в Южном Дагестане	
§ 1. Восстание в Дербенте в 1747—1757 гг.	300
§ 2. Борьба южнодагестанских крестьян с лакскими феодалами	301
§ 3. Борьба ахтиларинского вольного общества	302
§ 4. Волнения в Дербентском ханстве в конце XVIII и начале XIX века	303
3. Классовая борьба в Кайтаге	
§ 1. Восстание теркемеев в 1752 году	305
§ 2. Борьба узденей даргинских сельских общин с кайтагскими феодалами	306
§ 3. Волнение кайтагов в конце XVIII века	306
§ 4. События в Маммазуле в середине XVIII века	308

4. Классовая борьба в Аварии	
§ 1. Восстание харахинцев и амештинцев	308
§ 2. Волнения среди тукитинцев	308
§ 3. Восстание инховцев	309
§ 4. Столкновение шуланинцев с согратлинскими барановодами	309
§ 5. Борьба оротинцев с землевладельцем Ачакилавым	309
§ 6. Восстание оротинцев против Умма-хана	310
§ 7. Выступление геничутлинцев против хунзахского кадия	311
5. Классовая борьба в Казикумухском ханстве	
§ 1. Восстание табахлинских узденей	311
§ 2. Покушение на хана в Тулезме	312
§ 3. Борьба унчукатлинцев и карашинцев с лакским ханом	312
6. Классовая борьба в кумыкских феодальных владениях	
§ 1. Восстание крестьян в 1735 г. в шамхальстве Тарковском	313
§ 2. Восстание губденцев в 1795 году	313
Заключение	314

Глава VIII.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ ИРАНСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

1. Борьба дагестанского народа в начале XVIII века против иранского владычества	316
2. Иранское нашествие в Дагестане в 30-х годах XVIII века	319
3. Подъем народно-освободительного движения в Дагестане и крах авантюры Надир-шаха	321

Глава IX.

РУССКО-ДАГЕСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVIII И НАЧАЛЕ XIX ВВ.

1. Русско-дагестанские отношения в первой половине XVIII века	331
2. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII века	351

Заключительная глава

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА XVIII И НАЧАЛА XIX ВВ.

1. Общая характеристика дагестанских ханств и вольных обществ	365
2. Население и его занятие	373
3. О феодальном землевладении в Дагестане и об основной производительной силе в ханских хозяйствах	385
4. Об иммунитете в дагестанских ханствах	394
Общие выводы	395

Приложения

1. Словарь местных слов, встречающихся в тексте	402
2. Список сокращений	404

